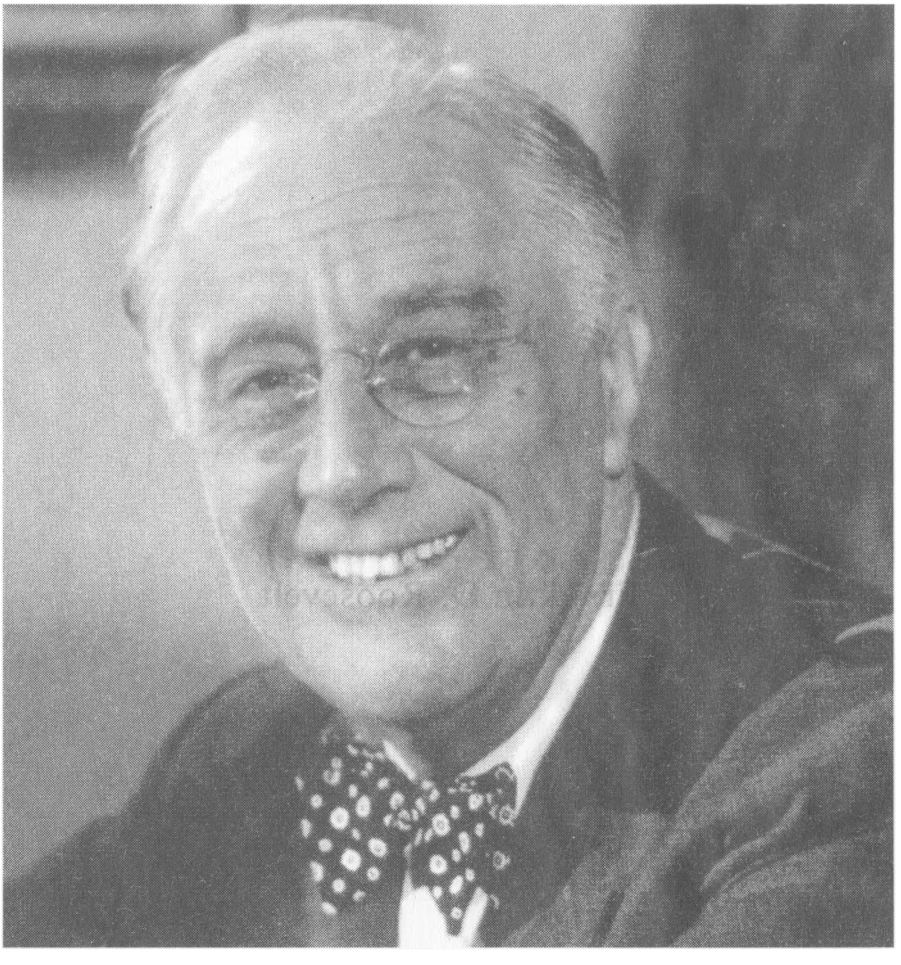
А.И.Уткин

РУЗВЕЛЬТ

Franklin D. Roosevelt

Солидарность – вот ключевое слово.
С нею мы смело можем не бояться
ничего, кроме самого страха.

А.И. Уткин

РУБВЕЛЬТ

Москва • «Логос» • 2000

УДК 94(73)(092)+929Рузвельт
ББК 66.3(7Сое)8
У84

Федеральная программа книгоиздания России

Уткин А.И.

У84 Рузвельт. — М.: Издательская корпорация «Логос», 2000. — 544 с.

ISBN 5-88439-014-9

Книга посвящена одному из величайших государственных и политических деятелей XX века, во многом определившему облик современной эпохи. Франклин Делано Рузвельт был избран президентом Соединенных Штатов Америки в самую тяжелую пору Великой депрессии. Ему не просто удалось преодолеть этот кризис — он вернул американцам веру в собственные силы и превратил свою страну в мирового лидера. Именно Рузвельту принадлежат выдающиеся заслуги по созданию антигитлеровской коалиции. В книге раскрыты незаурядные личные качества Рузвельта, присущий ему образ мысли и действия, показана насыщенная событиями жизнь этого выдающегося человека. Достоверность и полнота фактического материала сочетаются с глубоким психологическим анализом внутреннего мира президента и атмосферы в его окружении, художественными достоинствами изложения. Реформаторская деятельность Рузвельта, разработанный им Новый курс дают исторический пример решения клубка сложнейших проблем, подобных тем, которые встали ныне перед Россией.

Для широкого круга читателей. Представляет особый интерес для государственных, политических деятелей и специалистов аналитических центров, занятых проблемами внутренней и внешней политики, а также исследователей современной истории.

ББК 66.3(7Сое)8

ISBN 5-88439-014-9

© Уткин А.И., 2000
© «Логос», 2000

Оглавление

Предисловие 5
Введение 6
Глава первая. **Гайд-Парк, Гротон, Гарвард** 12
Мир детства *13*. Гротон *18*. Пример другого Рузвельта *20*. Империализм *22*. Гарвард *24*. Элеонора *29*. Нью-Йорк *31*
Глава вторая. **По стопам Теодора Рузвельта** 34
Политика *35*. Первая кампания *36*. Боссизм *39*. Вильсон *42*. Вашингтон *47*. Мировая война *54*. К победе *57*. Мировая дипломатия *61*. Первая попытка *64*
Глава третья. **Печаль этой жизни** 71
Трагедия *71*. Возвращение *76*. Грозные двадцатые *82*. Губернатор *86*. Великая депрессия *91*. Путь в Вашингтон *93*. Президент *101*
Глава четвертая. **Выход на национальную арену** 104
Зима тревоги *104*. Новый курс *109*. Стиль Рузвельта *116*. Противники *123*. Внутренняя арена *129*. Второе президентство *135*. Против косности *139*. Увидеть страну *142*
Глава пятая. **Внешний мир** 148
Изоляционизм *149*. Кризис в Европе и Азии *153*. Признание России *156*. Нейтралитет *161*
Глава шестая. **Канун мирового конфликта** 169
Иллюзии иссякают *170*. Карантин *172*. Мюнхен *176*. Америка пробуждается *180*
Глава седьмая. **Дорога к Пирл-Харбору** 184
Отмена эмбарго *185*. Странная война *189*. Арсенал демократий *197*. Эрозия нейтралитета *202*. «Удар в спину» *207*. Вдали от бурь *211*
Глава восьмая. **Третий срок** 213
Снова в Вашингтоне *215*. Канун выхода на мировые просторы *220*. Азиатское направление *221*. Последствия краха Франции *224*. Токио ужесточает позиции *225*. Ленд-лиз *229*
Глава девятая. **Образование коалиции** 233
Куда пойдет Германия *236*. Тектонический сдвиг *241*. Помочь России *243*. Арджентия *247*
Глава десятая. **От Арджентии до «Трайдента»** 257
Время определить позицию *258*. Америка разворачивает силы *262*. Япония изготавливается *264*. Пирл-Харбор *269*. Отныне — мировая держава *273*. Глобальное видение *275*
Глава одиннадцатая. **Война в Европе и Азии** 285
Рузвельт и Черчилль *287*. По стопам Вильсона *290*. Отступление в Азии *295*. Президент определяет цели *298*. Вашингтон как мировая столица *300*. Сферы ответственности *303*. Восточный союзник *308*. Северная Африка *313*. Новые перспективы *316*. Переломить тенденцию *320*.

Шангри-Ла *322*. Сталинград и союзники *325*. Мысли о будущем *326*. Надир коалиционной войны *328*

Глава двенадцатая. **Пик войны** *331*

«Торч» *334*. Касабланка *342*. Французская проблема *347*. Перелом в войне *350*

Глава тринадцатая. **Выход на мировую арену** *353*

«Манхэттен» *354*. Инспекция страны *356*. Япония заглядывает в бездну *358*. Англия противится судьбе *365*. Второй фронт снова отложен *369*

Глава четырнадцатая. **Тегеран** *372*

Италия выходит из войны *373*. Англосаксы совещаются *376*. Напряжение в коалиции *380*. Дипломатия *384*. Центр или периферия *389*. На советской территории *390*. Великая тройка *392*. Итоги Тегерана *401*. Напряжение войны *404*. «Оверлорд» *407*

Глава пятнадцатая. **Меч объединенных наций** *409*

Новое стратегическое видение *410*. Физическое перенапряжение *412*. Критическое время *414*. Европейский узел *418*. Четвертые выборы *421*. Будущее Японии *425*. Подступы к Ялте *427*. Проект новой структуры мира *431*. Последняя осень *435*. Лидер нации *440*. Новая Европа *442*. Атомная проблема *449*

Глава шестнадцатая. **Ялта** *453*

Военно-промышленный комплекс *456*. Ливадийский дворец *463*

Глава семнадцатая. **Характер — это судьба** *508*

Именной указатель *540*

Предисловие

Жизнь несправедлива. Природа и история, словно провозглашая неравенство, наделяют одних со всей возможной щедростью, отказывая множеству других. И только воля и безмерный труд способны выправить положение. В этом — надежда, и без нее земное существование было бы слишком суровым.

В цвете лет Франклин Делано Рузвельт лишился возможности двигаться, и мир его сознания мог бы сузиться до размеров больничной палаты. Но и будучи парализованным, он нашел в себе огромный запас воли и энергии, не склонился перед лишениями и прожил героическую жизнь, возглавив свой народ в годы экономического кризиса и военной грозы.

Страны как и люди. Неведомый рок лишает их благоденствия, подвергает суровым испытаниям. Великие державы впадают в бессилие, гордые народы познают унижение, сильные единством вступают в фазу губительного раскола, целеустремленные теряют исторические ориентиры.

Когда американский народ в 1932 году доверил Франклину Рузвельту руль государства, страна напоминала тонущий «Титаник»: банки были закрыты, остановились конвейеры, фермеры не засевали поля, миллионные толпы униженно стояли в очередях за бесплатными обедами, организуемыми Армией спасения. С поразительной отвагой Рузвельт отринул устаревшие взгляды, замшелые догмы, барьеры искусственного национального самоограничения. Он отстоял ту великую истину, что пока люди способны бороться с несчастьями, для них нет заведомо непреодолимых преград — ни в общественной смуте, ни во враждебном окружении. Они могут восстановить свое самоуважение. Именно при Рузвельте американцы преодолели экономический кризис, присоединились к антигитлеровской коалиции и приняли участие в разгроме фашизма и японских агрессоров. Именно при нем они перекрыли великие реки дамбами, построили дороги, нашли бездонный запас энергии в делении атома. При нем они порвали с изоляционизмом и стали лидирующей страной мира.

Живой пример вдохновляет. В пору обострения кризиса, оказавшись в границах трехсотлетней давности с экономикой едва ли не начала века, брошенные историческими друзьями и не приобретшие новых, мы спрашиваем о том, каково будущее России. Никто, кроме нас самих,— речь идет о каждом из нас и о достойных нашего народа лидерах — не ответит на этот вопрос, не возродит общественное согласие, не обеспечит подъем экономики и культуры, не приведет к власти мудрых людей, не восстановит веру народа в собственные силы.

...Но потому-то нам особенно интересен Франклин Рузвельт именно сейчас: он руководил Америкой в страшный час самых острых внутренних и внешних угроз, но сумел словом и делом воодушевить нацию, вывести страну из кризиса, превратив США в могучую и влиятельную державу, первенствующую в современном мире. И мы не просто вдохновляемся этим выдающимся примером — мы сознаем, что как раз такие перемены и такие лидеры необходимы сегодня России.

ВВЕДЕНИЕ

Я не верю в лидерство людей, которые не действуют под влиянием глубокой симпатии к тем, кого они ведут за собой,— симпатии, которая является провидением — провидением скорее сердца, чем интеллекта.
Вудро Вильсон, 1918

На перекрестках времени человеку свойственно обретать особую историческую зоркость. В преддверии нового тысячелетия мы вглядываемся в уходящий XX век и осознаем подлинное значение событий, свершений, деятелей недавнего прошлого. В ряду ключевых исторических фигур выделяется Франклин Делано Рузвельт — величайший президент Соединенных штатов Америки XX столетия, один из крупнейших лидеров своей эпохи.

В чем же заключается подлинная природа всемирного признания выдающегося вклада Рузвельта в мировую историю?

Поискам ответа на этот вопрос и посвящена эта книга. То же, что в конечном счете удалось выяснить автору, можно резюмировать одним кратким выводом: Франклин Рузвельт дал вдохновляющий пример решений именно тех проблем, которые и сегодня определяют суть человеческого бытия, сердцевину политики, экономики и общественной жизни — проблем, которые служат для нас как источником величайших надежд, так и причиной глубочайших страданий.

Более того: понимание личности Рузвельта и оснований его политической воли проливает свет на природу современной эпохи и на те пути, которые ведут к лучшему будущему все человеческие общества. Два предельно острых кризиса — Великая депрессия и Великая война — выпали на его долю, и он сумел совладать с ними. Это удалось ему не в последнюю очередь потому, что он проявил исключительную моральную силу, превратив в первейшее национальное достоинство и государственную доблесть сострадание, сочувствие к гонимым и порабощенным не только в своей стране, но и во всем мире. «*Правительства имеют право ошибаться, президенты могут делать ошибки, но бессмертный Данте говорит нам, что бессмертная — Божья справедливость взвешивает грехи хладнокровных и грехи людей с горячей кровью на разных весах. Лучше допускаемые время от времени ошибки правительства, которое живет в духе милосердия, чем постоянная индифферентность правительства, замерзшего во льду собственного безразличия*»,— говорил Рузвельт. Он восстал против механической интерпретации демократии, против отождествления прогресса с техническими

новшествами, против принижения гуманизма как «непрактичной догмы». Вопреки прагматическому (если не сказать циничному) духу своего времени он поставил нужды человека выше любых материальных достижений.

Рузвельт стал руководителем своей страны в момент резкого ослабления ее социальных основ, в эпоху вызванного депрессией 1929—1933 годов расшатывания духовных устоев общества. Испытания того периода не имеют прецедентов в истории США. Ситуация весной 1933 года была в определенном смысле хуже, чем в дни британского нашествия 1814 года, когда англичане оккупировали столицу, хуже, чем после серии побед конфедератов в 1863 году, породивших всеобщее смятение. В год, когда Рузвельт пришел к власти, 15 миллионов безработных стояли в очередях, седьмая часть населения жила за счет благотворительности, 4,5 тысячи банков в стране закрылись, половина сборочных линий автомобильных заводов остановилась. На Великих озерах, вчера кишевших торговыми судами, замерло всякое движение. Были задуты печи, закрыты шахты, ржавело железнодорожное полотно. И стало исчезать то, на чем всегда стояла Америка,— ее упрямая вера в воплощение мечты.

Кто-то должен был найти в себе силы, кто-то должен был сохранить пламя, кто-то должен был сберечь веру в свою страну. Рузвельт вызвал буквально из небытия острое сострадание к лишенным крова, работы, отодвинутым жизнью, к потерпевшим поражение в яростной схватке за выживание. Он дал Америке новую веру в достижимость недостижимого, в спасительность труда, в отчаянное везение тех, кто засучил рукава, чем обеспечил себе неоспоримое место в национальном пантеоне. Он начал наступление на десятке фронтов сразу, и ошеломленный современник записал: «Это словно первый день творения». Мужество Рузвельта, его неиссякаемая энергия, его оптимизм «вопреки всему» — вот что стало вкладом в национальное возрождение. В этом прагматическом экспериментировании Рузвельт следовал лучшим американским традициям, заложенным Томасом Джефферсоном.

Идеи менее важны, чем факты, опыт учит лучше, чем теории. Рузвельт скептически относился к макросоциальным обобщениям и не любил предвзятых идей. Он считал, что жестко декларируемые истины так или иначе заставляют страдать несогласное меньшинство и что жизнь богаче и шире любой догмы. Рузвельт любил эксперименты и говорил, что был бы доволен, окажись он прав лишь на 60 процентов. Его революция 30—40-х годов — это огромная серия практических экспериментов, а не список жертв, сложенных к ногам очередного теоретического либо идеологического Молоха. Идея «должна работать», а не пожирать своих противников. Новая идея социальной защиты не должна препятствовать индивидуальному самовыражению. В век идеологического безумия, в десятилетия левого и правого экстремизма для подобной веры в себя требовалось немалое мужество. Он совершил свою социальную революцию, но не на крови своих жертв, а на пути борьбы

с проблемами. (Он всегда гордился тем, что никогда не использовал силу.) Его знаменем был эмпиризм, а не идеология. И американцы действительно (цитируя Джефферсона) проливали чернила там, где другие с такой ужасающей легкостью проливали кровь.

При Рузвельте Америка вышла за пределы своего полушария. Приняв изоляционистскую, закрытую таможенными барьерами, поглощенную внутренними проблемами страну, он оставил ее активной на четырех континентах ядерной сверхдержавой. Не будет преувеличением сказать, что Франклин Рузвельт произвел революцию во внешней политике своей страны. Трудно найти в истории параллель столь быстрому возвышению одного государства — от квазиизоляции до доминирования едва ли не на двух третях земной суши. Разумеется, материальные предпосылки такого броска Америки к могуществу складывались многими десятилетиями и первое место в индустриальном мире было достигнуто уже в конце XIX века, но реализовать этот потенциал на мировой арене поколению Рузвельта оказалось непросто.

В первые годы правления Рузвельт был связан боязнью правящего класса Америки, напуганного опытом Версаля, перенапрячь силы во внешнеполитической борьбе. Насколько мрачны были перспективы положения США в мире, можно судить по прогнозу высшего военного органа — Объединенного комитета начальников штабов, который на рубеже 30-х и 40-х годов не исключал возможности поражения США в войне и даже потери независимости. В параграфе восьмом документа, подписанного в середине 1941 года председателем Объединенного комитета начальников штабов генералом Маршаллом и адмиралом Старком, прямо говорится, что, «если Германии удастся покорить всю Европу, она может пожелать затем установить мир с Соединенными Штатами на несколько лет, чтобы закрепить свои завоевания, восстановить свою экономику и увеличить свои военные силы, с тем чтобы завоевать Южную Америку и одержать военную победу над Соединенными Штатами. Весьма вероятно, что в течение такого периода «мира» Германия будет стараться подорвать экономическую и политическую стабильность стран Южной Америки и создать марионеточные режимы, благоприятно относящиеся к закреплению на этом континенте германской военной мощи. При этих условиях у Германии будет больше шансов разгромить Соединенные Штаты».

Проложить путь к гегемонии в капиталистическом мире Америке помогли потенциальные соперники. Когда в мае 1940 года немецкие танковые колонны сомкнулись севернее Парижа, повернули на юг и загнали правительство Петэна в Виши, случилось необратимое: Западная Европа стала терять свое место центра мирового политического влияния. В течение трех недель рухнула французская империя, исчезли как силовые узлы мира Голландия и Бельгия, вся энергия Великобритании обратилась на самозащиту. Победа нацизма в невероятно короткие сроки изменила и политическую карту мира. Смогла бы огромная экономическая мощь США трансформироваться в политическое влияние без этого глобального

катаклизма? Возможно, но для этого нужно было бы преодолеть господствовавшие в мире европейские силовые центры. В этой обстановке экономика США встала на путь непрерывного пятилетнего расширения. Началось развертывание 12-миллионной армии, строительство крупнейшего военно-морского флота, самой большой в мире военной авиации.

Власть под руководством Рузвельта получила необычайные полномочия и возможности. Во времена Джорджа Вашингтона президент мог осуществлять свои функции (да еще и жаловаться на скуку, как это и делал первый президент) с небольшим числом помощников. Депрессия 30-х годов и, конечно же, начало мировой войны показали недостаточность прежнего аппарата исполнительной власти. Акт о реорганизации 1939 года способствовал созданию гораздо более масштабной исполнительной службы президента. Хозяин Белого дома обзавелся такими мощными рычагами власти, как Бюро федерального бюджета, Служба экстренного управления и Отдел военной мобилизации и реконверсии. Государственная машина США начала приспосабливаться к колоссальным задачам нового времени. Огромный аппарат федеральной власти находился в полном подчинении хозяина Белого дома. Централизация процесса принятия внешнеполитических решений стала беспрецедентной. Причем Франклин Рузвельт контролировал исполнительную власть дольше, чем кто-либо другой в американской истории,— двенадцать с лишним лет.

Во время жесточайшей из всех войн, когда Франция пала, а Британия одиноко стояла перед ставшим коричневым континентом, Рузвельт сумел преодолеть появившийся у его соотечественников страх и чувство обреченности. Вопреки победам нацизма он провозгласил 6 января 1941 года «четыре присущие человечеству свободы», а через четыре дня вопреки всем традициям ввел ленд-лиз, благо которого почувствовали и Британия, и Россия. Уже в январе 1941 года Черчилль получил заверения Рузвельта: «Мы победим в этой войне вместе. Никаких сомнений на этот счет. Мы пройдем этот путь, заплатив любую цену». Когда Гитлер напал на Россию, Рузвельт провозгласил себя нашим союзником (не забудем этого!). Будь на месте Франклина Рузвельта иной политик, история могла бы пойти другим путем.

Он лидировал в союзной дипломатии, поставил на службу стране такую индустрию и такую армию, подобных которым не имел ни один государственный деятель Америки. Он затронул потаенные струны своего народа, знал нужное слово, знал, *как* мобилизовать огромную силу. Уже в 1940 году Рузвельт отдал приказ о проведении детальных исследований тех проблем, которые должен был принести с собой послевоенный мир. Его, несомненно, волновали открывшиеся перспективы. Глобальный вакуум — вот предпосылка быстрого распространения американского влияния. Не будет большим открытием сказать, что Франклин Рузвельт видел гораздо дальше многих своих соотечественников. Уже в конце 30-х годов он

осознал неизбежность мирового конфликта, а также то, что США не останутся в стороне.

Рузвельт дал Америке социальный мир внутри страны и главенствующее положение вовне, новый социальный порядок и новую международную систему. Он обновил страну, сохранив все лучшее от прежних поколений. Этот человек создал Организацию Объединенных Наций, более эффективную (при всех оговорках), чем прежняя Лига Наций. «У него был дар делать нужное дело в нужное время. И величайший дар вкладывать душу в наиболее позитивные импульсы своего времени»,— сказал великий историк Алан Невинс.

★ ★ ★

Три качества сформировали Рузвельта как государственного деятеля: неутомимое и неистребимое любопытство — ему всегда, и в годы счастливого везения, и в годы несчастий, были бесконечно интересны люди (прежде всего), события, книги, пресса, почтовые марки, старинные офорты, древние монеты — любое свидетельство духа и таланта; несравненная работоспособность — по четырнадцать часов в день; неподражаемое чутье на таланты, умение определять достоинства и возможности окружавших его людей. А они проявляли себя так, как никогда не смогли бы, находясь в орбите другого политического лидера. Он поощрял, прощал, расширял возможности, радовался таланту, в интересах общего дела использовал вклад десятков людей, зная лучше других, как это сделать. По словам Джона Гюнтнера, «он был трансформатором, через который текли энергия и разум множества других людей». Если одним из определений гениальности является способность использовать все возможные обстоятельства, то Рузвельта, несомненно, можно назвать гением. Он, безусловно, был «перфекционистом», верил в прогресс. Стоило ему увидеть Сахару, так сразу возникли планы ее ирригации.

Две особенности в него заложила природа. Уверенность в себе, которую ничто не могло поколебать. Кто-то сказал: «Должно быть, его психоаналитиком является сам Бог». И невероятная память. Однажды, попросив одного из посетителей провести прямую на карте Соединенных Штатов, он, не задумываясь, назвал все штаты и графства, которые пересекла эта линия. Он помнил названия всех улиц в Италии, на которых жил в далекой юности. Как-то во время войны близ побережья Шотландии потонул корабль и не ясна была причина гибели — торпеда или риф. Рузвельт сразу сказал, что это риф, и тут же сообщил глубину погружения этого рифа в пик прилива.

Как личность Франклин Рузвельт был загадкой для современников. В его непосредственном окружении были люди, известные остротой ума и мастерством анализа. Многие из них писали о своем времени и о лидере, олицетворившем эпоху в американской истории. Мы, пожалуй, не найдем на страницах их ярких и часто

вдохновенных книг убедительной для всех «разгадки» Франклина Рузвельта. Но все они писали о том, что жили рядом с редкостным источником энергии. В своей биографии Р.Тагвел, долгие годы наблюдавший Рузвельта, пишет: «Невероятное по натиску движение навстречу своей судьбе едва ли можно объяснить как-либо иначе, кроме как внутренней особенностью реакции на мир. Эту особенность нельзя отнести к специфике ума, к харизматичности или какому-либо другому свойству темперамента или черте характера. Она, эта особенность, заключалась в импульсивной страсти, глубоко пронизавшей его личность и наполненной первобытной энергией, контролировавшей все проявления его деятельности. Оглядываясь на путь Рузвельта, я вижу в качестве наиболее постоянной и поражающей его черты это пламя, которое всегда билось в глубине его личности. Жар, который оно генерировало, не позволял оставаться в покое, несмотря на инвалидность и, конечно же, несмотря на все, что казалось поражением; это пламя вращало турбины с почти безжалостной силой. Его источником совершенно определенно была внутренняя сила, так неодинаково распределяемая между людьми...».

Если Америка сумела вырваться из кризиса и достичь таких результатов, то почему этот опыт не может стать уроком и на нашем тернистом пути перемен. Ведь 160 миллионов (наш масштаб) американцев при Франклине Рузвельте преодолели свои беды потому, что не теряли надежды. Как верно пишет А.Невинс, «интеллект и характер недостаточны; к ним следует добавить личность, энергию и шестое чувство, подсказывающее, когда начинать. Рузвельт не был интеллектуальным гигантом, но что вы скажете о человеке, заставившем арканзасского поденщика и черного американца из Гарлема ощутить, что от них зависит судьба республики? Его характер не отличался несокрушимой силой, но каким нужно было обладать талантом, чтобы заставить работать вместе рабочих, капитал и фермеров внутри страны, чтобы заставить столь различные нации забыть о прошлом и всегда помнить о главном? У него не было железного кулака Кромвеля — но насколько более успешной оказалась его политика. У него не было мощной хватки Бисмарка — но насколько более продуктивной была его карьера!»

Время смоет многие краски, и о многих свершениях забудут, но не потеряют своей значимости последние написанные Франклином Рузвельтом слова: «Единственным обстоятельством, ограничивающим наши успехи завтра, являются наши сомнения сегодня. Двинемся же вперед со стойкой и неувядающей верой». И пусть с приходящими новыми поколениями не будет забыт человек — живое воплощение доброжелательности, достоинства и интереса, сказавший в самый страшный час своего народа, что «следует бояться только одного — только страха».

Глава первая
ГАЙД-ПАРК, ГРОТОН, ГАРВАРД

И детство раскрывает человека,
Как утро нам дает начало дня.
Джон Мильтон, 1671

Для человека недостаточно быть добрым.
Он должен быть умным, и он должен быть мужественным.
Теодор Рузвельт, 1900

Джентльмен никогда не вступит в грязное море политики, жалкая демагогия — удел жертв плохого воспитания. Так считали родители Рузвельта, с удивлением наблюдавшие за подъемом одного из отпрысков большой семьи — Теодора Рузвельта, завоевывающего политическую метрополию страны — Нью-Йорк. И молодой ТР, объявивший о своем намерении обратиться к политике, тоже был в свое время высмеян (как пишет Барбара Такмен) «всеми людьми культурной и легкой жизни, для которых политика была грязным делом содержателей салунов, ямщиков и им подобных». Когда президент С.Г.Кливленд пригласил в свое правительство одного из членов аристократической бостонской семьи Адамсов, тот открыто высмеял предложение. Ведь у него было все, чего он хотел: богатство, дети, друзья, уважение, и он смеялся над самой мыслью пожертвовать всем этим «ради полупьяных приветствий толпы». Джентльмены скорбели: со всеобщим избирательным правом богатых людей приравняли к черни, которой, естественно, было многократно больше. После шести первых президентов-аристократов к власти в США не приходил ни один человек из порядочной семьи. Обеспеченные образованные люди ушли в свои усадьбы, уступая путь напористым выходцам из низов. Философ Эмерсон писал, что «самые достойные, умеренные, способные и образованные замкнулись в защите своей собственности». Англичане удивлялись: у богатых американцев нет чувства «ноблесс оближ» — происхождение обязывает.

Франклину Рузвельту предстояло быть уважаемым адвокатом и респектабельным землевладельцем, а не возбудителем чувств у сбитой с толку толпы. Росший в имении родителей, купленном в 1867 году за 30 тысяч долларов,— Гайд-Парке, Рузвельт далеко не сразу обнаружил в себе способность быть магнитом политического притяжения. Никто из близко знавших Франклина Делано Рузвельта в детстве, отрочестве и юности не подозревал, что имеет дело с будущим политиком, который изменит XX век.

Спускаясь к Манхэттену, Гудзон рападается на два рукава, вокруг которых стоит современный Вавилон — гигантский Нью-Йорк. Оставим мегаполис и поднимемся прямо на север. Через полтора-два часа местность удивит своей естественной первозданностью. Именно здесь, в верхнем течении направляющегося к Нью-Йорку Гудзона, прибрежные земли в прошлом, «позолоченном веке» американской истории поделили между собой состоятельные люди. Именно в этот период грюндерства создавались немыслимые состояния Джона Рокфеллера и ему подобных. На нуворишей не без удивления — и уж точно без восторга — смотрели представители «старых», солидных денег, некоторые из которых вели свою родословную еще с первозданных голландских времен. Солидный и спокойный мир прошлого следовало оберегать — так жили уже многие поколения тех, чьи голландские предки основали Новый Амстердам, переименованный англичанами в Нью-Йорк.

Это не означало, что Рузвельты и их соседи отстранились от великих дел мира. Джеймс Рузвельт сражался вместе с Гарибальди за объединение Италии, знал основателя Техаса Сэма Хьюстона, многих знаменитостей как Нового, так и Старого Света. Окончив Юнион-колледж и Гарвардскую школу бизнеса, сделал состояние на знамении времени — железных дорогах, хотя не приблизился к гигантам — Астору и Вандербильту, но в должной степени обеспечил свою семью (имение Рузвельта оценивалось примерно в 300 тысяч долларов, а состояние Корнелиуса Вандербильта, заседавшего вместе с ним в Совете по Делаверу и Гудзону,— в 72 миллиона). При себе у него всегда было 500 долларов золотом, он имел личный железнодорожный вагон и собственную ложу в театрах Нью-Йорка.

Все отмечают его высокий рост и пышные бакенбарды, подчеркивавшие голубизну глаз. От первого брака у него остался сын — Джеймс Рузвельт, или, как звали его близкие, Рози (сводный брат Франклина). Следует также вспомнить об определенном фрондерстве Джеймса — среди всех многочисленных Рузвельтов «позолоченного века» он единственный поддерживал демократическую партию. Его сын пойдет уже по проторенной дороге.

Весной 1880 года на званом ужине у Теодора Рузвельта Джеймс познакомился с признанной красавицей Сарой Делано, жившей неподалеку от Гайд-Парка и принадлежавшей к тому же социальному слою. Еще девочкой она на одном из клиперов своих родителей посетила Китай, а Европа была ей знакома не менее Америки...

Джеймс Рузвельт сам правил лошадьми, когда привез Сару Делано в свой дом на Гудзоне. В Гайд-Парке стали чаще устраивать празднества, и обвитые плющом колонны дома видели лучшие семьи самого богатого штата страны. Зимой Рузвельт и его молодая жена катались на санках, принадлежавших когда-то Наполеону III и купленных Джеймсом на аукционе. 30 января 1882 года обстоятельный Джеймс

Рузвельт записал в дневнике: «Без четверти девять моя Салли родила великолепного большого мальчика. Его вес без одежды — десять фунтов».

Самое первое воспоминание Франклина Рузвельта относится к эпизоду, когда ему было три года — он едва не утонул. Семья возвращалась из Европы на корабле-чемпионе трансатлантической скорости «Германика», и штормовая волна, обрушившись на корабль, залила каюту Рузвельтов. Не веря в спасение, Сара Рузвельт обернула сына в меховое манто: «Если ему суждено утонуть, пусть ему будет хотя бы тепло». Этот эпизод — исключение, все детство будущего президента проходило в комфортной обстановке. «Вспоминая мои самые ранние дни, я более всего удивляюсь миру и размеренности жизни»,— напишет впоследствии Франклин Рузвельт. Трудно вспомнить президента Соединенных Штатов, у которого было бы столь беспечное детство. Окна детской на третьем этаже большого дома под названием Спрингвуд выходили на поля и леса, обрамляющие Гудзон. Краски осени, жар лета, чистота заснеженных полей, первый восторг весны — много света и огромное небо. Аристократические правила семьи запрещали распространяться о неприятностях: их надлежало воспринимать как смену погоды. Ни о деньгах, ни о социальных амбициях в семье не говорили сознательно, успехи и достижения воспринимались естественно, временность неудач — тоже.

Как и полагалось для имений Верхнего Гудзона, в Гайд-Парке была большая библиотека, и мальчика всегда ждала очередная книга. Мать так определила свою систему воспитания: «Устремить ум Франклина к прекрасному и высокому и сделать это таким образом, чтобы он думал, что это его собственный выбор». Сара Делано оказала решающее влияние на воспитание сына. (Уже будучи президентом страны, он легко соглашался на ее уговоры одеться теплее.) Система воспитания сработала: ее сын всегда был уверен в себе. Убеждение в разрешимости всех проблем как бы читалась на лице.

Семья Франклина была известна радушием и уравновешенностью. «Отец никогда не смеялся над ним»,— записывает мать. В отце он нашел первого друга, готового быть опекуном и советчиком. Всем мальчишеским увлечениям учил отец — плаванию, катанию на коньках, хождению под парусом, рыбной ловле, езде в седле, выращиванию растений. Незабываемым было скольжение на лодке под парусом по льду Гудзона. Впечатляющее достижение восьмилетнего Франклина: он преодолел верхом на коне двадцать миль между Спрингвудом и Альгонаком. В дневниках родителей с любовью и вниманием сделаны записи о каждом шаге Франклина. Его вещи они тщательно берегли, словно предвидели их историческую значимость. Родители не удивлялись первенству сына во многих сферах жизни. В конце концов, они его к этому готовили, они верили, что у сверстников мало шансов обойти их питомца.

Летом, спасаясь от обволакивающей долину Гудзона жары, семья Рузвельтов отправлялась на север — в Канаду, в Нью-Брунсвик, а точнее на близлежа-

щий островок Кампобелло. Именно здесь Франклина покорил океан. Здесь он научился управлять парусом, здесь он увидел старые китобойные корабли.

Космополитическая по взглядам семья высоко ценила уклад европейского мира. Состоятельные американцы тогда прокладывали дорогу через Атлантический океан, ставшую такой многолюдной в наши дни. В детстве, начиная с трехлетнего возраста, Ф.Рузвельт восемь раз был в Европе. На французской Ривьере он видел живущего в изгнании императора Бразилии. Семья часто бывала на германских курортах и видела жизнь английских маноров. Американская аристократия (как и всякая прочая в те времена) равнялась на английских джентльменов. В том мире никто не спрашивал паспортов, и возникающие проблемы Джеймс Рузвельт обычно решал с помощью нескольких монет, с которыми никогда не расставался. В Европе они обзаводились связями в высшем обществе. Если посмотреть на визиты семьи Рузвельтов в 80—90-е годы прошлого века, то можно увидеть среди их знакомых цвет английской, германской и французской аристократии. Джеймс и Сара Делано Рузвельт охотились в поместьях герцога Ратленда и обсуждали тему посягательств на английское морское могущество с адмиралом флота лордом Гленвильямом. Семилетний Франклин Рузвельт беседовал об орнитологии с членами британского парламента.

То обстоятельство, что будущий реформатор американской политики проехал на велосипеде значительную часть Германии и Голландии, поднимался на Эйфелеву башню, взбирался на вершину Черного леса — гору Блауэн, должно быть особо отмечено: у него не было ни страха, ни восхищения перед центром тогдашнего мира. И в своем американском поместье — Гайд-Парке семья Рузвельтов воспринимала новости из-за океана наравне с национальными. На столе лежала европейская пресса, а гости беседовали не столько о немощных деяниях американских президентов 70—90-х годов XIX века, сколько о поворотах судеб на блестящей европейской политической сцене.

Воспитание Франклина Рузвельта проходило в постоянном общении со взрослыми. С детских лет в нем проявился (и никогда не угасал) талант распознать собеседника, ощутить его кредо или пристрастия — и постараться понравиться ему. Способность очаровать компанию, подспудное желание завладеть всеобщим вниманием стало другой чертой подростка. И напротив, гнев овладевал им, если он терпел поражение в игре. Трудно не прийти к выводу, что интуитивное желание победить жило в нем с ранних лет. Первое «восстание» касалось жесткого расписания: вставать в семь, завтракать в восемь, заниматься с учителем два или три часа, ленч и снова занятия после четырех часов. Мальчик заявил, что нуждается в «свободе». Второе (после битвы с расписанием) «восстание» Франклина — против религиозной обрядности. Он перестал посещать утомительную для него воскресную службу, ссылаясь на недомогание. Все вскоре это заметили, но переломить его линию поведения не сумел никто. В остальном его детство на берегу Гудзона было «нормальным босоногим». Пройдет время, и президент Соединенных Штатов будет вспо-

минать «маленького мальчика, который особенно любил взбираться на старые деревья и собирать груши. В весеннюю пору он пускал игрушечные корабли по воде, тающей под снегом. Летом он вместе с собакой прятался в лесной пещере. И научился ложиться между грядок, чтобы собирать теплую от солнца клубнику, лучшую в мире».

Его страсть к морю и парусу поощрялась — он стал опытным шкипером яхты «Полная луна», на которой исследовал побережье Атлантики. Эти знания пригодятся ему, когда он станет заместителем морского министра. Зимой его ждал лед на Гудзоне. Мать передала ему свою коллекцию марок, и филателия стала для Франклина увлечением жизни. Последнее из юношеских увлечений — натурализм. С подаренной малокалиберной винтовкой он прошел по долине Гудзона, собрав поражавшую всех коллекцию птиц, за что (с помощью деда Уоррена Делано) получил первое общественное признание — пожизненное членство в Американском музее естественной истории. Золотая (по краям) членская карточка позволила Франклину во время поездки в Европу благополучно войти в свиту английского короля Эдуарда VII, открывавшего в Лондоне новое крыло Южно-Кенсингтонского музея естественной истории.

Опекаемый родителями, Франклин Рузвельт рос, в основном, не в окружении сверстников. Их заменяла многочисленная семья Рузвельтов со всеми ее ответвлениями. Одной из навещавших семью девочек была Анна Элеонора Рузвельт, дочь крестного отца Франклина — Эллиота Рузвельта. Во время первой встречи Франклин катал маленькую Элеонору на спине. Окрестные мальчики жалели Франклина с его «социальными обязательствами» проводить время среди взрослых. У молодого Рузвельта отношение к сверстникам было иное. Однажды он выразил его открыто: «Мама, если я не отдам приказ, у них ничего не получится».

Обучение одинокого отпрыска богатой семьи оказалось делом не простым. Чтобы преодолеть природную стеснительность, Франклин старался выглядеть ироничным. Требовался немалый талант, чтобы пробиться сквозь эту завесу ироничности. Но уже в пять лет он уже умел хорошо писать — записки сделали бы честь взрослому. В шесть лет он начал изучать немецкий язык — и записки матери писались по-немецки. Но любимой учительницей Франклина была не строгая, чопорная фрейлейн Райнберг, а молодая и веселая учительница французского языка мадемуазель Сандоз. Десять лет обучая ребенка и подростка, мадемуазель Сандоз первой увидела истинный ум Франклина и пришла к заключению: «Фрэнки сумеет отличиться». (О квалификации самой Сандоз мог судить генерал де Голль, говоривший зимой 1943 года в течение часа с Рузвельтом по-французски.)

Методичная настойчивость и болезненная мрачность одной вела ее к психологическому срыву и тяжелой болезни, а привлекательная оживленность другой — к замужеству. Первым мерилом чувства юмора (и характера этого чувства) Франклина Рузвельта было утверждение, что одну свою учительницу он довел

до сумасшедшего дома, а вторую — до замужества. Много лет спустя мадемуазель Сандоз получила лестную для себя записку: «Более чем кто-либо другой, вы заложили основания моего образования».

Подлинным источником знаний о мире было чтение — занятие, в котором молодой Франклин не знал предела. Большая библиотека Спрингвуда являлась несказанной кладовой. Разумеется, первые книги — Марк Твен и Киплинг, но в нем рано обнаружилась тяга и к сугубо взрослой литературе. Входивший в моду капитан Альфред Мэхэн с его теорией морского могущества произвел на Франклина неизгладимое впечатление. Самый молодой читатель Гайд-Парка живо интересовался действительностью Европы — в основном посредством британской прессы и литературы. Свои не по возрасту обширные знания он и не пытался свести в систему. По определению одного из наблюдателей, «его ум был гнездом, в котором светились не связанные между собой камешки знаний».

Другим источником развития были путешествия. К четырнадцати годам он совершил уже восемь путешествий по Европе, знакомясь с Англией, Германией, Францией, Италией, Голландией. В 1891 году шесть недель учился в немецкой школе. По приказу кайзера школьники прилежно изучали военную топографию. Немецкий учитель, на педантичность и объективность которого можно положиться, определил в нем «необычайно яркого молодого человека». За один день велосипедного путешествия по Германии будущий президент четырежды нарушил германские законы: рвал вишни с чужого дерева, въехал на велосипеде на железнодорожную станцию, проник в огражденный город Страсбург после наступления темноты, наехал на гуся (пять марок штрафа). Путешествия не сводились к заокеанским вояжам. У Джеймса Рузвельта был собственный железнодорожный вагон, и вместе с сыном они колесили по огромному американскому континенту. Запомнилась Всемирная выставка 1892 года.

До четырнадцати лет Рузвельт проводил большую часть своего времени с родителями. Однажды он попросил «свободный день» и молчал по поводу полученного опыта. Чувствовал ли он себя одиноким? Если да, то достаточно умело скрывал свои чувства. Не посвящать других в свои мысли и чувства стало его второй натурой с очень раннего детства. Да, он писал длинные письма матери, но совершенно очевидно, что сообщал ей то, что она хотела знать.

Уже в самом раннем возрасте Франклин благодаря родителям познакомился с влиятельными современниками. В пять лет Франклин Рузвельт впервые в своей жизни вошел в Овальный кабинет Белого дома. Президент С.Р.Кливленд предложил его отцу пост посла в Нидерландах — откровенная плата за помощь в предвыборной кампании. Президент запомнился Франклину Рузвельту очень уставшим. При прощании Кливленд положил руку на голову младшего посетителя и сказал самым искренним тоном: «У меня странное пожелание. Никогда не будьте президентом Соединенных Штатов». Мальчик смолчал.

Гротон

Становление личности происходило на фоне грандиозных изменений, происходивших в стране. Это было роковое для Америки время. В 1890 году сражением у ручья Вундед Ни завершилось вытеснение индейцев. Государственное бюро цензов объявило, что в Америке больше нет свободных земель и понятие «граница» стало историческим. На протяжении первых двадцати лет жизни Рузвельта население США увеличилось с 50 до 75 миллионов человек. Где-то вдали громыхали социальные битвы, рабочие Чикаго впервые вышли на первомайскую демонстрацию, социалисты призывали крушить основы. Возглавивший демократическую партию Уильям Дженнингс Брайан обличал золотой стандарт. Он призвал трудовую Америку объединятся против тех, кто распял Христа на кресте из золота. Фермеры продавали за бесценок свою землю, железнодорожные бароны превращали поселки в мегаполисы, век пара и электричества ломал прежнюю жизнь, а на берегах Гудзона царила редкостная отрешенность. Молодой Рузвельт ничего не знал о потрясающих событиях 90-х годов — фактическом восстании разоренных фермеров Запада, походе «армии Кокса» на Вашингтон, пульмановской забастовке. Обездоленная Америка требовала свои права, а мальчик жил в мире прекрасной англоязычной литературы, романы Генри Джеймса и Эдит Уортон занимали его фантазию. Он даже по-английски говорил с явственным английским акцентом и с трудом произносил названия крупных американских городов. И в будущем в его языке будет особое британское «а» и почти исчезнет «р».

Аристократическая отстраненность, тщательно культивируемая родителями, стала частью его характера. Посредством архивных изысканий к именам более чем десяти пассажиров «Мэйфлауэра» (корабля, доставившего в 1620 году в Новую Англию первых поселенцев, от которых его мать вела родословную) Франклин Рузвельт добавил еще несколько. Уверенность в том, что их клан традиционно принадлежал к правящим кругам в США, формировала характер Франклина Рузвельта.

Лишь по истечении четырнадцати лет родители решили отправить Франклина в общественную школу —одну из наиболее престижных школ страны, расположенную в тридцати пяти милях к северу от Бостона в Гротоне. Окруженный лесами и полями Гротон был как бы отрезан от внешнего мира. На севере и западе синяя гряда гор, на юге — река Нашуа отгораживала школьные кирпичные постройки. Если, как пишет Френк Фрейдель, в нем было нечто от реформатора-тори викторианской Британии, то это пошло из этой школы. Школа, которую Франклин Рузвельт начал посещать осенью 1896 года, весьма походила на привилегированную закрытую английскую школу с ее первостепенным вниманием к истории, языкам и воспитанию характера. Это было своеобразное продолжение изучения Европы на американской земле. Американским аристократам вну-

шалось, что они — граждане мира, что личные достоинства важнее примитивного национализма, что джентльмен должен исполнять свой долг, частью которого является исправление несовершенств этой грешной земли. «Патронаж» над своей страной подавался как миссия ее истинного владельца, класса имущих. Управлять следовало мудро и справедливо.

Основатель Гротона Э. Пибоди создал это учебное заведение по подобию знаменитых английских школ, которые воспитали поколение великих людей. Сам он, сын богатого американского финансиста, был выпускником английской частной школы Челтенхем и Кембриджского университета. Если Итон дал Англии почти десяток премьеров, а остальных дала школа Харроу, то почему нельзя повторить этот опыт в Америке? Задачей Пибоди было остановить падение нравов после окончания гражданской войны, создать новый класс «патрициев» — образованных людей с чувством социальной ответственности, готовых к службе стране, человечеству и Богу, которым можно было бы без страха вручить руль управления государством. «Если кто-либо из выпускников Гротона не изберет сферой своей деятельности политику, чтобы принести пользу нашей стране,— говорил Пибоди,— то не потому, что их в Гротоне не побуждали к этому». Пибоди был тем, кого мы сейчас назвали бы христианским социалистом. В Гротоне была создана специальная школа для детей бедных. Пибоди, с одной стороны, пробуждал сочувствие, а с другой — поощрял элитарность.

Но прежде всего в школе царил спартанский быт. В семь утра колокол будил воспитанников, звучали подгоняющие команды, холодный душ — и через тридцать минут колонна шла на завтрак. Уроки были продолжительными, а свободное время заполнялось гимнастикой, еще одним холодным душем и молитвой. Общественная школа стала первым настоящим испытанием для подростка, которому до сих пор весь мир казался лежащим у его ног. Внезапно он перестал быть центром мироздания. Менее изнеженные подростки готовы были драться за место под солнцем.

Пибоди искал людей, сочетавших идеалы с энергией,— не зря он однажды пригласил преподавать в Гротон своего друга Теодора Рузвельта. Пибоди побуждал питомцев обращаться в общественной деятельности, в частности в школьной газете, к наиболее злободневным проблемам, искать решения, которые облегчили бы общее положение и одновременно укрепили бы элиту американского общества, ее права на лидерство и управление. Подростки серьезно обсуждали военно-политические проблемы, в частности вопросы военно-морского строительства в США, «соблазны и тяготы» империализма: нужно ли аннексировать Гавайи, желательно ли предоставить независимость Филиппинам, кто прав и кто виноват в бурской войне.

★ ★ ★

В Гротоне не очень жаловали американскую историю (хотя и предполагали, что формируют будущих ее деятелей). Пибоди хотел ввести воспитанников в более широкий мир — англосаксонский, а еще точнее, английский и классический.

По вечерам воспитанникам читали английскую классику. В дневное расписание входили латинская, греческая, английская и французская литература, греческая и римская история, алгебра, естественные науки и Священное писание. Любопытно смотреть на табель Рузвельта сегодня: самые высокие оценки проставлены за аккуратность и пунктуальность.

Следует признать, что Рузвельт в Гротоне не производил неотразимого впечатления. Он поступил в школу на два года позже своих одноклассников, и те смотрели не без изумления на домашнего мальчика, которому родители присылали для чтения английские журналы «Панч» и «Спектейтор». Были ли у Рузвельта задатки организатора и руководителя? Никто из учителей и сверстников в своих воспоминаниях не указывает на качества прирожденного лидера. Дружба давалась ему с трудом, свою скованность он смягчал невероятным усилием воли, неизведанное ставило его в ступор — у него не было от рождения легкой самоуверенности, столь ценимой людьми. Дочь Анна позже вспомнит: «Он обращался с однокашниками, как человек с Луны». Сверстники без всякого одобрения слушали его англизированный акцент. И главное: в школе ценили атлетизм, а Франклин никоим образом не был спартанцем по рождению. Его выгодный для юноши рост пять футов и три дюйма отнюдь не помогал в «битве» с крепышами в американском футболе и бейсболе. Ища компенсации, Франклин стал менеджером бейсбольной команды — слабое утешение. Он исправил акцент и сознательно «притормозил» свою безупречную пунктуальность, чтобы не дразнить школьных заводил. Франклин Рузвельт сумел приспособиться к более жесткому миру, эффект тепличной обстановки Гайд-Парка испарился.

Пример другого Рузвельта

Пибоди приглашал в Гротон выдающихся лиц, и одним из приглашенных оказался Теодор Рузвельт, уже знаменитый ТР,— дальний родственник Франклина, завершивший свое руководство нью-йоркской полицией и назначенный заместителем военно-морского министра. Дядя имел несомненный успех — зал встретил его громом аплодисментов. Но ТР говорил и о более важных вещах: «Для человека недостаточно быть добрым. Он должен быть умным, и он должен быть мужественным». Феноменальное самоутверждение Теодора Рузвельта нравилось далеко не всем, но преклонение Франклина было неизменным. На Франклина сочетание мессианского идеализма и земного прагматизма в характере его дяди подействовало очень сильно. Активный пропагандист формулы «жить на пределе», Теодор Рузвельт создал в своем имении Сагамор-Хилл мир, диаметрально отличавшийся от упокоения гайд-парковского Спрингвуда. Рассказы заполночь, костер в лесу, стрельба из ружей, постоянная психологическая экспансия — все это

не отталкивало, а притягивало Франклина, его глаза просто горели. На одном из праздников в Сагамор-Хилле молодой Рузвельт из жалости пригласил танцевать одиноко стоящую у стены девушку, племянницу брата Теодора Рузвельта — Элеонору (ее родители скончались, и дело воспитания вершила суровая бабушка). Та с благодарностью вспоминала этот эпизод сорок лет спустя. А Рузвельт написал матери: «У нее глубокий ум».

С годами ученику Гротона все же удалось развить свои бойцовские качества. В нем проснулся сарказм и укрепилась самостоятельность. Рузвельт начал участвовать в школьном турнире по боксу, вступил в Дискуссионный клуб, проявил первый интерес к политике — выступил за строительство большого флота и независимость Филиппин.

Война с Испанией возбудила всех, и Рузвельт задумал бежать из Гротона и рекрутироваться в армию. Затем возникла идея отправиться в Бостон и записаться во флот. Но скарлатина уложила его на больничную койку, и Франклину оставалось лишь следить за подвигами своего кумира Теодора (с его полком волонтеров) на Кубе — эта слава открыла Теодору Рузвельту дорогу в губернаторский дворец штата Нью-Йорк. Франклин Рузвельт приложил немало усилий, агитируя в Гайд-Парке, и испытал подлинный восторг в день выборов. В январе 1899 года вся семья Рузвельтов прибыла в столицу штата Нью-Йорк — город Олбани, чтобы присутствовать при инаугурации своего самого энергичного и честолюбивого родственника. Новый губернатор во всем блеске недавно завоеванной славы снова выступил в Гротоне, и не было человека, чье сердце билось бы сильнее, чем у Франклина Рузвельта. На всю жизнь в его память врезались услышанные слова: «Если у человека есть мужество, доброта и ум, нет предела величию работы, которую он может совершить. И именно такой человек нужен сегодня в политической жизни».

Хотя Рузвельт не преуспел ни в теннисе, ни в гольфе, ни в американском футболе, он был благодарен школе, где учили, помимо выживания, сочувствию, ответственности, социальной активности. Став президентом, он написал старому учителю: «Одним из благословенных обстоятельств моей жизни было встретить в годы своего становления Вашу направляющую руку и Ваш вдохновляющий пример... За это Вам моя благодарность. Более сорока лет назад, во время молитвы в Старой часовне, Вы сказали о необходимости сохранить юношеские идеалы в грядущей жизни. То были идеалы Гротона, которые я стараюсь не забыть, эти слова живут во мне». Пибоди будет освещать его брак и произнесет молитву во время первой инаугурации.

Строго говоря, Итона из Гротона не получилось — американские политики выходили на национальную арену преимущественно из других мест, но и сейчас в американской истории немало значат имена таких выпускников Гротона, как Аверелл Гарриман, Дин Ачесон, Джозеф Грю, Френсис Бидл, Бронсон Каттинг и, конечно же, Франклин Рузвельт.

Империализм

Отроческие годы Ф. Рузвельта пришлись на время торжества национализма на внутренней арене и империализма на внешней.

На американской политической арене 90-х годов XIX века господствовали «автохтоны» — люди из американской глубинки, люди с характером, здравым смыслом, упорством, остроумием, трудолюбием, марк-твеновским остроумием, жаждой власти. Люди, не очень хорошо знавшие внешний мир, но уверенные в том, что этот мир Америке и не нужен. Это было время спикера палаты представителей Томаса Рида из штата Мэн, чьи первые американские предки сошли с «Мэйфлауэра», а родители мечтали о сыне-священнике. Томас Рид, по словам Барбары Такмен, «имел характер, интеллект и брутальное чувство независимости, представлявшее лучшее, что могла дать Америка в политической жизни». Потребность в борьбе жила у него в крови. Он был военным моряком и адвокатом, а в пятьдесят лет, сев на председательское кресло в палате представителей конгресса, буквально заворожил американскую публику. Он никогда не произносил лишнего слова, не заботился о синтаксисе, не терял присутствия духа, не спорил с тем, кого считал заведомо слабее, никогда не отступал перед серьезным вызовом. И все, что он говорил, немедленно становилось всеобщим достоянием, запоминалось, повторялось повсюду. Знаменитыми стали его высказывания: «Вся мудрость мира состоит в том, чтобы кричать вместе с большинством», «Государственный деятель — это скончавшийся политик». Когда конгрессмены Берри и Кертис поспорили, кто из них выше ростом, Рид потребовал, чтобы они поднялись, и начал их измерять. «Боже, Берри, сколько тебя еще в карманах?» Рид начинал выступать с выражением на лице, говорившем, что он не очень понимает, где находится. Но мозг его работал со скоростью электрического тока. Вот как Рид оценивал социальное противостояние: «Когда я иду по Нью-Йорку и сравниваю принадлежащие купцам дома из коричневого гранита с ничем не компенсированными достоинствами людей на улице, у меня перехватывает горло... Я не испытываю симпатии и к людям, живущим в этих домах. Но, когда я чувствую себя таким образом, я знаю, что означает мое чувство. Это честная и высокая зависть. Когда о том же думают джентльмены в зале, они называют это же политэкономией». Поразительное и чисто американское красноречие Рида позволило уговорить конгресс построить прекрасную Библиотеку конгресса — законодатели также хотели блеснуть цитатами.

Если Рид «царствовал» внутри страны, то на внешнеполитической арене идей тоже появилась величина национальных размеров. В 1890 году никому не известный капитан А.Мэхэн написал в «Атлантик Мансли»: «Хотят они того или нет, но американцы должны начинать смотреть за пределы своих границ». В пику осторожной политике президента Кливленда Мэхэн утверждал в статье «Гавайи

и наша будущая морская мощь», что господство на морях является судьбой Америки, главным элементом ее будущего процветания, и поэтому «императивом является захват расположенных в центре великого океана владений». Теодор Рузвельт, приглашенный выступить в военно-морской академии США, восхищался Мэхэном беспредельно.

И не только он. Прибыв в Англию, Мэхэн был приглашен королевой на официальный государственный обед, где сидел рядом с принцем Уэльским, а затем отбыл на борт королевской яхты, где тысяча (!) адмиралов и капитанов провозгласили тост в его честь. (Напомним, что Мэхэн тогда представлял страну, чей военно-морской флот был меньше чилийского, не говоря уже об испанском.) Англичане приветствовали человека, который открыто писал, что «задачей Америки становится строительство флота, по меньшей мере равного английскому». Американцы впервые в своей истории заложили три стальных линейных корабля «Орегон», «Индиана» и «Массачусетс». В Соединенных Штатах началась настоящая битва между сторонниками активной внешней политики и противниками вовлечения страны в опасные авантюры. Последних возглавил президент Гарвардского университета, весьма внушительная во всех смыслах (около двух метров ростом) фигура, Чарльз Уильям Эллиот. Он был упорным борцом против всех наступательных доктрин, которые, с его точки зрения, неизбежно порождают класс влиятельных военных, что «абсолютно негативно воздействует на американское общество». Эллиот зашел так далеко, что назвал сторонников агрессивной внешней политики Теодора Рузвельта и Лоджа «дегенерировавшими сыновьями Гарварда». Идеалом поведения для Эллиота был «джентльмен, который в то же время является демократом». Он ввел в расписание предметы, прямо касающиеся современности, установил новую выборную университетскую систему, собрал преподавателей, которые составили славу Гарварда к тому времени, когда в него поступил Франклин Рузвельт.

Узнав о себе, что он «дегенерировавший сын Гарварда», Теодор Рузвельт написал еще одному «сыну» — Лоджу, что «именно из-за учений Карла Шурца, ректора Эллиота, газеты «Ивнинг Пост» и пустых жертв сентиментальности возникает расхлябанный, запуганный тип характера, который изменяет к худшему черты нашей расы».

Выход Америки в широкий мир Франклин Рузвельт приветствовал с истинно американским энтузиазмом. Это видно в его статьях для школьной газеты «Гротониэн». Соединенные Штаты должны взять на себя мировую роль, с изоляционизмом должно быть покончено. Не удовлетворясь идейной борьбой, Рузвельт вступил в Общество миссионеров и принял решение после окончания школы ближе познакомиться со странами, которые держали в своих руках «ключи к истории».

Некоторые сверстники продолжали относиться к нему с подозрением, считая его самоуверенным и высокомерным. Но большинство окружающих признали его

достоинства. Будущий художник Джордж Бидл вспоминает: «Он был сероглазым, холодным, владеющим собой, умным и обладал самой теплой, самой дружественной и всепонимающей улыбкой». Есть и менее благожелательные воспоминания: «Он развил в себе независимую и высокомерную манеру и периодически бывал очень саркастичным, готовым доказать свою правоту спорщиком. В споре он старался занять позицию, противоположную заявленной. Это очень всех раздражало». Ради солидности Франклин стал носить пенсне и приобрел привычку вскидывать голову, чтобы из-под пенсне получше рассмотреть человека. Некоторые воспринимали это как высокомерный взгляд сверху вниз.

Финал учебы в Гротоне ознаменовался довольно неожиданным триумфом — призом за успехи в латинском языке — сорокатомным собранием сочинений Шекспира, врученным ему 25 июня 1900 года. «Какой радостный и печальный день»,— пишет домой Рузвельт. Ректор сказал, что расстается с Франклином с сожалением. Отвечая на нелестное мнение одного из учеников о Ф.Рузвельте, Пибоди постарался защитить воспитанника: «У меня нет подозрений в отношении его искренности». Во времена, когда аутентичность рекомендаций еще не была девальвирована, преподобный Биллингс написал о своем выпускнике: «Ф.Д.Рузвельт обладает исключительными способностями и превосходным характером... Он надеется проявить себя в общественной жизни, и его обучение в Кембридже помогло бы ему в этом».

Гарвард

Свое будущее Франклин довольно неожиданно стал видеть как связанное с морем. Но родители восстали против планов поступления в военно-морскую академию. Они, да и ближайшее окружение, впереди видели только Гарвардский университет. Франклин окунулся в атмосферу Гарварда с желанием проявить такую же энергию, как и прежний гарвардский студент Теодор Рузвельт. Может быть, у него не было столько же энергии, но он старался, как мог.

В Гарварде уже четвертое десятилетие правил ректор Чарльз Эллиот, трансформировавший всю университетскую систему в Америке. Небольшой колледж прежних лет превратился в огромный по тем временам (почти две тысячи студентов) университет. Система свободных выборов преподавателей позволяла приглашать в университет таланты первой величины, скажем историков Фредерика Тернера и Эдварда Чаннинга, философа Джорджа Сантаяну. Нет никаких особых доказательств того, что звезды науки первой величины оказали влияние на Рузвельта. Его сохранившиеся работы слабы, некритичны и ничего не говорят о становлении личности. Да и не чувствовалось, что он полон решимости штурмовать вершины. Первые шесть дней семестра он проводит с матерью в круизе по Карибскому морю.

Изменился и стиль жизни. Прежняя спартанская обстановка забыта. Рузвельт снял (на двоих) трехкомнатную квартиру. Все обращали на него внимание как на родственника человека, выдвинувшего себя на пост вице-президента США. Его открытое симпатичное лицо запоминалось сразу, и от приглашений на уик-энды не было отбоя. Франклин завел лошадь и выезд. В выборе предметов он как бы интуитивно шел по пути Теодора Рузвельта, записываясь к тем же профессорам. Акцент он сделал на истории и теории управления, на искусстве риторики, английском языке и экономике. Один из ведущих профессоров-экономистов Э. Эндрю (будущий замминистра финансов в администрации президента Тафта) стал его ближайшим наставником.

Никто еще не сумел дать точное определение тому, что такое прилежность. Рузвельт, по меньшей мере, не терпел монотонности. Нелестный для университета факт, но несмотря на созвездие первоклассных имен Гарвард не зажег страсти Рузвельта к науке. Гремевший по всей стране курс философии Джошуа Ройса он смог вынести лишь три недели. На лекциях по английской истории вначале засыпал, а затем стал их игнорировать. В конечном счете успешного следования за Теодором Рузвельтом, окончившим Гарвард с отличием, не получилось. Оценки выстраивались между «хорошо» и «посредственно». Общим у родственников было то, что впоследствии оба они выразили неудовлетворение системой образования в Гарварде, отсутствием у профессоров таланта стимулирования любознательности студентов и, главное, оторванностью обучения от происходящего за воротами прославленного университета. Франклин писал: «Это словно электрическая лампочка без проволоки. Лампа нужна для света, и она бесполезна, если ее нельзя включить». Критичность его сказалась и в позднейшей ремарке: «В течение четырех лет я изучал экономику, и все, чему меня учили, не согласовывалось с истиной».

Исключение составляла как раз не очень почитаемая в университете первоначальная американская история. Тема курсовой — «Семья Рузвельтов в Новом Амстердаме». Студент изучил все архивы, старую голландскую библию, прочитал все ветхие газеты. И пришел к примечательному выводу: «Одна из причин — возможно главная — жизненной силы Рузвельтов является их откровенно выраженный демократический дух. У них никогда не было ощущения, что благодаря преимуществам, данным от рождения, они могут опустить руки в карманы и благоденствовать, ничего не делая. Скорее, они чувствовали, что ввиду благоприятных обстоятельств своего рождения они не имеют извиняющих мотивов для пассивности в отношении общества».

Отсюда, от истории, лежит прямой мост к политике, которую он понимал в джефферсоновском духе. Рузвельта вдохновляли обращения к богатым и знатным сконцентрировать свою энергию не на накопительстве, а на благе сограждан. Теодор Рузвельт уже высказывал сходные идеи. Он бросил вызов самому Дж. П. Моргану — выдвинул и законы о запрете детского труда, компенсации рабочим, национальной

регуляции железных дорог, налоге на наследство, сохранении девственной природы Америки в национальных парках. Теодор Рузвельт сделал реформы респектабельным способом самовыживания общества и прекратил истерию богачей по поводу государственного вмешательства в их дела. Молодой Франклин вырабатывал свою философию социальной ответственности обеспеченных. Студент Рузвельт проникся мыслью о важности овладения ораторским искусством. Ему хотелось «говорить так, чтобы никто не мог забыть сказанного». Теперь, готовясь к публичным выступлениям, он обливался холодным потом. Впоследствии Франклин с удовлетворением отметил, что возмужал и способен ясно и убедительно выражать свои мысли.

Если определенный интеллектуальный рост можно признать, то в обожаемом университетской средой атлетизме Франклин так и не преуспел. Хотя его рост достиг ста восьмидесяти пяти сантиметров, он не мог набрать вес более семидесяти килограммов; высокого и стройного юношу легко теснили на футбольном поле крепыши. Франклин стал искать компенсацию. К его удовлетворению, он получал одну выборную должность за другой. Вершиной энергичного штурма стало место главного редактора университетской газеты «Гарвард Кримсон». Эта должность была получена не без использования семейных связей. Франклин раньше других узнал о приезде в Гарвард кузена Теодора (теперь уже вице-президента США). «Кримсон» вышел с впечатляющим репортажем, и это дало Франклину Рузвельту шанс возглавить газету.

И все же молодой Рузвельт, улыбчивый и энергичный, не добился желаемого признания. Что-то в нем отталкивало сверстников. Некоторые видели это «что-то» в нарочитой агрессивности, необузданном желании нравиться, явном эгоцентризме. По мнению более умудренных исследователей человеческой психики, он прятал природную естественную стеснительность в агрессивном самоутверждении. Объяснялось ли это оторванностью от общества сверстников до Гротона? Много лет спустя его секретарша Маргарет Лихенд отметит, что Франклин Рузвельт «был не способен на тесную дружбу с кем бы то ни было». А агент секретной службы Майк Рейли, ежедневно охранявший босса в Белом доме, скажет, что Рузвельт отчаянно старался быть «одним из своих ребят, но ему, несмотря ни на какие ухищрения, не удавалось стать своим».

Отвергнутый на нескольких направлениях юношеских амбиций и эгоизма, Рузвельт все же сумел преодолеть в себе нечто, что прежде ограничивало его социабельность. Круг друзей и почитателей расширился, он стал легче сходиться со сверстниками. В «Кримсоне» Франклин писал все редакторские колонки, старался придать студенческой газете боевой вид, гордился уменьшением доли рекламы на газетных полосах, довольно жестко вел дела с издателями газеты. И впоследствии с юношеской наивностью говорил о себе как о «бывшем газетчике», боровшемся за осуществление реформ в Гарварде.

★ ★ ★

Одной из первых горестных отметин на жизненном пути Франклина Рузвельта была смерть отца в декабре 1900 года от второго инфаркта. Как уважающий себя джентльмен, Джеймс Рузвельт не оставил семью нищей. В распоряжение вдовы поступило имение Гайд-Парк с домом Спрингвуд, а обоим сыновьям был предоставлен фонд в 120 тысяч долларов каждому. В завещании Джеймс Рузвельт указал, что он передает младшего сына «под наблюдение матери» (для нее мир осиротел, и внимание женщины с сильным характером теперь полностью сосредоточилось на Франклине). Стараясь смягчить боль утраты, Франклин отправился с матерью в Европу. Пересекая норвежские фиорды, они наткнулись на яхту кайзера Вильгельма II, откуда им был послан подарок — карандаш с зубными пометками высочайшей особы. Но самое поразительное ждало Рузвельтов по завершении поездки в порту Нью-Йорка: после гибели Мак-Кинли президентом США стал вице-президент сорокадвухлетний Теодор Рузвельт.

Теперь возвращение в Гарвард связывалось с новыми надеждами. Франклин Рузвельт в очередной раз пытался доказать, что вопреки расхожему мнению он вовсе не молодой богатый сноб, за которого его в то время часто принимали. Именно в эти месяцы он возглавил сбор средств для воюющих с англичанами буров, для помощи детям, содержащимся англичанами в первых концентрационных лагерях века. Как раз по этому поводу о нем впервые начали писать в бостонских газетах. А в январе 1902 года сработала семейная солидарность Рузвельтов: Теодор, самый молодой из американских президентов, пригласил Франклина на прием в честь выходящей в свет дочери Алисы. Впечатления Франклина восторженны: «Огромное развлечение, нечто незабываемое».

Франклин с самым напряженным вниманием следил за своим родственником в Белом доме, впервые за сорок лет после Линкольна сделавшего пост президента предметом напряженного внимания всей нации. Окончилось всевластие конгресса. У американского правительства появилась отчетливая внешняя и внутренняя политика. Сверхэнергичный Теодор Рузвельт «таранил» своих противников дома и шел с «дубиной за спиной» за границу. Нужно ли говорить, что его апологет в Гарварде горел воодушевлением: «Не только его (Теодора Рузвельта) правом, но и обязанностью является осуществлять то, чего желает нация». Франклин Рузвельт не один ощущал прилив энергии. Реформаторы и «разгребатели грязи» восстали против сонного прозябания нации, они выступили против того, что Аллен Уайт назвал «союзом бизнеса и правительства, действующего в интересах бизнеса». Прогрессизм стал кредом лучших сил страны: решение расовой проблемы, антитрестовское законодательство, реформа железнодорожных тарифов, законы в отношении детского труда, налоги на наследие и на прибыль, компенсации рабочим, санитарный контроль над пищевой промышленностью, охрана окружающей среды, создание национальных заповедников.

★ ★ ★

Степень бакалавра искусств Франклин Рузвельт получил после трех лет учебы в Гарварде. Вот самый впечатляющий из сказанных им об университете комплиментов: «Гарвард дал достаточно знаний о беднейших классах, о людях, прилагающих отчаянные усилия ради выживания, я узнал их язык и ход мысли. Это помогло мне, когда я занял первую юридическую должность... когда я стал выступать в муниципальных судах». Льстившее самолюбию Рузвельта положение редактора «Кримсона» побудило его на некоторое время остаться в университете — в сентябре 1903 года он поступил (если переводить на понятный нам опыт) в аспирантуру. Четыре полосы престижной университетской газеты отнимали почти все время. Размышления над передовицами, по его собственному признанию, были «самой лучшей подготовкой, которую я получил в колледже». Это была возможность сказать независимое слово, призвать к делу, экзамен на лидерство. Не будем преувеличивать. Франклин не возвестил великих идей, не выступил еретиком, не перевернул сознание однокашников. Он писал о футболе, расписании, лекциях. Но во всем этом уже слышалась рузвельтовская страсть, упорство, почти неистовость — характер. А приехавший в свою «альма матер» Теодор Рузвельт прямо взывал к ответственности будущих лидеров нации: «Вам многое дано, и, соответственно, мы имеем право многое ожидать от вас». Слова президента волновали Франклина Рузвельта, тем более, что он уже обратил внимание на племянницу президента Элеонору. Нет сомнений, что частично окружающие могли испытывать интерес к Элеоноре благодаря дяде, правившему страной из Белого дома. Но это не распространялось на Франклина, который был родственником президента.

Они оказались очень разными людьми. Элеонора Рузвельт в десять лет стала сиротой и жила с далекими от снисходительности родственниками. Некоторое время училась в Англии. Ее стеснительность, стремление к уединению и робость очевидным образом контрастировали с живым, смелым, одетым по последней моде, впечатляющим всех внешностью любителем танцев Франклином. Серьезность, отсутствие чувства юмора Элеоноры не могли быть оттенены чем-либо более, чем смешливостью и энергией Франклина. Он встретил ее на Манхэттене, на Центральном вокзале, спеша к поезду, идущему на север вдоль Гудзона. Она рассказала, что училась три года в Англии и едет в именье бабушки Тиволи, к северу от Гайд-Парка. Естественно, он пригласил ее в Гайд-Парк, где все еще одетая в черное по случаю траура Сара Рузвельт поразила Элеонору своей красотой.

В фокусе интересов Элеоноры Рузвельт с юности и до последних дней была социальная справедливость. Рано осиротев, она знала долю тех, кому «не повезло» от рождения.

Элеонора

Особняк на Пенсильвания Авеню, 1600 — Белый дом — так или иначе стал местом, сблизившим эту пару. Зимой 1902 года Элеонора воспользовалась приглашением дяди Тэда и они вместе пришли на чай к президенту. Их родственной привилегией было стоять за президентом, принимавшим по случаю Нового года тысячи гостей. В своем дневнике Франклин записал лаконично: «Очень интересный день». А после приезда Элеоноры в Гротон следующая запись: «После ленча у нас с моей дорогой была незабываемая прогулка к реке». Именно тогда Рузвельт сказал ей, что с ее помощью добьется чего-нибудь в жизни. «Почему со мной? Ведь я такая простая. Я мало что могу дать тебе». Несмотря на различие характеров они были детьми одного круга и сходного воспитания. За робостью Элеоноры чувствовался твердый характер, а бесшабашный Франклин знал свои слабости.

Решающие события произошли летом, среди раздолья Гудзона, когда Элеонора была приглашена на двадцатиоднолетие Франклина. Ее не могла не очаровать добрая атмосфера Гайд-Парка, так контрастировавшая с суровой отрешенностью собственного дома. Здесь во время одной из прогулок Франклин попросил ее руки. После четырех дней размышлений она прислала строки из поэмы Элизабет Браунинг:

> А если не можешь поклясться: «На всю жизнь, до смерти!»
> Назвать то любовью не смей!

Франклин Рузвельт поклялся, не размышляя. В далеком будущем Элеонора сожжет их письма, усомнившись в выполненной клятве. Но в тот день, с трудом веря своему счастью, она дала согласие. Встретились два человека с разными характерами: сильный, упорный, внешне открытый, но внутренне склонный к секретности Франклин и сильная, упорная, внешне скованная, но внутренне открытая прямодушная Элеонора. Их объединяло то, что оба не хотели жить прежней жизнью. И еще он сказал однажды, что хочет шестерых детей. Саре Рузвельт было непросто приветствовать брак, «отнимавший у меня сына», и она постаралась замедлить развитие событий. Но решимость Франклина и Элеоноры была такова, что ни разлука (круиз гайд-парковских Рузвельтов по Карибскому морю), ни аргументы Сары Рузвельт против раннего брака не возымели действия. Президент Теодор Рузвельт был одним из первых, кто поздравил молодую чету. Знал ли он, что поздравляет преемника по Белому дому и будущую представительницу США в ООН? Теодор Рузвельт писал Франклину: «Я люблю Элеонору так, как если бы она была моей дочерью; и я люблю тебя, доверяю тебе и верю в твое будущее... Пусть судьба будет добра к вам обоим».

В Нью-Йорке в день Святого Патрика 17 марта 1905 года в смежных, под номерами шесть и восемь, домах на семьдесят шестой улице восточной части Манхэттена (принадлежащих семье Рузвельтов) ждали почетного гостя. В полчетвертого пополудни крик «Ура, Тэдди!» возвестил о прибытии самого знамени-

того члена клана. Элеонора Рузвельт подошла к алтарю под руку с президентом Соединенных Штатов — зрелище впечатляющее хотя бы тем, что невеста была значительно выше коренастого президента. Сверкая знаменитой улыбкой, Теодор Рузвельт обратился к жениху: «Ну, Франклин, нет ничего важнее, чем поддерживать честь имени нашей семьи». Можно подумать, что Франклин Рузвельт воспринял эти слова буквально.

★ ★ ★

Для продолжения своего образования Франклин Рузвельт избрал Юридическую школу Колумбийского университета, а не Гарварда, чтобы быть ближе к Элеоноре (может быть, и потому, что в этой школе четвертью века ранее учился Теодор Рузвельт). Школа была одной из самых сильных в стране, но душа Рузвельта не лежала к книжной науке, и преподаватели ценили его соответственно. Из гигантского метрополиса было проще ездить в Гайд-Парк и поместье Тиволи. Именно здесь Франклин впервые участвовал в голосовании. Разумеется, за Теодора Рузвельта, который официально возглавлял республиканскую партию, но «я думаю, он был лучшим демократом, чем кандидат демократов. Дядя Тэд сокрушил демократа А.Паркера, чтобы потом произнести известные слова: «Теперь я уже не политическая случайность» (имеется в виду, что первый срок президентства он получил вследствие гибели Мак-Кинли). Во время инаугурации 4 марта 1905 года Элеонора и Франклин, приглашенные в столицу, внимали словам президента: «Многое нам дано, и от нас многое ожидается. У нас есть обязательства перед другими и обязательства перед собой, и мы не можем отказаться ни от тех, ни от других». Элеонора простодушно заметила, что это была последняя инаугурационная речь представителя их семьи. Никакая фантазия не позволяла ей представить, что предстоит услышать четыре инаугурационные речи своего мужа.

В Юридической школе учили, по выражению Рузвельта, «не праву, а тому, как следует думать». Довольно высокопарное выражение для молодого человека, который легко утомлялся от скучных предметов. В его внутреннем беспокойстве, возможно, как ни в чем более другом, проявлялось родство с дядей Теодором. Франклина просто убивало несоответствие теории и непосредственной жизни. Он неоднократно говорил преподавателям, что нет смысла изучать экономику, если ни одна из экономических систем не представляет собой точного анализа современной экономики: «Я прошел экономические курсы в колледже за четыре года, и все, чему меня учили, не соответствовало реальности. Экономика начала века абсолютно отстала от реальности». Все скучное отвращало молодого Рузвельта от наук. Элеонора поняла это быстрее других: Франклин «не будет счастлив, изучая законоведческую практику, если только она не приведет его к более широким человеческим контактам».

Стремясь познать мир, молодые супруги отправились в июне 1905 года в трехмесячное турне по Европе. В пути через Атлантику их внимание привлекла груп-

па японских офицеров, плывших в Британию для получения двух построенных для Японии линкоров (напомним, что шла русско-японская война). Рузвельт обратился к загадочным японцам, желая больше узнать об их стране, но быстро понял, что имеет дело с неразговорчивыми людьми. Это было тем более неожиданным, что в Америке одна лишь их фамилия, родство с президентом открывали почти все двери. Если говорить о Европе, то в общем и целом их обязанности разделились: Элеонора покупала платья, а Франклин — книги. «Франклин покупает книги, книги — всюду где может.» В Париже Франклин начинает звать Элеонору «Бэбэ» (от «бэби») и будет так звать ее всю жизнь. Там же в Париже ясновидец предсказал Франклину будущность «президента Соединенных Штатов». В Кортина-д'Ампеццо Элеонора испытала первые муки ревности, когда Франклин в альпинистском снаряжении ушел далеко вперед со старой знакомой. Поразившее Элеонору горькое чувство будет периодически возникать в ее жизни.

Наиболее сильное впечатление на молодую чету произвела Венеция. Гондольер не знал устали, пересекая каналы. На Пьяцца Сан Марко они кормили голубей, а музеи и соборы довели Франклина до изнеможения. Идиллию остудило напоминание о сдаче экзаменов в сентябре. На обратном пути Элеонора обнаружила лунатическую подверженность своего мужа. Ночью его мучили кошмары — в это трудно было поверить, глядя на улыбчивого и всем интересующегося американца. Элеонора же страдала в основном от морской болезни. Чуть позже доктор нашел более верное объяснение: она ждет ребенка.

Нью-Йорк

Сдав экзамены в Юридической школе и пройдя курс (но даже не защитив степень), Франклин вступил в Ассоциацию юристов Нью-Йорка. Фамилия помогала — место клерка в уоллстритской фирме «Картер, Ледьярд и Милберн» было обеспечено. Эта юридическая фирма обслуживала таких гигантов американского капитализма, как «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и «Американ табакко компани». Ежегодный доход от установленного отцом фонда в 12 тысяч долларов в год снимал материальное напряжение (квалифицированные рабочие тогда получали 5 долларов в неделю). Но служба его не вдохновляла (а если бы вдохновляла, то мир не увидел бы его президентом страны). В эти месяцы и годы у Франклина Рузвельта возникает и закрепляется качество, которое можно назвать семейной привязанностью: он легко и естественно отделяет службу, социальное общение от радостей семейного очага. Закрепляется и довольно неожиданная легкость в идейных воззрениях: дома он одобряет антитрестовское законодательство Теодора Рузвельта и всех его прогрессистов, а на службе защищает «Стандард ойл» и «Американ табакко» от исходящей из этого законодательства демонополизации.

Наиболее важным на этом этапе обстоятельством было то, что он впервые окунулся в реальную жизнь. Как младшему клерку адвокатской фирмы, ему сразу же без всякой предварительной подготовки пришлось перейти от милых гарвардско-колумбийских абстракций к суровой нью-йоркской действительности. То был шок: патриций увидел не просто прозу жизни, а ее агонию, не продолжение семейной гармонии, а вопиющую несправедливость мук большинства. Его сразу же бросили в океан социального антагонизма — ежедневно поручали дела, вскрывавшие малопривлекательный социальный разрез американского общества. Издалека мы можем только представить основные линии процесса внутреннего жизненно-философского созревания Франклина Рузвельта. На каком-то этапе казалось, что он удовлетворен «малой» судьбой, карьерой рядового адвоката. Он работал без особого энтузиазма, но особо на судьбу не роптал. В конечном счете, как это происходит всегда и везде, воспротивился характер. Обнаружившие себя жизненные силы, нерастраченный энтузиазм молодого адвоката искали выход и оказались направленными на анализ главной линии развития американского общества. Талант Рузвельта сказался в том, что он не потерялся в толпе, прячась за чужие спины, а постарался внять правилам и законам окружающего мира, надеясь при этом на его улучшение.

Примерно год продолжалась эта учеба, состоявшая прежде всего в тяжбе с мелкими клиентами. Однажды ему в качестве адвоката противостоял прежний сокурсник по Гарварду, защищавший небогатую женщину от представлявшего крупную корпорацию клиента. Иск заключался в 18 долларах, но бедный адвокат запрашивал значительно больше — речь шла и о его выживании тоже. Мать однокашника поделилась с Рузвельтом жизненными бедами сына, и Франклин оставил записку, соглашаясь с истцом, и чек от собственного имени на 150 долларов.

Годичное ознакомление с прозой жизни завершилось переводом Франклина в более высокое подразделение фирмы, связанное с морскими перевозками. Все очарование моря, однако, замирало в сухом законоведческом крючкотворчестве, и Рузвельт стал заметно тяготиться своим ремеслом. Теперь уже всегдашняя маска вежливости зачастую не могла скрыть его разочарования: карьера адвоката перестала казаться ему светлым жизненным путем. Окружающие продолжали признавать его достоинства и пророчили судьбу преуспевающего адвоката, но сам он уже не был уверен, что хочет этого. Его тщеславие еще некоторое время тешили самые фешенебельные клубы Нью-Йорка — кникербокеры, яхт-клуб, гольф-клуб, Университетский клуб, но взгляд его становился все более отсутствующим. Неслыханное дело — он начал опыты над растениями в Спрингвуде, проявил себя в местном приходе епископальной церкви. При этом следует сказать, что легкость его манер сбивала с толку — его продолжали считать легковесом и в отношении характера. Никто не подозревал о бурлящей лаве самолюбия.

Семья молодого адвоката росла с естественной скоростью: 1906 — дочь Анна-Элеонора; 1907 — сын Джеймс; 1909 — Франклин-младший (умер в младенчестве); 1910 — сын Эллиот; 1914 — сын Франклин-младший; 1916 — сын Джон. Следуя примеру отца, Рузвельт возложил дело воспитания своих детей на плечи супруги. («Правильная позиция отца в деле воспитания детей,— писал в свое время Джеймс Рузвельт,— руки прочь».) Череда английских нянь проследовала через семью Рузвельтов. Дети наследовали привлекательные внешние черты своего рода. Белокурая Анна была (и осталась на всю жизнь) любимицей отца. Судя по хору воспоминаний, дети любили своего вечно исчезающего родителя, чего нельзя сказать об их отношении к строгой матери и жестоким английским воспитательницам. Нет никаких сомнений, что на Элеонору пало тяжелое бремя. Периодически она впадала в состояние депрессии, становилась молчаливой.

Для Франклина это был самый малоинтересный период жизни, он отдалился от жены (обсуждение общих проблем становилось все более редким), от пятерых детей и одиннадцати слуг. Даже дети замечали, что отец старался не «обращаться к вопросам, сулящим неприятности». Чувствительность, которая отличала Рузвельта-политика, на данном этапе вовсе не являлась отличительной чертой Рузвельта-семьянина. Его теплые чувства к жене и детям были неподдельны, но столь же неподдельно было его желание вырваться из скуки семейной обыденности. Франклин словно очерствел, часто не видя нужды в физической и эмоциональной поддержке оказавшейся едва ли не в одиночестве жены. Сохранить привязанность окружающих в этих обстоятельствах помогала Рузвельту удивительная (многими осуждаемая) склонность не идти в крестовый поход, а скорее соглашаться с окружающими. Эта тактика стала едва ли не наиболее характерной чертой его личности. Он буквально разоружал собеседника спонтанной готовностью согласиться с самой неожиданной точкой зрения, а иногда даже сразу с двумя противоположными мнениями. Потерял ли он этические, моральные, политические ориентиры? Легковесное добродушие сбивало окружающих с толку, они не видели в приятном молодом человеке глубины.

Глава вторая
ПО СТОПАМ ТЕОДОРА РУЗВЕЛЬТА

Теодор Рузвельт умел привлечь внимание своих граждан и заставить их думать. Он знал, как поставить трудные вопросы немного раньше, чем они станут очевидными для других. Он знал, как сделать поиск этих ответов волнующим, как поразить страну завораживающими ее дебатами, как вывести людей за рамки их личных интересов в направлении более широкого взгляда на общее благосостояние.

Элтинг Морисон, 1978

Бюрократия — не место для роста героев.

Дж. Макгрегор Бернс, 1958

Все забавные истории о том, как его завлекли в политику, с удовольствием рассказываемые Франклином Рузвельтом, не должны скрывать от нас главного обстоятельства: перед ним сияла звезда Теодора Рузвельта и молодой человек, так умело прятавший свое честолюбие, не мог не видеть этого манящего света. Тем более, что дядя Тэд охотно приглашал своих родственников окунуться в кипение политической жизни. Один из ближайших друзей Франклина вспоминает, как уставший от мелочных юридических коллизий Рузвельт сказал ему с подкупающей искренностью, что «не собирается вечно заниматься юридической практикой, он намеревается выставить свою кандидатуру на выборную должность при первой же возможности, и единственное, кем бы он хотел на самом деле быть (и он думает, что у него есть шанс) — президентом».

Для молодого, ничем не проявлявшего себя адвоката это была большая амбиция. Траекторию уже прочертил Теодор Рузвельт: следует получить место в легислатуре штата, стать заместителем военно-морского министра и добиться избрания губернатором штата Нью-Йорк. «Любой, кто является губернатором Нью-Йорка, имеет хорошие шансы стать президентом.» Коллега-адвокат вспоминает, что никто из слушавших откровенное изложение планов Франклина Рузвельта не попытался высмеять их: «Они казались достойными и искренними и, более того, полностью резонными». Значит, было нечто в молодом Рузвельте, заставлявшее задуматься даже скептиков.

Отношение к ТР стало у Франклина чем-то вроде культа. Ф. Перкинс, будущий министр труда в кабинете Рузвельта, вспоминает, как во время первой ее

встречи с Франклином кто-то из присутствовавших без особого почтения отозвался о «прогрессивных» идеях президента Рузвельта. «Высокий молодой человек по фамилии Рузвельт (я не расслышала его имени при знакомстве) выступил со страстной защитой Теодора Рузвельта.» Франклин несколько раз посещал Белый дом, видел президента у многочисленных родственников. Любимой историей, которую Франклин рассказывал о дяде Теодоре, была следующая. Президент, возбужденно расхаживая перед камином Белого дома, яростно обличал конгрессменов, которые блокировали билль об охране природы, поскольку не видели в нем выгоды для своих округов. «О, если бы я мог стать спикером палаты представителей хотя бы на десять минут!» — Я спросил, каким был бы ход его действий в этом случае, и он ответил: «Я провел бы через конгресс поправку к конституции, обязывающую каждого претендента на место в палате представителей или в сенате подписать обязательство проехать по всем штатам страны и хотя бы один раз посетить заграницу».

Далеким эхом прозвучат через тридцать лет слова Франклина Рузвельта, что «конституцию следует рассматривать не как ограничивающий бандаж, а как инструмент, созданный для охраны здорового роста нации». Пока же Франклин Рузвельт с огорчением воспринял очевидную ошибку Теодора Рузвельта, пообещавшего (необдуманно) не баллотироваться на новый срок и отбывшего в марте предвыборного 1909 года охотиться на львов в Африке. Финансовый магнат Дж.П.Морган выразил надежду всего Уолл-стрита, что львы выполнят свой долг. А в ушах Франклина звучало напутствие дяди Теодора: величайшая задача политического лидера — просвещать народ. Пример этого страстного человека был едва ли не решающим для проявления амбиций целой когорты молодых людей, среди которых был и Франклин Рузвельт.

Политика

Завершив рутинные (связанные с его земельным участком) бумажные дела с прокурором округа Датчес, бывшим одновременно и видным представителем демократической партии в штате, Джоном Маком, Франклин Рузвельт довольно неожиданно спросил политика о ситуации в округе. Стояла весна 1910 года, и политические позиции демократов в округе требовали обновления. Прежний представитель округа Датчес в законодательном собрании штата Нью-Йорк исчерпал свой политический потенциал. Прозвучал вопрос: не желает ли Франклин попробовать себя? Дважды такую просьбу повторять не было нужды. Молодой Рузвельт уже принял для себя решение. Большинство его соседей голосовали за республиканцев, но отец Рузвельта был убежденным демократом, и упомянутый Мак знал это. Демократам, в конечном счете, была необходима поддержка части

благополучной северной половины штата Нью-Йорк, некоторые бедные демократические функционеры рассчитывали на деньги богачей, чьи имения располагались по берегам Гудзона.

Но, дав боссам демократической партии согласие баллотироваться, Франклин Рузвельт сказал: «Я принимаю номинацию с чувством абсолютной независимости. Я никому ничего не обещал; на меня не оказывают воздействия никакие особые интересы, таким я и останусь». Он пообещал бороться за хорошее правительство и попросил помощь у «независимо мыслящих избирателей».

Новая страсть Франклина, как и следовало ожидать, не понравилась семье. Сара Рузвельт всячески убеждала сына не опускаться до «базарного дела политики», а Элеонора, беременная очередным ребенком, вообще была глуха к новому увлечению мужа. Ситуацию мог разрешить лишь главный авторитет в большом клане Рузвельтов — дядя Теодор, возвратившийся из Африки со шкурами львов, на которых так рассчитывал Уолл-стрит. Суждение старшего Рузвельта было шедевром прямолинейности: «Франклин должен войти в политику без малейшего внимания к тому, что я сказал и чего не сказал. Он замечательный парень с единственным недостатком — не республиканец».

Общими у обоих Рузвельтов были два качества — они отдавались делу со страстью и при этом всеми способами стремились сохранить свою независимость. Преодолев домашние препоны, молодой Рузвельт обратился к публике. Первая в жизни Франклина Рузвельта встреча с избирателями произошла в августе 1910 года. «Публика пила пиво, а я выступил со своей первой речью.» Называйте меня Франклином,— обращался молодой Рузвельт к каждому потенциальному избирателю. Кому-то Рузвельт понравился. Многие из политических противников полагали, что Рузвельт крушит сам себя — его щегольская одежда и изысканный акцент отпугнут серую массу избирателей, большинство среди которых составляли загрубевшие на ветру фермеры. Местная газета с удовольствием делала ошибки в написании его имени. Собственная демократическая пресса называла его странной случайной личностью.

Первая кампания

И было отчего так думать. Франклин Рузвельт начал первую в своей жизни избирательную кампанию на специально взятом в аренду новом «максвелле» ярко-красного цвета. Даже его сторонники предупреждали, что машина распугает фермерский скот. Но автомобиль имел и преимущества. Молодой Рузвельт объездил почти всех дальних потенциальных избирателей, а в это время его люди в небольших городах работали, не смежая глаз. Весь округ оказался охваченным вниманием за двадцать восемь дней непрерывных молодых усилий. «Когда мы встречали

всадника или группу людей, мы останавливались.» На грязных дорогах было протерто множество шин, вспоминает ФДР, машина с открытым верхом тормозила у всех магазинов и пивных. Самая простая форма агитации — покупка пива для всей честной компании. В итоге две тысячи миль превратили новенький «максвелл» в развалюху, но остановить Рузвельта было невозможно. В этом убедились последние скептики, когда он, упав из автомобиля, с трудом встал и немедленно начал заготовленную речь. Однажды по ошибке Рузвельт стал агитировать не имеющих к его избранию отношения жителей соседнего штата Коннектикут.

Высокомерие сводило на нет любые шансы. Оставалась одна надежда — идти в народ. Обращение «Друзья мои» стало заглавной нотой кампании. Пенсне было снято, чтобы не пугать неучей. Элеонора: «Он говорил медленно, с долгими паузами, и казалось, что он никогда не закончит свою речь». Форма важна, но где же суть? Три идеи звучали повсюду: честность, бережливость в отношении денег налогоплательщиков, эффективность. Вначале все в нем было деревянным, но постепенно выработалась гибкость. Патриотические мотивы использовались полностью. Размахивать американским флагом — обязательная процедура, при этом подчеркивалось, что этот же флаг развевался над восставшими колонистами при Лексингтоне и над армией Шермана в ее знаменитом броске через Джорджию к морю. Команде Рузвельта нравилось выступать перед детьми — на юных зрителей молодая энергия действовала неотразимо. Но в этом случае можно было полагаться лишь на пропагандистские листовки, которые дети принесут домой.

Рузвельт еще не знал, что не следует называть политического противника по имени, но у него уже появились обороты, которыми он позже будет пользоваться всегда. Например: «Я не знаю, представляет ли Шлоссер (его политический противник.— *А.У.*) неких боссов или только Шлоссера, но я точно знаю, что он не представляет меня и не представляет вас».

Хорошая физическая форма сыграла свою роль — десять речей в день стали нормой. Со временем пришел опыт учитывать характер аудитории. Обычная его речь звучала примерно так: «Великий путешественник Гумбольдт однажды сказал: «Вы можете судить о характере жильцов дома по тому, как этот дом выглядит». То же можно сказать о поселках — и я думаю, что могу с полным основанием сказать, что из всех деревень графства Датчес — а я посетил почти все — ваша выглядит лучше всех». Рузвельт обличал боссов политики и бизнеса, обещал честное управление, защиту интересов фермеров, отказ от протекционистского тарифа Пейна Олдриджа (повысившего цены на необходимые фермерам импортные товары). Всегда присутствовало упоминание о родстве с Тэдом Рузвельтом, причем самым успешным приемом было сказать: «Я не Тэдди». Более длинный успешный прием: «Маленький парикмахер сказал мне вчера, что он знает, что я не Тэдди. Я спросил его: «Почему?» И он ответил: «Потому что вы не показываете своих зубов».

★ ★ ★

При этом нужно помнить, как молод был еще и сам экс-президент Тэдди — пятьдесят два года в описываемое время. Даже писать мемуары было еще рано. Вернувшись в политику с лозунгом «Новый национализм», с идеей большого правительства, сдерживающего могущество монополий, Теодор Рузвельт объективно начал раскалывать ряды республиканцев. Его имя было у всех на устах — благоприятное для Франклина обстоятельство. Фермерам-республиканцам Франклин говорил, что они проданы республиканскими боссами в Олбени и Вашингтоне, что лучшим способом помочь мятежному Теодору было бы проголосовать за демократов.

Республиканцы воспринимали компанию, разъезжающую на красном «максвелле», как бродячий цирк. Самообман действовал до тех пор, пока самые отъявленные скептики не начали осознавать, что «главный клоун» вопреки всему приобретает популярность. Немедленно последовала контратака республиканцев: претендент не живет в округе, а владеет домом в Нью-Йорке; он вовсе не близок Теодору Рузвельту, а служит в противостоящей ему уолл-стритской фирме. Не поздно ли спохватились республиканцы? Франклин Рузвельт уже успел заработать политический капитал, закончив предвыборную кампанию в Гайд-Парке напоминанием о демократических убеждениях своего отца. В дождливый день (хороший знак для демократов — республиканские фермеры не пойдут ради гражданского долга месить грязь) Рузвельт проголосовал в Таун-холле Гайд-Парка и возвратился в Спрингвуд. Он был полон веры в благосклонность судьбы.

И она не подвела. В округе Датчес Франклин Рузвельт победил республиканца Шлоссера даже среди фермеров. На уровне штата победа была как бы поделена поровну: республиканец Джон Дикс стал губернатором, а демократы впервые за двадцать лет возобладали в обеих палатах законодательного собрания штата Нью-Йорк. На национальной же арене восходила звезда избранного губернатором штата Нью-Джерси президента Принстонского университета Вудро Вильсона.

Случайно ли выиграл Франклин Рузвельт ? Едва ли можно ответить положительно на этот вопрос, учитывая огромную предвыборную работу, его энергию и неимитируемую страсть. Да, удача помогла, но она помогает — в этом убедился Рузвельт — лишь тем, кто выкладывается сполна.

★ ★ ★

В Олбени, столице штата Нью-Йорк, не могли не заметить «пришествия второго Рузвельта». На той самой политической сцене, где Теодор Рузвельт блистал за тридцать лет до него, Франклин намеревался не проиграть в сравнении.

Да, фамилия, несомненно, выводила Франклина из тьмы неизвестности, откуда тщетно пытаются выбиться законодатели-новички. Его личное состояние также благоприятствовало подъему. Получавшие всего лишь полторы тысячи дол-

ларов за сессию члены законодательного собрания не могли позволить себе законодательного ничегонеделания. Рузвельт же, хотя и покинул адвокатскую фирму «Картер, Ледьярд и Милберн», смог снять трехэтажный особняк в доме 248 по Стейт-стрит. Семья плюс трое слуг (не считая нянь) переехала в Олбени. Франклин Рузвельт решил быть серьезным законодателем — влиятельные в Олбени выходцы из голландских семей согласно кивали головами.

Журналисты представили читающей публике портрет высокого, хорошо одетого аристократа с позолоченным пенсне. В «Нью-Йорк таймс» за 4 февраля 1911 года появилось описание дебюта: «Франклин Д. Рузвельт легко вошел в помещение сената в день открытия сессии. Непринужденно опустился в кожаное кресло под номером 26... Смотревшие на новопришельца увидели молодого человека с лицом римского патриция, сияющего здоровьем... Ему менее тридцати. Он высок и строен. С его симпатичным лицом и формами, выдающими упругую силу, он мог бы сделать карьеру на сцене».

Не все в зале были столь великодушны и благодушны. Один из боссов демократической партии Тим Салливэн заметил, что «этот парень, видимо, сделает нам то, что полковник (Теодор Рузвельт.— *А.У.*) собирается сделать с республиканской партией — расколет ее».

В общем и целом столица крупнейшего американского штата Олбени переживала своего рода революцию. После двадцатилетнего господства республиканцев к власти вернулись демократы — весьма пестрый конгломерат: с одной стороны, ставленники господствующей в Нью-Йорке организации демократов — Таммани-Холла, последователи Кливленда, с другой — сторонники реформ, прогрессисты. Губернатор Дикс рассчитывал на Рузвельта как на преемника своего отца Джеймса Рузвельта, в свое время энергично поддерживавшего президента-демократа Кливленда.

Боссизм

У господствующего крыла демократов уже сложилось представление об оптимальной расстановке сил внутри демократической фракции. Босс демократов в штате Нью-Йорк Ч.Мэрфи прочил на место лидера своей партии в верхней палате — сенате Р.Вагнера. А.Смит стал лидером демократов в нижней палате — палате представителей. Одной из главных задач Мэрфи было избрание своего человека — У.Шихана — в сенат США (поскольку срок пребывания в Вашингтоне сенатора Чонси Депью истекал в марте 1911 года).

В политике, как и в жизни, первый и, может быть, важнейший выбор — собираешься ли ты становится верным помощником или ты еретик по натуре. Франклин Рузвельт очень быстро обнаружил, что не способен быть политическим лаке-

ем. Отныне противостояние стало лишь вопросом времени. Первое свое несогласие с боссом Мэрфи было продемонстрировано тогда, когда вместо поддержки Шихана, кандидатуры Мэрфи, Рузвельт встал на сторону бывшего мэра Бруклина Э.Шепарда, «наиболее компетентного (как записал Ф.Рузвельт в дневнике) из всех претендентов». Вместе с молодыми прогрессистами он выступил за прямые выборы сенаторов, что сразу же подорвало бы мощь закулисной мафии. Есть, конечно, много объяснений «восстания Рузвельта», но главное — в его характере и воспитании. Подспудно в нем зрела ярость: он не хотел прожить жизнь марионеткой. К тому же умом и сердцем Рузвельт понимал, что любая карьера возможна лишь в случае успешного восстания. Стать винтиком машины означало для молодого политика публичную смерть. Несомненно, перед Франклином Рузвельтом маячил призрак дяди-бунтаря, перевернувшего многое в американской политике.

Незабываемым эпизодом в жизни Рузвельта стали конкретные обстоятельства. Когда демократы начали собираться в помещении ассамблеи штата для голосования по кандидатуре сенатора, они достаточно быстро обнаружили отсутствие кворума. Восставшая часть демократов решила собраться в номере соседнего отеля. Франклин пришел в этот номер первым и в течение мучительных десяти минут мысленно оплакивал свою судьбу — единственного инсургента. Но подошли еще восемнадцать сенаторов штата, и Рузвельту вручили бразды правления. Обструкция рузвельтовской фракции привела к тому, что У.Шихану не хватило десяти голосов для избрания в сенат США. Имя Рузвельта попало во все заголовки газет штата. Тупиковая ситуация длилась десять недель. Нужно сказать, что боссы демократов не сразу осознали серьезность оппозиции. Они все еще изображали Рузвельта «университетским козленком», «бычком, у которого еще мокро за ушами». Дошло до подозрений, что он — тайное орудие Теодора Рузвельта, вознамерившегося расколоть демократическую партию. Противостояние впервые проявило завидную черту характера Франклина Рузвельта — борьба его воодушевляла. Именно тогда он сказал репортеру примечательные слова: «Ничто я не люблю больше хорошей драки».

Чем дольше длилось противостояние, тем большую национальную известность обретал молодой Рузвельт. Выбор он обозначил жестко: честная политическая борьба или сговор боссов. Все это приобретало значимость общенационального очищения: в соседнем штате Нью-Джерси новый лидер демократов Вудро Вильсон вел борьбу с местным вождем демократов старого закала Джеймсом Смитом. Рузвельту сообщили, что Вудро Вильсон в курсе нью-йоркского противостояния и готов поддержать соратника. Моральная помощь шла и из другого лагеря — семейного. Теодор Рузвельт прислал из своего поместья Сагамор-Хилл записку: «Мы гордимся тобой. Удачи. Наилучшие пожелания Элеоноре». Газеты уже писали о складывающейся династии. Характерно, что Элеонора Рузвельт впервые приобщилась к горькому вину политики. Она видела, как делается эта политика: основные со-

вещания происходили в ее доме, и впервые испытанное чувство драмы ее заинтересовало.

У.Шихан не был простаком, ему наскучила осада, и он решил провести проверку боем, явившись с женой к Рузвельтам в их дом на Стейт-стрит. Элеонора вспоминает, как она беседовала с женой претендента в сенаторы, зная, что за дверью, среди мужского многоголосья, решается судьба противостояния. Наконец оба политика вышли к дамам с довольно угрюмым видом. На вопрос жены, достигли ли они согласия, Франклин ответил: «Конечно же, нет». В последней попытке загасить вражду вожди демократов пригрозили демократам-раскольникам лишить их всяких шансов на политическую карьеру. Драма граничила с фарсом. Один из противостоящих Шихану демократов прочел вечером в газете, что «восемь инсургентов убиты», и собрался бежать в Канаду, обнаружив лишь в последний момент, что в газетной статье речь шла не о штате Нью-Йорк, а о Мексике, где началась революция.

Рузвельт (в этом сказалась его интуиция) понял, что получившая национальное освещение битва представляет для него настоящую золотую жилу. На виду у всей нации он начал дело, которое было обречено стать популярным,— очищение Америки от авгиевых конюшен боссизма. Нью-йоркский Таммани-Холл, штаб политических рэкетиров, был притчей во языцах и, в конечном счете, позором штата. Противостоя ему, молодой политик возглавил очистительную волну и на гребне этой волны мог рассчитывать на новые вершины.

Противостояние с партийными боссами окончилось 31 марта 1911 года выдвижением компромиссного кандидата. Не впадая в подробности этого весьма скользкого дела, скажем, что, не достигнув и тридцати лет, Франклин Рузвельт получил известность в самом населенном и могущественном штате страны. А лично для Рузвельта, по его словам, эта политическая битва означала ускоренный курс американской политики в ее практическом измерении. Он увидел интриги и жестокое столкновение амбиций, определил для себя роль прессы, обозначил пределы внутрипартийного противостояния. Узнал цену твердости и компромисса. Увидел, как можно обратить поражение в победу. Отступив перед Мэрфи, по существу, он тем самым громогласно объявил, что система политического боссизма не оправится от нанесенного удара. Вопреки всему Рузвельт объявил о финале как о своей личной победе.

Всякий, претендующий на большее, встречает противодействие. Не счесть нелестных описаний молодого и самонадеянного игрока от политики, каким изображали Рузвельта политические противники (а союзников у него тогда было мало). Сблизившаяся с ним позже Ф.Перкинс на данном этапе разделяла точку зрения большинства: «Я хорошо помню его работающим в сенате. Высокий и худощавый, очень активный и алертный, он быстро перемещался по этажу, бродил по залам заседаний комитетов, редко разговаривал с коллегами, стремящимися избежать встречи с ним. Он не обладал особым шармом (это придет позднее). Всегда серь-

езен, смеялся редко , отталкивающая привычка высокомерно отбрасывать голову назад, да еще пенсне и большой рост — все это придавало ему образ верхогляда, сверху вниз смотрящего на людей... У него было юношеское желание преодолеть смущение, бросались в глаза черты самоуверенности и глухоты к надеждам, страхам и мечтам большинства людей». Как бы заочно защищая мужа, Элеонора писала об исходящей от неопытности неуверенности и застенчивости, а не о дефиците человеческой теплоты.

Один из биографов Рузвельта назовет своего героя «лев и лисица»: в первой же политической схватке своей долгой карьеры он проявил и смелость и хитрость. Обстоятельства «дела Шихана» быстро ушли на дно забвения, но то, что Рузвельт схватился с боссами Таммани-Холла, узурпировавшими власть в демократической партии, запомнилось многим. За Гудзоном, в соседнем Нью-Джерси, с идеями очищения демократической партии выступил сухощавый, собранный, хладнокровный, твердый и уверенный в себе профессор Вудро Вильсон. Два соседних штата дали двух политиков, чьи идеи и кипучая деятельность определили судьбу Соединенных Штатов в XX веке.

Вильсон

Первое упоминание профессора Вудро Вильсона о Франклине Рузвельте мы встречаем в беседе губернатора Нью-Джерси с лидером пенсильванских демократов Дж.Гаффи. На слова Гаффи, что все Рузвельты принадлежат республиканской партии, Вильсон ответил, что «этот Рузвельт» происходит из демократического крыла большой семьи, «он — самый симпатичный молодой гигант, которого я когда-либо видел». Впервые они встретились в конце 1911 года. Рузвельт прибыл в столицу Нью-Джерси город Трентон, чтобы самому убедиться, что у демократической партии появился лидер национального масштаба. Убедиться, что университеты рождают не только теоретиков, что будущее демократической партии за прогрессизмом. Хрупкое телосложение, суровый взгляд и профессорские очки недолго скрывали суть — перед ним был политический борец высших достоинств. Два политика несколько часов обсуждали будущее своей партии и возможности выдвижения Вильсона в президенты на предстоящем в июне конвенте демократической партии в Балтиморе. Завороженный талантом Вильсона Рузвельт проводил губернатора из Трентона в университетский Принстон. С этих пор и до смерти Вильсона Франклин Рузвельт был поклонником первого в американской истории после Томаса Джефферсона политика-интеллектуала.

Природа редко создает такие противоположности. Насмешливый, подвижный, склонный к шутке Рузвельт смотрел в жесткое лицо Вильсона, на его резко выдвинутый вперед подбородок, серо-голубые всевидящие глаза, на воплощение

серьезной и умной уверенности. До сих пор политическим идолом Франклина Рузвельта был «вечно молодой» мастер политического вызова, обладатель неукротимой жизненной силы Теодор Рузвельт. Впервые этот алтарь пошатнулся. Молодой Рузвельт увидел будущее в другом человеке, на двадцать шесть лет старше его, сидящем напротив в поезде, направляющемся в Принстон. На этот раз Франклин Рузвельт столкнулся с явлением не эмоционального, а сугубо интеллектуального плана. Возможно, лучше других объяснила различие двух величайших политических звезд Америки Элеонора Рузвельт: ее мужа интересовали люди, сплетение эмоций и битва воль, человеческий аспект. Вильсона интересовал не только общий политико-цивилизационный процесс, его возбуждали большие идеи, смыслом политической жизни для него была реализация политических идеалов.

Объясняя позднее свой безоговорочный переход под знамена Вильсона, Ф.Рузвельт определил принстонского лидера как вождя движения, «направленного на изменение условий, которые американский народ более не намерен был терпеть». Вильсон «остро ощущал прискорбные социальные условия существования большинства рабочих» и готов бы сражаться «за улучшение обстоятельств жизни своего народа». Рузвельт сразу же, не раздумывая, встал на вильсоновские позиции по вопросам внешних тарифов, антитрестовского законодательства, охраны естественных богатств страны. Он пообещал бывшему принстонскому профессору полную поддержку в процессе номинации на пост президента. Следует учесть, что обеспечить поддержку всех нью-йоркских демократов было не так-то просто: боссы типа Мэрфи просто ненавидели принстонского профессора — своего морально-интеллектуального антипода.

Личное в данном случае для Рузвельта было связано с общественным. Он достаточно отчетливо понимал, что партийная машина демократов в Нью-Йорке не потерпит одиночек вроде Рузвельта позже срока, истекавшего в 1912 году. Единственным способом избежать мертвящего пресса партии был выход на более высокую, общенациональную арену. В этом смысле только победа Вильсона давала Франклину Рузвельту шанс на политическое выживание, и он приложил все силы для избрания нового общепартийного лидера, для изменения характера своей партии.

Обращение в прогрессизм сказалось на Ф.Рузвельте незамедлительно. Он внес в ассамблею штата Нью-Йорк резолюцию о поддержке конституционной поправки, предполагающей прямые выборы в сенат США, систему прямых первоначальных выборов — «праймериз» (это было бы ударом по системе принятия решений «в душно накуренных комнатах», т.е. по системе боссизма). И эта резолюция была принята.

Тем временем эпоха Астора, Рокфеллера и Моргана уходила. Приходила эра пригородов и олицетворенной в виде дома и автомобиля американской мечты. Неконтролируемое насилие монополий было уже невозможно. Страну следовало вывести из джунглей ничем не сдерживаемого капиталистического разгула. Сле-

дуя за Вильсоном в яростном национальном самоочищении, молодой Рузвельт стал участником движения, именуемого в США прогрессизмом, которое было политической доктриной нарождающегося и занимающего все более важные позиции среднего класса американского общества. Конвейер Форда, выпуская автомобили уже сотнями тысяч, повышал мобильность населения и ускорял формирование класса зажиточных горожан, устремившихся в пригороды, увеличивал возможности немногих богатеющих фермеров. Сознательно или бессознательно Франклин Рузвельт встал на защиту этого укрепляющего свои позиции, недовольного наглостью боссов класса. А лидером движения выступил профессор-губернатор-президент Вудро Вильсон.

★ ★ ★

Отрешенный или высокомерный, но бродящий по комнатам нью-йоркской легислатуры Рузвельт размышлял над возможностями прогрессизма как новой системы взглядов, которая помогла бы во всеоружии встретить новый мир, о котором они говорили с Вудро Вильсоном. 12 марта 1912 года Рузвельт постарался изложить свое мировидение, выступая перед так называемым Народным форумом в городе Троя. Решение главных задач в обществе должно взять на себя государство. Над экономикой следует установить контроль в интересах большинства населения. Если частная собственность вступает в противоречие с общим благом, ее следует ограничить: «Конкуренция показала пределы своей полезности, и сегодня мы должны думать о кооперации». Кооперация если и не разрешит проблему противоречия между трудом и капиталом, то поставит пределы высокомерному всевластию денег, откроет дорогу прогрессивному реформированию.

Заправляющий демократической машиной Нью-Йорка Таммани-Холл позаботился о том, чтобы Франклин Рузвельт не попал на демократический конвент 1912 года, собравшийся в Балтиморе. Несмотря на все усилия прогрессистов, оказалось, что у губернатора Вильсона мало шансов — он отставал от соперника-миссурийца Кларка на 188 голосов. Но судьба Вильсона решилась, как это ни удивительно, в другом городе и другими людьми. Взбешенный махинациями протафтовской политической верхушки воротил республиканской партии экс-президент Теодор Рузвельт вскричал библейское «Не укради» и под пение боевых гимнов покинул республиканский конвент вместе со своими многочисленными сторонниками. Практически на голом месте была создана новая прогрессивная партия, и Теодор Рузвельт, сообщив, что он «крепок как лось», повел ее в бой: «Мы стоим у преддверия Армагеддона, и мы бьемся на стороне Бога!». Все это безнадежно раскололо республиканскую партию.

В сложившихся условиях становилось ясным, что демократы победят, выдвинув любого из двух главных претендентов. Кто из них лучше? Франклин Рузвельт так ориентировался в раскладе политических сил в стране: «Если демократы не вы-

двинут сторонника прогрессивных взглядов, Теодор Рузвельт похитит голоса прогрессивно настроенных демократов». Чтобы поддержать Вудро Вильсона, он привез в Балтимор группу в сто пятьдесят человек. Они расположились в Мэнси Билдинге — прямо напротив отеля Эмерсон, где жили два главных претендента Вильсон и Кларк. Но это была, так сказать, группа общественной поддержки, права голоса на конвенте она не имела. Крик на галерке мало что значил при подсчете голосов.

Конвент открылся 25 июня 1912 года в огромном здании Арсенала. Двадцатитысячное собрание изнывало от летней жары, мужчины закатали рукава рубашек. На галерке, где стояли Франклин и Элеонора, было еще жарче. Но Рузвельту вся эта климатическая и политическая жара нравились. Снизу один из знакомых обратил внимание, что Рузвельт «был в веселом настроении, и я думаю, он был самым привлекательным молодым человеком из всех, кого я видел».

Шла жестокая битва. Рузвельт заметил, что привратники пропускают в Арсенал лишь людей со значками «За Кларка», и, перехитрив простодушного противника, снабдил своих единомышленников именно такими значками. Силы двух коалиций были примерно равны, и судьба склонилась в пользу Вильсона только после сорок шестого голосования. Истощение делегатов было таково, что последовавшая сразу же номинация вице-президента прошла при первом же голосовании. Итак, прогрессивное крыло демократической партии возобладало. Франклин телеграфировал не вынесшей напряжения съезда Элеоноре: «Вильсон номинирован сегодня пополудни. Мои планы неопределенны. Полный триумф». Ставший его ближайшим другом и главным политическим советником бывший газетчик Луис Хоув поздравил Франклина телеграммой, начинавшейся словами: «Уважаемый будущий президент».

(О Хоуве следует сказать отдельно. Одним из главных талантов Рузвельта был безошибочный выбор способных людей, он видел их возможности едва ли не сразу. Хоув пришел к нему в тяжелый момент, когда он ввиду болезни физически не мог бороться за свое переизбрание в легислатуру Нью-Йорка. Хоув понял его с полуслова и организовал эффективную борьбу посредством посылки писем, деклараций — всех видов непрямого участия. И Рузвельт был переизбран. Отныне они были неразлучны.)

Удача никогда не одинока — в эти же дни семья Рузвельта въехала в Гайд-Парке в новый большой дом (тридцать пять комнат). После жаркого лета Рузвельт как бы заново познакомился со своими детьми. И все же ничто не могло отвлечь молодого политика от главного: следовало ожидать осени, битвы Вильсона на двух фронтах — с республиканцами и прогрессивной партией Теодора Рузвельта.

Теодор Рузвельт сразу же обошел Уильяма Тафта (действующего президента и официального претендента на новый срок от республиканской партии). Становилось очевидным, что главная битва развернется между ним и Вудро Вильсоном. Судья Уильям Брендайс посоветовал демократическому кандидату сделать ключе-

вой проблемой кампании обличение трестов, и Вильсон атаковал Т.Рузвельта с его «новым национализмом» как защитника монополий. Большой бизнес, возвещал губернатор Нью-Джерси, стоит на пути прогресса нации и должен быть отодвинут с ее исторической дороги. Свою программу Вильсон назвал «Новой свободой»: «Я утверждаю это без оговорок, и каждый прогрессивно мыслящий человек фактически обязан разделить эту позицию — частные монополии нетерпимы и их не следует защищать». Теодор Рузвельт не привык оставлять вызов без ответа, он стал отстаивать «свой прогрессизм как более прогрессивный», но посредине предвыборной кампании политический фанатик выстрелил ему в грудь. Рузвельта спас текст длинной речи, страницы которой задержали движение пули, достигшей ребер. «Не трогайте этого человека»,— закричал раненый оратор и, несмотря на кровь, продолжал произносить свою речь. Только завершив ее, он отправился в госпиталь.

Франклин Рузвельт сравнивал двух политических героев своего времени: «Теодору Рузвельту не хватало обращенности Вудро Вильсона к фундаментальным вопросам, и он не умел возбудить, как это делал Вильсон, подлинно глубокие моральные и социальные убеждения. Вильсон со своей стороны не мог так, как Теодор Рузвельт, возбуждать в людях энтузиазм по поводу отдельных конкретных событий».

Сочувствие к раненому претенденту не компенсировало пропущенной финальной стадии. Вильсон получил 6,3 миллиона голосов, Т.Рузвельт — 4,1 миллиона, президент Тафт — 3,5 миллиона. Ясно, что лишь раскол республиканцев позволил Вильсону опередить всех на дороге в Белый дом. Ясно также, что прогрессизм стал силой общенационального масштаба, если даже такая индивидуальность, как Теодор Рузвельт, попытался сыграть на нем.

В штате Нью-Йорк демократы снова возобладали в обеих палатах, и Франклин получил пост председателя комитета по сельскому хозяйству. А далее судьбе было угодно сделать счастливый поворот. На пути в Вашингтон (чтобы присутствовать на инаугурации Вудро Вильсона) Франклин встретил только что назначенного министром финансов Уильяма Макаду, и тот предложил ему на выбор несколько федеральных должностей. В утро инаугурации новый военно-морской министр Дж. Дэниэлс, с которым они познакомились на конвенте демократической партии, предложил ему быть своим заместителем. От такого предложения отказаться было невозможно — дядя Тэд Рузвельт шел в Белый дом именно этим путем: «Всю мою жизнь я любил корабли и читал все что можно о флоте. Нет места, которое нравилось бы мне больше, чем пост, который вы предлагаете».

Президент Вильсон задал Дэниэлсу два вопроса: «Насколько хорошо вы знаете мистера Рузвельта и в какой мере он компетентен?» — «Я встретил его на балтиморском конвенте, знаю о его борьбе в Олбени, завершившейся избранием либерала, проголосовавшего за вас. Я знаю, что он знаком с военно-морским флотом с детства».— «Очень хорошо. Шлите бумагу о назначении». Единственное пре-

достережение прозвучало из уст сенатора Элиу Рута: «Вы ведь знаете Рузвельтов. Где бы они ни скакали, они желают скакать в первом ряду». В день восьмой годовщины своей женитьбы на Элеоноре 17 марта 1913 года Франклин Рузвельт сел за старый стол Теодора Рузвельта в министерстве военно-морского флота. В Вашингтоне еще помнили, как Теодор Рузвельт воспользовался отъездом своего начальника и приказал коммодору Дьюи атаковать испанскую эскадру на рейде Манилы. Столь же страшно было оставлять в министерстве младшего Рузвельта. Дядя Теодор поздравил племянника с занятием еще одного поста, который когда-то был его. В те времена правительство было относительно небольшим, поэтому даже заместители министров были видными фигурами, и Рузвельт имел возможность периодически встречаться с президентом. О влиянии личности Вильсона Рузвельт в дальнейшем признавался всегда. Молодого Рузвельта поразили слова Вильсона о том, что «только единожды в поколение люди поднимаются над материальными обстоятельствами. Вот почему консервативные правительства находятся в седле две трети всего времени».

Вашингтон

Семь с половиной лет, проведенных в министерстве военно-морского флота, стали хорошей школой для Франклина Рузвельта. Он изнутри увидел, как работает огромный механизм федерального правительства, научился действовать в беспощадное время военного кризиса, постарался не растерять своего энтузиазма в рутине будней.

В те годы Америка стояла на историческом переломе. То, что еще 10—12 лет назад было бы пустым оригинальничанием — идея мировой роли Америки, во втором десятилетии XX века становится главенствующей политической философией когорты деятелей, занявших в годы правления президента Вильсона (с 1912 года) высоты государственной власти в Вашингтоне. Это было особенное для Америки время. После череды посредственностей, населявших после Линкольна Белый дом, к власти в начале века пришел неординарный Теодор Рузвельт, а затем воплощающий национальную жажду перемен Вудро Вильсон. Для тридцатилетнего Франклина Рузвельта это были первоклассные учителя. Но удивительнее всего было само время. Шкиперы и лейтенанты маленького военно-морского министерства Леги, Старк, Хелси, Киммель через три десятилетия станут адмиралами самого большого в мире флота. Рузвельт до последних дней будет просматривать списки высших офицеров — это всегда будет его вотчиной.

В элиту «мировых политиков» вошли дипломаты, военные, чиновники высокого ранга, представители бизнеса и университетские теоретики. Их объединяла идея необходимости использовать феноменальный потенциал Соединенных Шта-

тов для энергичного выхода на мировую арену. Более того, стало казаться возможным овладение Америкой контрольными позициями на этой арене. Именно в те годы у Франклина Рузвельта формируется видение мировых политических реалий. Чтобы вступить в мировую политику, говорит отпрыск знаменитой семьи, Америка должна вооружиться на морях: «Мы не можем вести боевые действия с флотом Германии и дредноутами Англии, имея в своем распоряжении лишь канонерские лодки». Равенство в военно-морских вооружениях с ведущими странами мира — вот что становится главной темой рассуждений молодого Франклина Рузвельта. Он выступает за вмешательство в мексиканские дела и за жесткий курс в отношении Японии.

Частью реализации этой концепции стало строительство громадного военно-морского флота, чтобы, как определил Ф. Рузвельт, «противник не смог превзойти нас даже в самой удаленной части мира, нанести вред нашей торговле и разрушить наше влияние повсюду в мире». Каковы пределы видимой в то время Ф. Рузвельтом сферы влияния Соединенных Штатов? «Наша национальная оборона должна охватывать все западное полушарие, морские пространства на тысячи миль от наших границ, должна обеспечивать контроль над Филиппинами и над теми морями, по которым пролегают наши торговые пути.»

А начало было малообещающим. Американский флот насчитывал 259 кораблей (среди них 21 линейный корабль), на которых плавали 65 тысяч матросов. Он стоил американцам в 1913 году 143 миллиона долларов — 20 процентов всех государственных расходов. При этом он занимал четвертое место в мире после Британии, Германии и Франции. Лишь небольшая его часть была современной. Структура флота оставалась неизменной с 1842 года. Теодор Рузвельт пытался создать некий аналог генерального штаба для флота, но адмиралы саботировали перемены, ведь изменения могли ограничить их власть, противоречили их опыту, посягали на престиж.

Шеф Рузвельта, Дэниэлс, был экстравагантным министром по любым стандартам. Дитя прерий, он был к тому же и пацифистом (хотя по странному стечению обстоятельств его и государственного секретаря Уильяма Дженнингса Брайана считали наиболее агрессивными членами кабинета). Но при этом за внешностью простого парня скрывался ум, талант и собственные идеи, в чем Франклин Рузвельт убедился довольно быстро. Назначение Дэниэлса было откровенной платой за политическую поддержку. Сам Рузвельт был сторонником идей капитана Мэхэна, чьими книгами о значении военно-морской силы он зачитывался уже давно. В пику пацифисту Брайану Франклин Рузвельт уже в первые дни пребывания в Вашингтоне объявил, что нация «должна иметь вооружение силы наивысшей эффективности». Адмиралы быстро раскусили, к кому следует обращаться по проблемам строительства океанского флота; они откровенно ждали, когда Дэниэлс покинет столицу и бразды правления возьмет этот лихой Рузвельт.

Сотрудничая (и соперничая) с Дэниэлсом, Рузвельт узнал Америку Юга и Запада, Америку маленьких городов, вошел в контакт с представляющими далекие штаты конгрессменами. Молодой замминистра излучал энергию. При этом он, конечно, делал ошибки, но старался быстро их исправить, а главное, стремился не упустить общей картины развития событий. Он учился искусству управлять и ладить с людьми. Это была трудная наука, но такие люди, как Дэниэлс, были благожелательными учителями. С высоты прошедшего времени даже удивительно, как он терпел всезнающего тридцатилетнего молодого человека.

Военно-морское министерство располагалось в здании, где сейчас размещается государственный департамент, и каждому, кто бывал в Вашингтоне, ясно, что с его этажей виден Белый дом, средоточие федеральной власти. Однажды Дэниэлсу принесли фотографию, где они стоят вдвоем с Рузвельтом, и министр спросил его, отчего у него на фото рот до ушей. Рузвельт ответил, что это результат старания выглядеть как можно лучше. «А теперь я скажу тебе почему. Мы стоим на верху нашего министерства и оба смотрим на Белый дом. Ты, будучи ньюйоркцем, говоришь себе: «Однажды я буду жить в этом доме». Я же, происходя с Юга, знаю, что подобные амбиции бессмысленны.» (Рузвельт навсегда сохранил симпатию к своему оригинальному и терпимому начальнику. Когда он стал президентом, то назначил Дэниэлса послом США в Мексике.)

При всех стараниях, даже после личных встреч, Рузвельту не удалось наладить тесные отношения с Вудро Вильсоном. Много лет спустя он попытался объяснить почему. «Президент был убежденным пресвитерианцем и был уверен, что люди грешны по натуре. Он пришел к выводу, что западная цивилизация пойдет по пути самоубийства, если, по Божьей милости, достойные люди Запада не выработают золотые правила спасения.» Главным среди этих правил была ответственность, а не панибратство. Такой подход был слишком серьезен для молодого политика, не видевшего впереди Армагеддона, не готовившегося к судному дню, а способного воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств, выдвинувших его на политический Олимп страны в тот самый момент, когда Америка силою материальных обстоятельств приблизилась к рычагам руководства мира.

Стоявший у руля власти Вильсон, безусловно, верил в себя. Он полагал, что президент должен быть подлинным национальным лидером, способным умом и красноречием повести за собой страну. При первой же возможности Вильсон обращался через головы законодателей к американскому народу, апеллируя к его здравому смыслу. Впервые после Джефферсона он начал свое правление прямым личным обращением к конгрессу. Общее настроение страны, возмущенной поведением и прежде всего безответственностью наглого неприкрытого богатства, ее стремление осуществлять откровенный политический патронаж помогало Вильсону. Историческая приливная волна вела его государственный корабль в желаемом направлении. Новый политический катехизис, названный Вильсоном «Новой свободой», ма-

териализовался созвездием прогрессивных законов. Рузвельт виделся с президентом не так часто, как хотел бы, но почти каждая встреча производила на него впечатление.

★ ★ ★

Вашингтон 1913 года был особенным городом. Окончилась его вековая спячка, росли здания, федеральные учреждения приобретали новую, общенациональную значимость. Прежнее провинциальное общество столицы превращалось все больше в космополитическое. Рузвельт исправно учился танцевать танго и все виды тротов. Женщины начали курить в обществе. Длина юбок резко сократилась. В моде были Омар Хайям и своего рода гедонизм. Рузвельт играл в гольф, стал членом всех избранных клубов, его постоянно видели в театре. Описывая позже свою жизнь в Вашингтоне, Франклин Рузвельт пользовался тремя словами: «Салун, салон, Салом». В салуне рекой текло виски, в салоне вели светские беседы, в Саломе музыка звучала приглушенно, девушки отличались красотой. «Рузвельт знал их всех»,— вспоминает помощник.

Летом общество покидало утопавший в мареве город. Элеонора уезжала в Кампобелло — к северным канадским водам. Франклин присоединялся к семье на несколько недель. К удивлению и восторгу округи однажды он подогнал к северо-атлантическому побережью линейный корабль «Северная Дакота». Предстояло празднование Дня независимости — 4 июля. Замминистра прибыл на линкор в белом фланелевом костюме и приказал произвести салют в честь граждан, восторженно смотревших на огромный корабль с берега. Офицеров приняли в коттедже Рузвельта.

В Вашингтон семья (трое детей и четверо слуг) переезжала на автомобиле с шофером. Соседи были приятны — они еще хорошо помнили правление Теодора Рузвельта. Лучший друг первого президента из клана Рузвельтов — английский посол сэр Сэсил Спринг-Райс — распростер свои объятья. Подобный же прием ожидал у французского посла Жюссерана. Сенатор Лодж, судья Оливер Уэнделл Холмс и Генри Адамс были героями своего времени, и их тоже интересовал молодой Рузвельт. Сложилось общество, в котором умудренные жизнью люди довольно критически смотрели на мир и по-новому оценивали положение в нем Соединенных Штатов.

Нужно сразу сказать, что никто из этих наблюдательных людей не усмотрел в веселом и остроумном Рузвельте черт будущего величия. Молодой Рузвельт предпочитал беседы чтению, обсуждение животрепещущих тем одиноким прогулкам, шум застолья задумчивому уединению. Друзей забавляло его самозабвенное собирание почтовых марок. Так же, как марки, он собирал отовсюду друзей и знакомых. Смеялись над восхищавшим Франклина Рузвельта обязательным салютом из семнадцати пушек в честь его прибытия на флот, над изобретенным им специальным флагом, сигнализировавшим о присутствии замминистра на данном кораб-

ле, над его непреодолимым желанием встать у руля любого судна, над любовью к морскому жаргону.

Будущий военный министр Ньютон Бейкер довольно язвительно сказал о нем: «Сколько я его ни наблюдаю, он все время стремится разъяснить для себя мир идей и научиться посредством непрерывных бесед. Молодой Рузвельт — многообещающая фигура, но я думаю, что он истощит себя в постоянных контактах с людьми». В этом замечании была большая доля правды. Более чем книги или что-либо иное, источником образования и вдохновения для Рузвельта всегда были *люди*.

Уильям Филипс (близкий друг) представляет нам Рузвельта в это время как «приятного и внимательного собеседника, но далеко не тяжеловеса в политике, блестящего, но не особенно убежденного в своих взглядах... Он обнаруживает потрясающую жизненную силу, интерес ко всему. Он всегда занимателен, всегда является душой компании, но, кажется, он еще не достиг зрелости». Гибкость стала едва ли не главной чертой его характера. Отмечали приятный тембр голоса. С годами взгляд сверху вниз стал восприниматься как знак внимания, а не высокомерия. Кто-то обратил внимание, что один его глаз больше второго. В то же время стали появляться темные круги под глазами и руки стали слегка дрожать — обе особенности можно назвать семейными, наследственными.

По отношению к детям Рузвельт (как и его родители) не следовал никакой системе воспитания, он попросту позволял им все. Никто не может вспомнить хотя бы одного случая наказания им детей — если это и имело место, то это было делом Элеоноры. С годами ответная любовь детей стала ослабевать, так как Франклин Рузвельт, погружаясь в политику, все меньше времени уделял своим растущим детям.

★ ★ ★

Как динамомашина военно-морского строительства Франклин Рузвельт участвовал в разрешении двух мини-кризисов, повлиявших на военно-морскую политику США. Первый относится к апрелю 1913 года, когда возмущенная антияпонскими актами калифорнийской ассамблеи императорская Япония в националистическом ослеплении стала потакать голосам, твердящим, что война на Тихом океане неизбежна. Рузвельт также на определенном этапе склонялся к тому, что война с Японией неминуема. Но после взаимного ожесточения накал начал спадать, и дело повернулось к миру, когда президент Вильсон лично приказал прекратить ажиотажные встречи высоких военных чинов, способных только на силовое планирование.

Второй эпизод связан с кризисом в охваченной революцией Мексике в 1914 году. Кайзеровская Германия послала президенту восставшей Мексики Викториано Пуэрте 200 пулеметов, создав крайне неприятный для США прецедент. Президент Вильсон, отдав приказ захватить присланное оружие, показал, что его недо-

оценивают. Военно-морская пехота США высадились 21 апреля в Веракрусе. В последовавшей схватке с инсургентами девятнадцать американцев были убиты. Предвосхищая события, Рузвельт привел Тихоокеанский флот в состояние боевой готовности. Такая эскалация конфликта была именно тем, чего боялись члены кабинета. Вашингтонские руководители отозвали горячего замминистра в столицу. Вильсон вскоре согласился на посредничество Аргентины, Бразилии и Чили.

Однако Рузвельт, еще находясь во власти инерции, продолжал даже на публике утверждать, что Соединенным Штатам следует готовиться к войне: «Рано или поздно, но Соединенные Штаты обязаны будут вмешаться в болото мексиканской политики. И я думаю, что сейчас для этого настало самое время». Остужая горячие головы, президент Вильсон вынужден был указать, кто принимает решение, и Рузвельт, чтобы избежать изоляции в кабинете министров, должен был признать, что зашел слишком далеко. Позднее Дэниэлс примирительно скажет: «Он был молод и делал ошибки». Немцы все же выгрузили свои пулеметы, но в другом мексиканском порту, американцы не могли бесконечно долго сидеть на штыках и в конце концов должны были уйти из Веракруса. Да и сам этот эпизод потерял какую-либо значимость на фоне потрясающих событий, которые разворачивались летом 1914 года в Европе.

«Мы присутствуем при творении истории»,— заключил Франклин Рузвельт 1 августа 1914 года, когда Европа прервала столетний мирный период своего развития. В день объявления Германией войны странам Антанты Рузвельт в ажиотаже бросился в военно-морское министерство, но обнаружил там «сонное царство». С его точки зрения, официальный Вашингтон не оценил в должной мере значения происходящего. Вся Атлантика — да что там океан, весь мир становился полем битвы, а американский флот застрял в жалком мексиканском Веракрусе. При этом старший коллега по министерству Дэниэлс вовсе не испытывал энтузиазма. Он «казался очень печальным, и его вера в человеческую природу и прочие идеалистические благоглупости подверглись непоправимому удару. Я был единственным, кто призывал к боеготовности». В письмах Рузвельта этого периода ощутимо ликование, похожее на восторженное черчиллевское восприятие начала войны. Элеоноре он пишет: «Теперь я наконец-то ощущаю важность своей работы». Рузвельт оказался прав, сказав, что начавшаяся война продлится долго. Он решительно опроверг мнение своих друзей из финансового мира, что финансовые сложности заставят воюющие страны прекратить боевые действия. С самого начала встав на сторону Антанты, он предсказал поведение Англии: «Англия присоединится и совместно с Францией и Россией навяжет мир в Берлине!»

В администрации Вильсона сразу образовались две фракции. Государственный секретарь Брайан и министр военно-морского флота Дэниэлс выступили за безусловный и безоговорочный нейтралитет Америки. Рузвельт примыкал к другой фракции — они предчувствовали, что Соединенным Штатам не удастся остать-

ся в стороне от мирового конфликта. Идеолог глобализации американской политики адмирал Мэхэн сразу же увидел в заместителе министра военно-морского флота представителя новых сил, выступающих за энергичную внешнюю политику. Он прислал Рузвельту несколько ободряющих писем. У Мэхэна (как и у прочих интервенционистов) не было сомнений в том, на чьей стороне находится Рузвельт в мировом конфликте: все его воспитание, система взглядов, симпатии и интересы с самого начала были на стороне Британии, на стороне Антанты.

Рузвельт кипел праведным гневом: «Они (изоляционисты) понимают в европейской политике меньше, чем Эллиот (четырехлетний сын Рузвельта.— *А.У.*) в математике». Ожесточение в отношениях между этими фракциями росло по мере расширения мировой войны. Письма Ф. Рузвельта, относящиеся по времени к началу мирового кризиса 1914 года, полны упреков в адрес коллег по военно-морскому министерству. Эти чиновники с провинциальным кругозором не замечали того, что казалось очевидным Рузвельту: гражданская война европейских государств создает Америке шанс изменить всю систему мирового соотношения сил. Америке следует воспользоваться кризисом для выхода из изоляции на широкие мировые просторы. Рузвельт жалуется на косность окружения. В июне 1916 года он пишет о себе как о «единственном человеке в вашингтонской администрации, который понимает возникающие восхитительные возможности». Считая, что правительство Вильсона теряет драгоценный политический шанс, Франклин Рузвельт консолидирует своих единомышленников, в ряды которых вливаются Теодор Рузвельт, финансовый магнат Дж. П. Морган и генерал Л. Вуд. Группа политиков, финансистов и военных из обеих фракций начинает придерживаться мнения о необходимости развертывания армии и флота до уровня мировых пропорций и вступления в войну при первой же возможности.

Ф.Рузвельт выступил против разделения флота на атлантический и тихоокеанский, в чем его полностью поддержали Теодор Рузвельт и адмирал Мэхэн. «Поделите флот,— писал Мэхэн,— и вы будете неполноценны на обоих океанах». Но правящая элита Америки еще не сделала выбора. Президент Вильсон пока призвал американцев «быть нейтральными как в мыслях, так и в действиях».

Бездействие было нестерпимо для Рузвельта. Осенью 1914 года он бросил свою шляпу на ринг выборов сенатора в федеральный конгресс от штата Нью-Йорк. Амбиций ему было не занимать, но он был еще очень молод и ему явно не хватало опыта. Пресса справедливо сомневалась в бойцовских качествах замминистра: «Он спокоен и ненавязчив, но у него поведение и манеры студента. Со своим юношеским умным лицом и мягким акцентом он не производит впечатления упорного борца... Некоторые из его речей составлены не без искусства, но по окончании этих речей слушатели ловят себя на мысли, что знают не больше, чем до их начала о великих вопросах, вставших перед страной... Большой личной силы и магнетизма, необходимых для решения великих вопросов национального значения, ему явно не хва-

тает». Подобные мнения определили ситуацию у избирательных урн. Его соперник — более умеренно настроенный посол США в Германии Джерард получил в три раза больше голосов, чем Франклин Рузвельт.

Несколько уроков, извлеченных из этой кампании, запомнились Рузвельту надолго. Во-первых, не полагаться только на импровизацию. Во-вторых, начинать кампанию по времени значительно раньше. В-третьих, распределять потенциал, рассчитывать силы для длинной дороги. В-четвертых, совершенствовать способы сохранения физической формы. В-пятых, не настраивать против себя соперника до степени отказа от возможного компромисса.

Мировая война

Стремясь задушить Британию в тисках морской блокады, немцы начали в феврале 1915 года политику потопления всех судов в обозначенной ими вокруг Британских островов зоне. 7 мая немцы потопили лайнер «Лузитания» с 128 американцами на борту. Тигр национальной арены Теодор Рузвельт обвинил правительство в преступном бездействии. Но официальный Вашингтон держался той точки зрения, что время решительных действий еще не пришло. Президент Вудро Вильсон превзошел самого себя, заявив после потопления «Лузитании», что Америка «слишком горда, чтобы воевать», и ограничился направлением в Берлин ноты протеста. Франклин писал Элеоноре, что поведение американской дипломатии «отвратительно».

Берлин приказал капитанам подводных лодок на время уйти с пассажирских линий. Но было уже поздно: Америка начала убеждаться, что победа Германии принесет ей серьезные проблемы. В то же время стало приходить и трезвое понимание материальной неготовности Америки к противостоянию германской военной машине, находящейся в полной боевой готовности. Элита страны меняет свое отношение к войне. Боясь, что республиканцы в свете возможной победы Берлина перехватят знамя политического лидерства в стране, администрация Вильсона встала на путь подготовки к конфликту. 21 июня 1915 года Вильсон приказал военному и военно-морскому министрам подготовить планы массированного вооружения Америки.

★ ★ ★

Наступил XX век. При непосредственном участии Рузвельта были сформулированы и детализированы планы строительства 156 новых кораблей общей стоимостью в полмиллиарда долларов — среди них 10 линейных кораблей, 6 крейсеров, 50 эсминцев и 67 подводных лодок. Даже ультрапатриоты не предлагали больше. Выполнение этого плана означало превращение Соединенных Штатов в первую

военно-морскую державу мира. В процессе обсуждения плана президент Вильсон резко выступил против изоляционистов: «Позволяли ли вы своему воображению представить себе огромную линию побережья от Панамского канала до Аляски — от Панамского канала до северной оконечности штата Мэн? Только американский флот может прикрыть это побережье, и он должен быть первым флотом в мире». Рузвельта вдохновил этот подход: «Если вы допускаете возможность нападения на нашу страну, на наше побережье или островные владения, возможность нанесения ущерба нашей торговле с зарубежными странами, тогда вы должны стать сторонником адекватной национальной обороны».

Рузвельт (как и Черчилль на противоположной стороне океана) раньше других оценил возможности авиации. В Пенсаколе (Флорида) была создана первая школа военно-воздушных сил. Самолеты стали участвовать в военно-морских маневрах. Особое подразделение морских офицеров приступило к изучению европейских технических усовершенствований. Когда военно-морской атташе в Лондоне пожаловался на трудности ознакомления с добытым сложными путями авиационным мотором, Рузвельт ответил, что авиационного мотора мало, он хочет иметь морской аэроплан целиком, а как он будет добыт, неважно.

Яхтсменам предложили пройти военную подготовку — две тысячи яхт участвовали в показательном круизе лета 1916 года, изучая навигацию, судовождение и искусство стрельбы, чтобы затем влиться в военно-морской флот. Грандиозная битва британского и германского флотов при Ютланде (31 мая 1916 года) побудила конгрессменов голосовать за ускорение морского строительства и создание офиса главы военно-морских операций — фактического военно-морского штаба.

★ ★ ★

На президентских выборах 1916 года Вильсону противостоял республиканец Чарльз Эванс Хьюз. Крыло республиканцев, возглавляемое Теодором Рузвельтом, осуждало медлительность военных приготовлений Вильсона. Под давлением интервенционистов внутри своей партии Хьюз обещал быть «тверже» с немцами. Но демократы уловили все еще доминирующее в стране желание избежать вовлечения в войну и провели кампанию по переизбранию Вильсона под лозунгом: «Он удержал нас от войны». В день выборов брокеры оценивали шансы Вильсона совсем невысоко — как шесть к десяти, но, как оказалось, принстонский профессор лучше знал свою страну.

Ночь выборов Рузвельт провел на Манхэттене, в Билтмор-отеле, в компании с Генри Моргентау-старшим, председателем финансового комитета демократической партии. Вначале картина казалась безотрадной: штаты Востока проголосовали за Хьюза. Когда Франклин Рузвельт утром сел на поезд, отбывающий в Вашингтон, он мысленно прощался с федеральной службой. Но новые сообщения

принесли надежду. Штаты Среднего и Дальнего Запада, где было немало этнических немцев, переломили опасную для демократов тенденцию. «В полдень самого необычного дня моей жизни оказалось, что Вильсон все же может быть избран.» Дяде Теодору придется переделывать свое самое значительное историческое сочинение «Покорение Запада»,— шутил племянник. Во второй половине дня сообщения с Дальнего Запада подтвердили: Вильсон вышел вперед, именно ему придется решать судьбу страны в следующие четыре года.

Между тем мировая война вошла в свою решающую стадию. Не сумев при Ютланде сокрушить британский флот — главное орудие блокады, германское командование 1 февраля 1917 года возобновило неограниченную подводную войну. Это была азартная игра высшего класса. Берлин понимал, что его действия могут вовлечь в войну могущественные Штаты, но надеялся на медлительность янки, рассчитывал до их возможного вступления в войну задушить в кольце блокады Британию. Атлантический океан стал полем битвы, и в прицел немецких подводных лодок все чаще стали попадать американские корабли.

Америка подняла брошенную перчатку. В дождливый день 2 апреля 1917 года Франклин Рузвельт с большим трудом достал жене билет в ложу для публики конгресса. В тумане вокруг Капитолия была видна вооруженная охрана — боялись массовых протестов пацифистов. К половине девятого вечера члены палаты представителей заняли свои места в зале. Члены Верховного суда разместились непосредственно перед трибуной спикера, кабинет расположился сбоку. В зале в полном составе присутствовал дипломатический корпус. Сенаторы вошли с небольшими американскими флагами. Прозвучало объявление: «Президент Соединенных Штатов», и зал встретил Вильсона трехминутной овацией. Президент назвал действия подводных лодок «войной против человечества». Нейтралитет не спас тысячи американских жизней, и альтернативой войне стало лишь подчинение. «Я советую конгрессу оценить нынешний курс имперского германского правительства как войну против правительства и народа Соединенных Штатов... Мир должен быть сделан безопасным для демократии.»

Все собрание встало, приветствуя слова президента. В своих комментариях для прессы Рузвельт стремился быть достойным красноречия президента: «Никакое заявление об американской национальной чести и высоких целях Америки не могло быть сделано более ясно и определенно». 4 мая 1917 года первые корабли американского военно-морского флота прибыли в европейские воды для борьбы с германскими подводными лодками.

В задачу Рузвельта входила организация тренировочных лагерей, заключение договоров с компаниями о производстве оборудования для флота, рекрутирование добровольцев и многое другое. Он действовал настолько энергично, что президент вынужден был вызвать его в Овальный кабинет и попросить оставить что-нибудь для армии.

Рузвельта в это время привлекал прецедент, созданный дядей Теодором, — во время войны с Испанией тот ушел с административной должности на фронт. Вильсону и Дэниэлсу с трудом удалось отговорить тридцатипятилетнего энтузиаста, отца пятерых детей. Его энергия, уверенность в себе, гибкость, умение использовать любую возможность нужны были в Вашингтоне. Для подчинившегося президенту Франклина Рузвельта живым укором был пятидесятидевятилетний дядя Теодор, слепой на один глаз, страдающий от тропической лихорадки, но прибывший в столицу с предложением собрать дивизию добровольцев для борьбы во Франции. Франклин и Элеонора приложили титанические усилия, чтобы ослабить извержение этого вулкана энергии. Франклин организовал встречу Теодора Рузвельта с президентом Вильсоном, и тот с печалью сказал своему многолетнему сопернику, что в текущей войне нет места галантности, что нация будет полагаться на систему массового набора в армию, а не на волонтеров (своему помощнику Вильсон сказал, что наилучший способ обращения с Теодором Рузвельтом — полное его игнорирование). Все четыре сына Теодора Рузвельта немедленно вступили в армию.

За 18 месяцев США поставили под ружье 4 миллиона человек, половина из них отправилась во Францию. Американская промышленность начала работать со скоростью, которой не ожидали ни противники, ни союзники. Франклин Рузвельт, провожая французскую миссию к президентской яхте «Мейфлауэр», посоветовал им просить максимум. Да Вильсон, собственно, не нуждался в подстегивании. Флот уже переместился в Восточную Атлантику — 85 американских кораблей, базируясь в английских и французских портах, обеспечивали перевозку в Европу американской армии.

Первый контингент американских войск прибыл во Францию в июле 1917 года. Американцы разгружались во французских портах по 10 тысяч солдат в месяц — они-то и сделали бессмысленным план Людендорфа переломить соотношение сил на Западном фронте. За эти критические месяцы первой мировой войны Америка из второстепенной военной державы превратилась в мирового военного гиганта. К концу 1917 года во флоте насчитывалось 269 тысяч человек (в начале войны только 67 тысяч). К концу мирового конфликта форму военно-морских сил США носили полмиллиона моряков.

К победе

Поток меморандумов из-под пера Франклина Рузвельта напоминал неиссякаемый источник его британского коллеги Уинстона Черчилля. И так же как премьер Асквит от Черчилля, президент Вильсон начинал уставать от его американского варианта — Рузвельта. Но Вильсон нуждался в гигантском флоте для

реализации своих глобальных дипломатических планов. Небывалые программы строительства военно-морских сил получили зеленый свет.

В эти критические годы у Рузвельта появилась черта, с годами становившаяся все более отчетливой. Он с энтузиазмом брался за едва ли не любой план, обещавший успех, прилагал большие усилия, но если встречал сложности или неожиданную неудачу, то немедленно забывал о прежних замыслах и брался за следующий обещающий успех проект. В конечном счете будущее должно было покрыть недостатки или упущения прошлого. Главный конструктор кораблей американских военно-морских сил Э.Ленд говорил о Рузвельте как о человеке «больших предприятий и больших ошибок».

Два гигантских проекта занимали Франклина Рузвельта в 1917 году: строительство армады малых противолодочных судов и создание непроницаемого минного пояса в Северном море. Эксперты сомневались в возможности осуществления обоих проектов, но энергия Рузвельта преодолела все препятствия. Оба проекта были реализованы: в Северном море к октябрю 1918 года было установлено 80 тысяч антенных мин, в море вышла армада малых противолодочных кораблей.

Это были годы больших свершений и бесценного политического опыта.

Франклин Рузвельт воочию наблюдал, как федеральное правительство из немощного комитета со слабыми рычагами воздействия на нацию превращалось в подлинного Левиафана. Именно этот опыт стал стартовой площадкой его общенациональных планов. Впоследствии Рузвельт использует его в критическое для страны время. Тогда же, в 1918-м, весь мир следил за феноменальной эффективностью германского государства и его военной машины. Именно Франклин Рузвельт, наблюдая за поразительной силой германского государственного механизма, предложил президенту Вильсону создать Совет национальной обороны. К концу войны Вильсон уже владел полномочиями, соперничающими с прерогативами Гинденбурга и Людендорфа в германском лагере. Совет военной промышленности, руководимый Б.Барухом, распоряжался почти всей национальной экономикой. Железные дороги страны целиком подчинялись министру финансов — и их эффективность поражала воображение. Администрация продовольствия во главе с Г.Гувером координировала работу сельского хозяйства. Федеральные органы контролировали ежедневное потребление продовольствия нацией, что позволило увеличить экспорт продовольствия союзникам в три раза.

★ ★ ★

Распорядок дня Рузвельта сложился достаточно устойчивый. С утра он разгребал завалы официальных бумаг, затем дважды в течение дня встречался с прессой, потом выезжал на всевозможные совещания. Что давало ему силы кроме пафоса борьбы? Помимо прочего, Рузвельт говорил о пользе физических упражнений. Он составил программу тренировок для сотрудников своего министерства, поль-

зуясь советами приглашенного из Йеля тренера по футболу, и четыре раза в неделю выходил из дома в семь с четвертью утра для спортивных тренировок совместно с другими госчиновниками.

Стенографист военных лет вспоминает: Рузвельт, откинувшийся на спинку кресла, голова поднята, глаза блуждают по стене — и при этом мысль четкая, произношение ясное, прекрасный английский. Обычно диктовал минут пятнадцать. Из рук стенографиста брали записную книжку и давали новую. Параллельно по первой книжке уже печатался готовый текст. Еще до того как стенографист покидал министерство военно-морского флота, пачка писем была готова.

Заместитель военно-морского министра не был воплощением добродушия, но, как отмечали коллеги, легко прощал невольные ошибки. «Он был немногословным, скромным и непритязательным. Очень гуманным и никогда высокомерным при общении с простыми людьми,— пишет очевидец.— Устав, он был не против поиграть в карты или выкурить с тобой сигарету». Прекраснодушие покидало Рузвельта, когда в определенных им планах намечался сбой.

Окружающие начали выделять Рузвельта среди тех, на чьи плечи легла организация военной машины страны. Джозеф Кеннеди, будущий посол в Англии и отец будущего президента, отметил, что Франклин Д. Рузвельт «не просто еще один сын богатых родителей, не умеющий ничего делать, кроме как барахтаться в политике». Когда компания «Бетлехем стил», где служил Кеннеди, не спустила на воду два предназначенных для экспорта линейных корабля (требуя предварительной оплаты), Рузвельт послал четыре грузовика с солдатами и заставил хозяев верфи передать линкоры заказавшим их аргентинцам. Такие эпизоды производили впечатление.

В июле 1918 года Рузвельт пересек Атлантику в двадцать первый раз в своей жизни. На этот раз для инспекции американских вооруженных сил в Европе. Записи, занесенные Рузвельтом в дневник, характеризуют его как полного энергии, воодушевленного мировыми событиями и влюбленного в море человека. К примеру, он фиксирует появление на горизонте силуэтов пяти транспортов: «черные тени, безо всякого движения, кажущиеся безжизненными и все же населенные как города и движущиеся вперед... Завтра утром они снова возникнут во всем своем камуфляже, с тысячами людей в хаки на вантах, беспокоящихся о том, чтобы подводная лодка не нанесла удар на рассвете». 21 июля эсминец «Дайер» прибыл в Портсмут, и Рузвельта приветствовал американский адмирал Симс вместе с представителями британского адмиралтейства. Рузвельта всегда интересовала европейская знать, и можно представить его волнение, когда король Георг в Букингемском дворце пожал ему руку. «У короля очаровательная улыбка и открытые сердечные манеры.» Король сказал, что у него много родственников и знакомых в Германии, но чего он не встречал никогда, так это немецкого джентльмена. В тот же день Рузвельт присутствовал на приеме, где видел Черчилля (тот, однако, не запомнил молодого американца).

Наибольшее впечатление среди европейских политиков на Рузвельта произвел семидесятисемилетний Жорж Клемансо: «Я сразу почувствовал, что нахожусь рядом с величайшим гражданином Франции... Он усадил меня за свой стол, от его рассказов об эпизодах войны дыбом вставали волосы». Молодого американца привела в восхищение огромная жизненная сила Ллойд Джорджа. Он разговаривал с лордом Бальфуром (о котором говорили, что он — самый большой политический талант в своем поколении), с итальянским премьером Орландо.

Желая видеть войну воочию, Рузвельт изменил безопасный маршрут посещения армейских тылов. Из 115-миллиметровой мортиры он выстрелил в сторону занятого немцами железнодорожного полустанка. Под фортами Вердена попал под немецкий огонь, а затем из укрытия наблюдал настоящее море огня — образ, оставшийся в его памяти до конца жизни. Он гонял по дорогам Франции с огромной скоростью, наблюдая массовый приход в Европу американских вооруженных сил. В устье Жиронды американцы создали базу сборки аэропланов, и Рузвельт отвечал за исправление дефектов собираемых узлов. Европейская поездка закончилась встречей с бельгийским королем Альбертом и зрелищем битвы противолодочных кораблей с подводной лодкой.

Под влиянием момента (и думая о политическом будущем) он решил уйти с цивильного поста и участвовать в боевых действиях. Адмирал Ч.Планкет предложил ему звание лейтенанта-командора. Рузвельт решил написать прошение об отставке сразу же по возвращении в Вашингтон. Но напряжение этих дней сказалось даже на крепком организма Франклина Рузвельта, и на пути домой через океан он свалился с двусторонним воспалением легких, которое ослабило его настолько, что в нью-йоркском порту его вынесли на берег на носилках, а скорая помощь доставила в дом матери на 65-й улице Манхэттена. Лишь в середине октября 1918 года он смог возвратиться в Вашингтон с предложениями решительных реформ военно-морской системы и прошением о переводе в действующую армию. Но война явно подходила к концу и места для подвигов на фронтах уже не оставалось — о чем сообщил заместителю министра сам президент Вильсон. До конца своих дней Рузвельт жалел, что ему не довелось участвовать в боевых действиях.

★ ★ ★

2 января 1919 года Франклин и Элеонора снова отправились в Европу, на этот раз на лайнере «Джордж Вашингтон». Рузвельт должен быть наблюдать за возвращением в Америку огромного имущества — 359 кораблей, 54 портовых установок, нескольких радиостанций. Он таил надежду увидеть работу Парижской мирной конференции, которой предстояло открыться через несколько дней и определить будущее мира на много лет вперед. На этом же корабле вершить мировую историю направлялся Вудро Вильсон.

Беседа с президентом Вильсоном во время пересечения океана произвела на Рузвельта глубокое впечатление. Слова Вильсона запали Рузвельту в память: «Соединенные Штаты должны быть членом Лиги Наций, в противном случае они не оправдают надежды мира, ибо Америка — это единственная нация, которая чувствует себя объективной и которой все доверяют». Речь шла о первой попытке Америки выйти на мировые дипломатические просторы. Нынешний и будущий президенты США обсуждали наиболее верный путь продвижения к желаемой цели. Вильсон сумел возбудить в Рузвельте интерес к созданию международной организации — Лиги Наций, в которой США должны обеспечить свое лидерство. Нет сомнения, что Рузвельт был польщен вниманием президента. Вудро Вильсон был вторым после Теодора Рузвельта президентом, который произвел на молодого политика сильное и непреходящее впечатление. Если Теодор Рузвельт поражал энергией и бескомпромиссностью, заостренным политическим чутьем, то Вудро Вильсон открывал новые горизонты грандиозностью своих геополитических планов. Франклин Рузвельт впервые встретил американского политического деятеля, способного говорить об Америке не как об одиноком острове во враждебном мире, а как о возможном авангарде мирового сообщества. Это был большой шаг в формировании Ф. Рузвельта-политика. Отныне он видел, что отстранение от внешнего мира не может быть постоянной чертой американской жизни. «Весь мир теперь смотрит на нас»,— записал в дневнике Франклин Рузвельт.

Когда президент Вильсон высадился во Франции, его главный политический противник в Америке Теодор Рузвельт был предупрежден, что если он не замедлит стремительный бег своей напряженной жизни, то проведет ее остаток в кресле на колесах. «Меня это устраивает. Я могу работать и так»,— был ответ Теодора Рузвельта. Игнорируя предупреждения докторов, он бросился готовить предвыборную президентскую кампанию 1920 года, отчаянно сопротивляясь политической линии Вудро Вильсона, его идее мировой организации — Лиги Наций как противоречащей интересам Соединенных Штатов. Милостивая до сих пор природа все же не могла бесконечно подчиняться этому человеку, изменившему «пределы допустимого». 6 января 1919 года радио сообщило о его кончине. Узнав о смерти политического противника, Вильсон не смог побороть злорадного блеска в глазах.

Но Франклин и Элеонора испытали нестерпимую печаль. Человек, чьему примеру Франклин Рузвельт следовал (вольно и невольно) всю предшествующую жизнь, покинул этот мир. Франклин писал, что, возможно, Теодор Рузвельт освободил себя от забот, связанных с медленно убивающей болезнью. (Если бы Франклин знал, что судьба в будущем поставит его перед подобным выбором.) Неутешна была Элеонора: «Большая фигура ушла с горизонта нашей нации. Это потеря огромного источника энергии». Но след кипучего ТР остался навечно в американской истории.

Разные силы пытались интерпретировать и использовать в своих интересах этот без преувеличения исторический феномен. В грядущие годы, когда могущественные силы в США постараются извлечь из прошлого консерватизм Теодора Рузвельта, Франклин укажет на его прогрессизм, на отношение к президентскому посту как к активному рычагу осуществления перемен в национальной жизни.

Рабочие обязанности в Англии и Франции не затмили интереса четы Рузвельтов к главной арене мировой дипломатии. Весь Париж рукоплескал президенту Вильсону, вершившему вместе с Клемансо и Ллойд Джорджем дела мира. Американцы были в пике популярности. Перед портретами Вильсона на площадях стояли свечи. Толпы ожидали малейшей возможности запечатлеть образ пророка Запада.

На дипломатическом фронте Вильсон сражался за ковенант Лиги Наций, он хотел положить конец макиавеллизму в политике. Но сидящие напротив Дэвид Ллойд Джордж и Жорж Клемансо воспринимали его идеи как причуду профессора-американца, незрелого в мировой политике; англичане и французы желали компенсации за неимоверные усилия, за жертвы войны, они желали дележа трофеев, стремились к возвышению своих государств за счет краха трех европейских империй. Столкнулись два видения мира, оба зрелые и подозрительные в отношении друг друга. Мировая организация или новый передел мира? Слабым местом в позиции Вильсона была не только сплоченность Антанты, но и оппозиция на родине.

Восхищение Рузвельта Вильсоном возросло еще более при виде фантастического приема, устроенного в его честь в Бостоне по возвращении из Европы. Мир, казалось, зависел от будущей Лиги Наций, а ее творец выступал триумфатором. Но, возвратившись в Вашингтон, Вильсон очень быстро убедился, что не рассчитал сил, совершил ошибку, не призвав в Париж влиятельных республиканцев (даже таких сторонников Лиги Наций, как бывший президент Тафт и бывший госсекретарь Элиу Рут). А по другую сторону океана его ждал разъяренный Клемансо, для которого «14 пунктов» Вильсона были претензией на замещение десяти заповедей Христа.

Рузвельт поддержал ковенант Лиги Наций, но, в отличие от Вильсона, не считал его документом, не подлежащим критическому рассмотрению и поправкам: «Я прочел проект Лиги три раза и каждый раз находил в нем нечто, с чем я не мог согласиться». И все же в главном он был безоговорочно согласен с Вильсоном: «Возвращаться назад к старой политике китайской стены изоляции было бы печальной ошибкой». Без участия Соединенных Штатов Лига Наций в конечном счете превратится в огромный антиамериканский союз.

Но Вильсон из-за негибкой тактики и сопротивления изоляционистских сил терял свой исторический шанс. Своим безукоризненным чутьем президент ощущал это. Пока текст ковенанта обсуждался в комитете по международным отно-

шениям сената, Вильсон бросил всю свою огромную волю и красноречие на весы общенациональной битвы. Он приложил феноменальные усилия — за двадцать два дня произнес двадцать пять речей. Но напряжение оказалось физически непосильным, апоплексический удар поразил его, и Вильсон возвратился в Белый дом инвалидом. Словно добивая политического еретика, сенат отверг договор о вступлении США в Лигу Наций. Франклин Рузвельт получил впечатляющий урок: внешняя политика должна иметь двухпартийную поддержку. Из письма Элеоноре: «Президент и госсекретарь ведут дело ошибочно... Если бы оно было в моих руках, я бы делился ходом обсуждения договора с сенатом и, возможно, с палатой представителей. Я добился бы их вовлечения в основной процесс, а детали уладились бы потом».

★ ★ ★

Годы войны оставили на Франклине Рузвельте свой след. Высокий лоб прорезали первые морщины, прежнее юношеское лицо стало жестким, появились высокие залысины, и (наследственное) темные круги под глазами стали всегдашней частью его внешности. Он еще был крепок, подвижен, а если кто-то сомневался в этом, то перепрыгивал стул. «Прекрасно сложенный молодой человек с мускулами атлета»,— вот мнение о нем этого времени. За годы в военно-морском министерстве он стал испытанным администратором, оратором, руководителем. И отцом большой семьи — пятеро детей. Он получил признание даже опытных политиков — теперь его трудно было назвать новичком в единственном деле, которое вызывало у него страсть.

Возможно, только один человек, самый близкий Франклину Рузвельту, не понимал его политических пристрастий. Его мать Сара Делано Рузвельт. В конце 1917 года она решилась написать ему письмо: «Возможно, дорогой Франклин, подумав дважды или трижды, ты придешь к выводу, что я не совсем не права... Конечно, можно быть демократом, если это кому-то нравится, но, если мы любим своих и если мы любим своего соседа, мы обязаны подавать великий пример. Я не могу поверить, что мой дорогой Франклин действительно чувствует так, как говорит... Обязанность аристократа — быть лучше других, служить примером тем, кому меньше повезло в жизни». Человек обязан помогать другому, но это личное дело каждого и не стоит призывать в это дело государство. Матери не хотелось, чтобы сын сидел рядом с засучившими рукава прожженными политиканами. Ей казалось, что он слишком удалился от мира Гайд-Парка. Она хотела, чтобы он был «всем для людей», чтобы он показывал лучшую, высокую сторону своей натуры, а не влился в поток вульгаризма и опрощения. Для того чтобы быть действенным, это письмо сильно запоздало. Уже более десяти лет Франклин жил в мире, который так пугал его мать. Он уже стал американским политиком, законодателем, одним из лидеров военного периода. Он уже думал о национальном лидерстве, а на этом пути сохранить первозданн-

ную цельность было трудно. Мир Гайд-Парка, увы, не был типичным миром Америки, в муках и грандиозных усилиях менявшейся и менявшей весь мир.

У Рузвельта уже обнаружились две абсолютно необходимые черты успешного политика — неистребимая амбиция и способность не переставая учиться. И было то, без чего на Олимп власти, увы, не взобраться. С ним была удача.

★ ★ ★

С поражением и физическим крушением президента Вильсона оканчивалась целая эра, время торжества прогрессизма и большого правительства. Тогда, в 1920 году, лидер республиканцев-изоляционистов сенатор Лодж упивался популярностью своего кредо: «Мы должны выступать сейчас и в будущем за американизм и национализм против интернационализма. Не будет безопасности для нас, не будет надежды на то, что мы сможем оказать услуги миру, если мы поступим иным образом». Выборы ноября 1920 года дали шанс республиканцам. 14 мая 1920 года провинциальный политик Уоррен Гардинг изложил свое кредо: «Америка сегодняшнего дня нуждается не в героизме, а во врачевании; не в экстравагантности, а в нормальности; не в революции, а в восстановлении; не в агитации, а в приспособлении; не в хирургическом вмешательстве, а в спокойствии; не в экспериментах, а в уравновешенности; не в погруженности в международные дела, а в поддержке триумфального восстановления национальных чувств».

Первая попытка

Паралич президента Вильсона вызвал своего рода ступор демократической партии. Рузвельт предпринял деятельную попытку возглавить если не всю партию, то по меньшей мере ее либеральное крыло. 29 мая 1919 года он обратился к Национальному комитету демократической партии с программным выступлением. Смысл речи сводился к тому, что в течение двадцати пяти лет Америка была ареной борьбы «здорового консерватизма» и «здравого либерализма» за контроль над республиканской и демократической партиями. Эта борьба окончилась. Республиканцы, очистив себя от либерального крыла, стали четко обозначившей себя консервативной партией. Демократы очистились от консервативных элементов и стали либерально-прогрессивной партией. Республиканцы свели все дело управления страной к тарифной защите американского крупного бизнеса, давая послабления миллионерам и ухудшая положение низших слоев. Демократы должны воспользоваться этой поляризацией и выступить защитниками большинства. Тогда «смена караула» в Вашингтоне произойдет гладко и к выгоде демократов.

Эта речь привлекла общенациональное внимание, издатели газет и политические обозреватели хотели знать, «является ли новая политическая птица ор-

лом»(«Детройт ньюс»). Видимо, Рузвельт и сам не смог бы определить себя убедительно и точно. Несмотря на призывный звук трубы, он в глубине души считал 1920 год заведомо потерянным для демократов, если только лидерство не возьмет на себя Герберт Гувер — один из немногих, кто не стал жертвой всеобщего разочарования, охватившего страну после окончания первой мировой войны. Обсуждалась даже возможность совмещения Гувера с Рузвельтом в паре номинации президент — вице-президент. Но Гувер предпочел республиканцев, и Рузвельт отправился на конвент демократов в Сан-Франциско в 1920 году в составе делегации штата Нью-Йорк, не имея четкого представления о наиболее предпочтительном кандидате.

Фрэнсис Перкинс вспоминает о нем на конвенте как о «высоком, сильном, симпатичном и популярном... одной из политических звезд». Однажды он, спеша к подиуму, перепрыгнул через ряд стульев. Так же он поступал и в большом политическом смысле. Кто поверит, что Франклин Рузвельт «случайно» привез в Сан-Франциско военно-морского министра Дэниэлса и целую группу друзей? Сейчас ясно, что он не хотел более ждать. Второго шанса могло не представиться.

Конвент начался с развертывания огромного портрета парализованного президента Вильсона. Рузвельту предоставили слово вторым по счету, и он выдвинул ньюйоркца Аля Смита в президенты. Намекая на практику республиканцев, он пообещал: «На этом конвенте кандидат не будет избран в два часа ночи в прокуренном номере отеля». Аплодисменты. «У нас в военно-морском флоте стреляют быстро и прямой наводкой. Губернатор Смит в этом отношении — наш человек». Оркестр немедленно заиграл «Прогулки в Нью-Йорке», журналисты считали, сколько времени длится овация. Но у Смита были существенные минусы: он был католиком, выступал против запрета на спиртное и представлял элиту самого крупного города — невыигрышная позиция в эпоху растущих американских пригородов. Последовала сложная борьба, из которой победителем при сорок четвертом голосовании 6 июля 1920 года вышел весьма неяркий Джеймс Кокс.

После восемнадцатичасовой сессии выдвижения Кокса встал вопрос о его партнере, кандидате в вице-президенты. Главный менеджер демократической партии Мур по телефону задал ему вопрос, кого бы он хотел видеть партнером в предвыборной борьбе. В своих воспоминаниях Кокс пишет: «Я ответил ему, что мой выбор после некоторого размышления остановился на Франклине Рузвельте из Нью-Йорка. Когда меня спросили, знаю ли я его, я ответил, что не знаю. Насколько я могу припомнить, я никогда его не встречал; но я объяснил Муру, что он удовлетворяет географическим требованиям, что его признают независимым и что Рузвельт — хорошо известное имя». Вот и скажите после этого, что случайности не играют роли в политике. Возник вопрос, не будет ли противодействовать выдвижению всемогущая нью-йоркская Таммани-Холл. Босс Таммани Мэрфи уже

спал, когда к нему по просьбе Кокса пришел Мур. Разбуженный Мэрфи сказал буквально следующее: «Я не люблю Рузвельта. Его не очень хорошо знают в стране, но, Эд, впервые демократический кандидат просит меня об услуге. Вот почему я проголосую за самого дьявола, если того желает Кокс. Скажите ему, что мы выдвинем его в первом же голосовании».

Другой помощник Кокса, Энсбери, усомнился, что моложавому Рузвельту уже исполнились необходимые тридцать пять лет. Последовал телефонный вопрос, и, узнав возраст Франклина Рузвельта (тридцать восемь лет), Энсбери сообщил, что номинирует его. «Вы думаете, я должен прибыть к вам?» — «Нет, я уже выхожу на сцену». Энсбери взобрался на трибуну и охарактеризовал молодого человека как «очень опытного в общественной деятельности». Рузвельт был номинирован немедленно и единогласно. От имени нововыдвинутого выступил министр Дэниэлс: «Предметом особой благодарности является то, что конвент единодушно избрал в качестве кандидата в вице-президенты человека с такой ясной головой, способного администратора и полного патриотизма гражданина Нью-Йорка, заместителя министра военно-морского флота Франклина Рузвельта».

Трудно переоценить значение этой удачи для полного амбиций политика. До сих пор он носил имя, которое знала вся страна, и только это служило залогом его будущности. Теперь же, завоевав выдвижение на пост вице-президента, Франклин Рузвельт разом превращался в политика национального масштаба. Так было положено начало большому самостоятельному пути.

Франклин Рузвельт продемонстрировал свой стиль уже на конвенте, выступив с одной из самых заметных речей. Учитывая, что он был на национальной арене новичком, лучшее, что могли сказать о Франклине Рузвельте, это то, что в нем сочетались необычайный интеллект и сильный характер. Имела место магия имени. Он действительно, представляя Северо-Запад, «уравновешивал» географически представителя Среднего Запада Кокса, его поддерживали такие яркие фигуры, как Герберт Гувер и Уолтер Липпман. Однако подняли голову и противники. Владелец «Чикаго трибюн», бывший однокашник по Гротону полковник Маккормик написал в своей газете: «Характеры двух Рузвельтов примерно отстоят в сотню раз дальше друг от друга — дальше даже, чем их весьма отдаленное родство — они кузены в пятой степени. Имя вдохновляющее, кандидат — нет». Президент Вильсон холодно поздравил Рузвельта. Для него, гения современной политики, выдвижение посредственности Кокса было пощечиной.

На пути домой из Сан-Франциско Рузвельт заехал к своему партнеру в столицу Огайо Коламбус. Он видел Кокса в первый раз в жизни, им нужно было сработаться и определить эффективную стратегию. Рузвельт предлагал противопоставить посредственности Гардингу, способному выступать лишь с крыльца своего дома, энергичную кампанию в общенациональном масштабе. Как оказалось, по характеру и манерам Кокс напоминал Рузвельту шефа по военно-морскому минис-

терству Дэниэлса. Со своей стороны, губернатор Кокс записал: «Он понравился мне с первого взгляда. Его ум всегда настороже, и он напряженно следил за складывающейся в ходе выборов ситуацией».

18 июля 1920 года Кокс и Рузвельт встретились с президентом Вильсоном. Физическое состояние Вильсона их поразило. Сидя в коляске, худой и дрожащий, накрытый несмотря на жару пледом (прикрывшим его парализованную левую руку), Вильсон все же старался крепиться, но голова его после нескольких вежливых фраз опустилась. «Я рад, что вы пришли».— «Мы на миллион процентов с вами в вопросе о Лиге Наций»,— сказал Кокс. После этой встречи Кокс объявил участие США в Лиге Наций главным вопросом президентской кампании. Многие из его советников считали это ошибочным шагом, эмоциональной реакцией на физическое состояние президента Вильсона. Рузвельт вступил в борьбу солидарно с Коксом: «Я хотел бы, чтобы каждый американец был молчаливым свидетелем этой встречи двух великих людей».

Рузвельт ушел с официального поста и ринулся в борьбу. Две тысячи служащих министерства желали ему успеха. Официально кампания началась 9 августа, когда со ступенек своего особняка Спрингвуд Рузвельт обратился к пятитысячной толпе: «Две большие проблемы встанут перед следующей администрацией: наши отношения с миром и реализация организованного прогресса в самой стране».

В ходе президентской кампании 1920 года Рузвельт выступал по тринадцать (!) раз в день, переезжая из штата в штат. Как уже говорилось, двумя главными темами были прогрессизм и активизация США на международной арене. Последняя тема вызвала наиболее горячие споры. Рузвельт не оставлял тени сомнения относительно своей позиции. В международных делах Соединенные Штаты «не могут построить непроницаемую стену из дорогостоящих вооружений и жить, как это привык делать Восток, словно нация термитов, вспоминая о прошлом... Мы должны открыть глаза и ясно видеть, что современная цивилизация стала настолько сложной, а жизнь цивилизованных людей настолько взаимосвязанной с жизнями людей в других странах, что невозможно ныне жить одновременно в одном мире и за его пределами». Практическим решением является создание эффективной международной организации.

Рузвельт сражался за Лигу Наций даже тогда, когда ее судьба вследствие позиции сената уже была решена. Он был глубоко убежден, что Лига Наций является «практическим решением практической ситуации. Она не более совершенна, чем наша собственная конституция. Она не является антиамериканской... Посредством этой организации мы могли бы бросить нашу моральную силу и нашу потенциальную мощь на весы мира. Полагать, что эта цель противоположна американским интересам, противоречит здравому смыслу».

Чтобы добиться активизации внешней политики США, Рузвельт должен был преодолеть сопротивление блока националистически настроенной буржуазии, по-

лагавшей, что во внешнеполитических предприятиях Америка еще не может завладеть контролем над огромным внешним миром и лишь ослабнет в процессе глобальных притязаний. Этот страх преобладающей части правящего класса уже был самым отчетливым образом выражен в борьбе изоляционистов против внешнеполитического наставника Рузвельта — президента Вильсона. Страна, ее правящий класс в целом покачнулись в сторону изоляции, отстранения от больших мировых дел. Поражение президента Вильсона, не сумевшего добиться принятия сенатом Версальского договора, бросало тень на его идейных наследников. Дуэт Кокс — Рузвельт, как оказалось, двигался в заведомо ложном направлении.

Внутри страны следовало оптимизировать работу федеральной машины, что включало разумное обращение с национальными ресурсами и с самым главным из ресурсов — американским народом. Необходимо было ликвидировать неграмотность пяти миллионов американцев, устранить ограничительные иммиграционные законы, продолжить прогрессистскую политику.

Избирательная кампания 1920 года навсегда осталась для Рузвельта незабываемой политической битвой. За три месяца он, следуя строгому графику, объехал в собственном железнодорожном вагоне тридцать два штата страны. Впервые его секретарем (35 долларов в неделю) становится Маргерит («Мисси») Лихенд — начало долгой совместной работы. Место главного спичрайтера занимает Марвин Макинтайр из военно-морского министерства. В Вашингтоне оставлен Луис Хоув, а в Нью-Йорке — Чарльз Маккарти. Стивену Хэрли было поручено прибывать за день раньше в очередное место и «организовывать аудиторию». Кассой ведал Том Линг. Сам Рузвельт внес на ведение предвыборной кампании 5 тысяч долларов, его мать — 3 тысячи.

В общем и целом Рузвельт произнес более тысячи речей, море энергии было «пролито» на американцев всех сословий, этнического происхождения и убеждений. Еще не проникло повсюду радио, еще микрофон не стал могущественным подспорьем, еще не было самолетных рейсов на длинные дистанции. Битва велась, собственно, за счет физических ресурсов. Центральный маршрут — от Чикаго до Сиэтла, вниз по Калифорнии, возвращение на Средний Запад, вверх по Новой Англии, снова на Запад, но уже южным путем. Иногда Рузвельт из железнодорожного вагона пересаживался на автомобиль, а однажды летал на аэроплане. Немало людей принимали его за сына Теодора Рузвельта и обещали «проголосовать за сына». Стараясь использовать это недоразумение, республиканцы пустили по следу демократического претендента подлинного сына Теодора Рузвельта, и стала складываться едва ли не русская история о Лжедмитрии. Теодор-младший говорил о Франклине как об отщепенце в семье. В ответ Франклин напомнил публике, что в 1912 году сенатор Гардинг (ныне претендент в президенты от республиканцев) назвал Теодора Рузвельта вначале Бенедиктом Арнольдом (генерал-предатель периода войны за независимость.— *А.У.*), а затем Аароном Берром (скандальный вице-пре-

зидент третьей администрации США), и «по крайней мере один из Рузвельтов не забыл этих оскорблений».

Пресса по достоинству оценила красноречие Рузвельта. «Нью-Йорк пост»: «Декламация выше всяких похвал. У претендента фигура идеального университетского игрока в футбол, ясные и отчетливые жесты, неизменная готовность поделиться улыбкой, приятный голос, все данные для победоносной кампании».

Как-то на полпути предвыборного марафона Рузвельт размечтался о мартовском переезде в Вашингтон. Помощник Линг воззвал к реальности: «Люди готовы голосовать за тебя, но они не будут голосовать за Кокса и за Лигу Наций». Нельзя закрывать глаза и на то, что Рузвельт делал серьезные ошибки. Однажды, пытаясь снять опасения по поводу шести голосов, которые будет иметь Британия в Лиге Наций (голоса доминионов), он заявил, что Вашингтону глупо не рассчитывать на голоса Кубы, Гаити, Доминиканской республики и Никарагуа: «На прошлой неделе по меньшей мере два голоса лежали у меня в кармане... Один из них принадлежал Гаити. Я знаю точно, потому что сам написал для этой страны конституцию». Подобный цинизм Гардинг использовал довольно эффективно: когда он будет президентом, то не позволит своему заместителю военно-морского министра навязывать малым странам свои конституции.

Гардинг начал свою предвыборную кампанию в комфорте собственного дома. Он просто вышел на крыльцо и зачитал речь. Затем он посетил восемнадцать штатов к востоку от Миссисипи, что, скорее всего, не дало ему ни одного голоса. Но это, собственно, было и не так важно. Как не без основания писал министр внутренних дел в кабинете Вильсона Франклин Лейн, «Кокса отвергнут не те, кто не любит его, а те, кто не любит Вильсона».

Ночь ожидания результатов прошла, разумеется, в Гайд-Парке. Рузвельт не исключал возможности поражения, но он не предвидел масштабов этого поражения — демократы потерпели фиаско. Крупнейшее поражение одной из двух политических партий за столетие. Среди выборщиков расклад был такой: 127 голосов демократов против 404 голосов республиканского тандема Гардинга—Кулиджа, плюс победа республиканцев в обеих палатах. Оказалось, что республиканец Гардинг более точно определил желание нации вернуться от гениев прогрессизма к трезвой «нормальности», сбалансированной политике, охране безопасности страны прежними способами, к сохранению прежних ценностей.

Нет сомнений, что поражение обескуражило демократов: окончилась эра Вильсона. Но Рузвельт воспринял горькую весть философски. Он не испытал душевной депрессии, ему казалось необычайной удачей уже само вознесение на высший национальный уровень политики, где он показал, что является продолжателем курса Вудро Вильсона. Да, их блок с Коксом потерпел сокрушительное поражение, но лично он приобрел нечто бесценное: общенациональную известность, опыт и увидел перспективы. Создал команду эффективных помощников. Ведь, кро-

ме прочего, он был еще очень молод, чтобы думать о безвозвратном шансе. Да, люди устают от навязываемых идеалов. Но беспринципность им претит еще больше. О Гардинге как о президенте впоследствии скажут, что если президент Вашингтон не мог лгать, то президент Гардинг не мог никому сказать, что тот лжет. Речь Гардинга о том, что «бизнес Америки — это бизнес», предвещала времена грубого материализма, а этот материализм при следующем же историческом повороте будет отвергнут несущей жертвы массой населения.

★ ★ ★

Политик не может найти замены своей профессии: она поражает нервную систему. Любая другая работа — лишь перерыв. Для Рузвельта этот перерыв наступил осенью 1920 года, когда он возглавил нью-йоркское отделение страховой компании из Мериленда, предоставившей ему зарплату, пятикратно превышающую прежнее жалование в военно-морском ведомстве. «Я счастлив вернуться в реальный мир»,— пишет он судье Франкфуртеру. Уик-энды он проводит с семьей в Гайд-Парке. Дети выросли, теперь им от 5 до 15 лет. Элеонора стала гораздо более жесткой, знающей и деловой женщиной, она окончила курсы стенографии и машинописи, вошла в президиум нескольких фондов. «Я сама стала личностью.»

Рузвельта более всего беспокоило «не быть забытым страной», и он старался изо всех сил. Участвовал в создании Фонда Вудро Вильсона, возглавил организацию бойскаутов штата Нью-Йорк, вступил в опекунский совет Гарвардского университета, давал интервью и делал заявления. Он стремился сохранить общенациональную организацию демократической партии, отбивался от атак республиканской комиссии по расследованию аморального поведения на флоте. Но подлинная беда пришла оттуда, откуда ее никто не ждал.

Глава третья

ПЕЧАЛЬ ЭТОЙ ЖИЗНИ

Печаль и молчанье нам силу дают,
Терпение в муках равняет с богами.
Генри Уодсворт Лонгфелло, 1847

Двадцатые годы описаны достаточно подробно, и не будем тратить время на то, что происходило с героем повествования в этот бурный период, когда бизнес подмял всякую критику, в массовом порядке раздавая «чудеса»: радиоприемники, телефоны, холодильники, косметику для женщин и автомобили для мужчин.

Трагедия

После жары и стресса, связанного с обвинениями в Вашингтоне, Франклин Рузвельт отправился к своей семье, отдыхавшей на холодных берегах Кампобелло,— первый отпуск за многие годы. Душному поезду он предпочел яхту друзей. Преодолев в тумане островные преграды, яхта «Сабало» наконец причалила в Велшпул-Арборе, где на берегу его ждали Элеонора и дети. Позади них стоял Луис Хоув — самый старый и верный помощник, с которым можно было обсуждать предстоящие в 1922 году выборы.

Рузвельт занялся подготовкой к рыбалке. И здесь случилось неожиданное — проходя по узкой доске, он оступился и упал в ледяную воду. Ему быстро помогли выбраться из воды, но это мгновение осталось в памяти на долгие годы: «Я никогда не чувствовал ничего более холодного, чем эта вода! Я только окунулся, едва смочил голову, потому что держался за борт трапа, но вода была такой холодной, что буквально парализовала меня. Возможно, ледяной ток был так ощутим по контрасту со зноем августовского солнца и работающего мотора». Рузвельт посмеялся над своей оплошностью и снова приступил к подготовке снастей в мокрой одежде, которую в конце концов высушило солнце.

Неутомимость Рузвельта не знала предела, на следующий день он отправился в свою летнюю резиденцию на небольшом корабле «Вирео». Здесь недалеко от резиденции на озере Гленсеверн Рузвельт решил вновь окунуться в ледяную воду — его всегда это бодрило. Однако на этот раз он не почувствовал обычного прилива сил. Вернувшись домой, Франклин обнаружил свежую почту и принял-

ся читать газеты, сидя на крыльце в мокром купальном костюме. Вскоре ему стало холодно. Выйти к ужину он уже не смог: «Так я себя не чувствовал никогда». Ночью он пошел принять душ, но упал. Пытаясь встать, обнаружил слабость левой ноги. «Я пытался убедить себя, что все дело в мускулах и нужно просто размяться. Но затем перестала работать и вторая.»

Приглашенный доктор диагностировал глубокую простуду и был удивлен, что состояние пациента так резко ухудшается. Температура поднялась до сорока, Рузвельт не мог пошевелиться. Боль распространялась по всему телу. Гостей и детей отправили в трехдневное путешествие, а Элеонора и Хоув пытались найти врача-специалиста. Хоув прочесал все курорты штата Мэн. Филадельфийский светило — доктор У.Кин, осмотрев больного, предписал массаж. Две последующие недели были ужасающими — несмотря на массаж Франклин чувствовал себя все хуже. Много лет спустя Рузвельт признается Фрэнсис Перкинс, что в первые дни болезни он был в полном отчаянии, ему казалось, что Бог покинул его. В Кампобелло был приглашен доктор Роберт Ловетт, бостонский специалист по полиомиелиту. Его диагноз — детский паралич. Вирус проник в организм скорее всего во время летних поездок Рузвельта в лагеря бойскаутов либо где-то в Вашингтоне или Нью-Йорке. Ловетт отменил массаж, а для укрепления сна рекомендовал бром, так как другие лекарства не помогали. Кроме того, он прописал горячие ванны.

Рузвельту не хотелось, чтобы за пределами семьи стало известно о том, что его парализовало. Поэтому решено было без шума в частном вагоне перевезти его в Пресвитерианский госпиталь Нью-Йорка. Только по прибытии Рузвельта в госпиталь Хоув сообщил прессе, что он болен полиомиелитом и у него парализованы ноги. Доктор Дрепер при этом добавил, что это «временный ущерб». Прочитав это в «Нью-Йорк таймс», Рузвельт написал издателю газеты Оксу, что теперь окончательно поверил в благополучный исход, поскольку «Нью-Йорк таймс» официально сообщила об этом.

Однако, наблюдая за пациентом день за днем, Дрепер начал сомневаться, что Рузвельт когда-нибудь будет сидеть. Коллеге Ловетту Дрепер писал о своем пациенте: «Он обладает таким мужеством, такими амбициями и в то же время таким чувствительным эмоциональным организмом, что ему понадобятся все силы, чтобы признать реальность и не рухнуть в бездну». Человек, которого часто изображали плейбоем, мучился в конвульсиях, физических и душевных, держась на невероятной силе воли.

Никакие соболезнования Рузвельт не принимал. Прошли «без улучшений» сентябрь и октябрь. В феврале 1922 года ему впервые надели протезы из стали и кожи, которые он вынужден будет носить до конца своих дней. Чтобы сесть, ему надо было держаться за свисающий с потолка ремень. А чтобы перебраться в кресло на колесах, требовалась посторонняя помощь — подняться на костылях было истинным мучением. Элеонора Рузвельт скажет позже, что это была самая

трудная зима в ее жизни. Лишь однажды ее охватило отчаяние. Мир показался пустыней, никто не мог остановить ее рыданий. Она старалась приглашать в особняк на 65-й улице Манхэттена интересных людей, поскольку была уверена, что будущее мужа, когда он придет к осознанию своего состояния, станет связано с политикой, где требуется умственная, а не физическая сила.

Мать Сара Рузвельт занимала противоположные позиции. Франклин должен уйти от бессмысленной суеты общественной жизни и занять положение сельского джентльмена в Гайд-Парке. У него достаточно увлечений, земли и знакомств, чтобы сделать свою жизнь интересной. К тому же он всегда говорил, что хотел бы писать книги. Сто лет назад был поражен полиомиелитом в раннем возрасте один из родственников — Джеймс Генри Рузвельт. Он, оставаясь дома, удачно играл на бирже, увеличил свое богатство и основал Госпиталь Рузвельта в Нью-Йорке. Мать хотела разрушить дружеские отношения между Элеонорой и Хоувом, поддерживавшим политические амбиции ее сына. Хоува она называла не иначе как «этот грязный отвратительный маленький человек».

Рузвельт, боясь, что неизвестность может испугать детей, решил открыто объяснить им свое физическое состояние. Откинув одеяло, он перечислял латинские названия мышц, которым грозила атрофия, «gluteux maximus». Уже через несколько месяцев после разразившегося несчастья Рузвельт играл с детьми, но яркий мир прошлого ушел навсегда. Человек, более всего любивший простор, море, острова, лес, был приговорен судьбой к четырем стенам. Яхты и Кампобелло, теннисный корт и ледяной каток принадлежат другому миру. Двенадцать лет он не хотел возвращаться в Кампобелло с его площадками для гольфа.

Сумеет ли он преодолеть болезнь? Пытаясь собрать все свое мужество, Рузвельт вспоминал избирательную кампанию 1910 года и мобилизацию военно-морского флота в первой мировой войне. Тогда он преуспел. Черные дни отчаяния оставались позади, этот необыкновенный человек уже смотрел только вперед. Весной 1922 года Рузвельт возвратился в Гайд-Парк и начал борьбу, о которой никто не знал. Он часами раскачивался на специальных параллельных брусьях, укрепляя торс и стремясь привести в действие ноги. Первая его цель — дойти до почтового ящика на костылях — это примерно полкилометра от Спрингвуда. С каждым днем Рузвельт увеличивал пройденный путь хотя бы на метр. Окрепшие руки помогали ему перемещаться по узким лестницам особняка. Хуже всего было, когда он падал — приходилось ждать помощи. Но более всего Рузвельт не терпел соболезнований, поэтому сразу же предупреждал об этом каждого интервьюера.

Один из журналистов после встречи с ним пишет, что его охватило чувство, будто жизнь Рузвельта окончена, хотя сам Франклин не проявил никаких признаков депрессии и вовсе не хотел говорить о своей болезни. Другому представителю прессы Франклин написал: «Я вернулся в детство довольно неприятным образом, получив детский полиомиелит». Встречи и беседы он часто заканчивал

словами: «Ну, мне нужно бежать». Он редко терял контроль над собой. Дочь Анна вспоминает о таком случае. Стоя на лестнице, она расставляла книги по полкам, а отец, сидя в кресле на колесах, снизу руководил ее работой. Внезапно книги выпали из ее рук, и Рузвельт сердито обвинил ее в нерасторопности. Дочь в слезах убежала к матери. «Мама рассказала мне о битве, которую ведет отец против обрушившихся несчастий, о естественности его первой реакции, о том, что мы счастливы видеть его живым и помогать ему, я почувствовала себя пристыженной... Вернувшись в библиотеку, я нашла не только прощение, но и улыбку, приглашающую меня возобновить работу.»

Доктор Ловетт предложил гимнастику в воде. В Гайд-Парке построили бассейн. «В воде ноги работают нормально и мне не нужна помощь, чтобы держаться на поверхности... Вода принесла мне несчастье и она же возвратит меня назад.» Рузвельт увлекся моделями кораблей, его любовь к коллекционированию почтовых марок не ослабевала ни на минуту. Но лучшим убежищем были книги: биографии, политика, американская история (критически настроенные наблюдатели отмечают, что нет следов чтения властителей дум века Маркса, Фрейда, Шпенглера или ведущих американских историков Бирда и Паррингтона). На ночь он читал детективы. Как только голос стал сильнее, он стал читать вслух для всей семьи.

Несмотря на все предпринятые усилия, Рузвельт уже никогда не был в состоянии пройти без протезов, костылей или коляски. Атрофия мышц ног продолжалась. Исчез высокий и моложавый человек, перемещавшийся и шутивший с такой легкостью. Упражнения очень укрепили верхнюю часть его тела — торс, шею, мышцы плеч. Теперь его фигура (протезы были тщательно спрятаны) производила впечатление крепости, уверенности, властности. Но главное — не была покалечена душа. Он пишет Коксу: «Хорошая погода, свежий воздух и купания создали мне добрый мир. Ноги в порядке, а когда я плаваю, они работают хорошо. Это показывает, что мускулы еще есть. Я еще на костылях, но двигаюсь». Только через два года после несчастья он официально покинул ряды гольф-клуба.

Осенью 1922 года Рузвельт возобновил работу в страховой компании на Бродвее, 120, доведя свою рабочую неделю до четырех дней. Ему сохранили жалование за месяцы болезни. Но Рузвельту важнее было доказать, что он сберег все свои интеллектуальные способности, сохранил себя как личность. Рабочий день Рузвельта начинался в восемь тридцать утра, еще лежа в постели он принимал Хоува и других помощников. (За океаном будущий союзник военных лет Черчилль начинал рабочий день точно так же.) Через два часа Рузвельт был уже в офисе и работал до пяти вечера. После работы возвращался домой, пил чай, делал физические упражнения, встречал посетителей — вплоть до ужина. Затем — почтовые марки и легкое чтение.

Одно обстоятельство осложняло его жизнь. Фронтальный вход в его конторе начинался со ступенек, которые Рузвельт не мог преодолеть без посторонней

помощи. Советник Хоув согласился, что это вредит его политическому статусу. Встал вопрос об отказе от работы.

В начале 1923 года Рузвельт решил предоставить все «матери-природе» и отправился в солнечную Флориду. Здесь он вместе со своим бостонским другом купил яхту «Ларооко». (4 февраля 1924 года флаг на ней был приспущен — пришло известие о смерти Вудро Вильсона.) Рузвельт ждал от солнца и моря чуда. Он пишет матери об обычном дне: «Мы сели в моторную лодку, ловили рыбу, высадились на песчаный берег, устроили пикник, я совсем забыл о своих кандалах, проделал много упражнений и чувствую, что мои мышцы в лучшем состоянии, чем когда бы то ни было». Его посетили Уильям Дженнингс Брайан и Джеймс Кокс.

К серьезным увлечениям этого времени следует отнести начало работы над историей Соединенных Штатов и биографией первого моряка молодой Америки Джона Пола Джонса. Писать исторические сочинения непросто — у Рузвельта были знания, интерес, стиль, но не хватало усидчивости. О том, что он не потерял веру в будущее, говорит сохранение группы помощников, возглавляемой верным Хоувом. Рузвельт принял участие в конкурсе проектов всеобщего мира — первой наметки идеи, которая воплотится в Организации Объединенных Наций.

Судьба предоставила ему одну практическую возможность — думать. И он постарался воспользоваться этим. Мысли его стали глубже и серьезнее, появилась мудрость. Как пишет Луис Хоув, «он становился более значительным человеком с каждым днем». Фрэнсис Перкинс пришла к выводу, что «Франклин Рузвельт претерпел в годы болезни духовную трансформацию... Годы боли и страданий изменили его несколько высокомерное отношение к миру. Человек как бы обрел сострадательное сердце, смирение духа и более глубокую философию. Находясь в пучине мук, он лучше стал понимать проблемы людей... Стал верить, что Божественное Провидение спасло его от полного паралича, отчаяния и смерти». Поскольку навещать людей он не мог, они сами приходили к нему, и это невольно способствовало перемещению его в центр внимания, в положение советчика и частично судьи. Его мастерство рассказчика росло с каждым годом, запас историй и анекдотов увеличился неимоверно. У него появилось новое удивительное качество, которое американские историки называли безмятежностью. Для человека, от которого отвернулась судьба, это было неожиданным. Прежний Рузвельт — беспокойный оптимист, новый — как бы умиротворенный фаталист.

Окружающие начинали понимать, что Рузвельт не станет узником Гайд-Парка. Теперь уже ничто не могло сломить его. Человек, который всю сознательную жизнь восхищался Теодором Рузвельтом и Вудро Вильсоном, сохранил характер борца. Сын Джеймс напишет позже: «Не полиомиелит сформировал характер отца, а отцовский характер позволил ему подняться над обстоятельствами».

Возвращение

Летом 1924 года Франклин Рузвельт принял предложение возглавить предвыборную кампанию «любимого сына Нью-Йорка» Альфреда («Аля») Смита. Недоброжелатели и нейтралы были уверены, что явный гандикап сделает Рузвельта скорее пассивным созерцателем битвы. Но они ошиблись — Рузвельт получил превосходный шанс возвратиться в национальную политику. Его советы отличались трезвостью и зрелостью: ослабить противодействие «сухому закону», обратиться к испытывающим экономические трудности фермерам, опереться на тех, кому «просперити» 20-х годов ничего не дало. Рузвельт уже понимал, что нью-йоркский губернатор не сможет охватить основных проблем нации, что его взгляды заведомо упрощенные, что он по существу провинциал (это выдавали даже его не очень умелые выступления по радио), что национальное лидерство дается ему с трудом.

Четыре года правления Гардинга, а потом, после его смерти, Кулиджа были временем грандиозных финансовых скандалов. На следующий срок республиканцы снова выдвинули Кулиджа, и ободренный репортер спросил великого молчальника, не желает ли тот в связи с выдвижением обрисовать свою платформу. «Нет» — ответил тот. — «А что вы можете сказать о мировом положении?» — «Ничего».— «О запрете алкоголя?» — «Ничего. И прошу меня не цитировать».

Конвент демократов открылся в нью-йоркском Мэдисон-Сквер-Гардене 24 июня 1924 года. Номинировать Смита должен был Берк Кокрейн — давнишний учитель Черчилля, человек, красноречие которого восхищало англичанина. Но он неожиданно скончался. Выступить предложили Рузвельту. Опираясь на плечо сына, Рузвельт вышел к дорожке, ведущей к трибуне. Далее, взяв костыли, двинулся вперед — зал замер. Подойдя к трибуне, он отставил костыли и озарил огромный зал улыбкой. «Всех вас, прибывших из великих городов Востока, с долин и холмов Запада, с побережья Тихого океана, с полей и усадеб Юга, я прошу со всей серьезностью, на которую способен, принять к сердцу слова Абрахама Линкольна: "Со злобой ни к кому, а с благожелательностью ко всем"». Затем последовала хвала Смиту: «Это личность, которая несет каждому не только веру в свою искренность, но и в правоту своего дела. Он упивается борьбой, он "Счастливый Воин" политической битвы». Овации, прерывавшие речь, длились час тринадцать минут. Сочетание мужества и красноречия сделало это выступление одним из лучших на конвенте. Между тем образ из поэмы Водсворта «Счастливый Воин», образ воина, обретающего счастье лишь в борьбе, был более всего приложим к самому Рузвельту. Одним выходом на политическую арену он восстановил свою национальную известность и положение.

Сам же конвент был очевидной прелюдией к новому поражению демократов. «Бурные двадцатые» так или иначе отдали приоритет республиканцам, в то время как демократы не могли обрести единство и выработать правильную контрстра-

тегию. В течение двух недель делегаты конвента не могли выбрать между Смитом и Макаду. Красноглазым, невыспавшимся и небритым депутатам никак не удавалось набрать 732 голоса в пользу одного из кандидатов. Впервые использованное радио отнюдь не подняло престиж демократов в глазах нации — вся страна стала свидетелем раздора в их лагере. Наконец, в ходе 103-го голосования, был избран компромиссный кандидат — Дж.Дэвис. Сенатор Хайрем Джонсон писал своей семье: «Прав был генерал Грант, когда сказал, что на демократическую партию можно положиться — в нужное время она сделает необходимую ошибку».

Демократы проигрывали, однако Рузвельт и на этот раз выигрывал. «Нью-Йорк ивнинг уорлд»: «Безотносительно к тому, выиграет ли губернатор Смит или проиграет, Франклин Д. Рузвельт уйдет с демократического конвента 1924 года героем. Несчастье подняло его над схваткой, над религиозным фанатизмом, борющимся с личными амбициями и жалкими предрассудками. Оно сделало его единственным лидером, пользующимся уважением и восхищением всех частей страны».

Осенью Кулидж без особых усилий выиграл выборы (54 процента голосов избирателей), поскольку его противники были разделены: Девис — 29 процентов и более левый Лафолет — 17 процентов.

★ ★ ★

В 20-е годы Америка впервые начинает закрывать двери перед иммигрантами. Разумеется, принятый в мае 1921 года Чрезвычайный акт о квоте именовался временной мерой. Двери в страну с тех пор были лишь полуоткрытыми. Разрешался въезд не более 357 тысяч человек в год (треть довоенного уровня). Акт 1924 года ограничивал въезд до 164 тысяч в год. Каждая страна получила свою квоту: Англия — 65 тысяч, страны Восточной Европы (Россия, Польша и др.) — по 2—3 тысячи. И все же численность тех, кто не считал английский язык родным, составляла в США уже 22 миллиона человек. В 20-е годы количество живущих в городах впервые превышает численность фермерского населения Америки. В 68 городах численность населения превысила 100 тысяч. И стоимость производимого промышленностью уже в три раза превышала стоимость сельскохозяйственной продукции Америки. Самым быстрорастущим городом страны стал калифорнийский Лос-Анджелес (число жителей с полумиллиона в 1920 году увеличилось до 3 миллионов в конце 30-х годов). Это был первый большой город Америки (третий по населению после Нью-Йорка и Чикаго), где основная часть жителей проживала в собственных домах.

Наступи́л век джаза, подрыва пуританских ценностей, время новых идей. Самая читаемая иностранная книга 20-х годов — «На западном фронте без перемен» Эриха-Марии Ремарка. Горькая ирония книги точно соответствовала духу времени. Американским аналогом могла служить книга «Три солдата» Джона Дос Пассоса, ветерана войны. В 1925 году появляются первые книги пи-

сателя, который потом будет назван лучшим автором поколения,— Эрнеста Хемингуэя.

При всем благодушии «просперити» в стране начал складываться блок сил, категорически не согласных с мертвой зоной правления Гардинга и Кулиджа. Пожалуй, самым проницательным критиком республиканского правления выступил сенатор от Небраски Джордж Норрис. Написанную им критическую статью не приняли респектабельные «Кольерс уикли» и «Форум». Только «Нейшн» осмелилась 16 сентября 1925 года поместить эти слова: «Политика республиканцев отбросила страну на двадцать пять лет назад... Если тресты, различные конгломераты и большой бизнес готовы править, почему бы не разрешить им делать это прямо, без посредничества дорогостоящего механизма, который первоначально был создан для защиты народа от контроля монополий?»

К чести Гардинга нужно сказать, что он понимал ограниченность своих талантов («Боже, это место — ад для таких людей, как я») и все чаще предпочитал гольф днем и покер ночью. Ненужные волнения плюс переедание и выпивка доконали даже этого первоначально спокойного человека, он умер в фантастически роскошном отеле в Сан-Франциско, возвращаясь из Канады. Его место занял вице-президент Кальвин Кулидж, невзрачный и немногословный. (Одна дама сказала ему во время обеда: «Я заключила пари, что извлеку из вас больше двух слов». Кулидж: «Вы проиграете». Дама: «Каково ваше хобби?» Кулидж: «Поддерживать порядок».)

На этом политическом фоне, фоне торжества лозунга «Бизнес Америки — это бизнес», Рузвельт вплотную занялся подготовкой к следующему раунду политической борьбы. Период между 1925 и 1927 годами он посвятил поиску и формулированию принципов, которые могли бы объединить «городскую» и «сельскую» фракции демократической партии, позволили бы расширить национальную базу демократов. Рузвельт задался целью стать лучшим специалистом своей партии в области внешней политики. При этом его «осевой» концепцией было продолжение интернационализма, глобальной политики президента Вильсона, к которому он относился с величайшим пиететом как к основателю единственно верного для Америки курса на XX столетие. В 1921 году он участвовал в создании Фонда Вудро Вильсона, средства которого предназначались для поощрения сторонников активной внешней политики США.

Считая, что в стране должна быть создана новая школа дипломатов, Ф. Рузвельт стал одним из основателей Школы Уолтера Пейджа (бывшего посла Вильсона в Лондоне) при Университете Джонса Гопкинса. В 20-е годы Рузвельт лично корректировал учебные планы в университетах и колледжах страны, стимулируя интерес к международной арене. В период, когда Америка демонстративно отвернулась от Лиги Наций, Ф.Рузвельт открыто и подчеркнуто выступил за членство США в этой организации. Некоторым из его друзей странно было смотреть,

как молодой амбициозный политик борется за дело, вчистую проигранное таким мастером политической борьбы, каким был Вудро Вильсон. В 1923 году Рузвельт создал такой проект нового сообщества наций, который, по его мнению, более приемлем для американского народа, чем отвергнутая Лига Наций. Ради вхождения в мировое сообщество, где индустриальная мощь США должна была сыграть решающую роль, он предлагал выдвинуть и пропагандировать оговорки, призванные уменьшить страх американцев перед новым и неизведанным предприятием. Согласно его плану, США «не могли быть вовлечены в чисто региональные проблемы», американцы «не могли быть призваны к решению задач, ведущих к использованию вооруженной силы без полного и свободного нашего согласия, выраженного посредством наших конституционных процедур». Неважно, в каком виде США примут участие в решении мировых проблем, полагал Рузвельт, важно само это участие.

Главные обвинения Рузвельта против республиканцев заключались в том, что они не вели подлинно международной политики в интересах Соединенных Штатов и не приняли никакого участия в рассмотрении вопросов, разбираемых Лигой Наций и Международным судом. Рузвельт, разумеется, знал, что большинство американцев голосовали против участия в этих организациях. И все же в своей статье, напечатанной в наиболее влиятельном внешнеполитическом журнале «Форин афферс», он предлагал проявить «гораздо большую степень внимания и определенной официальной помощи этим организациям, чем мы оказывали до сих пор». Рузвельт шел дальше: «Мы должны сотрудничать с Лигой Наций как с первой крупной организацией, направленной на поддержание мира, не вступая на почву непосредственно европейской политики, но тем не менее принимая активное, полнокровное официальное участие во всех обсуждениях, которые могут принести пользу всему человечеству. То же самое касается Международного суда».

Наиболее популярное в то время требование быстрого взыскания с бывших союзников долгов получило у Рузвельта своеобразное трактование. Напомним, что за время войны Америка перестала быть страной-должником и стала страной-кредитором. Она выплатила Европе свой долг 3 миллиарда долларов, и в новой ситуации уже Европа ей должна 10 миллиардов долларов. С его точки зрения, тот факт, что Соединенные Штаты намеревались собрать 22 миллиарда долларов вместо (учитывая проценты) 10 миллиардов (которые США в годы войны предоставили своим европейским союзникам), мог превратить бывших союзников «в государства, ненавидящие жестокого и жадного сборщика налогов».

Работы Рузвельта привлекли внимание теоретиков и практиков вильсонизма. Но сближение со старой гвардией Вильсона для него не было гладким. Хранители интернационалистских принципов не без подозрения смотрели на молодого выскочку из Нью-Йорка, родственника заклятого врага Вильсона — Теодора Рузвельта, политика, который, по их мнению, мог дискредитировать «кре-

стовый поход» Вильсона за превращение Соединенных Штатов в ведущую мировую державу. С другой стороны, для Рузвельта полностью отождествить себя с проигравшей свою игру фракцией демократов вовсе не казалось привлекательным. Следовало учитывать, что большинство американцев весьма решительно отвергли вильсонизм, поэтому посягающий на верховное лидерство должен был согласовывать амбиции с наиболее популярными взглядами своего времени. Опыт Вильсона научил Рузвельта, что для смелой внешней политики необходима твердая поддержка на внутренней арене. Без этого внешнеполитические замки строились на песке. Поэтому к концу 20-х годов он определенно отходит от правоверного вильсонизма.

Желая утвердить свою профессиональную репутацию, Рузвельт в 1923 году опубликовал в журнале «Азия» статью на волнующую тему текущего периода «Должны ли мы доверять Японии?» То был ответ на работы популярных в стране публицистов У. Питкина «Должны ли мы сражаться с Японией» (1921) и Г. Байуотера «Морская мощь на Тихом океане» (1922), которые в той или иной степени отстаивали идею неизбежности столкновения двух претендентов на владычество в Тихом океане. Рузвельта пугала крайность этого вывода. Он видел центр мирового развития в Европе, чье могущество хотя и было поколеблено мировой войной, но сохраняло свою осевую значимость. Именно здесь США должны были получить новые контрольные права (Лига Наций в этой связи казалась наилучшим каналом). На Тихом океане, при всей его насущной и еще более потенциальной важности, не решалась проблема мирового лидерства. Поэтому Рузвельт, в отличие от своих агрессивно настроенных предшественников, в оценке американо-японской ситуации считал, что битва США и Японии не даст быстрых положительных результатов для США. Обе страны достаточно сильны для обеспечения надежной стратегической обороны.

Главная ударная сила обеих стран — флоты. Но создание подводных лодок и морской авиации сделало их уязвимыми в открытом океане. Как еще могли США и Япония сокрушить друг друга? Долгая позиционная война вызвала бы лишь удовлетворение третьих сторон. А если так, если Япония неуязвима для решающего удара, тогда война с ней бесперспективна, затраченные колоссальные средства бессмысленны, к тому же война заставит сконцентрировать часть сил на неглавном направлении. Короче, этот путь был неправильным, и ожесточения отношений с Японией следовало избежать. Рисуя такие перспективы, Рузвельт в своей статье призывал ослабить американо-японский антагонизм, сделать возможным американо-японское сотрудничество, которое повышало бы престиж США в Азии и создавало рычаги воздействия на победоносные державы прежней Антанты.

В процессе подготовки к президентской кампании 1928 года Ф. Рузвельт опубликовал новую статью в журнале «Форин афферс», которую хотел бы видеть внешнеполитической платформой своего политического патрона и фаворита А. Сми-

та. В этой статье Рузвельт убеждал в необходимости для Америки возглавить мировое развитие: «В прошлом в нашей истории были периоды, когда американское руководство оказывало влияние на идеи и действия цивилизованного мира». Однако последние девять лет господства республиканцев «увы, не были таким периодом. С лета 1919 года наша страна вынуждена выслушивать обвинения, что она игнорирует необходимость конструктивного вмешательства в целях разрешения суровых проблем, вставших перед человечеством. Мы не предлагали практически ничего, за исключением изолированного эпизода военно-морской конференции 1922 года». В число конкретных предложений Рузвельта входило объявление американских гарантий безопасности торгового судоходства, инициативы по созыву международных форумов по военно-морским вооружениям. Наибольшие нарекания Рузвельта вызывала европейская политика республиканцев. Узколобый подход — требование выплаты бывшими союзниками долгов — означал отчуждение самых могущественных стран мира в обмен на деньги, которые Америке, по существу, и не были нужны. Но еще более жестокой и неразумной виделась политика Вашингтона в свете того, что одновременно федеральное правительство руководствовалось дискриминационной тарифной политикой, что значительно осложняло для европейцев выплату их долгов. Участие в Лиге Наций, вхождение в Международный суд, либеральное отношение к долгам европейцев, широкое и перспективное видение возможностей укрепления американских позиций в центре мирового могущества — вот что предлагал Ф. Рузвельт как теоретик демократической партии во внешнеполитических вопросах. По его мнению, во второй половине 20-х годов вновь созрели условия для попытки США внести упорядоченность в хаос мировых дел, сделать колоссальную американскую индустрию основой стабильности в мире.

Но в политике приходится выбирать. И Рузвельт в 1928 году стоял перед выбором — закрепить за собой положение ведущего внешнеполитического эксперта своей партии или начать движение к верхним этажам политической лестницы. Последнее возобладало, и Франклин Рузвельт, устремившись к посту губернатора штата Нью-Йорк, «повесил замок» на внешней политике.

Теперь умудренность в международных делах не только не требовалась, но и была опасной — многоплеменный Нью-Йорк по-разному реагировал на внешнеполитические симпатии своего губернатора. Рузвельт на три года как бы ушел из внешнеполитической сферы анализа, он как бы соблюдал обет молчания. Так, в 1931 году он отклонил предложение высказаться в национальной печати по поводу политики президента Гувера в вопросе об уплате союзниками военных долгов и по поводу агрессии Японии в Маньчжурии. Вполне очевидно, что губернатор боялся разозлить влиятельную группу «поствильсоновских» интернационалистов, а еще больше — создать негативное о себе представление у националистически настроенного большинства своей партии.

Грозные двадцатые

20-е годы были для Америки годами неслыханного подъема. В 1928 году она владела бóльшим объемом мировой торговли, производства и богатств, чем когда-либо до или после. Время словно ускорило свой бег. Наступила пора массового применения прежних изобретений. Даже английский язык не успевал за новыми понятиями и процессами. Еще в 1888 году группа академических ученых решила издать словарь всех английских слов в десяти томах. На реализацию проекта отвели сорок лет. Сложности начались уже при завершении буквы А — дополнений оказалось неожиданно много. После окончания работы над буквой С четыреста новых слов не вошли в словарь. Не вошло, например, слово «кино», и лексикографы решили включить его как «кинема». К окончанию проекта в 1928 году на каждое старое слово приходилось уже по одному новому, поэтому издание требовалось дополнить. Скажем, в XIX веке были лишь два цвета носков — белый и черный, а в XX — 43 цвета. В изданном в 1929 году «Международном словаре Вебстера» насчитывалось более 3 тысяч слов, вошедших в употребление между 1909 и 1927 годами. Из 299 слов, начинавшихся на букву А, две трети новых слов относились к сферам науки, медицины, изобретений, 82 слова — к авиации. Искусство дало единственное новое слово «атональность».

Наиболее сильно жизнь общества изменило появление автомобиля с закрытым верхом. Если в 1919 году закрытые автомобили составляли лишь десятую долю всех автомобилей, то уже в 1927 году их было уже 85 процентов. Автомобиль в «сухой» Америке послужил, как считали некоторые, своего рода альтернативой алкоголю. В своей книге «Ответственное пьянство» Роберт Бринкли утверждал, что мораль и нравы выдержали сотни лет пьянства, однако поколебались при внедрении автомобиля, увеличивавшего возможности приключений, краж и исчезновений.

В 1920 году в стране был собран 1 миллион 900 тысяч автомобилей, через десять лет — 2 миллиона 800 тысяч, а в 1940 году — 3 миллиона 700 тысяч. Если в 1920 году общее число автомобилей в Америке составляло 7 миллионов 500 тысяч, то в 1930 году — 27 миллионов. Автомобиль для американца стал, по словам Синклера Льюиса, «предметом поэзии, трагедии, любви и героизма». Его имели 46 процентов американских семей. Автомобиль действительно начал «стирать грани между городом и деревней», позволил американцам в массовом порядке перемещаться к новым рабочим местам.

Именно эта отрасль промышленности стала ведущей в американской экономике, потребляя 90 процентов нефтепродуктов, 75 — производимого стекла, 25 — производимых станков, 20 — стали и 80 процентов резины. Все это касалось не только легковых автомашин. В 1904 году в Америке было 700 грузовиков, к 1918 году — 500 тысяч, а к 1940 — почти 5 миллионов. В 1930 году в стране уже сотни автобусных компаний жестко конкурировали в поисках пассажиров.

Пассажирская авиация, конкурент автобусов и железных дорог, возникла достаточно неожиданно, из нужд почтовой службы. Чтобы стимулировать перевозку почты по воздуху, в 1925 году частным авиакомпаниям разрешили брать пассажиров. Первый регулярный маршрут был открыт 4 апреля 1927 года между Нью-Йорком и Бостоном. К 1930 году в небе США господствовали четыре авиакомпании — «Юнайтед», «Истерн», «Американ» и ТВА. В этом же году на самолетах впервые появились стюардессы. Между 1930 и 1940 годами воздушные перевозки увеличились в 12 раз. В 1934 году впервые в стране было продано более миллиона авиабилетов. Внешний вид самолетов по сравнению с периодом первой мировой войны разительно изменился. Теперь их делали целиком из металла обтекаемой формы. В 1931 году иммигрант из России Игорь Сикорский создал проект и построил первые самолеты для «Панамерикен», они долгое время задавали тон в пассажирской авиации. В начале 30-х годов по воздуху путешествовали 200 тысяч человек, одна жертва приходилась на 8 миллионов пассажиро-миль. В конце 30-х годов одна жертва приходилась уже на 100 миллилнов пассажиро-миль, число воздушных путешественников дошло до нескольких миллионов в год. В 1939 году «Панамерикен» начала межатлантические перелеты на «Боинге-314».

Решающим годом для радио был 1922-й. Франция начала международное вещание на французском языке с Эйфелевой башни, «Радио Москва» из столицы Советской России, Би-Би-Си из Лондона. В 1923 году в США было продано полмиллиона радиоприемников, а в 1925 году — 2 миллиона. К концу 30-х годов радио в Америке регулярно слушали около 30 миллионов человек. Это была солидная конкуренция кинематографу. Чтобы выдержать конкуренцию, кино стало «говорящим». В 1927 году в стране насчитывалось 17 тысяч кинотеатров. Почти в каждом городе, большом и маленьком, здание кинотеатра было едва ли не самым внушительным. Огромные студии работали над производством фильмов безостановочно, и посещение кино еще двадцать лет занимало особое место в развлечениях американцев.

Достижения Америки были впечатляющими. С 1919 по 1929 год валовой национальный продукт вырос на 39 процентов. Число домов, имеющих радио, увеличилось с нуля до 40 процентов, стиральные машины — с 8 до 24 процентов, холодильники — с 1 до 8 процентов, пылесосы — с 9 до 30 процентов. В 1920 году лишь 35 процентов населения имели в домах электричество, а в 1930 году — 68 процентов; если в 1910 году один телефон приходился на пятнадцать человек, то в 1920 — на восемь. Но эти улучшения касались все же лишь меньшинства американцев. Лишь 1 процент самых богатых американцев владел 15 процентами национального дохода. В 1927 году 207 человек платили налоги с доходов в 1 миллион долларов и более. Доходы корпораций за 20-е годы выросли на 76 процентов. В 1929 году на 20 процентов высшего класса приходилось

более половины расходов американцев, но многие практически не ощутили результатов материального прогресса страны. Самые богатые 20 процентов расходовали более половины средств на образование, медицинское обслуживание и отдых. Такая ситуация могла привести к общественному взрыву с невиданными последствиями. Чтобы избежать этого, в стране нужно было проводить реформы. За это и взялся Франклин Рузвельт.

★ ★ ★

Рузвельта привлекали поездки в Уорм-Спрингс (штат Джорджия), где известный богач Пибоди предоставил в его распоряжение бассейн, он мог плавать часами. Впервые за три года Франклин почувствовал пальцы ног. Теперь первую половину дня он проводил в бассейне в компании Мисси Лихенд и хозяина «курорта» Лойлеса, а вторую — за изучением корреспонденции. Здесь у Рузвельта родилась мысль превратить захудалый Уорм-Спрингс в первоклассный курорт. Он купил участок земли с подземными ключами и построил коттедж. Ему нравилась жаркая Джорджия с ее персиковыми деревьями, небольшими городками и приветливыми людьми. В этих местах он познакомился с сельской, фермерской Америкой; ему, горожанину, стали ближе проблемы американского Юга.

Этот период времени характерен резко возросшим интересом Элеоноры Рузвельт к социальным и политическим проблемам страны. После длительного добровольного затворничества она становится самостоятельной политической фигурой, хозяйство в Уорм-Спрингс ведет Мисси Лихенд.

Нельзя не отметить, что на протяжении всех этих лет политическая амбиция оставалась доминирующей в характере Франклина Рузвельта; она могла бы исчезнуть только с уходом самой личности. Она способствовала новой активности в конце 1925 года, когда Рузвельт, откликаясь на событие историографической жизни, пишет рецензию на книгу Клода Бауэрса «Джефферсон и Гамильтон». Гамильтон олицетворяет веру в автократическое правление — тупиковый для Рузвельта (и Джефферсона) вариант, а Джефферсон «возвратил правление обратно — массам», обладающим правом голоса. Рузвельт пишет о событиях более чем столетней давности, но связывает их с современной Америкой. «Меня охватывает отчаянное чувство — а вдруг столетием позже произойдет поляризация тех же политических сил. Сегодня нами правит Гамильтон. Не возникнет ли на горизонте нового Джефферсона?» Читатель не мог избавиться от чувства, что начинает понимать, кто будет новым Джефферсоном.

Рузвельт все больше задумывается о смысле американской истории и, главное, все более отчетливо видит в реалиях 20-х годов столкновение уже устоявшихся антагонистов в американской жизни — прогрессизма и консерватизма. Рузвельт относит себя к тем силам, которые не позволили в начале XIX века автократической системе Гамильтона взять верх в молодой республике. Тогда

прогрессивные силы возглавил вирджинский демократ. Теперь их поведет вперед нью-йоркский апостол прогрессизма. Нет сомнения, что обстоятельства в Америке изменились радикально. Но несомненно также, что благородный идеализм Джефферсона мог стать лидирующим и в век электричества. «Наряду со старым политическим порядком, порожденным пасторальной цивилизацией, мы видим новый социальный порядок, опирающийся на техническую цивилизацию.» Обе цивилизации плохо стыкуются. Создать их творческое взаимодействие — величайшая задача для лидеров Америки.

Все в новой системе взглядов Рузвельта основывалось теперь на вере Джефферсона в достижение свободы от правящей политической машины, клятве на алтаре свободы использовать машину государства для решения социальных проблем. Ради достижения этой цели необходима хорошо организованная демократическая партия, обновленная на платформе нового джефферсонизма для хотя бы частичного исправления несправедливостей индустриального общества.

Рузвельт развивал эти идеи, еще не занимая ведущих позиций в демократической партии,— он был всего лишь потерпевшим поражение кандидатом на пост вице-президента. Но ни на секунду не сомневался в своих лидерских способностях. И теперь он видел, что многое зависит от организации, от системы партийного управления, которая приводит в движение легионы новых политических бойцов. Парадокс: чем менее подвижным делает его жестокая болезнь, тем более обширным становится поле его деятельности. Практически это вся Америка. Рузвельт шлет письма трем тысячам ведущих деятелей демократической партии в стране, едва ли не всем потенциальным делегатам следующего конвента демократической партии. Это был тот период, когда руководство демократической партии, разочарованной и разобщенной, представляли собой всего лишь «две леди, занимающие одну комнату в вашингтонском офисе».

Рузвельт начинает одновременно вырабатывать и новую идеологию демократической партии и ее организационную структуру. «Мы — партия прогресса и либеральной мысли, и мы желаем сделать демократию сильной, более воинственной организацией в общенациональном масштабе.» Глядя на карту страны, он все более убеждается в том, что основой общенационального успеха должно быть единение демократов (традиционных) Юга и Запада с новыми демократами индустриального Севера. Все меньше было сомнений в том, что единственным политиком, способным осуществить это объединение, он видел себя.

А пока политические бури были отложены до выборов 1928 года, Рузвельт не отрывался от книг и, что было для него чрезвычайно характерно, проводил многочисленные встречи со специалистами в самых разных сферах социальных наук. Элеонора снабжала его литературой, поддерживала в нем интерес к социальным и экономическим проблемам, приглашала проявивших себя авторов посетить Гайд-Парк или Уорм-Спрингс. Рузвельт умел расположить к себе

людей, стимулировать проявление ими лучших своих черт, обратиться к их эрудиции.

При всех приложенных усилиях демократическая партия, по его мнению, слишком медленно модернизовала свою идеологию и организацию, поэтому он не верил в победу демократов в 1928 году. «У меня есть очень серьезные сомнения в отношении того, что кто-либо из демократов сумеет выиграть в 1928 году»,— пишет Рузвельт Дэниэлсу. Бешеные годы «просперити» Кулиджа продолжались, и удовлетворенный средний класс Америки вовсе не собирался менять политическую упряжку в «эру тучных коров». Республиканцы это знали, их лидер Герберт Гувер (министр торговли в администрации Кулиджа) выражался достаточно беспардонно: «Мы в Америке сегодня подошли ближе, чем когда-либо в истории, к конечному триумфу над нищетой».

★ ★ ★

Собравшиеся летом 1928 года в Хьюстоне (Техас) демократы покорно приняли безальтернативность Аля Смита. Его вице-президентским партнером стал сенатор от Арканзаса Джозеф Робертсон. Рузвельт, как и прежде, выдвинул Смита. Но теперь он, видя перед собой микрофоны многочисленных радиокомпаний, больше обращался не к пятнадцатитысячной аудитории конвента, а к тем несчитанным миллионам американцев, которые слушали радио в своих гостиных. Он мастерски овладел новым орудием политической битвы.

Туманно, как бы не совсем говоря о Смите, Рузвельт рассуждал о том, что Америка «нуждается в лидере, который схватывает и понимает большие проблемы бизнеса и управления, но в равной степени воспринимает чаяния отдельного индивидуума, фермера, служащего». Выдвинутый кандидатом Смит попросил Рузвельта возглавить отделение торговли, промышленности и профессиональных занятий партии. Элеонора Рузвельт возглавила женское движение демократов. Но ход предвыборной кампании, опора Смита лишь на ближайшее партийное окружение разочаровали Рузвельта, и уже в сентябре он отправился в милый его сердцу Уорм-Спрингс: «Я бы не так вел предвыборную кампанию... И я никогда не буду человеком, говорящим только "да"».

Губернатор

Отъезд на юг, в Джорджию, был связан еще и с тем, что набирало силу движение, прочившее Рузвельта в губернаторы штата Нью-Йорк. Элеонора опасалась, выдержит ли муж напряжение, связанное с руководством крупнейшим городом мира. Смит, которому необходимо было поставить во главе огромного Нью-Йорка своего человека (который при этом физически не мог бы претендовать на высший в стране пост), поставил по телефону вопрос так, как только он

умел: «Я задаю вам всего лишь один вопрос: если вас выдвинут, вы откажетесь от выдвижения?» Лишь категорический отказ выводил Рузвельта из большой политики. Молчание Рузвельта Смит понял вполне: «У меня больше вопросов нет». Сработала смазанная политическая машина. Демократы Нью-Йорка единогласно выдвинули Рузвельта. А тот попросту не мог отказаться от поста, который в случае успеха прямо вел его в Белый дом.

Смертельно боясь, что представление о его физической слабости станет препятствием на его пути, Рузвельт объявил, что выступит в каждом графстве штата. Губернатор Смит поддержал его без особой деликатности: «Губернатор не обязан быть акробатом, ему не обязательно делать двойное сальто на канате. Его задача — думать». Именно в это время в окружение Рузвельта приходят те, кто на многие годы составят его «мозговой трест»: легкий во всем политический менеджер Джеймс Ферли, «тайный писатель речей» Самюэль Розенман, надежный Генри Моргентау вместе с самым опытным организатором Луисом Хоувом и секретаршами Мисси Лихенд и Грейс Тулли. Ближайший в дальнейшем сподвижник Розенман встретил претендента на пост губернатора за три недели до выборов. Он слышал, что Рузвельт был своего рода плейбоем, что он слаб и неэффективен. Но, вспоминает Розенман, «эта широкая челюсть и неподвижный подбородок, вспыхивающие светом проницательные глаза, твердые руки... Тщательно одет — мягкий воротничок, просторный твидовый костюм, фетровая шляпа. Выглядит дружественно, но во всем чувствуется невыразимое достоинство, которое делает невозможным какую-либо фамильярность».

Встреча с Розенманом была удачей для Рузвельта. Он все систематизировал, разложил документы по темам, свел предложения в программу, сделал статистику занимательной, четко обозначил позиции конкурирующей республиканской партии по основным спорным вопросам. Они понимали друг друга с полуслова. Розенман представил данные о попытках республиканцев приватизировать гидроэнергетические объекты. Рузвельт лишь глянул в текст и тут же продиктовал стенографистке: «О проблеме лучше всего сказано в Ветхом Завете: "Не укради"».

В ходе этой кампании Рузвельт окончательно переходит с поезда на автомобиль — так удобнее выступать перед группами фермеров, строителями, выходящими с фабрик рабочими. За его машиной теперь почти всегда следуют два автобуса: один для прессы, второй для стенографистов, мимеографа и прочей множительной техники. В последние три недели кампании Рузвельт произнес пятьдесят речей и исколесил почти две тысячи километров.

Дежурной его шуткой была следующая: «Дайте мне выступить перед публикой стоя еще двенадцать месяцев, и я выкину костыли». А ведь ему пришлось преодолеть немало препятствий. Он не мог самостоятельно взбираться по ступенькам. Хуже всего было выступать в залах. Поскольку ноги его не слушались, он иногда пользовался пожарной лестницей на виду у всех, взбираясь по ней на

сильных руках. Прикрепив стальные протезы, он лез вперед. Бесконечное унижение. Но Рузвельт все преодолел. Преодолел мучительное ущемление самолюбия, не ставя других в невыносимое положение. Фрэнсис Перкинс пишет: «Он совладал с унижением, преследующим физически ограниченного человека. Он принял все с улыбкой. Когда его вносили в зал, он преодолевал унизительное «внесение» куртуазно, приятно и с энтузиазмом. Он поднимался на костыли, прилаживал их, выпрямлялся, поправлял волосы, опирался на руку сына Джима... Я не помню содержания речи, но и для меня, и для всех, кто видел происходящее, его речь была менее важна, чем его мужество».

Сочетание ума, обаяния и мужества возобладало — Рузвельт победил в Нью-Йорке. Для победы вполне хватило небольшого перевеса в 25 голосов. Ирония истории заключалась в том, что Рузвельт победил в штате, который на национальном уровне отказался поддержать его старшего коллегу Смита в президентской гонке. Уже тогда ряд политиков увидел в победе на уровне штата только старт. Скажем, вирджинский губернатор Г.Бирд публично назвал его «надеждой демократической партии».

★ ★ ★

В последний день 1927 года кавалькада автомобилей приблизилась к губернаторскому дому в столице штата Нью-Йорк Олбени. На его ступеньках Аль Смит приветствовал преемника: «Благослови тебя господь, Фрэнк». А на следующий день в украшенном зале ассамблеи штата в присутствии многих официальных лиц, положив руку на семейную реликвию — старую голландскую библию, Франклин Рузвельт принес присягу. Это произошло ровно 37 лет спустя после принятия присяги Теодором Рузвельтом в том же зале нью-йоркской ассамблеи. Уходивший с должности Аль Смит сказал Франклину: «Ты найдешь возможность посвятить свой яркий ум проблемам штата».

Во вступительной речи новый губернатор пообещал «обеспечить радости жизни фермеру; помогать трудящимся на фабрике, давая им справедливую зарплату и защиту от перемен рыночного спроса; компенсировать их путем страхования от увечий; открыть двери знаний их детям; помогать больным и увечным; строго придерживаться справедливости по отношению к преступникам, наставляя их на верную дорогу». Два человека стояли перед публикой, и вряд ли кто-либо мог представить себе в тот час, что эта церемония знаменует закат карьеры одного и начало национальной карьеры другого. Формально еще возглавляя демократическую партию страны, Смит фактически находился на пороге забвения. Рузвельт был предельно предупредителен с покидавшим пост Смитом, но он сразу же заявил всем, кто желал это слышать, что будет «вести дела сам». Он попросту не терпел зависимости. Менторство Смита не могло быть вечным, и Рузвельт полностью воспользовался тем, что экс-губернатор отправился в Нью-Йорк строить самое высокое в мире здание — Эмпайр Стейт

Билдинг. Впрочем, у Смита уже были сомнения в управляемости мягкого в манерах, но уже показавшего характер эсквайра из Гайд-Парка.

Внутренний круг включал уже знакомые имена — Сэм Розенман (советник губернатора), Генри Моргентау (председатель сельскохозяйственной комиссии, а затем советник по охране окружающей среды), Бэзил О'Коннор (советник), Луис Хоув (личный советник), Эд Флинн (секретарь штата), Джим Ферли (руководитель организации демократической партии штата), Мисси Лихенд и Грейс Тулли (личные секретари). На посту ответственного за промышленные вопросы оказалась стройная и серьезная женщина — Фрэнсис Перкинс, которая будет с Рузвельтом на всех поворотах его дальнейшей карьеры. Будущие столпы «Нового курса» шли разными тропами к сотрудничеству с губернатором. Одним из источников кадров был Колумбийский университет Нью-Йорка. Рузвельт, вопреки ожиданиям Смита, довольно быстро сменил его людей на главных должностях. Между Смитом и Рузвельтом не произошло официального разрыва, но политики стали отдаляться друг от друга по мере того, как растущие проблемы заставляли делать очередной выбор. Главное — не оправдались сомнения тех, кто считал, что у Рузвельта нет необходимого опыта и он не справится с этой важной должностью. К их удивлению, Рузвельт легко принял дела и без видимого напряжения овладел ситуацией. Он не драматизировал проблем и оказался на удивление скорым на решения, спокойным, обстоятельным губернатором.

★ ★ ★

В старом викторианском особняке губернатора стояла мебель, оставленная еще Гровером Кливлендом. Этот гарнитур уже плохо гармонировал со стилем и привычками новых обитателей. Многочисленная семья (дети приезжали из Гротона и Гарварда) не скрывала своей радости. Повсюду лежали книги и журналы, по комнатам бегали собаки, застолья были долгими, секретари входили без стука. Новый помощник Рекс Тагвел пишет, что «привычкой Рузвельта было встречать любого из новопришельцев как почетного гостя». Тагвел никогда в своей жизни не слышал столь бурных обсуждений за обеденным столом. На чай приглашали всех присутствующих в доме. Рузвельт не упускал случая усадить за стол и подвернувшегося журналиста.

Смысл заботы о расширении круга знакомых, о поддержке поклонников, формировании собственной фаланги политиков и помощников был понятен немногим. Еще за 20 лет до вступления в должность Франклин Рузвельт утверждал, что «всякий, занявший пост губернатора Нью-Йорка, имеет хорошие шансы стать президентом». Глава политической машины Нью-Йорка контролировал 45 делегатов из 266 выборщиков, чьи голоса необходимы для въезда в Белый дом. Между 1865 и 1928 годами в девяти случаях из пятнадцати на пост президента демократическая и республиканская партии номинировали губернаторов Нью-Йорка. Прези-

дентами страны стали губернаторы Ван Бюрен, Филмор, Артур, Кливленд и, разумеется, Теодор Рузвельт. Претендентами на высший пост были Грили, Тилден, Хьюз, Смит, Дьюи. Оставили свой след в американской истории Рут, Стимсон, Вагнер, Леман, Гарриман, Даллес. При такой родословной губернаторский дворец действительно давал нешуточные надежды. В дни инаугурации Рузвельт написал супруге прежнего лидера демократов в стране Уильяма Дженнингса Брайана послание, где были следующие строки: «Элеонора и я готовы к двум напряженным годам. Я ожидаю оказаться мишенью практически всей республиканской артиллерии, но, как вы знаете, я немного похож на моего дорогого друга мистера Брайана в своей любви к хорошей схватке».

Разумеется, дело было в великом Нью-Йорке, финансовой и экономической, культурной и даже сельскохозяйственной столице страны. Это был, как выразился один знаток, «не "плавильный тигель", а кипящий котел страны», главные ворота ее иммиграционного потока. Много раз говорилось, что в Нью-Йорке больше ирландцев, чем в Дублине, больше итальянцев, чем в Риме, больше греков, чем в Афинах. Национальные меньшинства, особенно евреи и католики, были чрезвычайно организованы и представляли собой силу национального значения. Но и сам протянувшийся до великих озер штат Нью-Йорк был огромен.

На посту губернатора Рузвельт непосредственно познакомился с системой управления большого социального организма. Ежедневным предметом его размышлений стали социальное обеспечение, эффективность правительства, решение проблем промышленности и сельского хозяйства. Оказалось, что Рузвельт вопреки многим ожиданиям не легковесный, а серьезный и спокойный человек, любящий власть до той степени, что не чувствует ее бремени. Он легко переносил кризисы, его не страшили перемены. Оказалось, что Рузвельт склонен к социальным экспериментам, способен учиться, не стыдясь задавать вопросы и повторять сложные места. И немилость природы он воспринял, проявив качества, определенные Хемингуэем как сохранение «достоинства под давлением» — высшая форма мужества.

Рузвельт унаследовал относительно хорошо налаженную правительственную машину штата. Несомненно, уже были заложены основы для социальных реформ. Всю будущую философию реформизма 30-х годов можно найти в деятельности губернатора Рузвельта в 1929—1932 годах: фиксация минимума заработной платы и максимального числа рабочих часов; законы о страховании жизни, о помощи безработным; программа общественных работ; ограничение деятельности банков. Важно и то, *как* руководил Рузвельт. Он быстро понял значимость нового средства массовой информации — радио, и вскоре весь огромный Нью-Йорк слушал периодические разъяснения Рузвельта по поводу проводимых мероприятий. Это было началом ставших впоследствии знаменитыми «бесед у камина». Радио в те времена считалось новинкой, и губернатор посылал помощников в самые разные места штата, чтобы узнать о слышимости и о том, как воспринимает передачи аудитория.

Через головы законодателей губернатор обращался прямо к избирателям и находил верный тон, понятные слова и нужный пафос. И многим, очень многим вскоре стало ясно, что под маской неизменной любезности скрывается стальная воля.

Политическая философия Рузвельта состояла в том, что существующее социальное неравенство, отличающееся исключительным безразличием верхов к страданиям низов, опасно и должно подвергнуться реформированию. «Когда это время придет, я хочу видеть демократическую партию радикально здравой в той мере, чтобы возвратить себе политическую власть.» Рузвельт проводит в сельские районы электричество, строит общественные дороги, предлагает создать каскад гидроэлектростанций — делает многое, что привлекает внимание всей нации. И хотя страна переживала небывалый период экономического подъема, Рузвельт был знаком и с менее радужными симптомами: покупательная способность нации не увеличивалась, безработица сохранялась, бюджет более 78 процентов американских семей не достигал и 3 тысяч долларов в год.

При всех попытках Рузвельта убедить своих слушателей в том, что он — надпартийный политик, было очевидно, что его интересует мнение о нем прежде всего демократической партии, остро нуждавшейся в приспособлении к новым социальным условиям. Активность в великом городе и поездки по штату все более делали Рузвельта политиком национального масштаба.

Великая депрессия

Обвал на нью-йоркской бирже 29 октября 1929 года знаменовал наступление новой эпохи. За несколько часов Уолл-стрит потерял на падении курса акций более 10 миллиардов долларов. Эра беспечного благополучия закончилась, наступили суровые времена. Рузвельт, как и большинство американцев, считал поразившее страну экономическое несчастье временным. Из-за врожденного оптимизма он верил в это дольше других. Ему понадобилось довольно много времени, чтобы осознать: экономико-социальный кризис — это всерьез и надолго. От месяца к месяцу депрессия нарастала, становясь «Великой». Рассуждая о причинах этой депрессии, известный экономист Дж. К. Гелбрейт назвал в качестве основной прежде всего то, что 5 процентов населения владеет третьей частью личных доходов страны. В период с 1929 по 1932 год валовой национальный продукт страны упал с 103 миллиардов долларов до 58 миллиардов. Доход на душу населения снизился с 847 до 465 долларов. На протяжении трех лет с начала краха еженедельно в среднем сто тысяч трудящихся теряли свои рабочие места. Численность безработных достигла 24 процентов всей рабочей силы в 1932 году (12 миллионов человек).

Ухудшающееся положение трудящихся давало шанс выдвинуться демократической партии — ведь республиканец Герберт Гувер ничего не мог сделать для

улучшения их положения. Требование перемен становилось едва ли не всеобщим. Страна начала искать альтернативу. Поиск нового национального лидера не мог не привлечь внимание к трудоголику и оптимисту, всегда улыбающемуся губернатору крупнейшего штата, чей вздернутый кверху мундштук на газетных фотографиях стал узнаваемым для множества читателей в стране.

Но Рузвельт лишь приступил к формированию своего подхода к проблеме. Именно в это время «мобилизованный» губернатором профессор политических наук Колумбийского университета Реймонд Моли пишет о Рузвельте: «Трудно ответить на вопрос, каков он, приходится суммировать множество впечатлений. Одно определенно — это проистекает из его располагающих манер — его внешняя мягкость не является главной чертой его характера. Когда он стремится к чему-либо, он проявляет очевидную жесткость, упрямство, настойчивость, энергию... Энергия этого человека и его жизненная сила удивительны. Я был изумлен его интересом ко всему происходящему... Я не уверен, что он прочел много книг об экономических проблемах. Более всего сведений он получает из бесед, и когда он прекращает эти беседы, ты не знаешь, что он извлек для себя».

Место ведущих помощников Рузвельта окончательно занимают Хоув и Ферли, контраст между ними отмечали все. Нервный и самососредоточенный Хоув мог быть груб и нетерпим. Большой и мягкий, круглолицый сын каменщика ирландец Ферли почти всегда улыбался. Хоув действовал из-за спины, предпочитал иметь прикрытие; Ферли любил общение, быстро запоминал имена собеседников и легко вел беседу. Хоуву было тяжело с незнакомцами, Ферли их молниеносно очаровывал. Луис Хоув размышлял в тишине над стратегией, а Джеймс Ферли колесил по стране, знакомясь с невиданным числом деятелей демократической партии. Оба были преданы Рузвельту, оба были нацелены на Белый дом и заранее распределили между собой свои роли.

★ ★ ★

Через два года Рузвельта переизбрали на второй двухгодичный срок губернаторства в Нью-Йорке. На этот раз его победа была более впечатляющей — перевес составил 700 тысяч человек. И сразу же, буквально на второй день его помощник Ферли бросает общенациональный вызов: «Я не представляю себе, как мистер Рузвельт может избежать номинирования на президентский пост от своей партии, даже если сам он не пошевелит и пальцем». Когда Рузвельту рассказали об этом заявлении, он рассмеялся: «Что бы ни сказал Джим, мне нравится». Другому своему многолетнему сторонику Флинну он сказал через неделю после выборов: «Эдди, я верю, что меня могут выдвинуть кандидатом на президентский пост в 1932 году».

Тем временем обстановка в стране все больше принимала масштабы национального несчастья. Президент Гувер в очередной раз провозгласил, что возврат к процветанию «за углом», и в очередной раз ошибся. Страна стала отворачивать-

ся от него в поисках преемника, который мог бы решить проблему теперь уже 17 миллионов безработных (четверть всей рабочей силы), постепенно терявших смысл жизни; судьбу фермеров, чьи продукты обесценились на 60 процентов, и владельцев акций, стоимость которых на Уолл-стрите упала с 87 миллиардов долларов в 1929 году до 19 миллиардов в 1933 году. Как могли американцы возвратиться к своему исконному оптимизму, если национальный доход страны уменьшился вдвое. Сбережения трудящихся испарились в тысячах исчезнувших банков, трубы заводов не дымили, фермеры уничтожали свою продукцию.

Возможно, более всего депрессия оказала влияние на национальный характер американцев. Нация энергичных трудоголиков, всегда готовых откликнуться на шутку, безусловно верящих в свое будущее, стала серой, безликой толпой, потерявшей гордость и самоуважение. Тот, кто сумел бы возвратить эти исконные качества, мог бы рассчитывать на национальную благодарность и безусловное лидерство.

Именно в этот момент национального кризиса, когда основная когорта политиков опустила руки, Рузвельт решает выйти на национальную арену. Он делает это осторожно, стараясь не оторваться от реальной почвы. Администрация Гувера борется за три святыни — минимальную инфляцию, твердый (привязанный к золотому стандарту) доллар и сбалансированный бюджет, а Рузвельт предлагает поставить в центр забот того американца, который даже не фигурирует в сводках министерства финансов. В марте 1932 года страна начала повторять слова губернатора Нью-Йорка о том, что «никому в стране не должно быть позволено жить ненакормленным, неодетым и лишенным жилья». Рузвельт призвал оставить страхи перед дефицитом бюджета: «В такие необычные времена повышенные финансовые расходы оправданы... Там, где штаты не могут решить задачу, заботу о стране должно взять на себя федеральное правительство». В Белом доме президент Гувер более перипетий кризиса боялся того, что к власти в стране придут безответственные демагоги, ниспровергающие каноны тех экономических воззрений, в которые он свято верил. В стране начали образовываться две полярные точки зрения на путь выхода страны из экономического кризиса. Рузвельт бросил вызов гуверовской монетаристской ортодоксии.

Путь в Вашингтон

22 января 1932 года губернатор Нью-Йорка за неделю до своего пятидесятилетия выставил свою кандидатуру на предварительных выборах в Северной Дакоте. В те времена обесценившихся денег и обесценившихся слов далеко не все видели в нем героя. Ведущий журналист эпохи Уолтер Липпман открыто усомнился в оправданности рузвельтовского самоутверждения: «Франклин Рузвельт не крестоносец. Он не народный трибун. Он не враг незаслуженных привилегий. Он —

приятный человек, который, не имея особых выдающихся качеств, стремится занять пост президента... Приятный человек с филантропическими импульсами». Другой интеллектуальный вождь Эдмунд Вильсон также не усмотрел особенных качеств: бойскаут, весело несущий порученный груз; плоскость и пустота в восприятии американской демократии. Он чувствителен, достоен, дипломатичен, эффективен — но есть ли в нем долговременное упорство? Опровергнуть скепсис разуверившихся национальных вождей было не просто. Требовались воображение, энергия, харизма. Чтобы проявить себя национальным лидером, Рузвельт в 1932 году посетил тридцать пять конвентов и предварительных выборов демократической партии. Такие люди, как полковник Хауз, ближайший советник президента Вильсона, обзванивали всю страну. Сразу встал вопрос о деньгах, и ответ на него дали Джозеф Кеннеди (глава будущего клана), Генри Моргентау, Уильям Вудин, Роберт Бингхем, Герберт Леман. Ощущая необходимость в интеллектуальной поддержке, Рузвельт попросил группу университетских профессоров помочь в выработке общенациональной программы спасения. В этой группе сразу выделились Раймонд Моли и Сэм Розенман.

Прежние претенденты на американский политический Олимп нередко создавали свои «военные советы», но главную роль в них всегда играли бизнесмены — промышленники и финансисты. Такова была природа американской социально-политической системы. Впервые после Джефферсона Рузвельт обратился к иной среде — поставил на интеллектуалов. К этому он пришел не сразу, даже он, выпускник Гарварда, с трудом преодолевал малопривлекательный американский скептицизм в отношении «яйцеголовых» представителей профессорской среды. Вначале его отталкивало многословие университетских светил, их педантизм, бесконечное теоретизирование, оторванность от реальной жизни, нередко малообоснованный идеализм. Но со временем он понял, что менеджеры компаний, достигшие успеха в цехах и на рынке, попросту игнорируют главное — социальное, человеческое измерение. Рузвельт пришел к выводу, что университетская элита при всей своей оторванности от многих практических вопросов несет живительное критическое зерно, которое в союзе с честным политиком неизбежно даст плодотворные всходы. Он довольно рано осознал, что стоящие независимые идеи можно получить только из академического сообщества.

Главным источником рекрутирования ярких академических личностей стал Колумбийский университет, расположенный в самом центре Манхэттена. Блестящие умы обозначили себя в самых разных сферах. Профессор Моли был специалистом по уголовному праву, Рекс Тагвел — экспертом по сельскому хозяйству. Адольф Берль изучал изменения в экономической системе страны. О существовании этого «мозгового треста» (так назвала группу советников Рузвельта газета «Нью-Йорк таймс») далеко не всем было известно, поскольку Рузвельт опасался, что находится под влиянием безответственных радикалов. Не афи-

шируя союза политики и науки, они наслаждались обществом друг друга. Рузвельту нравилось слышать свежие идеи, а профессуре импонировало быть призванной и значимой, быть ответственной — давать советы в годину национального кризиса.

Обычно «мозговой трест» собирался у губернатора в Олбени. Приезжали вечерним поездом к ужину. Разговор за столом шел вольный, пока Рузвельт не уводил всю группу в соседнюю комнату к камину. Здесь-то и начинался подлинный мозговой штурм проблем. Рузвельт привыкал слушать, нередко сводя свою роль к постановке острых вопросов, стимулирующих независимые мнения. Несмотря на сухой закон, каждый мог подойти к бару, важно было не утратить ритм метронома вопросов неутомимого губернатора. Около полуночи Рузвельт, по привычке размахивая мундштуком, как бы резюмировал услышанное. На этом этапе присутствующие не раз убеждались в подлинном гении политика — умении услышать и оценить новое, отделить неортодоксальное от рутинного. Научных светил не могло не подкупить восхищение их смелыми мыслями, восторг от очерченного нового ракурса, признательность за предложенный оригинальный подход. Эта готовность принять новое постепенно стала основой системы Рузвельта, его оружием.

Видимым миру итогом этих «мозговых штурмов» стали радиообращения Рузвельта. Да, профессора иногда не в меру увлекались и выходили за рамки политических реалий, иногда их суждения были слишком отвлеченными или не в меру радикальными. Но нация судила и о другом — губернатор крупнейшего штата не погряз в рутине, не стал жертвой политиканства, не утратил критического чутья. А главное, он упорно ищет выход из ситуации, где даже лучшие признанные авторитеты свели свои рецепты к призыву «подождать и потерпеть».

Уже в первом десятиминутном радиообращении к нации 7 апреля 1932 года была изложена общая прогрессистская программа действий, в которой говорилось о «забытом простом человеке, стоящем в основании экономической пирамиды». Миллионы американцев едва ли не впервые услышали политика, который проявлял заботу, не ждал решения всего и вся от неведомых и непредсказуемо действующих сил рынка, а призывал взяться за дело немедленно.

Ничто не вызывало у Рузвельта такой ярости, как принятый в националистическом ослеплении закон Смута—Хоули, поднявший внешний таможенный тариф Соединенных Штатов примерно до 60 процентов стоимости ввозимых товаров. В речи 2 февраля 1932 года он охарактеризовал его как удар по мировой торговле, как удар по американскому экспорту, а следовательно, по главным рычагам американского влияния. Рузвельт страстно призывал отказаться от возведения стен между торговыми блоками, что, по его мнению, неизбежно вело к отчуждению и конфликтам. Самая мощная индустриальная машина мира — США — страдала от этого в первую очередь. (К концу 30-х годов таможенный тариф США будет понижен до 13 процентов.)

Но изоляционизм правил бал и в экономике, и в политике. Отражая страх американской буржуазии перед более дешевым импортом, надеясь «отсидеться» за тарифным забором, американский конгресс выступил в 30-е годы противником вовлечения Соединенных Штатов в экономические и политические процессы за пределами своего полушария. Несмотря на то, что на Дальнем Востоке и в Европе очевидным образом возникали два очага мировой войны, конгресс всеми силами сдерживал любые попытки выйти на широкую международную арену.

В Рузвельте же всегда жил политик вильсоновской эпохи. Если в 1917—1919 годы Америке не удалось возглавить мировое сообщество (а определенные материальные предпосылки для этого существовали), то подвела, полагал Рузвельт, недостаточно продуманная дипломатия. Она не была гибкой: не предусмотрела англо-французского сближения после войны, не сумела расколоть союзников, не смогла сыграть на противоречиях победителей и побежденных, не использовала фактор общности западных держав перед Октябрьской революцией в России. Возможность для Америки взойти на командные высоты была «отодвинута» изоляционистской буржуазией, боящейся в погоне за большим потерять гарантированно имеющееся — зону влияния в западном полушарии. Нового шанса возглавить мировое развитие пока не было видно на горизонте. Но этот шанс, полагал неистребимый оптимист Рузвельт, появится, а пока следовало исподволь готовиться к этому.

В апрельском радиообращении 1932 года Рузвельт отошел от прежнего дружелюбия: «Эти несчастливые времена взывают к созданию планов, которые исходят из нужд забытого человека, находящегося в самом низу экономической пирамиды». Америка требовала напряжения сил как при военном конфликте.

23 мая 1932 года Рузвельт обратился к аудитории в Атланте со следующими словами: «Страна нуждается, если я верно понимаю ее состояние, в смелом постоянном экспериментировании. Здравый смысл диктует: избери дорогу и попытайся пройти по ней. Если она неверна, признай это честно и постарайся пройти по другой дороге. Но прежде всего не будь пассивным, пробуй сделать хотя бы что-нибудь. Не стоит ждать от миллионов нуждающихся вечного молчаливого терпения». Это золотое правило для реформаторов всех эпох.

Будущее еще было неизвестным, но в кармане у Рузвельта уже лежали написанные Моли предложения на период 1933—1937 годов: создать одну из наиболее прочных основ демократической партии, опираясь на союз рабочих и фермеров; увеличить налоги на корпорации; постараться перераспределить доходы. Федеральное правительство укрепит свои позиции, если возьмет на себя заботу о помощи бедным, об общественных работах для безработных, особенно молодежи, на национальных стройках. Фермерам следует предоставить помощь и дать справедливую долю в контроле над перерабатывающей промышленностью. На внешнеполитической арене, где Германия и Япония стали активно искать лучшее «место под солнцем», следует признать Советский Союз. Судьба всех этих планов

и наметок зависела от степени массовой поддержки, а в непосредственно конкретной плоскости — от решения конвента его собственной партии.

★ ★ ★

Внутренняя и внешняя программы Рузвельта, будучи лишь только намеченными, сразу же вызвали противодействие. Разумеется, консерваторы в обеих партиях увидели противника. Прежний союзник Аль Смит отбросил уже не куртуазность, а вежливость: «Я снимаю свое пальто и бросаюсь в драку против кандидата, который обращается к рабочему классу страны с демагогическим призывом противопоставить один класс другому, противопоставить богатых бедным».

Хладнокровная калькуляция летом — осенью 1932 года, подсчет вероятного соотношения сил решающей осенью заставили Рузвельта несколько смягчить свои позиции. Он видел, что обходит своего противника из республиканской партии Гувера, и боялся предстать как безответственный радикал, преждевременно вызвать нежелательный кризис. В своих выступлениях он заговорил о том, что новый тариф в определенной мере содействует защите американской промышленности. Раздраженный Гувер именно по этому поводу назвал Рузвельта политическим хамелеоном. Но в представлении претендента-демократа «Париж стоил обедни». Здравый смысл подсказывал, что прежний вильсоновский интернационализм не обеспечит большинства у избирательных урн, и Рузвельт предпочел более популярные воззрения. Не внешнюю, а внутреннюю политику сделал он основой своего национального мандата в 1932 году.

★ ★ ★

Решающее испытание наступило в июне 1932 года, когда демократы собрались на свой национальный съезд в Чикаго. Республиканцы в том же городе уже провели двумя неделями ранее свой национальный конвент, выдвинув без особых споров молчаливого президента Гувера на новый срок. Единственный делегат республиканского съезда, пытавшийся снова выдвинуть на пост президента Кальвина Кулиджа, был просто выведен из зала полицейским. Что предлагал бизнес ради спасения страны в самую трудную зиму Великого кризиса, в 1933 году? Призванным в комитет сената по финансам лидерам американского предпринимательства был задан вопрос: как выйти из сложившегося положения? Рецепт «хозяев Америки» суммировал Бернард Барух: «Сбалансируйте бюджет, прекратите тратить деньги, которых у нас нет... Взыскивайте налоги, взыскивайте налоги со всего». И республиканская партия посчитала эту мудрость неоспоримой.

В отличие от республиканского съезда, который кто-то уже назвал похоронами, съезд демократов двумя неделями позже на чикагском стадионе обещал быть более шумным. «Нью-Йорк таймс» заметила: «Если для республиканцев политика — это бизнес, то для демократов она удовольствие».

Рузвельт не поехал на съезд, предпочел остаться в Олбени. В тишине губернаторского особняка решения принимались более спокойно. Его эмиссары Луис Хоув, Джеймс Ферли и Эд Флинн открыли в чикагском Конгресс-отеле рузвельтовскую штаб-квартиру, обеспеченную надежной связью с Олбени. Именно здесь, в номере 1502, Луис Хоув создал главный штаб рузвельтовских сил.

Задача стояла сложная, но шансов было немало. После первичных выборов Рузвельт уже вел за собой тридцать четыре штата и шесть территорий. А в целом ему нужны были голоса 768 выборщиков. Настоящая битва началась после трех дней цветистого красноречия и удушающей жары, которая нередко посещает летом берега Мичигана. Уже было предпринято несколько подготовительных мер. К примеру, делегацию каждого штата встречал голос Рузвельта из репродуктора. Лидеры делегаций вели продолжительные телефонные переговоры с нью-йоркским губернатором. Собственный оператор, предотвращая утечку информации, переключал телефоны. Секретаршам запретили знакомиться с мужчинами. В холле висела огромная карта США, на которой штаты, поддерживающие Рузвельта, были окрашены в красное: присоединяйтесь, пока не поздно. Хоува волновало отсутствие «гимна». Вначале окружение склонялось к музыкальной теме «Тротуары в Нью-Йорке», но кто-то усомнился: претендент собственно не из Нью-Йорка, а в Гайд-Парке нет тротуаров. Хоув склонялся к более серьезному музыкальному опусу «Поднять якоря», намекая на морское прошлое претендента. Судья Джон Мэк уже шел к подиуму, чтобы выдвинуть кандидатуру Рузвельта, когда секретарша Хоува возмутилась: под звуки «Поднять якоря» по радио вовсю рекламируют сигареты. Секретарша предложила песню из популярного фильма «Вернулись счастливые дни», прошлась по номеру, напевая мелодию и щелкая в такт пальцами. Музыка не была сильным местом Хоува, и он без особого энтузиазма набрал номер оркестра и сказал, чтобы играли «Вернулись счастливые дни». Это была находка. Песня стала своего рода лейтмотивом, музыкальным символом рузвельтовского правления:

Вернулись счастливые дни,
И снова поют небеса,
И радость несут голоса —
Вернулись счастливые дни!

Под звуки этой мелодии 30 июня 1932 года старый друг Джон Мэк из графства Датчес выдвинул кандидатуру Франклина Рузвельта. Речь Мэка не блистала красноречием («Его репутация чиста, а характер безупречен» и т.п.). Однако Рузвельт и Розенман, свято веря в успех, уже начали работу над речью о согласии быть номинированным. Рузвельт слушал трансляции по радио, закатав рукава. Сигареты сменяли друг друга в уже известном всей стране мундштуке. Жена и мать с нетерпением ждали результатов у приемника. В половине пятого утра председательствующий сенатор Уолли огласил результаты первого тура голосования. Рузвельт получил 666 голосов — до искомой цифры не хватило 102 голосов.

Оставим описание битвы любителям американской партийной истории. Сражение продолжалась долго — до тех пор, пока вожди демократической партии не почувствовали страх потерять во внутренней борьбе шанс общенациональной победы над республиканцами. Многочисленная делегация Техаса, ведомая сенатором Гарнером, руководствуясь именно этими чувствами, а также обещаниями, данными Гарнеру лично, перешла на сторону Рузвельта. Сигареты в мундштуке Рузвельта сменяли друг друга еще быстрее: «Хорошо, очень хорошо, превосходно». Секретарь Лихенд: «Вы выглядите как кот, съевший канарейку».

В ходе четвертого голосования Макаду, ветеран времен Тэда Рузвельта и Вудро Вильсона, объявил о выборе ФДР Калифорнией. Весь в поту Рузвельт откинулся на спинку кресла, все сидевшие в кабинете члены семьи радостно переглянулись. А когда Иллинойс, чувствуя перемену ветра, также проголосовал за ФДР, оркестр снова грянул фирменную — «Вернулись счастливые дни». В Чикаго Хоув открыл шампанское, в Олбени родственники бросилась друг другу в объятия. В Вашингтоне Гарнер, которому было обещано вице-президентство, изрек: «Политика — забавная штука».

Законодатель литературной моды Менкен написал в «Балтимор сан», что демократы избрали слабейшего претендента. Играя с друзьями в мяч, президент Гувер на следующий день согласился с Менкеном. Друзья утвердительно закивали головами: страна в своей основе настроена консервативно. Один из присутствующих заметил, что избрание демократами безнадежного калеки — акт политического отчаяния.

Этикет требовал согласия на номинацию после недельного размышления. Но непревзойденный мастер оценки психологической ситуации, Рузвельт спиной ощутил, что в данном случае стереотипы неуместны, настал момент тех слов, в которых давно нуждалась обеспокоенная нация. Жесты и слова сейчас значили многое. Не ожидая обычной, недельной паузы, в тот же день, в половине девятого утра, Рузвельт, Элеонора, двое сыновей, три секретарши и два телохранителя вылетели из Олбени на взятом напрокат фордовском трехмоторном самолете. В ходе всего полета Рузвельт и Розенман продолжали работу над речью о принятии номинации. После посадок в Буффало и Кливленде, завершив девятичасовой полет, трехмоторный самолет приземлился в Чикаго. Шляпа слетела с головы претендента, очки соскользнули с переносицы, но «фирменная» улыбка Рузвельта оставалась все той же при виде толпы, чествовавшей избранника демократов. Путь лежал прямо к трибуне. Держась за нее крепкими руками, Рузвельт медленно рассматривал многотысячную толпу. Перед страной стоял пятидесятилетний широкоплечий человек, голубоглазый, с седеющими волосами. Перед страной стоял единственный политик, для которого проблемы экономики были моральными проблемами. Десять миллионов американцев включили радиоприемники.

Радиоволны разносили вибрирующий голос: «Я приступаю к выполнению стоящей передо мной задачи, отойдя от абсурдной традиции нарочитого незнания того, что происходит с моей кандидатурой. Вы выдвинули меня, и я знаю это и благодарен за оказанную мне честь. Пусть будет символом то, что я ломаю традицию. Пусть задачей нашей партии будет слом ненужных традиций». Впереди стоит задача выработки действенной программы реконструкции. Чего американский народ хочет более всего? «По моему мнению, двух вещей: работы, создающей моральные и духовные ценности, и безопасности — для себя и для своих семей. Работа и безопасность — не просто два слова. Это духовные ценности, реализовать которые мы должны стремиться».

Свою программу Рузвельт коротко обозначил так: федеральная помощь обездоленным, крупномасштабные общественные работы, отмена сухого закона, посадка лесов на потерявших плодородие землях, сокращение процентной ставки на закладные под дома и фермы, добровольный контроль фермеров (компенсируемых федеральным правительством) над урожаями, понижение внешних тарифов.

Каждое слово звучало четко и весомо — это было начало общенациональной карьеры великого политика. «Я обещаю, я даю вам слово открыть новую страницу в истории американского народа. Пусть каждый присутствующий станет пророком нового порядка, в котором главными будут компетентность и мужество. Это не акт политической кампании, это призыв к оружию. Окажите мне помощь не в сборе голосов, а в победе этого крестового похода, который восстановит величие Америки.» Рузвельт первоначально не придал особого значения словосочетанию «новый курс». В ажиотаже общего подъема смешалось и большое и малое. Сыграла свою роль популярная карикатура: фермер изумленно смотрит на проносящийся над головой аэроплан, на крыльях которого значится новое кредо страны: «Новый курс».

Можно сказать, что появление Рузвельта на конвенте развеяло многие сомнения. Его речь произвела сильное впечатление. Отныне губернатор Нью-Йорка становится во главе тех, кто считал, что национальный пожар нужно тушить немедленно, а не ожидать перемены ветра. Выдвинутый в вице-президенты Гарнер послал записку: «Единственное, что вам теперь необходимо — так это просто дожить до дня выборов». Но Рузвельт вовсе не собирался успокаиваться. Редкий (и счастливый) случай для публичного политика — он искренне наслаждался всеми этими кампаниями и взлетами, и падениями, дискуссиями заполночь, волнением предстартовой полосы и утомлением после очередного боевого дня. Он вкладывал во все это душу, и силы его по мере нарастания ожесточения битвы не иссякали, а наоборот, как бы прирастали.

Эта кампания была мало похожа на фейерверк 1920 года. Теперь на национальную арену вышел не воодушевленный новичок, а философ и воин, «лиса и лев».

В результате круглосуточной работы штаба роли были определены: Ферли вел армии рузвельтовских демократов в штатах; Моли (как начальник штаба) анали-

зировал идеи и их речевое воплощение; Хоув не терял контроля над всей разворачивающейся картиной. Деньги собирал Фрэнк Уокер — два с лишним миллиона, лишь на четверть меньше, чем у традиционно более богатых республиканцев. Щедрость проявили Джозеф Кеннеди, Винсент Астор, Бернард Барух, Пьер Дюпон. Главным средством воздействия на всю нацию становилось радио, и покупка радиовремени была одной из главных статей расходов. Общий метод также был известен руководителям кампании: «Чтобы достичь чего-либо стоящего, необходимо идти на компромисс между идеальным и практическим». Имелось и понимание опасности перенапряжения. Время от времени, раздав всем задания, Рузвельт отправлялся на рыбалку. Сорокофутовая яхта «Миф II» ждала его у берегов Новой Англии. Поскольку в XX веке контакт с прессой жизненно важен, вслед за «Мифом» шел катер с журналистами.

Цели определены, силы сосредоточены, подлинно «счастливый в битве воин» устремился к национальным выборам.

Президент

Однажды Гувер попросил на улице у министра финансов Эндрю Меллона десять центов, чтобы позвонть другу. «Я дам вам двадцатицентовую монету, чтобы вы могли позвонить сразу обоим.» Гувер не верил в возможность своего поражения: четыре года он вел за собой сорок штатов. Как только ему сообщили, что у Рузвельта есть шансы, он пообещал секретарю «сражаться до конца». Он утешал себя: Рузвельт не выдержит многомесячного напряжения. Еще ранее он сказал, что Рузвельт потерял доверие деловых людей, большого бизнеса, а это, по мнению Гувера, исключало возможность его победы в Америке. Он изумленно смотрел на «перебежчиков» в стан Рузвельта — сенаторов Бора из Айдахо и Хайрема Джонсона из Калифорнии. Он знал, что такие владельцы компаний, как Форд, приказали своим служащим «голосовать правильно». Но стоило президенту в целлулоидном воротничке отправиться «в народ», как стало понятно: шанс у Рузвельта есть — Гувер увидел ненависть. И ничего другого не увидит политик, потерявший главное человеческое качество — способность сочувствовать. Гувер бросился в бой несмотря ни на что. В Демойне он заявил, что в случае избрания Рузвельта «трава вырастет на улицах сотен городов, тысяч городов; сорняки будут расти в полях миллионов ферм». В Индианаполисе пытался убедить аудиторию, что Рузвельт «играет на бессмыслице, чепухе, неправде, лжи, невежестве, выдумках». В Сент-Поле он поблагодарил Бога за то, что «в Вашингтоне еще имеется правительство, которое знает, как расправиться с толпой». Чувствуя, что земля начинает гореть под ногами, Гувер не нашел ничего лучшего, как позвонить Кальвину Кулиджу. У того было отвратительное настроение — оно и понятно: лоп-

нул банк, в который он вложил свой капитал. Кулидж сказал, что его беспокоит нездоровое горло и, что тоже важно, «я не знаю, что вам сказать». Тем не менее он дал согласие выступить в Мэдисон-Сквер-Гардене, но ползала пустовало. Партийные активисты все же устроили ему двухминутную овацию, и Кулидж, посмотрев на часы, сказал: «На радио это стоило бы 340 долларов». То была единственная фраза, встреченная залом добродушно. Все остальные сентенции Кулиджа падали в немую темноту недружелюбного зала.

Республиканцев, однако, трудно было остановить. Гуверовский министр сельского хозяйства назвал Рузвельта «заурядным лжецом». Министр военно-морского флота обратился к земным проблемам: «В случае избрания Рузвельта дома и жизни сотни миллионов американцев будут поставлены под угрозу». Тон задавал президент Гувер: «Мои соотечественники! Фундаментальным вопросом является определение направления национального развития на сто лет вперед — либо мы проявим верность американским традициям, либо мы повернемся к нововведениям». По радио он призвал отвергнуть «фальшивых богов, раскрашенных в цвета радуги». Окружающим Гувер сказал, что видел в Рузвельте приятного политического легковеса, но теперь совсем потерял веру в его ум. Генри Стимсону Гувер поведал, что Рузвельт — сумасшедший.

На этом фоне дружелюбие Рузвельта было оттенено как нельзя лучше: «Может быть, не все поголовно согласились со мной, но все были исключительно добры ко мне... Я вижу, что из этого единства мы можем построить величайшую опору и выйти из депрессии». Дополнительный шанс Рузвельту дал действующий президент. Да, республиканцы дружно проголосовали за его выдвижение. Но у них самих росло сомнение. Когда Гувер разогнал лагерь безработных в пригороде Вашингтона Анакостии, на улицах появились плакаты «Долой Гувера — мучителя ветеранов». Рузвельт извинился перед окружающими за то, что рассматривал Гувера в качестве возможного кандидата в президенты от демократической партии в 1920 году. «Внутри этого человека одно лишь желе. И вероятно, там никогда не было ничего более». Вместо того чтобы посылать против безоружных войска во главе с полковником Макартуром и майором Эйзенхауэром, следовало принять их в Белом доме с сэндвичами и кофе. Если у него и были сомнения в результате грядущих выборов, сказал Рузвельт, то после «битвы при Анакостии» они испарились.

И все же, чтобы не испытывать судьбу, Рузвельт приложил немыслимые усилия. Его поезд «Рузвельтовский особый» исколесил всю страну. Он проехал 20 тысяч километров, произнес шестнадцать длинных речей и шестьдесят семь коротких. И в ходе этого нового знакомства с Америкой Рузвельт испытал подлинный шок от масштабов обрушившейся на страну беды: «Я видел лица тысяч американцев. Они имеют испуганный вид потерявшихся детей». В 1932 году это не было преувеличением. В качестве одного из речевых приемов Рузвельт сформулировал стандартное обвинение против Герберта Гувера, состоящее из четырех пунктов. Во-

первых, Гувер поощрял спекуляцию и избыточное производство, проводя ошибочную экономическую политику. Во-вторых, пытался приуменьшить масштабы бедствия и не донес до людей всю сложность положения. В-третьих, ошибочно обвинил в бедствии другие нации мира. И, наконец, он отказался признать и исправить случившиеся в стране беды — он откладывал помощь, он забыл о реформах.

«Многие годы общественной жизни делают человека мудрее. Теперь он уже знает, что, когда свет удачи отбрасывает свой блик на него, это происходит по определенной необходимости, это означает, что он стал важным обстоятельством. Удача нисходит потому, что на краткий миг в огромной картине человеческих перемен и прогресса некие общие человеческие задачи находят в нем необходимое воплощение.» Так Рузвельт воспринял свою роль в истории.

Ранним утром 8 ноября 1932 года Рузвельт по традиции проголосовал у себя в Гайд-Парке и отправился с семьей в Нью-Йорк, где в Билтмор-отеле наблюдал за разворачивающейся в масштабах всей страны картиной выборов. На темно-синем пиджаке костюма сверкал лишь значок Фи-Бета-Каппа (говоривший о принадлежности к избранным выпускникам элитарных университетов). Когда за него проголосовала (впервые за шестьдесят лет, отданных республиканцам) Пенсильвания, в номер отеля проскользнули двое в темных костюмах — отныне телохранители будут сопровождать его до последнего дня. Чем дальше на Запад, тем убедительнее была поддержка Америкой губернатора Нью-Йорка. Когда в семнадцать минут первого ночи на 9 ноября рузвельтовский перевес обозначился неоспоримо, Гувер признал себя побежденным. Луис Хоув открыл бутылку черри двадцатилетней выдержки. Детям, родившимся в эту ночь, часто давали имя Франклин Делано.

За Рузвельта проголосовало 28 миллионов человек против 17 миллионов, отдавших голоса Гуверу. Демократы победили также в обеих палатах. Рузвельт отправился спать в свой дом на 65-й улице. Мать обняла сына в дверях: «Величайшая ночь в моей жизни!» И он улегся спать в ту же постель, в которой провел, став инвалидом, столько тягостных дней.

Двадцатипятилетний сын Джеймс пришел пожелать отцу спокойной ночи. Глядя на склонившегося сына, Рузвельт сказал: «Ты знаешь, Джимми, всю свою жизнь я боялся только одного — пожара. Сегодня я думаю, что боюсь еще одного».— «Боишься? Чего?» — «Боюсь, что мне не хватит сил проделать эту работу».

Следующий день своего общенационального успеха Рузвельт встретил признанием заслуг двух своих помощников: «В Соединенных Штатах есть два человека, более чем кто бы то ни было другой внесших вклад в эту победу. Первый из них — мой старый друг и помощник, полковник Луис Макгенри Хоув, а второй — великолепный американец Джим Ферли».

Глава четвертая

ВЫХОД НА НАЦИОНАЛЬНУЮ АРЕНУ

Я прославляю не доктрину презренной праздности, я прославляю доктрину напряженной жизни.

Теодор Рузвельт, 1899

Рузвельт после выборов производил впечатление человека, не интересующегося поставленным историей перед Америкой вопросом. Перемещаясь между Олбени, Гайд-Парком и Уорм-Спрингсом, он много улыбался, но мало говорил. Это позднее дало его критикам (начиная с президента Гувера) основание обвинить его (в собственных мемуарах) в безразличии к бедам страны. Утверждение, что Рузвельт бездействовал, не соответствует истине. Он уже при въезде в Белый дом решил немедленно приступить к активным действиям и дал задания всем своим советникам. Реорганизацию правительства и новый бюджет готовили Л.Дуглас и С.Шерли. Сельскохозяйственной программой занимались Г.Уоллес, М.Вилсон и Р.Тагвел. Г.Моргентау готовил меры к ближайшему севу. А.Берль и У.Вуддин думали, как спасти промышленность и (особенно) железные дороги от банкротства. С.Унтермайер и Ч.Тауссиг разрабатывали новую систему страхования.

Но прежде всего следовало образовать кабинет.

Зима тревоги

Стояла серая и холодная зима 1933 года. Америка не знала таких несчастий со времен гражданской войны. Половина промышленности простаивала, вторая работала, не имея перспектив в будущем. В штатах Среднего Запада, основной житнице страны, треть ферм разорились. На улицах жалкие люди продавали яблоки прошлого урожая. Ожесточенные фермеры образовали дружины, чтобы защитить свои дома от сборщиков недоимок, посягающих на их дома. Число свадеб в стране уменьшилось вдвое. Все учились готовить дешевый суп, доставали последние запасы. В больших и малых городах толпы осаждали банки, забирая наличность. Иностранцы переводили свои деньги из американских банков, каждый отплывающий большой корабль означал отток миллиарда долларов. В Нортхемптоне (штат Массачусетс), лопнул местный банк, и экс-президент Кальвин Кулидж прошел мимо сидящего в прострации президента банка и положил на стол чек на

свои 5 тысяч долларов. Ночью бронированные машины изредка подвозили в банки деньги.

На международной арене происходили события, способные прямо затронуть Америку. Японская армия отчаянно сражалась с Китаем за Маньчжурию. А в день, когда Рузвельт отмечал свой пятьдесят первый день рождения, Адольф Гитлер стал канцлером Германии.

Но самой большой проблемой, считал президент Гувер, было «состояние общественного сознания, в котором дегенеративное видение будущего принимало угрожающие пропорции». В ту зиму в три раза увеличилось число самоубийств. Росло глухое отчаяние. Тысячи людей, не видя просвета, занимали общественные здания. Стал популярен «Интернационал», многие тысячи людей впервые узнали его слова. Мэр Чикаго Чермак сказал в легислатуре штата: «Присылайте войска до закрытия пунктов помощи бедным». Пацифист Генри Форд впервые в жизни начал носить с собой пистолет. Мэр Нью-Йорка Джон О'Брайен пообещал: «Вы избрали мэра, у которого крутой подбородок и есть желание драться. Я защищу огромный город от Красной Армии». Представители профсоюзов на сенатских слушаниях пытались объяснить, что «огромное большинство этих людей ничего не знает о коммунизме. Они хотят хлеба». Богатые люди во многих городах организовывались, чтобы захватить прежде всего железные дороги и телефонные линии. Создавались запасы продовольствия. Один из голливудских богачей закупил гардероб ветхой одежды, чтобы в случае общественного взрыва не быть узнанным и раствориться в толпе. В загородных домах устанавливали пулеметы.

Умудренные люди не склонны были называть это паранойей. Декан Гарвардской школы бизнеса сказал, что «капитализм вступил в стадию испытания, и от результата может зависеть судьба всей западной цивилизации». Норман Дэвис признался, что никогда в своей жизни «не слышал такого открытого цинизма в отношении демократии и американской системы правления». Окажись Рузвельт еще одним Гувером, и система могла рухнуть.

Лучшие люди страны обсуждли вопрос, каким должно быть политическое устройство Америки. Левые идеи набирали силу и популярность, особенно среди интеллигенции. Даже социализм казался им паллиативом. Как говорил по этому поводу Джон Дос Пассос, «если уж пить, то что-нибудь крепче пива». И с ним в симпатиях к коммунизму были солидарны лучшие писатели Америки — Шервуд Андерсон, Эрскин Колдуэлл, Линкольн Стеффенс, Эптон Синклер, Малькольм Коули, Гренвилл Хикс, Клифтон Фейдмен. Эдмунд Уилсон считал коммунистическую Россию «моральной вершиной мира, где свет никогда не иссякает». Уильям Аллен Уайт назвал СССР «самым интересным местом на планете». Стандартным стало сравнение американского хаоса с русским порядком. Уильям Роджерс, заставлявший с помощью смеха задуматься Америку, предлагал поразмышлять: «Эти подлецы в России осуществили несколько хороших идей... Представьте себе, каждый в стра-

не имеет работу». Система, основанная на выколачивании прибыли, мертва. Журнал «Новый курс»: «Почему русским предоставлена вся интересная работа по переустройству мира?» В России еще не читали Скотта Фитцджеральда, а он читал Маркса и сделал для себя вывод: «Чтобы осуществить революцию, необходимо работать в рядах коммунистической партии».

Общественная поляризация вела к тому, что распространившимся левым убеждениям начала противостоять организация правых. В сентябре 1931 года руководство Американского легиона пришло к выводу, что экономический кризис «не может быть быстро и эффективно решен существующими политическими методами». В Атланте была создана Американская фашистская ассоциация и Орден черных рубашек. Наряду с черными были созданы объединения серебряных, белых рубашек, рубашек-хаки, организации американских националистов, американских партизан. Армейские офицеры создали свой союз, готовый действовать, «если новый президент окажется неэффективным». Президент Колумбийского университета Никлас Мюррей Батлер, нобелевский лауреат, обладатель тридцати четырех ученых степеней, говорил студентам, что тоталитарные режимы формируют людей «большего интеллекта, более сильного характера и значительно большего мужества, чем страны с избирательными системами». Губернатор Канзаса Лэндон пришел к выводу, что «железная рука национального диктатора предпочтительнее общественного паралича». Аль Смит выразил мнение, что конституцию пока следует положить на полку.

Дело не ограничивалось теориями. Фермеры Айовы блокировали дороги. То же происходило в Канзасе, Небраске, Айдахо. Президент Американской ассоциации фермеров предупредил: «Если что-нибудь не будет сделано для американских фермеров, в фермерской Америке произойдет революция». А почему фермеры должны терпеть? В богатейшей стране мира лишь каждый десятый фермер пользовался электричеством, 75 процентов не имели водопровода.

Именно в это время создавался новый политический центр Америки — формировался состав будущего кабинета Рузвельта. Высокий благообразный южанин Корделл Хэлл, яростный сторонник понижения внешних тарифов, был назначен на пост государственного секретаря. Сделавший большой финансовый вклад в предвыборную кампанию У.Вудин стал министром финансов. Председательствовавший на конвенте демократов Т.Уолли получил должность министра юстиции, но он скончался до вступления в должность, и этот пост занял Х.Каммингс. Д.Ропер, занимавший немалый пост еще в администрации В.Вильсона, стал министром торговли, чикагский юрист, республиканский сторонник Теодора Рузвельта Г.Икес — министром внутренних дел, Дж.Дерн — военным министром, вирджинский сенатор К.Свонсон — министром военно-морского флота (имея в виду его преклонный возраст, Рузвельт рассчитывал на собственное непосредственное руководство военно-морским флотом). Г.Уоллес получил пост министра сельского хо-

зяйства — это стало для него уже семейной традицией: его отец занимал тот же пост при Гардинге и Кулидже. Дж.Ферли занял пост министра почт, Ф.Перкинс — министра труда (первая женщина в кабинете министров). В этом кабинете не было звезд первой величины, и, возможно, тактика Рузвельта заключалась в том, чтобы быть безусловно первым среди просто компетентных чиновников.

Наиболее заметными фигурами кабинета были Гарольд Икес, Фрэнсис Перкинс и Генри Уоллес. Первый — министр внутренних дел, прежде работал адвокатом, специализирующимся на расследовании случаев коррупции. У него был темперамент бойца, и он с готовностью брал на себя инициативу. Фрэнсис Перкинс работала с Рузвельтом еще в Олбени и ныне, став министром труда, сохранила очевидную независимость и самостоятельность. Изобретательность и прагматизм Генри Уоллеса признавали все.

Не меньшее значение, чем кабинет министров, начинал играть «личный штаб» президента. Главным секретарем стал Луис Хоув. Стив Эрли и Марвин Макинтайр отвечали за отношения с прессой и назначения (официально они значились помощниками секретаря). Три верных союзника Берль, Франкфуртер и Флинн предпочли остаться за пределами администрации.

Через четыре дня после победы на выборах Рузвельт был приглашен в Белый дом к побежденному президенту Гуверу. Проблемы военных долгов и экономического урегулирования возглавляли список наиболее неотложных международных проблем. (К этому времени уже определились два главных советника нового президента в международных вопросах — молодые и новые для высшего политического эшелона лица, два профессора — сорокашестилетний Реймонд Моли и сорокадвухлетний Рексфорд Тагвел. Оба представляли интеллектуальную опору прежнего губернатора Нью-Йорка — Колумбийский университет, оба олицетворяли опору нового президента на цвет интеллигенции. Моли был специалистом в политических науках, а Тагвел — авторитетом в экономике.) Приглашение на беседу с президентом Гувером, конечно, было лестным — предстояло сразу же окунуться в гущу мировой политики, воспользоваться уже проделанной подготовительной работой. Однако молодая команда Рузвельта (напомним, что ему самому был всего пятьдесят один год) не хотела привязывать свои планы и в целом судьбу выдвинутого Рузвельтом «Нового курса» к известной и уже во многом дискредитировавшей себя политике.

Сам Рузвельт более всего ценил в руководителе способность вдохновлять. Ему не хотелось ассоциировать себя с впавшей в мрачное уныние республиканской администрацией. Именно поэтому Рузвельт отверг приглашение принять участие в лондонской (1933 г.) Мировой экономической конференции совместно с гуверовскими представителями. Но получить оценку текущей политики Америки из первых уст стоило, и Рузвельт после некоторых колебаний согласился встретиться с Гувером. В ходе беседы 22 ноября 1932 года негативная позиция Рузвельта в от-

ношении международной конференции предопределила холодный прием уходящего со своего поста президента Гувера. Будучи человеком с сильным характером, он не знал, что перед ним еще более сильная личность. Рузвельт постарался соблюсти приличия, но в его тоне слышался металл. Встреча закончилась еще большим отчуждением. Преемственности, даже по внешним признакам, у двух администраций не получилось.

Необходимо было готовиться к инаугурации. Напомним, что вскоре после избрания Рузвельт определил президентство как «преимущественно место, которое позволяет осуществлять моральное лидерство, все наши великие президенты были лидерами мыслительного процесса своего времени, когда определенные исторические идеи, касающиеся жизни нации, должны были быть прояснены». Два кумира Рузвельта — Теодор Рузвельт и Вильсон — рассматривали Белый дом как трибуну общения с нацией. Рузвельт хотел воспользоваться этой возможностью в полной мере. В начале февраля 1933 года Моли пришел в библиотеку, где Рузвельт работал. Рузвельт внимательно прочел подготовленный Моли текст речи. «Я сидел в кресле перед камином, в котором разгорался огонь. Начался долгий разбор каждого предложения и иногда даже отдельных слов. Время от времени мы обменивались мнениями.» Они закончили работу в половине второго ночи, а первый проект бросили в тлеющие угли. На следующий день к обсуждению присоединился Хоув. Ему нравились слова Торо: «Ничего не следует бояться больше, чем страха».

Мужество потребовалось Рузвельту уже на пути в Белый дом. В середине февраля в Майами невысокий темный человек выстрелил в Рузвельта, окруженного толпой. Избранный президент не пострадал, но был смертельно ранен мэр Чикаго Чермак. То, что Рузвельт с фаталистическим спокойствием воспринял опасность на людях, никого не удивило: профессиональный риск, как говорил итальянский король. Моли был удивлен тем, что Рузвельт отнесся к происшедшему спокойно и потом, среди своих: «Никакого подрагивания мускулов, поднятых бровей или ложной веселости».

Снег и дождь падали с небес, когда Рузвельт с семьей отбыл 2 марта 1933 года в Вашингтон. Будущий президент вез с собой текст прокламации о временном закрытии банков и о созыве чрезвычайной сессии конгресса. Поезд мчался через индустриальное сердце страны, но ни одна труба не дымилась. По сведениям Федеральной резервной системы, в казне не было драгоценного металла, чтобы обеспечить американскую валюту. Министерство финансов не могло обеспечить работу даже федерального правительства, и США в техническом смысле были банкротом. Накануне инаугурации вся банковская система страны объявила выходные дни — финансовое сердце западного мира остановилось.

Хотя президент Гувер и получил последний президентский чек на пять тысяч долларов, свой последний день в Белом доме он провел в самом отвратительном

настроении. Он просто был не в состоянии организовать традиционный ужин с заступающим в должность президентом и решил организовать что-то «меньшее». В конечном счете, встретив прибывшую на традиционный четырехчасовый чай семью Рузвельта в Белом доме, Гувер предупредил, что страна находится «на грани финансовой паники и хаоса» — и все потому, что его коллега из Нью-Йорка не внушает финансовым кругам доверия. Гувер еще раз предложил Рузвельту выступить совместно, и снова ФДР уклонился. Для Рузвельта выступить в паре с Гувером было бы в данной ситуации просто политическим самоубийством. К тому же ждать осталось недолго — завтра он станет президентом. Желая сохранить хорошую мину при явно плохой игре, Рузвельт, прощаясь, сказал: «Я знаю, что это нарушение правил, но, если вы сочтете нужным, можете не навещать нас с ответным визитом». Гувер резко повернулся и едва ли не угрожающе ответил: «Мистер Рузвельт, когда вы проживете в Вашингтоне так же долго, как я, вы узнаете, что президент Соединенных Штатов *не навещает* никого!» Сын Франклина Рузвельта вспоминает, что никогда не видел отца таким сердитым. Лишь Элеонора Рузвельт сумела смягчить грозовую ситуацию.

Новый курс

Обозреватель Артур Крок сравнил атмосферу в американской столице в день инаугурации с «настроением в городе, осажденном врагами». Перед Капитолием собралась стотысячная толпа. Командовал инаугурационным парадом генерал Макартур, и он ожидал беспорядков. На стратегических высотах были установлены пулеметы. Черная толпа в промозглую погоду ждала полудня. Наконец часы Капитолия пробили двенадцать.

Этим серым мартовским днем Рузвельт, без пальто и шляпы, расправил свои широкие плечи, положил руку на семейную, трехсотлетнюю библию и обратился к верховному судье Чарльзу Эвансу Хьюзу. Библия была открыта на тринадцатой главе первого послания апостола Павла коринфянам: «Даже если я говорю на языках людей и ангелов, но не владею даром милосердия, то я всего лишь глухой колокол, или дребезжащий кимвал. И если даже я обладаю даром прорицания, и все тайное мне ведомо, и если даже исполнен я глубокой веры, так что могу двигать горы, но не владею даром милосердия и любви, то я — ничто».

Рузвельт произнес слова, которых ждали все: «Наступило время сказать правду, всю правду открыто и смело. Нет никакой необходимости избегать честной оценки условий нашей жизни сегодня... Менялы убежали со своих высоких мест в башне нашей цивилизации». Задача сейчас — поставить социальные ценности выше, чем денежные доходы. И речь идет не об этике только, не о словах. «Наша страна требует действий, действий сейчас, немедленных действий... Наша ве-

ликая нация выстоит в этом испытании, как она выносила все прежние, она оживет и будет процветающей... Единственное чего мы должны бояться — это самого страха, безымянного, бессмысленного, безотчетного страха, который парализует усилия, необходимые для превращения отхода в наступление... Я испрошу у Конгресса самые широкие полномочия, чтобы начать войну с несчастьем, я испрошу такие полномочия, как если бы на нас напал внешний враг».

Это сравнение депрессии с войной вызвало у толп собравшихся очевидное одобрение. Перед американцами стоял президент, который не делал ненужных извинений, который был готов действовать. Многотысячная толпа у Капитолия всем своим видом показывала, что американцы готовы вручить едва ли не любые полномочия президенту, если он предпримет активные меры по спасению страны. Потупившийся Гувер рассматривал свои ботинки, но миллионы американцев, словно онемев, смотрели в радиоприемники. Радиоволны немедленно разнесли слова нового президента по всей стране: «Народ Соединенных Штатов не может потерпеть поражение. В час нужды он своим голосованием показал, что желает прямых и энергичных действий. Они желают видеть дисциплину и направляемое движение. Они сделали меня инструментом своего желания. Этот высокий дар я принимаю».

Лицо Рузвельта было столь суровым, что некоторые из его знакомых просто не узнавали его. Элеонора Рузвельт записала в дневник, что инаугурационная речь была «очень, очень торжественной и немного устрашающей. Самое большое одобрение Франклин получил, когда сказал о возможной необходимости просить полномочия военного периода».

Журналист Ф.Л. Аллен суммировал впечатление от речи Рузвельта: «Теперь вы можете выключить радио. Вы услышали то, что хотели услышать. Речь этого человека не звучит больше осторожной и уклончивой. Ибо он видел измученных и потерявших ориентацию людей, желающих выбросить старые истины и увидеть новый день; они устали от ожиданий, они желают видеть того, кто будет *сражаться* с этой депрессией за них и с ними; они желают видеть лидерство и смелые решения. Не только в самих словах, но в интонации голоса он обещал им то, чего они желали». Новый президент получил полмиллиона писем, одобряющих сказанное в инаугурационной речи.

В очередной раз в интервью «Нью-Йорк таймс» Рузвельт выразил свое понимание предстоящей миссии: «Президентство — это не просто административная должность. Менее всего эта должность является административной. Прежде всего это возможность осуществлять моральное лидерство».

Начальник охраны Белого дома полковник Е.Стирлинг проводил экс-президента Г.Гувера на Юнион-Стейшн и, вернувшись, не узнал места своей службы. Старый особняк «был трансформирован в довольно веселое место, полное народу, излучающего уверенность... Президент был самым уверенным в себе и самым

счастливым среди них». Рузвельт приказал отвечать на все прибывающие в Белый дом письма, за исключением тех, которые касались его болезни. Первая чета пригласила семьдесят пять родственников и, нарушая традицию, приветствовала их у входа.

Рузвельт участвовал только в этом приеме, на всех прочих его представляла Элеонора. Она приветствовала гостей на инаугурационном балу. Сам же президент закрылся с Вудиным, Каммингсом и Моли, обсуждая банковский кризис в стране. Положение не могло быть хуже. Один из друзей сказал Рузвельту, что, если новому президенту удастся справиться с банковским кризисом, он войдет в американскую историю как величайший из американских государственных лидеров, а если не сумеет, то как наихудший. «И последний»,— добавил Рузвельт.

★ ★ ★

Первое утро новой жизни было незабываемым для Рузвельта. Завтракая в постели, он просмотрел свежие газеты. Затем читал государственные документы. Дальше следовал туалет и одевание с помощью слуги Ирвина Макдаффи, который отвез его на коляске к лифту и на террасу, примыкающую к Овальному кабинету. Рузвельт полюбовался магнолиями, посаженными еще Эндрю Джексоном. Затем он вернулся в Овальный кабинет и остался один. Тагвел пишет: «Нация, затаив дыхание, ожидала от человека, произнесшего вчера смелые слова, действий. В стране продолжался финансовый кризис, деловая активность была резко понижена, и он должен был вернуть умирающую экономику страны к жизни. А он сидел в пустой комнате, где нечем было даже сделать пометку — если бы он захотел ее сделать. В течение нескольких ужасных минут в его голове не родилось ни одной мысли. Он знал, что стимулирующий контакт с людьми разобьет этот ступор, но вокруг никого не было. Здесь должен был быть электрический звонок, но Рузвельт не мог его найти. Он открывал ящик за ящиком, и все они были пусты. Наконец он откинулся в кресле и просто закричал. На этот крик явились Мисси Лихенд и Марвин Макинтайр. И работа началась».

Чрезвычайная сессия конгресса была назначена на 9 марта. В трансакциях банков объявлялись четырехдневные каникулы. Все банки в стране были закрыты, вывоз золота и серебра запрещен, нарушение новых распоряжений каралось штрафом в 10 тысяч долларов и десятью годами свободы. Э.Линдли сравнивает эти меры с «вспышкой молнии на фоне черного неба». Население проснулось в понедельник, чтобы узнать, что все банки страны закрыты и единственные средства, на которые они могут рассчитывать, была их домашняя наличность. В огромной спешке Рузвельт провел свой первый экстренный закон — Акт о деятельности банков в чрезвычайных условиях. Согласно этому Акту, право открытия получили лишь самые крупные банки. В то же время министерство финансов поручило федеральной резервной системе выпустить достаточное число денежных знаков, чтобы избежать

ажиотажа. В обстановке обеспокоенности почти военного времени билль прошел через обе палаты. Кинокамеры (новшество) зафиксировали подпись Рузвельта, поставленную немедленно в Белом доме.

Главной заслугой президента Рузвельта в этот самый суровый период американской государственности было не отдельное мудрое решение, а то, что он сумел создать в стране атмосферу солидарности, готовности к новациям, чувство, что препятствия преодолимы. Из мрака отчаяния он сумел извлечь луч надежды, его оптимизм был заразителен. Страна не стала жить лучше, но стала более уверенной в том, что труд и поиски выхода из экономических и моральных злоключений в конечном счете обеспечат выход к новым солнечным дням. Такие общенациональные авторитеты, как Уильям Аллен Уайт, признали, что недооценивали Рузвельта: «Мне трудно понять — я не понимал его до выборов или он развернулся после победы? Он демонстрирует спокойствие, великодушие и, более всего, властность!... Я слышал в своей жизни многое, но ничего подобного».

Отвергая высокомерную гуверовскую практику («президент никогда никого не навещает»), Рузвельт посетил ушедшего в отставку судью Оливера Уэндела Холмса в связи с его днем рождения — ему исполнилось девяносто два года. Неважно, что ступеньки дома у судьи были круты. Рузвельт, поправ всякое высокомерие, попросил у великого судьи совета: «Что делать?» Ветеран гражданской войны ответил коротко: «Крепите свои ряды и сражайтесь!» После ухода президента судью спросили его мнение о новом президенте. «Знаете ли,— сказал смущенно Холмс,— его дядя Тэд назначил меня Верховным судьей».— «И все же». Взглянув на дверь, через которую только что вышел президент, старый судья высказал суждение, которое является, возможно, самой верной, гениальной оценкой Франклина Делано Рузвельта: «Второклассный интеллект, но первоклассный темперамент».

★ ★ ★

В первые беспрецедентные в американской истории «сто дней» Рузвельт представил конгрессу обширную программу преобразований, а тот вне себя от паники, порожденной общим положением в стране, вотировал законопроекты без обсуждений. В эти вечера свет в окнах ведомственных зданий в Вашингтоне горел буквально до утренней зари. Во многом именно для того, чтобы не раздражать доведенный до отчаяния народ, конгресс без детализированных слушаний утвердил весь состав кабинета — все его члены собрались в Овальном кабинете Белого дома, и Верховный судья Бенджамин Кордозо принял у них клятву. Это была первая такая церемония в Белом доме, и впервые кабинет выступал единым коллективом. После церемонии Рузвельт отправился в Красную комнату Белого дома, чтобы поприветствовать тринадцать юношей-инвалидов, специально приглашенных на инаугурационную церемонию. В Белом доме не было подлинной смены караула, за-

мены внутренних служб и уж точно не было больше обедов из семи блюд. На все это у Рузвельта попросту не было времени. И он был, по определению Артура Шлесинджера, «естественный президент», ему не нужен был дополнительный декор. Все и без того точно знали, за кем последнее слово, кто в этом доме творит историю. Артур Крок: «Он был боссом, динамомашиной, рабочим цехом». Четырнадцатичасовой рабочий день. Четверть этого времени — разговоры по телефону. Всех звал по имени и представлялся тоже по имени. Позвонил в министерство труда и представился: «Это Фрэнк. Могу ли я поговорить с мисс Перкинс?» Вопрос передали секретарю, и тот ответил: «Я не знаю никакого Фрэнка. Спросите, кто он такой». Из трубки прозвучало: «Из Соединенных Штатов. Президент страны». Более ста человек ему звонили по прямому проводу и практически в любое время. Приказал не прерывать ни одного звонящего в Белый дом американца. Специальный помощник говорил со всей страной. Вот едва ли не типичное письмо президенту: «Дорогой мистер президент! Я просто хочу сказать вам, что сейчас все наладилось. Человек, которого вы послали, нашел наш дом в порядке, и мы сходили вместе в банк, чтобы продлить закладную. Вы помните, я вам писал, что мы потеряли мебель тоже. Ваш человек вернул нам ее. Я никогда не слышал о таком президенте, как Вы». И, как пишет Уильям Манчестер, о таком президенте *никто* не слышал.

★ ★ ★

Знаменитая стодневная законодательная лихорадка смертельно напуганного конгресса началась 16 марта 1933 года, когда был одобрен закон о Реконструкции сельского хозяйства (ААА). Уоллес и Тагвел постарались спасти дошедшие до отчаяния фермерские массы. Это был очень специфический закон, обеспечивающий выплату фермерам компенсации за незасев своей земли. Средства для выплат собирались в виде налога на тех, кто обрабатывал сельскохозяйственную продукцию. «Новая и неисследованная тропа»,— сказал Рузвельт. Разумеется, здравый смысл восставал против уничтожения урожая или поголовья скота. Министр сельского хозяйства Г.Уоллес говорил от имени многих: «Я надеюсь, мы никогда не прибегнем к этому снова. Уничтожать колосящуюся пшеницу — выступать против самих оснований, базовых инстинктов человеческой природы». Но уже через четыре месяца он сам рекомендовал уничтожить 6 миллионов свиней.

31 марта Рузвельт провел через конгресс законопроект, который ему был особенно дорог — о создании Корпуса гражданской консервации (ССС). Этот закон дал работу 250 тысячам безработных молодых людей в национальных парках и лесах немедленно, а всего через ССС прошли 2 миллиона молодых американцев, одевших зеленую униформу. За их эффективность отвечали генерал Макартур и полковник Джордж Маршалл. От Флориды до Канады было посажено 200 мил-

лионов деревьев. Разумеется, часть общества увидела в этом путь к униформам европейских режимов. Главной задачей ССС было проведение лесонасаждений, сохранение культурного слоя почвы, строительство национальных заповедников и многое другое. Членам организации предоставляли еду и жилье, 30 долларов в месяц и посылали еще 25 долларов в месяц их семьям. Уже через неделю в Вирджинии был создан первый лагерь Корпуса. Америка стала опрятнее, а многие ее молодые граждане получили смысл в жизни. 27 марта создается Администрация сельскохозяйственного кредита для финансирования пострадавших фермеров, сохранения за ними их ферм, обновления сельскохозяйственного производства. Акт о доверии к ценным бумагам от 29 марта в значительной мере сдержал спекуляцию ценными бумагами. Впервые рынок ценных бумаг перестал быть ареной обогащения удачливых спекулянтов, впервые государство взяло его под свой контроль. Во главе Комиссии по федеральной торговле был поставлен Джозеф Кеннеди, патриарх знаменитого семейства, уже успевший сделать огромное состояние. Уж он-то знал, какие лазейки следует перекрыть спекулянтам. Критикам этого назначения Рузвельт сказал просто: «Ловить воров лучше всех может специалист в обхождении законов».

В апреле была создана Администрация долины Теннеси (TBA) — самое амбициозное предприятие в области общественных работ: государственное планирование, федеральная организация, охватывающая сразу несколько штатов. Разумеется, крики о «ползучем социализме» стали звучать громче, но Рузвельту этот проект был очень дорог. Проект лоббировал сенатор Джордж Норрис, сторонник национализации источников энергии и одновременного сохранения окружающей среды. TBA стала символом незашоренности Рузвельта, отказавшегося видеть призрак коммунизма в государственном владении гидроэлектростанциями.

В апреле же, подписав Акт о кредитах владельцам домов, Рузвельт спас тысячи разоренных домовладельцев, предоставив им 2 миллиарда долларов для оплаты закладных под низкий процент. Четверть заложенных домов оказались спасенными от немедленной распродажи. 19 апреля 1933 года президент Рузвельт отменил золотой стандарт, запретив при этом экспорт золота. Тем самым он предпочел практику контролируемой инфляции, облегчавшей положение задолжавших. Позволяя доллару «самому» устанавливать свой эквивалент, Рузвельт упростил задачу американских экспортеров, встретивших трудные времена среди инфлирующих европейских валют. Эту инициативу правые в США встретили без всякого восторга — столетиями Америка была привязана к золотому стандарту как одному из столпов того порядка вещей, с которыми связана вся западная цивилизация. Аль Смит прямо сказал, что он «за настоящие золотые доллары против дутых необеспеченных долларов». Но более легкий доллар открыл дорогу американскому экспорту, укрепив американские позиции в мире. И такие вожди бизнеса, как Дж. П. Морган, в конечном счете поняли это.

4 мая — Акт об экстренных мерах в сфере железных дорог. Создавалась система, координирующая главное (тогда) средство внутриамериканского перемещения и обмена. Железнодорожное сообщение стабилизировалось, страна стала более здоровой вследствие физического сближения ее отдельных частей.

17 мая Рузвельт создал Федеральную страховую компанию, страхующую банки от краха, исключающую столь характерную для 20-х годов спекуляцию акциями и ценными бумагами. Она явилась той скалой, на которую стали опираться банки, уменьшилось вероятие паники вкладчиков.

Необходимо было что-то делать с промышленностью. Мнения здесь были настолько полярными, что Рузвельт 10 мая собрал представителей борющихся групп, представляющих непримиримые стороны, в Белом доме. Когда первые два часа не выявили компромиссного подхода, Рузвельт приказал своему помощнику генералу Х.Джонсону запереть их в отдельную комнату и не выпускать вплоть до достижения взаимоприемлемого решения. Именно из этой идейной битвы возник знаменитый Акт о восстановлении национальной промышленности (НРА) — самое большое мероприятие «Нового курса», во главе которого стоял, возможно, самый колоритный из деятелей эпохи — генерал Хью Джонсон. Джонсон понимал тяжесть задачи: «Вначале будет яркое пламя, а в конце дохлые кошки. Это словно взбираться на гильотину в отчаянной надежде, что топор не работает». К середине лета 1933 года под флагами НРА работало более 9 миллионов рабочих, а кодексы НРА подписал миллион предпринимателей. Президент приказал государственным учреждениям иметь дело только с фирмами, подписавшими статут НРА. Когда Генри Форд отказался подписать статут, «линкольны» Форда были поменяны на «кадиллаки» более покладистой «Дженерал моторс».

22 мая Рузвельт назначил главой Администрации гражданских работ (СВА) малоизвестного ему тогда нью-йоркца Гарри Гопкинса, который объявил, что его задача «сделать так, чтобы люди не умирали с голоду». (Под разными названиями эта организация просуществовала до 1942 года.) Гопкинс привлек внимание Рузвельта тем, что не хотел заниматься простой благотворительностью: люди без работы теряют достоинство. В СВА было занято более 4 миллионов человек, осуществлено более 30 тысяч проектов. Люди Гопкинса строили мосты, стадионы, аэропорты. За десять лет СВА создала десятую часть всех новых дорог в Америке, 35 процентов всех новых больниц, 65 процентов зданий городского управления, 70 процентов новых школ. Не перечислить всего того, что за короткий срок удалось сделать СВА для Америки. Это и тоннель Линкольна под Гудзоном, и мост, соединивший Манхэттен с Лонг-Айлендом, и золотохранилище США в Форт-Ноксе и многое, многое другое, что украшает сегодняшнюю Америку. И все это обошлось в 20 миллиардов долларов — на треть меньше, чем помощь по ленд-лизу Англии. И именно СВА спасла тлеющие, ржавеющие военные установки, что сделало мобилизацию 40-х годов столь успешной. Без государственных ра-

бот 30-х годов Америка не смогла бы создать и атомную бомбу в столь сжатые сроки.

Бизнесмены называли все это «ползучим социализмом». Но американский народ воспринимал происходящее иначе. Процитируем далекую от экстремизма «Нью-Йорк таймс»: «Американскому народу кажется, что Рузвельт оседлал смерч и поставил под свой контроль шторм. От президента Рузвельта он (народ) получил серию исполненных мужества речей и ряд достижений, которые заставили миллионы его сограждан считать президента человеком, ниспосланным небесами в самый трудный час».

Переход от мучительного ожидания своей судьбы к отчаянному овладению ею был таков, что в Америке появилось нечто прежде невиданное — культ личности. По поводу Рузвельта повсеместно утверждалось, что «он может видеть во тьме». Телохранитель Ричард Джервис (охранявший прежде четыре года Гувера) признался, что «приятно снова услышать аплодисменты». Американские историки не без основания утверждают, что в этот редкий для Америки период Рузвельт мог получить полномочия вплоть до диктаторских. Дж.Гюнтер: «Мы склонны забывать ныне о той огромной, беспрецедентной, возобладавшей над всем власти, данной пронизанным энтузиазмом конгрессом Рузвельту во время первых ста дней его правления. Рейхстаг не дал Гитлеру большего». И Рузвельт посчитал обязательным отметить, что будет действовать в рамках конституции. Он сам определил свою роль как «президент, убеждающий молитвами». В те времена не было «Голоса Америки», не было Информационного агентства Соединенных Штатов и президент выступал своего рода учителем, а «классом» была вся страна.

Стиль Рузвельта

Главной формой этой «учебы» стали встречи с прессой по вторникам и пятницам. Мало кто знал (или догадывался), как волновался в эти моменты президент. За двенадцать лет он так и не смог преодолеть этого предстартового волнения («Как у оперного певца перед выходом на сцену»). Он нервно играл знаменитым мундштуком, переставлял все на своем столе. Но вот в кабинет начинали «просачиваться» представители прессы. Рузвельт неизменно шутил со своими знакомыми, чаще всего с фаворитами из первого ряда. Наступало время вопросов и ответов, и волнение отступало. За пятнадцать — тридцать минут Рузвельт излагал свое понимание текущих проблем избранному кругу журналистов, и те получали представление о главном направлении движения государственного корабля. Речь шла о текущем законодательстве, о главных назначениях, обо всем, что могло вызвать общественный интерес.

На пятый день пребывания в президентском кресле Рузвельт созвал первую пресс-конференцию, первую из тысячи. Журналисты говорили, что президент мог взять любую тему, скажем такую сложную, как банковское дело, и сделать вопрос понятным «даже для банкиров». Отнюдь не поклонник президента, историк Чарльз Бирд пишет, что ФДР обсуждал «больше фундаментальных проблем американской жизни и общества, чем все остальные президенты, вместе взятые». После окончания первой пресс-конференции журналисты (а это были в основном прожженные циники, а не розовые энтузиасты) зааплодировали. Теперь вся страна следила за особняком на Пенсильвания-авеню, 1600. Четверть новостей агентства «Ассошиэйтед пресс» шла теперь из Белого дома. «Юнайтед пресс» утроила штат своего столичного представительства.

Что было, может быть, важнее всего — Рузвельт немедленно отошел от профессиональной напыщенности своего предшественника Гувера. Он звал журналистов по именам, шутил по всевозможным поводам, знал о событиях в жизни корреспондентов. Как-то у одинокого журналиста скончалась мать, и президент пригласил его на семейный воскресный ужин. А однажды задержал поезд, чтобы запоздавший корреспондент смог прыгнуть в него. Таких поступков было множество. Все это, может быть, частично объясняет тот факт, что, хотя 85 процентов издателей политически противостояли Рузвельту, журналистские репортажи обычно не кипели ядом. По мнению историка А.Шлесинджера, «Рузвельт своим умом сумел смягчить откровенную враждебность издателей и превратить прессу в одно из наиболее эффективных средств общественного лидерства».

Газеты правили Америкой уже сотню лет, но довольно незаметно к рычагу общественного мнения подобрался их мощный конкурент — радио. И Рузвельт осознал это раньше многих политиков. Уже в первый месяц своего пребывания в Белом доме состоялась премьера «Нового курса»: президент выступил с радиообращением к стране. В воскресенье 12 марта в десять часов вечера 60 миллионов американцев настроили свои приемники на волну, на которой новый президент США обратился к гражданам с объяснением своих действий. Рузвельт ввел нечто новое в президентскую практику: на первом этаже Белого дома, в комнате дипломатических приемов рядом с камином, были установлены микрофоны трех радиокомпаний — «Нэшнл», «Коламбия» и «Мьючуэл». Рузвельт стряхивал пепел и говорил стране о политике в отношении банков: «Друзья, я хочу рассказать вам, что было сделано за последние несколько дней, почему это было сделано и какими будут следующие шаги». В самых простых выражениях он дал оценку того, что начал делать и объяснил зачем. «Прежде всего, позвольте мне объяснить простой факт, что, когда вы вкладываете деньги в банк, этот банк не прячет ваши деньги в сейф. Он вкладывает ваши деньги в многие формы кредита — в акции, закладные. Другими словами, банк заставляет ваши деньги работать, чтобы колеса экономики продолжали крутиться...» В течение двадцати минут он изложил свои аргумен-

ты, тон его был убедительным, сложное он заведомо сводил к простому. Рузвельт призвал слушателей, по возможности, снова положить деньги в банки: «Лучше держать их в банке, чем под матрасом». Многие забыли тему разговора, но помнили вывод: «Вместе мы не можем потерпеть поражение».

Если, выступая перед непосредственными слушателями, президент драматизировал ход событий, то, выступая по радио, он хотел добиться эффекта задушевной беседы. Старался подбирать простые слова, любил приводить конкретные примеры и понятные всем аналогии. По мнению Розенмана, «он подыскивал слова, которые могли быть применены в беседе двух или трех друзей», слова, которые были понятны всем. Каждое из его выступлений по радио тщательно готовилось — до двенадцати вариантов сменяли друг друга, пока Рузвельт не останавливался на тексте, который его устраивал. Немалое значение придавалось и тому, как фонетически звучала речь. В записи обнаружилось, что расстояние между двумя передними зубами вызывало легкий свист, и к делу подключился стоматолог.

Как ни странно, но слово подействовало. В следующий понедельник (вторая неделя пребывания Рузвельта у власти) взносы в банки, к изумлению банковских служащих, превысили изъятия, а к концу недели две трети банков страны возобновили свою деятельность. По мнению Моли, «капитализм был спасен за восемь дней». Не желая терять темп, вечером 9 марта Рузвельт призвал лидеров конгресса в Белый дом, где им объявили, что программу экономии федеральные ведомства должны начинать реализовывать с себя, с жалования членов конгресса. Федеральный Вашингтон отдавал в общенациональную копилку 100 миллионов долларов. Поддержанный даже «всегда скупыми» республиканцами, билль стал законом 18 марта 1933 года. Тем временем президент возвратил — после многолетнего опыта воздержания — американскому народу пиво. Это был мудрый жест, который несколько сместил центр внимания с жестких вопросов экономики.

Всюду и везде, где обстоятельства требуют решительных мер, лидер должен животом ощущать, что люди готовы претерпеть, если им будет объяснено за что, как, в какой мере и с какой целью они должны принести жертвы.

★ ★ ★

Немногие государственные деятели в мире имели такое прирожденное чувство, что они властвуют над событиями, что их время принадлежит им. Собственная власть воспринималась ими естественной. Рузвельт руководил правительством как единой командой. У.Киплингер пишет, что никогда не видел президента, который обладал бы столь огромным влиянием, как Рузвельт. Бывший внутри самого Белого дома Э.Флинн называет членов кабинета не более чем «мальчиками на побегушках», исполняющими приказы президента: «Рузвельт сам принимал все свои основные решения». Никогда, пишет Генри Моргентау, Рузвельт «не был ничем, кроме как лидером». Случалось, что он спорил с Моргентау, но наступал момент,

и огромный, в веснушках кулак бил по столу, и спор прекращался в ту же минуту. Приближенные знали, что разница заключается в словах «я думаю» (тогда можно было отчаянно спорить) и «президент считает» — с этого момента спорить было бесполезно.

Нащупывая оптимальный курс, Рузвельт ясно показал всем, что не собирается быть пленником той или иной группы теоретиков, той или иной идейной схемы. Выслушивая всех своих советников, начиная с Моли и Тагвела, он охотно соглашался с каждым из них, но ободренные эксперты вскоре понимали, что заблуждались в том, что президент полностью на их стороне: Рузвельт принимал решение самостоятельно, опираясь на собственное понимание проблемы. Биограф президента А. Шлесинджер отмечает: «Его излюбленной техникой было определять пределы ответственности неполно, оставлять полномочия неясными, сферы ответственности подчиненных — пересекающимися. В результате этой построенной на конкуренции теории управления часто возникало смятение и разочарование на оперативном уровне; но ни один другой метод не мог бы более надежно обеспечить в огромной бюрократической машине (переполненной амбициозными людьми, стремящимися к власти, к участию в принятии решений и их осуществлению) право окончательного суждения за президентом». Натаниэль Готорн дает пример обращения Эндрю Джексона (которого многие знают лишь как изобретателя самого популярного знака одобрения «О'кей») с помощниками президента: он использовал каждого доступного ему человека как орудие, и чем изощреннее человек, тем сильнее орудие. Традиция эта получила в ФДР высшее воплощение. И не забудем, что сама американская жизнь отторгала и отторгает доктрины, возлагая все на личности.

Чтобы следовать избранной тактике, Рузвельт должен был скрывать свое подлинное мнение от самых преданных ему советников. Гансу Моргентау Рузвельт однажды сказал: «Никогда не позволяйте вашей левой руке знать, что делает ваша правая рука». Моргентау не удержался, чтобы не спросить: «Какой же рукой являюсь я, господин президент?» «Моей правой рукой,— последовал ответ,— но свою левую руку я держу под столом».

Доктор Карл Густав Юнг, специалист-психоаналитик, пришел к заключению: «Не будет ошибкой сказать, что он представляет собой силу сам по себе — человек высшего, но непроницаемого ума, безжалостного в тех случаях, когда он считает это необходимым, в высшей степени гибкого ума, устремления которого невозможно предусмотреть».

★ ★ ★

В первые сто дней в ходе интенсивной работы сложился ритм жизни, который растянется на 12 лет. После трудных дней президенту снился один и тот же сон. Ему десять лет, он спускается на санках с холма, где хорошо знаком каждый поворот. Санки убыстряют ход. Спуск довольно крутой. Но вот и подножье, нуж-

но снова медленно подниматься с санками на вершину холма по вязкому снегу. А потом снова полет. Этот способ релаксации пришел к Рузвельту с годами, но действовал почти безотказно.

Стены его спальни были украшены картинами кораблей и семейными фотографиями. Во всем было достоинство викторианской эпохи — у Рузвельта никогда не возникало идеи декорировать окружающее пространство в более современном стиле. Около кровати крашенный белой краской стол, на котором лежала писчая бумага, карандаши, пачка сигарет, стояли графин с водой и два телефона. За столом «корзина Элеоноры» — в нее первая леди опускала свои записки и те материалы, которые считала достойными внимания мужа. В углу старинное кресло-качалка, а рядом вместительный гардероб. На плите над камином семейные фотографии и коллекция мраморных поросят. А.Шлесинджер пишет: «Как и каждая комната в любом из домов Рузвельта, президентская спальня несла черты давно ушедшей викторианской эпохи, старомодной и непритязательной, отвратительной и очень удобной».

Просыпаясь ровно в восемь утра в своей выходящей на юг спальне, президент с легкостью воспринимал предстоящий рабочий день. Он нажимал кнопку звонка, входил слуга и уносил его в душевую. Затем Франклин Рузвельт надевал хорошо знакомый близким старый серый свитер и располагался среди подушек с пахнущими краской газетами. Он просматривал одновременно пять-шесть ведущих газет из Нью-Йорка, Вашингтона, Балтимора, Чикаго, читал их с выражением некоей мрачной решимости. Мало кто знал, как его интересовало мнение прессы. На многочисленных пресс-конференциях и радиобеседах «у камина» Рузвельт казался безмятежным.

В половине девятого слуга вносил завтрак, который с годами становился обильнее: апельсиновый сок, яйца всмятку, тост с маслом, кофе. Это были самые тихие и, возможно, самые продуктивные часы президента. Он размышлял и намечал решения. Разумеется, выслушивал много мнений (по обыкновению, с энтузиазмом соглашаясь с каждым), но лишь чтобы утвердиться в своих суждениях. После девяти часов Рузвельт брился. Слуга — темнокожий южанин Ирвин Макдафи — помогал ему одеваться. Рузвельт и Макдафи были одногодки. Когда Рузвельт встретил Макдафи в Уорм-Спрингсе в 1927 году, тот работал парикмахером. Рузвельту понравился говорливый брадобрей, и он предложил ему стать своим слугой. (Макдафи вместе с женой жил на третьем этаже Белого дома.) Они по-своему дружили, и Рузвельт прощал своему слуге даже порочную страсть к алкоголю.

Все прежние президенты запирали двери спальни, но не Рузвельт. Он боялся пожара гораздо больше, чем покушений, и охране приходилось постоянно патрулировать коридор (в далеком детстве опрокинувшаяся спиртовая лампа привела к пожару, в котором сгорела одна из родственниц). Рузвельт научился быстро и самостоятельно пересаживаться из кровати в кресло на колесах, но двери про-

сил не закрывать. В те времена почти никто не знал, чего стоил Рузвельту переход на передвижное кресло и какой мукой было для него встать на протезы. Вот что пишет журналист Элиот Дженевей, однажды оказавшийся свидетелем этого: «Он разговаривал и смеялся. Мускулы лица и рук были спокойны. Но вдруг ему понадобилось встать. Его челюсти сжались. Усилие было таким напряженным, что черты лица исказились драматически».

Рузвельт, в отличие, скажем, от Вильсона, не был затворником, не любил одиночества. К нему постоянно обращались помощники, совещаясь по поводу расписания дня и подлежащих решению проблем. Его вдохновляли люди, и довольно многих он делал вхожими в его спальню даже в часы размышлений. Обычно у его ложа находились Марвин Макинтайр — секретарь по вопросам определения встреч и визитов, личный врач Росс Макинтайр, Стив Эрли — пресс-секретарь. К этим троим присоединялись Гарри Гопкинс — личный помощник, Фрэнк Уокер — помощник по общим вопросам.

В экстренные периоды (например, в первые сто дней) помощники заходили к нему без стука, устраивая у его ложа своеобразные конференции. Но в более спокойные времена тревожить президента в этот тихий утренний час не стоило.

В десять часов утра Макдафи довозил президента до лифта, спускал на первый этаж, в Овальный кабинет, белостенный и торжественный. Позади стола, за которым сидели многие президенты, стояли два флага: темно-синий президентский и национальный, звездно-полосатый. В кабинете Рузвельт оставался до обеда. Все визиты начинались после десяти утра. Рузвельт любил призывать к себе специалистов по тем или иным вопросам, причем любил делать это так, чтобы ни их коллеги, ни близкие советники не знали об этом. Комедия человеческих самолюбий забавляла его.

С двух до трех шла разборка почты и диктовка ответов на те письма, которые помощники специально отбирали для него из тысяч, получаемых Белым домом. Затем до пяти часов шли встречи и обсуждения. В пять вечера наступал «детский час» — подведение итогов дня. Коллегиальность правления сохранялась раз в неделю в пятницу президент собирал весь свой кабинет.

Ежедневная почта Франклина Рузвельта составляла от пяти до восьми тысяч писем — в десять раз больше, чем у его предшественника. Многие американцы искренне считали его своим личным другом. В опросе школьников Нью-Йорка Иисус Христос занял второе место после ФДР. О нем были написаны сорок две популярные песни. Газета «Нью-Йорк таймс» подвела свой итог: «Ни один президент не возбуждал за такое короткое время так много надежд». Даже циничный газетный владыка Уильям Херст сказал Дж. Флинну, что считает Рузвельта величайшим лидером после Иисуса Христа. Первая звезда журналистики Уолтер Липпман также изменил свою первоначальную негативную точку зрения в отношении Ф.Рузвельта: «В течение одной недели нация, которая потеряла доверие ко всему и ко всем, заново стала верить в правительство и в себя».

Рузвельта Америка воспринимала прежде всего как лидера, объясняющего, куда он ведет свой народ. Во второй радиоречи «у камина» он объяснил американцам, что не собирается завладеть контролем над промышленностью, банками и всей деловой активностью. Его задача — «быть партнером в планировании, партнером в реализации планов». Это подтверждал раздел 7а Акта о восстановлении национальной промышленности (НИРА), гарантирующий право рабочих на коллективные договоры, на решение, входить или не входить в уже созданные профсоюзы. Глава вторая этого закона выделяла 3,3 миллиарда долларов на общественные работы. Рузвельт торжествовал по поводу этого закона: «Закон, который я только что подписал, возвратит трудящихся к их рабочим местам. История, возможно, назовет Акт о восстановлении национальной промышленности самым важным законодательным актом американского конгресса».

За сто первых дней своего президентства Рузвельт отправил в конгресс пятнадцать посланий, провел пятнадцать законов, произнес десять главных речей. В истории США не было подобного периода творческой активности. Смелое экспериментирование — вот девиз этого удивительного времени. «Найди способ и пробуй его,— поучал Рузвельт свое окружение.— Если он не даст результата — иди другим путем. Но, главное, пробуй, делай что-нибудь».

Видя эффективность контактов Рузвельта с людьми, помощники рекомендовали более тесное общение с народом. Рузвельт испытывал сомнения: «Люди устают видеть одно и то же имя день за днем в заголовках газет, слышать один и тот же голос по радио... Психология индивидуума не может ввиду естественной человеческой слабости долгий период времени держаться на той же высокой ноте».

Сотни талантливых молодых людей встали под знамена «Нового курса» — их имена Америка еще услышит. Заместителем министра финансов стал Дин Ачесон, адвокатом в департаменте юстиции — Уильям Фулбрайт, администратором одной из программ — Губерт Хемфри, помощником конгрессмена был назначен Линдон Джонсон, из Иллинойса прибыл Эдлай Стивенсон. Для них высшим авторитетом был не только президент Рузвельт, но и люди вокруг него: Розенман, Тагвел, Икес, Джонсон, Берль и, возможно, самый яркий из плеяды — Рэй Моли.

Замученные помощники вздохнули с облегчением лишь тогда, когда Рузвельт с ощущением не зря проведенного времени отправился на яхте «Эмберджек II» вдоль побережья Новой Англии. Никто не видел его в лучшей форме — спокойного, веселого, остроумного, готового посмеяться над собой и над всем миром. Было очевидно, что власть не только не тяготила его, но, напротив, дала ему крылья подняться над обстоятельствами. Человек, плескавшийся в бассейне, внезапно останавливался, чтобы обсудить вопрос о железнодорожном законодательстве. Серьезный разговор о банковской системе перебивался забавными историями, рассказывать которые Рузвельт был признанным мастером. Среди обсуждения закона, менявшего лик страны, он с не меньшим энтузиазмом занимался своей кол-

лекцией почтовых марок. А рядом Элеонора цитировала полюбившийся ей пассаж из последней прочитанной книги. Великий человек нуждался в быстрой смене занятий — это обостряло его ум и снимало напряжение.

У него были основания для хорошего настроения. Страна начала верить в себя, вышла из состояния летаргии. Индекс деловой активности поднялся с 52,3 пункта в марте до 87 пунктов в июне — рекорд за последние годы. Задымились старые трубы, трудилась прежде безработная молодежь, фермеры уже не жгли свой урожай. Депрессия еще не окончилась, но парализующий страх начал уступать место почти веселой решимости. И это воодушевляло Рузвельта более всего.

Противники

Необыкновенная популярность, которую обрел Рузвельт в 1933 году, вовсе не означала, что противодействие ему растворилось, словно престиж Герберта Гувера. Напротив, весьма четко обозначились «Сцилла и Харибда» его политического пути — жесткая политическая оппозиция справа и слева. Справа затаились, а затем вышли из засады пуристы капитализма — идеологи республиканской партии, ревнители «американизма», защитники индивидуалистического кредо, жрецы культа американского капитализма, ненавистники социальной справедливости и социальных (не говоря уже о социалистических) теорий, приверженцы рыночных правил о выживании сильнейшего.

Во время пика кризиса, в первые сто дней они не смели нападать на администрацию, видя в ней один из немногих прочных столпов расшатавшегося общественного устройства. Дж. Патерсон писал в «Нью-Йорк дейли ньюс»: «Что бы президент Рузвельт сделал или не сделал, мы намерены быть вместе с ним. Мы воздержимся от враждебной критики, по меньшей мере на год». По прошествии года идеологи американского бизнеса открыто выразили свое недовольство содержавшимся в инаугурационном послании парафразом евангельского текста: «Менялы бежали со своих мест из башни цивилизации». Рузвельт быстро оценил обстановку: «Последовали неизбежные удары, наносимые людьми Меллона—Миллса из банковских кругов и контролируемых ими отраслей промышленности». Но настоящая война справа была объявлена в августе 1934 года, когда в Майами собралась Американская лига свободы. Рузвельт пишет в Москву послу Буллиту: «Начали стрелять большие пушки». Окончательное размежевание Рузвельта с Уолл-стритом произошло в октябре 1934 года, когда он выступил перед Ассоциацией американских банкиров.

Ощутив растущую враждебность, Рузвельт в радиообращении к стране заявил, что он «против возвращения к такому определению свободы, когда столь долгое время свободные люди постепенно становились зависимыми от очень не-

многих привилегированных». Постепенно правые начали приходить к мысли, что с этим президентом у них принципиальные разногласия. Их злоба проявила себя самым некрасивым способом. В Висконсине республиканский претендент на место в палате представителей жестоко отозвался о «человеке, который не может стоять на своих двух ногах без костылей». Рузвельт понимал: в глубине души американский народ не любит неспровоцированную жестокость. Не сдерживаемая ничем злоба действует как бумеранг. И оказался прав. На выборах 1934 года (избирался полный состав палаты представителей и треть сенаторов) американцы нанесли республиканцам как партии удовлетворенного меньшинства весьма чувствительный удар. Демократы укрепили свое господство в обеих палатах конгресса (одним из новичков был бывший продавец готовой одежды из Миссури Гарри Трумэн).

Эта победа на выборах сплотила классическое рузвельтовское большинство в стране: небогатых фермеров и рабочих, объединенных в профессиональные союзы, национальные меньшинства, в частности темнокожих американцев (на фоне Гувера, отказывавшегося разговаривать с двумя темнокожими слугами в Белом доме, президент, относившийся к темнокожему личному слуге как к другу, выигрывал) на традиционно демократическом Юге, голосующих женщин и бедняков городов. Сформировалась поистину великая коалиция. (Это объединение действовало и имело власть еще тридцать лет, пока к концу 70-х годов не ослабло профсоюзное могущество, Юг начал забывать о гражданской войне, средний класс переходил в республиканский лагерь. И вьетнамская война ослабила демократическую коалицию. Коалиция Рузвельта начала уступать у избирательных урн противникам изменения статус-кво.)

Отступивший большой капитал сосредоточился на критике неэффективного государственного регулирования, на критике системы социального обеспечения. Республиканцы с самым серьезным видом утверждали. что, если рузвельтовское законодательство пройдет, дети перестанут финансово поддерживать своих родителей, чрезвычайные налоги побудят квалифицированных рабочих бросить свои рабочие места, да и в целом из жизни уйдет то, что составляет ее прелесть — «романтика жизни». На Рузвельта эти аргументы не действовали, и он на протяжении всей своей политической жизни был более всего горд именно законами, гарантирующими социальные гарантии трудящимся, как самым большим достижением своего правления.

В прохождении этих законов были и курьезные моменты. Однажды во время слушаний в конгрессе вбежала женщина со словами, что рассматриваемый билль слово в слово скопирован «со страницы восемнадцать Коммунистического манифеста». Республиканцы заговорили о неизбежной советизации Америки. Предложения Рузвельта о введении налогов на доходы и наследство республиканская пресса назвала «подлинным коммунизмом», а главного сторонника социальных га-

рантий — «Сталиным Делано Рузвельтом». Но ФДР был горд законом о консервации почвы, укреплением Федеральной резервной системы, законом об электрификации сельскохозяйственных районов, созданием Национальной организации молодежи, давшей работу юношам из бедных семей и возможность подрабатывать студентам (Линдон Джонсон возглавил отделение этой организации в Техасе, а Ричард Никсон работал в этой же системе в Калифорнии). Социально ориентированный Гарри Гопкинс подсчитывал достижения: «Мы получили все, чего хотели,— программу работ, социальное обеспечение, минимум зарплаты и часов в неделю». Озлобленные республиканцы приписывали Гопкинсу следующие слова: «Мы будем облагать налогами все больше и больше, расходовать и расходовать деньги и избираться, постоянно побеждать на выборах».

Тогда консервативный истеблишмент начал борьбу с президентом при помощи Верховного суда страны, чьи девять судей были неснимаемы и потому независимы от исполнительной власти. Конфликт назревал постепенно, перешел в открытую форму только весной 1935 года. Если за первые сто сорок лет своей истории Верховный суд Соединенных Штатов признал неконституционными шестьдесят законов, то лишь за один год правления Рузвельта — одиннадцать его законодательных инициатив. Четверо из судей были большими сторонниками laissez faire, чем, возможно, сам Адам Смит, и все распоряжения Рузвельта, означавшие вмешательство государства в экономическую жизнь страны рассматривались ими как грубейшее нарушение конституции. Остальные судьи периодически меняли свою позицию. 27 мая 1935 года (черный понедельник для ФДР) Верховный суд признал неконституционной Администрацию национального возрождения (НРА). Черным этот понедельник сделало не запрещение НРА, а исключительная агрессивность принятого решения. Президент практически именовался нарушителем законов. Суд впервые предупредил законодательную и исполнительную власти не пытаться обуславливать свои распоряжения ссылками на конституционное право.

Рузвельт посчитал, что покорное смирение в данном случае будет равнозначно полной сдаче позиций. Через день он созвал пресс-конференцию, на которой назвал решение Верховного суда «самым важным судейским решением со времен дела Дреда Скотта». Рузвельт дал свое трактование судебной системы страны. Сорок восемь штатов вовсе не были неким слабо связанным между собой сообществом. Верховный судья не осознает масштаба кризиса, охватившего всю страну. Министр юстиции, настроенный пессимистически, предупреждал президента: «Они собираются уничтожить нас». 6 января 1936 года Верховный суд признал неконституционной деятельность ААА (Администрация помощи сельскому хозяйству) как неконтролируемое вмешательство федерального правительства в дела штатов. В Айове фермеры той же ночью сожгли чучела членов Верховного суда. Все законодательство «Нового курса» было под

угрозой отмены. В этой ситуации Рузвельт посчитал необходимым подождать результаты национальных президентских выборов 1936 года, чтобы заручиться массовой поддержкой.

★ ★ ★

Вторая волна старалась сокрушить политическую силу Рузвельта слева. Столпами этого движения были радиопроповедник преподобный отец Чарльз Кофлин и сенатор от Луизианы Хью Лонг.

Святой отец Кофлин впервые увидел микрофон после того, как была сожжена его церковь в пригороде Чикаго и радетели предоставили ему время на местной радиостанции. Он оказался гениальным радиопроповедником, и к середине 30-х годов его радиоаудитория составила 45 миллионов слушателей. В 1934 году отец Кофлин получил больше писем, чем кто-либо в США, включая президента страны. На семиэтажном храме в Ройял-Оуксе под барельефом Христа было написано лишь одно слово: «Сострадание». По Соединенным Штатам были разбросаны шестьдесят его радиостанций. Возможно, во всей истории христианства не существовало столь организованного, богатого и влиятельного движения.

Первоначально Кофлин поддержал Рузвельта. В 1934 году он заявил на огромном нью-йоркском ипподроме, что «Новый курс — это курс Иисуса Христа». Но постепенно главная ударная организация Кофлина — Национальный совет за социальную справедливость численностью в 7,5 миллионов членов стал поворачиваться к Рузвельту спиной. Журнал Кофлина «Социальная справедливость» убеждал исполнительную власть последовать примеру Италии и Германии в движении к корпоративному государству, в разрешении социальных проблем путем государственного вмешательства — «для реализации фашистского решения проблем рабочих». Кофлин, поддержанный епископом Детройта, убеждал паству, что пользуется поддержкой папы римского Пия XI. Самостоятельное организованное рабочее движение отец Кофлин называл коммунистическим. В конечном счете он не мог не столкнуться с государственной администрацией и уже в начале 1935 года назвал «Новый курс» «еврейским курсом». Президент Рузвельт отныне в проповедях Кофлина именовался не иначе как лжецом, а выступая в Цинциннати, Кофлин призвал уничтожить Рузвельта «с помощью пуль».

Но еще более грозная фигура поднималась в этом сне разума на американском Юге, где подлинно общенациональным лидером социального экстремизма стал хозяин Луизианы Хью Лонг* — единственный американский политик, которого, видимо, боялся Франклин Рузвельт (есть мнение, что вторым американцем, которого так или иначе опасался Рузвельт, был генерал Макартур).

---

* Российский читатель может представить себе этого деятеля по опубликованному у нас роману Роберта Пенна Уоррена «Вся королевская рать».

Родившийся в жалкой хижине Лонг с ранних лет отличался умом. За восемь месяцев он закончил Тьюленский университет и в двадцать один год стал адвокатом. Своим талантом он вызвал восхищение Председателя Верховного суда США Тафта. В тридцатипятилетнем возрасте Хью Лонг выдвинул свою кандидатуру на пост губернатора штата. Толпы слушали его в немом благоговении: «Где школы для ваших детей, на которые вы рассчитывали? Где дороги, на строительство которых у вас забирали в виде налогов деньги? Где больницы для больных и немощных?... В течение нескольких десятилетий вы ждете всего этого. Дайте мне шанс утереть ваши слезы». Его избрали под лозунгом «Каждый человек — король, но пусть ни у кого не будет короны», и он завладел Луизианой — судами, полицией, системой управления. В конечном счете сенатор от Луизианы Хью Лонг стал по значимости, известности и влиянию вторым после Рузвельта человеком в США.

Рузвельт вовсе не шутил, когда писал своему послу в Италии, что «американцы больны гриппом под названием Хью Лонг и отец Кофлин». Лонг, как и Кофлин, поддерживал Рузвельта на пути того в Белый дом, но затем разочаровался в новом курсе. Теперь он называл Рузвельта лжецом и «создателем фальшивых ценностей».

К лету 1935 года Хью Лонг обрисовал свое видение будущего Америки («Поделим наше богатство»): личные состояния будут ограничены 5 миллионами долларов; ежегодный доход не может быть выше 1,8 миллиона долларов и ниже 2 тысяч; специальные законы защитят пожилых пенсионеров; государство накормит голодных. Обучение от детского сада до колледжа будет бесплатным. Каждая семья получит пособие в 6 тысяч долларов, радио, автомобиль и стиральную машину. Автору своей биографии Лонг скромно признался, что для реализации этой программы ему понадобятся четыре срока «в качестве диктатора страны». Летом 1935 года популярность Хью Лонга выросла до немыслимых размеров. Он еще не бросил вызов, но уже утверждал, что Рузвельт — заложник богачей. «Он копирует мои речи о разделе богатства, которые я писал в четырнадцать лет.» Все закончилось неожиданно. 8 сентября 1935 года Лонг был смертельно ранен сыном судьи в Луизиане, которого он лишил должности.

Рузвельт завтракал с отцом Кофлином и Джозефом Кеннеди, когда пришла весть о кончине Хью Лонга. Рузвельт выразил соболезнование, но в глубине души знал, что Лонг мог использовать массовое недовольство и, возможно, намеревался сокрушить систему. Опасения были обоснованными, ибо и без Лонга экстремисты смогли создать Партию Союза, требовавшую радикальных перемен. На съезде в Кливленде Кофлин посвятил свою речь сугубо критике Рузвельта. И волны одобрения шли по всей Америке. Это было тяжелое время для Рузвельта, наблюдавшего за колебаниями своего престижа.

А на кого мог опереться Рузвельт в борьбе с непреклонными жрецами капитализма, с одной стороны, и с популярными демагогами, с другой? В крупнейшем

профсоюзном объединении Американской федерации труда состояло менее 6 процентов всей рабочей силы страны. Некогда могущественный Объединенный профсоюз угольщиков сократил число своих членов до 100 тысяч. Штрейкбрехерские организации, оплачиваемые крупными промышленниками, содержали целые армии хорошо оплачиваемых бойцов антипрофсоюзного движения. Тысячи людей работали буквально под дулами винтовок. Питсбургская угольная компания, например, содержала пулеметные расчеты, направленные на работающих в шахтах. На вопрос комитета конгресса, зачем это нужно, президент компании Ричард Меллон ответил: «Мы не можем без этого добывать уголь».

Рузвельтовская НРА способствовала укреплению профсоюзов. В течение трех недель после того, как президент подписал Акт о национальном восстановлении экономики, 135 тысяч прежних членов Объединенного союза шахтеров заново вступили в профсоюз. Стали крепнуть и другие профсоюзы. В октябре 1936 года лидер горняков Джон Льюис объявил о создании Конгресса производственных профсоюзов (КПП), который объединил миллионы неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих. Постепенно (и в основном через сенатора Вагнера) президент Рузвельт стал сближаться с силами, которые могли обеспечить ему массовую поддержку.

Мнение Рузвельта о человеческой психике относилось и к экзальтации Кофлина. Он, по мнению президента, прошел пик своего влияния. Главное, жизнь постепенно налаживалась, а технология подошла к Рубикону важнейших открытий. В том же 1935 году Энрико Ферми бомбардировал тяжелые элементы нейтронами, собственно, произвел эффект цепной реакции. Студия «Техниколор» создала современный цветной фильм, фотоэлемент стал прибором все более широкого применения. Маркони производил опыты с ультракороткими волнами — открывалась перспектива общемирового вещания, радара и многого, многого другого. «Ассошиэйтед пресс» начала передовать фотографии по кабелю, и вскоре такие журналы, как «Лайф» и «Лук», приобрели современный вид, характерный высококачественными фотографиями. На улицах начали продавать странные алюминиевые банки, из которых сегодня пьет весь мир. На шоссе появились грузовики-дома, первые же трейлеры резко увеличили мобильность населения, которое и так уже не представляло себе жизни без фордовских моделей.

Свинг становится музыкой десятилетия благодаря таким музыкантам, как кларнетист Бенни Гудмен. Фокстрот уступил место буги-вуги, за ноты взялся Гленн Миллер и новая плеяда раскованных импровизаторов. Подешевевшие патефоны и пластинки внесли новую музыку во все городские дворы, в растущие зеленые пригороды.

30-е годы были отданы радио. 900 радиостанций покрывали эфир всей страны, люди льнули к радио — это был ежедневный ритуал. Отдельные передачи слушало до 30 миллионов американцев. Впервые реклама приобрела общенациональ-

ные масштабы. Средства массовой коммуникации сближали страну, создавали то, что сейчас назвали бы «общим менталитетом», давали новые возможности массовым политическим силам. Именно поэтому общенациональные президентские выборы 1936 года должны были выразить отношение страны к деятельности президента Рузвельта в условиях новых возможностей для массовых организаций.

Но ничто не могло сравниться по популярности с кино — 85 миллионов американцев ходили в кино хотя бы раз в неделю. В стране было 17 тысяч кинотеатров — в три раза больше, чем магазинов. И в каждом из них в год показывалось от 100 до 400 фильмов. Поколение депрессии жаждало уйти в мир грез или триллеров только что обосновавшегося в Америке Хичкока. До телевидения было еще далеко, и кино не имело конкурентов как национальный наркотик номер один. Невозможно переоценить влияние кино между 1931 и 1945 годами.

Внутренняя арена

В 30-е годы произошла чрезвычайная концентрация президентской власти, резко расширился ее объем. Общенациональные программы «Нового курса» делали Белый дом центром принятия ощутимых повсюду мер, президент становился распорядителем многих судеб. Франклина Рузвельта восхищала эта растущая власть. Наверное, для того, чтобы как-то сократить дистанцию между собой и публикой, он приглашал к себе в утренние часы все больше людей. При этом все реже ему удается побыть наедине с природой, что для человека, выросшего в поместье, было существенно. По сотне раз на день Рузвельт смотрел из окна на газон и деревья южной части Белого дома, его радовала любая погода, любое время года.

Журналистка из «Нью-Йорк таймс» сравнила Рузвельта с политическими лидерами Европы. Сравнение было не в пользу европейцев. «На лицах Муссолини, Гитлера, Стэнли Болдуина и даже сменяющих друг друга политиков Франции напряжение и беспокойство оставили неистребимые черты. Будучи наедине с собой, не работая на публику, они выглядели усталыми и потрясенными людьми, заплатившими за власть тяжелую дань... Ни на ком из предшественников по должности власть не оставила так мало следов, как на Рузвельте. Он стал немного грузнее, прибавилось седины; в остальном он выглядит тверже и лучше, чем в день инаугурации. У него такое загоревшее лицо, что глаза кажутся светлее — холодно-синего цвета; после четырех изматывающих лет они смотрят так же проницательно, заинтересованно, дружественно и непроницаемо, как всегда».

Рузвельту явно нравилась его должность, его не утомляли долгие часы, когда он диктовал, размышлял, читал, беседовал, принимал решения. Ему доставляли очевидную радость купание в бассейне Белого дома, встречи с министрами и по-

сетителями, нескончаемые обсуждения, бесконечное проставление своего автографа на несчитанном числе документов и уж, конечно, проникновенные беседы с посетителями, лидерами конгресса, иностранными гостями.

Большую часть дня Рузвельт проводил в своем Овальном кабинете. Именно сюда в час подавали ленч. Президент обычно приглашал лишь одного сотрапезника. Честь обедать тет-а-тет с президентом «разоружала» приглашенного. Франклин Рузвельт был прирожденным мастером производить впечатление, он никогда не был одинаков и для каждого находил подход, будь то посол крупной страны или почти случайный посетитель. Это всегда было его мощным оружием, и он довел его до возможного совершенства.

Некоторые советники Рузвельта отмечали как главную слабость президента его неумение решительно и жестко поступать с подчиненными, увольнять несогласных с его линией немедленно и хладнокровно. Элеонора Рузвельт объясняла это «его большой симпатией к людям, пониманием их проблем, ему не хотелось выступать в неприятной жесткой роли по отношению к тем, кого он любил... Он попросту не мог заставить себя делать эти неприятные вещи до тех пор, пока им не овладевал гнев». Из-за этого часто подчиненные не понимали, какой линии следовать. Так, министр внутренних дел Гарольд Икес указывал на несовместимость позиции военного министра Вудринга с основной линией кабинета. «Если бы я был на вашем месте, я бы послал за Гарри Вудрингом и сказал ему: "Гарри, у тебя выбор: либо быть послом в Дублине, Ирландия, либо отправиться в город Топека, Канзас". Президент посмотрел на меня несколько смущенно. Читая его мысли, я спросил: "Вы не можете делать подобные вещи, мистер президент?" — "Нет, Гарри, не могу",— последовал ответ.»

Это был человеком со многими лицами. На долгих заседаниях он сидел с суровым лицом, председательствуя, показывал окружающим, как нужно быстро решать дела. На яхте в час коктейля не было более оживленного лица. На партийных съездах его лицо выражало страсть, а позднее, обсуждая военные операции, каждый мог прочитать на его лице самоутверждение. Перед студентами на церемониях он был невыразимо торжественным. У себя в Гайд-Парке просто смешливым соседом. На пресс-конференциях выражение лица менялось, отражая симпатию, решимость, игривость, желание нравиться, достоинство.

Одним из главных энтузиастов исправить «многоликость» президентского подхода выступил генерал Маршалл, с точки зрения которого разделение власти, перекрещивающиеся функции создавали сумятицу в умах, порождали ненужную конкуренцию, создавали зыбкое чувство неясности у тех, кто решал грандиозные задачи. Здесь надо сказать, что эти помощники просто не понимали Рузвельта. Президент сознательно стремился к частичной неясности, переплетению функций и конкурентному внутреннему давлению. Во-первых, он был уверен, что в этом случае его министры не смогут сплотиться против него самого. Во-вторых (и это главное),

он получал бесценную свободу действия, мог выбирать, пробовать, менять курс, имел при этом большее право на ошибку и, не следует забывать, всегда право последнего голоса.

Среди подчиненных наиболее важными для Рузвельта были те, которые непосредственно его окружали,— так называемый «кухонный кабинет», а вовсе не полномочные министры. Подчиненных он всех звал по именам. Эта манера (также не одобряемая прямолинейными людьми вроде генерала Маршалла) позволяла смягчить жесткую оппозицию: за обеденным столом труднее было вставать в непримиримую позу (вот почему генерал Маршалл впервые посетил Гайд-Парк только на похоронах Рузвельта). Но сам президент любил именно это совмещение личного и государственного.

«Ни один президент,— пишет Р. Тагвел — не имел более тонкого понимания сложного механизма человеческих отношений. Он наблюдал, как его подчиненные играли в свои собственные игры; останавливал их, когда это было необходимо; помогал им, когда это было удобно; эффективно наказывал своим невниманием, вознаграждал, делясь самыми сокровенными мыслями. Приглашение прибыть на ланч часто было одной из таких наград. Каждый член администрации знал, что Гарольд Икес, Генри Уоллес или Джесс Джонс обедают вместе с президентом, и каждый думал о том, что это означает для его интересов».

Самым важным лицом в ближайшем окружении Рузвельта была его супруга Элеонора — главный канал связи с народом: она вела перепечатываему десятками газет ежедневную колонку «Мой день» и много ездила по стране. Дети выросли, начинали покидать семью. Анна и Джеймс обзавелись семьями, Франклин-младший поступил в Гарвард, а Джон готовился последовать за ним. Эллиот отказался от высшей школы и начал зарабатывать на жизнь сам. Окончилась одна фаза жизни, начиналась другая.

Икес описывает утро, повергшее его в удивление. Он пришел к президенту, когда тот брился в ванной комнате. Рузвельт предложил ему сесть на крышку унитаза, чтобы не прерывать разговора. Президент брился, затем его перенесли в спальню, чтобы одеть. Он надел на себя стальные протезы, готовясь к встрече делегации. После встречи вернулся в спальню, чтобы снять стальной груз и продолжить беседу. «Я был поражен,— пишет Икес,— безыскусной простотой и обаянием этого человека».

По мере того как день шел на убыль требовалось все больше сил, чтобы очаровывать посетителей, президент начинал уставать. Между половиной пятого и пятью принимался последний из приглашенных. Рузвельт подписывал стопку неотложных, отобранных секретаршей Мисси Лихенд, документов и требовал привезти свое кресло. Затем он отправлялся в бассейн и на массаж. Перед ужином приходили приглашенные на вечерний коктейль. Его подавали в Овальном кабинете. Рузвельт больше всего любил эти часы: его окружали близкие люди, заботы дня, ка-

залось, отступали. Ужинали обычно в Белом доме довольно поздно. После ужина иногда президент звал своих гостей посмотреть кино или сыграть в карты — все в том же Овальном кабинете. (Со временем Рузвельт все больше работал и после ужина.) Не ранее полуночи он отпускал домой помощников, а сам откидывался на подушки с детективным романом. От нервного истощения Рузвельта спасал данный ему от природы глубокий и чаще всего безмятежный сон.

А окружающий мир вовсе не был таким мягким и приветливым. Это сказывалось прежде всего на окружении президента. Многие начинали считать, что Рузвельт во второй половине 30-х годов делает ненужный поворот влево. Боявшиеся этого поворота Дуглас, Ачесон, Моли ушли. Появились новые лица — Стенли Хай, Томми Коркоран, Бен Коэн. Последний оказался настоящим мастером составления законов, которые постепенно меняли социальное устройство Америки.

★ ★ ★

В далеком 1936 году закладывались основы той политической практики, которая позднее приобрела в американской жизни черты «естественного состояния». В те времена не проводились массовые опросы населения, не было крупных социологически ориентированных исследовательских организаций, социологических агентств. Политики «блуждали во тьме» — центральные газеты тоже отражали пристрастия ведущих комментаторов. Ощущалась необходимость в прогнозе возможных результатов.

В 1936 году практика общенациональных выборов начала приближаться к современной. (Разумеется, не было компьютеров, статистической динамики, научных и квазинаучных методов социологии.) В тот год даже жрецы прогнозов не осмеливались выразить свое суждение. Еще семь миллионов американцев не могли найти работы. Верховный суд уже начал бороться с рузвельтовским законодательством, постепенно становясь главным оплотом и сборным пунктом антирузвельтовской оппозиции.

Выборы 1936 года стали для Рузвельта национальным экзаменом. Не только проверкой того, что он сделал, но и испытанием на прочность созданной им общенациональной политической коалиции. Его противники на обоих полюсах политического спектра мобилизовались, веря в то, что медленность выхода из депрессии позволит им создать необходимую волну недовольства.

Выборы 1936 года были по-своему очень просты. Америка богачей, владеющих страной и прессой, вздыбилась против социального экспериментатора. Ярость богатой Америки была очевидна. Напомним, что республиканцы правили на протяжении большей части предшествующих восьмидесяти лет, и приход Рузвельта в Белый дом был для них во многом аберрацией. Растущая уверенность республиканцев быстро перешла в самоуверенность. И здесь богатые, хорошо образованные, солидарные и уверенные в себе республиканцы допустили несколько существенных ошибок.

25 января 1936 года вашингтонский «Мэйфлауэр-отель» стал местом сбора тех, кого социальное реформирование Рузвельта касалось непосредственно. Зал сиял бриллиантами дам, оттененными безупречными смокингами джентльменов. Две тысячи человек собрались сюда со всей страны. Как писала «Нью-Йорк таймс», это было самое яркое собрание в американской политической жизни, на котором «первые лица или их адвокаты представляли значительную часть капиталистического богатства страны». Главным оратором был Аль Смит, выступающий против рузвельтовского закона о запрете детского труда. Он прибыл в безупречной шелковой шляпе и произнес истерическую речь. Ветеран американской политической сцены Аль Смит объяснил сидящим перед ним владельцам Америки, что Рузвельт и его «мозговой трест» застали социалистов купающимися в пруду и похитили их одежды. «Новый курс пахнет коммунистической Россией» и классовой борьбой. Седовласый, импозантный Смит завершил свою диатрибу словами: «Следует сделать выбор. Может существовать лишь одна столица, Вашингтон или Москва».

Речь была признана фантастически успешной (она таковой и была: трудовая Америка увидела своих противников воочию). Богачи, такие как Пьер Дюпон, назвали речь «превосходной». Но, как оказалось, эта речь была превосходна прежде всего для президента Рузвельта. Не затратив ни цента, он без малейших усилий указал американскому народу, кто его главный противник.

Богатая Америка легко нашла и более проницательные, софистичные таланты. В главных нью-йоркских изданиях негативную в отношении «Нового курса» позицию занимали Уолтер Липпман, Дороти Томпсон, Марк Салливэн. Активен был крупный историк Чарльз Бирд, утверждавший, что «обаяние рузвельтовского руководства определенно погасло». Деньги, кровь политики, шли теперь к демократам малым ручейком — 4 процента избирательных расходов пришли от банкиров, а четырьмя годами раньше, в 1932 году, они составляли 25 процентов. Республиканцы быстро собрали 9 миллионов долларов, а рузвельтовские демократы — в конечном счете менее половины этой суммы.

Многие советники подталкивали Рузвельта вступить в борьбу, которую он так любил, но «чувство времени» говорило ему, что главные эмоции следует приберечь до осени. Страна не может жить почти год в обстановке словесной гражданской войны. ФДР лишь попросил сенатора Робинсона (коллегу Смита по выборам 1928 года) отреагировать на смену Альфом Смитом «коричневой мягкой шляпы на жесткий обтянутый шелком котелок». А Икес не удержался и процитировал собственный ответ Смита на обвинения в социалистических пристрастиях в кампании 1928 года. Лучше других защищал Рузвельта от обвинений в социалистических пристрастиях лидер американских социалистов Норман Дэвис, человек с патрицианской внешностью и характерным вибрирующим голосом. Вместо лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» Рузвельт придерживался своего боевого клича: «Рабочие и мелкие держатели акций, очистите Уолл-стрит». А этому лозунгу в Америке уже

более сотни лет, его провозглашал еще президент Эндрю Джексон. Сам Рузвельт считал обвинения в «левом уклоне» смехотворными. Он в принципе не выносил доктрин. Он верил в здравый смысл и ненавидел догмы. Он был «практичным» человеком.

В июле 1936 года республиканцы на конвенте в Кливленде выдвинули своим претендентом на пост президента США губернатора Канзаса Альфреда Лэндона. Тон оценке Лэндона задал автомобильный король Генри Форд, который заявил, что не голосовал уже двадцать лет, но теперь обязательно пойдет к избирательной урне, потому что «Лэндон — это новый Кулидж». Отныне окрещенный «канзасским Кулиджем», Лэндон поневоле должен был ориентироваться на тех, кто плакал по ушедшим двадцатым, по старым добрым временам. Еще одним неудачным сравнением сторонников Лэндона было сравнение его с канзасским полсолнечником. Рузвельт отреагировал немедленно: да, он тоже желтый, с черным сердцем и годится только на корм попугаям. А главное — всегда засыхает до ноября.

То были первые современные выборы в том смысле, что республиканцы были убеждены: людьми нужно манипулировать. а не тратить время на их убеждение. Многочисленные газеты Херста — противника Рузвельта — писали, что предвыборная кампания демократов направляется из Кремля. Глава национального комитета республиканской партии Джон Гамильтон утверждал, что руки Рузвельта в крови испанских священников. Такие фирмы, как «Джонсон и Джонсон», послали своим рабочим конверты с предупреждением, что, если Лэндон не выиграет, они будут уволены.

Противники Рузвельта утверждали, что его главное достижение — социальное страхование — просто грабеж американских рабочих, содержащих бездельников. «Если вы хотите получить свои деньги назад, голосуйте третьего ноября правильно.» Большая пресса традиционно принадлежала богатым республиканцам. «Чикаго трибюн», скажем, ежедневно на первой полосе обозначала число дней, оставшихся до выборов — освобождения страны от ига Рузвельта.

На экстремистском фронте отец Кофлин избрал в качестве претендента от Союзной партии конгрессмена Уильяма Лемке из Северной Дакоты, довольно странную личность — с отмеченным оспой лицом, стеклянным глазом и очень особенным голосом. Отец Кофлин постоянно называл Лемке «колоколом свободы», пока кто-то не объяснил ему, что филадельфийский «колокол свободы» непригоден для набата, потому что треснул.

Весомо выглядели ученые противники Рузвельта. Профессор статистики Гарварда предсказал 241 голос выборщиков за Лэндона и только 99 за Рузвельта. На страницах «Нью-Йорк таймс» ее ведущий обозреватель Артур Крок писал, что «...республиканская партия гораздо популярнее в этом году, чем в 1932... Большое большинство Рузвельта испарилось». Газета «Литерери дайджест» предсказала победу Лэндона в 32 штатах и получение им 370 голосов выборщиков.

Безусловно, для сомнений в победе Рузвельта были некоторые основания. Дефицит федерального бюджета достиг 7 миллиардов долларов в год, но главное — 7 миллионов американцев все еще оставались безработными. Верховный суд США квалифицировал несколько ключевых программ как неконституционные. Противники ощутили силу Рузвельта и начали заранее группироваться для решительного политического боя.

Второе президентство

Рузвельт удивил окружающих, когда накануне своих вторых президентских выборов сказал: «Мы их победим легко, нужно только, чтобы наше движение было похоже на крестовый поход». Многим казалось тогда, что президент бравирует, что он искусно прячет свою обеспокоенность. На что рассчитывал ФДР? На позитивные изменения психологической атмосферы в стране. Почти 8 миллионов американцев получили работу, индекс промышленного производства поднялся с 58 пунктов в 1932 году до 101 пункта в 1934 году и 121 пункта в 1935 году. Объем социального страхования увеличился до 3 миллиардов долларов, национальный доход — на 30 процентов, индекс активности компаний (индекс Доу-Джонса) — на 80 пунктов. Уолл-стрит ощутил признаки инфляции — явный показатель начала роста.

Нет спору, число безработных уменьшилось за первый срок на 4 миллиона. Зарплата в промышленности удвоилась, равно как удвоились и цены на акции на бирже. Доходы фермеров выросли с 4 миллиардов в 1932 году до 7 миллиардов в 1935 году. Объем промышленной продукции увеличился в 2 раза. Рузвельт законно считал, что сыграли свою роль 5 миллиардов долларов, израсходованные им на общественные нужды: дороги, общественные здания, дамбы и пр. Рузвельт спас не только фермеров, рабочих и мелких бизнесменов. Он оказал помощь американской интеллигенции: писателям, актерам, художникам — представителям тех профессий, где самоуважение было не менее важно, чем непосредственный доход. Лишь благодаря «Новому курсу» многие американцы смогли продолжить свое образование в университетах.

Но главное значение «Нового курса» не вышеприведенные цифры, а то, что страна отрешилась от дурмана безнадежности, страна ощутила движение, начала мечтать о будущем, менялись отношения между людьми. Биржа перестала быть единственным барометром жизни нации, люди стали ценить сочувствие, солидарность, осмысленные коллективные действия. Основной надеждой Рузвельта в 1936 году было то, что люди не успели забыть ситуацию четыре года назад. «В этой кампании,— говорил Рузвельт Моли,— есть только один вопрос: со мной народ или против меня». Но политик-реалист Рузвельт говорил, что лучший способ потерпеть поражение — недооценить противника. Политические противники слева и спра-

ва сделали свое дело — к июню 1936 года популярность Рузвельта значительно упала.

Демократы собрались на свой конвент в Филадельфии — как раз рядом с пресловутым колоколом. Партийный съезд прошел без эксцессов, что было непривычно для обычно шумных демократов. Запомнилось разве что, как сенатор от Южной Каролины покинул помещение, когда на подиум вышел чернокожий священник. Но Рузвельт слушал священника внимательно: чернокожие американцы были частью его коалиции.

Тон задал сенатор Альбен Баркли, обрушившийся против республиканцев: «Мои друзья, их горькие слезы текут не по забитым фермерами молодым поросятам. Их подлинная скорбь от того, что под нож идут жирные свиньи республиканского грабежа американского народа». Платформа демократов — плод работы Рузвельта и команды — была необычайно откровенной и ясной по своему смыслу. Пародируя Декларацию независимости Джефферсона, она звучала так: «Мы считаем самоочевидными следующие истины. Правительства в условиях современной цивилизации имеют определенные твердые обязательства перед своими гражданами, среди которых выделяются следующие: 1) защита семьи и семейного очага; 2) создание демократических возможностей для всего народа; 3) помощь тем, кто попал в беду». Задача правительства — «избавить нашу землю от расхитителей, бандитов и злодеев большого богатства».

Речь о согласии с номинацией была произнесена 27 июня на стадионе перед стотысячной аудиторией. Эти 100 тысяч, пишет Маркиз Чайлдс, «ревели дико на протяжении всякой паузы, словно этот рев в горячую душную ночь шел из одной гигантской глотки». Эффект увеличивало то обстоятельство, что накануне несколько часов шел дождь, но ко времени прибытия большого черного лимузина Рузвельта дождь, словно по заказу, кончился и в просветленном небе показались звезды.

Выступление началось неудачно. Когда Рузвельт двинулся к закрытой огромными кулисами трибуне стадиона, то увидел среди ближнего окружения своего давнего знакомого — поэта Эдвина Маркхема, протянувшего к нему руку. Когда Рузвельт сделал ответное движение, металлические протезы подвели и президент упал. Листы его речи разлетелись, сподвижники бросились собирать их. Страницы стали грязными, помятыми, жалкими. Побледневший, потрясенный случившимся президент прошептал сквозь зубы: «Почистите меня». Чуть позже Рузвельт признается, что «это были самые ужасные пять минут в моей жизни, я был самым проклятым и безумным человеком в эти секунды». Но если он и потерял самообладание, то ровно на эти секунды. К открывшимся кулисам шел человек, готовый на все. Он был спокоен, тверд и, разумеется, улыбался. Яркие прожекторы стадиона «Франклин Филд» освещали его. Стотысячная аудитория стоя приветствовала вождя той части Америки, которая испытывала несправедливость.

Бог милостив, спустя несколько минут аудитория услышала его речь — один из шедевров политической борьбы. «Это естественно и, возможно, в природе человека, что привилегированные принцы новых экономических династий, жаждущие власти, стремятся захватить контроль над правительством. Они создали новый деспотизм и обернули его в одежды легальных санкций. Служа им, новые наемники стремятся поставить под свой контроль народ, его рабочую силу, собственность народа. В результате обычный американец снова стоит перед теми проблемами, перед которыми стояли борцы за независимость страны... Эти роялисты экономического порядка согласны с тем, что отстаивание политической свободы — дело государства, но экономическое рабство, по их мнению, этого государства не касается. Они согласны, что государство должно защищать право гражданина голосовать, но они отрицают за государством право гарантировать гражданину право на работу и право на жизнь.. Но мы считаем, что, если гражданин имеет равные права на избирательном участке, он должен иметь равные права и на рынке труда». (В этот момент голос Рузвельта достиг высшей точки накала.) Эти экономические роялисты жалуются, что мы стремимся сокрушить базовые американские установления. На самом деле они боятся, что мы лишим их власти. Наша приверженность американским установлениям требует от нас изменить этот порядок вещей. Зря они прячутся за нашим национальным флагом и за конституцией.» Аудитория теперь слушала стоя. «Демократия, а не тирания, свобода, а не подчинение... Враг стоит внутри наших стен.» Здесь-то и прозвучали в напряженной тишине ночи великие и вещие слова: «Лучше периодические ошибки правительства, которое живет в духе милосердия, чем постоянное безразличие правительства, замерзшего во льду собственного безразличия... Существует таинственный цикл в ходе человеческих дел. От некоторых поколений требуется многое. Наше поколение вышло на встречу с собственной судьбой». Сквозь шквал овации едва слышны были заключительные слова: «Я принимаю ваше предложение выдвинуть свою кандидатуру, я записываюсь в армию до окончания нашей войны». Улыбаясь в свете прожекторов стотысячной толпе слушателей, он проделал на автомобиле круг по стадиону, подняв над собой видавшую виды шляпу.

★ ★ ★

Наступательная тактика Рузвельта вызвала у его противников приступ ненависти. Отец Кофлин провозгласил, что выбирает фашизм. Джеральд Смит и прочие говорили, что нужно научить американский народ ненавидеть. Кофлин: «Кровавая память об убитом Хью Лонге еще жжет мне глаза». Рузвельт же запретил любые личные нападки, и когда Ферли, на секунду забывшись, назвал Лэндона губернатором «типичного штата прерий», Рузвельт немедленно поправил его: «Губернатор одного из штатов прекрасных прерий». В этот, возможно, решающий момент Альфред Лэндон своим невыразительным голосом произносил удивительные

тривиальности. Некоторые его перлы вызывали всеобщие улыбки: «Куда бы я ни поехал в нашей стране, я всюду встречаю американцев». Но, может быть, более всего ему мешала неуязвимость Рузвельта как оппонента, его умение избежать прямого удара. Это выводило Лэндона из себя (не первый среди противников Рузвельта, жалующийся именно на это) и заставляло делать грубые ошибки. Чувствуя, что проигрывает, он заявил: Рузвельт — кандидат евреев и в душе коммунист, если он останется на второй срок, то начнет террор против своих противников. Мол, в Вашингтоне он поставит гильотину.

Лэндону не помогала и энергичная поддержка Герберта Гувера, который в самоослеплении не понимал, что ставит на всем печать политической смерти.

Республиканская партия постаралась использовать недавнее изобретение — радио, израсходовав более миллиона долларов это. Нанятые республиканцами актеры пугали радиопублику тем, что Рузвельт в продолжение своей социальной политики присвоит каждому работающему отдельный номер, а затем снимет у всех отпечатки пальцев. (Строго говоря, так и случилось. А как иначе выплачивать пособия?) Америка станет большой тюрьмой. Избежать этой тюрьмы можно будет лишь в том случае, если правильно проголосовать 3 ноября.

★ ★ ★

Рузвельт решил, что ему следует активно ввязаться в борьбу, когда до выборов останется пять недель. До этого момента пусть противники атакуют его и делают неизбежные ошибки. И был прав. Союзная партия раскололась в начале осени. Отец Кофлин заявил, что «выбирает дорогу фашизма», а Альф Лэндон все более воспринимался маленьким человеком в очках и с глухим голосом.

Своим соратникам Рузвельт запретил критиковать республиканцев как таковых. «Существуют тысячи людей, которые,— говорил Рузвельт Розенману,— думают как вы и я о правительстве. Они считают себя принадлежащими к республиканской партии по единственной причине — их семьи голосовали за республиканцев в течение десятилетий; некоторые из них предпочли бы быть демократами, но в их поселке демократы не являются социально привлекательными людьми. Поэтому не следует обвинять республиканцев или республиканскую партию — только республиканских лидеров. Тогда каждый голосовавший прежде за республиканцев избиратель не примет нашу критику на свой счет, он скажет себе: «Ну, это не обо мне».

До сих пор президент Рузвельт предпочитал быть немногословным, но постоянные нападки и время требовали ответных действий. 31 октября 1936 года он выступил в переполненном Мэдисон-Сквер-Гардене с одной из самых замечательных своих «бойцовских» речей. Он сразу же определил своих противников: «Бизнес и финансовые монополии, спекулятивный капитал, безудержные банковские дельцы... организованный отряд капитала». Ситуация была оценена Рузвельтом так: «В течение двенадцати лет наша нация управлялась ничего не видящим, ничего не

слышащим, ничего не делающим правительством. Нация смотрела на это правительство, а это правительство смотрело в сторону. Девять возмутительных лет с золотым тельцом и три долгих года высокомерного безделья. Девять сумасшедших лет в раже и три долгих года в очередях за хлебом! Девять безумных лет миража и три долгих года отчаяния! И, мои друзья, могущественные силы пытаются сегодня вернуть к власти то правительство, которое считает, что наилучшее правительство — это то, которое наиболее индифферентно к заботам человечества». Срывающимся голосом он обратился к присутствующим в зале: «Никогда прежде в нашей истории эти силы не были так объединены против одного кандидата, который в данном случае стоит перед вами. Они единодушны в своей ненависти ко мне — и я приветствую их ненависть». Согласно газетным отчетам, рев толпы прокатился по залу волнами. «В ходе моей первой администрации эти корыстные и тянущиеся к власти силы встретили равный по мощи барьер. Во время моей второй администрации эти силы будут подчинены.» Рузвельт пообещал огромной аудитории: «Мы будем улучшать условия труда рабочих Америки. Мы будем снабжать дешевым электричеством дома и фермы Америки, мы будем работать ради молодых людей и женщин, ради калек, слепых, матерей, мы дадим гарантии безработным и обеспечим старость пожилым... Мы только начинаем борьбу».

3 ноября Рузвельт одержал самую убедительную победу в истории американской электоральной системы, величайшую победу в американской политической практике. За него проголосовали 46 штатов из 48, против голосовали лишь крошечные Мэн и Нью-Хэмпшир. Свои голоса за Рузвельта отдали 27 452 309 человек, за Лэндона — 16 682 524 избирателей. Рузвельт заручился голосами 523 выборщиков против 8 — величайший перевес одной партии над другой с 1820 года. Более 5 миллионов республиканцев проголосовали за него. Отец Кофлин заявил, что бросает радио. За Рузвельта проголосовал отец Хью Лонга. Обе палаты пошли за демократами. Республиканцев в палате представителей осталось всего 103, а сенаторов — 17. Встал вопрос, переживет ли республиканская партия такое поражение. Из Чартвела Уинстон Черчилль, не зная еще, как много им предстоит перенести вместе, поздравил своего единственного достойного партнера по политическому искусству и красноречию.

Против косности

В эти последние предвоенные годы Америка приобрела те черты, которые и ныне характерны для нее. Страна перешла на пятидневную рабочую неделю. Кино и радио царили в развлечениях. Химия сделала бросок вперед, и с этих пор слова «нейлон» и «синтетические ткани» стали обиходными. Наука ускорила свое движение. В меньшей степени это коснулось социального развития, да и экономическое

благосостояние затормозилось. Средний доход американца равнялся 1500 долларов в год. Материальные блага распределялись очень неравномерно. Глава голливудской компании «Эм Джи Эм» Л.Мейер получал в год более миллиона долларов дохода, а бюджет 98 процентов американских семей составлял не менее 5 тысяч долларов в год. Несмотря на предпринятые в 1933—1936 годах усилия, социальный вопрос в богатейшей стране мира продолжал оставаться очень острым.

Многим казалось, что знаменитое рузвельтовское везение изменило ему, когда ненастным январским днем (президентский срок впервые стал заканчиваться не в марте, а в январе) он вышел на площадку перед Капитолием, чтобы произнести вторую президентскую присягу. Холодный дождь вымочил всех, а старинная голландская библия была завернута в целлофан. Президент с трудом переворачивал промокшие страницы своей второй инаугурационной речи. Четыре года назад новое правительство предприняло пожарные меры по спасению страны. «Инстинктивно мы поняли, что существует более глубокая необходимость — необходимость найти посредством правительства инструмент решения постоянно возникающих проблем нашей сложной цивилизации. Постоянные попытки найти решения без помощи правительства привели лишь к замешательству. Ибо без этой помощи мы не способны осуществить моральный контроль над наукой, сделать из нее полезного помощника, а не безжалостного хозяина человечества. И мы должны найти способ осуществить практический контроль над слепыми экономическими силами и слепо эгоистичными людьми.» И закончил речь президент словами, которые можно прочесть на стенах его мемориала, открытого в Вашингтоне совсем недавно.

«В нашей стране я вижу десятки миллионов граждан — значительную часть общего населения, которые в данный момент лишены большей части того, что мы считаем абсолютно необходимым для жизни.

Я вижу миллионы семей, пытающихся жить на доходы столь жалкие, что призрак семейной беды стоит перед ними ежедневно.

Я вижу миллионы тех, чья ежедневная жизнь в городе или на ферме протекает в условиях, недостойных просвещенного общества еще полстолетия тому назад.

Я вижу миллионы людей, лишенных возможности получить образование, лишенных возможности отдыха и шанса на лучшую долю их детей.

Я вижу миллионы людей, лишенных возможности купить продукты ферм и заводов, лишенных плодов производительной эффективности других миллионов людей.

Я вижу, что одна треть нации имеет плохое жилье, плохо одета и голодна.

Только осознавая это, мы можем исправить это зло.»

Оплотом той Америки, которую устраивала нарисованная картина, стал Верховный суд страны — одна из трех ветвей государственной системы власти. 4 февраля 1937 года Рузвельт созвал чрезвычайное заседание кабинета министров, на

котором в мертвящей тишине зачитал выдержки из своего плана, который он через час собирался представить конгрессу. Чтобы противостоять несменяемому составу суда, президент просил дать ему право наряду с каждым судьей, достигшим семидесятилетнего возраста, назначать нового судью, увеличивая таким образом состав Верховного суда на шесть членов в дополнение к прежним девяти. Так Рузвельт хотел обойти с фланга главную опору экономической олигархии. Министр внутренних дел Икес был рад, что президент наконец решился действовать жестко. Вице-президент Гарнер молчал. Главное — молчали приглашенные избранные члены конгресса.

Стремясь капитализировать грандиозную ноябрьскую победу и расчистить дорогу для социальных реформ, президент пошел на очень большой риск, предложив нарушить соотношение конституционных ветвей власти. При этом он выдвинул свою инициативу как решение исполнительной власти, то есть принял огонь на себя. 4 марта 1937 года он собрал противников Верховного суда, блокирующего «Новый курс», в «Мэйфлауэр-отеле». Близко знавшие его ощущали напряжение в его голосе. Он самым серьезным образом предупредил свою партию, что победы будут возможны лишь при одном условии — если действовать в интересах большинства народа. Приближающийся новый кризис очень отличается от того, что сковал страну четыре года назад. Социальное напряжение усиливается, и отступать защитникам народных интересов некуда. Зал молчал, когда Рузвельт дошел до кульминации: «Необходимо мужество, чтобы служить интересам нации. Для нашей партии совет, который дает мужество, — это совет мудрости. Если мы не поведем за собой американский народ, это сделают за нас. Ненакормленная, плохо одетая и живущая в непотребных жилищах треть нации нуждается в помощи СЕЙЧАС. Нужно помочь фермерам, не знающим, какая конъюнктура их ждет на рынке в будущем году, СЕЙЧАС. Тысячам мужчин и женщин, работающих за недостаточную зарплату, нужно помочь СЕЙЧАС. Детям, которым следует сидеть в школах и которые сейчас работают на шахтах, нужно помочь СЕЙЧАС... Если мы желаем сохранить доверие тех, кто голосовал за нас, чтобы демократия восторжествовала, мы должны действовать СЕЙЧАС».

Президент выступил и с «беседой у камина» по радио. Он изложил аргументы, говорящие о его приверженности демократическим институтам. И повторил аргументацию в пользу решительного преодоления обструкции Верховного суда, лишившего конституционной силы главные мероприятия «Нового курса». Президент размышлял о причинах бед страны вслух. В апрельской «беседе у камина» он снова обвинил большой бизнес, который «контролирует деньги других людей, контролирует рабочую силу, жизни других людей». Разумеется, высшему классу это не нравилось. Дж. М. Кейнс пытался из Манчестера ослабить эту атаку, подать ее более мягко. Он писал президенту Рузвельту, что «вожаки большого бизнеса — это не ухмыляющиеся своей жертве звери». С ними нужно обращаться «как

с домашними животными, даже если они плохо воспитаны и не натренированы так, как вам бы хотелось».

Но Рузвельт уже отбросил примирительный тон. Он все более видел в большом бизнесе эгоистический остров благополучия, равнодушный к бедам общества. Как пишет У.Манчестер, «президент хотел помочь угнетенным. С точки зрения же бизнесменов, постоянное обращение к «забытому простому человеку» лишь стимулировало общественные потрясения». Так закрепилось противостояние. И благополучные неизменно видели в Рузвельте сокрушителя основ. В процветающей части Америки возник целый фольклорный пласт о правящем президенте. «Психиатр, отправившийся на небеса, немедленно следует к Богу, потому что у того мания величия. Он думает, что Он — ФДР.» Рузвельта отнюдь не радовало такое остроумие.

В критический период конца марта и начала апреля Рузвельт начал осознавать, что его революционные предложения пали на неподготовленную почву. Фермеры никак не были связаны с городскими рабочими, профсоюзы с трудом нащупывали своих союзников в обществе. Американская федерация труда отчаянно сражалась с Конгрессом производственных профсоюзов, разделяя трудящихся надвое. Фермерские организации с трудом воспринимали значимость объявления неконституционными таких рузвельтовских «детищ», как ААА. Главное — Америка среднего класса устрашилась мер, способных столь резко пошатнуть статус-кво. Это и привело Рузвельта, действовавшего с позиций фантастической электоральной победы, к весьма прискорбному для себя результату: страна фактически отказала ему в поддержке при проведении радикального социального законодательства.

Верховный суд при этом обнаружил спасительную для себя гибкость. В разгар битвы против расширения своего состава он признал конституционным Закон Вагнера — сердцевину рабочего законодательства Рузвельта. Наиболее одиозный обскурант из Верховного суда вышел в отставку. В конце концов Рузвельт отступил в ожидании лучших времен, а защитники социальных привилегий сделали важные шаги навстречу, чтобы не доводить пар в социальном котле до критической отметки.

Увидеть страну

Летом 1937 года Рузвельт выехал из Вашингтона, чтобы, как он выразился, «посмотреть, увидеть, понять» состояние страны. Его десятивагонный поезд, оснащенный роскошью тех лет — кондиционерами, отправился с вашингтонского Юнион-стейшн прямо на запад, останавливаясь в больших и малых городах, а иногда и просто на полустанках. Мимо проплыли кукурузные поля Среднего Запада, затем — огромные долины Вайоминга, Айдахо, Монтаны, Орегона, Вашингто-

на. Президент выходил на заднюю платформу и рассказывал быстро собирающимся людям, что делает его администрация, что ей удается, а что нет. Однажды он сравнил себя с Антеем: «Я восстанавливаю свои силы, встречаясь с американским народом». Пресса исправно докладовала. что энтузиазм американцев в отношении своего президента не иссякает. Она также отмечала, что Рузвельт игнорировал многих высших должностных лиц (в том числе сенаторов-демократов, не поддержавших его идею ослабить влияние Верховного суда, увеличивая его численный состав), но готов был в деталях рассказать о своих планах подошедшим фермерам.

Очевидна была и ненависть богатой Америки. Его ненавидели сильнее, чем кого-либо из «защитников униженных и угнетенных» со времен Уильяма Дженнингса Брайана. На Уолл-стрите начинали собирать специальный фонд, который хотели предложить Рузвельту, если он откажется от должности президента. Здесь внимательно следили за родственниками Рузвельта, изучали его привычки и, конечно же, в первую очередь фиксировали все его ошибки. Не счесть анекдотов или просто грязных историй о филателисте-инвалиде, крадущем марки, и т.п. Но опросы начинающей свой путь социологии свидетельствовали, что народ любит своего президента, потому что он думает о нем. Это был первый президент, о котором большинство говорило «наш президент». И Рузвельт стимулировал эту любовь. В ответ на обвинения враждебных кругов он в 1938 году сделал такое заявление национальной прессе: «а) Я не собираюсь быть диктатором. б)У меня нет качеств, которые сделали бы меня удачливым диктатором. в) Я слишком много знаю о современных диктатурах, чтобы верить в возможность создания диктаторского режима в демократических Соединенных Штатах».

Весна 38-го года была тяжелой для Рузвельта. После оглушительной победы на выборах он встретил отчаянное сопротивление двух конкурирующих ветвей власти — Верховного суда и конгресса. И все же посетители и журналисты видели не растерянного и озлобленного, а приветливого и даже очаровательного человека, мужественно воспринявшего удары судьбы, неизбежные разочарования, смертную муку отчуждения сторонников. И мы, наблюдая из глубины времени, можем только отметить, что второй срок правления был тяжел не только для Рузвельта, но и для таких, безусловно, сильных духом людей, как Томас Джефферсон, Вудро Вильсон, Теодор Рузвельт. Когда подходит к концу второй (традиционно последний) срок службы президента, окружающие начинают смотреть «сквозь» него, ища глазами следующего вождя — «трон» не будет пустым. В этот психологически сложный момент Рузвельт все же сумел сохранить свою пресловутую безмятежность.

★ ★ ★

Так или иначе, но страна постепенно оправлялась от кризиса. Журнал «Тайм» писал именно в это время: «Депрессия уходит в глубины памяти, а признаки бума

множатся по стране». Министр финансов Моргентау докладывал о растущих накоплениях министерства финансов. Но путь не был прямым, и, собственно, все 30-е годы являют собой хотя и устремившуюся вверх, но синусоиду со взлетами и падениями. Один из спадов пришелся на весну 1938 года, когда 5 миллионов человек снова потеряли свою работу, а 14 процентов населения выживали за счет государственной и общественной помощи.

Классическая экономическая теория требовала, чтобы в трудные времена правительство поддерживало низкие цены, низкую зарплату и строго сбалансированный бюджет. «Очищенная» этим суровым обращением экономика должна была привести к росту промышленности. Рузвельт нашел еще одного революционера, не согласного с «великой теорией». Известный экономист Дж. М. Кейнс из Манчестера рекомендовал увеличить государственные расходы, не заботясь о балансе государственного бюджета. 1 февраля 1938 года Кейнс писал Рузвельту: выздоровление экономики возможно только в случае широкомасштабного обращения к общественным работам и массовым правительственным расходам. Жилищное строительство является лучшим видом общественных расходов. Государству следует также обратиться к управлению железными дорогами и системой коммуникаций в целом.

Любопытно, как Кейнс делится с Рузвельтом своим мнением о бизнесменах. Они очень отличаются от политиков, «их страшит попадание в сферу публичной открытости, их достаточно легко убедить стать «патриотами», их легко сбить с толку, они легко пугаются и чрезвычайно расположены изобразить оптимизм, они не уверены в себе, патетически откликаются на доброе слово. Вы можете делать с ними все что угодно, если будете обращаться с ними (даже с самыми крупными) не как с волками и тиграми, а как с домашними животными, даже если у них дурные повадки. Если вы их загоните в ожесточенное состояние, они будут отвечать как обиженные домашние животные».

Совет Кейнса думать об экономике, а не о деньгах, полностью совпадал с решимостью Рузвельта помочь «обездоленной трети населения». В День Джексона он предложил «огромному большинству нашего населения вооружиться духом Джефферсона, Джексона и Линкольна с тем, чтобы отнять власть и привилегии у незначительного меньшинства... Мы знаем, что существует горстка бизнесменов, банкиров и предпринимателей, которые будут сражаться до последнего, чтобы сохранить свой контроль над индустрией и финансами страны. В этой борьбе мы не пойдем на компромисс со злом». В середине апреля 1938 года он предложил конгрессу выделить дополнительные 3 миллиарда долларов на программу общественных работ.

«Беседуя у камина» с нацией на эту тему, президент Рузвельт сказал, что просит конгресс о дополнительных средствах на строительство домов, создание дамб от наводнений, на полезные всему обществу дела. Этими средствами должен был распоряжаться Временный национальный экономический комитет. Сработал ли фак-

тор активности государства? Как бы там ни было, но факт остается фактом: кривая роста снова пошла вверх и индекс Доу-Джонса, отражающий деловую активность, вырос за восемь месяцев с 99 пунктов до 158.

Дело не всегда заканчивалось мирно. Противники Рузвельта далеко не всегда с уважением относились к избирательному вердикту нации. Можно было встретить армейских офицеров, отказывающихся поднять тост за своего главнокомандующего. «Еще один Сталин — только значительно хуже.» «Мы словно живем в Советской России.» Бостонский хозяин книжного магазина заявил, что будет продавать сборники речей президента, «только если они будут завернуты в его кожу». В высших экономических сферах о нем говорили как о человеке, разрушающем американский образ жизни. Его улыбка — результат пластической операции. Он не заработал честным трудом в этой жизни ни единого цента. И вообще, он просто нью-йоркский еврей и живет на деньги матери. В журнале «Нью рипаблик» М. Чайлдс писал, что «историки будущего с недоумением воззрятся на эту фанатическую ненависть к президенту, которой сегодня (сентябрь 1938 года.— *А.У.*) охвачены мужчины и женщины правящего класса Америки. Никакое слово, кроме понятия «ненависть» в данном случае не подходит. Эта страсть, это бешенство, доводящее до лишения разума, проникающее в верхнюю сферу американского общества. Эта ненависть стала для них idee fixe».

Несколько непонятно было то, что ненависть исходила от лиц, чьи доходы были восстановлены и чьи банки снова заработали после марта 1934 года. Дивиденды корпораций увеличились за этот период на 40 процентов, стоимость акций увеличилась многократно. Налоги не были драконовскими (получавший 16 тысяч долларов в год платил 1000 долларов). И тем не менее это богатое меньшинство (по оценке Чайлдса, 2 процента) рассматривало правительство Рузвельта едва ли не как оккупационное, а президента неизменно именовало Розенфельдом и периодически публично возвещало, что Гитлер был бы лучше.

На одной из пресс-конференций Рузвельт спокойно раздал присутствующим журналистам «конфиденциальное сообщение» Национальной службы печати о том, что президент болен сифилисом. (Один из ненавистников Рузвельта покончил с собой, не вынеся его избрания на четвертый срок. Приятель самоубийцы после апреля 1945 года выкопал гроб с его останками, поскольку «теперь людям с достатком и достоинством снова можно дышать свободно».) По мнению Ф.Л. Аллена, эта ненависть «поднималась все выше и выше на протяжении 1934 и 1935 годов и держалась на постоянно высокой температуре до 1938 года, затем она несколько ослабла, вероятно, из-за утомления ненавидящих».

Чайлдс пишет, что Рузвельт не реагировал. С этим трудно согласиться. Скажем, Норману Дэвису он сказал, что, после того как спас капитализм, не намерен спокойно выслушивать оскорбления его вождей. Р.Моли вспоминает, как напрягались мускулы лица президента, когда он слышал злобные инсинуации. И отве-

чал ударом на удар. В 1937 году был подписан Акт о справедливых рабочих стандартах: минимум оплаты за час работы — 40 центов; максимальная рабочая неделя — 40 часов; запрет на труд детей моложе 16 лет. Предпринимателям для реализации этих стандартов был отведен срок в восемь лет. Рузвельт пригласил в Белый дом главу профсоюзного объединения «Конгресс производственных профсоюзов» Льюиса и согласных с его мировидением парламентариев и вообще не жалел сил для поддержки прогрессивных законодателей. Демократическую партию он рассматривал в качестве инструмента либерализма, и для него приемлем был любой партнер, если тому претили консервативные воззрения.

В 1938 году Рузвельт решил избавиться от консервативного крыла своей партии. Жарким июньским вечером он выступил с очередной «беседой у камина», посвященной на этот раз тем, кто словесно социально радикален, а в реальной жизни дружит с толстосумами. «Никогда у нас не было так много змеиных голов-медянок.» Среди политиков, номинально принадлежащих к одной партии, есть либералы, видящие, что новые условия требуют новых социальных приемов, включая активные действия правительства, и консерваторы, которые верят только в индивидуальную инициативу и филантропию. «Как президент Соединенных Штатов я не прошу избирателей голосовать за демократов, или республиканцев, или членов другой партии. Равным образом я не принимаю участия в предстоящих первичных выборах. Но как глава демократической партии, облеченный ответственностью за определенно либеральную декларацию принципов, выдвинутую в демократической платформе 1936 года, я полагаю, что имею право высказываться по поводу того, что есть демократические кандидаты, исповедующие эти принципы, и те, кто просто использует мое имя.» Битва в своей партии была тяжелым испытанием для Рузвельта. Он снова исколесил страну, на этот раз открыто помогая своим сторонникам и борясь с теми, кого считал предателем дела социального реформирования. Рузвельт призвал партию под знамена Джефферсона и Джексона, призвал сохранить ее реформаторский характер.

Рузвельт провел пересмотр своего кабинета. Вместо относительно консервативного Ропера на пост министра торговли был назначен Гарри Гопкинс, вместо Каммингса министром юстиции стал Мэрфи. В Верховный суд был назначен многолетний сподвижник Феликс Франкфуртер. Теперь и в кабинете и в Верховном суде сторонники «Нового курса» укрепили свои позиции.

Промежуточные выборы 1938 года Рузвельт постарался использовать для консолидации всех либеральных сил. Изменив прежним привычкам (президент не вмешивается в дела на местном уровне), он отчаянно колесил по штатам, помогая своим политическим союзникам. Возможно, это была самая неудачная предвыборная кампания, в которой ФДР принимал участие. Вчерашние триумфаторы-демократы раскололись, а республиканцы получили нечаянный шанс.

Но именно в это время Рузвельт начинает отворачиваться от местных дрязг. В Европе и Азии разворачивались события феноменального значения. Стало буквально оправдываться предсказание цитированного выше Чайлдса: «Одно явление, лишь одно оно могло осуществить сдвиг в отношении ненавидящих друг друга классов, и речь идет, конечно же, о войне... Никоим образом не является случайностью то, что те же лица, которые резко выступали против Рузвельта на внутренней арене, с одобрением следили за его внешней политикой».

Глава пятая
ВНЕШНИЙ МИР

Мир, мой друг, это работа.
Франклин Рузвельт, 1945

Благодаря бурной деятельности президента Рузвельта фокус национального внимания переместился внутрь страны. Для многих американцев внешний мир как бы перестал существовать. Но в реальности, разумеется, все было наоборот: внешний мир приближался к Америке, оказывая все более ощутимое влияние на страну, которую авиация и современный флот, надводный и подводный, впервые в истории сделали уязвимой.

Мир, в котором Франклин Рузвельт начал с 4 марта 1933 года представлять США, быстро менялся. Европа еще оставалась средоточием главной военной и промышленной мощи, но между ее составными частями все более назревал конфликт. Основная угроза европейскому миру с января 1933 года стала исходить от Германии, которую возглавил канцлер Гитлер. Соседи Германии справедливо опасались роста ее могущества. К Рузвельту уже весной 1933 года поступила информация, что Германия, превратившаяся из Веймарской республики в Третий рейх, проявляет намерения встать на путь перевооружения. Закулисные сведения были подтверждены 16 мая 1933 года самим Гитлером, который поставил эту цель перед рейхстагом.

Франция, полная самых мрачных предчувствий, желала иметь гарантии своей безопасности. Как минимум она хотела причастности Британии. Англичане, занятые укреплением внутриимперских связей, видели мир иначе: они требовали общего европейского разоружения (по крайней мере ограничений на те виды вооружений, которые они называли наступательными).

Что думали высокомерные фашистские вожди об Америке? С точки зрения расовой теории Америка была обреченным обществом. Дуче Муссолини: «Я могу суммировать представление о Соединенных Штатах в двух словах: запрет на алкоголь и Линдберг. Страна гангстеров и вымогателей». На вопрос, каково его мнение об американской внешней политике, Муссолини ответил: «У Америки нет внешней политики». А Гитлер считал, что заокеанская республика держится лишь на инженерах немецкого происхождения.

При всей любви дуче к парадоксам в данном случае он был недалек от истины. Большой мировой политики у США действительно не было. Заметим, что в первом инаугурационном послании Рузвельта не было ни слова о событиях за рубе-

жом. Рузвельт не поддержал идеи вступления США в Лигу Наций, где главенствовали Франция и Англия. Более того, в 1933 году США нанесли решающий удар по идее созыва Международной валютной конференции. Американцы откровенно поворачивались к внутренним делам, манкируя внешними. Лишь несколькими годами позже Рузвельт смог себе позволить коренным образом изменить это положение. К тому времени Германия перевооружилась, Япония решительно встала на путь агрессии, Испания оказалась в огне гражданской войны.

Изоляционизм

Начать в полном смысле слова новую главу в американской дипломатической истории Рузвельту мешала не только далекая от успеха деятельность предшествующей республиканской администрации, но и все нелегкое наследие прежних лет. Спор о военных долгах казался ему абсурдом на фоне возможных по-настоящему крупных инициатив США на мировой арене. Документы говорят, что уже в начале 1933 года Ф. Рузвельт ищет «гибкий» подход к проблеме долгов. Он тайно встречается в Нью-Йорке с французским послом Л. Клоделем и разрабатывает схему выплаты, подобную той, которая имела место после войны США за независимость — выплачивать основную сумму без процентов. Проблема долгов казалась Рузвельту болотом, которое нужно скорее обогнуть, чтобы выйти к магистрали конструктивной политики.

В первые же месяцы пребывания у власти Рузвельт формирует процедуру выработки внешнеполитического курса, которой будет верен до конца. Чтобы гарантировать свой приоритет в решении международных проблем при выработке внешнеполитического курса, Рузвельт назначает в феврале 1933 года государственным секретарем Корделла Хэлла, который преодолел всю лестницу внутриамериканских выборных должностей, но вне ее чувствовал себя неуютно. Он родился в бревенчатой хижине первых поселенцев среди Камберлендских гор и как «горец» отличался особой уверенностью в себе, готовностью вспыхнуть в споре. На окружающих он производил приятное впечатление внешней благообразностью, мягкостью и обходительностью, манерами южного джентльмена старой школы. Хэлл, представляя штат Теннесси в палате представителей и в сенате с 1907 года, имел немалые связи на Капитолийском холме. Он был многословен и считал политику ареной постепенного достижения компромисса. Его интересы концентрировались в области тарифной политики. По мнению Хэлла, повсеместный подъем тарифов отрицательно сказывается на возможностях расширения влияния, соответствующего экономическому потенциалу США. Протекционистские тарифы были для него «источниками всех зол», главными причинами конфликтов и войн. Стратегической целью Хэлла было добиться поворота от повсеместного протекционистского ажиотажа к ликвидации препятствий мировой торговле.

Рузвельт осознавал свое преимущество: это было превосходство янки северо-востока, знакомого с внешним миром с младых ногтей, над конгрессменом из далекого Теннесси. Хэлл импонировал ему верой в конечное торжество американской экономики как основной экономики мира. Сыграло роль и то обстоятельство, что главный пост в правительстве традиционно отдавался лояльному к демократам южанину, что укрепляло позиции ФДР в партии и стране. Но Хэлл не был доверенным лицом президента и не входил в его внутренний круг. Он фактически отдал руль управления американской дипломатией президенту, скорее решая практические задачи, чем осуществляя грандиозные замыслы. После одной из встреч с ним Г. Стимсон записал в дневнике: «Это такой пессимист... Сегодня он был в своей худшей форме. "Все идет к черту" было выражением, которое он постоянно повторял».

Первым из заместителей Хэлла Рузвельт назначил Уильяма Филипса, своего бостонского друга, с которым они были близки еще со времен общей службы у Вильсона, когда Филипс, будучи профессиональным дипломатом, осуществлял курс Вильсона в Англии и Китае. Этим был создан контрбаланс Хэллу. Позже роль такого контрбаланса и «своего человека» в госдепе еще более откровенно играл Самнер Уэллес. И все же над государственным департаментом следовало установить еще более строгий контроль. Верный Р. Моли был назначен помощником государственного секретаря по особым поручениям; самые насущные вопросы внешней политики так или иначе через Моли поступали к Рузвельту. Правилом стало: полная спонтанность в обсуждениях, никакой спонтанности в решениях.

Рузвельт привлек в сферу внешней политики людей из разных слоев общества. Его внешнеполитические поручения выполняли наряду с профессиональными дипломатами представители академических кругов, военные, богатые доноры предвыборных кампаний, журналисты и попросту старые друзья. Но при внимательном знакомстве становится ясной причина выбора того или иного участника большой дипломатической игры.

Как верно отмечает американский историк Р. Даллек, в каждом назначении видны черты рузвельтовского замысла. Либеральный историк У. Додд в Берлине должен был символизировать неприятие Америкой нацистской политики. Послав независимых по характеру, склонных к спонтанности У. Буллита и Дж. Дэвиса в СССР, он надеялся прервать негативную преемственность, улучшить общий характер американо-советских отношений. Позже представитель большого бизнеса А. Гарриман и бывший адмирал Дж. Стендли в Москве явно не играли роли дипломатов, заведомо стремящихся нравиться, они были проводниками осторожного курса.

Послы Н. Джонсон в Китае и Дж. Грю в Японии, напротив, символизировали преемственность политики Рузвельта политике президента Гувера на Даль-

нем Востоке. Рузвельт надеялся, что жесткий и своенравный Джозеф Кеннеди восстанет в Лондоне против благодушия Н. Чемберлена и его политики примирения с Германией. Когда этого не случилось, Рузвельт заменил его далеким от философии английских тори либеральным экс-губернатором Нью-Хемпшира Дж. Вайнантом.

Всегда веря в личную дипломатию и желая начать движение по пути глобального восхождения страны, Рузвельт полагался на свой опыт и искусство импровизации. Для него, как и для его идейного предшественника Вудро Вильсона, путь к мировому возвышению пролегал уже в самом своем начале через укрепление связей с Англией. Метрополия крупнейшей в мире колониальной империи явно распыляла силы. Одновременно укреплять позиции в Африке, Индии, на границе Индийского и Тихого океанов, в Австралии и Египте Лондон уже не мог. Pax Britannica отживала свой век уже в силу падения индустриального могущества метрополии, роста национально-освободительной борьбы колоний, укрепления доминионов, ожесточения соперников. Помочь Британии и одновременно начать процесс ее замещения на всех континентах — вот дорога, которой пошел Ф. Рузвельт еще тогда, когда разворачивалась предвыборная президентская баталия. Летом 1932 года он демонстративно заявил в интервью английскому журналисту, что, если Британия и Соединенные Штаты смогут достичь «полной идентичности своих политических и экономических интересов, они завладеют полным руководством в мире». За месяц до выборов он проинформировал английского премьер-министра Рамсея Макдональда, что готов встретиться с ним в период между избранием и принятием присяги.

Отклика со стороны Европы не последовало. Там, во-первых, усмотрели в предложениях Рузвельта экстравагантность политика, пытающегося отвлечь внимание с внутренней арены. А во-вторых, Лондон стремился сохранить империю, реформируя Британское содружество наций, окружая его стеной тарифных преференций, а не с помощью союза с мощным партнером. Создавшееся ложное положение не обескуражило президента. Мы уже говорили, что у Рузвельта никогда не было комплекса неполноценности в отношении европейских политиков.

Следует учесть, что из-за кризиса возможности страны сокращались. В первые годы пребывания Рузвельта у власти военная система США продолжала ослабевать. У Генри Форда было больше рабочих, чем солдат в вооруженных силах США. Когда Рузвельт посетил в 1934 году остров Оаху и военные власти решили показать ему учения, им пришлось создать «потемкинскую деревню» из нарисованных танков. Климат в стране не благоприятствовал акциям за ее пределами. Именно в этом и состояла главная сложность для Рузвельта как руководителя американской дипломатии. Лелея глобальные замыслы, внутренне он оставался верен вильсоновскому стремлению к утверждению Америки как мировой державы. Правящий класс США отвергал такую политику. Даже ветераны войны собрали 25 мил-

лионов подписей под петицией с требованием расширить изоляционистское законодательство. Полмиллиона студентов заявили, что в случае объявления конгрессом войны они откажутся служить.

Фактически весь период с 1933 года, года первой инаугурации, и до 1941 года, когда японцы своим нападением на Пирл-Харбор не оставили Америке альтернативы, был периодом борьбы Рузвельта против большинства в правящем классе. Это большинство считало, что для Америки опасно выходить с новыми попытками самоутверждения, что в результате США будут, как и во время Парижской мирной конференции, отброшены назад, что новые Клемансо и Ллойд Джорджи, объединившись против Америки, снова поставят ее на место. Синица в руке («доктрина Монро») была привлекательнее журавля в небе. Американский конгресс, контролируемый изоляционистами, был одним из двух основных препятствий на пути глобализации американской политики. Вторым препятствием являлась Европа, создавшая своего рода единый фронт против президента Вильсона в 1918—1919 годах, а в 30-е годы с подозрением относившаяся к американским попыткам перевести экономическое могущество в политическое. Именно здесь уже на раннем этапе (осень 1933 года) президент Рузвельт увидел, что, несмотря на взаимное ожесточение и явный раскол, и Германия, и ее противники с неудовольствием относятся к любым попыткам вторжения извне в европейские дела.

В течение первых восьми лет президентства Рузвельт, по существу, лишь готовился проводить в жизнь свои глобальные внешнеполитические намерения. И когда мы оглядываемся на 30-е годы, на внешнюю политику Соединенных Штатов периода господства в ней изоляционистов, мы видим подспудную, но постоянную и энергичную борьбу президента за изменение изоляционистского климата в стране.

Верные помощники Рузвельта во внутренних преобразованиях — сенаторы У. Бора из Айдахо, Б. Каттинг из Нью-Мексико, Л. Фрейзиер и Дж. Най из Северной Дакоты, Х. Джонсон из Калифорнии и Р. Лафолет из Висконсина — были категорическими противниками энергичной мировой дипломатии. Они боялись вторжения на международную арену, их страшило противодействие мощных европейских держав, они опасались резких внутренних потрясений в США вследствие милитаризации страны. Оппозиция этой группы влиятельных сенаторов надолго блокировала планы президента, уверенного в международном потенциале Америки. Грандиозный экономический кризис, пошатнувший социальные основы США, требовал в эти годы всей энергии президента. Рузвельт был занят прежде всего реализацией своего «Нового курса», откладывая активные действия за рубежом на более отдаленную историческую перспективу. В 1933—1938 годах Рузвельт не видел реальной возможности вторгнуться в европейскую политику. В самом деле, могла ли Америка с армией в 140 тысяч человек (в год вступления Рузвельта в должность) угрожать, быть арбитром, влиять на паритет в военной сфере? Гигант, потрясенный

величайшим из кризисов, прилагал усилия в сфере экономической стабилизации, пытался сгладить внутренние социальные противоречия.

Более того, стремясь увеличить расходы на внутренние программы, Рузвельт вынужден был еще сильнее сократить военный бюджет и перенаправить деньги в экономику. На этом пути он столкнулся с начальником штаба армии генералом Макартуром. Это был серьезный оппонент. В Белом доме Макартур без обиняков сказал: «Когда мы потерпим поражение в следующей войне и американский парень будет лежать в грязи с вражеским штыком в животе и вражеским сапогом на горле, я хочу, чтобы в своем проклятии он назвал имя не Макартура, а Рузвельта». Президент побледнел: «Вы не должны так разговаривать с президентом!» Макартур почел за благо извиниться и предложить свою отставку. Рузвельт быстро пришел в себя: «Не валяйте дурака, Дуглас».

Кризис в Европе и Азии

В июле 1933 года посол США во Франции У. Буллит сообщил президенту, что французы считают войну в Европе неизбежной, а посол США в Италии Б. Лонг напомнил президенту о главном желании французов — иметь гарантии того, что США придут на помощь Франции в случае германского нападения. Рузвельт воспринял угрозу агрессии серьезно. В то же время своеобразный «остракизм» Америки со стороны европейцев раздражал его. После встречи в мае 1933 года с президентом Германского банка Ялмаром Шахтом президент сказал Г. Моргентау, что европейские политики — «банда ублюдков» и что он видит «весьма большую возможность» войны с Германией.

Когда в октябре 1933 года Германия покинула Лигу Наций, США не могли выразить свое отношение к этому шагу, не могли осудить первый демонстративный жест нацистской Германии, так как не являлись членом Лиги. Государственный секретарь К. Хэлл телеграфировал американскому наблюдателю в Лиге Наций Н. Дэвису, что в США «широкое возмущение гитлеровским правительством совмещается с единодушным мнением, что мы не должны позволить вовлечь себя в европейское политическое развитие». Эти слова можно определить как главную черту американской внешней политики первого пятилетия пребывания Рузвельта у власти. Провал женевских переговоров о разоружении в 1933 году совершенно лишил президента шансов на получение одобрения сената даже в таких во многом ритуальных вопросах, как вступление в Международный суд. Наступила многолетняя пауза.

В период, когда возможности для активного вмешательства в заокеанские дела были ограничены, Рузвельт сделал центром своих усилий создание «рычагов» военного воздействия на агрессоров в отдаленных регионах. Такими рычагами становились авианосцы, объединявшие морскую мощь прежних времен

с ударной силой XX века — авиацией. Рузвельт хотел сделать радиус их действия максимальным. В записке, адресованиой сыну Джеймсу, Ф. Рузвельт отметил, что оборона двух океанских побережий США должна пролегать вдоль линии, отстоящей на «три или четыре тысячи миль» от побережья в море. Уже в середине 30-х годов Рузвельт обсуждал с ближайшим окружением схему, которая все более закреплялась в его сознании: Соединенным Штатам следует иметь силы, которые «передвинули» бы линию обороны страны за океаны. Британские острова надо использовать как бастион Америки, как передовую базу распространения американского влияния. Континентальные дружественные страны должны служить буфером между США и германо-японцами. Задача расширения зоны американского влияния стала совпадать с задачей блокирования агрессоров Европы и Азии. Этот момент не нужно упускать. На самой ранней стадии второй (после Вудро Вильсона) попытки США выйти в мировые лидеры американское руководство совмещало «праведные и неправедные мотивы»: оборону против потенциальных агрессоров и распространение своего мирового влияния. Лишь учитывая оба эти момента, мы можем понять историю 40-х годов, их первой и второй половины.

★ ★ ★

Франклин Рузвельт очень любил глобусы и карты. Его память и умозрительные представления в этом отношении были удивительны. В середине 30-х годов он все чаще начинает задумываться над картами Европы и Северной Африки. Подлинным буфером в борьбе за Европу Рузвельт считал Испанию — испанские Пиренеи виделись ему естественным препятствием на пути державы, которая задумала бы захват Европы. Англия и Испания — вот две ключевые страны, получить влияние на которые Рузвельт считал необходимым в борьбе за Европу. Стратегическим предпольем в этой борьбе для США должна была стать, по мнению президента, Африка.

Рузвельт рассчитывал, что Англия, потерявшая преобладание на морях, теряющая влияние на европейском континенте и рассредоточившая свои силы в защите империи, поневоле так или иначе выступит естественным союзником Америки. В известном смысле США будут наследовать — спустя столетие — Англии в ее стремлении к мировому доминированию. Второй из предполагаемых бастионов в Европе — Испания — был далеко не расположен войти в американскую зону влияния. Подготовить ее к такой роли следовало посредством целенаправленной политики. Трудности представляло не наследие 1898 года, полагал Рузвельт, а текущая политическая эволюция Испании. Как помочь утвердиться в Мадриде дружественным силам? В ходе гражданской войны (1936—1939) Рузвельт все больше приходил к выводу, что победа любой из воюющих сторон не сулит увеличения американского влияния на Пиренейском полуострове.

Президент хотел укрепить дипломатические позиции Америки, усилив ее военный потенциал. «Неодолимых» пацифистов он убеждал тем, что военно-морское строительство повлияет на занятость в стране, предоставив работу квалифицированным рабочим 125 профессий из всех уголков страны. Но главное, писал Рузвельт, это строительство «поставит нас вровень с военно-морским флотом Японии, которому наш военно-морской флот, возможно, уступает».

★ ★ ★

Главной дипломатической ареной действий Ф. Рузвельта в 30-е годы стала не Европа, а Азия. Формируя свою политику на Дальнем Востоке, президент полагался на посла США в Японии Дж. Грю, с которым учился вместе в Гротоне. Грю вначале относилсяся к президенту несколько скептически, хотя и признавал, что у того «все же есть воспитание». Но уже через год Рузвельт получил высшие оценки однокашника: «У нас никогда не было президента, который выказывал бы такой непосредственный интерес к дипломатической службе».

Еще не приняв присяги, Рузвельт должен был думать о том, какую позицию занять в отношении Японии, вставшей в 1931 году на путь открытой агрессии в Азии. Дж. Грю сообщал 23 февраля 1933 года, что «большая часть общества и армия под влиянием пропаганды пришли к выводу о неизбежности войны Японии с Соединенными Штатами, либо Японии с Россией, либо с обеими странами сразу». В марте 1933 года Япония вышла из Лиги Наций и фактически сняла с себя ограничения Вашингтонского договора 1922 года. Посол передавал в высшие американские дипломатические инстанции сведения о высокой эффективности японской армии и флота, об их самоуверенности. Дж. Грю писал в мае 1933 года: «Япония, возможно, обладает наиболее совершенной, сбалансированной, скоординированной и поэтому наиболее могущественной военной машиной в современном мире... В то же время японские вооруженные силы рассматривают Соединенные Штаты в качестве своего потенциального противника». В те дни, когда Рузвельт писал свою инаугурационную речь, Квантунская армия направила удар из Маньчжурии на запад и за две недели захватила значительную часть Северного Китая вплоть до Великой китайской стены.

Под воздействием обеспокоенных политических кругов в американском сенате был принят законопроект о предоставлении президенту права введения эмбарго на поставки вооружения воюющим сторонам. Но Рузвельт предпочел не воспользоваться данным ему правом. В мае 1933 года представитель госдепартамента, выступая перед сенатской комиссией по иностранным делам, заявил, что администрация не намерена предпринимать сокращения поставок оружия Японии, если это может привести к японской блокаде китайского побережья.

Следовало иметь в виду экономический фактор. Несмотря на порицание японской агрессии, США являлись главным поставщиком дефицитных материа-

лов и стратегического сырья для японской военной промышленности, переживавшей бум с началом агрессии в Китае. Несмотря на острое соперничество представители военно-морского флота США полагали, что «не только позволительно, но и желательно продавать военное снаряжение Японии».

К тому же американский акт об эмбарго на поставки вооружений содержал вопиющую несправедливость: правительство могло вводить эмбарго лишь в отношении обеих воюющих сторон. Таким образом, агрессор и его жертва ставились в одинаковое положение, а помощь нужна была прежде всего необеспеченному Китаю.

Глава дальневосточного отдела госдепартамента С. Хорнбек направил государственному секретарю в мае 1933 года серию меморандумов, главной идеей которых было предложение дать японской военной агрессии возможность перенапрячься, «исчерпать себя». Хорнбек предлагал предоставить Японии полную свободу действий также с тем, чтобы «отчетливо знать ее намерения». Это был пик политики попустительства. На страницах влиятельнейшего американского журнала «Форин афферс» японский премьер-министр Вакацуки доказывал, что материковая экспансия — историческая судьба Японии. Он «не видел» причин для американской обеспокоенности и противодействия естественному процессу «сближения» Японии и Маньчжурии, представляющему для Японии вопрос жизни и смерти. Но чаще всего в эти годы японцы использовали аргумент о «доктрине Монро» для Азии, по аналогии с практикой американцев в Западном полушарии. «Мир будет поделен,— писал один из влиятельных японских идеологов,— на три зоны влияния: американскую, европейскую и азиатскую доктрины Монро».

Такой передел мира не устраивал Рузвельта. Он отреагировал на японскую экспансию действиями в двух направлениях. Во-первых, увеличил Тихоокеанский флот США. В июне 1933 года президент запросил 238 миллионов долларов для строительства 32 кораблей водоизмещением 120 тысяч тонн. Это была самая большая программа военно-морского строительства с 1916 года. В начале 1934 года согласно закону Винсена—Трамбела США вышли за пределы тоннажа, обусловленного Вашингтонской конференцией 1922 года и Лондонским морским договором 1930 года.

Признание России

Рузвельт встал на путь сближения с СССР как потенциальным союзником в нейтрализации японской агрессии (и возникающей нацистской угрозы в Европе). Действия по нормализации отношений с СССР стали важнейшей дипломатической акцией первых лет пребывания Рузвельта в Белом доме. В отличие от своих республиканских предшественников, Рузвельт решил покончить с несуразицей американской политики последних десятилетий и признать Советский Союз.

Впрочем, он действовал осторожно. Втайне от общественности Рузвельт обратился с просьбой к сенатору Свенсону, члену комиссии по иностранным делам, начать дискуссию о смысле непризнания крупнейшей мировой державы: США многое теряют, не имея контактов с СССР, а могли бы немало приобрести, имея такие контакты. Реакция на дискуссию позволяла судить, как воспринимал проблему бизнес, средства массовой информации, правительственные чиновники, интеллигенция и прочие группы населения. Лишь к апрелю 1933 года стало ясно, что значительная часть правящей элиты склоняется в пользу признания. Об этом говорил опрос 329 известных американцев, меморандум восточноевропейского отдела госдепартамента, обзор редакционных статей крупнейших газет, массовая (673 тысячи подписей) петиция избирателей штата Массачусетс.

Рузвельт всегда ценил информацию из первых рук. По просьбе президента его друг Ф. Франкфуртер, знаменитость из Гарвардской юридической школы, наладил контакт с советскими представителями в США. Президент затребовал информацию от аккредитованных при Белом доме журналистов. В Белый дом без излишней огласки прибыл полковник Х. Купер, получивший высшие советские ордена за участие в строительстве Днепрогэса.

Какие цели преследовал президент Рузвельт, встав на путь признания СССР? С одной стороны, он хотел открыть рынок этой страны для американской промышленности — бизнес оказывал определенное давление в этом направлении. С другой стороны (и это для международных позиций США было более важно), он желал получить союзника в условиях резко ухудшавшихся отношений с Японией. Но эту линию своей политики американцы проводили тайно. Советский Союз также стремился к дипломатическому сближению с США в свете прямой угрозы, возникшей с агрессией Японии в Азии, начатой в 1931 году. «Дважды в течение двух лет, в 1934 и 1937 году, американские официальные лица отвергали советские предложения о выработке совместной политики в отношении Японии н нацистской Германии»,— пишет американский исследователь.

Ключевой фигурой в процессе улучшения отношений с СССР с американской стороны стал руководитель Организации фермерского кредита, а затем министр финансов Г. Моргентау. Рузвельт впервые встретился с ним в 1915 году, когда стремился укрепить свое влияние в демократической партии Нью-Йорка. Моргентау был высокий, тяжеловесный, неуклюжий человек, выходец из богатой еврейской семьи, эмигрировавшей из Германии. Его семья уже пробилась в истэблишмент. Отец Генри Моргентау служил при президенте Вильсоне послом США в Турции. Моргентау были соседями Рузвельта в долине Гудзона и оказывали ему политическую поддержку с самого начала.

Именно Г. Моргентау и У. Буллиту, знакомым с его намерениями, Рузвельт в октябре 1933 года поручил войти в контакт с представлявшим интересы СССР в США Б. Сквирским. Моргентау пригласил Сквирского в свой офис и, согласс-

но указаниям президента, объявил, что через пять минут явится Буллит из государственного департамента и покажет ему неподписанный текст. «Лицо Сквирского осветилось широкой улыбкой. Буллит появился на той стадии, которую обозначил ему президент, он сел и сказал Сквирскому: "В моей руке неподписанный документ. Его можно превратить в приглашение вашей стране послать сюда представителей, чтобы обсудить отношения между нашими странами. Мы хотели бы, чтобы вы телеграфировали содержание этого документа вашим самым секретным шифром, и хотели бы узнать, приемлемо ли его содержание для ваших людей... Если оно будет приемлемо, президент подпишет этот документ. Если его содержание будет неприемлемо, вы дадите мне слово чести, что этот документ никогда не станет достоянием гласности».

Рузвельт внимательно следил за настроением прессы. Государственный департамент сделал обзор 300 газет за месяц. Сделала обзор 1139 газет общественная организация Американский фонд и, по ее данным, 63 процента из них выступали за дипломатическое признание СССР. Против признания в правительстве выступали государственный секретарь К. Хэлл и министр почт Дж. Ферли — их взгляды частично отражали отношение оппозиционно настроенных религиозных организаций.

Переговоры между народным комиссаром иностранных дел М. Литвиновым и американскими руководителями проходили в период между 8 и 16 ноября 1933 года. Решающей была встреча народного комиссара с президентом 10 ноября 1933 года. Утром состоялась часовая встреча, вечером два политика беседовали три часа, договорившись называть друг друга по имени. Обсуждались вопросы религиозной свободы, долгов и многое другое. Главное же было то, как СССР и США рассматривали свои позиции в свете возникновения в мире мощных сил, готовых к жестким решениям. Договоренность о восстановлении дипломатических отношений была обнародована 17 ноября 1933 года.

В США, да и в Европе дипломатическое признание СССР было воспринято как результат внутренних американских процессов: демократы отвергли абсурдную республиканскую позицию непризнания, либералы выступили за право России на социальный эксперимент, бизнесмены хотели получить новые рынки. Все эти соображения имели определенную значимость. Но мало кто тогда видел геополитическое значение взятого Рузвельтом курса. А президент полагал, что, как и в 1914 году, Германию будет невозможно удержать, если с Востока против нее не выступит Россия, а с Запада — Америка. Удивительно то, что даже лица, хорошо знавшие о неприятии Рузвельтом нацизма, не усмотрели стратегической значимости принятого им в ноябре 1933 года решения.

Первый посол США в СССР У. Буллит — необычная фигура в среде дипломатов, рекрутированных Рузвельтом. Это был человек крайностей, довольно легко меняющий взгляды, амбициозный и подозрительный. В феврале—марте 1919 го-

да он вел переговоры с Лениным и полагал, что выработал основу новых взаимоотношений двух стран, но его выводы были отвергнуты президентом Вильсоном, что и послужило причиной ухода Буллита с дипломатического поприща. Рузвельт дал ему второй шанс проявить себя в дипломатии на «русском фронте». Первые послания Буллита из Москвы в 1933—1934 годах говорят о советских руководителях «как об «интеллигентных, софистичных, энергичных» людях, которых нельзя «убедить терять свое время с обычным дипломатом». Их восхищают только те, «кто демонстрирует первоклассный ум и широкий масштаб как личность. К примеру, они восхищаются молодым Кеннаном, прибывшим со мной». Сталин дал Буллиту гарантии безусловной доступности: «Дайте мне знать, и мы тотчас же встретимся». К слову сказать, Сталин произвел на Буллита впечатление «выносливого цыгана с прошлым и эмоциями, недоступными моему пониманию». Думается, что определенное сближение и взаимопонимание длились до тех пор, пока Рузвельт ощущал необходимость в СССР как противовесе Японии на Дальнем Востоке. В середине 30-х годов Вашингтон пришел к выводу, что с Японией он найдет модус вивенди в двусторонних контактах. Это ослабило притягательность активной американской политики на советском направлении.

Склонность Буллита к крутым поворотам проявилась и в данном случае. Он не принимал охлаждение собственного правительства как причину ухудшения климата в двусторонних отношениях. В то же время чрезвычайно преувеличивал значимость таких акций, как приглашение на VII конгресс Коминтерна делегации американской компартии «без согласования с ним». Теперь, спустя всего год после очевидного улучшения отношений, он требовал их разрыва. В середине 1936 года он принял предложение Рузвельта быть послом США во Франции. С этих пор он стал энергичным противником улучшения советско-американских отношений: «Проблема контактов с правительством Советского Союза является частью проблемы отношения к коммунизму как воинственной вере, направленной на мировую революцию и "ликвидацию" (то есть убийство) всех в нее не верующих». Буллит склонялся к мысли, что задачей США в Европе должно быть «поощрение примирения между Францией и Германией». Буллит еще появится в этой истории, и, пожалуй, самым важным периодом его воздействия на Рузвельта будут 1943—1944 годы, когда Рузвельт размышлял о будущем мировом порядке и «роли в нем советско-американских отношений».

Рузвельт заменил Буллита в Москве человеком, который поддерживал его в политической жизни США со времен первой мировой войны,— богатым висконсинским адвокатом Джозефом Дэвисом, немало послужившим на федеральных постах. Он прибыл в СССР в начале 1937 года. Дэвиса довольно часто рисуют воплощением уникальной наивности — как человека, поверившего в аутентичность московских процессов 1936—1937 годов. Меньше обращается внимание на то, что анализ процессов не был его главной задачей. Рузвельт послал его с другой целью, более

прагматической — «не сводить все дело к передаче в Вашингтон аккуратной информации, а завоевать доверие Сталина». Дэвис не видел особой опасности в Коминтерне. Он полагал, что, переходя к строительству социализма в одной стране, Сталин не будет представлять никакой угрозы Америке. Он определенно не завоевал симпатию штата американского посольства в Москве, настроенного на идеологическую борьбу, но имел доверие президента, что в данном случае было наиболее существенным. Да, он предпочитал не совещаться с аналитиками в закрытых кабинетах, а давать пространные интервью в газетах, благожелательно освещая политику советского руководства и становясь персоной грата в ее глазах. Рузвельту было важно в период второго этапа японской агрессии против Китая (начавшегося в 1937 году) наладить канал связей со страной, также остро ощущавшей опасность, исходившую от Японии.

Трудно опровергнуть ту точку зрения, что во второй половине 30-х годов в Вашингтоне интересовались Советским Союзом прежде всего как фактором в тихоокеанском раскладе сил. Что касалось граничащей с СССР Восточной Европы, то именно в это время один из ведущих чиновников госдепартамента А. Лейн утверждал, что «восточноевропейский регион является наименее важным регионом в мире с точки зрения интересов США». Это высказывание особенно любопытно в свете дебатов, развернувшихся в США после 1945 года.

Заменивший Дж. Дэвиса на посту посла США в Москве Леонард Стейнхард писал о советском руководстве в 1940 году: «Они являются реалистами, если в этом мире вообще есть реалисты». Среди американской элиты выделялись два подхода к объяснению советской внешней политики. Сторонники первого подхода исходили из того, что Советский Союз как лидер революционного движения в мире отвергал (открыто или тайно) возможность мирного сосуществования с капитализмом, был привержен неукротимой идеологической борьбе и руководствовался мессианским стремлением к мировому могуществу. Такой подход американский историк Д. Йергин называет «рижской аксиомой»: для более детального знакомства с советской практикой и оценки внешнеполитического курса СССР государственный департамент в 20—30-е годы полагался на американскую миссию в Риге. Именно в этой миссии осуществлялись главные аналитические проекты, касающиеся проблем выработки американской политики в отношении Советского Союза. Именно из этой миссии исходили постоянные предупреждения в отношении «советской угрозы». Они направлялись в русский отдел государственного департамента (существовал до 1929 года, затем был введен в состав восточноевропейского отдела). Начальник этого отдела Р. Колли непосредственно контролировал работу русской секции посольства в Риге. Он выдвинул и протежировал плеяду молодых советологов, среди которых выделялись Джордж Кеннан и Чарльз Болен (будущие послы США в СССР). Когорта этих деятелей полагала, что союз Америки с СССР исключен при любых обстоятельствах. (Кеннан: «Никогда — ни в то время, ни в любое дру-

гое — я не рассматривал Советский Союз как подходящего союзника и партнера, действительного или потенциального, для моей страны».)

Рузвельт придерживался другого подхода, который отчетливее всего проявился позднее, в Ялте, и может быть назван «ялтинской аксиомой». В ее основе лежало убеждение, что роль идеологии определенно завышена, что СССР ведет себя как традиционная великая держава, стремящаяся действовать в рамках системы международных отношений, а не за ее пределами. Рузвельт при всех колебаниях стоял именно на этой позиции. Он не считал, что СССР представляет собой непосредственную опасность для США. Более того, Советский Союз противостоял реальным противникам Америки и в Европе, и в Азии. «Не присутствующие» в Европе Соединенные Штаты смотрели в середине 30-х годов более внимательно на азиатскую арену. Американское посольство регулярно, через каждые две недели, сообщало в Вашингтон о состоянии японо-советских отношений. Иногда американские дипломаты демонстрировали неумеренный алармизм. Посольство, в частности, предсказывало нападение Японии на СССР в 1935 году, когда японская армия завершит свою модернизацию. Рузвельт вынужден был полагаться на мнение посольства, что японцы не станут откладывать начало военных действий на более поздний период, так как всякая отсрочка будет на руку Советскому Союзу, энергично осуществляющему свою оборонительную программу на Дальнем Востоке.

Нейтралитет

По мере приближения Лондонской конференции 1935 года по морским вооружениям становилось ясно, что японская сторона отвергает прежнее соотношение основных классов флотов США, Англии и Японии. Японский посол в Вашингтоне открыто говорил, что ему не кажется справедливым это соотношение: в ушах японцев оно звучит как «роллс-ройс» — «роллс-ройс» — «форд». Быть скромным «фордом» на фоне двух мощных «роллс-ройсов» Япония не желала. На открывшейся в Лондоне в конце 1935 года конференции Соединенные Штаты должны были решить для себя вопрос, согласны ли они на паритет с Японией. Последняя уклонилась от обсуждения. Новый договор, подписанный в марте 1936 года Англией, США и Францией, имел мало смысла: никак не ограничивал Японию и Италию. И когда японцы ушли с конференции, а англичане объявили о расширении военно-морского строительства, президент Рузвельт потребовал реализации самой большой для американской истории мирного времени военно-морской программы (предложено было построить, в частности, два новых линкора).

В то же время наличие возражений и у Англии, и у Японии оживляло перспективы возобновления англо-японского договора. Против этого Рузвельт готов был сражаться всеми доступными средствами. В ноябре 1934 года Рузвельт приказал сво-

ему представителю Н. Дэвису «донести до сознания английских политиков мысль, что, если Великобритания предпочтет сотрудничеству с нами сотрудничество с Японией, я буду вынужден в интересах американской безопасности повлиять на общественное мнение в Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке, решительно подводя эти доминионы к пониманию того, что их будущая безопасность связана с нами, с Соединенными Штатами». Угроза возымела действие, и Англия пошла на попятную. В конце концов, у нее имелась общая с США заинтересованность — не допускать «излишнего» усиления Японии на Дальнем Востоке.

В тот исторический момент, когда агрессор начал развертывать свои силы на азиатском континенте, Рузвельт пришел к выводу, что конфликт с Японией слишком дорого стоит. В качестве главенствующего подхода к Японии в середине и второй половине 30-х годов Вашингтон выбрал политику нейтралитета. «Принятие законов о нейтралитете в тридцатые годы было менее всего выражением внутренних побуждений президента, это был результат реалистической калькуляции того, что он мог достичь в стране и за рубежом»,— пишет Р. Даллек. Рузвельт, подсчитав силы, согласился на пассивную внешнюю политику. «Между 1935 и 1938 годами его нежелание открыто противостоять агрессии в Эфиопии, Испании, Китае, Австрии и Чехословакии исходило не из изоляционистского импульса или желания умиротворить агрессоров, а главным образом из решимости сохранить способность воздействовать на критические по значимости явления на внутренней арене.»

Хотя период 1933—1938 годов справедливо может казаться своего рода потерянным временем во внешней политике США, более внимательное знакомство с ним позволяет сделать иные выводы. В этот «эмбриональный» период формирования своей политики Ф. Рузвельт обозначил многие главные цели, практическая реализация которых началась позже. Желая зарезервировать за собой право на собственный вариант мирового распределения сил, американская дипломатия в эти годы выдвинула так называемую «доктрину Стимсона» — доктрину непризнания насильственных территориальных перемен в мире. Стремясь укрепить свой тыл — западное полушарие, президент Рузвельт постарался уверить латиноамериканских соседей (на конференции в Монтевидео в 1933 году), что США будут избегать односторонних действий в непосредственном окружении. Это же подтверждал демонстративный отказ от «поправки Платта», которая прежде являлась юридической основой вмешательства в кубинские дела. Отступая (фактически) перед лицом Японии в Азии, администрация Рузвельта стремилась в эти годы заложить основу более конструктивной азиатской политики: Рузвельт благословил акт Тайдингса—Макдаффи, содержавший обещание в будущем предоставить Филиппинам независимость.

Рузвельт в 30-е годы, тот Рузвельт, который с детских лет знал Европу и всегда считал, что Америка обязана потеснить европейско-японское влияние в мире, должен был вести долгую позиционную войну с конгрессом, с обществен-

ным мнением своей страны, с правящим классом, не уверенным в возможности для США утвердиться на новых мировых позициях. Рузвельт ждал своего шанса, ждал подходящего момента, наступление которого обещало разделение европейских сил на две коалиции.

Для того чтобы успешнее, чем это пытался сделать Вудро Вильсон, взломать структуру евроцентристского мира, следовало воспользоваться внутриевропейским расколом. В данном случае не было нужды, подобно Вильсону, изображать, что официальный Вашингтон нейтрален «в мыслях и действиях» по отношению к обеим складывающимся в Европе враждебным друг другу коалициям. Рузвельт не делал особой тайны из того, что недоверие к Германии сохранилось у него со времени первой мировой войны; 1918 год не ликвидировал, полагал он, угрозу Германии Европе и всему миру. Рузвельт был недоволен тем, как союзники обошлись с Германией — по его мнению, немцы избежали подлинного наказания за свои военные преступления. И приход Гитлера к власти в 1933 году усилил это ощущение. Нейтральные и не участвующие в работе международных организаций Соединенные Штаты не откликнулись конкретными действиями на приход нацистов к власти. Но администрация Рузвельта ясно дала понять, что с этой Германией у нее не может быть близких и дружественных отношений. Старания нацистской дипломатии расколоть Запад за счет улучшения отношений с США не увенчались успехом.

Напротив, заметно «потепление» отношения Америки в 1933—1937 годах к прежним строптивым союзникам — неплательщикам военных долгов — Англии, Франции, а также к скандинавским странам, Голландии и Бельгии. Большего не позволял Рузвельту изоляционистский конгресс, да и «флюидная» обстановка требовала провести тщательную калькуляцию, прежде чем выработать более решительный курс.

★ ★ ★

Видимо, впервые чувство, что европейские события опять роковым образом скажутся на США, появляется у Рузвельта летом и осенью 1934 года. В июне прекратились Женевские переговоры по разоружению, затем последовали фашистский путч в Австрии с убийством канцлера Дольфуса, убийство в октябре в Марселе югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту. Именно об этом и о желании вмешаться в европейскую ситуацию говорит письмо президента Рузвельта послу США в Берлине У. Додду (август 1934 года): «Я пытаюсь увидеть какой-либо луч надежды, который дал бы мне возможность протянуть руку помощи. Но ныне пока ничего подобного не видно». В своем послании «О положении страны» на 1935 год он предупреждает соотечественников: «Международная ситуация не улучшилась... Многие старые распри вышли на поверхность, старые эмоции разбужены, возникла новая тяга к вооружению и обретению мощи».

Всего лишь через месяц после этого послания Америка уже находилась в другом мире. Отстранение от планетарных дел становилось все более дорогим удовольствием. В феврале 1935 года фашистская Италия послала свои войска в Эфиопию. В марте Германия обнародовала планы создания 550-тысячной армии и объявила, что вопреки Версальскому договору у нее уже имеются военно-воздушные силы. Оценивая эти события, Рузвельт писал своему послу в Риме Б. Лонгу: «Я не исключаю, что мы находимся в июне или июле 1914 года».

Под влиянием событий в Европе он запросил у конгресса 1,1 миллиарда долларов на укрепление вооруженных сил — немыслимая для мирного времени сумма, беспрецедентный военный бюджет. Мощные политические силы в стране восприняли это прежде всего как неоправданный риск. Левая пресса писала о 20 миллионах американцев, стоящих в очереди за пособием. Им, а не военному ведомству нужна экстренная помощь. Ветераны первой мировой войны прошли маршем по Вашингтону в 18-ю годовщину вступления США в эту войну. Читающая Америка обсуждала книгу У. Миллиса «Дорога к войне: Америка, 1914—1917», в которой говорилось, что вступления в войну и принесенных в ее ходе жертв можно было избежать.

Конгресс принимал нейтралистские акты, а общее настроение было не в пользу активной внешней политики, но Франклин Рузвельт в эти месяцы (апрель и май 1935 года) пришел к убеждению, что появился шанс выйти на арену большой мировой политики. По свидетельству Моргентау, президент рассматривал возможности того, что «Англия, Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Польша и, возможно, Россия сплотятся вместе и выработают десятилетнюю программу разоружений... Они предложат Германии подписать этот пакт. Если она откажется, эти страны установят двустороннюю блокаду Германии, не позволяя ничему ввозиться или вывозиться из Германии... Мы пошлем туда нашего адмирала, который будет помогать в досмотре наших судов, чтобы не нарушать блокаду. Если это не поможет, тогда возникнет вероятие мировой войны».

Рузвельт попытался привлечь на свою сторону кадровых дипломатов и тут же обжегся. Заместитель государственного секретаря Филипс после доверительных бесед с президентом отметил в дневнике, что Рузвельт «полностью ушел с прямой дороги». Тогда президент обратился к «верным» людям, к геополитикам вильсоновского периода. В апреле 1935 года он начал переписку с самым доверенным советником Вильсона — полковником Хаузом. Опыт Хауза, опыт первого активного участия Америки в большой политике казался Рузвельту неоценимым.

Между тем страна шла противоположным желаемому Рузвельтом путем: 31 августа 1935 года конгресс принял Акт о нейтралитете, который запрещал предоставлять воюющим странам займы, кредиты, оружие и любые другие стратегические товары. Ныне, издалека, видно, что Рузвельт резко противился изоляционистскому законодательству. Начиная с января 1935 года он ослабил ак-

тивность на арене внутреннего законодательства, чтобы получить возможность маневра в отношениях со сторонниками изоляционизма на Капитолийском холме. И лишь увидев обреченность своих усилий, Рузвельт в середине 1935 года оставил эти попытки. Изоляционизм был явно сильнее — к такому заключению Рузвельт пришел в конце июля 1935 года. «Если мы не можем их победить, присоединимся к ним» — обычная мудрость тех, кто встречается с непреодолимыми препятствиями. И Рузвельт давал указания «своим» сенаторам присоединиться к изоляционистам, чтобы иметь возможность использовать само это законодательство как своего рода аргумент в разгорающемся мировом споре. Одновременно ему хотелось сделать законодательные акты более гибкими. На заседании кабинета 26 июля 1935 года он пообещал поддержку нейтралистского законодательства в обмен на «свободу действий в применении эмбарго». И, потерпев поражение, вынужденный подписать в сентябре 1935 года Акт о нейтралитете, Рузвельт сказал: «История полна непредсказуемых поворотов, которые требуют гибкости в действиях. Можно представить себе ситуации, в которых абсолютно негибкие положения первого раздела данного Акта могут произвести эффект, противоположный предполагаемому. Другими словами, эти негибкие положения могут вовлечь нас в войну вместо того, чтобы удержать».

Обеспокоенность нацизмом в Европе и японской агрессией в Азии стала проникать в широкие круги американского общества лишь в 1937 году. Это позволило Рузвельту несколько освободиться от пут нейтрализма, от преобладающего давления изоляционистов, приступить к более активной и конструктивной политике. Начиная с 1937 года заметны его постоянные и нарастающие усилия по воздействию на взгляды американцев. Опасность исходит от определенных сил, которые концентрируются, находят связи между собой. Бездействие потенциальных жертв провоцирует агрессоров.

★ ★ ★

Пиком лишения исполнительной власти внешнеполитической инициативы может, видимо, считаться 1935 год, когда был принят закон об эмбарго на торговлю оружием с воюющими странами и ряд других ограничительных законов. В то же время от 1935 к 1939 году Гитлер шел своим путем, подводя народы к мировой войне. В эти годы Япония встала на путь агрессии. Соединенные Штаты медленно высвобождали свои силы для выхода на международную арену. Именно в то время, когда Германия начала открыто отказываться от ограничений, наложенных на нее Версальским договором, Рузвельт предпринял попытки наладить отношения с этой страной. Как и Вильсон, он стремился выйти на главную для Соединенных Штатов арену — европейскую, устанавливая связи с обеими противостоящими сторонами: англо-французами и немцами. Правда, нужно сказать, что попытки нахождения контактов с немцами не заняли много времени. Но в этом виновата не руз-

вельтовская дипломатия, а сугубо враждебное отношение Германии к Америке, той стране, которая, согласно фашистской доктрине, нанесла удар в спину Германии в 1917 году и союз с которой был практически невозможен.

Тем любопытнее для нас попытки Франклина Рузвельта найти подходы к Берлину на ранней стадии германского реваншизма — в марте 1936 года. В этом месяце он попросил своего старого друга известного бизнесмена С. Фуллера, имевшего важные связи в Германии, встретиться с Гитлером и министром финансов Шахтом и обсудить с ним возможности совместного двустороннего решения экономических проблем. Интересно, что улучшение американо-германских отношений виделось Рузвельту в своеобразной сделке за счет третьих сторон. Он просил Фуллера узнать у вождей рейха, возможно ли достижение широкого соглашения по экономическим, финансовым и торговым вопросам, основной идеей которого было бы удовлетворение желания Германии получить сырьевые материалы посредством передачи ей прав на некоторые колониальные владения. При этом не уточнялось, какие именно колониальные владения имелись в виду, но можно себе представить, что речь шла о колониях, захваченных союзниками у Германии в период Первой мировой войны. Однако даже Рузвельт ясно представлял себе степень сомнений Гитлера в возможности для США снова стать фактором европейской политической арены — уж слишком очевидным было преобладание изоляционистов внутри Соединенных Штатов. Это делало бессмысленными попытки американской администрации установить двустороннее взаимодействие с германским руководством.

Своеобразным показателем того, что Рузвельт не оставлял надежды укрепить свои позиции в Европе, является его отношение к численности дипломатического персонала США в европейских странах. В то время как изоляционисты требовали максимально сократить штат посольств, Рузвельт занял диаметрально противоположную позицию. Он внял словам посла США в Великобритании Бингхэма, обеспокоенного тем, что отсутствие американских дипломатов в это роковое время изменения соотношения сил в Европе может дорого обойтись Америке. Рузвельт лично попросил многих дипломатов оставаться на своих постах. Пытаясь искать каналы воздействия на Германию — растущую силу европейской политики, Рузвельт не терял надежды упрочить свои позиции в Париже и Лондоне. Когда весной 1936 года стало очевидным экономическое ослабление Франции, президент Рузвельт посчитал целесообразным найти способы укрепить Францию, поддержать ее решимость противостоять Германии. В июне 1936 года французский премьер-министр Леон Блюм секретно информировал президента, что «ослабление позиции французского франка прямо ударит по союзным связям с Польшей, Голландией и Бельгией и, более того, приведет к свертыванию этих связей». Рузвельт заявил, что Европа нуждается в сильной Франции, в закрытых письмах он пообещал оказать содействие в мерах по приостановлению девальвации франка, чтобы ситуация не изменилась резко в пользу Германии. Таким образом, на данном этапе, несмо-

тря на то, что его руки были связаны конгрессом, Рузвельт все же сумел нащупать несколько болевых точек европейской политики.

В своей европейской политике Рузвельт пришел к пониманию следующего факта: спешить означало подвергнуть риску все дело достижения Америкой международного лидерства. Особенно это видно из отношения к гражданской войне в Испании, когда Рузвельт ничего не сделал для оказания помощи испанской республике, даже убедившись, что она гибнет в результате решающей военной поддержки фашистской Италии и нацистской Германии.

Чтобы ни у кого не было сомнения в его осознании трагизма складывающейся ситуации, президент, выступая с речью в Чатокуа 11 августа 1936 года, пообещал сделать все возможное для предотвращения вовлечения Америки во внешнеполитические авантюры, для избежания ее участия в войне. «Я видел войну, я видел войну на земле, на море. Я видел кровь, текущую из ран. Я видел людей, задыхающихся от поражения газом. Я видел мертвых, лежащих в грязи. Я видел разрушенные города. Я видел, как сотни людей, полностью истощенных, погибают, уходя с передней линии фронта,— остаток полка в 1 тысячу солдат, которые начали атаку за 48 часов до этого. Я видел умирающих детей. Я видел агонию матерей и жен. Я ненавижу войну.» Успех этой речи (а успех был необычайный) показал Рузвельту, что страна не желает участвовать в кажущихся ей сомнительными акциях за границей.

★ ★ ★

Рузвельт вступил во вторую половину своих пятидесятых годов, и пока природа была милостива к нему. За исключением частых простуд в Вашингтоне, которые быстро проходили в джорджийском Уорм-Спрингсе, он не страдал от хронических болезней. Простуды сказывались на его лице — оно становилось серым и изможденным, но южное солнце или выход на яхте поправляли дело, и его обычный загар уничтожал следы усталости и утомления. Шесть лет президентства не изменили его радикально.

У Рузвельта сохранились старые привычки, с годами он становился лишь консервативнее. Просыпался в восемь, завтракал в постели, просматривал «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Нью-Йорк геральд трибюн», «Чикаго трибюн», «Вашингтон таймс-геральд», «Балтимор сан», обращая особое внимание на редакционные статьи и оценку деятельности администрации. В это время секретарям и отдельным посетителям не возбранялось входить, беседа была не слишком обязательной и касалась прежде всего «злобы дня». К половине одиннадцатого его ввозили в кабинет. Ему все больше нравилось работать не в официальном Овальном кабинете, а в менее дисциплинирующей Овальной комнате на втором этаже. Здесь все было уютно и дорого президенту: белые стены, темно-зеленые гардины, картины и макеты кораблей повсюду. Стол был завален всевозможными памятными веща-

ми — Рузвельт предпочитал не расставаться с сувенирами. До и во время ленча шел прием посетителей, в этот час визиты были относительно краткими. Затем люди исчезали, появлялись письма, иногда очень много, и чем больше их было, тем короче были ответы президента. «Час коктейля» около пяти пополудни был едва ли не священной церемонией, затем обсуждение проблем велось в узком или расширенном кругу. Рузвельт не любил одиночества и в этом плане диаметрально отличался от Вудро Вильсона. Даже книгам он предпочитал специалистов. Он хотел, чтобы вокруг было много людей.

Рядом всегда было, по меньшей мере четверо — секретари по ведению дел и переписке Мисси Лихенд и Грейс Тулли, секретари по связям с общественностью Эрли и Макинтайр. В 1939 году Акт о реорганизации позволил президенту добавить еще шесть помощников. Рузвельт стремился сохранить «достоинство места», но природное чувство юмора и неистребимое желание смягчить смертельную серьезность вели дело к тому, что шутки приветствоались, как и внешне шутливый настрой. Ничего подобного не было вокруг Черчилля (разумеется, позднее), Сталина, Гитлера. Но Рузвельт чрезвычайно дорожил этим полушутливым настроением, особенно дорогим в ненастное для него лично время — 1937—1938 годы, когда колоссальная избирательная победа обернулась не триумфом «Нового курса», а раздором в собственной партии.

Когда мы размышляем над причиной этого раздора, не следует забывать, что Америка в середине 30-х годов все же вышла из самой острой фазы кризиса, это сделало страну в целом и ее отдельные части более уверенными в себе, более склонными отстаивать свои интересы. Укрепились отдельные группы и их лидеры. И, разумеется, менее всего они хотели чувствовать и выражать бесконечную благодарность президенту. Другие времена, другие нравы.

Глава шестая
КАНУН МИРОВОГО КОНФЛИКТА

Промедления опасны в войне.
Джон Драйден, 1669

О чем думал президент Рузвельт в августе 1936 года? Завесу несколько приподнимает обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Артур Крок, которого президент пригласил провести вечер в своей загородной резиденции — Гайд-Парке. Рузвельт, по словам Крока, считал, что «необходимо созвать международную конференцию глав наиболее важных наций мира». Конечно, ему придется преодолеть сильную оппозицию внутри страны, но «если избиратели на выборах поддержат его в очередной раз, то у него будут хорошие шансы для того, чтобы реализовать эту инициативу».

Каковы препятствия на пути созыва этой конференции? Рузвельт полагал, что самой неопределенной величиной в современной мировой политике являлась нацистская Германия. Поэтому тогда же, в августе 1936 года, он попросил своего посла в Берлине Уильяма Додда «узнать самым секретным образом, можно ли сделать так, чтобы я обратился к Гитлеру с личным секретным вопросом: определить пределы германских притязаний, скажем, на будущие 10 лет». Рузвельт стремился узнать, каковы направление и пределы германских амбиций, что они означают для Соединенных Штатов и, в более широком плане, можно ли полагаться на Германию, если дело дойдет до созыва некоего форума главных действующих сил на мировой арене. К идее такой встречи Рузвельт подходил не только абстрактно. В эти же дни одному из своих знакомых-политиков он детально изложил идею «встречи глав семи великих держав». Как пишет А. Крок, президент Рузвельт находится во власти этой идеи, «он возвращается к ней очень часто, и видно было, что его интересуют проблемы мирового лидерства».

С германской инициативой Рузвельта ничего не получилось. «Как только я сделал намек по интересующему вас вопросу,— сообщает посол Додд президенту,— фюрер сразу же повторил германские требования в отношении экспансии и колоний. Фюрер сказал, что не станет участвовать ни в какой мировой конференции, если не будет денонсирован русско-французский договор 1935 года». Это донесение Додд послал 31 августа 1936 года. Он продолжал свои попытки в сентябре и октябре, но они лишь укрепили его скептицизм. «Стало ясно,— пишет он,— что немцев и итальянцев интересует контроль над всей Европой, а мирную конференцию они рассматривают как препятствие на пути к реализации этих планов».

Рузвельт довольно долгое время не оставлял своей масштабной идеи относительно созыва «конференции ведущих стран мира». Его беседы и переписка конца 1936 и начала 1937 года убедительно говорят об этом. Он просит своего министра финансов Г. Моргентау сделать запрос Невиллю Чемберлену, британскому министру финансов, по поводу возможности совместного рассмотрения глобальных проблем. И он обсуждает с окружающими степень реальности созыва конференции в весьма узком составе — пяти-шести (мы видим уменьшение первоначальной цифры) стран. «Если я смогу собрать такую конференцию,— говорил Рузвельт Моргентау,— я просто обрисую складывающуюся ситуацию перед руководителями этих государств, попрошу их удалиться в близрасположенное здание, чтобы совместными усилиями найти компромисс. При этом если бы одна из стран отказалась согласиться с мнением большинства, то ей был бы объявлен общий бойкот».

Самонадеянной видится эта инициатива ныне, когда мы пытаемся оценить из исторического далека ситуацию конца 30-х годов. Ни страны «оси», ни Великобритания, ни Франция не были готовы к такого рода арбитражу со стороны Америки. Разумеется, и Япония отвергала всякую попытку подобного посредничества. Но нам в данном случае важна линия рассуждений Рузвельта. Он был, несомненно, увлечен идеей превратить Соединенные Штаты в главного арбитра международной арены. Напомним, что эта инициатива выдвигалась в феврале 1937 года — задолго до того, как США в ходе мирового конфликта установили прямые контакты с руководителями важнейших держав.

Иллюзии иссякают

Проведенная в 1937 году дипломатическая разведка показала Рузвельту, что представители двух все более противостоящих друг другу лагерей не расположены искать развязки своих противоречий на пути компромисса. Не только новые вожди нацистской Германии, но и английские, а также французские политики не сочли целесообразным проведение подобных мирных переговоров.

С этими державами у США имелись и специфические противоречия. Так, Великобритания полагала, что предложения о нейтрализации ряда стран в бассейне Тихого океана не соответствуют ее интересам. Англичане, собственно, еще не выбрали, на кого они будут в будущем полагаться на Тихом океане — на США или Японию — и старались увеличить свои активы в Японии. Ясно было также, что они не исключили для себя возможности опираться как на союзника и на США. В Лондоне видели политическую скованность американского правительства и поэтому предложили (по тому же каналу, что создал Рузвельт,— каналу контактов Чемберлен — Моргентау) добиться изменения актов о нейтралитете. В марте 1937 года Чемберлен писал Моргентау: «Правительство Его Величества считает, что ве-

личайшим вкладом Соединенных Штатов в стабилизацию обстановки в настоящий момент было бы изменение существующего законодательства о нейтралитете». В свете связанности президента изоляционистским законодательством следует сказать, что точка влияния Соединенных Штатов на мировые дела приходится именно на период 1937—1939 годов.

На протяжении первой половины 1937 года президент Рузвельт еще продолжает выдвигать новые инициативы, но уже заметно, что эта активность убывает. Рузвельт, чувствуя, что отдаляется от желательного для себя направления, предлагает несколько определенно экзотических идей. Так, в апреле 1937 года он совершенно конфиденциально запрашивает Берлин, как отнеслась бы Германия к предложению уничтожить все наступательное оружие в мире. В июне 1937 года он пригласил Невилля Чемберлена, который к этому времени стал премьер-министром Англии, в Вашингтон для бесед в целях создания «более здравых условий в мировом сообществе». Тогда же Рузвельт направил Джозефа Дэвиса, богатого демократа вильсоновского толка, своим послом в Москву, чтобы, как он сформулировал, «завоевать доверие Сталина». Начиная понимать, что СССР — растущая сила на международной арене, Рузвельт в июне 1937 года ликвидирует в государственном департаменте крайне антирусски настроенный отдел восточноевропейских проблем.

Однако эти инициативы едва ли способствовали повышению авторитета Америки в мире. Причиной была не только их надуманность, но и реалии международной жизни: США не сумели противостоять Японии в Китае. 7 июля 1937 года японские войска возобновили наступление на центральные районы Китая, и Соединенные Штаты даже в «войне слов» оказались неспособными произвести впечатление на мир. Государственный департамент провозгласил необходимость мирного разрешения спорных вопросов. В данном случае американская администрация не имела в виду ничего конкретного, а это означало, что реальная помощь Китаю предоставлена не будет.

Посланное 60 государствам заявление госдепартамента с просьбой огласить свою приверженность мирным целям быстро вызвало положительный ответ большинства наций, в том числе Германии, Японии и Италии. Только маленькая Португалия выразила возмущение по поводу того (как говорилось в португальской ноте), что «правительство США странным образом пытается свести решение сложных международных проблем к поискам расплывчатых формулировок». Позицию португальской дипломатии можно было расценивать как угодно, но в ее ответе определенно содержалось зерно истины. Рузвельт пытался развить свою инициативу, используя положительный ответ основной части мирового сообщества. Он обратился к Муссолини с благодарностью за выраженное желание «мирным образом стабилизировать международную обстановку». Рузвельт говорил комплименты дуче, который уже определил Средиземноморье исключительно как «ностра маре» — «наше море» и который усматривал в жестах американцев лишь благоглупости.

Уместно напомнить, что в это время 2300 американских солдат находились в Китае — в Пекине, Тяньцзине и Шанхае, где располагались американские миссии, и именно в этих местах японцы начали кровопролитные бои. Рузвельт колебался в поисках ответа. Было объявлено о посылке еще тысячи военно-морских пехотинцев в Китай «для защиты жизни и собственности американских граждан». Как помощь Китаю это был совершенно пустой жест, да президент и не пытался представить его в качестве военной поддержки жертве агрессии. Единственное, что еще достойно упоминания — это зондаж возможностей склонить англичан к совместным действиям по умиротворению японцев в Китае. Но и на этом пути Рузвельт, как и глава госдепартамента Хэлл, объявил о своей склонности «сотрудничать на параллельных, но независимых направлениях». Это означало, что, даже пытаясь заручиться английской поддержкой, Рузвельт не обещал собственного энергичного воздействия на японцев. У англичан были свои планы в отношении Японии, они и на этом этапе не исключали возможности сближения с ней и не выступили лидером поддержки китайского сопротивления.

Карантин

В такой ситуации Рузвельту оставались лишь слова, и первое из серии сильных и памятных слов, произнесенных в период заметного ослабления позиций США в мире, было сказано 5 октября 1937 года в Чикаго (имеется в виду знаменитая речь о карантине).

На обратном пути после «инспекционной» поездки по западным штатам президент прибыл в Чикаго, чтобы открыть внешнее шоссейное кольцо, созданное его Администрацией общественных работ. Он остановился у кардинала Манделейна. Открывая дорогу, Рузвельт, довольно неожиданно обратился к международным делам. Он заговорил так, как американские президенты не говорили уже 16 лет. Гражданские войны в Китае и Испании тревожили его тем сильнее, чем больше вмешательство иностранных держав, их прямая агрессия дестабилизировали международную обстановку. «Эпидемия мирового беззакония распространяется,— сказал президент.— Когда эпидемия заразных болезней начинает расширяться, люди обычно создают ту или иную форму карантина для пациентов в целях предотвращения заражения всего сообщества данной болезнью, так же должно быть сделано и в отношении сохранения мира... Мир, свобода и безопасность 90 процентов мирового населения поставлены под угрозу остальными 10 процентами, грозящими сокрушить весь международный порядок и международную законность. Разумеется, 90 процентов, те, кто хочет жить в мире в условиях законности, те, кто, руководствуясь моральными нормами, получили почти всеобщее признание на протяжении столетий, могут и должны найти некий способ для возобладания сво-

ей воли». Данная речь была многими воспринята как показатель изменения позиции США, возникновения у американского руководства решимости противодействовать агрессорам в Европе и Азии.

Через неделю после речи о карантине заинтригованный министр иностранных дел Великобритании Антони Иден запросил ее «точную интерпретацию». Он хотел знать, не следует ли предполагать возможность совместного бойкота Японии. Понимая, что Гонконг и Сингапур недолго продержатся в случае победы Японии в Китае, английская дипломатия этой осенью начинала склоняться к более решительным антияпонским действиям. В свете этого Лондон и запросил американскую столицу, в какой мере Америка «может предоставить помощь Китаю или оказать воздействие на Японию», что было бы единственным действенным средством повлиять на агрессора. Рузвельт не откликнулся на английский запрос, отверг всякое предположение о том, что Соединенные Штаты могут организовать антияпонскую конференцию в Вашингтоне. Ныне кажется смехотворным неожиданное предложение Рузвельта: пусть Бельгия возьмет на себя инициативу в этом деле. Пожалуй, Бельгия, как никто в этом мире, была далека от японо-китайского конфликта.

Как пишет У. Манчестер, «у ФДР было весьма сложное представление о лидерстве, последовательность не относилась к его достоинствам. Он не был Уинстоном Черчиллем, чей голос одиноко звучал во мраке европейской ночи. Он хотел оставаться в центре действий, и в этом проявился его гений: он редко дистанцировался от основной массы населения. В то же время он никогда не отказывался от идей речи о карантине. Напротив, медленно, но верно он двигался, руководствуясь высказанными идеями». 21 декабря 1937 года Рузвельт сказал, что изоляция Америки в XX веке вообще невозможна.

Своими словами о карантине Рузвельт возбудил общественный интерес к проблеме. В возникшей ситуации он вынужден был отвечать на ту критику, которая слышалась и внутри страны, и вне. 12 октября 1937 года он в очередной «беседе у камина» напомнил стране: «Между 1913 и 1921 годами я лично был в самом центре мировых событий, и в этот период я многому научился — что нужно делать и чего не нужно делать».

Не только в Лондоне гадали о значимости идей рузвельтовского «карантина». Бывший советник президента Вильсона полковник Хауз из своего уединения также запросил президента: что конкретно он имеет в виду? Рузвельт, никогда не оставлявший письма Хауза без ответа, вынужден был пожаловаться тому, что, «как обычно, нас бомбардирует пресса Херста и других» и что в целом администрация попала в неловкое положение. Это неловкое положение проистекало из общего неблагоприятного для активной внешней политики климата в Соединенных Штатах.

Между тем уже возникла фракция, которая считала, что США не могут оставаться в стороне в то время, когда открываются такие возможности для страны. Один из лидеров республиканцев-интервенционистов Генри Стимсон написал пре-

зиденту 15 ноября 1937 года, что Соединенные Штаты имеют огромные интересы в Китае и поэтому должны возглавить здесь инициативу по противодействию японцам. «Мы с вами полностью согласны со Стимсоном,— сказал Рузвельт государственному секретарю Хэллу,— но мы все же пока не можем дать ему ответ».

Нужно сказать, что речь о карантине все же имела не только риторические последствия. Запросы англичан, а еще более некоторое изменение английской позиции в отношении Японии позволили проложить первую, пока еще малоприметную тропу между Лондоном и Вашингтоном. В самом конце 1937 года, а именно 16 декабря, президент Рузвельт попросил посла Британии сэра Роберта Линсея об организации «систематического обмена секретной информацией» между американскими и английскими военными специалистами. С американской стороны последовала просьба об обмене мнениями по поводу выработки планов на случай возможной совместной блокады Японии. Президент заявил своим министрам, что Соединенным Штатам и Великобритании следовало бы иметь общую позицию в деле противодействия Японии и создать линию обороны, проходящую от Алеутских островов до Сингапура. С его точки зрения, такие действия могли бы поставить Японию на колени в течение одного года.

Из американских и английских дипломатических шагов видно, как постепенно возникает взаимопонимание в отношении того, что нужно делать на Дальнем Востоке. Англичане почувствовали слабость своих морских коммуникаций здесь, американцы же ощутили тревогу за свою колонию Филиппины. Разумеется, полная победа японцев в Китае сместила бы баланс сил в Азии и поставила бы под угрозу интересы обеих англосаксонских держав. Начиная с 1937 года в Японии была развернута грандиозная программа военно-морского строительства, при этом военно-морские силы США в Токио рассматривались в качестве главного противника. Возглавивший военно-морской флот адмирал Ямамото видел в войне с США логический итог развития американо-японских отношений. Этот герой империалистических кругов Японии, который создал план нападения на Пирл-Харбор, в дни своей юности, в 1901 году, написал прошение о зачислении его в военно-морскую академию с четко определенной целью: «Ответить на визит в Японию коммодора Перри». Это был период в американо-японских отношениях, когда казалось, что американская сторона потеряла надежду создать в Азии оплот своего влияния, когда она не видела возможности противостоять японцам на азиатском континенте. Китай был, по существу, выдан империалистическими державами Японии. О союзе с единственно надежной силой, готовой встать на пути агрессора (и вставшей в 1937—1938 годах у озера Хасан и позднее на Халхин-Голе), СССР у американской стороны планов не возникало.

Нет сомнения, что японские военные круги находилась в эйфорическом периоде своего «триумфа» в Восточной Азии. 18 ноября 1938 года американское правительство получило из Токио ноту следующего содержания: «Твердым убеждением япон-

ского правительства является то, что в свете новой ситуации, быстро складывающейся в Восточной Азии, любая попытка прилагать к сегодняшним условиям и к ситуации будущего неприменимые идеи и принципы прошлого не будет способствовать ни установлению действительного мира в Восточной Азии, ни решению насущных проблем». Это было грубое указание на то, что соотношение сил в спорном районе изменилось и Соединенным Штатам придется так или иначе смириться с новым положением. В этом последнем предвоенном 1938 году президент Рузвельт сделал три вывода из общего обзора мировой обстановки. Во-первых, она была, с его точки зрения, стабильна в свете примерного равенства потенциально противостоящих сторон. Во-вторых, она пока не давала Америке особых шансов на мировое возвышение. В-третьих, оставаться совсем безоружным в современном мире становилось опасным.

Первый вывод базировался на убеждении, что Германия после Мюнхена займется консолидацией своих позиций в Центральной Европе, а совокупные силы Великобритании и Франции (плюс союзные страны в Восточной Европе) будут уравновешивать ее в Европе в целом. Война в Испании близилась к победе Франко, а это, взятое вместе с антисоветизмом Польши и Румынии (поддерживаемых в данном случае основными западноевропейскими странами), означало изоляцию левых сил, изоляцию СССР — то, что потом получило название «сдерживание». Что касается азиатско-тихоокеанского региона, то, чувствуя опасения Великобритании, Франции и Голландии, военную вовлеченность колоссального Китая, Рузвельт считал маловероятным бросок Японии «против всех». Помимо прочего, Япония существенно зависела от сырьевого импорта, а этот импорт шел из США и колоний западноевропейских стран. Едва ли завязшая в Китае Япония осмелится бросить вызов всем враждебным ей силам.

Второй вывод вытекал из первого. В мире не было того «вакуума», куда США могли бы направить свою бьющую через край энергию. Статус-кво не давал особых шансов на такой поворот в международных отношениях, при котором Соединенные Штаты могли бы перенять у Европы положение определяющего центра мировой политики.

Третий вывод материализовался 28 января 1938 года, когда Рузвельт запросил у конгресса чуть более миллиарда долларов на строительство «флота двух океанов». Это был так называемый Военно-морской акт Винсона. Одновременно Рузвельт послал на тихоокеанское побережье становящегося все более близким ему Гарри Гопкинса для инспекции прибрежных укреплений. Он хотел также знать, как быстро можно будет перепрофилировать мирную индустрию в военную. Довольно неожиданно президент заявил, что Америка нуждается в 8 тысячах военных самолетах. Окружающие говорят, что на этой стадии Рузвельт был увлечен теорией решающего значения военно-воздушной мощи. Указанная цифра возникла после того, как генерал военно-воздушных сил Арнольд сообщил президенту, что у Германии 8 тысяч бомбардировщиков и истребителей. В это время в Соеди-

ненных Штатах было всего 1650 пилотов ВВС и несколько сотен устаревших самолетов. Новые 13 бомбардировщиков Б-17 были только что заказаны. Арнольд заметил президенту, что время освоения новой техники довольно продолжительно. Именно тогда Рузвельт принял решения, без которых феноменальное военное строительство 40-х годов было бы невозможно.

Рузвельт постарался сгладить некоторые острые углы в зоне своего влияния — Латинской Америке, и эта зона, «свое полушарие», давала Америке основные необходимые для экономики виды сырья. Такими возможностями в других регионах США не располагали. Как последнюю агонию идеи созыва ведущих мировых держав следует рассматривать так называемый план Уэллеса, заместителя государственного секретаря, одобренный президентом 11 января 1938 года. Согласно этому плану, следовало предложить правительствам великих держав прислать своих дипломатических представителей в Белый дом для обсуждения способов снижения напряженности в мире, нахождения равных экономических возможностей для всех наций. В случае принятия ими этого предложения Рузвельт обещал создать комиссию из девяти стран по выработке соответствующих рекомендаций.

Это было отвлеченное теоретизирование. Германия и Италия все откровенней посягали на статус-кво в Европе, а Япония — в Азии. И агрессоров не интересовали надуманные вашингтонские инициативы. К началу осени 1938 года Германия поставила вопрос о Судетах со всей остротой. Благодаря коротковолновому радио и предприимчивости американских журналистов (тридцатилетние Мюрроу и Ширер) миллионы американцев в середине сентября 1938 года впервые услышали канцлера Гитлера, выступающего на партайтаге в Нюренберге. Зная немецкий, Рузвельт слушал речь фюрера и так же, как и огромное число американцев, был поражен всеослепляющим злобным безумием этой речи.

Мюнхен

Пытаясь помочь западным демократиям, Рузвельт отправил 26 сентября 1938 года личное послание канцлеру германского рейха, в котором просил воздержаться от ультиматумов и предлагал созвать конференцию «наций, прямо затронутых текущим конфликтом», провести ее в любом «нейтральном месте Европы». Но Берлин уже был увлечен игрой в умиротворение, которую предложили ему англичане совместно с французами.

Мюнхенская конференция — пик политики умиротворения — началась через три дня (29 сентября 1938 года) в узком кругу четырех собеседников: Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье, при «зияющем» отсутствии чехов и, что очень важно, без приглашения представителя СССР. В первые ее часы главенствовал Муссолини — единственный, кто был способен говорить «на языках, понят-

ных договаривающимся сторонам». Затем последовал устрашающий монолог Гитлера. Это была глухая ночь европейской дипломатии. Утром Чемберлен попросил Гитлера подписать декларацию о «желании двух народов никогда не вступать в войну друг с другом снова». Получив этот жалкий листок, Чемберлен объявил, что в нем содержится гарантия «мира на все наше время». Тем временем Чехословакия была отдана Германии. Баланс сил в Европе начал рушиться.

В дни мюнхенского сговора президент был в Миннесоте, где в клинике Мэйо оперировали его сына Джеймса по поводу язвы желудка. Именно в эти дни Рузвельт пришел к однозначному выводу: решимость Гитлера захватить Чехословакию наряду с решимостью Чемберлена утихомирить Гитлера неизбежно приведет к конфликту, стоять в стороне от которого Америка не сможет. Он немедленно выехал в Вашингтон, к телетайпам госдепартамента. Президент готовился к радикальным переменам.

Видевшие его в эти дни вспоминают сползший с головы ночной фланелевый колпак, бесчисленные газеты, размахивание сигаретным мундштуком и чтение очередной каблограммы. И отчетливый вывод: умиротворение оказалось ложной, обреченной на поражение политикой. Стоявший близ Белого дома уличный продавец сказал: «С одной стороны орудия. На нашей стороне океана орудий нет. Здесь белки бегают по газону». Рузвельт позволил себе не согласиться: «Продавец прав, но он не уловил того, что орудия с того берега все ближе приближаются к нашему берегу».

Гитлер обнаружил уступчивость англичан и французов, и именно это сделало его требования бескомпромиссными. Тщетными оказались потуги Рузвельта воздействовать на Муссолини. Тот уже давно был в одном лагере с Гитлером. Между собой два фашистских диктатора сошлись во мнении о Рузвельте как о беспомощном человеке. Их не волновало отношение американского президента к еврейским погромам, начатым осенью 1938 года, когда в Германии преследованию подверглись полмиллиона евреев. Опросы общественного мнения в США между мартом и декабрем 1938 года показали увеличение числа сторонников ужесточения иммиграции с 75 до 83 процентов. Рузвельт предпочитал хранить молчание.

Через две недели после Мюнхенского соглашения, чувствуя, что дело в Европе идет к войне, Рузвельт сделал несколько замен в военном руководстве. Заместителем начальника штаба армии был назначен генерал Джордж Маршалл. Президент неожиданно возвысил бывшего начальника штаба первой американской армии 1918 года, обойдя при этом более высокопоставленных претендентов. Произошло это так. На встрече в Белом доме с высшим военным руководством он выдвинул одну из своих импровизированных концепций. Один лишь молчаливый пятидесятилетний Джордж Маршалл не присоединился к всеобщему одобрению. «Вы так не думаете, Джордж?» — обратился к нему президент.— «Сожалею, мистер президент, но я абсолютно с Вами не согласен». Рузвельт не привык к столь прямому отпору со стороны подчиненных. Конференция была сорвана, и коллеги мысленно хоронили упрямого генерала. Но через месяц, просматривая большой список претендентов, Рузвельт,

обойдя тридцать четыре более высоких чина, назначил начальником штаба американской армии именно Джорджа Маршалла. Ему нужны были думающие люди, способные отстаивать свои идеи. Без этого качества Рузвельт не вошел бы в историю.

Жена Маршалла послала президенту благодарственное письмо, которое тот хранил: «В течение многих лет я боялась, что его (Джорджа Маршалла.— *А.У.*) блестящий ум и необычная точка зрения безнадежно будут утеряны в обыденности традиционной жизни. То, что Вы разглядели его способ деятельности и облекли его своим доверием, дает мне все, о чем я мечтала и на что надеялась».

На первой же встрече с ним президент, обеспокоенный мощным военно-воздушным строительством в Германии, представил программу производства в США 10 тысяч самолетов в год. Рузвельт начал тайно продавать англичанам и французам американские вооружения, настаивая на секретности сделок. Ему не повезло. В январе 1939 года в Калифорнии разбился один из новейших американских бомбардировщиков и на месте аварии было обнаружеено тело французского инспектора. История немедленно попала в сенатский комитет по вооруженным силам. Пытаясь замять дело, Рузвельт призвал в Белый дом группу сенаторов, предупредив о тайне разговора. И все же в прессу просочилось, будто президент назвал американской границей берег Рейна. Опровержения президента имели лишь частичный успех.

★ ★ ★

Зима 1939 года обрушилась неожиданными холодами. Пришло сообщение. что в Испании погибло более миллиона человек. Германия неуклонно рвалась к господству в Европе. Гитлер фотографировался перед автомобилем, в работе над дизайном которого он участвовал. «Фольксваген» тогда стоил в США 396 долларов и вызывал всеобщее недоумение своим видом и размерами. В Америке состоялись две мировые выставки. Выставка в Нью-Йорке была посвящена будущему (нацистская Германия отказалась участвовать). Пристегнув ремни, американцы могли пропутешествовать в 1960 год.

В этом мире посетителей встречали высокие, стройные и загорелые люди, проводящие большую часть времени в развлечениях. (В ландшафте будущего не были видны темнокожие американцы.) Пригородные зоны были буквально испещрены превосходными автодорогами. Автомобили будущего были оснащены кондиционерами и имели смехотворную цену — 200 долларов. Искусственно посаженные леса делали все голубым и зеленым. Стандартный поселок строился вокруг фабрики и обеспечивал себя продовольствием сам. Главным источником энергии стал жидкий воздух. Мощные телескопы позволяли каждому видеть Луну как соседнюю улицу. Основные болезни (такие, как рак) были побеждены, и средний возраст составлял 75 лет. Люди жили в легких «одноразовых» домах, и когда им эти дома надоедали, они их просто выбрасывали. Большинство населения имело высшее образование. В каждом поселке находился аэропорт, но самолетов не было видно — они

спускались в огромные подземные ангары. Города соединялись (и разъединялись) автострадами, пригороды были трех видов: жилые, коммерческие и индустриальные. Автомобили заполонили жизнь. Тогда это казалось земным раем.

Посетила выставку и британская королевская чета. Четверть миллиона жителей столицы вышла на улицы. Королева очаровала всех, король Георг VI выглядел молодым и сильным. Побывав на Арлингтонском кладбище, всемирной выставке в Нью-Йорке, король, впервые посетивший прежнюю колонию, прибыл в Гайд-Парк. На устроенном там пикнике подавали сосиски, бобы и по просьбе короля пиво «Рупперт», затем — клубничный пирог. Президент и король отправились спать лишь в половине второго ночи. Президент Рузвельт в синем «форде» с ручными тормозами провез суверенов по округе. Все это был бы заурядный протокольный визит, если бы не грозовые события в Европе.

★ ★ ★

Пять месяцев спустя, когда в апреле 1939 года Гитлер проехал по Праге и Германия оккупировала Чехословакию, Рузвельт сказал, что не будет постоянным абонентом Вильгельмштрассе, отныне Америка — не спящий гигант и пусть агрессоры это знают. В ответ Гитлер заметил, что у еврея Рузвельта «абсолютно негроидного вида жена».

Наконец-то, как казалось, Рубикон был перейден. Одному из друзей Рузвельт писал: «Никогда в моей жизни события не развивались с такой скоростью». Необходимо было чрезвычайное напряжение, чтобы держать в фокусе главное. Теперь уже даже в Лондоне не говорили об умиротворении. Чемберлен как бы прозрел и дал абсолютные гарантии Польше, стране, полгода назад участвовавшей в разделе Чехословакии. Италия вторглась в Албанию. На Рузвельта наибольшее эмоциональное впечатление произвело взятие войсками Франко Мадрида, ведь американское законодательство во многом изолировало республиканцев.

Администрация Рузвельта в свете общей ситуации разгула агрессоров в Европе и Азии начала увеличивать военный потенциал страны В январе 1939 года военному ведомству дополнительно было ассигновано полумиллиарда долларов. В последующие месяцы — весной 1939 года — в Соединенных Штатах наконец назревает пересмотр закона о нейтралитете.

В апреле 1939 года Рузвельт пошел на необычный шаг — попросил германского фюрера не вторгаться в малые страны, дать гарантии тридцати одной окружающей стране. Дуче заговорил о влиянии паралича на центральную нервную систему. Гитлер развлекал на ту же тему рейхстаг: «Мистер Рузвельт! Я полностью осознаю огромность вашей нации, колоссальное богатство вашей страны, позволяющее вам чувствовать ответственность за историю всего мира... Я, сэр, нахожусь в значительно меньшей и более скромной сфере». Как свидетельствует У.Ширер, «депутаты рейхстага взорвались от громогласного смеха», когда Гитлер торжест-

венно пообещал не нападать на Соединенные Штаты. Сенатор Най, известный изоляционист, прокомментировал это так: каков вопрос, таков и ответ.

Рузвельт снова призвал конгрессменов в Белый дом. У стран «оси» шансы победить — пятьдесят на пятьдесят. «Я сделал свой последний выстрел. Дайте мне еще патронов в патронташ.» Сенаторы сидели, удобно устроившись, сняв пиджаки, со стаканами в руках. Рузвельт и Хэлл сказали о грядущей грозе. После паузы все взгляды устремились на сенатора Бору, одного из лидеров изоляционизма. «В этом году,— сказал сенатор,— никакой войны не будет. Вся эта истерия искусственно сфабрикована». Госсекретарь Хэлл: «Я хотел бы, сенатор, чтобы вы прочитали прибывающие ко мне телеграммы». Бора: «Мои источники информации более надежны, чем источники госдепартамента». Рузвельт молча сидел на софе, ему в этот момент потребовалась вся его природная деликатность.

В мае госсекретарь Хэлл выразил намерение правительства позволить державам, ведущим боевые действия, покупать оружие в США. Это означало, в частности, что Китай, жертва японской агрессии, мог рассчитывать на закупки американского оружия. Довольно неожиданно для Японии Рузвельт поручил государственному департаменту 26 июля 1939 года уведомить ее, что американо-японский договор потеряет свою силу через шесть месяцев. Поскольку импорт из США был очень важен для военной промышленности Японии, этот поворот Вашингтона в Токио восприняли довольно болезненно. Через месяц последовало подписание советско-германского договора. Все это заставило Токио на время принять более примирительную позу в отношении США.

Америка пробуждается

В эти напряженные последние дни мира американский военно-морской флот впервые провел маневры в Атлантике. Палата представителей ассигновала 500 миллионов долларов на военные нужды. Было решено увеличить число боевых самолетов с 5,5 до 6 тысяч. Но ни один из этих самолетов не был того же класса, что немецкий «Мессершмитт-108», английский «Спитфайр», французский «Ньюпор» или японский «Зеро». Под командованием назначенного Рузвельтом в мае 1939 года начальником штаба армии генерала Маршалла было 227 тысяч солдат, имевших в основном оружие образца периода первой мировой войны. (Именно в это время Дин Ачесон сказал, что «Бог опекает детей, пьяниц и Соединенные Штаты».)

Важнейшие дипломатические представители США за рубежом, такие как Буллит (Париж) и Кеннеди (Лондон), адресуют экстренные телеграммы уже только лично президенту. В свою очередь, в течение лета 1939 года Рузвельт предпринял шаги, подготовившие почву для активизации деятельности американской дипломатии, прежде всего шаги, направленные на пересмотр законодательства

о нейтралитете. Наиболее важным, безусловно, был вопрос об эмбарго на поставки вооружения; 9 августа 1939 года исполнительным приказом президента было создано Управление военных ресурсов под руководством Эдварда Стеттиниуса.

Летом 1939 года Рузвельт окончательно пришел к выводу, что Германия значительно сильнее своих противников — Польши, Франции и Англии. Этим, в частности, объясняются его последние лихорадочные попытки приостановить развитие германских военных операций. 23 августа 1939 года Рузвельт послал королю Италии Виктору-Эммануилу письмо, в котором просил использовать все имеющееся в его распоряжении влияние для достижения внутриевропейского компромисса. А 24-го, буквально через несколько часов, американский президент направил послание главам двух противостоящих держав — Гитлеру и президенту Польши Мастицкому. В этих посланиях предлагалось провести прямые переговоры, арбитраж и выражалось желание Америки служить посредником в нахождении обеими сторонами взаимоприемлемого решения спорных вопросов.

Нужно сказать, что даже собственные дипломаты видели слабость президентской инициативы. В государственном департаменте могли только качать головой, читая послание королю Виктору-Эммануилу: здесь определенно знали, сколь мало его влияние на Муссолини. А американский посол в Лондоне Кеннеди охарактеризовал послание Чемберлену как ошибочный дипломатический ход. Даже один из ветеранов американской дипломатической службы, близкий к президенту А. Берль заметил, что все эти «послания» наивны. Конечный их эффект оказался именно такой, какой предсказывали. Король Виктор-Эммануил заявил, что его правительство и без того привержено делу мира. Президент Мастицкий ответил, что готов к любым переговорам. А германский фюрер не удосужился отреагировать на американское послание.

В Вирджинском университете кто-то из публики спросил главу американских коммунистов Эрла Браудера, может ли Сталин подписать соглашение с Гитлером. Тот ответил, что ему легче представить себя избранным председателем Американской торговой палаты. Но радио возвестило, что невозможное оказалось возможным. Узнав о подписанном Берлином и Москвой пакте, Рузвельт вспомнил, что еще несколько дней назад он хотел обменяться с СССР разведывательными данными и организовать для России строительство в американских доках линейного корабля и нескольких эсминцев. Теперь все планы включить Советскую Россию в систему единой мировой безопасности стали иллюзорными. Рузвельт спешно прекратил свой круиз вдоль северо-восточного побережья и возвратился в Вашингтон.

Теперь Рузвельт шел по тонкому льду между изоляционистским законодательством и желанием помочь англичанам и французам. Он считал необходимым в случае начала боевых действий не спешить с объявлением нейтралитета, чтобы англичане и французы смогли вывезти из США максимум заказанного военного снаряжения через Канаду и за пределами трехмильной полосы вдоль побережья.

Другой поставленной им задачей было затормозить отбытие из США огромного немецкого лайнера «Бремен», который мог стать германским рейдером. Несмотря на яростные германские протесты, чиновники министерства финансов и госдепартамента по прямому указанию из Белого дома замедлили осмотр судна и оформление документов. Сенатор Бриджес обвинил Рузвельта во втягивании в войну даже до того, как она началась.

В этот последний час мира руководители западных держав буквально бросились к Вашингтону. Премьер-министр Франции Даладье 22 августа предложил «всем странам земли послать немедленно делегатов в Вашингтон, попытаться выработать мирное решение в современной грозной ситуации» (однако даже сам Даладье сомневался, что Германия примет это предложение). Из Лондона от посла Кеннеди последовали еще более экстравагантные предложения. Здесь хотели, чтобы Соединенные Штаты «оказали воздействие на польское правительство», чтобы то по своей воле сделало уступки и тем самым предотвратило войну. Однако Рузвельт и его советники отвергли как французские предложения, так и идеи американского посла в Лондоне. Попытки организовать новый Мюнхен уже не имели цены для агрессоров. Это был не тот путь, идя по которому Соединенные Штаты могли решающим образом вмешаться в европейское развитие или оказать контрольное воздействие на Германию. В эти дни А. Берль записывает в свой дневник: «Сколь же тонка фабрика, ткань того, что мы называем современной цивилизацией». Подтверждения этого ожидать осталось недолго.

★ ★ ★

Именно когда изоляционистская Америка, казалось, ушла с мировых фронтов дипломатии, когда ее военная сила была сокращена до нижайшего в XX веке уровня, начинается процесс, который самым серьезным образом повлияет на мировую дипломатию середины и второй половины XX века. Речь идет о создании атомного оружия.

В анналах физики и политики первое совместное упоминание об атомном оружии относится к декабрю 1938 года. Мир еще не погрузился в войну, но одно сообщение из Германии вызвало беспокойство тех, кто предсказывал мировой катаклизм. Среди ученых-физиков распространилось сообщение о том, что в рейхе осуществлена управляемая ядерная реакция. Немецкие физики Хан и Штрас, видимо, сами вначале не поняли значимости своего открытия, иначе не связались бы с переехавшим в США Л. Мейтнером. Опыты Мейтнера подтвердили теорию берлинских немцев — распад ядра урана оказался возможен. Открытие получило описание в прессе в январе 1939 года, а уже к концу этого года в научных журналах было напечатано на эту тему более ста статей.

В то же время небольшая группа иммигрантов из Германии сосредоточилась на возможностях практического применения данного открытия в Англии и США, хотя

и чувствовала острее других исходящую от него опасность. Помимо прочего, они знали о грандиозном потенциале немецкой науки. В Германии тогда было в три раза больше нобелевских лауреатов, чем в США. В их положении оставалось бояться худшего, и поэтому среди иммигрантов проблема обсуждалась чаще и интенсивнее.

В июле 1939 года двое таких иммигрантов Лео Сцилард и Джером Визнер обсуждали возможность того, что немцы придадут должное значение возникающей перспективе создать сверхоружие и начнут захват руды с богатым урановым содержанием в Бельгийском Конго. У них появилась идея связаться с Альбертом Эйнштейном, который лично знал бельгийскую королеву и мог предупредить ее о роковой опасности. Но уже через несколько дней ученым стало ясно, что бельгийская королева не тот адресат, который нужен в данной ситуации. Ныне широкоизвестное письмо Эйнштейна Рузвельту было написано фактически Сцилардом. Этот немецкий физик покинул Германию за день до того, как нацисты перекрыли границы страны, и его любимым афоризмом было «Не обязательно быть умнее других людей, нужно быть просто на один день быстрее большинства». Спустя много лет Эйнштейн говорил Лайнусу Полингу: «Я сделал одну огромную ошибку в своей жизни, когда подписал письмо президенту Рузвельту с рекомендацией создания атомных бомб. Правда, существует некоторое оправдание — опасность того, что немцы сделают их».

Письмо Эйнштейна попало на стол президента далеко не простым путем. Его удалось передать Рузвельту через финансиста А. Сакса, к которому президент периодически обращался за советами. Лишь в середине октября 1939 года подвернулся удобный случай. «Алекс, о чем это?» — спросил президент о самом важном открытии своего времени. Все объяснения специалиста по финансам разбились о глухую стену непонимания. Единственное, чего добился Сакс,— это приглашения к президенту на завтрак следующего дня. Всю ночь он провел в поисках наиболее весомых аргументов, а утром был встречен президентом, который спросил, какие новые яркие идеи им владеют. Саксу не пришло в голову ничего лучше, чем школьный пример о Фултоне, отвергнутом Наполеоном. «Это пример того, как Англия была спасена благодаря близорукости противника.» Президент молчал несколько секунд, затем достал бутылку коньяка «Наполеон» и налил в две рюмки. «Не хочешь ли ты сказать мне, Алекс, что предупреждаешь о том, что нацисты могут нас взорвать?» — «Именно об этом». Рузвельт вызвал своего военного помощника генерала Па Уотсона и вручил ему письмо Эйнштейна. «Это дело требует действия.»

Был создан совещательный Комитет по урану, состоявший из представителей армии и флота, под председательством Лаймена Бригса, директора Национального бюро стандартов. Заслугой Рузвельта в данном случае было то, что он не отдал новые и невероятные идеи на суд одного ведомства. Межведомственная борьба имела и положительные стороны. Перед Комитетом выступили Ферми и Сцилард. Но потребовался еще почти год, прежде чем шок европейского конфликта дал ускорение американским исследованиям.

Глава седьмая
ДОРОГА К ПИРЛ-ХАРБОРУ

Публика еще могла рассуждать, стоит ли англичанам умирать за поляков, но президент видел важность переворота в международных отношениях: Британская империя перестала быть стабилизирующей силой в мировой политике. В то же время было ясно, что вооруженные силы США слабее польских.
У. Манчестер, 1973 г.

В десять минут третьего ночи 1 сентября 1939 года Рузвельт сидел в своем уютном кабинете на втором этаже Белого дома, в любимом кресле из красной кожи — точной копии кресла Томаса Джефферсона, спроектированного им самим. Поздний телефонный звонок не застал президента врасплох. Американский посол в Париже Уильям Буллит сообщил, что Германия напала на Польшу. Первыми словами президента были: «Наконец это произошло. Боже, помоги нам всем». Сообщение Буллита показалось Рузвельту «до странности знакомым», напоминающим ему известие о начале первой мировой войны: «Как будто снова начинает действовать лишь на время прекратившийся процесс». Рузвельт позвонил Хэллу и Уэллесу. По темным еще улицам Вашингтона сотрудники госпепартамента спешили в свои офисы. Здесь можно было услышать трансляцию речи Гитлера из рейхстага, в которой говорилось, что «на бомбы мы ответим бомбами».

Сон президента продолжался до половины седьмого, когда Буллит снова пробился из Парижа. Премьер Даладье заверил, что Франция не оставит Польшу одну. Не успел Рузвельт прикорнуть еще на несколько минут, как посол Кеннеди из Лондона сообщил, что Великобритания будет сражаться. Теперь пытаться заснуть было бесполезно. Да и в комнату уже входили Уэллес и секретари.

Слухи о возможном наступлении немцев несколько дней подряд поступали в Вашингтон из европейских столиц. И всем было ясно: предстоит грандиозное испытание. Готов ли был Рузвельт? Далекие от комплиментарности посетители отмечали, что президент выглядел моложе своих пятидесяти восьми и, хотя волосы стали реже и посеребрились, лицо было молодым и привлекательным, а живые голубые глаза за стеклами пенсне так часто улыбались, что и скептик не усомнился бы в его жизненной силе. Развившаяся после многолетних физических упражнений грудная клетка и крепкая шея внушали чувство спокойной уверенности. Сидя он казался даже больше ростом. Впечатление крепкой витальной силы — вот общее мнение о Рузвельте накануне величайшего испытания его жизни.

Отмена эмбарго

На заседании кабинета министров Рузвельт сообщил о намерении созвать чрезвычайную сессию конгресса с целью создать «отдушины» в эмбарго на продажу оружия. После заседания кабинета для Рузвельта наступал час, который он очень любил — час коктейля. Все поднимались в его личный кабинет на втором этаже, самую любимую комнату в доме, с любимыми книгами книгами, любимыми моделями кораблей и картами. Именно здесь он читал, играл в покер, рассматривал коллекцию марок и размышлял над самыми важными проблемами.

Как уже говорилось, Рузвельт завел этот обычай, будучи губернатором Нью-Йорка, с тех пор час коктейля был временем неформального обсуждения важнейших проблем. Шкафы из красного дерева, кожаная софа и кресла. Президент лично смешивал напитки. И здесь его привлекало необычное: гостям приходилось удивляться различным сочетаниям джина, рома, вермута и сока. На этот раз здесь были Гопкинс, Лихенд, Па Уотсон и приглашенная Элеонорой актриса Хелен Дуглас. Элеонора Рузвельт прибыла из Нью-Йорка, но она не любила легковесную атмосферу коктейля и не участвовала в нем. Рузвельт обратился к Гопкинсу: «Останься, я чувствую себя одиноко». После смерти в 1936 году Луиса Хоува Рузвельт испытывал нужду в откровенной беседе и сблизился с Гарри Гопкинсом. Их объединяло многое, в том числе чувство юмора, несомненное мужество, доверие друг к другу. «Они подходили друг другу по темпераменту»,— пишет Ф.Перкинс. Гопкинс интуитивно чувствовал, когда беседа должна быть серьезной, а когда можно расслабиться. Именно в этот полуденный час Рузвельт и Гопкинс определили стратегию страны на ближайшее время. Уже 2 сентября в донесении государственному секретарю Корделлу Хэллу о своих беседах с французскими министрами Буллит указал на очевидность того, что в случае падения Польши Германия сможет атаковать Францию и Англию «с самыми большими шансами на успех». Американский посол в деталях извещал президента о проволочках и затруднениях франко-англо-польского союза. «По физическим причинам» требовалось время для сбора депутатов; ультиматум Лондона и Парижа Берлину вначале был рассчитан на 48 часов ожидания ответа (а не на полчаса, как этого требовал польский посол). Вечером 2 сентября польский посол во Франции, как и его коллега в Лондоне, не смогли добиться приема у глав двух союзных правительств.

★ ★ ★

Война в Европе разворачивалась во всем своем континентальном объеме. Великобритания и Франция в силу договорных обязательств, данных Польше, объявили войну Германии. Гитлер выслушал перевод британского ультиматума и обернулся к Риббентропу, заверявшему, что Великобритания не выступит: «И что сейчас?» В наступившей тишине Геринг сказал: «Если мы проиграем эту войну, пусть

Бог поможет нам». Уведомляя Рузвельта о решении английского правительства, посол США в Великобритании добавил: «Это конец мира, это конец всему». Гитлер, сев в полночный поезд, направляющийся на фронт, издал приказ своим войскам: «Настал решающий час, ибо эта битва определит судьбу германской нации на следующую тысячу лет».

Вечером 3 сентября президент Рузвельт в очередной «беседе у камина» сказал стране, что не может, подобно президенту Вильсону в 1914 году, призвать страну быть нейтральной как в делах, так и в мыслях. «Даже нейтрала невозможно просить блокировать свое сознание и свой разум. Даже нейтралы имеют право знать, что происходит на самом деле, знать факты. Даже нейтрала нельзя просить прекратить мыслительный процесс или сознательное восприятие действительности... Было бы легко для вас и для меня повести плечами и сказать, что конфликты за тысячи миль от континентальных Соединенных Штатов не затрагивают серьезно Америку и главное, что Штатам необходимо сделать — это игнорировать происходящее и заниматься своим делом. Как бы страстно мы ни хотели отстоять от происходящего, мы все же вынуждены признать, что каждое слово, пробивающееся в эфир, каждый корабль, пересекающий океан, каждая битва вдалеке касается американского будущего».

5 сентября он провозгласил нейтралитет США в начавшейся войне; 8 сентября в стране было введено ограниченное чрезвычайное положение. Перспективы дальнейшего развития событий оставались неясными. В самом начале конфликта Рузвельт считал, что шансы у сторон равны. А если так, то помощь Соединенных Штатов приобретала критическое значение.

В эти первые дни мировой войны французское министерство иностранных дел просило американский госдепартамент лишь об одном: повлиять на Советский Союз с целью дать гарантии незыблемости восточных границ Польши. С этой просьбой генеральный секретарь французского министерства иностранных дел обратился к послу Буллиту во второй половине дня 7 сентября 1939 года, когда танковые соединения вермахта подходили к Варшаве и когда люфтваффе интенсивно бомбило мирные объекты на польской земле. Ввиду крайней пассивности Франции и Великобритании Польша была обречена. Буллит и французский премьер Даладье обсуждали возможную отрицательную реакцию американского общественного мнения на бомбардировки Германии французской и английской авиацией, что, по словам Даладье, удерживало его от этих «крайних» мер. «Шокирующая манера, в которой Франция и Великобритания отказали в помощи Польше» (слова Буллита из донесения в Вашингтон 17 сентября), показала всему миру истинную «солидарность» трехсторонней коалиции. В специальном послании президенту и госсекретарю 20 сентября Буллит сообщает о перспективных военных планах французского руководства. Во-первых, удар через «линию Зигфрида» потребовал бы резкого увеличения военных припасов, что делает такое наступление невозможным ранее вес-

ны 1942 года; во-вторых, без помощи самолетами, орудиями и боеприпасами со стороны США военный конфликт не может быть решен в пользу новой Антанты.

Главное, в чем испытывали недостаток западные демократии, была сила воли. На фоне Чемберленов и Даладье Рузвельт стоял скалой, равной которой был лишь Уинстон Черчилль, только что принявший под свое начало адмиралтейство.

США стали важным фактором мировой стратегии и косвенно положили начало своему участию в мировой войне. Относительно военных перспектив англо-франко-польских союзников в госдепартаменте с первых дней царил откровенный пессимизм. Помощник госсекретаря Берль и заведующий европейским отделом Моффат в своих мемуарах отмечают полное неверие в возможность обуздания Германии силами «западных демократий». А. Берль склонялся к тому, чтобы обратить все внимание на оборону атлантического побережья Америки, предоставив Францию и Великобританию их собственной судьбе.

Американцы настраивали свои приемники на волну Варшавы, но полонезы Шопена звучали всего лишь несколько дней. Затем эфир заполнили звуки марша «Германия превыше всего». Согласно планам германского генштаба, на завоевание Польши отводился месяц. На самом деле оказалось достаточно одиннадцати дней. Журнал «Тайм» 25 сентября 1939 года объяснял читателям: «В этой войне не было оккупации, это была война быстрого проникновения — блицкриг, молниеносная война».

Перед Рузвельтом встала задача определения позиции Америки в войне. В журнале «Нэйшн» было напечатано: «Является ли администрация Рузвельта нейтральной? Конечно же, нет. Есть ли возможность того, что Соединенные Штаты останутся в стороне от мировой войны? Практически нет». На ближайшей пресс-конференции Рузвельта спросили, каковы границы территориальных вод США. Он ответил уклончиво: «До тех пределов, которых требуют интересы США». Репортер настаивал: «Доходят ли они до Рейна?» Президент рассмеялся: «Я говорил только о соленой воде».

Помимо Атлантического океана преградой между США и их европейскими союзниками в этот критический период стал закон об эмбарго, и хотя президент писал английскому премьеру Чемберлену о своей надежде «отменить закон об эмбарго в будущем месяце», позиция США значительно ослабила военные возможности союзников. Законодательство о нейтралитете практически сделало бессмысленным их преимущество в Атлантике; государственный секретарь Хэлл признавал, что это — удар по Франции и Великобритании. Уже в начале сентября премьер-министр Даладье заявил Буллиту: «Для того чтобы выиграть эту войну, мы должны располагать припасами разного вида из Соединенных Штатов. Некоторое время мы еще продержимся без этих припасов, но и Англия и мы, видимо, не сумеем создать достаточный арсенал амуниции и самолетов, чтобы сделать наше наступление возможным». 20 сентября Буллит предупредил, что «каждый

знающий факты француз» убежден: если не отменить закон об эмбарго, «победа Германии будет обеспечена».

Рузвельт начал закулисную борьбу за отмену закона об эмбарго. Он назвал ошибкой принятие этого закона в 1935 году. «Я сожалею, что принял этот акт. Я равным образом сожалею, что подписал этот акт». В сенате его рупором стал сенатор Бирнс. Одновременно в госдепартаменте Данн, Моффат и Сэвидж получили задание разработать альтернативу изоляционизму. Обоснование политики президента было простым: «Если Британия и Франция выиграют войну, мы будем в безопасности, если же победит Германия, существуют все доказательства того, что нам придется воевать».

Складывается впечатление, что Рузвельт в период между сентябрем 1939 и маем 1940 года, несмотря на всю обеспокоенность возникающей в Европе угрозой, твердо верил в достаточность объединенных сил Франции и Великобритании для сдерживания Германии. Он хотел выждать время и удержать страну от вмешательства на этапе предполагаемого устойчивого равновесия.

В Вашингтон в это время поступали самые различные сообщения о планах Германии. Согласно одному из закрытых докладов, который сложным путем попал в Овальный кабинет президента, министр пропаганды рейха Геббельс рисовал такую перспективу: Германия, расправившись с Польшей в течение нескольких дней, затем поразит Францию и Англию ударами с воздуха и в конечном счете сокрушит мощь Соединенных Штатов посредством подрывных действий изнутри и давления извне.

В мышлении президента преобладала идея равновесия двух коалиций, но обнаруживалась ее уязвимость. Сообщения из европейских столиц давали Рузвельту все меньше надежд в отношении сил западных союзников. Посол Кеннеди, описывая состояние дел в Лондоне, рисовал английских политиков «погруженными в депрессию настолько, что слова не могут этого передать». Через несколько дней после начала боевых действий стало очевидным, что Польша не выдержит немецкого натиска. Вставал вопрос о пересмотре нейтралистских актов середины 30-х годов. Следовало учитывать, что Германия может захватить контроль над крупнейшей зоной капиталистического мира и Европа превратится во враждебный по отношению к Соединенным Штатам регион.

21 сентября Рузвельт созвал специальную сессию конгресса. Он попросил представителей обеих партий выработать новое законодательство, заявив, что существующие законы лишь помогают агрессорам и что американским судам должно быть дано право перевоза грузов в Европу, т.е. право помощи воюющим странам. В конкретной обстановке это означало, что Америка обязана помогать Великобритании и Франции. Более того, президент Рузвельт уже принял меры, чтобы германские торговые суда в Соединенных Штатах и латиноамериканских портах были задержаны, он позволил начать вооружение англо-французских торговых

кораблей, прибывающих в порты Соединенных Штатов, поскольку им приходилось преодолевать часть океана, контролируемую германскими подводными лодками. Президент сделал проблемы войны и выработку позиции США в этом конфликте своей ежедневной заботой.

Обстоятельства торопили Рузвельта. Вечером 30 сентября генеральный секретарь французского министерства иностранных дел Алексис Леже имел беседу с послом Буллитом, о которой тот немедленно сообщил Рузвельту и Хэллу. «Дело проиграно — Франция одна... Британия не готова. Соединенные Штаты даже не изменили акта о нейтралитете. Демократии снова опоздали.» Леже, доверенное лицо Даладье, говорил о возможном принятии условий Германии. Буллит пишет, что в течение нескольких дней он избегал контактов с Даладье, ибо, полагал он, как американский посол, «не должен оказывать влияние на вопрос о принятии ужасного решения, перед которым сейчас стоит Франция».

При всей сложности ситуации напрашивается аналогия: США в конце сентября 1939 года вели себя по отношению к Франции так же, как последняя вела себя по отношению к Польше в начале месяца. И если французский министр Бонне избегал польского посла в ожидании вотума французских депутатов, то американский посол избегал Даладье в ожидании решения американского конгресса относительно нейтралитета. В обоих случаях прикрытием бездействия служили формальные предлоги.

«Странная война» на западном фронте была так противоположна ожидаемому ходу событий, что их воображаемое развитие обсуждалось американскими дипломатами в Европе столь же часто, как и оценка реальных действий. Осенью 1939 года посол Буллит, подчеркивая трудность ориентации в европейской обстановке, писал: «Почти все может случиться. Никто не знает, что именно».

Странная война

В атмосфере неясности и парализовавшего франко-английских союзников страха перед будущей инициативой вермахта, направления которой они не знали, Париж и Лондон с молчаливого одобрения Вашингтона пытались переманить на свою сторону итальянского диктатора. Каждое изменение в тоне дуче через дипломатические каналы поступало, часто через Париж, в Вашингтон, где, по-видимому, также считали, что позиция Италии является ключевой в расстановке сил в Европе. Немалое внимание в американских дипломатических контактах было уделено оценке нового франко-англо-турецкого пакта.

Посол Буллит 17 октября 1939 года направил Рузвельту письмо с изложением франко-британского соглашения по поводу создания в США единого центра по закупке военных материалов, оборудования, самолетов, сырья, нефти, снаряжения

и продуктов питания. Эти экономические соглашения не были результатом только симпатий к союзным державам. В письме от 10 ноября Хэлл передает Буллиту выраженную Рузвельтом заинтересованность американского правительства в сделках обоюдного характера. Теперь закупки в США обусловливались экономическими уступками французов и англичан. Возникшие коммерческие затруднения перед лицом нацистской угрозы вызвали в Париже, по словам Буллита, «удивление и замешательство».

«Я чувствую, однако,— пишет Буллит в ноябре 1939 года,— что в ближайшие примерно 12 месяцев Франция и Великобритания истощат свои ресурсы иностранной валюты... Значительная часть германского правительства полагает, что Германии не нужно наступать на западном фронте, потому что Франция и Великобритания потерпят финансовое поражение... В настоящее время невозможно утверждать, что немецкие расчеты неправильны». «Сверхконфиденциально» Буллит сообщил, что, по его сведениям, совместная англо-французская продукция авиационной промышленности равняется приблизительно семи десятым немецкого производства.

Весьма пространный ответ Хэлла был малоутешительным для англичан и французов. Вместо запрашиваемых 10 тысяч самолетов в ближайшее время речь шла о половине этого количества в предстоящие двенадцать месяцев, а быстрый рост продукции отодвигался на 1941 год. Следовало подготовить легальные возможности ускорить помощь западным союзникам.

Закон, открывавший лазейку в актах об эмбарго, был выдвинут сенатором Питменом 2 октября 1939 года. Не лишена интереса мотивировка этого «акта помощи демократиям»: «Условия, в которых находятся промышленность и трудящиеся массы в стране, ныне столь тяжелы, что дальнейшее ограничение нашему экспорту приведет к банкротству значительную часть нашей страны». В поддержку отмены эмбарго выступило мощное лобби внутри и за пределами правительства. С чрезвычайной энергией против эмбарго ратовал ставший впоследствии военным министром Генри Стимсон. В сенате за этот пересмотр проголосовали 63 против 30, а в палате представителей 243 против 181. Победили сторонники отмены эмбарго. Президент подписал билль Питмена 4 ноября 1939 года, «открыв этим новую главу в истории «свертывания» американского нейтралитета». Растущее в США понимание того, что война не может не затронуть Америку и что страна призывается историей к более действенным инициативам в Европе и Азии, изменило мнение решающего числа конгрессменов.

Пока закон «покупай и вези» не стеснял неистощенную еще казну Франции и Великобритании, дело упиралось в тоннаж грузового флота этих стран. Провоз стратегических товаров американскими судами во Францию был возможен лишь через северную Испанию. Как пишут историки У. Лангер и Э. Гликсон, ответом на «странную войну» на противоположном берегу океана был «странный нейтралитет».

Рузвельт стремился привлечь максимальное число сторонников. Так, 15 сентября он без огласки предложил главному прогерманскому агитатору в стране, знаменитому пилоту Линдбергу, пост (специально созданный) министра военно-воздушных сил, если он присоединится к курсу правительства. (Когда Линдберг демонстративно отказался, Рузвельт сказал Гансу Моргентау: «Если я умру завтра, я хотел бы, чтобы вы знали мое мнение — я абсолютно убежден, что Линдберг — нацист».) Президент пытался пригласить к сотрудничеству и экс-президента Гувера, но тот тоже демонстративно отказался (после Пирл-Харбора Гувер предложил свою помощь, но на этот раз промолчал Белый дом).

В Вашингтоне наблюдали за «странной войной» и взвешивали шансы. Самнер Уэллес освещает оценку ситуации в высших правительственных кругах: «Пока гитлеризм сохранял свою силу, влиятельные элементы в финансовых и промышленных кругах полагали, что доминирование в Европе Гитлера и сохранение Британского содружества наций будут находиться в неизбежном противоречии. Во Франции политический хаос предшествующих шести лет все еще сохранялся в каждой части французской национальной структуры... такое состояние дел давало мало надежд на реальное сопротивление Германии».

В этот период уникальной исторической паузы Рузвельт с его кругозором и перспективным видением приходит к выводу, что начинается процесс резких мировых изменений. Он усматривает новые возможности для Америки, он явно хочет, чтобы в результате происходящих событий Соединенные Штаты заняли достойное их место. Для ориентации в мировой обстановке в середине сентября Рузвельт пишет премьер-министру Чемберлену: «Я был бы очень Вам обязан, если бы Вы лично держали меня в курсе событий». Когда Черчилль стал первым лордом адмиралтейства, Рузвельт написал ему: «Я бы приветствовал, если бы Вы лично держали меня в курсе всего, что Вам кажется важным». Черчилль ответил немедленно. Теперь эта переписка приобретала критическую значимость.

Мы видим, как в мировой политике возникают две линии, которые серьезным образом влияют на дальнейшее развитие американской дипломатии. С одной стороны, Берлин выказал уверенность в том, что Великобритания и Франция не будут сражаться за Польшу и пойдут на компромисс в случае неучастия Соединенных Штатов в войне. Впрочем, Гитлер считал, что если даже Соединенные Штаты и согласятся на активное сотрудничество с западными союзниками, то они не успеют задействовать свои производственные мощности, мобилизовать армию и придут на поле битвы слишком поздно. С другой стороны, получает оформление вторая линия — американская политика становится нацеленной на помощь англичанам и французам в создании сильной базы военной промышленности внутри страны и на постепенную подготовку к выходу в район мирового конфликта. Фактор времени приобрел решающую значимость. Если Берлин полагал, что Вашингтон в любом случае опоздает, то в Вашингтоне надеялись на то, что конфликт будет затяжным

(проводились всяческие аналогии с первой мировой войной), и рассчитывали разогнать маховик американской индустриальной машины именно к его кульминации.

С этого времени уже нельзя говорить, что главенствующим элементом дипломатии Рузвельта являлся поиск компромисса, образование такого международного форума, где бы США либо председательствовали, либо оказывали решающее воздействие. Поэтому, когда германское руководство обратилось в сентябре и октябре к президенту Рузвельту с просьбой оказать посредничество в отношениях Германии с Британией и Францией, Рузвельт, который сам еще недавно предлагал подобное, дал отрицательный ответ. И на поступившее от американского посла в Англии Кеннеди предложение, чтобы «президент стал спасителем мира», восстановив довоенные польские границы, Рузвельт ответил: «Народ Соединенных Штатов не поддержит никакого шага к миру, предпринятого его правительством, если он будет означать консолидацию и выживание режима, основанного на насилии и агрессии». При этом президент осудил примиренцев в своем окружении. Получив предупреждение Кеннеди о том, что дальнейшее продолжение борьбы будет означать поражение Великобритании и «полный крах всего того, на что мы надеемся и ради чего мы живем», Рузвельт пожаловался Моргентау: «Джозеф Кеннеди всегда был примирителем и всегда останется примирителем, он становится препятствием на моем пути».

Следуя своей новой линии, Рузвельт в начале октября отверг предложение Берлина, а затем и бельгийского правительства выступить с инициативой проведения мирных переговоров. Он уже с чрезвычайным подозрением относился к маневрам нацистской дипломатии. Так, 7 октября, когда Гитлер объявил, что ни союзники, ни Германия ничего не получат от продолжения борьбы, Рузвельт сказал своему секретарю Макинтайру, что «никогда не пойдет на переговоры с Гитлером и Муссолини». А 12 октября, получив сообщение У. Дэвиса о желании Геринга приехать в Америку для встречи с президентом, который «мог бы восстановить мир в Европе», Рузвельт ответил, что будет рассматривать лишь официальные предложения Берлина, а возможностью закулисных переговоров всерьез заниматься не будет. И напрасно король бельгийский Леопольд писал президенту, что он «единственный человек в мире», который может предотвратить перерастание конфликта в «необратимую, горестную, долгую и ужасную войну», это уже никак не действовало на Рузвельта. Он ответил, что американские усилия по европейскому урегулированию могут начаться лишь в том случае, если возникнет перспектива реального мира.

Образование в конце 1939 года англо-французской закупочной комиссии позволило расширить продажу военной техники, сделанной в США для противников Германии. Американское военное производство в 1939—1940 годах увеличилось значительно благодаря инвестициям Франции и Великобритании. Не без этой существенной помощи американцы сумели в первой половине года с начала войны увеличить выпуск самолетов в четыре раза.

Осенью 1939 года и в последующее время «странной войны» Рузвельт все более проникался чувством, что его прежние расчеты возможности равновесия и долгого германского и англо-французского противостояния основаны на неверных оценках. В последние месяцы 1939 года его послы во Франции и Великобритании докладывали, что западные демократические страны на этот раз не смогут сдержать немцев. Особенно большое впечатление производило тогда на Рузвельта превосходство Германии в воздухе. У. Буллит, посол в Париже, 18 октября 1939 года писал: «Существует огромная опасность того, что германские воздушные силы будут способны победить в этой войне прежде, чем мы сможем начать широкомасштабное производство самолетов на наших заводах». А посол в Лондоне Дж. Кеннеди сообщал президенту 3 ноября, что в английских правящих кругах возникают опасения экономического, финансового, социального, политического истощения страны, если война продлится долгое время. В декабре этого же года Буллит отмечал, что если Соединенные Штаты не предоставят союзникам на протяжении 1940 года минимум 10 тысяч самолетов, то Великобритания и Франция обречены на поражение. Еще более пессимистическими были предсказания Кеннеди, полагавшего, что теперь в любом случае Германии удастся превзойти англо-французских союзников как на поле битвы, так и в экономическом соревновании. Кеннеди считал, что еще год войны превратит всю Европу в экономические руины и сделает «готовой для прихода коммунизма или для каких-либо других радикальных перемен в социальном порядке».

В речах и записях Франклина Рузвельта начиная с ноября—декабря 1939 года звучат мрачные ноты. Он уже считает возможным поражение Великобритании и Франции и думает о том, что это будет означать для Соединенных Штатов. В одном из вариантов своей речи в ноябре 1939 года Рузвельт пишет: «Если Франция и Великобритании будут сокрушены, наступит черед Соединенных Штатов. Но победоносные диктаторы должны знать, что для захвата какой-либо части американского континента им нужно победить еще в одной первоклассной по интенсивности войне». Рузвельта страшили и невоенные аспекты возможной немецкой победы. Он размышляет о том, что возобладание Германии нанесет удар по внешней торговле Соединенных Штатов, которая «встретит конкуренцию всей находящейся под доминированием диктаторов Европы и системы ее колоний во всех частях света». Здесь же Рузвельт указывает, что американский континент от Аляски до мыса Горн должен находиться в рамках единой военной системы. Мрачные предчувствия овладели президентом, и только боязнь оттолкнуть избирателей в ходе предвыборной кампании 1940 года заставила его спрятать эту речь.

В ноябре 1939 года Рузвельт (неожиданно для американского внешнеполитического мышления) говорит об американском участии в создании нового послевоенного мира. В интервью, данном чикагскому издателю Фрэнку Максу, президент сказал следующее: германская победа будет иметь своим результатом хаос в Европе и «она приведет к возможности американского участия в оформлении послевоенного мира».

Публичное выражение Рузвельтом обеспокоенности складывающейся в мире ситуацией, в которой Америке грозит вступление в войну с небольшими шансами на победу, мы находим в его послании «О положении страны» от 3 января 1940 года: «Становится все ясней, что в будущем этот мир станет более жалким, более опасным местом для жизни, даже для жизни американцев, если он будет находиться под контролем немногих».

В новом окружении, обозревая мир, вступивший в войну, президент Рузвельт принял решение, которое имело исключительное значение для будущего. Разумеется, в то время он не мог представить себе значимости ядерного оружия. Но он сумел задать вопрос: возможны ли теоретически атомные бомбы, а если да, то нельзя ли их использовать в надвигающейся войне. Уже в октябре 1939 года (второй месяц мировой войны) президент ставит перед своим окружением проблему военного применения ядерной энергии. В феврале 1940 года Рузвельт санкционировал встречу ученых-экспертов и членов Комитета по урану. Речь впервые зашла о конкретных разработках. Колумбийский университет получил деньги для экспериментов с ураном и графитовыми стержнями. США сделали первый шаг.

Теперь поиск путей создания атомного оружия находился в ведении Национального комитета оборонных исследований. Работу над ядерным проектом возглавил пятидесятилетний В. Буш — внук капитана китобоя и сын протестантского священника. Еще год назад он являлся президентом фонда Карнеги, связанного с финансированием научных разработок. Рузвельт посчитал, что Буш сумеет проявить расторопность и настойчивость. При всей занятости Рузвельт находил время для знакомства с волнующим миром научных исследований. Советник Сакс информировал его о наиболее перспективных экспериментах. В марте 1940 года Сакс сообщил президенту о неподтвержденных сведениях, согласно которым немцы интенсифицировали свою программу ядерных исследований. Рузвельт был и в курсе того, как идут дела в лабораториях Колумбийского университета. Разработки там велись неспешно вплоть до вступления США в мировую войну. Это объяснялось во многом «фантастичностью» перспектив создания оружия нового принципа действия. Английские физики, находившиеся в гораздо более драматической ситуации — перед лицом контролируемого Германией континента, также не продвинулись далеко в тяжелом для Англии 1940 году. Но американцы располагали более солидными материальными ресурсами. Американские специалисты получили для экспериментов над ураном-235 кредиты в 100 тысяч долларов.

★ ★ ★

Тем временем в Европе продолжалась «странная война». Французская и германская армии стояли друг против друга, и в январе 1940 года у Рузвельта, убеж-

денного своими дипломатами в реальности победы Германии, родились идеи относительно возможности примирения противников. То, что вермахт пока не предпринимал активных действий, пробуждало у президента некоторые надежды. Он понимал, что шансы на достижение дипломатического успеха равны примерно «одному из тысячи» и для осуществления задуманной операции по примирению необходима «помощь святого духа». Но все же Рузвельт, ненавидевший бездействие, стал склоняться к тому, что в данных обстоятельствах имеет смысл предпринять новые усилия. Его слишком страшила перспектива остаться один на один с возглавляемой Германией Европой, оказаться изолированным в западном полушарии. В соответствии с этой линией рассуждения Рузвельт предпринял три мирные инициативы.

Первая была связана с представителями американского бизнеса, и прежде всего с Джеймсом Муни, президентом заграничных филиалов «Дженерал моторс», имевшим тесные контакты в германских деловых кругах. Рузвельт попросил Муни связаться со своими знакомыми в Берлине и узнать, нет ли какого-либо «честного и равноправного решения» современных мировых проблем, не видят ли в Берлине хотя бы гипотетическую возможность подобного решения. Муни было поручено сказать германским вождям, что у президента США нет готовых схем «мирового доминирования» и что он «не пытается встать между ведущими войну силами». Но если в Германии все же рассматривают планы некоего мирного решения, то тогда президент США готов служить посредником, готов помочь «уменьшить и взаимопримирить» противоречия двух воюющих сторон. При посредничестве юридического представителя заводов «Дженерал моторс» в Гессе (Германия) Муни встречался с Германом Герингом, который просил его побудить американское правительство выступить с идеей организаций переговоров между находящимися в состоянии войны сторонами где-нибудь на нейтральной территории.

Вторая инициатива Рузвельта в эти критические месяцы была связана с предложением, посланным главам 46 нейтральных стран, рассмотреть возможность обмена мнениями по поводу того мира, в котором им предстоит жить по окончании текущего конфликта. В этом послании президент США утверждал, что «нейтралы имеют собственный интерес в исходе нынешней войны» и что их организация могла бы обеспечить условия посредничества и установления мира, где они обладали бы «равными со всеми прочими мировыми силами правами».

Третья и главная инициатива Рузвельта — посылка заместителя государственного секретаря С. Уэллеса в четыре противоборствующие столицы — Рим, Берлин, Париж и Лондон, чтобы «узнать взгляды четырех правительств по поводу возможности заключения справедливого и постоянного мира». Рузвельт и близкий к нему Уэллес не питали иллюзий в отношении миролюбия нацистской Германии, и все же, как напишет впоследствии С. Уэллес, «только одно обстоятельство могло удержать Гитлера от его устремлений: твердая уверенность в том, что мощь Соединенных Шта-

тов может быть направлена против него». С. Уэллес встретил значительные сложности уже в первой столице — в Риме. Во время беседы Муссолини был «статичен» и двигался, по словам Уэллеса, с «грацией слона. Каждый шаг казался огромным усилием. В течение нашего длительного разговора он держал свои глаза закрытыми большую часть времени и открывал их лишь тогда, когда хотел подчеркнуть значимость высказываемой им мысли».

Вполне понятно, что итальянский диктатор, связанный с Германией тесными узами, не мог ощущать свободу маневра в общении с представителем Рузвельта. На Уэллеса встреча с Муссолини произвела гнетущее впечатление. Он понял, что из Вашингтона картина видится более радужной, чем реальное положение дел в Европе. Муссолини и князь Галеаццо Чиано в беседе 26 февраля 1940 года выразили убеждение, что мирные переговоры возможны при двух условиях. Во-первых, Германия удовлетворит свои жизненные интересы в Центральной Европе. Во-вторых, Италия освободится от ограничений в Средиземноморье.

Если бы Рузвельт знал о секретной директиве, изданной Гитлером к началу переговоров с посланцем американского президента, у него, наверно, убавился бы первоначальный энтузиазм. В ней говорилось, что у заместителя государственного секретаря не должно остаться «ни малейшего сомнения в том, что Германия полна решимости завершить эту войну победоносно». В Берлине постарались довести эту идею до президента. Риббентроп, собственно, не стремился узнать, с чем приехал посланник Рузвельта в Европу. В течение двухчасового монолога Риббентропа его глаза, отмечает Уэллес, «были постоянно закрыты на манер дельфийского оракула... Редко я встречал людей, которые мне нравились бы меньше». Вывод С. Уэллеса был таков: надежда на достижение соглашения с Германией, на примирение англичан и французов с немцами чрезвычайно мала. Встречи Уэллеса в Париже также свидетельствовали о сложности примирения. Во Франции царил дух пораженчества. «Лишь в немногих местах я мог получить впечатление надежды, решимости, мужества.» Описывая беседу с главой французского государства Лебреном, Уэллес упоминает 69-летний возраст президента Франции, говорит о банальном характере сообщенной им истории франко-германских отношений, высказывает сомнение в точности излагаемых президентом сведений и подчеркивает, что Лебрен не смог вспомнить ни одной личности на многочисленных портретах, украшавших стены Елисейского дворца.

Премьер-министр Даладье сообщил о готовности Франции «поделиться» с Италией в Сомали, Тунисе и Суэце. «Чтобы добиться мирного решения,— заявил Даладье,— имеется лишь одно средство: великая нейтральная страна Соединенные Штаты должна взять на себя ответственность за переговоры и организовать международные воздушные силы для полицейских целей». Уэллес ответил, что США не возьмут на себя обязательств подобного характера, означающие потенциальную возможность американского военного вовлечения. Правящий класс бур-

жуазной Франции мечтал еще об одном Мюнхене, но видел его осуществление только в том случае, если гарантом выступят Соединенные Штаты.

В Лондоне, где заканчивался визит Уэллеса, еще меньше верили в возможность реальных переговоров с германским руководством. Здесь готовились к решению конфликта вооруженным путем. Уэллеса поразило то, что в Париже и Лондоне правительства, как и население, пребывали в некоем сомнамбулическом состоянии. С явным удивлением Уэллес пишет президенту, что Париж «живет нормальной жизнью», движение в городе не прерывается ни на минуту, запасы продовольствия кажутся большими и повсюду можно выпить шампанского в качестве аперитива. В Лондоне теплым весенним днем (было воскресенье) жители вышли в парки, и ничто, кроме мелькавших униформ, не напоминало о войне. Уэллес пришел к мысли, что англичане и французы не до конца понимают степень угрозы, нависшей над ними. Общий итог миссии Уэллеса, сформулированный им в конце марта 1940 года, таков: «Не существует ни малейших шансов успешного ведения переговоров между противостоящими сторонами».

Арсенал демократий

Выводы посланца президента получили подтверждение в апреле 1940 года, когда германские войска вступили в Данию и Норвегию. На сей раз Рузвельт постарался не откладывать объяснение американскому народу значения нового поворота событий: «Происшедшее заставит многих американцев думать о потенциальных возможностях этой войны». Примерно через неделю (15 апреля 1940 года) он высказался еще более определенно: «Мы знаем, что происходящее в Старом свете прямо и непосредственно касается благополучия Нового света».

Беседуя в американском обществе издателей с руководителями важнейших информационных органов в стране, президент говорил о возможности немецкого вторжения в западное полушарие. Он осознавал не только смещение силовой оси в мире, но и растущую опасность для собственно американской территории. Ход его рассуждений становился все более конкретным. Ведь именно в эти дни нужно было решать, что делать с Гренландией и Исландией — владениями оккупированной Германией Дании. С точки зрения Рузвельта, если бы англичане или канадцы оккупировали их, то тем самым они создали бы нежелательный прецедент, который могли бы использовать японцы, захватив голландскую Восточную Индию (если бы Германия оккупировала Голландию). Поэтому Рузвельт приказал предоставить жителям Гренландии экономическую помощь. Тем самым был сделан важный шаг на пути к созданию американских баз на этих двух территориях.

В марте 1940 года Париж и Лондон наконец созрели до понимания своей военной неподготовленности. Американская промышленность получила огромный за-

каз: 5 тысяч фюзеляжей новых самолетов и 10 тысяч авиационных моторов. Когда генерал Арнольд воспротивился, Рузвельт пригрозил «выслать его из Вашингтона». Ближайшему окружению Рузвельт говорил: «Давайте будем честны перед собой. Эти иностранные заказы означают процветание нашей страны, демократическая партия не сможет победить на выборах, если не обеспечит процветания». Впервые Рузвельт ясно определил военную конъюнктуру как способ расправиться, наконец, с Великой депрессией.

Следует внимательно понаблюдать за поведением президента на протяжении апреля, этого столь важного периода в европейской борьбе. Еще не был ясен исход высадки немцев в Норвегии, а Рузвельт уже отказался выступить (как того хотел на сей раз Ватикан) в качестве примирителя, обратиться к Муссолини за посредничеством.

В дни между захватом Гитлером Дании и Норвегии и кампанией на западе дипломатический фронт переместился на юг, в Италию. Премьер Рейно сделал последнюю, пожалуй, попытку расстроить итало-германский союз. В беседе с послом Буллитом (телеграмма Рузвельту от 24 апреля) он сказал, что Муссолини знает о согласии Франции пойти на уступки в Сомали, в вопросах о Суэце и Тунисе, но он считает это недостаточным: Гитлер нарисовал ему перспективу обладания всеми французскими и английскими владениями в Средиземном море, а также частью Югославии.

Во многом под впечатлением предчувствий французов и их давления президент Рузвельт обратился к Муссолини с предостережением, что «расширение сферы военных действий поведет к явлениям с далеко идущими последствиями». Он приказал министру финансов Моргентау предотвратить изъятие итальянских фондов из Соединенных Штатов. Затем Рузвельт направил Муссолини секретное послание. Мучительно размышляя, как лучше выразить скрытую угрозу итальянскому дуче, президент попросил своего посла в Риме Филипса не давать Муссолини печатного текста, а изложить идеи, заключенные в нем, устно. В этом послании президента содержалась определенная угроза Италии в том случае, если она полностью свяжет свою судьбу с германским рейхом. «Дальнейшее расширение зоны конфликта будет по необходимости иметь далеко идущие и непредсказуемые последствия не только в Европе, но и на Ближнем Востоке, в Африке и во всех трех Америках. Ни один человек не может сегодня предсказать с определенностью, каким будет это расширение зоны конфликта, каковы будут его конечные результаты или какие нации, сколь ни полными решимости они были бы сегодня отстоять от конфликта, могли найти для себя необходимым ради самообороны вступить в войну». Рузвельт, пожалуй, впервые дал понять, что Америка не останется в стороне, если конфликт примет глобальные масштабы.

Накануне решающих событий американские военные специалисты представили свой прогноз развития действий в Западной Европе. Хотя американские

стратеги считали поражение Франции и ее островного союзника возможным, они рассматривали такую возможность как отдаленную. Пентагон «не был подготовлен» к победе немцев на Западе. В целом первые серьезные опасения возникли в американской столице после германской оккупации Норвегии. И лишь по мере того как начало увеличиваться число признаков германской угрозы Бельгии и Голландии, президент Рузвельт потребовал от военного министерства оценки ситуации и состояния обороны страны.

Буллит, по совету французов, предложил американскому правительству продать по меньшей мере шесть миноносцев какой-нибудь из нейтральных стран Латинской Америки с тем, чтобы они были тотчас перепроданы Франции. Президент отверг этот план. В Вашингтоне, делится воспоминаниями Уэллес, росло удивление по поводу европейской «странной войны», но беспокойство еще не встало в повестку дня. Исключение составлял Белый дом и его окружение, небольшая часть конгресса и прессы. Неоспоримо, что общая самоуспокоенность сознательно культивировалась для более «мягкого» отхода от нейтралитета. Последовавшие события имели для большинства американцев головокружительный эффект. «До тех пор, пока мы живы, эти недели мая и июня будут представляться нам кошмаром разочарования»,— пишет Уэллес.

★ ★ ★

Рузвельту необходимо было принять решение о баллотировании на третий срок — большое нарушение политической традиции. С одной стороны, сбросив с себя груз ответственности, он мог заняться публичной библиотекой в Гайд-Парке, отдаться радостям жизни. С другой стороны, политический вирус в нем был неистребим, участие в колоссальных событиях завораживало его. Его сын Джеймс говорил, что в начале 1940 года отец пришел к выводу о необходимости выдвижения на третий срок. Судя по всему, окончательное решение еще не было принято. Так, 27 января 1940 года Рузвельт заключил контракт на написание мемуаров за гонорар, равнявшийся годовой зарплате президента — 75 тысячам долларов. Но опросы общественного мнения говорили, что американцы благожелательно относятся к его выдвижению на третий срок.

Поток событий упростил некоторые решения. Вечером 9 мая 1940 года Рузвельт сидел в своем любимом кабинете на втором этаже, когда раздался телефонный звонок от посла в Брюсселе Джона Кудахи: немецкая армия одновременно атаковала Францию, Бельгию, Голландию и Люксембург. В полночь прибыл пресс-секретарь Стивен Эрли. Он уже знал детали. Немцы бомбили Брюссель, Амстердам и Роттердам. «Странная война» окончилась, превратившись в мировую.

Услышав сообщения из Европы, Рузвельт позвонил министру финансов Моргентау и приказал заморозить все активы Бельгии, Голландии и Люксембурга. Связь

с западноевропейскими столицами была затруднена, и в два сорок ночи Рузвельт отправился спать. Рузвельт был президентом США уже семь лет и перенес немало кризисов. Этот он воспринимал со спокойной решимостью.

Ранним утром 10 мая, когда проснувшийся президент позвал слугу, тот был уже наготове. Последующие часы — завтрак в постели и свежие газеты. На этот раз газеты решительно отстали от бурного потока событий. В спальню зашли Стив Эрли и Па Уотсон, чтобы согласовать расписание экстренного дня. На десять тридцать назначили совещание с руководителями армии и флота, с госсекретарем, министром финансов и министром юстиции. После ленча — встреча с прессой (ведь была пятница, и президенту не хотелось нарушать обычай встреч с журналистами). Пресс-конференцию перенесли на час позже, вечернюю речь (на Панамериканском научном конгрессе) следовало переписать. Президент вызвал слугу, чтобы одеться.

В половине одиннадцатого слуга Крим ввез кресло с президентом, охраняемым группой телохранителей, в Овальный кабинет. По пути он по обыкновению заглянул к своему секретарю Мисси Лихенд и помахал ей рукой. В строгом кабинете с белыми стенами его уже ждали. Из всех присутствующих генерал Маршалл лучше других знал, сколь слаба находившаяся двадцать лет в состоянии летаргического сна американская армия. Германия начала наступление на своем западном фронте силами 136 дивизий. В армии США их было пять. В стране фактически не было военной промышленности. Государство, производившее больше всех в мире автомобилей, не знало, как наладить производство танков. Присутствующих ознакомили с депешей из Лондона. Посол Джозеф Кеннеди сообщал, что англичане отменили так называемые «каникулы белого солнца» — продолжительный уик-энд, делавший горожан загорелыми вплоть до августовских отпусков. «Это убедительное доказательство того,— писал Кеннеди,— что ситуация действительно серьезна». Рузвельт приказал представить наметки военного роста страны, создать реестр необходимого.

Отпустив высших чиновников, Рузвельт, вернувшись за свой стол, приказал впустить представителей прессы. В первый ряд сели фавориты: Д. Корнел из «Ассошиэйтед пресс», М.Смит из «Юнайтед пресс», Дж.Дурно из «Интернешнл ньюс сервис». Непосредственно за ними сидели корреспонденты «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост». Рузвельт располагался на этой самой большой своей пресс-конференции спиной к окнам, выходящим в розовый сад. «Надеюсь, что вы спали сегодня больше, чем я»,— была его первая фраза. Президент вел беседу так, чтобы журналисты не прижали его к стенке вопросом, какова будет реакция Америки. Он сам еще твердо не знал. Кто-то спросил его, о чем он сегодня будет говорить по радио. «Откуда я могу знать, ведь я еще не приступил к речи.»

В два пополудни президент собрал кабинет министров. На заседании лидировал лучший друг президента, ныне министр торговли Гарри Гопкинс (врачи

предрекали ему несколько недель жизни, но он довел этот срок до пяти лет). Гопкинс утверждал, что главный предмет дефицита в стране — резина. Этот вопрос становился тем более важным, что неизбежное падение Нидерландов перекрывало дорогу в голландскую Ист-Индию.

По ходу заседания пришло сообщение, что Чемберлен покидает пост премьер-министра, открывая дорогу Уинстону Черчиллю, сыну лорда и члену парламента с 1900 года. Рузвельт оживился: «Черчилль — это лучший человек, которого имеет Англия». Их объединяла взаимная симпатия. На протяжении многих лет Черчилль аплодировал «доблестным усилиям» Рузвельта вытянуть страну из депрессии, а Рузвельт внимательно слушал бесподобные речи Черчилля, предупреждающего свою страну о нацистской опасности.

После ужина Рузвельт отправился произносить речь. Он знал, что каждый ее оттенок будет обсуждаться в стране и мире, а Гопкинс ушел в комнату на втором этаже, где провел не только эту ночь, но еще три с половиной года, оставшись жить в Белом доме. Рузвельт выступил в этот вечер в Конститьюшен-Холле: «Я — пацифист... но если это будет необходимо, мы всеми силами защитим нашу культуру, нашу американскую свободу и нашу цивилизацию». По возвращении его ждал звонок из Лондона. Черчилль принял предложение сформировать правительство. Их беседа имела долгое, долгое продолжение.

★ ★ ★

Итак, 10 мая германская армия вторглась в Голландию и Бельгию. Вышедшие им навстречу французские силы, как и армии двух названных стран, были рассечены моторизованными частями вермахта и вскоре на севере оказались в отчаянном положении. Скорость продвижения немецких танковых дивизий потрясла всех, в том числе американских штабных генералов. Фландрия не стала для французских войск благоприятным полем битвы (французский правый фланг был защищен Арденнами и «линией Мажино»), а превратилась в «мешок», куда попали ударные силы Франции. В течение четырех дней Голландия и значительная часть Бельгии были оккупированы.

Для Рузвельта стало важнейшей задачей предотвратить вступление в войну Италии, которое, конечно же, укрепило бы германские позиции и создало бы, по крайней мере для Франции на ее юге и для Англии на ее ближневосточных коммуникациях, новый фронт. Рузвельт был чрезвычайно красноречив в своем послании Муссолини. «Вы, кого великий итальянский народ призвал стать своим лидером, держите в руках нити этой войны, которые могут протянуться к 200 миллионам человеческих жизней Средиземноморья,... как реалист, Вы должны признать, что если эта война распространится на весь мир, то она выйдет из-под контроля глав государств и ни один человек, не важно, насколько велики его возможности, не может предсказать результатов этого конфликта ни для себя, ни для своего народа.»

Красноречие Рузвельта не могло иметь результатов. Ведь Муссолини уже обещал Гитлеру начать войну в течение месяца.

Именно в день наступления немцев — 10 мая 1940 года — на стол президента поступили сведения о том, чем располагают Соединенные Штаты в военной области. Военное министерство докладывало, что общая численность армии США 80 тысяч человек, а на складах находится оружие примерно для 500 тысяч человек. Сравнение с армиями Европы было не в пользу США. Численность германских войск на западном фронте превышала 2 миллиона человек, и 140 дивизий выглядели, конечно же, гораздо внушительней, чем 5 американских дивизий. Когда через неделю после начала боевых действий стало ясно, что Германия добивается больших успехов, президент Рузвельт затребовал от конгресса 1 миллиард 180 миллионов долларов на дополнительные военные расходы.

Эрозия нейтралитета

В эти майские дня английским премьером становится Уинстон Черчилль. Он обещает своему народу лишь «кровь, труд, слезы и пот» — программу долгой и упорной борьбы. В мае 1940 года под впечатлением грозных событий в Европе в США был создан влиятельный Комитет защиты Америки путем помощи союзникам под председательством Уильяма Аллена Уайта. Он обнаружил в США запасы военного снаряжения, подходящего союзникам. Проблема заключалась в том, как передать его западным союзникам. Военный министр Вудринг считал, что это можно сделать, продав нейтральному государству и после перепродав французам и англичанам, но только в том случае, если американский начальник штаба определит данное оружие как безусловно избыточное. Генерал Маршалл на этот счет заметил, что подобное он мог бы сделать, «только придя из церкви», полагал, что в критический момент битвы на Западе нельзя ослаблять американские силы.

В военном министерстве Франции, на улице Сен-Доминик, посол присутствовал при телефонном разговоре Даладье с генералиссимусом Гамеленом. 15 мая в 19.45 немецкие танковые колонны прорвали фронт и начали обходной маневр. «Итак, французская армия обречена?» — «Да, французская армия обречена». Черчилль в этот день писал Рузвельту: «Сцена потемнела быстро».

Французские официальные лица от сменившего Даладье премьера Рейно и ниже просили ускорить сборку и отправку во Францию всех годных к боевым действиям самолетов. Все обращения шли непосредственно к Рузвельту, ординарные дипломатические каналы были отставлены, глава французского правительства лично просил американского президента о каждом авиационном подразделении. 15 мая Уильям Буллит сообщил в Вашингтон, что, «если Бог не подарит такого же чуда, как битва на Марне, французская армия будет разбита совершенно».

В мае 1940 года Рузвельт приходит к следующему выводу: прежняя защитная функция океанов начинает терять для Америки свою значимость. В своем послании конгрессу от 16 мая он сделал наибольший упор на опасность со стороны военно-воздушных сил. Президент указал, что с созданием боевых высокоскоростных самолетов (300—400 и более километров в час) ослабляется функция океанов как «адекватного оборонительного барьера». В решающем классе современных вооружений — военно-воздушных силах — у Соединенных Штатов насчитывалось только 160 истребителей и 52 тяжелых бомбардировщика. В стране лишь 250 пилотов, способных сесть в истребители.

В час дня 16 мая 1940 года Рузвельт обратился к объединенной сессии конгресса. Несмотря на невероятный ливень зал палаты представителей был переполнен. Рузвельт появился с тростью в правой руке, левой держась за локоть телохранителя. Национальное единство сказалось в овации обеих партий. Сидевшие ближе отметили отсутствие привычной улыбки на лице президента. Нервное напряжение было очевидным: мускулы на лице напряглись, пальцы, державшиеся за трибуну, побелели. «Мы живем в роковые дни, когда шокирующе быстрое развитие событий заставляет каждую нейтральную нацию смотреть на свою оборону в свете новых факторов... Прежняя система обороны недостаточна, и ни один вид нападения не является слишком фантастическим, чтобы его игнорировать.»

Президент запросил средства для создания полумиллионной армии и закупки оружия. Совершенно неожиданно для присутствующих он поставил целью производство 50 тысяч самолетов в год, что многократно превосходило показатели Германии. Это означало десятикратное увеличение тогдашнего американского уровня. Как пишет военный историк Ирвинг Холли, «большая круглая цифра президента явилась психологической целью; это было сделано ради того, чтобы сместить фокус, заставить военных и промышленных планировщиков думать масштабно». Стеттиниус: «Как и всякая невозможная цель, эта цифра воспламенила воображение американцев». Это очень характерно для Рузвельта — ставить грандиозные цели. Он придавал значимость пафосу, понимал роль политического руководства как обязанного возбуждать эмоции, обязанного называть те цели, которые поражают воображение. Поставленная отметка — 50 тысяч военных самолетов в год — была фантастической для того времени, как, впрочем, и для нашего.

Чем Рузвельт объясняет необходимость такого резкого рывка именно в авиационном строительстве? Тем, что одна из воюющих сторон имеет абсолютное превосходство в воздухе, и это является настораживающим фактором. Ясно, что речь идет об авиации нацистской Германии.

Члены палаты представителей и сената стоя приветствовали слова президента. Рузвельт завершил свое выступление так: «Некоторые говорят, что демокра-

тическая форма правления не способна соперничать с техникой управления, созданной в последние годы некоторыми странами, которые отрицают свободу, которую мы считаем столь важной для нашего образа жизни. Я отвергаю такой подход... Чтобы совладать с нынешним кризисом, требуется твердость моральной и физической ткани общества, а это как раз характеристики свободного народа, приверженного установлениям, которые он создал сам». Так Америка приняла вызов Германии в момент ее высшего триумфа.

★ ★ ★

18 мая премьер Рейно через министерство иностранных дел уведомил посла Буллита о своем намерении просить президента Соединенных Штатов добиться от конгресса объявления войны Германии. Инициатива Рейно была бесполезной из-за официального нейтралитета США, поддерживаемого изоляционистским конгрессом. Вечером того же дня Рейно просил, чтобы Белый дом хотя бы выступил с публичным заявлением о том, что поражение Франции и Великобритании затронет жизненно важные интересы США. Рейно считал, что такое заявление окажет сдерживающее воздействие на Италию. Французское правительство три дня напрасно ждало ответа. 21 мая Рузвельт по телефону сказал Буллиту, что позиция правительства США остается прежней.

В 20-х числах, когда началась агония французской армии, союзные правительства обратились к американскому президенту буквально с мольбой о помощи. В эти дни Буллит предложил Рузвельту пригласить папу Римского в США, предоставив политическое убежище,— это, по мнению посла, могло бы сдержать Муссолини. Следующее предложение — послать американский флот в Грецию «с визитом вежливости»; по меньшей мере, считал посол, флот должен быть отправлен в Лиссабон или Танжер. В тех же 20-х числах мая германские армии отрезали английский экспедиционный корпус. Какой резон помогать союзникам в таких обстоятельствах? Помощь должна была прийти раньше, в сложившейся же ситуации союзники уже просто не могли использовать на поле боя американское оборудование.

Отчаяние союзников стало очевидным с 18 мая 1940 года, когда премьер-министр Франции П. Рейно впервые предупредил, что «война может окончиться абсолютным поражением Франции и Великобритании». Беседуя с послом Буллитом, Рейно выдвинул неслыханную просьбу: он попросил американского президента либо объявить войну Германии, либо декларировать во всеуслышание, что «Соединенные Штаты, защищая свои жизненные интересы, не допустят поражения Франции и Великобритании». 22 мая 1940 года Рейно предупредил Рузвельта, что Франция, возможно, вынуждена будет пойти на подписание сепаратного мира, который оставит Великобританию одну, а Соединенные Штаты окажутся в опасном положении, что сделает их уязвимыми для германской мощи. Рейно просил аме-

риканского президента вступить в войну на этой фазе, послав атлантический флот и все военно-воздушные силы на европейский театр военных действий. Это был отчаянный крик о помощи. Кто-то еще пытался объяснить его французской импульсивностью. Однако приведем для сравнения идеи англичан. Тогда же премьер-министр Черчилль предсказал скорую высадку немцев на Британских островах. Вот где понадобятся американские дивизии. При этом Черчилль заметил американцам, что их помощь должна прийти без промедления, поскольку быстрое поражение может привести к власти в Лондоне правительство, склонное обменять мировое превосходство британского флота на более выгодное мирное соглашение.

★ ★ ★

За несколько часов до выступления Рузвельт, как обычно, созвал на вечерний коктейль ближайшее окружение — Гопкинса, Розенмана, Лихенд. В атмосфере не было обычного воодушевления. Присутствующие выражались односложно. Президент механически смешивал напитки, но его мысли витали где-то далеко. Время от времени он обращался к телеграммам из Европы, схожим в одном: западные союзники теряют последние шансы. «Все идет очень плохо.» Никто и не пытался возражать. Но вот часы пробили половину десятого, и президент спустился в комнату дипломатических приемов. Приближалось лучшее радиовремя — десять часов вечера. Перед президентом три микрофона, рядом графин с водой, мягкий свет лампы. И к Рузвельту стало возвращаться его особое состояние, когда он поднимался над событиями и в то же время не терял их из виду. Он отложил сигарету, расправил отпечатанный текст — и вошел в миллионы домов. Как пишет Ф.Перкинс, он, казалось, видел собравшиеся на кухне семьи, «выражение их лиц, их руки, их одежду, их дома... По мере того как он говорил, он кивал головой, его руки делали естественные жесты. На его лице то и дело появлялась улыбка, словно он действительно сидел перед своими слушателями. Люди чувствовали это, и это привязывало их к нему».

«В этот субботний вечер, находясь в своих домах, в кругу своих друзей, давайте спокойно поразмышляем, что мы сделали и что мы можем сделать еще. Мы не отставим серьезных социальных завоеваний, но мы должны укрепить свою оборону... Мои друзья, в этот момент, когда большинство человечества испытывает печаль, я хочу поговорить с вами на несколько тем, которые прямо касаются будущего Соединенных Штатов... Мы создадим необходимую систему обороны, мы построим ее быстро — с той скоростью, с какой того требует новое время... Со стороны некоторых лиц слышен шепот, что, только расставшись с нашей свободой, с нашими идеалами, с нашим образом жизни, мы можем создать необходимую военную систему, что, мол, только так мы можем сравняться по мощи с агрессорами... Я не разделяю этих страхов... Фашизм может иметь определенные успехи вначале, в период первоначальной мобилизации, но затем вперед неизбежно выйдут дру-

гие факторы. Демократия неизбежно лучше мобилизует резервуар энергии масс, и это обеспечит ей конечный успех. Бизнес должен участвовать в мобилизации сил и развертывании производства. Но... мы должны обеспечить, чтобы не было отступления в сфере тех огромных социальных завоеваний, которых мы добились за последние годы. Мы провели наступление на широком фронте против социального и экономического неравенства, против злоупотреблений, которые ослабляют общество. Это наступление не должно быть остановлено клещевидными движениями тех, кто попытается использовать нужды военной обороны, чтобы лишить нас этих достижений... Где главная линия обороны страны?... Наш военно-морской флот, наша авиация и наши пушки представляют собой первую линию нашей обороны, но абсолютно ясно, что в основе, скрепляя все это, дух и мораль свободных людей дают всем силу, поддержку и мощь».

В этот же день президент послал личное письмо Муссолини, в котором предложил дуче сообщить свои пожелания в отношении Средиземноморского бассейна и обещал передать их в Лондон и Париж. Он также обещал, что союзники будут уважать любое сепаратно заключенное Италией соглашение и предоставят ей место полноправного участника за столом мирных переговоров, если она в настоящий момент не вступит в войну. Но Муссолини даже не принял американского посла Филипса, вместо этого он послал краткое сообщение через министра иностранных дел Чиано, в котором заявил, что не нуждается в советах, не заинтересован в переговорах и «любая попытка помешать Италии выполнить ее обязательства» не будет рассматриваться. Фашистская Италия сделала выбор, итальянские дивизии уже подтягивались к французским границам.

30 мая Рузвельт информировал итальянского диктатора о том, что вступление в войну Италии заставит Соединенные Штаты резко заняться перевооружением и укрепит решимость Америки оказать военную помощь англо-французским союзникам. Но на первый план в размышлениях Рузвельта выходят уже не вопросы сдерживания Италии, а другие. Узнав от посла Буллита о поражении союзнических армий во Фландрии, об их предстоящей неминуемой сдаче немцам и о том, что Париж, видимо, будет оккупирован в течение ближайших 10 дней, Рузвельт всеми своими мыслями обращается к судьбе французского флота. Он пишет в Париж: «Хотя мы все еще надеемся, что нашествие будет остановлено, если все же произойдет наихудшее, мы рассматриваем французский флот как жизненно важную силу, необходимую для восстановления Франции и французских колоний, а также для полного контроля над Атлантическим и другими океанами. Это означает, что французский флот не должен быть закупорен в Средиземном море. Корабли, находящиеся в восточной его части, должны иметь возможность уйти через Суэцкий канал. Корабли, находящиеся в Тулоне, Тунисе и Алжире, должны иметь подобную возможность прохода через Гибралтар и, если худшее случится, уйти в Вест-Индию или в безопасные порты западноафриканских владений... На-

конец, если немцы будут делать Франции заманчивые предложения, основанные на сдаче их флота, нужно помнить, что позиция Франции окажется сильнее, если ее флот будет переведен в безопасное место».

«Удар в спину»

Вероятность скорого объявления войны Соединенными Штатами Германии президент Рузвельт всерьез в эти дни не рассматривал — одна лишь внутриполитическая ситуация не позволяла рассчитывать на возможность такого шага. Но и взирать абсолютно безучастно на поражение англичан и французов было нельзя. Поэтому 22 мая представители администрации объявили, что винтовки, пулеметы и пушки выпуска первой мировой войны не пригодны для использования американскими вооруженными силами и как «балласт» могут быть отправлены англичанам. (В то время в Англии многие думали о встрече немцев: из музеев доставали пики, крестьяне готовили к бою грабли и вилы.)

В конце мая германская военная машина буквально раздавила союзные войска в Голландии, Бельгии и Северной Франции. Теперь панически настроенные конгрессмены вотировали на военные цели суммы, даже превышающие те, которые предлагала администрация. Конгресс в середине мая выделил на эти нужды 1,5 миллиарда долларов, что на 320 миллионов превышало сумму, запрошенную Рузвельтом. Наконец, 31 мая, когда Рузвельт сообщил, что «почти невероятные события последних двух недель делают необходимым дальнейшее наращивание нашей военной программы», американский конгресс проголосовал за дополнительные 1 миллиард 700 миллионов долларов. В американской армии начался быстрый рост кадрового состава — с 280 до 375 тысяч человек в течение нескольких недель. Президенту было дано право призывать на активную действительную службу национальную гвардию.

В начале июня, когда стало ясно, что Германия побеждает на Западе, США стали обсуждать варианты нового геополитического окружения, и Рузвельт со всей характерной для него энергией подверг критическому анализу изоляционистские идеи «одинокого острова в мире, где господствует сила».

10 июня его сын Франклин Делано Рузвельт-младший получал диплом в Вирджинском университете (город Шарлотсвилл). Рузвельт в самый последний час дал согласие приехать. Поздно ночью Элеонора и Франклин начали готовиться к поездке. После трех часов езды президент прибыл в основанный Джефферсоном университет и обратился с речью на злобу дня. Он заявил, что существование на «одиноком острове» было бы «кошмаром, подобным существованию в тюрьме, голоду и питанию через тюремную решетку торжествующими безжалостными хозяевами других континентов». Впервые, пожалуй, Рузвельт сказал без экивоков, что

лишь победа союзников «над богами силы и ненависти» может предотвратить резкое ухудшение геостратегических позиций Америки. Рузвельт заявил, что Америка будет следовать одновременно двумя курсами: помогать Франции и Англии и наращивать собственную мощь. Особо стоял итальянский вопрос. Вступление Италии в войну требовало своего комментария. Госдепартамент умолял не рвать все отношения с Римом, и Рузвельт обещал это. Он вычеркнул заготовленную фразу, но на пути на юг в Шарлотсвилл пришел к выводу, что оставить поступок Муссолини без комментария было бы противно его натуре. Элеонора горячо поддержала возмущение мужа: «Если твоя совесть не успокоится без этой фразы, скажи ее».

В шесть вечера они прибыли в Шарлотсвилл, президент был счастлив видеть толпу на вокзале. Спутники отметили: он был бледен и суров в Вашингтоне и полон энергии, улыбчив в университетском городке. Как рассказывал впоследствии Рузвельт, «холодный разум говорил мне одно, а горячая кровь — другое. И я дал возможность высказаться голосу крови». Он решил высказаться и сделал это: «В десятый день июня 1940 года рука, державшая кинжал, ударила им в спину соседа». Неважно, сколько голосов итальянцев он получит осенью, он очистил свою совесть.

Черчилль слушал речь президента в полночь в Военной комнате Адмиралтейства. Гнев Рузвельта прозвучал как очистительная гроза. «Чувство глубокого удовлетворения было ощутимо в среде благодарных слушателей... Я знал, что Рузвельт является самым опытным американским политиком и что он при этом не побоится ничего, если посчитает нужным дать волю своим чувствам.» Черчилль немедленно послал каблограмму президенту: «Ваше заявление и помощь, оказываемая Соединенными Штатами, воодушевляют нас в этот темный, но не безысходный час». Этой речью Штаты без экивоков показали, на чьей они стороне.

Решающее германское наступление началось 5 июня 1940 года. 14 июня немцы вступили в объявленный свободным городом Париж. Только 3 июня генеральный прокурор США принял решение санкционировать продажу части устаревшей и избыточной военной техники частным фирмам, которые немедленно перепродали ее англичанам и французам.

Теперь уже всем стало ясно, что ожидать затяжной войны типа 1914—1918 годов не приходится, сломлена не только французская военная мощь, но и воля к сопротивлению большинства французских лидеров. Именно в эти дни Рузвельт вопреки мнению всех экспертов создал собственный сценарий будущего развития событий. Согласно этому сценарию, Британия продержится, при любых условиях, не менее шести месяцев, французы будут еще независимы от нацистов в Северной Африке, а Россия и Япония пока не вступят в войну. Буквально по всем пунктам военные специалисты не соглашались с президентом. Но именно он оказался прав.

Вечером 13 июня Рейно сказал Черчиллю: «Наша единственная надежда на победу основана на немедленном вступлении Соединенных Штатов в войну. Президент Рузвельт должен понять это и принять на себя ответственность». Тогда все

же решено было послать телеграмму Рузвельту: «Если Америка вступит в войну, конечная победа обеспечена». Из Лондона Черчилль дважды в течение дня 15 июня призывал президента обещать свою помощь — единственный, по его мнению, способ удержать французов в коалиции. Чувствуя ахиллесову пяту окруженной океанами республики, Черчилль снова и снова повторяет предостережения относительно судьбы французского флота — преграды на пути в Америку либо моста в Новый свет. Английский премьер исподволь готовил Рузвельта к мысли о необходимости хотя бы минимального вмешательства в развитие событий.

Рузвельт понял намек. В послании французскому правительству, упомянув, что французский флот совместно с английским «продолжает господствовать над Атлантическим и другими океанами», президент затрагивает проблему «великой французской империи» во всех частях мира. Рузвельт энергично подчеркивает, что единственным оградительным средством этой империи является флот: «Сила на море в мировых делах дает нам и сейчас исторические уроки».

В ночь на 18 июня кабинет Рейно пал, главой нового правительства стал Петен. Все французские города с населением более 20 тысяч человек были объявлены «открытыми». Правительство запросило условия перемирия. 21 июня в Компьене, в историческом железнодорожном вагоне, где Германия подписала текст перемирия в 1918 году, Гитлер вручил французским представителям германские условия перемирия. Оно вступило в силу 25 июня.

Победы Германии изменили соотношение сил в опасном для США направлении. Надежда Рузвельта на долгий пат в Европе оказалась призрачной, теперь следовало искать государственный курс в гораздо более сложном мире. Крах Франции в июне 1940 года оказал шоковое действие на Вашингтон. Конгресс немедленно вотировал 4 миллиарда долларов на укрепление флота двух океанов, на строительство 18 авианосцев, 7 линкоров, 27 крейсеров, 115 эсминцев, 43 подводных лодок. Теперь военные и военно-морские штабы спешно пересматривали свои планы: прежде создание полномасштабного флота намечалось лишь на 1946 год.

Первая реакция высших военных чинов на поражение Франции заключалась в двух предложениях: перевести основную часть флота в Северную Атлантику и прекратить помощь Великобритании. Президент принял противоположные решения. Помощь Великобритании будет продолжаться, флот останется в Пирл-Харборе. Через Маршалла Рузвельт передал генералам, что критику действий Черчилля он, верховный главнокомандующий, не приветствует. Оставляя флот в Пирл-Харборе, Рузвельт рассчитывал, что он будет постоянно маячить перед глазами у японцев: пусть они избирают такое направление своей экспансии, которое не приведет тихоокеанский флот в действие.

Сознание того, что в мире укрепились силы, враждебные Америке, привело Рузвельта к выводу, что вопреки всем призывам к «приоритету» Америки Англию

ни в коем случае не следует бросать на произвол судьбы. Когда 17 июня министр финансов Моргентау спросил, следует ли оказывать Великобритании ту же помощь, что и прежде, президент ответил, что теперь эта помощь имеет еще большую значимость. Очутившись во враждебном новом мире, перед лицом «неистовой» Германии, Рузвельт обратил в июне 1940 года особое внимание на западное полушарие. Он пришел к заключению, что после победы в Европе Германия попытается укрепиться в ряде латиноамериканских стран, постарается захватить французские и голландские владения в западном полушарии. В свете реальной тогда возможности захвата немцами французского флота и западноафриканских баз в бывших французских колониях просматривалась следующая перспектива: обоснование немцев в одной из южноамериканских стран (для Берлина предпочтительней в Бразилии) и получение влияния в Латинской Америке с тем, чтобы приблизиться к Соединенным Штатам не только с востока, но и с юга. С учетом и японского фактора Соединенным Штатам грозили три фронта.

В свете подобных опасений 23 мая Рузвельт потребовал от всех латиноамериканских стран проведения секретных военных переговоров. Он приказал послать тяжелый крейсер военно-морских сил США с визитом в Рио-де-Жанейро и Монтевидео. Демонстрация силы в Бразилии и Уругвае должка была показать местным прогерманским кругам степень решимости Вашингтона сохранить здесь свою сферу влияния. Военные специалисты считали, что в западном полушарии нужно обращать внимание прежде всего на Бразилию и Мексику как наиболее важные для США страны, а затем на Эквадор, Колумбию и Венесуэлу. Следующими в списке приоритетов были центральноамериканские страны и страны Карибского бассейна. Что касается государств южнее Бразилии, то предполагалось, что здесь американцам пока не следует активизироваться. Рузвельт приказал военно-морскому ведомству и военному министерству выработать планы оккупации американских владений стран Европы, оказавшихся во власти Германии.

20 июня 1940 года Рузвельт укрепил свой кабинет. Главой военного министерства назначен один из сторонников активной внешней политики, наиболее титулованный среди республиканцев (бывший членом всех правительств со времен Мак-Кинли) Генри Стимсон. Выпускник Йеля и Гарварда, он был «продуктом» далекой эпохи Теодора Рузвельта, когда, пожалуй, впервые представители американской аристократии решили непосредственно взять власть в свои руки. Впечатлял сам внешний вид военного министра. Один из мемуаристов, побывавший на заседании кабинета, пишет, что впечатление «главного» произвел на него 73-летний седовласый и усатый Стимсон, предпочитавший, чтобы его называли полковником. Он был военным министром уже тридцать лет назад — при президенте Тафте, государственным секретарем при президенте Гувере. Даже самые верные приверженцы «Нового курса» признавали достоинства Стимсона, который правил своим ведомством твердой рукой. Он воспринимал службу как «долг гражданина», он ни-

когда не был на выборных должностях, он имел взгляды цельной и самостоятельной личности.

Министром военно-морского флота Рузвельт назначил полковника Френка Нокса, издателя газеты «Чикаго дейли ньюс», баллотировавшегося вместе с Лэндоном в качестве претендента на пост вице-президента. Эти назначения были знаком примирения между социальными реформаторами и консервативной частью общества. Они расширяли социальную базу рузвельтовского кабинета.

Вдали от бурь

На следующий после реформирования кабинета день президент отправился из Вашингтона в Гайд-Парк. Тогда это путешествие занимало десять часов, но Рузвельту после пресса мировых перемен хотелось впервые с детских времен провести начало лета в отчем доме. Переезд не мог быть простым перемещением в пространстве. Тысячи людей так или иначе были в нем задействованы: специальная железнодорожная бригада, особые специалисты, проверявшие пищу, и т. п. Рядом с президентским вагоном двигался особый вагон с помощниками. И все равно у Рузвельта было доброе настроение человека, возвращающегося домой.

Погода в Гайд-Парке была «восхитительно прохладной и солнечной». Спрингвуд ждал своего владельца. Это было место, куда он возвращался в трудные минуты. Снова на крыльце его ожидала мать. Природа была милостива к 85-летней женщине. Всегда одетая в черное и белое, она выделялась осанкой и манерами. Они расцеловались на пороге дома. Ее улыбка удивительно напоминала улыбку сына, а глаза всегда сияли теплом. Рядом Гудзон медленно катил свои воды вдоль окрестных холмов, а на горизонте голубели горы Кетскил.

Именно здесь год назад ФДР принимал королевскую чету из Англии. Сара не одобряла алкоголя, и он делал так, что мать не знала, где будет проходить час коктейля. Журналистка М.Гелхорн пишет, что «у всех было чувство, что они проказники-дети, устраивающие праздник ночью в общежитии». Когда король вошел в библиотеку, Рузвельт подмигнул ему: «Моя мать не одобряет коктейлей и полагает, что вам следует подать чашку чая». После секундного размышления король поделился, что его мать тоже этого не одобряет. Мартини немедленно скрепил мужской союз.

Теперь, когда германские войска вступили в Париж, Рузвельт нуждался в отдыхе. Он вставал поздно, долго сидел за столом, часто ездил на автомобиле по окрестным дорогам. Ему нужна была передышка, спокойный темп перед броском вперед. Ему нужна была новая сила, и Гайд-Парк дарил ее.

С течением времени стало ясно, что Рузвельт и основные его советники в значительной мере преувеличивали реальность германской угрозы Южной Америке

летом 1940 года. Как явствует из немецких документов, в то время у Гитлера еще не было планов захвата владений оккупированных им европейских стран или прямого нападения на какую-либо из стран западного полушария. Имели место попытки укрепить свое влияние посредством экономической экспансии, финансовой помощи, поддержки прогерманских политических сил и режимов. Все же главной целью Берлина в западном полушарии пока было избежать вовлечения в войну Соединенных Штатов. Как, видимо, справедливо заметил Генри Стимсон, «так называемая пятая колонна Гитлера в южноамериканских странах представляет собой лишь попытку запугать нас и отвлечь от посылки нашей помощи туда, где она была бы наиболее эффективной».

Глава восьмая
ТРЕТИЙ СРОК

Мы должны внимательно наблюдать за теми, кто под звуки барабанов и кимвалов молится «изму» примирительства. Особенно мы должны иметь в виду малую группу себялюбивых людей, которые вырывают перья у американского орла, чтобы устелить ими свои собственные гнезда.
Ф. Д. Рузвельт, 1941

Лето было очень жарким, но «выживанию» помогали первые шесть кондиционеров, установленных в Белом доме. Правда, вскоре оказалось, что Рузвельт не выносит создаваемых ими сквозняков — проблемы с горлом. Уговоры довериться технике и сменить кондиционеры не помогли — он предпочитал мучиться от жары, но не потерять голос. Не снимали напряжения и события в Европе. 16 июля Гитлер отдал приказ о массированном воздушном нападении на Англию. Англичане, как твердо знал Рузвельт, располагали лишь несколькими сотнями современных самолетов. Началась так называемая «битва за Англию».

Документы неопровержимо свидетельствуют, что Гитлер желал иного президента для Соединенных Штатов. Атташе германского посольства в Вашингтоне Ханс Томсен снабжал немецкими деньгами изоляционистов в обеих партиях. В отчете, направленном на Вильгельмштрассе, Томсен отмечал, что особые надежды возлагает на ту часть платформы республиканцев, где говорится об «американизме, готовности и мире». Следовала приписка: «Нам удалось сделать все так, что наша помощь осталась анонимной».

У Рузвельта хватало и чисто американских политических противников. Так, Клер Бут Люс (жена знаменитого издателя «Тайма» и «Лайфа») обвиняла Рузвельта в слабости. У него нет даже подходящего воинственного жеста. Черчилль показывает всем знак V (победа), Гитлер вздымает руку, Муссолини щелкает каблуками. А Рузвельт, когда его спросили о символе, поднял наслюнявленный палец кверху: откуда дует ветер? Президент должен знать, что думают американцы,— возмущалась Люс,— разделенная страна не может победить».

Летом 1940 года все острее становится вопрос о третьем сроке президентства. С одной стороны, трудно было сломать полуторавековую традицию (первым от третьего срока отказался Вашингтон). Элеонора считала, что муж должен подготовить наследника: «Франклин всегда смеялся и говорил, что люди должны готовить себя сами, и все, что он может,— это дать им шанс и посмотреть, что по-

лучится. Я чувствовала, что он, даже не прилагая к тому сил, доминировал над окружающими, и, пока он находился в середине картины, выделиться кому-либо было очень сложно».

Некоторое время Рузвельт думал о кандидатуре Гопкинса, однако у того основательно пошатнулось здоровье. Другой возможный кандидат — сенатор от Южной Каролины Джимми Бирнс (Рузвельт ему симпатизировал). Но, перейдя из католической веры в протестантскую, Бирнс несколько испортил свой морально-этический облик. Рассматривались также кандидатуры госсекретаря Корделла Хэлла, министра юстиции генерала Роберта Джексона, министра почт Джеймса Ферли (как председатель Национального комитета демократической партии он имел немалые политические возможности).

Наиболее близким Рузвельту человеком и политиком, готовым открыто выставить свою кандидатуру, был именно Джеймс Ферли. Это был прямолинейный и честный человек. Как-то, отдыхая в Гайд-Парке, Рузвельт спросил Ферли, что бы тот сделал, окажись он на месте президента, и услышал: «Будь я на вашем месте, я бы поступил, как генерал Шерман много лет назад — опубликовал бы сообщение, что откажусь баллотироваться, если буду выдвинут, и не буду служить, если окажусь избранным». В ответ на это Рузвельт сказал: «Джим, если меня выдвинут и я буду избран, я не смогу отказаться принести новую присягу, даже если буду точно знать, что покину этот мир через тридцать дней». Для Ферли все стало ясным и понятным.

В конечном счете ни одна из политических фигур не получила поддержки ФДР. Да, он дал согласие «Кольерсу» писать мемуары. Но он не поставил последней точки. Возможно, причина была в том (пишет Ф.Перкинс), что Рузвельту «совершенно очевидно нравилось быть президентом. Это занятие занимало все его время, всю его энергию и таланты. Трудно было найти кого-либо, кто был бы так же счастлив, работая на всю катушку. Его радовало даже то обстоятельство, что проблемы громоздились до горизонта».

Мог ли президент вынести еще четыре года?

Критичные журналисты писали, что в нем убавилось спонтанности и, хотя он стремится сохранить свою веселость, ее уже трудно было сопоставить с почти бесшабашностью первых лет в Белом доме. Он стал и более скрытным. «Нью-Йорк таймс»: «После почти восьмилетнего опыта журналисты пришли к выводу, что президент не всегда раскрывает свои подлинные намерения». «Он держит свои секреты так упорно, что это стало частью его натуры.» Не многим удалось преодолеть эту доброжелательную, но плотную завесу скрытности президента.

Были и другие мнения. Судья Верховного суда Ф.Франкфуртер умолял Г.Стимсона навестить президента именно в это время. Рузвельт «очень одинокий человек, и он слишком горд, чтобы просить кого-либо навестить его, но он очень оценил бы попытку наладить с ним искренние отношения». Можно усомниться в

«муках одиночества». Скорее все же прав Ф.Биддл: «В нем больше безмятежности, чем в каком-либо другом человеке, которого я знал в жизни. Просто чувствуешь, что ничто в жизни не способно выбить его из колеи». И свою твердость Рузвельт справедливо считал достоинством.

Серьезно подвергалась сомнению возможность прожить двенадцать лет, постоянно испытывая чудовищный стресс. Но врачи в 1940 году признали его физическое состояние «наилучшим за многие годы». Он несколько отяжелел, черты лица стали более резкими, волосы тоньше, больше седины. Но у него был отменный аппетит, ему не причиняла вреда пара коктейлей. Вес стабилизировался на уровне 187,5 фунтов. Трижды в неделю он плавал в бассейне Белого дома. Спал положенные восемь часов — от полуночи до восьми часов утра. Главное, на что полагался его врач Росс Макинтайр: «Он обладает способностью отложить в сторону свои заботы, а не жить *вместе* с ними».

Противники указывали на капризное экспериментаторство, на отсутствие достойной сдержанности, на его неблагодарность. На этот раз они сделали упор на упрямстве, тщеславии, периодически проявляемом желании отомстить, постоянной готовности ответить всем утвердительно, вовсе не имея в виду положительного отношения. Критики утверждали, что восемь лет пребывания на вершине власти закрепили эти недостатки характера, да и сама власть приучила президента скорее повелевать, чем слушать, считать всех, кто с ним не соглашался, глупыми, продажными, трусливыми.

Снова в Вашингтоне

15 июля 1940 года в Чикаго открывался съезд демократов, но ясности у делегатов не было. Рузвельт с помощниками плавал по Потомаку и вел себя несколько отстраненно. Во всеобщем смятении первых часов работы конвента демократической партии ключевую роль сыграл мэр Чикаго Дейли, который, взяв громкоговоритель, прокричал: «Мы хотим Рузвельта!» Все изменилось в зале. Хаос прибрел смысл. Элеонора, слушавшая радио, покачала головой. Теперь пути назад не было. В первом же голосовании Рузвельт получил 946 голосов — более чем необходимо. Как мы сейчас знаем, он обусловил свое принятие номинации требованием сохранения верности демократической партии принципам либерализма и социальной ответственности. «Пока демократическая партия,— читаем мы в написанном ФДР документе,— не определит ясно и членораздельно свою приверженность либерализму и не сбросит с себя оковы консерватизма и реакции, я не соглашусь продолжать вместе с ней путь к победе».

В радиовыступлении перед нацией он заявил, что прерывает традицию предшествующих 175 лет и дает согласие баллотироваться на третий срок. Победы на-

цистов в Европе создали обстановку, опасную для страны, и это обстоятельство не позволило ему снять с себя ответственность. Он говорил: «У каждого раньше или позже в жизни происходит конфликт между личными желаниями и тем тихим, невидимым явлением, которое называют «сознание долга»... Просыпаясь в течение многих ночей, я спрашивал себя, имею ли я право как верховный главнокомандующий армии и флота призвать мужчин и женщин служить своей стране, а самому уклониться от личной ответственности... Во времена, как эти, во времена великого кризиса и огромного давления стрелка компаса всего мира останавливается на одном главном факте. Доминирующим над миром фактом является успешная вооруженная агрессия, направленная на избранную нами в Соединенных Штатах форму общественного правления, агрессия против того типа общества, который господствует в Соединенных Штатах, той формы правления, которую установили мы сами. Этот факт уже невозможно игнорировать... Как многие люди моего возраста, я имел свои планы на будущее, на то время, которое должно начаться для меня в январе 1941 года. Но эти планы, как и многое другое, были сделаны в мире, который сейчас кажется таким же далеким, как другая планета. Сегодня все частные планы, все частные жизни отменяются из-за нависшей над нами угрозы. Сами люди должны избрать себе президента. Если выбор падет на меня, то должен сказать со всей простотой, что с божьей помощью буду служить по мере своих способностей, в меру имеющихся у меня сил».

★ ★ ★

Республиканцы достаточно неожиданно выдвинули своего кандидата Уэндела Уилки, человека необычной судьбы. Он вырос в бедной семье, но сумел получить хорошее образование, окончив университет штата Индиана, и достичь вершин материального успеха. Уилки стал адвокатом компании «Дженерал тайер» со штабквартирой в штате Огайо и завоевал широкую известность. Затем, приобретя очень большое состояние, он переехал в Нью-Йорк. Вначале энергично выступал за Вильсона, но «Новый курс» заставил его изменить партийную ориентацию. К тому времени он уже ворочал многими миллионами и видел в социальном реформаторстве Рузвельта посягательство на «власть лучших», поэтому выступил с противодействием. По общему признанию, это был сильный соперник — умный, обаятельный, талантливый, эффективный борец против увеличения роли государства в делах общества. Гарольд Икес так оценивал его: «Никто не сомневается в способностях Уилки. У него привлекательный, колоритный характер, он смел и полон энергии... Победить такого противника нелегко». Уилки был физически крупным мужчиной — рост под два метра, вес более ста килограммов. Медведь — так называли Уилки журналисты.

Очень многим импонировали непритязательные манеры Уилки, отсутствие позирования, желания «приподнять» себя в глазах других, умничанья. Одежда его

была всегда помята — и это странным образом импонировало американскому среднему классу, не желавшему слушать зализанных умников.

В своей речи по поводу принятия номинации Уилки выступил за отстранение от европейских процессов, т.е. показал себя настоящим лидером изоляционизма. Максимум, на что он был согласен,— это сохранение за Америкой роли арсенала западных демократий. Уилки выступил за выборочную военную повинность. Более всего он обвинял Рузвельта в том, что тот, по его мнению, вызвал отчуждение лучшей части нации — своим «Новым курсом» удалил от рычагов управления самых умелых и эффективных, изолировал деловые круги. Элеоноре Рузвельт эта речь понравилась: «У него хороший голос, и он удачно выступает по радио. Это была смелая речь».

Бедой Уилки было слабое горло, ларингит. После двух дней ораторствования в сентябре он стал практически неслышим — как в немом кино: человек говорил, а его не слышали. К тому же многие не забыли, что Уилки совсем недавно был демократом. Так, когда он обратился за помощью к влиятельному сенатору Джеймсу Уотсону, тот ответил: «Если проститутка раскаялась и решила возвратиться в лоно церкви, я лично буду приветствовать ее и приведу ее к святому престолу, но, пожалуйста, не просите меня сразу же назначать ее главой церковного хора».

Возможно, Уилки мог бы победить, если бы начал обыгрывать тему незаконной помощи Великобритании, но он не присоединился к огульной критике тех, кто стращал население посылкой американских парней в европейские окопы: достоинство и собственные симпатии не позволяли ему нанести этот удар.

★ ★ ★

При всем внимании к битве за Англию американцы не меньший интерес проявляли к битве за президентское кресло. Программа Уилки сводилась к трем пунктам: против диктаторских полномочий; за возврат к республиканской «просперити»; за вооружение против внешней угрозы. Рузвельт избрал главную линию своей стратегии: держаться поблизости от Вашингтона, указывая на свои обязательства как верховного главнокомандующего. Его инспекционные поездки были спланированы так, чтобы охватить максимально большие территории. По пути местных политиков приглашали в президентский поезд. Прессе позволили освещать пребывание верховного главнокомандующего на маневрах, на военных строительных площадках. Президент объяснял свое поведение так: «События во всех частях мира развиваются так стремительно, что моей прямой обязанностью стало пребывание либо в Белом доме, либо в тех местах, откуда я быстро могу прибыть в Вашингтон, смогу позвонить по прямому телефону в Европу и Азию, а если это необходимо, я буду за своим письменным столом уже через несколько часов... У меня нет ни времени, ни желания участвовать в чисто политических дебатах».

Рузвельт был уязвлен фразой Уилки, что «кандидат на третий срок» одним телефонным звонком во времена Мюнхена запродал Чехословакию. На ближайшей же пресс-конференции Рузвельт процитировал сообщение «Нью-Йорк таймс» из Рима, в котором говорилось, что страны «оси» жаждут его поражения, но никак не прокомментировал эту цитату.

В конце сентября Уилки изменил стратегию. Теперь Рузвельт в его изображении выглядел уже не мюнхенским замирителем, а напротив, подстрекателем войны. «Его обещание не посылать американцев на заграничные войны имеет такую же ценность, как и обещание сбалансировать бюджет. Американские солдаты уже почти погружены на транспорты». Разозленный этой критикой Рузвельт объявил 18 октября 1940 года, что произнесет пять речей, чтобы ответить республиканцам. «Я свирепею на глазах»,— сказал президент. «Я люблю вас таким»,— прокомментировал Икес. Президенту, боровшемуся против изоляционизма долгие годы, были неприятны внезапно прозревшие. Он был зол на «льющих крокодиловы слезы» по страданиям рабочего класса — тех самых республиканских лидеров, которые могли проявить свою любовь к нему в 1932 году, но не пожелали сделать этого. В 1932 году те же лидеры предпочитали, чтобы рабочие умерли с голода, но не получили работу. В 1932 году они выступали против коллективных договоров, вывели против безработных ветеранов войска и танки. В 1932 году они вздымали руки в ужасе, слыша о фиксированной минимальной зарплате, пенсиях по старости, страховании безработных. В 1940 году, восемь лет спустя, они поют новые песни. Поют их для дня выборов, и слова этой песни: «Голоса, голоса, голоса».

Довольно неожиданно существенной предвыборной проблемой Рузвельта стали разногласия с руководителем Конгресса производственных профсоюзов Джоном Льюисом, выступившим против президента по национальному радио. Возможно, эта речь, произнесенная перед 30-миллионной радиоаудиторией, была самым яростным ударом по Рузвельту. Льюис осуждал президента: «Каждое его действие ведет меня к неизбежному заключению, что, хотя президент говорил, что ненавидит войну, все его действия говорят об обратном... Президент вовлекает нас в эту войну. Мы должны подчиниться его аппетиту в отношении власти, его амбициям человека, который играет с человеческими жизнями. Я не могу с этим согласиться. Я думаю, что переизбрание президента Рузвельта на третий срок будет национальным несчастьем огромного масштаба... Завтра протестовать будет уже поздно». Льюис рекомендовал голосовать за Уилки. В этой президентской кампании Рузвельт впервые почувствовал холодок опасности.

Премьер-министр Канады Маккензи Кинг на встрече с Рузвельтом со слезами на глазах поблагодарил за передачу Британии 50 эсминцев. В тот же день он сообщил Черчиллю о необходимости прислать в Канаду команды для экипировки американских эсминцев. Дома, в Вашингтоне, Рузвельт назвал сделку «величайшей после покупки Джефферсоном Луизианы». Но Уилки немедленно обви-

нил президента в обходе конгресса, «в самом диктаторском и спорном поведении президента за всю историю США».

В предвыборной кампании 1940 года Ф.Рузвельт вынужден был вопреки собственным убеждениям ради привлечения голосов избирателей сделать некоторые уступки изоляционистам. В ответ на предостережение своего республиканского конкурента У. Уилки, что третий президентский срок будет означать диктатуру и войну, Рузвельт заверил «матерей Америки», что их сыновей «не отправят на иностранные войны». А произошло это так. Гарри Гопкинс передал сидящему рядом в открытом автомобиле Рузвельту телеграмму главы Национального комитета демократической партии Флинна с настоятельной просьбой гарантировать неучастие американцев в далеких войнах. Рузвельт возмущенно повернулся к спичрайтеру Шервуду: «Ведь я говорил это сотни раз!» — «Очевидно, что вы должны говорить это снова и снова». Тогда-то Рузвельт и продиктовал фразу: «Ваши парни не будут посланы на зарубежные войны». Ранее Рузвельт всегда добавлял «за исключением случая, когда будут атакованы сами Соединенные Штаты». На этот раз он опустил оговорку. «Почему?» — спросил Розенман.— «В этом нет необходимости. Если мы будем атакованы, это уже не будет иностранная война».

Накануне выборов Рузвельт выступил по радио со старой молитвой, которую он запомнил в Гротоне 40 лет назад: «Благослови нашу землю честным трудолюбием, здравым знанием и чистыми нравами. Сохрани нас от насилия, разногласий и смятения, от гордыни и высокомерия и от всякого порока. Защити наши свободы и преврати в единый народ это множество людей, прибывших сюда от всех племен и наречий».

На следующий день к избирательным урнам устремились 50 миллионов человек — более чем когда-либо.

В теплый день 5 ноября 1940 года вся семья Рузвельтов по старому обычаю отправилась в небольшое городское управление Гайд-Парка, чтобы присоединиться к народному волеизъявлению. По пути Франклин Рузвельт останавливался, чтобы переговорить с соседями. Журналистам он казался, как всегда, «исключительно благодушным». Но на душе у него была немалая тревога. По возвращении занялся своей коллекцией марок. Ночь в ноябре наступила рано, и вскоре огни Гайд-Парка были едва ли не единственными в окрестности. Перед портиком развевался президентский флаг со щитом, орлом и белыми звездами. В доме, где собралась вся семья, царило достаточно оптимистическое настроение.

В шесть часов вечера собралось человек сорок — членов большой семьи и друзей. В девять вечера все внимание было приковано к радиоприемнику — начали поступать первые, пока еще предварительные результаты. Рузвельт сидел за обеденным столом отдельно от всех гостей (это стало почти обычаем), перед ним лежали белые листы бумаги и отточенные карандаши. Как заметил вскоре после поступления первых результатов начальник охраны Рейли, президент покрылся потом. Рей-

ли никогда не видел босса столь взволнованным. «Майк, я не хочу никого здесь видеть».— «Это касается и членов вашей семьи?» — «Я сказал никого».

Рузвельт остался один. Пиджак снят, галстук приспущен, мягкая рубашка в складках. Казалось, что нервы президента дрогнули. Лишь в двенадцатом часу, когда приступили к голосованию самые бедные участки, национальные меньшинства, чернокожие и бедняки больших городов, весы судьбы начали склоняться в его пользу. Ровно в полночь президент вышел к гостям: «Все идет нормально. Конечно, в будущем нас ждут тяжелые дни, но, я надеюсь, вы увидите прежнего Франклина Рузвельта». В тот день тяжелой борьбы за Рузвельта проголосовали 54,7% против 44,8, отданных за Уилки — самый небольшой перевес за всю президентскую карьеру ФДР. Но он победил, а это означало поражение изоляционистов и консерваторов. Случилось небывалое — Рузвельт стал президентом США в третий раз.

Ликовали не только в Спрингвуде. В Лондоне Черчилль знал, что для Рузвельта выход на мировую арену — смысл его политической жизни. Английский премьер в день переизбрания Рузвельта писал: «Я молился за ваш успех... Мы вступаем в мрачный период, очевидно, продолжительной и постоянно расширяющейся войны. То, что происходит, будет помниться до тех пор, пока по-английски говорят в этом мире». Черчилль приветствовал Рузвельта, готового бросить вызов изоляционистам на внутренней арене и нацистам на внешней.

Канун выхода на мировые просторы

Лишь поздней осенью 1940 года, получив мандат на третье президентство, Рузвельт вместе с высшими военными чинами приступил к обсуждению стратегии. Особое значение в этом обсуждении приобрел меморандум адмирала Старка от 12 ноября 1940 года. Старк рассуждал о том, что ждет Америку в случае поражения Великобритании — фактическое противостояние всему миру. Следовало, полагал Старк, все силы направить на то, чтобы спасти англичан от поражения, вплоть до участия американских вооруженных сил в сухопутных боевых действиях против Германии. Адмирал считал, что для обеспечения победы Англии «Соединенным Штатам надлежит в дополнение к военно-морской помощи послать военно-воздушные силы в Европу или в Африку (или в оба эти региона), принять весомое участие в наземном наступлении». Этот план, ставивший Европу на первое место и предполагавший активные боевые действия США, произвел на Рузвельта большое впечатление.

Принимая многие идеи Старка, Рузвельт все же считал, что с открытой помощью Великобритании следует повременить. После обсуждений этого вопроса с дипломатами (Хэллом и другими) и главами военных ведомств (Стимсоном, Ноксом, Старком, Маршаллом) Рузвельт продиктовал 17 января 1941 года следующую линию поведения: «Армия не должна ориентироваться на активные действия

до тех пор, пока она не будет полностью к ним готовой; наш военный курс должен быть консервативным до тех пор, пока наша мощь не будет развернута». С этого времени президент стал еженедельно (по вторникам) встречаться со Стимсоном, Ноксом и Хэллом для дискуссий по общей стратегии США в быстроменяющемся мире. Но мало кто знал тогда о закулисных действиях переизбранного президента. Только в 1946 году конгресс и народ США узнали, что между 29 января и 27 марта 1941 года британский генеральный штаб пребывал не где-нибудь, а в Вашингтоне, обсуждая насущные проблемы войны совместно с американским объединенным комитетом начальников штабов. А ведь две страны еще не были военными союзниками.

Во время гитлеровского блицкрига в США было 9 миллионов безработных. Социальное вспомоществование получали миллионы американцев, появилось целое поколение, не знавшее здорового экономического роста страны. Весной 1941 года армейские доктора отослали домой почти половину призывников — прежде всего из-за плохого питания они не соответствовали физическим нормам. Согласно цензу 1940 года, половина американских детей проживала в семьях, чей ежегодный доход не достигал 1500 долларов. Более четверти населения тогда еще жили на фермах, обычный доход фермера равнялся 1000 долларов в год. На трех четвертях ферм не было электричества, а только керосиновые лампы. В стране один телефон приходился на семерых жителей, один автомобиль — на пятерых. В четверти домов отсутствовал водопровод. Средний американец бросал образование после восьмого класса. Все это в стране, население которой достигло 132 миллиона человек, быстро изменится в предстоящие четыре года войны. Тогда, когда весь мир испытывал голод и разрушения, Америка быстро укрепляла свое материальное благосостояние.

Азиатское направление

Готовясь к великим испытаниям, Рузвельт вынужден был значительное внимание уделять Азии. Японская сторона с началом войны в Европе ужесточила свои позиции — наступал с ее точки зрения решающий исторический период, когда силы потенциальных союзников США оказались скованными в Европе, а сами американцы были далеки от готовности противопоставить японцам в Азии адекватную мощь. В Токио более открыто, чем прежде, говорили о создании Великой Восточно-Азиатской сферы сопроцветания. Японское правительство выдвинуло тезис, что, как только «третьи державы» прекратят свое вмешательство в китайские дела, споры США и Японии в Азии будут прекращены по всеобщему согласию.

Отметим, что на протяжении всего XX века Японии удавалось играть на противоречиях европейских держав, на американо-европейских противоречиях и по-

степенно, шаг за шагом распространять сферу своего влияния в Азии. С расколом Европы на военные блоки и с началом второй мировой войны японские милитаристы преисполнились ожиданий и предвкушений. Теперь западноевропейские страны, нейтрализовавшие друг друга, не представляли опасности, а в качестве щита и меча против Америки выступал мощный тихоокеанский флот Японии.

В 1939 году военное министерство Японии поручило полковнику Ивакуро Хидео сделать общую оценку американского потенциала. В январе 1940 года была создана специальная оперативная группа по оценке военных возможностей США. Сугубо секретный характер работы этой группы заставил военное руководство не раз менять ее месторасположение в Токио. Для адекватной оценки Америки использовались научные работы даже на русском и немецком языках. В марте 1941 года руководство группы прибыло в Вашингтон, чтобы на месте проверить свои умозаключения. Наиболее отрезвляющими цифрами отчета было то, что США производят в 20 раз больше стали, чем Япония, добывают в несколько сот раз больше нефти, производят в 5 раз больше самолетов, имеют пятикратно большую рабочую силу. Ивакуро пришел к выводу, что мобилизованный военный потенциал Японии составит лишь 10 процентов американского. И тем не менее военное руководство исходило из того, что на региональном уровне Япония сумеет противостоять Америке.

На строго секретной конференции в сентябре 1941 года было определено, что Япония может рассчитывать на экономический блок, включающий Маньчжурию и Китай. Если вооруженные силы в течение двухлетнего периода не сумеют добиться решающего перевеса, экономика Японии будет слабеть, а американская расти — так определяли перспективу эксперты. Завершая конференцию, начальник генерального штаба генерал Сугияма вопреки всем заключениям специалистов заявил, что вопрос о войне с США решен и потому любые оценки, имеющие пессимистические ноты, подлежат уничтожению, что и было сделано со всеми копиями вышеупомянутого доклада. На этом совещании штабом японских военно-морских сил была принята оценка Америки как страны, представляющей полюс, противоположный японской цивилизации.

Столкновение Японии с США уже предопределили несколько факторов: принадлежность Токио к общей «оси» с Берлином и Римом, сепаратная политика в Китае, стремление создать закрытую Великую Восточно-Азиатскую сферу сопроцветания. Как писали сами японцы, «японская экспансия на азиатском континенте и Тихом океане так или иначе вела к столкновению с политикой Соединенных Штатов».

Президент Рузвельт категорически отказался признать завоевания японцев в Китае и в качестве ответа на создание прояпонского марионеточного режима предоставил Чан Кайши кредит в 200 миллионов долларов.

Главная жертва японской агрессии Китай страдал, в частности, от нехватки военного оборудования и снаряжения. Он мог рассчитывать лишь на два канала их

получения. С севера шла помощь из Советского Союза, на юге западные державы прокладывали путь через Индию—Бирму. С началом войны в Европе японцы поставили себе задачу — перекрыть оба пути и окончательно покорить Китай. Японские войска оккупировали Южный Китай, захватив следующий по значимости за Шанхаем Кантон, блокировали все подступы к британскому Гонконгу, захватили остров Хайнань — сторожевой пост на входе в Тонкинский залив, острова Спратли, расположенные на пути к Филиппинам, Индокитаю, Таиланду, Борнео, Яве, Сингапуру. В июне 1940 года, когда Франция была поставлена на колени, японское правительство навязало Таиланду «договор о дружбе», который «гарантировал» территориальную целостность Таиланда штыками японских войск и предусматривал взаимные политические консультации.

Видя усиление японской активности, США стали ужесточать свои позиции. В 1939—1941 годах американское правительство отказалось признать территориальные изменения, произведенные посредством силы. Из американских портов шла помощь, пусть пока незначительная, борющимся с японцами китайцам. Основная помощь чунциньскому правительству — предоставление займов. Серия таких займов позволила открыть «бирманскую дорогу», через которую в Китай поступали стратегические материалы. Важно также помнить, что США одновременно вели широкую торговлю с Японией, которой продавали только необходимые ей металл и нефть — главные сырьевые «предпосылки» ведения современной войны. Как уже говорилось, только в январе 1940 года президент Рузвельт получил полномочия ввести эмбарго на торговлю с Японией, но примечательно, что оно не было введено. Закулисно это объяснялось страхом, что в ответ Япония постарается овладеть голландской Ист-Индией, а также неподготовленностью американской стороны и ее потенциальных союзников — англичан, голландцев и китайцев.

В Токио понимали, что удар немцев непременно придется на Голландию, и ее крупнейшая азиатская колония стала целью дальнейшей японской экспансии. Когда в мае 1940 года Германия оккупировала Голландию и голландская Вест-Индия в Карибском бассейне попала под контроль Британии, Япония поставила вопрос о судьбе голландской Ист-Индии. Именно тогда американский флот был послан на Гавайские базы. Этот шаг, по замыслу Рузвельта, должен был доказать серьезность намерений Соединенных Штатов, не желавших, чтобы голландская Ист-Индия попала в японские руки.

Рузвельт видел, что на этом этапе у Соединенных Штатов не так уж много средств для противостояния планам Японии, если она дейтвительно решится оккупировать голландскую Ист-Индию. Поэтому в конце мая он признается Моргентау, что «предпочел бы сделать что-нибудь совместное с Японией, что-то вроде общего совместного договора по поддержанию мира в Тихом океане». По прямому указанию президента государственный секретарь Хэлл попросил восточ-

ных экспертов госдепартамента исследовать все «отношения с Японией, чтобы узнать, в человеческих ли силах найти какой-либо подход к ним, чтобы сблизиться, а не скакать навстречу, как на бешеной лошади».

Последствия краха Франции

Господство на морях, принадлежавшее ранее англо-французской коалиции, дружественной США, исчезло. Прежняя самоуверенность уступила место мрачным перспективам. «Французский бастион» пал, более того, впервые в истории США окружающие континент океаны не только потеряли значительную долю своей защитной функции, но и могли служить плацдармом если не прямого вторжения в США, то в окружающие страны западного полушария. Двумя основными элементами французского наследства являлись обширная колониальная империя, разбросанная на двух материках и многочисленных островах, и французский военный флот, большая часть которого стояла в гавани Тулона и близ североафриканских баз. Рузвельт понимал, что если французский флот будет присоединен к немецким и итальянским военно-морским силам, то «Германия сможет изменить ситуацию в Южной Америке в течение нескольких недель».

Перед президентом Рузвельтом встала огромная проблема: исчезновение дружественной мировой державы и возникновение на ее обломках того, что слишком уж напоминало марионеточный режим — власть по воле немцев, власть, сотрудничающая с немцами. Рузвельт пытался смягчить опасные для США последствия компьенского перемирия. Первым на очереди был французский флот. Телеграмму Рузвельта (о том, что, отдав флот, Франция потеряет дружбу США) передали Дарлану, вице-президенту петеновского режима, когда тот направлялся на заседание совета министров. Американский представитель вызвал с заседания министра иностранных дел Бодуэна и вручил ему копию этой телеграммы.

Как это ни странно, но первой платой за признание Рузвельтом правительства Виши стал Индокитай. В момент крушения Франции японское правительство вынудило правительство Петэна согласиться на перекрытие дороги из французского Индокитая в Китай. Военный материал, предназначавшийся для Китая, попал в руки его врага. Японцы, воспользовавшись обстановкой, форсировали свой нажим. Правительство Виши пропустило в Индокитай японские военные миссии, а 22 сентября Япония, поддержанная Германией, с которой она вступила в союз, добилась от Петена согласия на оккупацию севера Индокитая. Генерал-губернатор французского Индокитая Ж.Катру еще в июне 1940 года обратился к американскому и английскому правительствам с просьбой предоставить помощь для противостояния японцам. Отказ США и был той ценой, которую они уплатили за установление дипломатических отношений с Виши. Адмирал Дарлан при этом выразил уверенность, что «Гитлер нападет

на Соединенные Штаты вскоре после овладения Англией, и оборона Соединенных Штатов окажется такой же уязвимой, как и оборона Англии».

На этом этапе Рузвельт был откровенно доволен тем, что французский флот «заморожен» во французских портах, и что Северная и Центральная Африка пока не стали зоной проникновения германских и итальянских вооруженных сил. Что касается степени сотрудничества Виши с германским военно-промышленным комплексом, то этот вопрос на данном этапе оставался в тени.

Из всех французских колоний только выступ французской западной Африки, заканчивающийся Дакаром, рассматривался Рузвельтом как важнейший. Хозяин Дакара мог прервать атлантические коммуникации и, главное, максимально приближался к латиноамериканскому континенту. Это была единственная дорога в контролируемую Германией Западную Европу. Здесь стояли значительные французские силы, исключенные из антигитлеровской коалиции из-за своей покорности Петэну. Здесь американская дипломатия параллельно с военной разведкой обнаружила уязвимое предполье Европы и развернула деятельность, прогрессировавшую с каждым днем. Интерес к Дакару возрос в правительственной среде США настолько, что 15 сентября 1940 года там был открыт американский консулат. Консул Томас Вассон получил специальные инструкции следить за деятельностью немцев на этой выдвинутой к Бразилии оконечности Африки.

24 октября Петэн встретился с Гитлером в Монтуаре. В переговорах наряду с прочими обсуждался вопрос о военном потенциале США. Гитлер выразил уверенность, что США не могут создать достаточно эффективные силы ранее 1942 года. К этому времени Англия будет повержена, а «мысль об американской высадке на континенте в военном смысле является чистой иллюзией».

Откликом на переговоры в Монтуаре с американской стороны послужило личное письмо Рузвельта Петэну 25 октября 1940 года: «Тот факт, что французское правительство находится под давлением, не может оправдать помощи Германии с французской стороны». Рузвельт напомнил об обещании не сдавать флот. Любое соглашение между Виши и Берлином «повредит традиционной дружбе». Рузвельт предупреждал, что сотрудничество, особенно при посредстве флота, лишит Францию: а) «помощи французскому народу в его несчастье»; б) помощи в «возвращении ее заморских владений».

Токио ужесточает позиции

Действия англичан (которых можно оправдать, поскольку они обращались к американцам и готовы были сражаться, если получат от них помощь) вызвали жаркие дебаты в Вашингтоне. 18 июля 1940 год ведущие деятели администрации — военный министр Стимсон, военно-морской министр Нокс, министр финансов

Моргентау — обсуждали эту проблему в английском посольстве с послом лордом Лотианом. Как можно было предположить, лорд Лотиан напомнил об отказе Вашингтона принять строгие меры против Японии, что и развязало руки англичанам. Более того, он заявил, что американцы продолжают продавать авиационный бензин Японии. Если бы Соединенные Штаты прекратили поставки нефти, а англичане взорвали нефтяные месторождения в Ист-Индии, японская военная машина остановилась бы, не имея горючего. Министр финансов Моргентау немедленно изложил английский план президенту. Моргентау говорил, что Англия будет черпать горючее из Венесуэлы и Колумбии. В то же время полное эмбарго американцев на поставки и уничтожение нефтяных месторождений в Индонезии, наряду с массированными английскими атаками на германские заводы, производящие синтетическое горючее, может привести к тому, «что все дело кончится для нас миром в течение трех или шести месяцев». Рузвельт очень заинтересовался этим планом Моргентау и решил обсудить его со Стимсоном, Коксом и Уэллесом.

С одной стороны, следовало избежать конфликта с Японией. Главным доводом для Рузвельта было то, что конфликт с Японией уменьшит англо-американские возможности нанести поражение Берлину, а именно с этой линией действий в мировой дипломатии связывал свою судьбу президент Рузвельт. С другой стороны, попустительство азиатскому агрессору также могло дать японцам неверные сигналы. Именно в ключе английских предложений Рузвельт 25 июля 1940 года после продолжительных бесед с Стимсоном, определив запасы Соединенных Штатов как достаточные для 6—9 месяцев потребления, подписал прокламацию министерства финансов, ограничивающую экспорт нефти и металлолома.

Это решение президента можно рассматривать как начало экономического давления на Японию, переход к решительным действиям. Рузвельт сказал репортерам, что не вводит эмбарго, как говорят газеты, а скорее расширяет систему государственных лицензий на некоторые категории нефти и металлолома. Запрет на экспорт стал касаться только авиационного бензина и смазочных масел, а также некоторых видов металлолома. На данном этапе это устраивало Рузвельта, поскольку он показал «сильную руку» в отношении Японии и в то же время, как ему думалось, удалился из зоны риска — начала войны с Японией.

Между тем в Токио к власти пришли более воинственные силы — во второй половине июля 1940 года кабинет Янаи был сменен кабинетом принца Фунимава Коноэ. В новый кабинет министров вошли такие сторонники экспансии, как Юсуки Мацуока (министр иностранных дел), генерал Хидеки Тодзио (военный министр).

Для Рузвельта это был период неожиданных и мощных вызовов. В Европе Англия одна стояла перед захваченным Германией континентом. Теперь в Азии агрессор пошел напролом, и американцам нужно было решать, что они должны предпринять, чтобы остановить Японию. И все же, беседуя 16 августа с Моргентау, президент сказал: «Мы не должны оказывать излишнее давление на Японию

в это время, мы можем толкнуть ее в сторону голландской Ист-Индии». Но у Рузвельта были возможности убедиться в том, что его примирительные шаги не оказали должного воздействия на японцев. В сентябре 1940 года Япония в категорической форме потребовала от петэновских властей в Индокитае права на транзит своих войск, строительство аэродромов и установление тесных экономических связей. На этот раз президент Рувельт стал обращаться к тем, кто предлагал более суровые меры против Японии. Когда 26 сентября стало ясно, что Англия скорее всего выстоит перед лицом германских военных налетов, а японцы все же выйдут на дороги Индокитая, администрация Рузвельта объявила полное эмбарго на поставки стального и железного металлолома.

Заключенный в сентябре 1940 года тройственный союз Германии, Японии и Италии в случае войны сковывал силы США борьбой на два фронта. Предвидя эту ситуацию, США сократили свое присутствие в Азии, вели себя даже несколько заискивающе. На этом этапе, когда дела Англии казались особенно плохими (июнь 1940 года), американская сторона даже намекнула (это сделал секретарь Ф.Рузвельта Эрли), что возможен раздел сфер влияния — «доктрина Монро для Америки и своя доктрина для Азии и Европы». Данное заявление было с восторгом принято японцами и немцами.

Урегулирование отношений с японцами оказалось невозможным по нескольким причинам. Во-первых, они уже «закусили удила», и возможности компромисса, столь желанные еще год—два назад, оказались лишь препятствием в уникальном мире 1940 года. Во-вторых, Америка почти уже удалилась из Азии де-факто, и юридическое подкрепление мало что давало. В-третьих, подготовкой трехстороннего пакта Япония связала себя узами лояльности с Германией и Италией и не могла быть достаточно гибкой с США. Идти на компромисс с Америкой, союзником Англии, означало косвенно поддерживать антогониста Германии и Италии в Европе. Теперь путь военной экспансии казался японским милитаристам единственно возможным. Поэтому американские действия не предотвратили подписания Японией трехстороннего пакта с Германией и Италией 27 сентября 1940 года. Было очевидно, что одна из главных целей этого договора — предотвратить помощь Соединенных Штатов Англии в войне с Германией в Европе и гарантировать Японии создание Великой Восточно-Азиатской сферы сопроцветания.

«Стальной пакт» вызвал серьезные дебаты в правящих кругах США. Фракция сторонников энергичного курса (военный министр Стимсон, министр финансов Моргентау, министр внутренних дел Икес) потребовала «прямых действий, которые показали бы Японии, что мы, по меньшей мере, не боимся ее». Лондон поддержал эту фракцию, объявив 11 октября о новом открытии бирманской дороги в Китай, как бы давая этим понять, что англосаксонские союзники придут на помощь китайцам. Черчилль предложил президенту Рузвельту послать военную эскадру

(как он писал, «чем больше, тем лучше») в Сингапур для предотвращения военных действий со стороны Японии. В самом кабинете военный министр Стимсон согласился с английским предложением послать военно-морской флот в направлении голландской Восточной Индии. Другая фракция (американские военные и руководившие дипломатическим ведомством Хэлл и Уэллес) полагала, что посылка эскадры в Сингапур и полное эмбарго на поставки нефти только спровоцируют Японию на решительные действия, когда американские силы еще не готовы. К тому же неясно, как пойдет развитие германской политики, а это означало, что Америка должна быть готова к различным вариантам хода событий. Поэтому дипломаты и военные не соглашались с фракцией Стимсона, Моргентау и Икеса.

Президент склонялся скорее к позиции сторонников энергичных действий. В беседе с министром военно-морского флота Ноксом 8 октября он сказал, что, если Япония ответит агрессивными действиями на открытие англичанами бирманской дороги, Соединенные Штаты должны будут объявить полное эмбарго на торговлю с Японией. Именно в это время Рузвельт отказался вернуть тихоокеанский флот в Сан-Диего.

Представим себе ситуацию, в которой Рузвельт вырабатывал курс США. Англия находилась в отчаянном положении после июня 1940 года. Британский премьер-министр уведомлял президента 18 июня, что захват Германией европейского побережья от Норвегии до Ла-Манша, добавление сотни итальянских подводных лодок к 55 германским в морях и океанах, потеря Англией половины эсминцев — все это серьезно ослабило способность англичан выстоять, отразить вторжение и защитить свободу на морях. В июле 1940 года Франклин Рузвельт говорил, что шансы Англии выжить равняются одному из трех. 13 августа 1940 года, преодолев сомнения, президент Рузвельт послал премьеру Черчиллю телеграмму о возможности немедленной передачи Англии 50 старых эсминцев, 20 торпедных катеров и 10 самолетов. В обмен он хотел получить заверения (президент обещал их не афишировать) в том, что британский флот не будет ни при каких обстоятельствах сдан Германии, и обязательство передать Соединенным Штатам в аренду на 99 лет военно-морские и военно-воздушные базы Великобритании в западном полушарии. Мы видим, что Рузвельта заботила консолидация американской мощи в Центральной Америке, в Карибском бассейне, и он считал получение английских баз необходимым для упрочнения американских стратегических позиций в мире. Сделку по обмену старых эсминцев на английские базы Рузвельт назвал «самым важным шагом по укреплению нашей национальной обороны со времен покупки Луизианы».

Не связав официально свою судьбу с Великобританией, американцы все же исключали для себя союз с Германией — слишком много противоречий разделяло эти страны. В эти дни — время самых внушительных успехов немцев на западном фронте — слова Черчилля многое значили для американцев: «Мы пойдем до конца. Мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океа-

нах, мы будем сражаться с растущей уверенностью и растущей силой в воздухе, мы будем охранять наш остров, чего бы это ни стоило, мы будем сражаться на пляжах, мы будем сражаться на месте высадки, мы будем сражаться в полях и на улицах, мы будем сражаться на холмах. Мы никогда не сдадимся».

Рузвельта многое восхищало в английском премьере. Он сравнивал даже распорядок дня Черчилля со своим. До этого времени Рузвельт и Черчилль встречались лишь раз, в годы первой мировой войны (Рузвельт говорил, что хорошо помнит эту встречу, а Черчилль — что не помнит). Но почерк друг друга им был уже знаком. Черчилль мог послать через океан телеграмму в два часа пополуночи, она поступала прямо в американское посольство в Лондоне, а оттуда через специальные шифровальные машины в Белый дом, и президент иногда получал ее, еще не успев заснуть. Тогда утром Черчилля ожидал ответ.

У двух великих держав были общие интересы. Черчилль хотел связать судьбы Америки и Англии, он полагался на такой союз и стремился сделать его неразделимым. Рузвельт видел иные сны. Он вел себя с англичанами достаточно жестко: отклонил просьбу об эсминцах в мае — в решающие дни битвы за Францию, а в сентябре предоставил англичанам лишь несколько старых самолетов. Совершенно различным было толкование и сделки «эсминцы—базы». Английская сторона видела в ней формирование общих позиций двух наций, американская сторона полагала таким способом укрепить свои позиции в Карибском бассейне.

Все четверо сыновей президента Рузвельта уже осенью 1940 года находились в вооруженных силах: Франклин-младший и Джон — во флоте, Эллиот — в авиации, Джим — в морской пехоте.

Ленд-лиз

Переизбрание укрепило позиции Рузвельта, теперь он мог сосредоточиться на стратегическом аспекте планирования. Мир радикально изменился за последние месяцы. В Западной и Центральной Европе господствовал фашизм. Англия стояла на пороге вторжения. Теперь у Соединенных Штатов не было свободы выбора, все более актуальным становился вопрос, до какой степени Соединенные Штаты должны помогать Англии выжить. Ясно было, что, если английский бастион падет, Соединенным Штатам придется думать о защитных редутах уже в своем полушарии.

К концу октября, когда, судя по всему, стало очевидным, что англичане выстоят в своем противоборстве с враждебным континентом, в более конкретную плоскость перешел и вопрос об американских поставках английским вооруженным силам. Запросы англичан к этому времени значительно возросли. Англичане просили Рузвельта в 1941 году поставить вооружение для 10 дивизий и уже не 14 тысяч, а

26 тысяч самолетов. Хотя эти цифры выглядят фантастическими и сейчас, Рузвельт не отверг их, а нашел необходимым принять английские заказы. Объясняя свои действия, он прямо указал, что столь грандиозные военные заказы укрепят американскую экономику во всех секторах и по всей территории страны и, главное, помогут создать такую мощную военную экономику, которая «будет служить нуждам Соединенных Штатов в любых обстоятельствах».

Через два дня после переизбрания на третий президентский срок — 7 ноября 1940 года — Рузвельт открыто заявил, что Англия получит половину всего вновь производимого в США военного оборудования, включая последние модели бомбардировщиков. Напомним, что к этому времени англичане заказали оружия в Соединенных Штатах более чем на 5 миллиардов долларов, а по оценкам помощника президента наличными у них было уже менее 2 миллиардов долларов. Большего Лондон уже дать не мог.

О банкротстве Англии впервые столь открыто объявил британский посол Лотиан 23 ноября 1940 года, когда он обратился к группе американских журналистов: «Ну, ребята, Англия подошла к черте; ваши деньги — вот чего бы мы хотели». Первого декабря 1940 года министр финансов Моргентау доложил президенту, что у англичан нет необходимых 2 миллиардов долларов для оплаты военных заказов, сделанных ими в октябре. Рузвельт видел два пути. Можно было, конечно, позволить Англии ослабеть до крайних пределов, способствовать развалу Британской империи, а потом взять английское наследство под свою опеку. Но такой путь был опасен: могла вмешаться Германия и захватить контроль над распадающейся Британской империей быстрее, чем это сделают американцы. Президент избрал другой путь — обошел существующие легальные препятствия прямой помощи. Этими препятствиями были закон Джонсона и закон о нейтралитете, которые запрещали предоставлять кредиты и требовали оплаты наличными деньгами всех закупок со стороны воюющих держав.

Выйдя из Вашингтона под парусами вниз по Потомаку к океану 2 декабря 1940 года, Рузвельт посвятил две недели осмыслению дальнейшего курса Америки в мировом конфликте и прежде всего формы помощи англичанам. На столе у президента лежало письмо Черчилля, «одно из самых важных писем», которые он когда-либо писал. Черчилль излагал перспективы 1941 года, какими они виделись из Лондона. Английский премьер считал, что опасность быстрого и всесокрушающего вторжения немцев в значительной мере уменьшилась. Но возникает хотя и не столь очевидная, но тем не менее смертельная угроза медленного удушения Англии путем блокады и давления с воздуха. Наиболее опасным, с его точки зрения, было «постоянное и все увеличивающееся потопление морских грузов... В 1941 году самой важной проблемой будет безопасность морских путей. Если мы не обеспечим снабжения нашего острова основными видами вооружений и припасов, если не сможем посылать наши армии на все вероятные театры военных действий, где Гитлер

и его сообщник Муссолини должны быть разбиты, мы можем пасть. Все идет к тому, чтобы Соединенные Штаты завершили свои оборонительные приготовления».

Стало ясно, что премьер видит впереди длительную борьбу, реагирует на изменение мирового соотношения сил; он, собственно, готов к тому, что Британская империя уже прошла зенит своего могущества и клонится к упадку, а Соединенные Штаты получают огромный исторический шанс. Америке нужно было прежде всего поддержать англичан, затем закрепиться на предоставляемых ими позициях, распространить свое влияние и начать решающую борьбу с державами «оси».

В свете возникающей перспективы Рузвельт пошел на необычайный шаг.

Военный министр Стимсон однажды сказал, что следовать за интуитивным мыслительным процессом Рузвельта, «это все равно что охотиться за мелькающим лучом солнца на стене пустой комнаты». Но такой независимый полет мысли давал и убедительные результаты. Один из них — рожденная после отчаянного письма Черчилля («мы ободраны до костей») идея ленд-лиза, плод нескольких вечеров размышлений президента во время круиза по южным морям. «Ни я, ни кто либо другой,— пишет Роберт Шервуд,— не можем составить ясного представления о том, как функционирует его мыслительный процесс. Казалось, он не говорил много о насущном вопросе, не спрашивал совета у других, не читал книги по данному вопросу... Одно можно сказать определенно: ФДР — созидательный мастер политики». Ф.Перкинс о ленд-лизе: «Вспышка ясновидящего знания и понимания», он словно музыкант, который внезапно «слышит всю симфонию».

В день инаугурации газеты охарактеризовали его как человека удивительной жизненной силы, сохранившего бодрость духа вопреки разочарованиям и наступившим тяжелым временам. Вызов, брошенный мировой войной, как бы еще более высветил его витальность. «Серьезный, но не мрачный, обеспокоенный, но не суровый, полный энергии и уверенный в том, что он — тот самый человек, который говорил американскому народу: "Единственное, чего мы должны бояться,— это самого страха"».

День инаугурации 20 января 1941 года был ясным и солнечным. К тому же опрос Гэллапа показал очередной рекорд популярности президента — 71 процент. Девятнадцать членов его семьи наблюдали за положенной на старую библию рукой и слушали третью инаугурационную речь. Ясный голос, решительные жесты. «Нация как человек, она имеет тело, которое должно быть накормлено и защищено своим домом. Она имеет разум, который должен быть образован, информирован и иметь нечто более глубокое, нечто более постоянное, большее, чем сумма своих частей. Это нечто значит более всего для будущего... Трудно, может быть, невозможно определить это нечто одним словом. И все же мы понимаем, что говорим о духе — о вере Америки.»

Чтобы верно определить приоритетность дел, Рузвельт послал Гопкинса в Лондон: выстоит ли Британия? Зная, что Гопкинс был прежде занят внутренними про-

блемами «Нового курса», Черчилль начал за обеденным столом рассказывать о будущем послевоенном жилищном строительстве в Англии. Гопкинс перебил его: «Мистер Черчилль, к черту ваши коттеджи. Я прибыл сюда, чтобы узнать, как вы собираетесь побить этого мерзавца Гитлера». Услышав это, Черчилль расправил плечи и попросил Гопкинса проследовать за ним в кабинет, где четыре часа объяснял военную обстановку и усилия Британии. «С этого времени,— пишет Черчилль в мемуарах,— началась дружба, которая благополучно провела нас через все землетрясения и конвульсии. Это был самый верный и совершенный накал связи между президентом и мной». Гопкинс с этих минут стал одним из наиболее преданных поклонников Черчилля, с которым они не расставались целую неделю. Прощаясь, Гопкинс процитировал Библию: «Я пойду за тобой туда, куда бы ты не пошел, там, где ты разместишься, буду и я; твой народ будет моим народом и твой Бог — моим Богом». И добавил: «До конца». Не так часто окружающие видели, как слезы текли по щекам Черчилля.

Глава девятая
ОБРАЗОВАНИЕ КОАЛИЦИИ

Наше дело справедливо.
И союз наш совершенен.
Джон Дикинсон, 1775

Приняв важнейшее решение о помощи англичанам, Рузвельт в последние дни декабря 1940 года размышлял об общей оценке мировой политики. То было время доминирования Германии в Западной Европе, вершина успехов ее военной машины, пик агрессивных устремлений гитлеровского руководства и вермахта, когда германский генеральный штаб готовил один за другим планы дальнейших военных операций. Захват Швеции или Швейцарии также фигурировал в этих планах, но их значение являлось минимальным в сравнении с кардинальной дилеммой Берлина: Запад или Восток. В этот роковой час европейской и мировой истории две страны способны были противостоять германскому удару — Англия и СССР. Но лишь одна страна могла не только обеспечить свою защиту, но и поставить нацистскую Германию на колени — Советский Союз. К началу 1941 года планы гитлеровского командования оставались тайной, но уже появились признаки радикальной перегруппировки нацистской машины на восток.

Мировая политика стала темой выступления Рузвельта по радио 29 октября 1940 года. Впервые, пожалуй, огромная национальная аудитория слышала его мысли менее замаскированными, чем прежде: предвыборная кампания осталась за плечами. Президент объявил, что никогда еще со времен гражданской войны Америка «не находилась в такой опасности, как ныне». Сегодня, если Англия потерпит поражение, страны «оси», которые выражают свою решимость господствовать в мире, будут контролировать Европу, Азию, Африку, Австралию, огромные морские просторы, и «все мы, живущие в обеих Америках, окажемся под прицелом винтовки, заряженной разрывными пулями, как экономическими, так и военными... Чтобы выжить в таком мире, мы должны превратить себя в военную державу на основе военной экономики».

Именно в этой речи Рузвельт сказал, что Америка должна быть «арсеналом демократии». Он еще не мог говорить о непосредственных планах вмешательства США в мировой конфликт, но уже стало ясно, что Америка приближается к главным внешнеполитическим решениям своей истории. В ежегодном послании конгрессу о положении страны (6 января 1941 года) президент Рузвельт очертил три линии своей будущей политики: «Всеобъемлющая национальная оборона; полная

поддержка тех народов, которые противостоят агрессии; удержание нашего полушария от превращения его в арену боевых действий».

Когда недавний политический соперник Уэндел Уилки решил посетить Лондон, Рузвельт пригласил его в Белый дом и дал своего рода рекомендательное письмо премьеру Черчиллю, куда своей рукой вписал стихи Лонгфелло, которые Черчилль использовал в ближайшей же речи перед палатой общин. Он напомнил, что «в последней войне Соединенные Штаты послали через Атлантический океан два миллиона солдат... Недавно Рузвельт прислал мне стихи Лонгфелло, которые несут смысл, понятный и нам и им:

Плыви вперед, челн государства!
Вперед, союз великий и могучий!
И человечество во всех своих заботах
И всех надеждах о грядущих днях
Следит, дыханье затая, за плаваньем великим!

Какой же ответ я должен дать от вашего имени этому великому человеку, в третий раз избранному главой нации в 130 миллионов человек. Вот ответ мистеру Рузвельту: «Не сомневайтесь в нас... Мы не ослабеем и не ошибемся. Дайте нам инструмент, и мы проделаем работу».

С этим ответом Уилки прямо с аэродрома, в синем измятом костюме прибыл на слушания конгресса по ленд-лизу. «Если республиканская партия встанет в слепую оппозицию к этому биллю, у нее уже никогда не будет шанса получить контроль над американским правительством.»

10 февраля 1941 года палата представителей одобрила законопроекты по ленд-лизу. 11 марта сенат проголосовал за ленд-лиз, и он обрел права закона. Рузвельт с удовлетворением подписал закон о ленд-лизе, по которому Британия получит помощь на 30 миллиардов (Россия более чем на 10 миллиардов). По словам Памелы Черчилль Гарриман, это было «одно из крупнейших предприятий американской истории». Главным администратором ленд-лиза стал Гарри Гопкинс, и Рузвельт провел немало дней, обсуждая ход военной и экономической помощи тем, кто постепенно становился союзниками.

Президент мог теперь оказывать влияние на Британию, которая располагала силами как на востоке, так и на западе, в Европе, Африке, Азии, на всех морях. Воздействуя на Британскую империю, США получали возможность укрепиться во всех частях света. В это время Рузвельт сформировал свой так называемый военный кабинет, в который вошли военно-морской министр Нокс, военный министр Стимсон, министр финансов Моргентау, государственный секретарь Хэлл и Гарри Гопкинс — ближайший личный помощник президента. Именно на совещаниях военного кабинета (часто в более узком составе, чем названный выше) Рузвельт обсуждал самые насущные проблемы своей стратегии.

Теперь Америка создавала армию в полтора миллиона солдат, 400 тысяч рабочих строили 46 новых армейских лагерей. Речь шла уже не о месяцах, а о днях. Весной 1941 года все они, одинаковые и покрашенные в непритязательные цвета, были готовы для новой американской армии.

В Белом доме в начале 1941 года стали известны слова Гитлера: «Скоро только мои солдаты будут стоять от Владивостока до Гибралтара». В январе заместитель государственного секретаря Уэллес передал советскому послу Уманскому сведения о подготовке Гитлером похода на восток. В эти недели генерал Уильям Донован совершил «инспекционную» поездку по Европе и Ближнему Востоку. 3 апреля 1941 года после жарких двухдневных дебатов с адмиралом Старком, командующим военно-морскими силами, Рузвельт отдал приказ перевести три линкора, один авианосец и четыре крейсера с Тихого океана в Атлантический для укрепления позиций Соединенных Штатов в Атлантическом океане и обеспечения эскортирования конвоев между Америкой и Англией.

Отметим факт, не всегда упоминаемый историками. Весной 1941 года англичане (и американцы) фактически проигрывали битву за Англию. В апреле 1941 года адмирал Старк писал, что ситуация в Атлантике «много хуже того, что о ней думает средний гражданин». Помощь по ленд-лизу столкнулась с яростью германских подлодок. В мае 1941 года немецкие подводные лодки потопили втрое больше судов, чем англичане могли построить на своих верфях, вдвое больше, чем на английских и американских верфях вместе взятых. Что было бы, если бы Германия не повернула на восток?

В апреле Рузвельт сообщил Черчиллю результаты обсуждений вопроса об американской помощи Англии в Северной Атлантике. Рузвельт объявил Северную Атлантику нейтральной зоной, отдал военно-морскому флоту США приказ патрулировать эту зону и сообщать англичанам о месте расположения германских подводных лодок. Президент приказал высадить американские войска в Гренландии. Через несколько месяцев он отправил воинские подразделения в Исландию и полностью оккупировал остров. Президент вел фактически «свою» войну. Конгресс не санкционировал войны с германскими подводными лодками. Но Рузвельт назвал немецкие подлодки «гремучими змеями» Атлантики и приказал военно-морскому флоту США топить их по мере возможности. Президентом были сняты практически все ограничения на торговлю с борющейся Англией.

Между тем апрель был месяцем успехов стран «оси». Немцы возобновили блицкриг. За неделю они сокрушили Югославию, затем пришла очередь Греции. В Ливии англичане отошли к египетской границе. Продовольственный рацион англичан резко сократился. В Африке генерал Роммель за 12-дневную кампанию отобрал все захваченные англичанами плацдармы, пересек Киренаику и вышел к границе Египта. Крит был захвачен десантом с воздуха. Из Виши сообщали о готовности немцев захватить Гибралтар и сделать Средиземное море озером «оси».

Куда пойдет Германия

Накануне великих событий 1941 года стало ясно, что главная индустриальная и военная мощь Европы в основном находится под контролем Германии. Теряя позиции в Восточном Средиземноморье, Черчилль пытался укрепиться в западной его части, а также на островах, лежащих близ Гибралтара. В эти дни он просил Рузвельта о помощи в оккупации Азорских островов и островов Зеленого Мыса. Уинстон Черчилль убеждал своего американского корреспондента (премьер подписывался в этих посланиях Рузвельту как «бывший военный моряк») не ослаблять дипломатического давления на Испанию и Португалию с тем, чтобы вход в Средиземное море оставался открытым для англичан.

Пожалуй, впервые мы видим, как Рузвельт, обычно стремящийся уйти от определенных суждений, от точного обозначения своих целей, соглашается говорить о геополитике. Он пишет премьеру: «Результат этой борьбы будет определен на Атлантическом океане, и если Гитлер не сможет достичь победы именно в этом регионе, он не сможет победить нигде в мире, он не сможет победить в мире в целом».

Президент не согласился перевести основную часть тихоокеанского флота в Атлантический океан прежде всего потому, что, продолжая угрожать Японии, желал направить ее энергию в северном направлении. Напомним, что 13 апреля 1941 года между Японией и Советским Союзом был заключен договор о нейтралитете. Это чрезвычайно обеспокоило президента. Он видел, что японцы еще не определили жестко направления своей экспансии, они могут начать продвижение на север или бросить силы на юг. Движение на юг означало удар по американской зоне влияния, по Филиппинам. Движение на север означало войну Японии против Советского Союза.

В апреле 1941 года Рузвельт переживал скорее внутренний, чем внешний кризис. Военное производство составило лишь 30 процентов от запланированного, забастовки сотрясали весь организм государства. Адмирал Старк записывает в это время: «Президент находится в не менее тяжелой ситуации, чем любой государственный деятель в нашей государственной жизни». После всех тяжелейших усилий производство увеличилось лишь на 20 процентов, этого было явно недостаточно.

Рузвельт стоял на развилке своей политической судьбы. Вся нация смотрела на него, только он мог перейти роковую черту между войной и миром. Что-то сдерживало его, и сейчас мы знаем, что именно: Рузвельт уже знал, что решающий выбор за него делают немцы и японцы. Он получил данные, что колоссальная германская военная машина разворачивается на восток, и это упрощает задачу западных противников нацизма. Он приказал отложить идею с конвоями — они могут, как и в 1917 году, спровоцировать немцев в тот момент, когда гордыня ведет их к неминуемому возмездию. Максимум, на который после долгих ко-

лебаний все же пошел президент,— это создание патрульной системы для обнаружения германских подводных лодок. Данные об их обнаружении передавались англичанам.

2 мая 1941 года Рузвельт открыл мемориал в Стентоне, в доме, где родился Вудро Вильсон. Этот жест говорил о многом: Рузвельт 1 апреля 1941 года оказался в том же положении, в котором находился президент Вильсон после переизбрания в 1916 году,— вступления США в мировую войну. Нет сомнения, что Рузвельт не мог не думать о душевном состоянии Вильсона на пороге нового мира.

В это время военный министр Г. Стимсон записал в своем дневнике: «Международная ситуация становится все более сложной... Все спрашивают, что нужно делать». Но президент хранил ледяное молчание. Любой доступ к нему практически был закрыт. Накануне самых критических событий (с 14 по 27 мая) он не вставал с постели, никого не принимал. Окружающим говорили, что у президента простуда. Но беседовавший с ним многие часы Р. Шервуд, его «теневой писатель», не заметил никаких признаков недомогания. Секретарша президента М. Лихенд лишь улыбалась. Рузвельт был сосредоточен, он ждал великих новостей. Мы ничего не слышим от него в первые двадцать шесть дней мая 1941 года. Сейчас можно себе представить, что Рузвельт размышлял о предстоящем радикальном изменении международного положения, о возможности агрессии Германии на восток, о вероятном выступлении Японии против Советского Союза. Лишь в конце мая Рузвельт делает очередной шаг в своей дипломатической стратегии. Как только японцы выразили желание начать переговоры с Соединенными Штатами об урегулировании разногласий, а вишистская Франция стала более активно сотрудничать с Германией в области использования ближневосточных и африканских баз, Рузвельт посчитал возможным перевести четвертую часть своего тихоокеанского флота в Атлантический океан. Он, видимо, полагал, что японцы выбрали северное направление, а сотрудничество вишистов с Германией потенциально ослабляет позицию США в Атлантике.

В середине мая 1941 года число американцев, поддерживающих идею конвоев в Атлантике, выросло до 55 процентов. Но 70 процентов населения еще желали уклониться от мирового конфликта. Перед глазами Рузвельта была судьба Вудро Вильсона, ввергшего страну в войну без должной поддержки дома. Теперь Рузвельт хотел не дипломатической манипуляции, которая ввергает США в войну, а осознания большинством населения страны, что им угрожает подлинный противник, что промедление на определенном этапе оборачивается против Америки. Вот почему Рузвельт лежал в постели и читал газеты. Будущее было слишком угрожающим. Подталкивать страну к горнилу войны было слишком опасно. Оставалось ожидать. В Гайд-Парке его мать, 80-летняя Сара Рузвельт, поделилась с журналистами сво-

им мнением — она предполагала, что 1941 год будет «возможно, самым жестоким годом в истории».

Элеонора Рузвельт, говорившая с мужем по телефону 8 мая, была удивлена его энергичным тоном. Словно он ждал чего-то чрезвычайного. Рузвельт хотел знать, прижились ли его новые деревья в Гайд-Парке, и был рад услышать, что ранняя весна не потревожила саженцы.

Именно в это время Рузвельт принял приглашение своего помощника Па Уотсона поселиться в его поместье Кенвуд, рядом с Монтичелло*. Здесь был покой, и не всякий журналист отважился бы отправиться на юг в четырехчасовое путешествие к дому, отстоящему на семь километров от ближайшей железнодорожной станции в Шарлотсвиле.

Пауза завершилась во второй половине мая. В Овальном кабинете снова заполночь горел огонь. «Уход в пустыню» окончился, и 27 мая Рузвельт решил обратиться к нации с большой речью. 12 тысяч писем пришло в Белый дом с вопросами о происходящем в мире. Американцы ждали ответа. Рузвельт диктовал текст поздними вечерами, затем помощники с ножницами и клеем удалялись в соседнюю комнату, и утром президент просматривал отшлифованный текст. Увидев помощников работающими в три часа ночи, Элеонора Рузвельт пожурила их за позднюю работу. «Скорее, если я могу так выразиться, вы встали слишком рано»,— ответил Роберт Шервуд. После замечаний президента спичрайтеры шли на следующий вираж.

Главная идея речи президента — объяснить необходимость введения неограниченного национального чрезвычайного положения. Согласно конституции, президент мог объявить такое состояние только тогда, когда считал войну неминуемой. Мысль, которая волновала Рузвельта все эти дни: не рано ли он обращается к чрезвычайным мерам? Наконец он решился.

В половине одиннадцатого вечера 27 мая 1941 года американцы включили свои радиоприемники. В течение часа в миллионах домов стояла тишина, прерываемая лишь голосом президента. В каминной восточной комнате Белого дома на столе громоздился куст микрофонов. Перед столом сидели гости — члены Панамериканского союза.

Да, он обещал не посылать американских юношей в бой. Но что назвать боем? «Некоторые люди полагают, что мы не атакованы до тех пор, пока бомбы не начнут падать на улицы Нью-Йорка или Сан-Франциско, Нового Орлеана или Чикаго. Но эти люди закрывают глаза на уроки, которые мы должны извлечь из судьбы наций, завоеванных нацистами. Вторжение в Чехословакию началось с вступления немцев в Австрию. Вторжение в Норвегию началось с оккупации Да-

---

* Часть данной книги была написана в доме Франклина Рузвельта в Кенвуде. — *А.У.*

нии... и вторжение в США может начаться с захвата баз, что угрожает безопасности нации на севере и на юге... Сегодня мы знаем достаточно, чтобы понять, что было бы самоубийственным ожидать, когда противник появится перед нашим домом. Когда противник появится перед вами в танке или бомбардировщике, а вы будете бездеятельны, пока не увидите белки его глаз, вы уже не сможете полагаться на свою судьбу. Банкер-Хилл (место первого столкновения восставших колоний с английскими войсками.— *А.У.*) может находиться в нескольких тысячах миль от Бостона... Было бы самоубийством ожидать, пока они появятся перед нашими дверьми, было бы глупым ожидать, когда вероятный противник захватит плацдарм, с которого может начать атаку». В свете вышеуказанного «я объявляю сегодня состояние неограниченного национального чрезвычайного положения... Война, которая началась как внутриевропейское столкновение, превратилась в войну за мировое владычество». Пренебрежение этим фактом «поставит нацию под угрозу».

Элеонора Рузвельт сидела в первом ряду, окруженная представителями латиноамериканских государств, и смотрела на мужа, за спиной которого стояли американские знамена. «Словно волна мыслей исходила от него. Какую же тяжесть ответственности нес человек, сидевший за столом. Не только за судьбу полушария, но за весь мир. Великобритания может быть галантна до пределов возможного, Китай может страдать и защищать себя столь же героически, но решающим фактором всего дела был президент Соединенных Штатов».

После выступления Элеонора Рузвельт позвала Гарри Гопкинса (он слушал речь по радио, стараясь представить себе реакцию простого американца) на небольшой банкет. Президент был в наилучшей форме. Известный композитор Ирвинг Берлин импровизировал на рояле, президент слушал свои любимые песни. После трагической речи «такой переход,— пишет Розенман,— был бы труден для большинства. Что же касается президента, то для всех, кто его знал, это не казалось чем-то особенным. В его поведении не было ни черствости, ни безразличия. Это был способ релаксации, помогавший ему справляться с ужасающими проблемами, с бременем следующего дня — чтобы принимать на себя поток решений, бьющих по нервам на протяжении двенадцати лет».

Речь слушали 65 миллионов американцев — 70 процентов всей возможной аудитории — рекорд в истории американского радио. В течение ночи в Белый дом пришло более тысячи телеграмм. Почти все они одобряли позицию президента. Дочь Анна писала матери: «Мы слушали речь отца в поезде и были очень взволнованы. Речь была превосходна, она звучала хорошо и сильно». Стимсон тоже был доволен речью. Хотя Рузвельт в последний момент снял абзац, в котором говорилось о переводе кораблей из Тихого океана в Атлантику, общий тон речи был мобилизующим.

Геббельс назвал речь «демагогической и агрессивной... Что могут США противопоставить нашим военным возможностям? Они не могут нанести нам ущер-

ба. Они не могут произвести столько же, сколько производим мы, имеющие в своем распоряжении ресурсы всей Европы».

В конце мая 1941 года Рузвельт впервые высказывается о возможности войны с Германией. Высокопоставленному чиновнику из госдепартамента А. Берлю он говорит о «своих снах»: после германской воздушной атаки на Нью-Йорк президенту приходится объявлять войну Германии. Подобные сны свидетельствовали о мыслях, владевших президентом. Он начинает подсчитывать силы, думать в рамках глобальной стратегии. Цель Америки, объявил президент Рузвельт,— предотвратить выход армий Гитлера к западному полушарию от Исландии и Гренландии на севере до Азорских островов и островов Зеленого Мыса на юге.

В отношении последнего Рузвельт был прав. В Берлине Гитлер говорил адмиралу Редеру о необходимости оккупировать Азорские острова: «они предоставляют возможность атаковать Америку, если она вступит в войну, при помощи современных самолетов». Гитлер выразил интерес к захвату островов Зеленого Мыса: «С точки зрения ведения войны против нас владение этими островами создает опасность для самих континентальных Соединенных Штатов».

Если бы президент нуждался в убедительном предлоге для выступления против Германии, то такой предлог был у него в руках: 11 июня германская подводная лодка потопила американское судно «Робин Гуд» в Южной Атлантике — в зоне, далекой от военных действий. Гопкинс указал президенту на неоспоримую очевидность нарушения международного права, на то, что Соединенные Штаты, если они того желают, могут теперь выступить со всей своей мощью. Но Рузвельт предпочел ограничиться лишь словесным протестом и не пошел дальше. Президент ожидал роковых поворотов в мировой истории. У президента были свои источники информации, а дополнительные доказательства того, что готовится в мире, он получил с письмом Уинстона Черчилля от 15 июня 1941 года. В этом письме указывалось: «Все находящиеся в моем распоряжении сведения говорят, что огромное германское наступление на русской границе неминуемо».

★ ★ ★

21 июня 1941 года, когда Рузвельт работал с помощниками, санитары на носилках вынесли из Белого дома Мисси Лихенд, его самого близкого сотрудника, секретаря номер один. Инсульт, приведший к параличу и потере речи, обрек на долгое мучительное бездействие. Рузвельт посещал ее в военно-морском госпитале, но его улыбки и шутки в данном случае были ни к чему. Одинокая женщина нуждалась в чем-то другом, но Рузвельт разворачивал свою коляску с улыбкой на устах. Многие в Белом доме и вокруг посчитали это поведение президента черствостью. Горькие слова мы читаем у многих близких помощников и коллег. Гарольд Икес: «Я сидел на заседании кабинета министров прямо напротив президента, и меня ох-

ватило явственное чувство, что я потерял способность восхищаться им. Несмотря на его всегдашнюю приятность и дружественность, внутри он холоден как лед. У него есть обычные семейные привязанности по отношению к детям и, возможно, к Мисси Лихенд и Гарри Гопкинсу, но ни к кому более. Мисси, находящаяся в отчаянном положении в течение нескольких недель, уже потеряна для него. То же справедливо в отношении Гарри, но я сомневаюсь, чтобы он переживал потерю любого из них в течение долгого времени. Когда умер Луис Хоув, никто не заметил особых следов скорби у президента, а ведь редкие люди имели таких преданных людей, как Луис Хоув».

Это жестокое суждение вовсе не было единичным, но мало кто знал о подлинных чувствах президента. Сейчас мы знаем больше. Он потребовал круглосуточного дежурства у Лихенд, написал персональные письма всем лечащим врачам, а потом занялся финансами своего секретаря. У той не было ничего, кроме максимума зарплаты женщины-секретаря в 5 тысяч долларов. Рузвельт вызвал своего адвоката и приказал переписать свое завещание. Он выделил половину своего поместья в Гайд-Парке (вопреки ожесточенному сопротивлению адвоката, указывавшего на права его пятерых детей) Мисси Лихенд, не имевшей никого на свете, что означало дарственную в 3 миллиона долларов. «Дети здоровы, и они побеспокоятся о себе сами.» Сыну Джеймсу президент объяснил: «Я обязан ей слишком многим. Она служила мне так хорошо в течение столь длительного времени и так мало просила взамен».

Тектонический сдвиг

«Все готово,— пишет Геббельс в дневнике за час до нападения Германии на Россию.— Величайшая в мире концентрация сил в истории человечества». Он говорил о 3 миллионах самых обученных в мире солдат, 3300 танках, 2700 самолетах. «По мере приближения роковой даты фюрер теряет представление о страхе. Исчезло чувство перенапряжения и истощения внутренних сил.» По поводу начала войны Черчилль написал горькие слова: «Война, возможно, всегда представляет собой каталог ошибок, но можно смело отбросить сомнения в отношении того, что в истории есть нечто, равное вине Сталина и его коммунистических руководителей в том, что они покорно ожидали, в том, что они были неспособны осознать ужасающее нападение, ожидающее Россию».

Президент Рузвельт спал, когда новость о нападении Германии достигла Вашингтона, и первыми начали размышлять над новой ситуацией сотрудники государственного департамента. В резиденции британского премьера Чекерсе министр иностранных дел Антони Иден был гостем премьера. Чуть позже восьми утра (время пробуждения Черчилля) его слуга Френк Сойерс постучал в комнату минист-

ра. На серебряном подносе он преподнес подарок премьера — сигару, со словами: «Германские армии вторглись в Россию».

Оба государственных деятеля — и Рузвельт, и Черчилль — ожидали нападения, теперь они следили за развитием событий. Рузвельт предупреждал Сталина, но полагал, что накануне наступления Гитлер предъявит советской стороне ультиматум, и Сталин, возможно, пойдет на большие уступки. Видя возможность расширения антифашистского фронта, Рузвельт все же хотел знать, устойчива ли советская сторона, может ли она отразить немецкое нападение. Черчилль показывал большую решимость помочь жертве агрессии. Вечером 22 июня английский премьер-министр в палате общин сказал: «Любой человек или государство, которое воюет против нацизма, получит нашу помощь. Любой человек или государство, которое воюет вместе с Гитлером, является нашим врагом... Такова наша политика... Из этого следует, что мы окажем любую возможную помощь России и русскому народу и мы будем призывать наших друзей и союзников во всех частях мира занять ту же позицию и следовать ей до конца».

Рузвельт не мог занять подобную позицию: его страна не воевала, и, помимо прочего, американский президент ожидал, как будут развиваться события на тихоокеанском театре. В отличие от Черчилля Рузвельт не спешил. В отличие от Черчилля он предпочитал не высказываться в ближайшие часы и дни. В роковое воскресенье он сознательно уехал за город, в Мериленд. Разъяренный министр внутренних дел Икес пишет: «Возможно, он еще не принял окончательного решения и еще не знает, какой должна быть его реакция. Очень похоже на него — ожидать выражений общественного мнения вместо того, чтобы руководить этим самым общественным мнением». Россия и Америка, как пишет Уолтер Липпман, «были разъединены идеологическим проливом, но объединены мостом национальных интересов».

По мнению Аверелла Гарримана (выраженному в его мемуарах), «идеология почти не играла никакой роли в принятии Рузвельтом решения начать помощь России. Речь шла о собственном интересе Америки, каким его видел Рузвельт: он начал помогать русским так же, как ранее помогал англичанам,— в надежде, что когда Америка вступит в войну (а он думал, что она неизбежно в нее вступит), придется посылать меньше наземных сил. На Рузвельта произвела огромное впечатление первая мировая война, которую он видел вблизи. Он с ужасом думал о том, что снова придется высаживать на континенте американские войска и вести их к окопной войне с ее ужасающими потерями. Я думаю, что в его сознании столкновение русских армий с немецкими означало для нас возможность участия преимущественно военно-морских и военно-воздушных сил. Главенствующей мотивацией президента Рузвельта в предоставлении любой возможной помощи было желание удержать русских в войне. Он хотел помогать скорее больше, чем меньше,— там, где мы считали даваемую помощь завышенной».

Элеонора Рузвельт позвонила мужу из Кампобелло: «Он сказал, что теперь мы получаем дополнительную помощь, это на пользу всем, кроме, может быть, католиков. Гитлер намерен нанести поражение России в течение двух месяцев... Я спросила, не собирается ли он выступить. Он сказал, что в Вашингтоне ужасно жарко».

Помочь России

После получения известия о нападении Германии на СССР чиновники государственного департамента провели сутки в непрестанных дебатах. В заявлении американского дипломатического ведомства говорилось, что «коммунистическая диктатура» так же недопустима, как и «нацистская диктатура». В заявлении не было никаких патетических слов по адресу жертвы агрессии, но заканчивалось оно выводом, что США помогут русским, поскольку Германия представляет собой большую угрозу. В любом случае нападение Германии на Россию даст Британии некоторую передышку. Военный атташе из Лондона докладывал, что теперь Германия ни при каких обстоятельствах не сможет начать вторжение на Британские острова ранее 31 августа.

Рузвельт молчал по трем причинам. Во-первых, и это главное, он опасался внезапного подъема изоляционистской волны (многие в стране высказывались в духе миссурийского сенатора Гарри Трумэна: «Пусть немцы и русские убивают друг друга»). Сенатор Тафт заявил, что «победа коммунизма будет для Соединенных Штатов гораздо более опасной, чем победа фашизма». Рузвельт хотел убедиться, что большинство еще не потеряло чутье относительно того, кто является мировым агрессором. Конфликт идет между «сатаной и люцифером», в котором Соединенные Штаты не должны принимать участие. Хотя три четверти американского населения желало победы России, все же в правящей элите еще продолжительное время господствовала точка зрения, что помогать Советскому Союзу таким же образом, как Великобритании, не следует. Во-вторых, он не хотел быть близкой тенью Черчилля, немедленно и в потрясающих выражениях объявившего себя союзником Москвы. В-третьих, он хотел избежать грубости в противопоставлении своего мнения точке зрения военных, не усматривавших для России ни единого шанса выстоять перед германским наступлением. В данном случае на мнение Рузвельта влияла оценка высшего военного руководства американских вооруженных сил, которое считало, что максимальный период, в течение которого Советский Союз способен сопротивляться германскому наступлению,— три месяца. Да и сам Рузвельт полагал, что «русские могут не выстоять этим летом».

И все же с точки зрения интересов Соединенных Штатов Советскому Союзу следовало помочь. Ведь в этом случае германская экспансия, по крайней мере,

осложнялась. Соединенные Штаты получали время, необходимое для военных приготовлений. Если даже СССР и не выстоит, то его сопротивление должно поглотить значительную часть людских и материальных ресурсов Германии. Поэтому через два дня после начала войны, 24 июня, Рузвельт пригласил представителей прессы в свой кабинет. «Конечно же, мы собираемся оказать всю возможную помощь России»,— Рузвельт сказал это с улыбкой и как само собой разумеющееся. А ведь речь шла о роковом обстоятельстве: броситься в конфликт, где исход неясен или переждать критическую фазу. Своей основной сложностью президент назвал отсутствие какой-либо информации о том, в чем нуждаются русские: «Я знаю о их нуждах не больше, чем репортер в газете». Да если бы даже американское правительство точно знало, что нужно Кремлю, то и тогда «мы не смогли бы просто зайти в ближайший универмаг и закупить все, что им нужно». Американское правительство «разморозило» 39 миллионов долларов советских фондов в США, а на следующий день объявило, что американские корабли могут везти необходимые товары в неоккупированные советские порты. Но перевозки в СССР в июле 1941 года составили всего 6,5 миллиона долларов, а к октябрю увеличились лишь до 29 миллионов.

Гораздо раньше, чем кто-либо из американских аналитиков, Рузвельт убедился в серьезности русского сопротивления и в масштабности предстоящих перемен. 8 июля 1941 года он принял важное для себя решение: СССР должен получить помощь не только как знак расположения Соединенных Штатов, но и как существенную поддержку длительной обороны против агрессии. 26 июня Рузвельт написал адмиралу Леги: «Все происходящее будет означать значительно больше, чем просто освобождение Европы от нацистского доминирования, и в то же время мы не должны беспокоиться относительно возможности русского доминирования».

Несмотря на то, что немцы продвинулись исключительно глубоко на территорию Советского Союза, Рузвельту и его окружению становилось все более ясно: Красная Армия не рухнет в первые дни. Советский Союз готов сражаться, используя свои ресурсы, и Германия, видимо, не сможет быстро завершить кампанию здесь. Именно в эти дни бывший посол США в Советском Союзе Джозеф Дэвис говорил президенту, что Красная Армия еще «изумит весь мир».

Спустя две недели после нападения Германии на СССР Дж. Дэвис прислал меморандум: «Сталин — восточный человек, он холодный реалист, он стареет. Не исключена возможность, что он может снова "прельститься" миром с Гитлером как меньшим из двух зол. Он считает, что Россия окружена капиталистическими врагами. В 1938—1939 годах он не доверял ни Англии, ни Франции. Не верил он и в способность демократических стран эффективно противостоять Гитлеру. Тогда он ненавидел Гитлера и боялся его точно так же, как и сейчас. Он пошел на заключение пакта о ненападении с Гитлером не столько по идеологическим мотивам, сколько по практическим соображениям, так как это было его наибольшей надеждой на со-

хранение мира для России — на спасение его режима. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы Сталину было внушено сознание того факта, что он не "таскает каштаны из огня" для союзников, которые сейчас в нем нуждаются и которые будут такими же врагами после заключения выгодного для себя мира, как и немцы в случае своей победы. Извлекшие урок из прежних ошибок Черчилль и Иден, по-видимому, поняли это и обещали России поддержку "всеми силами". Я знаю, что в нашей стране есть значительные группы людей, ненавидящие Советы до такой степени, что они желают победы Гитлера над Россией. Гитлер играл на этой струне в Европе последние шесть лет, извлекая большие выгоды для себя и подрывая "коллективную безопасность". Он снова будет играть на ней, если сможет, и снова использует ее до предела при всяком зондировании нового мира со Сталиным. Такой оборот событий следует нейтрализовать. Попыткам Гитлера может быть дан хороший отпор, если Сталин получит заверение, что, невзирая на идеологические разногласия, наше правительство бескорыстно и без предубеждения стремится помочь ему разгромить Гитлера».

Чтобы удостовериться в надежности советского фронта, Рузвельт послал в Москву своего ближайшего личного помощника Гарри Гопкинса. Собственно, Гопкинс сам вызвался лететь в Москву. Находясь в Англии и видя, что в Вашингтоне колеблются относительно возможности оказать действенную помощь Советскому Союзу, он 26 июля 1941 года постарался убедить президента в ее целесообразности. Гопкинс телеграфировал президенту, что поездка в Москву и беседа со Сталиным «будут означать, что мы имеем в виду деловой подход и настроены на долгое сотрудничество». Эта идея была подхвачена президентом.

Миссия Гопкинса в Москву — один из самых волнующих эпизодов дипломатической истории второй мировой войны. Рузвельт снабдил Гопкинса письмом для Сталина: «Мистер Гопкинс находится в Москве по моей просьбе для бесед с Вами лично и с теми из официальных лиц, которых Вы назначите для решения жизненно важного вопроса о том, как мы можем наиболее целесообразным эффективным способом предоставить помощь Соединенных Штатов вашей стране».

Именно глазами Гопкинса Рузвельт впервые «увидел» Сталина: «Невозможно забыть внешний вид диктатора России... суровая, исполненная грубой решимости фигура в сапогах, сияющих глянцем, как зеркало, широкие галифе и плотно облегающая рубашка. Никаких знаков отличия, ни военных, ни гражданских. Он невысокого роста — мечта футбольного тренера о юрком нападающем. Примерно пять футов и шесть дюймов роста, примерно сто девяносто фунтов веса. У него огромные руки, тяжелые, как его мысли. Голос грубый, но постоянно контролируемый. Курит непрерывно, из-за чего хрипота в тщательно контролируемом голосе. Смеется довольно часто, но коротким смешком, сардонического оттенка. Говорить с ним о пустяках невозможно». При этом Гопкинс определил Сталина как умного, вежливого и склонного говорить прямо. «Ни разу он не повторился. Он

говорит так, как стреляют его войска — прямо и тяжело... Улыбается тепло. Не теряет слов и жестов, никакой манерности. Иосиф Сталин знает, чего хочет, знает, чего хочет Рузвельт, и предполагает, что вы тоже знаете.»

Гопкинс сообщал Рузвельту, что «уверен в этом фронте. Моральное состояние населения исключительно высоко. Властвует неистребимая воля победить». Сталин признал, что германская армия «наилучшая, имеет большие запасы продовольствия, пополнение, запасы горючего, но Красная Армия преобладает численностью. Немцы уже начинают ощущать, что передвижение по огромным равнинам и густым лесам России отличается от движения по бульварам Бельгии и Франции». По мнению Сталина, «исход войны в России будет главным образом зависеть от необходимого оснащения, особенно в авиации, танках и зенитной артиллерии».

Критическим индикатором для Гопкинса и Рузвельта было то, в чем нуждалась Россия. Сталин просил зенитных орудий и алюминия для авиационных заводов. «Человек, который боится скорого поражения, не ставит алюминий так высоко в списке своих приоритетов.»

Имея перед собой донесения Гопкинса, Рузвельт обратился к населению с просьбой провести кампанию сбора металлолома. Было подсчитано, сколько алюминиевых кастрюль достаточно для постройки одного самолета. На зеленом газоне Гайд-Парка появились кофейник дяди Майкла, сковородка тети Маргариты, шейкеры для коктейля, формы для замораживания льда, протезы, коробки из-под сигар и прочее. В Кливленде за алюминиевую вещь давали мороженое. В Олбани супруга губернатора с видимым сожалением рассталась с десертницей. Дело было не в нескольких десятках тонн дополнительного металла (а Рузвельт знал, что для авиации требуется природный алюминий), а в том, что Америка начала вместе решать общую задачу — именно это было целью Рузвельта, и он этой цели достиг.

На заседании кабинета Рузвельт с неожиданной силой обрушился на прежде «неприкасаемого» Стимсона: «Пошлите русским 150 самолетов, я нуждаюсь в укреплении их боевого духа». Стимсон был шокирован, а Икес был в восторге — он увидел президента, которым восхищался прежде. Рузвельт назначил Уэйна Коя ответственным за программу помощи России: «Возьмите лист их требований и, пользуясь полностью моей властью, правьте сильной рукой». Кой верно понял задачу: «Лишь постепенно, капля за каплей, пришло понимание того, что способность русских сдержать германские орды дает нам время оснастить и подготовить нашу армию и флот». С подписанием осенью 1941 года советско-американского протокола в Россию пошли первые грузовики, пулеметы и самолеты. Рузвельт официально объявил, что оборона Советского Союза жизненно важна для Соединенных Штатов.

Складывающаяся ситуация требовала решить конкретные проблемы союза между такими разными странами, как США, Великобритания и СССР. Сле-

довало обозначить историческую перспективу их союза, их послевоенные планы. Но как раз этого Рузвельт хотел избежать. Неясность в данном вопросе устраивала его более, чем четкое проведение разграничительных линий. Именно в июле 1941 года Рузвельт настаивает на том, чтобы Черчилль «не давал обязательств относительно послевоенных мирных решений в отношении территорий, населения и экономики». Улетающему в Лондон 11 июля 1941 года Гопкинсу было дано указание исключить из повестки дня будущей встречи президента с Черчиллем вопросы послевоенного экономического и территориального устройства. Так обозначилась линия американской дипломатии, которой президент Рузвельт держался все насыщенные событиями военные годы: не обсуждать проблем грядущего с союзниками, не связывать себе руки обязательствами, полагаться на то, что гигантская мощь США автоматически станет основой послевоенного мирового порядка, а всякие предварительные договоренности способны лишь помешать. Именно с этой идеей, будучи готовым обсуждать проблемы сегодняшнего дня, но отказываясь связывать себя обязательствами на послевоенное будущее, Рузвельт выехал на первую встречу с премьер-министром Черчиллем к берегам Ньюфаундленда. Названная Атлантической конференцией, она началась 9 августа 1941 года.

Арджентия

«После немногочисленных таинственных консультаций,— пишет Элеонора Рузвельт,— мой муж сказал мне, что хочет совершить небольшое путешествие к мысу Код... Потом он засмеялся, и теперь я знала, что он не говорит мне всей правды о том, куда он собирается». Доктор Макинтайр отмечал: «В начале путешествия ничто не предвещало его особенного характера». Окружение Рузвельта было небольшим — Па Уотсон, военно-морской атташе капитан Бэрдол и врач Макинтайр — все известные рыболовы. Позже Макинтайр все же заметил, что президент взволнован больше обычного. Матери в Кампобелло Рузвельт написал, что собирается отсутствовать дней десять , пережидая вашингтонскую жару.

Проведя весь день 4 августа за рыбной ловлей, Рузвельт неожиданно для присутствующих подошел на своей яхте «Потомак» к стоявшей в отдалении армаде военных кораблей, возглавляемых тяжелым крейсером «Огаста». На борту «Огасты» его ждали генерал Маршалл, адмирал Старк, генерал Арнольд, адмирал Кинг — все высшее военное руководство США.

А на противоположной стороне Атлантики Черчилль занял каюту на линейном корабле «Принц Уэльский» и был «столь веселым и возбужденным, каким он никогда не был со времен школы Харроу» (пишет его телохранитель Томсон). «Мы уже отплыли,— телеграфирует Черчилль Рузвельту.— 27 лет назад в этот день

гунны начали первую мировую войну. На этот раз мы должны проделать работу тщательнее. Дважды — это уже слишком».

Из Москвы Гарри Гопкинс вылетел (30 часов полета) в Архангельск, затем в Скапа-Флоу и присоединился к Черчиллю на борту «Принца Уэльского». (На полпути он вспомнил, что забыл лекарства в Москве, но из суеверия отказался возвратиться назад.) Черчилль завалил Гопкинса вопросами: «Что в действительности означает "Новый курс" для Рузвельта? Что он на самом деле думает о Германии?» Подобные же вопросы задавал Франклин Рузвельт Фрэнсису Перкинсу, знавшему Уинстона Черчилля еще в молодые годы. «Что он за человек? Держит ли слово? Злится ли на других? Не влияет ли его ярость на проявления здравого смысла, не мешает ли она трезвому суждению?»

Нет сомнений в том, что Рузвельта волновала встреча с Черчиллем. Слава последнего как журналиста, политика и военного деятеля распространялась по всему миру с начала века, и ныне, будучи уже 15 месяцев премьер-министром Англии, он мог затмить собой любого политика. Для такого эгоцентрика, как Рузвельт, это было бы суровым испытанием. В видении Черчилля, наследника великой дипломатической традиции, искусного в «черной магии» дипломатии, наблюдалось «фатальное непонимание значения огромных сил, порожденных революциями в России, Китае и других местах». В сравнении с Рузвельтом его поле зрения было далеким, но узким: он видел взаимосвязь военной стратегии и послевоенного баланса сил в Европе, но он не мог представить себе подъем народных масс Азии и Африки. Как и Рузвельт, он был импровизатором в подходе к великой стратегии, но ему не хватало всеобъемлющих принципов, которые давали бы ему общее направление и фокус в отношении рутинных ежедневных решений Рузвельта. Черчилль действовал так, как он сам однажды восхищенно написал о Ллойд Джордже: «Он обозревал проблемы каждое утро глазами, не затемненными предвзятыми мнениями, прошлыми оценками, прежними разочарованиями и поражениями», и в присущем военному времени калейдоскопе меняющихся ценностей и потрясающих событий его стратегия проистекала скорее из интуиции и проницательности, чем от долговременных, заранее установленных целей».

Гопкинс, Перкинс и многие другие поневоле сравнивали двух деятелей. Оба прошли большую и тернистую дорогу в политике, оба учились на ошибках, оба ценили красноречие, оба изучали историю. Заметны были и различия. Рузвельт стремился очаровать собеседника, Черчиллю на это было жалко времени. Рузвельт более опытен в византийстве, Черчилль — более прямолинеен. Рузвельт собирал «внутренние сведения», а Черчиллю они были скучны — он был более открыт в отношениях с людьми, чем Рузвельт. Окружающие боялись, что оба лидера, привыкшие всегда быть в центре внимания, могут взбунтоваться, если окажутся оттесненными от рампы.

Британский премьер-министр представлял трудности президента и постарался избежать отчуждения. Наблюдая за Черчиллем, Гопкинс заметил: «Можно было подумать, что его возносят к небесам для встречи с Богом». Нетрудно предположить мотивы Черчилля: сейчас решалась судьба Британской империи, Англии как мировой державы, и Черчилль был способен на очень многое, чтобы получить помощь. Окружение Рузвельта на конференции в «Арджентии» составляли Г. Гопкинс, заместитель государственного секретаря С. Уэллес и будущий посол США в Москве А. Гарриман. Отсутствие государственного секретаря говорило о том, что Рузвельт отлично осуществляет свою дипломатическую стратегию, не перепоручая важнейших решений другим. Именно Рузвельт определил повестку дня переговоров, сведя ее практически до одного пункта — выработка общих целей борьбы со странами «оси». Примечательно, что Рузвельт хотел даже выпустить специальное сообщение, что планы на будущее не обсуждались на встрече. Пока президент собирался лишь выработать общие принципы, касающиеся «судьбы цивилизации», никаких секретных договоров и соглашений. Изложение же принципов было необходимо для мобилизации общественного мнения в США, для создания пафоса борьбы, для формирования такого консенсуса в американском обществе, который мог обеспечить проведение далеко идущей внешней политики.

Черчилль первым увидел Франклина Рузвельта, стоявшего на верхней палубе, опирающегося на сына Джеймса. Английский оркестр играл марш «Звезды и полосы навсегда». Премьер взобрался на борт президентского крейсера «Огаста». Американский оркестр грянул «Боже, храни короля». Рузвельт оставался спокойно-безмятежным еще несколько секунд. Затем, по словам Томпсона, на его лице появилась улыбка, овладевшая мускулами лица как волна, и вот уже все его лицо излучало тепло. «Я никогда не видел такой улыбки.» Рузвельт начал встречу словами «наконец-то мы встретились», на что Черчилль ответил односложным «да», сопровождаемым кивком головы. Теперь он тоже излучал доброжелательность.

Рузвельт начал встречу тезисом, что главная задача его политики — сокрушение Гитлера и отвлечение на Японию было бы «не той войной, не на том океане, не в то время». Рузвельт подчеркивал: «у нас попросту недостаточно кораблей и каждый малозначительный эпизод на Тихом океане означает сокращение числа кораблей в Атлантике... В последнюю неделю мы стараемся решить, по какому пути пойдут японцы — атакуя Россию или выступая в Южных морях, что означало бы безусловный переход на сторону Германии, или они предпочтут выжидать... Никто не знает, каким будет их решение». Рузвельт с большей легкостью говорил о военных решениях в свете того, что американская армия уже начала мобилизацию, за два года она увеличилась в восемь раз.

Эмоциональной вершиной встречи в Арджентии был совместный воскресный молебен, во время которого Рузвельт, стоя на борту «Принца Уэльского», рас-

певал гимны вместе с Черчиллем. Для этого ему пришлось пройти по узким мосткам между «Огастой» и «Принцем Уэльским», а затем прошагать всю длину палубы гигантского корабля, чтобы занять место рядом с Черчиллем. Капитан «Принца Уэльского» Йол заметил: «Было очевидно для всех, что ему это стоит огромных физических усилий, но что он готов пройти по палубе, даже если это его убьет».

Рузвельт знал, что С. Уэллес с формализмом, присущим его ведомству, уже заготовил проект совместного заявления, но этот проект вряд ли пришелся бы по вкусу английскому премьер-министру. В нем речь шла о борьбе с колониализмом и дискриминацией в торговле — прямой выпад против торговых барьеров Британского содружества наций. Английский проект был представлен на второй день конференции. В данной ситуации Черчилль, как и Рузвельт, не был заинтересован в конкретизации. Его проект являл собой изложение общих принципов, без детальных планов совещающихся сторон на будущее. Провозглашался отказ от территориальных приращений, свобода волеизъявления народов, непризнание насильственных изменении границ, «честное и равное распределение основных ресурсов», необходимость создания эффективной международной организации, гарантирующей безопасность государств, свободу передвижения по морям и всеобщее разоружение. Эти пять принципов должны были послужить основой так называемой Атлантической хартии.

Находившиеся в прямой зависимости от американской помощи англичане пошли навстречу почти всем пожеланиям американцев. Но не абсолютно всем. Уже на этом этапе Рузвельт и его окружение занимают угрожающую английским интересам позицию в вопросе о новой системе мировых экономических возможностей, об уничтожении торговых барьеров, плотно прикрывающих британскую колониальную империю. К неудовольствию англичан Рузвельт и Уэллес потребовали уничтожения «всех искусственных препятствий и контрольных механизмов... создавших такой хаос в мировой экономике на протяжении жизни последнего поколения». Протесты англичан, для которых данное положение означало посягательство на их зоны влияния, поставили американцев в сложное положение. Дальнейшее давление было чревато взрывом. Мнения советников президента разделились. С. Уэллес советовал идти до конца, требовать «восстановления свободной и либеральной торговой политики». Рузвельт не считал, что наступил момент решительного выяснения отношений с англичанами: впереди было неведомое будущее, где еще предстояли взаимные жертвы. Поэтому он смягчил американскую позицию, дополнив фразу о грядущей свободной торговле словами об «уважении к ныне существующим обязательствам».

Что касается прямого призыва англичан создать «эффективную международную организацию», то Рузвельт пока не был готов подписаться под ним. Не зная, будут ли у США в этой организации достаточные надежные рычаги, он дал бо-

лее обязывающее обязательство — на «создание широкой и постоянной системы общей безопасности». Об опасениях Рузвельта на данном этапе говорит тот факт, что он с величайшей охотой принял еще одну оговорку Черчилля — между окончанием войны и созданием всемирной организации должен быть определенный «переходный период» и «только по прошествии этого экспериментального периода» можно приступить к созданию постоянного международного органа.

Рузвельт настаивал на сугубо секретном характере встречи. Держались в тайне не только детали переговоров, но и само место проведения встречи. Мир узнал о конференции в Арджентии лишь 14 августа, когда была провозглашена Атлантическая хартия. Через два дня президент описал репортерам совместный англо-американский молебен на палубе линкора «Принц Уэльский». Но не детали уже были важны: те, кто был заинтересован, поняли, что президент США активно входит в мировую политику. Стало очевидным, что находящийся под германским контролем европейский континент представляет опасность для США, мириться с которой они не могут. К моменту встречи с Черчиллем Рузвельт пришел к заключению, что без привлечения военно-морской и военно-воздушной мощи США текущий конфликт решен не будет.

Среди немногочисленных конкретных результатов Атлантической конференции следует отметить резкие высказывания президента Рузвельта и премьера Черчилля в отношении Японии, что американские дипломаты не осмеливались делать прежде: «Любое дальнейшее увеличение зоны контроля Японии в юго-западной части Тихого океана создаст ситуацию, в которой правительство Соединенных Штатов будет вынуждено предпринять контрмеры, даже если это могло бы привести к войне между Соединенными Штатами и Японией... Если любая третья сторона станет объектом агрессии Японии как результат указанных контрмер, президент будет намерен испросить согласие конгресса оказать помощь этой державе». Слова сильные, не допускавшие двусмысленных толкований.

В Арджентии Черчилль настаивал на предъявлении Японии американского ультиматума, он в самых мрачных тонах рисовал Рузвельту обстановку, которая сложится в случае агрессии Японии против английских и голландских владений в Азии: последует потопление всех английских судов в Тихом и Индийском океанах, прервутся жизненно важные связи Англии с доминионами. «Этот удар по английскому правительству будет почти решающим.» Разумеется, Рузвельт понимал, что Черчилль крайне заинтересован в ужесточении американских позиции на Тихом океане. Совпадало ли это с интересами США в условиях неопределенности ситуации в Европе? В эти дни Рузвельт, видимо, стремился по возможности отдалить конфликт на Тихом океане хотя бы ради укрепления тихоокеанского побережья США.

В целом выводы из анализа документов конференции подтверждают личные впечатления Черчилля, который встретил в Рузвельте человека, «полного решимо-

сти». Несмотря на тот факт, что президент заранее запретил разговоры на тему о вступлении США в войну, неугомонный английский премьер не устоял перед соблазном. Уже в первый день он сказал американцам, что предпочел бы «немедленное объявление войны Америкой удвоению американских поставок». И президент ответил, что идет по довольно тонкому льду. Для объявления войны потребовались бы трехмесячные общенациональные дебаты. Вместо этого, сказал Рузвельт, он лучше «будет вести войну, не объявляя ее... Все должно быть сделано, чтобы вызвать инцидент, необходимый для объявления военных действий». Необратимый характер и недвусмысленную интерпретацию этим словам президента придало обещание оккупировать Азорские острова. Понятно, что англичане всячески подталкивали американцев к войне. Так, они выступили с конкретными предложениями по предотвращению передачи Испанией и Португалией Канарских и Азорских островов в руки немцев. При этом Черчилль более чем прозрачно намекнул, что для осуществления обеих операций у англичан нет материальных средств. Рузвельт дал твердое обещание послать американские оккупационные войска на Азорские острова, если англичане сумеют заставить португальского президента Салазара «пригласить» их. Здесь же в Арджентии Рузвельт начал проводить линию на резкое укрепление влияния США на морских просторах, выразив намерение создать военные эскорты для защиты американского судоходства почти по всей акватории Атлантического океана. Президент лично провел на карте линию, от которой — к востоку от Азорских островов и от Исландии — начиналась зона ответственности США.

В конце июля 1941 года Рузвельт обеспечил военными эскортами английские перевозки между Исландией и Америкой. Пока это делалось в тайне, американское население узнало о них лишь в сентябре 1941 года. Президент приказал атаковывать германские подводные лодки, даже если они обнаруживались в 300 милях от обозначенных маршрутов конвоя. Теперь Черчилль нуждался в инциденте. Исключительно ободренный, он пишет в это время, что Гитлер поставлен перед тяжелым выбором: или пожертвовать контролем над Атлантикой «в течение шести недель», или напасть на американские корабли. Началась погоня за «инцидентом».

★ ★ ★

Хотя основной линией стратегии Рузвельта было держать оборону на Тихом океане и укреплять свои силы на Атлантическом, все же тихоокеанские события стали привлекать самое пристальное его внимание. Именно в это время японцы возобновили активные действия против Китая. События были настолько исключительными по значимости, что невольно «путали карты» президента.

Еще в бытность свою заместителем министра военно-морского флота Рузвельт пришел к выводу, что Япония может стать противником Соединенных Штатов. Год

за годом в учениях американского флота противником были, согласно «оранжевому плану», японцы. Как и все адмиралы, он был уверен, что японцам справиться с американцами никак не удастся. Поступающие на вооружение «Летающие крепости» (Б-17) делали возможной даже оборону Филиппин. Рузвельт полагал, что в случае войны превосходный американский флот продвинется к Маршалловым островам и начнет осуществлять давление на Японию. Возможно, это будет долгая война, но США станут быстрее строить новые корабли. Прочитанный японский код позволял следить за маневрами японцев. Когда представитель Ассоциации японской прессы потребовал демилитаризации Пирл-Харбора наряду с Мидуэем и Уэйком, Рузвельт воскликнул: «Боже! Впервые эти проклятые японцы приказывают нам убираться с Гавайских островов!»

Стратегия Рузвельта в Азии заключалась в том, чтобы связать Японию на континенте в японо-китайской войне и тем самым предотвратить расширение зоны ее влияния за счет движения на юг. Потому-то Рузвельту и пришлось по душе переданное через двух американских священников предложение премьера Коноэ о проведении двусторонних переговоров с целью смягчения американо-японских разногласий. Хотя президент Рузвельт и не питал в данном случае особых надежд на дипломатию, он все же стремился отодвинуть в будущее острую фазу выяснения отношений. Именно в свете этой общей примирительной позиции Рузвельт не ответил серьезными мерами на новый кризис в Азии, когда в феврале 1941 года поступили сообщения о начале японского движения в Юго-Восточной Азии в направлении Индокитая.

На протяжении всего периода между февралем и июнем 1941 года Рузвельт продолжал следовать в Азии своей линии затягивания, ослабления, замедления происходивших здесь процессов. Дипломатия использовалась для того, чтобы несколько укрепить позиции Китая, связать руки японцам, подтолкнуть их в сторону от южного направления и сохранить возможность для США повернуться к Атлантике. Одновременно Рузвельт санкционировал создание так называемой группы «летающих тигров» — американских пилотов, выразивших желание воевать в Китае. Китай был официально объявлен получателем помощи по ленд-лизу. Из этого не следует, что в Китай пошла массированная помощь. Несколько десятков американских летчиков в китайском небе были не знаком решительной помощи Вашингтона Чунцину, а продолжением стратегической линии Рузвельта: удержать японцев на континенте насколько возможно, основную энергию обратить внутри страны на развертывание военной промышленности, а вовне — на концентрацию сил США в Североатлантическом регионе.

Рузвельт неустанно наблюдал за колебаниями японцев относительно северного и южного направлений экспансии. Министру внутренних дел Г. Икесу он говорил 1 июля 1941 года: «Японцы ведут между собой отчаянную борьбу, стараясь решить, куда им нужно прыгнуть — атаковать Россию, атаковать южные моря (та-

ким образом бросив жребий определенно в пользу союза с Германией) или ожидать развития событий, относясь к нам более дружественно. Никто не знает, каким будет избранное направление, но нам крайне важно ради контроля над Атлантикой сохранить мир на Тихом океане».

На закрытых конференциях, состоявшихся в Токио в июне 1941 года (метериалы которых были переведены и опубликованы в США в 1967 году), сразу же было признано, что нельзя одновременно двигаться по двум главным направлениям, северному и южному. «Империя не имеет достаточно материальных средств»,— заявил министр торговли. Нужно было выбирать. Армия предпочитала наступление на север, флот видел преимущество в ударе на юг. Сугияма высказался за выступление на севере, «если ситуация будет развиваться в нашу пользу». Но в чью пользу будет развиваться советско-германский конфликт, могло показать только время. И тогда флот взял на себя инициативу. Главный параграф обобщающего документа, прочитанного при молчащем императоре 2 июля 1941 года, говорил о приоритете южного направления — «в направлении французского Индокитая и Таиланда с целью укрепить наше продвижение в южные регионы. Ради осуществления этих планов империя не остановится перед вовлечением в войну против Великобритании и Соединенных Штатов». Так Япония сделала выбор.

В это время американские шифровальщики совершили своего рода подвиг, найдя ключ к главному японскому шифру. Теперь Рузвельт мог тайно следить за японскими действиями. Стало ясно, что принц Каноэ уже не являлся определяющей силой своего правительства, что военные круги считают «паузу в отношениях с американцами» желательной лишь до середины октября, когда погода еще благоприятствует полномасштабным военным операциям. На уровне высшего руководства Япония в сентябре 1941 года сделала выбор: в ходе имперской конференции было решено начать войну против США, Англии и Голландии. Переговоры с Америкой превращались в операцию по прикрытию военных приготовлений.

Для США все же оставалось «великим неизвестным», куда направят японцы свою энергию: на север — против СССР или на юг — против США. Рузвельт в эти дни писал Черчиллю: «Я думаю, что они устремятся на север». После встречи с президентом адмирал Старк предупредил эскадры на Гавайях и Филиппинах, что «начало военных действий между Японией и Россией очень вероятно».

Первым реальным действием в укреплении американских позиций в Северной Атлантике была посылка 4 тысяч морских пехотинцев 7 июля 1941 года в Исландию для контроля над стратегически важной зоной, выходившей за пределы западного полушария, — через две недели после начала войны Германии и Советского Союза. Хотя Рузвельт информировал конгресс о том, что он послал войска на этот

остров для предотвращения захвата его немцами, было уже ясно, что Германия, бросившаяся на восток, не способна вести активные действия одновременно и на западном направлении. В июле 1941 года Рузвельт одобряет следующий шаг — эскортирование американских и исландских судов в Северной Атлантике. Именно в июле Рузвельт одобрил рекомендации военного министерства о расширении срока службы национальной гвардии и о призыве примерно 900 тысяч человек на активную службу.

10 июля 1941 года Рузвельт принял советского посла К. Уманского — впервые за последние два года. Из этой беседы видно, какие чувства владели президентом и какой была его оценка возможности сопротивления Советского Союза германскому нашествию. Президент говорил Уманскому: «Если русские смогут сдержать немцев до 1 октября 1941 года, это будет большим вкладом в поражение Германии, поскольку после этой даты никакие эффективные военные операции немцами в России не могут быть проведены, и в последующем этот фронт может сковать большое количество германских войск и техники, что обеспечит конечную победу над Гитлером».

Россия, как неоднократно бывало в уходящем столетии, лежала во мгле. Летом 1941 года военное министерство впервые начало делать оценки того, что понадобится для поражения Германии. Созданный Маршаллом и Старком обобщенный документ, известный как «Программа победы», был передан президенту 11 сентября 1941 года. Проекция роста американской армии оказалась удивительно точной. Программа призывала создать армию в 8 795 658 человек (на 31 мая 1943 года в американской армии было 8 291 336 человек). Датой полной мобилизации американских ресурсов называлось 1 июля 1943 года. Главным автором этой программы был генерал Ведемейер, который в 1936—1938 годах учился в Военной академии в Берлине.

Основные части этого плана в конечном счете попали в Берлин. Ознакомившись с их содержанием, Гитлер сказал 11 декабря 1941 года в рейхстаге: «Приготовленный президентом Рузвельтом план вскрывает его намерение напасть на Германию в 1943 году со всеми ресурсами, доступными Соединенным Штатам. Здесь наше терпение подошло к критической точке». Германский контрплан был готов к 14 декабря 1941 года. Он призывал: 1) «завершить кампанию на восточном фронте, даже за счет перехода к оборонительным действиям» (это освободило бы более 100 немецких дивизий); 2) ввести в «крепость Европу» Испанию, Португалию, Швецию и всю Францию; 3) оккупировать все северное побережье Франции и Суэцкий канал; 4) дать приоритет воздушному и военно-морскому наступлению против англо-американцев; 5) укрепить воздушную и береговую оборону. Как известно, через два месяца после вторжения в СССР Гитлер приказал уменьшить производство вооружений, так как был уверен в успехе. Советское наступление под Москвой сделало план Гитлера абсурдным. Ни о какой переориентации на запад-

ное направление отныне не могло быть и речи. Однако это станет ясным позже. А осенью 1941 года в Вашингтоне сильно сомневались в крепости советского фронта.

Складывалась новая ситуация: Германия «увязала» в России, Япония — в Китае. В такой обстановке, полагал Рузвельт, американские силы необходимо сконцентрировать на подходах к Европе, а для этого следует укрепить связи с англичанами.

Глава десятая
ОТ АРДЖЕНТИИ ДО ТРАЙДЕНТА

Рузвельт, безусловно, играл на амбициях людей, как артист на струнах музыкального инструмента.

Дж. Бирнс, 1946 г.

В конце августа 1941 года Рузвельт получил от Черчилля письмо, которое он назвал «одним из самых пессимистических посланий» британского премьера. Черчилль писал о перспективе в 1942 году сражаться один на один с Германией, тем самым выражая сомнение в том, что СССР выстоит.

В ответ Рузвельт изложил свои взгляды, на этот раз публично. В радиообращении к стране 1 сентября 1941 года Рузвельт объявил: «Если мы не сделаем шаг вперед в промышленном производстве и не обеспечим более надежное поступление новой продукции к полям сражений», враги Америки почувствуют свою мощь. Но «мы сделаем все возможное, что в наших силах, чтобы сокрушить Гитлера и его армию».

Осень 1941 года была для Рузвельта временем личных потерь. Сара Рузвельт, восемьдесят с лишним лет показывавшая удивительную жизненную силу, начала сдавать. Она категорически отказывалась от того, чтобы около нее постоянно была медсестра. Сыну она написала: «Мне жаль, что я вызвала такую тревогу. Хотела бы видеть, как ты выглядываешь из моего окна. Я полежу два дня в своей комнате, не беспокойся, мой единственный». В сентябре Рузвельта предупредили, что состояние ее ухудшилось; он оставил все государственные дела и поспешил к ней.

Мать лежала в спальне, рядом были ее брат Фред и сестра Кесси. Когда пришла телеграмма, в которой президент сообщал, что выезжает и завтра утром будет в Гайд-Парке, Сара сказала: «Я выйду на крыльцо, чтобы встретить его». Однако слабость не позволила ей подняться. В половине девятого утра 6 сентября машина въехала на дорожку, посыпанную гравием, и Рузвельт подъехал на коляске к матери, поцеловал ее в щеку и коснулся руки. О таком моменте Сара Рузвельт написала еще сорок лет назад: «Какое счастье быть вместе». Рузвельт рассказал матери о деталях встречи с Черчиллем, о делах в Вашингтоне. Мать казалась оживленнее обычного, но к вечеру ей стало хуже. Рузвельт просидел у ее кровати всю ночь. Элеонора созвала всех родственников. К полудню жизнь покинула Сару Рузвельт. Похороны были очень простыми. Гроб перевезли на три мили севернее, на кладбище церкви святого Джеймса. Сорок человек собралось среди сосен.

Президент стоял, оперевшись одной рукой на автомобиль. Он даже не взглянул в сторону разверзшейся могилы и, казалось, не замечал окружающих. Прозвучал звон колоколов, и простая церемония закончилась.

В последующие дни Рузвельт, как сообщает «Нью-Йорк таймс», «отрезал себя от внешнего мира так, как никогда в прошлом». Он отменил все визиты и погрузился в одиночество в Гайд-Парке. Даже военные сводки не интересовали его более. До сих пор никто из окружающих никогда не видел его слез.

Время определить позицию

11 сентября Рузвельт обратился с речью к американскому народу: «Гитлер знает, что для достижения решающего успеха на пути к мировому господству он должен получить контроль над морями. Он должен прежде всего уничтожить тот мост через Атлантику, который создают рейсы наших кораблей и по которому мы будем продолжать посылать орудия войны для его уничтожения... Мы не можем жить безмятежно в управляемом нацистами мире... Когда гремучая змея изготовилась к удару, не время ждать ее выпада, нужно раздавить ее... Отныне, если германские или итальянские подводные лодки или военные корабли войдут в акватории, рассматриваемые нами как зона обороны Америки, пусть они пеняют на себя».

Это было фактическое провозглашение «необъявленной войны» в Атлантическом океане. Решение Рузвельта атаковать германские подводные лодки поддержали 62 процента американского населения, и настроение на Капитолийском холме, еще вчера очень осторожное, изменилось почти мгновенно.

Лишь в конце сентября 1941 года президент возвратился в Белый дом. Элеонора Рузвельт, которая потеряла за эти дни брата, предалась работе в Службе гражданской обороны — частично чтобы забыться: «Если я погружаюсь в депрессию, я начинаю работать. Работа для меня всегда противоядие депрессии». Постепенно тонус семьи Рузвельтов повысился. Однажды за ужином Франклин Рузвельт попросил присутствующих назвать четыре наиболее выдающиеся исторические личности. Список президента выглядел так: Бенджамин Франклин, Томас Джеффферсон, Теодор Рузвельт, Эрл Рорер — тайный советник Оливера Кромвеля. В список Элеоноры вошли: Эн Хатчинсон, Гариет Бичер Стоу, Эмиль Дикинсон, Кэрри Чепмен Кэтт.

В день рождения Элеоноры Рузвельт (ей исполнилось 57 лет) вся семья и гости отправились в путешествие на корабле по Потомаку. В своем тосте, произнесенном в честь жены, Франклин Рузвельт сказал, что они плывут в этой жизни в одной лодке.

Рузвельты плыли в одной лодке и с американским народом. Если в апреле 1941 года только 30 процентов американцев одобряли вооружение американских торго-

вых судов, то в конце сентября уже 46 процентов. После того, как немцы, используя новую тактику подводной войны — не всплывая и действуя группами, потопили «Розовую звезду», «Кирни» и «Ройбен Джеймс», число одобряющих вооруженную борьбу с немецкими подводными лодками увеличилось до 72 процента.

16 октября генерал Тодзио стал премьер-министром Японии. В этот день Рузвельт встречал яркую осень среди приволья Гайд-Парка. Это время года его всегда освежало и заряжало энергией. Он разъезжал на автомобиле по окрестностям и беседовал с соседями о мировых сдвигах.

★ ★ ★

Страна под руководством Рузвельта меняла свой курс, и конгресс принял в этом участие, 17 октября 1941 года палата представителей, находясь под впечатлением известия о потоплении немецкой подводной лодкой эсминца «Кирни», пересмотрела основные положения Акта о нейтралитете. Чтобы добиться подобных же действий от сената, Рузвельт обнародовал полученные разведкой секретные документы германского рейха, которые содержали планы образования на территории Латинской Америки пяти вассальных государств, планы запрета всех существующих религий. 8 ноября 1941 года сенат США изменил Акт о нейтралитете, поддержав вооружение торговых судов, и проголосовал (незначительным большинством — 50 против 37) за посылку на американских кораблях товаров ленд-лиза Англии. Таким образом, за ужесточение позиции США проголосовало лишь на тринадцать сенаторов больше необходимого минимума. Это означало, что без очевидной опасности для Соединенных Штатов американский сенат не проголосует за меры, эквивалентные объявлению войны.

В этот период рокового для Америки выбора президент Рузвельт постарался укрепить свои позиции внутри страны за счет действий, которые при определенном повороте событий могли бы представить угрозу гражданским правам американцев. В сентябре 1941 года Рузвельт значительно расширил функции Федерального бюро расследований, в частности предоставил ФБР право слежки за своими политическими оппонентами. Санкцию президента получила практика подслушивания телефонных разговоров и перлюстрирования писем. Руководству ФБР было отдано распоряжение собирать информацию о «позиции отдельных групп конгрессменов в отношении внешней политики президента». Так, за активизацию внешней политики, за выход страны на мировую арену американский народ начал частично расплачиваться своими свободами.

Тогда же начала создаваться внешняя американская разведка с глобальным радиусом деятельности. В июле 1941 года президент назначил У. Донована «координатором информации и руководителем планирования скрытых наступательных операций». Формировались основы будущей Организации стратегических служб (ОСС). Рузвельт понимал, что создать мировую сеть за короткое время можно

будет лишь с помощью мастеров в этом тайном ремесле — англичан. В США с санкции президента стала действовать английская Организация по координации политики в области безопасности. Англичане вводили американцев в курс дела, американцы расширяли базу тайных операций. Создавались рычаги долговременной тайной разведывательной работы, без которой ориентация США в незнакомом им мире была бы осложнена.

Теперь руки президента в мировой политике были развязаны. Осень 1941 года — время, когда немецкие войска, завершив окружение под Киевом, начинали перенаправлять свои основные силы снова на Москву — была для Рузвельта периодом глубоких размышлений. Чем кончится битва на советско-германском фронте? Этот вопрос имел основное значение для принятия прочих стратегических решений. Было ясно, что рейх поставил на карту все. И на конференции в Арджентии несравненное красноречие Черчилля уже не волновало Рузвельта более всего. Самые интересные новости привез прибывший вместе с Черчиллем Гарри Гопкинс. От него Рузвельт получил важнейшую для себя информацию о том, чем живет Москва, можно ли рассчитывать на долгосрочное сопротивление СССР немцам, каково настроение советского руководства. Мнение Гопкинса было однозначным: восточный фронт выстоит. Советский Союз окажет необходимое сопротивление, самой эффективной является помощь, направляемая именно на советско-германский фронт. Гопкинс говорил Рузвельту об откровенности Сталина в оценке сложившейся ситуации, о силе и слабостях позиций СССР.

На Рузвельта произвела большое впечатление фраза советского руководителя: «Дайте нам зенитные орудия и алюминий, и мы сможем сражаться три или четыре года». По мнению Сталина, изложенному посланнику президента, «линия фронта в зимние месяцы будет располагаться перед Москвой, Киевом и Ленинградом — возможно, не более чем в 100 километрах от ныне существующей линии фронта».

Однако Гопкинс хотел сам определить, сумеет ли СССР выстоять зимой. И. Сталину он заявил, что США будут посылать на советско-германский фронт тяжелое снаряжение только после того, как сделают сравнительную оценку всех фронтов мировой войны и когда советское правительство даст полную информацию о своих резервах и стратегических возможностях. Находясь в исключительно сложном положении, И. Сталин поддержал идею созыва союзнической конференции и пообещал предоставить детальную информацию. Свою беседу с Гопкинсом он завершил призывом ускорить вступление США в войну. Более того, он предложил американцам занять часть советско-германского фронта. Он приветствовал бы «прибытие американских войск на любой участок русского фронта под полным командованием американского руководства».

Подобная перспектива не могла не захватить Рузвельта. Советское предложение означало совместную борьбу на решающем фронте. Прими американский президент это предложение в августе 1941 года, не было бы «агонии» 1944—1945 го-

дов, когда США желали невероятного: и жертв России в процессе освобождения восточноевропейских стран и ее одновременного «исчезновения». В 1941 году американцам предоставлялась возможность участвовать в борьбе самим, но это означало, увы, нести потери. Тогда Рузвельт считал, что материальная помощь СССР может быть заменой полномасштабному людскому вовлечению США в битву на европейском континенте.

15 августа Рузвельт и Черчилль предложили Сталину созвать конференцию высшего советского руководства и высокопоставленных представителей Вашингтона и Лондона для решения вопроса о «будущем распределении общих ресурсов». А через две недели Рузвельт указал своему военному министру Г. Стимсону, что помощь Советскому Союзу имеет «первостепенную значимость для безопасности Америки». Стимсону предписывалось выработать рекомендации, как наилучшим образом распределить имеющиеся у США припасы на последующие девять месяцев с тем, чтобы увеличить долю Советской России. Хладнокровие при решении задачи американского выигрыша в Европе за счет жертв России видно из уже упоминавшейся Программы победы. В ней утверждалось, что «наилучшие возможности для успешного наземного наступления против Германии предоставляет поддержание активного фронта в России». Только Советская Россия обладает «достаточными людскими ресурсами, расположенными в благоприятной близости к центру германской военной мощи. Именно поэтому эффективное вооружение русских войск было бы наиболее важным шагом». В Вашингтоне не обсуждали, чего стоила Советскому Союзу «благоприятная близость к центру германской военной мощи». Там бесстрастно калькулировали, придя к выводу о необходимости предоставлять СССР военную помощь по крайней мере до 30 июня 1942 года.

В сентябре после тяжелых поражений советских войск под Киевом и Ленинградом в Вашингтоне (равно, как и в Лондоне) возникли опасения относительно возможности заключения сепаратного мира на восточном фронте. Все чаще стал упоминаться Брест-Литовск. Черчилль откровенно излагал свои опасения. «Мы не исключаем вероятности того, что русские могут думать о сепаратных переговорах»,— телеграфировал Черчилль Рузвельту в эти дни. Рузвельт ответил, что следует ускорить проведение московской конференции и предложил дату ее открытия — 25 сентября 1941 года. На этой конференции ведущей фигурой с западной стороны был, несомненно, А. Гарриман — от него зависела выработка программы помощи СССР объемом в миллиард долларов. Уязвленный своим фактическим бессилием, отошедший в тень глава английской делегации лорд Бивербрук спросил после окончания конференции Сталина, удовлетворен ли он ее итогами. Тот «улыбнулся и кивнул».

Политика Рузвельта в отношении СССР даже на этом этапе, когда он полностью поддерживал нашу страну, была непростой. Бывший посол США в СССР У.Буллит предлагал президенту потребовать от СССР, находившегося в смер-

тельной опасности, отказаться от географических изменений 1939 года. Рузвельт не пожелал поднимать этот вопрос. В его понимании 280 советских дивизий были ничем не восполнимой силой, направленной против гегемонии Гитлера в Европе, все остальное блекло перед этим обстоятельством. Пока Рузвельт явно опасался оказывать давление на важнейшего союзника, тем более, что он знал о шаткости собственных обещаний помощи. Г. Гопкинс говорил в это время о силе антисоветской оппозиции: «Удивительно велико число людей, не желающих оказывать помощь России и, по-видимому, неспособных осознать своими твердолобыми головами стратегическую важность этого фронта».

В целом Рузвельт был удовлетворен итогами московской конференции, о чем он телеграфировал 8 октября 1941 года Черчиллю. Отметим высказанную им основополагающую мысль: поскольку именно СССР несет всю тяжесть жертв, а США не могут даже обеспечить бесперебойную помощь, не следует предъявлять Советскому Союзу никаких претензий. Посылая 18 сентября в конгресс запрос на шестимиллиардные расходы по ленд-лизу, Рузвельт подчеркнул, что исключение СССР из списка получателей помощи сказалось бы на его обороноспособности и осложнило бы реализацию стратегии президента. Конгресс осознал стратегические нужды момента. 13 октября 1941 года Рузвельт уведомил Сталина, что американские военные поставки достигнут миллиарда долларов, расплата по ленд-лизу последует через пять лет после окончания войны. Однако, несмотря на ободряющее послание, вместо намеченных 41 корабля с поставками для СССР за октябрь — ноябрь в море вышли 12. На декабрь была намечена погрузка 98 судов, но реальное их число составило 49. К концу 1941 года СССР получил всего лишь четверть обещанных Америкой грузов.

Америка разворачивает силы

Тем временем армия США становилась по численности сопоставимой с развернутыми европейскими армиями. Акт о выборочном наборе в сентябре 1941 года стал законом. Это доводило армию США до 1 миллиона 600 тысяч человек. Резонно предположить, что уже к ноябрю 1941 года Рузвельт осознавал: германское руководство не сможет долго воздерживаться от потопления американских транспортных судов, идущих со стратегическими грузами в английские порты. Возможно, он уже желал развязки.

В той борьбе, в которую был готов вступить поздней осенью 1941 года президент Рузвельт, неожиданно большую значимость приобрели усилия дешифровальщиков, весьма активно работающих на всех воюющих сторонах. Англичане расшифровали немецкий секретный код (сработала система, названная ими УЛЬТРА). В свою очередь немцы сумели декодировать английский код. Совет-

ские специалисты расшифровали японский код. Как оказалось, японцы «прочли» американский государственный код. Американцы нашли ключ к системе радиопередач японцев. Этот ключ, названный «Магия», позволял Рузвельту следить за внутренней борьбой в Японии, развернувшейся из-за выбора направления нанесения удара.

В конъюнктуре осени 1941 года и Рузвельт, и Черчилль в любом случае хотели сконцентрировать свои усилия прежде всего на Северной Атлантике, а потом уже на Тихоокеанском регионе. Именно поэтому Черчилль, видя желание Рузвельта действовать отдельно, отказался от одностороннего ультиматума Японии. Но Рузвельт оставил огонек надежды — довел до сведения английского премьера, что запросит конгресс о вооруженной помощи, если Япония нападет на английские или голландские владения. Рузвельт предупредил японского посла, что в случае продолжения военной экспансии Токио с американской стороны последуют «различные шаги, предпринятые при ясном понимании того, что дальнейшие меры могут привести к войне между Соединенными Штатами и Японией».

В откорректированном Рузвельтом летом 1941 года стратегическом плане США «Рейнбоу-5» не было детализированных предписаний, как в точности должны действовать вооруженные силы США, но он содержал главную концепцию: в случае войны с державами «оси» следовало придерживаться оборонительной тактики на Тихом океане и сконцентрировать основные силы в борьбе против европейских агрессоров — Германия и Италии. В основе стратегии Рузвельта лежала идея, что после победы над Германией поражение Японии будет гарантированным. Он также полагал, что тихоокеанского флота США (даже до Пирл-Харбора) недостаточно, чтобы сдерживать наступательные действия Японии, если она на них решится.

Рузвельт, как говорят нам документы этих дней, весьма отчетливо осознавал, что не его демарши, а состояние дел на советско-германском фронте продиктует линию поведения Японии. 18 августа он говорит послу Англии лорду Галифаксу, что «ход германо-советского конфликта, а не уважение к Соединенным Штатам» является определяющим фактором для Японии. Президент знал, что на восточной границе СССР сосредоточены лучшие японские наземные силы. И задачей Рузвельта было сделать так, чтобы на фоне вовлеченных в войну и теряющих силы СССР, Британии, Германии и Японии максимально отдалить время вступления в войну Америки. Маховик американской военной промышленности начал раскручиваться, и Рузвельт надеялся, что максимума своей амплитуды он достигнет в час реального ослабления воюющих сторон. Отсюда примирительные жесты (прямо противоположные ожидаемым Черчиллем) в отношении Японии. Японское правительство тоже было не прочь «потянуть» время, чтобы выбрать направление удара и накопить силы.

Но просто уйти из Азии Рузвельт не был готов. Его реакцией на захват японцами Индокитая стало замораживание японских вкладов в США. Практи-

чески это означало, что с данного времени Япония не могла закупать в Америке нефть, сталь и прочие необходимые товары. В октябре военная партия окончательно возобладала в Японии. Премьер-министр Коноэ подал в отставку, поскольку не мог найти взаимопонимания с Вашингтоном по поводу Китая. Новый премьер — генерал Хидеки Тодзио был настроен более решительно, используя переговоры как ширму в своих военных приготовлениях.

Хотя замещение принца Коноэ на посту премьер-министра генералом Тодзио было грозным знаком, президент Рузвельт предпочел не делать преждевременных шагов. 5 ноября он обсудил ситуацию в Азии с высшим военным руководством — генералом Маршаллом и адмиралом Старкам. Участниками встречи владела мысль, что время работает на Соединенные Штаты. «К середине декабря,— говорили Маршалл и Старк,— военно-воздушный и подводный флот Соединенных Штатов, расположенные на Филиппинах, превратятся в убедительную угрозу для любых японских операций к югу от Формозы», а к весне 1942 года американская военно-воздушная мощь «может превратиться в решающий фактор сдерживания Японии в операциях к югу и западу от Филиппин».

На заседании кабинета министров 14 ноября 1941 года государственный секретарь Хэлл заявил, что переговоры с японской делегацией зашли в тупик. Хэлл, по свидетельству Френсис Перкинс, был «очень разочарованным и циничным». Японские дипломаты, сказал Хэлл, отъявленные лицемеры, «они ко всему относятся поверхностно, излишне вежливы, оказывают ему такие знаки уважения, не видит их маленьких трюков» и это приводит его в ярость.

Япония изготавливается

Из японской шифровки Рузвельт знал, что 4 ноября 1941 года министр иностранных дел Японии информировал посла Номуру о решении Токио предпринять «последнее усилие» в попытке наладить отношения с Соединенными Штатами. В телеграмме следующего дня из Токио было сказано, что взаимоотношения двух стран находятся «на грани обрыва». Как объяснял позднее Хэлл, «для нас это означало, что Япония уже привела в движение колесо своей военной машины». Американское руководство также посредством расшифрованного кода узнало, что в Китае японцы решили предпринять действия, рассчитанные на то, чтобы сбить с толку американцев и англичан («перемещения отдельных воинских частей мы назовем эвакуацией, но ни о какой эвакуации не может быть и речи»).

Чтобы выиграть время для нападения (до него оставались уже считанные дни), японцы послали в Вашингтон нового уполномоченного Сабуро Курусу, который вместе с Номурой 18 ноября предложил американской стороне следующее: Япония выводит войска из Индокитая, а Соединенные Штаты ослабляют

экономические санкции против Японии и не вмешиваются в японо-китайские отношения.

Рузвельт стремился оттянуть конфликт, надеясь за полгода значительно нарастить американскую военную мощь. В соответствии с этой генеральной линией он поручил государственному секретарю Хэллу изыскать возможности заключения шестимесячного торгового обмена и возобновления японо-китайских переговоров. Шифровальщики тем временем читали «магический» код и докладывали президенту о последних распоряжениях имперского руководства. Из Токио 22 ноября 1941 года сообщали, что японской делегации поручено продлить переговоры в Вашингтоне до 29 ноября, но не дольше. «После этого события должны развиваться автоматически.» 25 ноября, проанализировав вместе с Хэллом, Леги, Стимсоном, Маршаллом и Старком складывающуюся на Тихом океане ситуацию, президент пришел к выводу, что возможна неожиданная атака японцев. Обсуждался также вопрос о том, как заставить конгресс объявить войну Японии, если та нападет на английские или голландские владения. Впоследствии Рузвельт говорил Сталину и Черчиллю, что, «если бы не нападение японцев», у него были бы «большие трудности с вовлечением американского народа в войну». Рузвельт ожидал удара, но совсем не там, куда направили его японцы.

В конце ноября президент собирался навестить Уорм-Спрингс, чтобы отметить день Благодарения с пациентами местной клиники, среди которых находилась и его прежняя секретарша Мисси Лихенд. Намечена была дата отъезда — 19 ноября, однако началась забастовка шахтеров, которую возглавил Джон Льюис. В условиях практически военного времени это грозило параличом металлургической промышленности. Сын Рузвельта, Франклин-младший, пишет матери: «Мне бы хотелось, чтобы отец позабыл о своей вежливости и однажды утром закатал рукава, чтобы занять действительно жесткую позицию». Именно так и случилось. Президент пригрозил послать войска, если шахтеры не возвратятся на работу. Нажим подействовал, и 22 ноября Льюис согласился на арбитраж. Шахтеры возвратились в шахты.

Решив это дело, Рузвельт снова назначил дату отбытия в Уорм-Спрингс — 27 ноября. Однако за день до отбытия, посредине интенсивных двусторонних американо-японских переговоров большая военно-морская эскадра покинула порты Японии. По свидетельству военного министра Генри Стимсона, «президент буквально взорвался и сказал, что это меняет всю ситуацию, потому что Япония начинает проявлять худшее, на что способна» Стимсон характеризует 27 ноября как «очень напряженный долгий день». Госсекретарь Хэлл сказал ему: «Я умываю руки и теперь дело за Ноксом» (военно-морским министром.— *А.У.*).

Позднее в этот же день адмирал Старк предупредил президента, что «Япония может нанести удар: бирманская дорога, Таиланд, Малайя, голландская Восточная Индия, Филиппины, русские дальневосточные области... Самое главное —

выиграть время. Значительные военно-морские и армейские подкрепления брошены к Филиппинам, но желательная концентрация сил еще не достигнута... Чем больше дополнительного времени мы получим, тем больше у нас шансов удержать Филиппины». Президент согласился со Старком в вопросе о важности выигрыша времени, пока гигантская американская индустрия не скажет решающего слова. На заседании военного кабинета 28 ноября перемещения японских военных транспортов были оценены как угроза «Британии в Сингапуре, Нидерландам и нам на Филиппинах».

28 ноября президент все же отправился в Уорм-Спрингс, где намеревался пробыть десять дней. Из всех его министров наиболее обеспокоен отбытием президента был Генри Стимсон. До поселка Ньюмен в Джорджии Рузвельт доехал на поезде, а дальше пересел на автомобиль. Журналисты, прибывшие в Уорм-Спрингс, расселились в двух коттеджах. Рузвельт поехал прямо в дом, где лежала Мисси Лихенд. Встретиться со столь энергичной, приветливой, разговорчивой прежде женщиной в ее нынешнем, едва ли не безнадежном, состоянии было большим испытанием. Она почти не говорила. Встреча длилась 15 минут, затем Рузвельт отправился в свой дом. Но как только он переступил порог более чем скромного коттеджа, раздался звонок из Вашингтона — Корделл Хэлл сообщил: «На Дальнем Востоке картина становится все более темной, а переговоры в Вашингтоне идут так жестко, что могут быть прерваны в любую минуту». Рузвельт приказал Хэллу позвонить еще раз во второй половине дня. Если ситуация не улучшится, он возвратиться в столицу. В девять вечера Хэлл сообщил о чрезвычайно агрессивной речи, с которой выступил японский премьер Тодзио. В речи говорилось, что в интересах «чести и достоинства человечества» следует приступить к ликвидации американской и британской систем эксплуатации на Дальнем Востоке. По мнению государственного секретаря, японское вооруженное выступление неизбежно. Он советовал президенту возвратиться в Вашингтон как можно раньше, что Рузвельт и сделал на следующий день..

1 декабря Рузвельт вернулся в Белый дом. Дни проходили в обсуждении ситуации в Азии. На заседании кабинета министров 5 декабря военно-морской министр Нокс был так взволнован, что (пишет Перкинс) «можно было видеть, как кровь прилила к его лицу. Президент приказал «крепить нервы и сделать все возможное, чтобы не оборвать нить переговоров с японцами. Не позволяйте им закрыть их».

«А где же японский флот?» — спросил президент. «Наши линии коммуникаций в достаточно хорошем состоянии,— заверил Нокс президента,— и мы надеемся на следующей неделе обнаружить их корабли».

Во второй половине дня в субботу 6 декабря военные эксперты, читавшие с июля японские шифровки, перехватили сообщение из Токио, что японской делегации направляется послание из 14 параграфов. Вечером того же дня послание было пе-

рехвачено. Когда эксперты перевели основную часть текста, они пришли в ужас. Японцы пункт за пунктом отвергали контрпредложения американцев. Заключительная часть послания, сообщал Токио, будет позже. Утром следующего дня американские дешифровальщики перевели последнюю четырнадцатую часть японского послания. Тут же поступило второе послание, инструктирующее японскую делегацию представить американскому правительству ноту Токио ровно в час дня по вашингтонскому времени.

Полковник Руфус Бреттон, заведующий дальневосточным отделом военного министерства, сказал генералу Маршаллу, что время час дня может совпадать с какой-то военной операцией японцев. Маршалл быстро написал американским командирам, дислоцированным в Тихом океане: «В час дня восточного времени японцы выставляют нечто вроде ультиматума. Значение этого текста мы не знаем, но следует находиться в состоянии повышенной готовности». Будучи не уверенным в надежности телефонной связи, Маршалл выбрал более медленный, но более надежный торговый телеграф. Первое послание должно было пойти на Филиппины, затем в Панаму, а потом на Гавайи. Этот способ оповещения войск оказался слишком медленным.

Создается впечатление, что в то время, в конце ноября—начале декабря 1941 года президент Рузвельт определенно хотел оттянуть дату роковой развязки. Более или менее отчетливо мысли президента передает его беседа 1 декабря с английским послом — лордом Галифаксом. Рузвельт пообещал послу, что в случае японского нападения на английские и голландские владения «мы будем в одной лодке». Но его интересовало, что станет делать Лондон, если японцы нападут на Таиланд или укрепятся в Индокитае с прицелом на бирманскую дорогу, соединяющую западные державы с Китаем. Обе стороны уклонялись от определенных ответов, причем Рузвельт (в этой беседе, а также 3 и 4 декабря) постоянно обещал англичанам «помощь», но эти обещания требовали уточнений — какого рода помощь имеет в виду американский президент.

Надо ли лишний раз повторять, что стратегия «воздержания» диктовалась, видимо, общей неясностью мировой обстановки. Немцы дошли до Москвы, и весь мир замер, ожидая решающих событий этой битвы. Победа или поражение одной из сторон, несомненно, в самой большей степени воздействовали бы на Японию. Президент Рузвельт стремился выступить на том этапе войны, когда американская мощь имела бы явно решающее значение.

★ ★ ★

В Токио на имперской конференции 1 декабря 1941 года, проходившей в обстановке исключительной секретности, было решено начать войну с Америкой в лучших самурайских традициях XX века, как это было в Порт-Артуре в 1904 году и Мань-

чжурии в 1931 году — без формального объявления войны,без предварительных деклараций. Американским Порт-Артуром в данном случае должна была стать гавайская база Тихоокеанского флота США Пирл-Харбор. В Вашингтоне Курусу и Номура осуществляли дипломатическое прикрытие, а японские авианосцы уже двинулись к Гавайям. Госсекретарь Хэлл продолжал настаивать на «фантастических» требованиях — уходе японцев из Китая. Империалистическая Япония не мыслила себе такого отступления, свой подлинный ответ она готовила в тайне.

Что называется «без пяти двенадцать» Рузвельт обратился 6 декабря 1941 года к японскому императору. В этом послании концентрация японских войск в Индокитае была охарактеризована как «порождающая чувство глубокой обеспокоенности» ввиду угрозы Филиппинам, голландской Ист-Индии, английской Малайе и Таиланду, а заодно и мирным отношениям Японии и США. Только увод японских войск мог бы разогнать сгустившиеся над Тихим океаном «темные облака». Своим гостям в Белом доме Рузвельт сказал по этому поводу: «Сын человеческий только что послал обращение к сыну бога».

Конфликт назрел, и не ясно было лишь то, где и когда он разразится. Гопкинс предложил Рузвельту нанести удар по Японии первыми. «Мы не можем сделать этого,— ответил президент.— Мы мирная страна и мы демократия». Позднее Стимсон объяснил сенатской комиссии по расследованию обстоятельств войны, что, «несмотря на риск нападения японцев, мы, желая иметь поддержку американского народа, хотели получить полную определенность в отношении того, кто первым нанес удар».

Сейчас достоверно известно, что Рузвельт в эти дни изучал опросы общественного мнения, суждения редакторов ведущих газет. Детализированный опрос за ноябрь венчался таким заключением: американцы полагают, что «после шторма солнце никогда не светит так ярко, как до него». Несмотря на явные надежды на победу в мировом конфликте, примерно 70 процентов американцев полагали, что после войны наступят тяжелые времена, связанные с безработицей, ростом цен, падением заработной платы. Никто не мог сказать определенно, оправданы эти предположения или нет. Ясно было, что конфликт потребует больших жертв. Нет сомнения, что, в отличие от многих своих сограждан, Рузвельт думал не только о них, но и о редком историческом шансе, который получала Америка в том случае, если она возглавит победоносную коалицию.

Оценивая азиатского противника Америки, следует заметить, что к началу 40-х годов только недалекие люди могли говорить, что Япония обессилена долгой войной на континенте, что у нее третьеразрядные военно-воздушные силы и «бумажный флот». К концу 1941 года Япония решилась на финальную схватку за господство над Тихоокеанским бассейном. Она ринулась в войну против страны, чье население вдвое превышало ее собственное и чья экономическая мощь была больше японской в десять раз. Ее правящая клика руководствовалась несколькими сооб-

ражениями: события в Европе доказывают правильность выбора Германии как союзника; Германия, полагали японцы, близка к победе над СССР; Великобритания уже перенапрягла свои ресурсы, превосходство над войсками англичан и их союзников из доминионав было пятьдесят к одному в пользу японцев; США не смогут развернуть свои силы до 1943 года, к этому времени они будут изолированы, а их флот потоплен.

Пирл-Харбор

В Токио предполагали, что в час дня 7 декабря 1941 года посол Номура передаст госсекретарю К. Хэллу состоящую из 14 параграфов ноту. Однако Номура попросил государственный департамент об отсрочке встречи до 1 часа 45 минут. Его шифровальщики запоздали с нотой, объявляющей состояние войны. Хэлл, уже знавший из расшифрованного японского сообщения то, что ему предстояло услышать, согласился ждать сколько угодно.

Моряки спали, завтракали и читали газеты воскресного Гонолулу, когда 189 японских бомбардировщиков зашли со стороны солнца над местной базой. Император Хирохито включил свой коротковолновый приемник.В это время —1 час 05 минут вашингтонского времени — первая эскадрилья японских бомбардировщиков увидела северную часть крупнейшего из Гавайских островов — Оаху, на южном побережье которого размещалась база Тихоокеанского флота США Пирл-Харбор. Командир эскадрильи, глядя на плотное скопление судов, подумал: «Разве американцы никогда не слышали о Порт-Артуре?». В 1 час 10 минут были открыты бомболюки. Летчики помнили огромную модель Пирл-Харбора, построенную на северном побережье Японии еще в октябре. По радио, нарушая запрет о молчании, прозвучало: «То-то-то», что означало трижды повторенное «Атака». Первые 189 самолета пошли на цели с разных углов.

В гавани находилось 90 кораблей Тихоокеанского флота США, в том числе 8 линкоров, 2 современных тяжелых крейсера, 6 легких, 30 миноносцев, 5 подводных лодок. Уверенность японцев в успехе своей внезапной атаки была такова, что в эфир понесся сигнал «Тора, тора, тора» — трижды повторенное слово «Тигр». Это было заимствование из китайского эпоса. Пословица гласила: «Тигр может рычать вдалеке, на расстоянии трех тысяч миль, но он обязательно вернется домой». Император Хирохито услышал этот сигнал, выключил радио и пошел спать. Ценой потери 29 самолетов японцы вывели из строя 5 линкоров, 3 эсминца, авианосец, тральщик, 200 самолетов. После третьего захода японцев 35 тысяч погибли. Три минуты спустя после начала бомбардировки Пирл-Харбора контр-адмирал П. Беланджер получил извещение: «Воздушный рейд на Пирл-Харбор. Это не маневры». Так началась война на Тихом океане.

★ ★ ★

В Вашингтоне в половине второго дня Рузвельт ел яблоко и раскладывал марки. Рядом был Гопкинс, когда позвонил Нокс: «Мистер президент, кажется, японцы атаковали Пирл-Харбор». Президент в замешательстве смог сказать лишь «Нет!» Гопкинс предположил, что это, по-видимому, ошибка — японцы никогда не посмеют атаковать Пирл-Харбор. Рузвельт, напротив, сказал, что это похоже на правду — японцы поступают именно так, когда ведут переговоры о мире. Сомнения развеял через несколько минут адмирал Старк: «Произошло нападение. Теперь в местонахождении японского флота можно было не сомневаться».

Рузвельт вызвал Хэлла, а после его ухода некоторое время пребывал в глубоком молчании. Никто не знал, о чем он думает. Затем он продиктовал первые тексты стенографисткам и уже через несколько часов работал с обычной эффективностью — позвонил по трансатлантическому телефону Черчиллю, встретился с лидерами конгресса, приказал установить охрану вокруг оборонных заводов, занялся с генералом Маршаллом оценкой военных возможностей страны.

В то время, когда президент разговаривал со Старком, его супруга прощалась с гостями после ланча. Возвращаясь в свой офис, она бросила взгляд на кабинет мужа. «Все министры были здесь, звенели оба телефона, высшие военные чины спешили со своими сообщениями. Слов, сказанных по телефону было достаточно, чтобы понять, что удар нанесен и мы атакованы.» Поняв, что не время беспокоить мужа, Элеонора возвратилась в свою рабочую комнату. Из ее письма дочери видно, что ее охватил страх. Она боялась, что японские войска могут высадиться на тихоокеанском побережье и просила отослать внуков на восток.

Первое впечатление Элеоноры от мужа в эти часы: «смертельное спокойствие. Вокруг сновали возбужденные чиновники, а он, хотя и выглядел утомленным, сидел за своим столом, безразличный к взрыву эмоций вокруг. Каждое новое донесение оказывалось еще более ужасным, чем предшествующее, но он был абсолютно спокоен. Это было для него обычным. Если происходило нечто очень плохое, он сразу же становился айсбергом без малейшей видимой эмоциональной реакции».

Как свидетельствует Элеонора Рузвельт, 7 декабря 1941 года, «несмотря на все беспокойство, Франклин выглядел более безмятежным, чем на протяжении долгого предшествующего периода». Министр труда Ф. Перкинс также отмечает признаки облегчения после недель и месяцев неопределенности: на лице президента она прочитала «выражение спокойствия». Самнер Уэллес характеризует Рузвельта подобным же образом. Именно в критические минуты «возникало множество причин восхищаться им».

Внутренне Рузвельт неистовствовал. Как признавался он Элеоноре, «я не хотел вести эту войну на два фронта. Наш флот недостаточен, чтобы воевать одно-

временно в Атлантике и на Тихом океане... Таким образом, нам нужно будет достроить наш военно-морской флот и авиацию, а это означает, что, прежде чем мы одержим победу, нам придется понести много поражений».

Одному из первых Рузвельт позвонил жившему в Вашингтоне сыну Джеймсу. Тот еще ничего не знал: «Привет, старик, что я могу сделать для тебя?» — «Сейчас у меня нет времени говорить с тобой, но не мог бы ты приехать прямо сейчас?» — «Па, но сегодня ведь воскресенье»,— сказал Джеймс и почувствовал, что игривость его тона неуместна. «Когда я приехал,— вспоминает Джеймс,— он сидел за столом и даже не взглянул на меня. Но я уже понял, что мы в большой беде. Обратившись ко мне, он не выказал никаких признаков взволнованности, спокойно обсуждал, кого нужно оповестить и какой должна быть реакция прессы в последующие сорок восемь часов».

По воспоминаниям Грейс Тулли, «уже в течение первого часа было очевидно, что военно-морской флот жестоко пострадал». И никто не знал, на чем остановятся японцы. Слуга Батлер слышал, как президент и Гопкинс обсуждали возможность движения японских войск вплоть до Чикаго. В этом случае, говорил президент, Соединенные Штаты как страна, напоминающая Россию континентальными масштабами, сможет заставить японцев растянуть свои коммуникации, ослабить каналы снабжения и затем начать процесс вытеснения.

Черчилль, узнав о Пирл-Харборе, не смог скрыть своего волнения. В присутствии американского посла Гарримана он позвонил в Белый дом и выразил свою солидарность. Рузвельт ответил: «Теперь мы в одной лодке». Четверть века назад сэр Эдуард Грей говорил молодому Черчиллю: «Соединенные Штаты — это гигантская топка. Как только она разгорится, нет пределов энергии, которую она сможет породить». Позже Черчилль напишет: «Иметь Соединенные Штаты на нашей стороне было для меня величайшей радостью... Теперь я знал, что Соединенные Штаты погрузились в войну по переносицу и будут в ней до конца. Итак, мы победили в конце концов!.. Гитлер обречен. Муссолини обречен. Что касается японцев, то они будут стерты в порошок... Я пошел к кровати и спал сном человека спасенного и исполненного благодарности».

★ ★ ★

Через час с лишним после атаки на Пирл-Харбор посол Номура и специальный посланник Курусу, запыхавшись, прибыли в государственный департамент. К. Хэлл заставил их пятнадцать минут ожидать приема. Текст он знал, все это было спектаклем, и реакция госсекретаря была соответствующей: «За пятьдесят лет пребывания на общественных должностях я никогда не видел документа более насыщенного грязными фальсификациями и искажениями». Когда Номура попытался открыть рот, Хэлл указал пальцем на дверь и пожелал: «Приятного дня, джентльмены».

Назначенный званый вечер не был отменен. Но кресло президента пустовало: Рузвельт задержался в Овальном кабинете. Около 5 часов вечера 7 декабря Рузвельт призвал в свой кабинет Грейс Тулли, свою самую близкую секретаршу. Она вспоминает: «Он был совсем один.— Садитесь Грейс. Завтра я собираюсь выступить перед конгрессом. Я хотел бы продиктовать текст. Он будет коротким». Рузвельт начал диктовать тем же уверенным тоном, каким он диктовал ответы на письма. Правда, на этот раз он говорил несколько медленнее и отчетливее, отмечая каждый знак препинания. «Вчера, запятая, седьмого декабря, запятая, тысяча девятьсот сорок первого года, тире, дата позора, тире, Соединенные Штаты Америки были внезапно и преднамеренно атакованы военно-морскими и военно-воздушными силами Японской империи, точка. Абзац.»

Лишь в половине первого ночи заметно изможденный Рузвельт попросил принести сэндвичи и пиво. Напротив Белого дома, в Лафайет-сквере, несколько человек пели «Боже, покровительствуй Америке», но большинство стояли молча. Белый дом впервые за многие десятилетия не был освещен. Улицу, проходящую мимо западного крыла Белого дома, перекрыли. Никогда она уже не будет открыта для свободного движения. В подвале Белого дома специалисты-инженеры продумывали систему подземных ходов на тот случай, если столица подвергнется бомбардировкам. На соседних домах устанавливали зенитные пулеметы. Выходящего из Белого дома Маршалла спросили о деталях происшедшего в Пирл-Харборе. «Сейчас все в тумане»,— был ответ.

Сохранилась история, которой верят по сию пору. Дородная женщина в Чикаго спросила мальчика — разносчика газет, почему шум. «Война», — ответил мальчик.— «Это я понимаю, но с кем?» Вопрос был не так глуп. Рузвельт знал, что на США напали на Тихом океане, но продолжал наращивать американские силы в Атлантике.

Первой из семьи Рузвельтов 7 декабря на студии Эн-Би-Си в половине седьмого вечера выступила супруга президента: «В течение нескольких месяцев предчувствие, что нечто должно случиться, владело нами... Теперь кошмар окончился, и больше нет неясности. Мы знаем теперь, что стоит перед нами, и мы знаем, что готовы к этой встрече... Что бы ни потребовалось от нас, я уверена, что мы сделаем все, что нужно; мы — свободный и непобедимый народ США».

В половине девятого вечера в президентский кабинет начали собираться министры. Стульев всем не хватило и внесли дополнительные кресла. Президент молча сидел за столом. Казалось, он поставил перед собой задачу быть невидимым. Обычно оживленный и любезный, никогда не смотрящий «сквозь» людей, он теперь словно жил в другом мире и не замечал собирающихся. Лицо его было серым, вид — глубоко огорченного и обеспокоенного человека. Наконец, как бы очнувшись, он обратился к присутствующим: «Я рад, что вы здесь». Как «наиболее серьезный со времен гражданской войны» определил Рузвельтом переживаемый кризис.

★ ★ ★

В Токио 8 декабря министр иностранных дел Того вызвал к себе посла США Грю и вручил ему копию ноты, которую Номура не сумел вовремя передать госсекретарю Хэллу. Английский посол Крейги получил позже точно такую же копию. Атака на Пирл-Харбор закончилась уже несколько часов назад. Император обратился к нации со словами: «Святые духи наших имперских предков смотрят сверху на нас. Мы полагаемся на лояльность и мужество наших подданных и надеемся, что задача, поставленная нам нашими предками, будет осуществлена». Премьер Тодзио заявил по радио, что американцы спровоцировали японское выступление. В императорском рескрипте о начале войны с США говорилось, что целью боевых действий является создание зоны мира и стабильности в Восточной Азии и защита этого региона от американо-английской эксплуатации. Эта тема стала основной в пропаганде войны японских милитаристов. Во главе Великой Восточной Азии ставилась Япония — лидер во всех сферах: от военной до экономики и культуры. Вокруг нее группировались (по японской идее) благодарные сателлиты, зависящие от Токио в большей или меньшей мере.

Отныне — мировая держава

Нападение на Пирл-Харбор буквально наэлектризовало США. Адмирал Хэлен заявил, что теперь на японском языке будут разговаривать только в аду. Но в 1941—1945 годах по-японски говорили во многих странах Азии, японская экспансия была быстрой и эффективной.В японских вооруженных силах к декабрю 1941 года насчитывалось около 2,5 миллионов человек. Военно-морские силы Японии состояли из 10 авианосцев, 10 линейных кораблей, 37 крейсеров, 110 эсминцев, 63 подводных лодок. Военно-воздушные силы подчинялись преимущественно флоту, не будучи выделены в особый род войск. У Японии было более 5 тысяч самолетов, из них 575 — на авианосцах.

В это же время в вооруженных силах США служило 1,7 миллиона человек. В военно-морских силах в целом насчитывалось 6 авианосцев, 17 линейных кораблей, 36 крейсеров, 220 эсминцев, 114 подводных лодок, в военно-воздушных— 13 тысяч самолетов. Но значительная часть американских вооруженных сил была «прикована» к Атлантике. Собственно, на Тихом океане японскому агрессору противостояли совместные силы американцев, англичан и голландцев — 22 дивизии (400 тысяч человек), около 1400 самолетов, 4 авианосца с 280 самолетами, 11 линейных кораблей, 35 крейсеров, 100 эсминцев, 86 подводных лодок.

Первый день войны с США принес японской стороне ощутимые результаты. На рейде Пирл-Харбора тонули американские линкоры, на взлетных полосах Манилы горели самые современные бомбардировщики США в Азии — Б-17.

Хотел ли Рузвельт войны с Японией? Многие серьезные исследователи отвечают на этот вопрос положительно. Так, Дж. Кеннан пишет: «Если бы ФДР был полон решимости избежать войны с японцами любым способом, он осуществлял бы американскую внешнюю политику совсем иначе, вовсе не так, как она проводилась в то время. Он не сделал бы, например, японскую политику в Китае пунктом таких противоречий — японцы так или иначе готовились здесь отступить, и американское воздействие было малоэффективно. Он не пытался бы удушить японский военно-морской флот недостачей нефти. И он постарался бы занять твердую и реалистическую позицию в отношении японцев».

★ ★ ★

8 декабря Рузвельт выступил перед конгрессом. Президент заявил, что 7 декабря «будет навсегда датой позора», поскольку Япония начала неспровоцированную атаку в то время, когда японская делегация обратилась с просьбой о мирных переговорах в Вашингтоне. «Соединенные Штаты Америки были внезапно и предумышленно атакованы.» Рузвельт постарался сделать объявление войны кратким и выразительным. Его мысли уже были по другую сторону прежнего мира: страна входила в коалицию великих держав, которым суждено было сокрушить фашизм и установить новый политический порядок. Но входила она достаточно осторожно — Рузвельт не помянул в своей речи Германию и Италию (хотя на этом настаивал такой влиятельный член его кабинета, как Г. Стимсон).

Сенат объявил состояние войны с Японией 82 голосами (никто не высказался против), палата представителей — 388 голосами против одного. Итак, США вступили во вторую мировую войну.

Еще за несколько дней до Пирл-Харбора битва изоляционистов и интервенционистов парализовывала планы мобилизации всех ресурсов. Спектр политических сил в стране был чрезвычайно пестрым, исполнительная власть вела перманентную борьбу с капитолийскими законодателями, не было той элиты, которой вскоре предстояло посягнуть на мировое лидерство. Шоковое вступление в войну создало необходимый сплав политиков, бизнесменов и военных. Изоляционизм был отброшен, интервенционизм получил монополию, поддерживаемую по сию пору.

В основе новой американской политики лежало спрессованное после 7 декабря 1941 года единство американского народа, полного решимости ответить на вызов, энергично преодолеть возникшие внешнеполитические проблемы. Лишь основываясь на этом единстве, можно было смело послать сотни тысяч солдат за океаны, организовать бум в военной промышленности, долгое время нести «тяжесть имперского бремени».

Выступая чуть позже по радио перед нацией, президент Рузвельт назвал войну, в которую вступила Америка, «наиболее потрясающим предприятием в нашей американской истории». Выступая «у камина», президент Рузвельт сказал, что

у него для американской нации есть лишь плохие новости: «Мы потерпели серьезное поражение на Гавайях. Наши силы на Филиппинах претерпевают лишения... Сообщения с островов Гуам, Уэйк и Мидуэй противоречивы, но мы должны быть готовы к потере всех трех этих выдвинутых вперед позиций».

В эти первые дни самой популярной темой выступлений президента было, что США воюют «не ради завоеваний, не ради места в мире, но за мир, в котором все дорогое для этой нации будет сохранено для наших детей». Рузвельт обратился к населению, говоря, что общенациональные усилия потребуются на длительный исторический срок: «Каждый отдельно взятый мужчина, женщина и ребенок являются соратниками в этом самом крупном предприятии американской истории». В этой же первой после нападения японцев «беседе у камина» Рузвельт обозначил программу удвоения военной продукции.

Взгляд президента скользил по карте, а из Лондона к нему по телефону прорывался Черчилль.

Вечером после передачи Сэм Розенман заглянул в кабинет президента. Тот сидел за столом, курил сигарету и рассматривал марки. «Он был совсем один. Если бы Мисси была здорова, она была бы с ним этим вечером. Она всегда поступала так в прежние времена, когда президент находился в состоянии стресса. Всегда старалась найти кого-нибудь, с кем Рузвельт хотел бы поговорить. Президент посмотрел на меня и улыбнулся печальной улыбкой уставшего человека.»

Глобальное видение

Присоединимся к мнению известного историка Дж. Л. Геддиса, который считает главной идеей американской дипломатии в рассматриваемый период переход от «континентализма» к «глобализму». Поражение Франции и японское нападение на Пирл-Харбор показали недостаточность гегемонии США в западном полушарии, недостаточность «континентализма». Потерпели крах аргументы изоляционистов, что события за двумя океанами никогда не затронут жизненные интересы и безопасность США. Вместо прежнего стереотипа появился новый, сформированный на основе «глобалистского» равновесия силы, что и определило иной взгляд на мир человека, волею судьбы оказавшегося у руля государственного корабля: «Главные американские послевоенные интересы ныне заключаются не только в обеспечении преобладания в западном полушарии, но и в предотвращении попадания восточного полушария в зону контроля одной потенциально враждебной державы». Это была своего рода революция в американской внешней политике. И Рузвельт совершил эту революцию с блеском.

Стремительному изменению в пользу США нового расклада сил способствовали и новые возможности науки. Рузвельт серьезнее своих предшественников

в Белом доме подошел к ним. Это обстоятельство имело самые далеко идущие последствия. Вскоре после нападения Германии на СССР американцы получили от англичан копию секретного доклада «Об использовании урана для создания бомбы». В нем говорилось о возможности использовать в качестве сырья плутоний — тогда создаваемые бомбы будут достаточно компактны для применения их с помощью авиации. Предполагалось, что бомбу можно будет создать в течение двух лет. Ванневар Буш в докладе Рузвельту 16 июля 1941 года, оценивая английский документ, не присоединился к их оптимистическим прогнозам. В то же время он сообщил президенту, что «многое в этом направлении сделано в континентальной Европе» и «одно определенно: если такое взрывчатое вещество будет создано, оно окажется в тысячи раз мощнее всех существующих взрывчатых веществ».

Рузвельт заключил для себя, что, если английская физика делает такие выводы, то от более мощной германской физики можно ждать еще большего. Темп американских работ над атомным проектом следовало ускорить. 9 октября 1941 года, когда немцы начали первое наступление на Москву, в Белом доме состоялось совещание Рузвельта, вице-президента Уоллеса и В. Буша. Его результатом было создание Отдела научных исследований и разработок, одной из функций которого стало «давать советы президенту относительно политики в области изучения ядерной реакции». В новый орган вошли президент Гарвардского университета Дж. Конант и представители военных — военный министр Г. Стимсон и начальник штаба американской армии генерал Маршалл. «Связным» между созданным в рамках Отдела комитетом С-1 и президентом назначили вице-президента Уоллеса. Этим военных непосредственно подключили к проекту, хотя круг «посвященных» был чрезвычайно узок, о чем можно судить по новым обязанностям вице-президента. Рузвельт категорически настаивал на строгой секретности.

Отметим важное обстоятельство — руководство проектом создания атомной бомбы было передано Рузвельтом военному министерству. У историка складывается впечатление, что уже тогда Рузвельт твердо верил в успех начатого дела. События на фронтах были безрадостны, а президент тем не менее настроен оптимистически. Возможно, что быстро приспосабливающийся к обстоятельствам Рузвельт обдумывал дипломатические возможности Америки, вооруженной атомной бомбой. На упомянутом октябрьском (1941) совещании обсуждался, как это ни удивительно, вопрос о роли ядерного оружия в послевоенном мире. Рузвельт сказал, что единственная страна, с которой он может поделиться секретом,— Англия. Сказано это было, судя по всему, не только из желания таким образом сохранить друга и союзника. Английские физики начинали делать успехи, и Рузвельт предложил Черчиллю объединить усилия. Со своей стороны англичане сразу же пошли навстречу американцам. Уже в 1940 году они пообещали обменяться секретной технической информацией с Соединенными Штатами в области исследования

ультракоротких радиоволн. Речь шла прежде всего о радаре, но и это соглашение затрагивало ядерные исследования.

Часть имперски мыслящих англичан была против «излишней» зависимости от США. Первоначально патронирующий английские исследования МАУД (Комитет по научным исследованиям) полагал, что атомная энергия «слишком важна для будущего, и поэтому работа должна проводиться в Англии». Но другая часть ответственных за проект лиц исходила из того, что ресурсы Англии ограничены и это не позволит ей создать бомбу в ходе войны — отсюда обращение к гигантской индустрии Штатов. В конечном счете большинство указанного комитета высказалось за совместные исследования. Рузвельт, уловив момент «слабины» англичан, написал 11 октября 1941 года письмо Черчиллю, предлагая объединить усилия: «Кажется желательным, чтобы мы поскорее начали обмен идеями, касающимися того, что изучает ваш Комитет МАУД и Организация доктора Буша в нашей стране».

В октябре 1941 года директор Отдела научных исследований Ванневар Буш доложил президенту, что параллельно работающие англичане считают возможным создание атомной бомбы на основе урана-235. Рузвельт пообещал, что если в течение шести месяцев перспективы станут определенными, он подключит к делу всю мощь, все технологические и индустриальные ресурсы Америки. Исследования велись в нескольких центрах: в Колумбийском, Вирджинском, Чикагском, Калифорнийском университетах, в лабораториях компании «Стандард ойл» и в других местах. Как ясно сейчас, еще не имея никаких доказательств осуществимости атомного проекта, президент Рузвельт бросил на это дело десятки миллионов долларов. Он уловил революцию в технологии, и для него речь шла о самой большой стратегии, о революции в мировом соотношении сил.

★ ★ ★

Использование Рузвельтом тихоокеанского флота в качестве фактора, сдерживающего японскую экспансию, оказалось ошибкой. Рузвельт думал, что флот в Пирл-Харборе станет олицетворением американской мощи. С точки зрения японцев, избравших южное направление агрессии, он стал рифом, препятствующим их продвижению, который следовало взорвать. Именно такой была логика командующего японским флотом адмирала Ямамото — он полагал, что наличие армады американских кораблей на Тихом океане и бомбардировщиков Б-17 на Филиппинах является главной помехой для проявления силы Японии, для ее безудержной экспансии.

Возможно, Рузвельт недооценивал степень японского внимания к американским военным приготовлениям. По американским оценкам, готовность США к войне будет достигнута ориентировочно в апреле 1942 года, и в Токио делали примерно такие же заключения. Начальник штаба военно-морского флота адмирал Нагано заявил на имперской конференции 6 сентября 1941 года: «Военная готовность

Америки увеличивается огромными темпами, и нам будет трудно справиться с нею. Поэтому следует сказать, что для Империи было бы опасно оставаться пассивной и позволить событиям развиваться своим ходом».

В то же время атака на Пирл-Харбор дала Рузвельту неожиданный шанс. Еще за день до нее президент с грустью говорил о том, как трудно придется ему выбивать согласие на объявление войны у конгресса, если японцы нападут на Филиппины. Теперь же ему было обеспечено национальное единство — и надолго.

★ ★ ★

И все же Пирл-Харбор путал планы Рузвельта. Вся его предшествующая стратегия была направлена на то, чтобы придать первоочередную значимость северо-атлантическому региону. А теперь конгресс США объявил войну Японии, в то время как Берлин молчал. Если Германия и Италия не выразят прямыми действиями своего отношения к изменению обстановки на Тихом океане, Америке придется переориентироваться на Дальний Восток. Германская пресса с восторгом описывала масштабы американских потерь, но Гитлер молчал. Ясно было, что он хотел видеть Японию воюющей с Советским Союзом. Если же та предпочла нанести удар на юге и связать руки англосаксам, то это тоже с точки зрения Берлина было ценным. Но следовало ли поддерживать Японию всеми силами, учитывая, что сама она так и не решилась нанести удар по советскому Дальнему Востоку?

Сложилась довольно странная ситуация. Более года Рузвельт говорил своему народу, что врагом номер один является Германия. Он ожидал, что Гитлер объявит войну Америке вместе с Японией. Но время шло, а Берлин молчал.

В эти нестерпимо долгие дни действовал быстро только Черчилль. Пополудни 8 декабря британский премьер чувствовал себя вполне в своей тарелке. С трибуны палаты общин он ярко обрисовал путь Японии к войне на Тихом океане и закончил свою блестящую речь впервые вполне оптимистично: «Теперь на нашей стороне по меньшей мере четыре пятых населения Земли. Мы ответственны за их безопасность и их будущее». Обе палаты британского парламента единодушно проголосовали за объявление войны Японии.

Но Берлин молчал. На традиционную пресс-конференцию в Белый дом журналисты попадали теперь с трудом: служба безопасности тщательно проверяла входящих. В условиях сложившейся неопределенности Рузвельт не всегда знал, что он может сказать прессе в этот час смятения, стратегической неясности. Новости пока лишь обескураживали. Президент сообщил репортерам, что атакована крупнейшая американская база на Филиппинах Кларк-Филд. Он призвал нацию к единству, но не мог сказать ни слова о самом главном: как США будут справляться с новой ситуацией.

Обращаясь к американцам, он сказал, что на протяжении многих недель Германия убеждала Японию, что, вступив в войну, та получит «полный и постоянный

контроль над всем тихоокеанским регионом. Такова их большая стратегия... Нам надо противопоставить подобную же большую стратегию. Например, мы должны понимать, что успехи японцев в борьбе против Соединенных Штатов помогают германским операциям в Ливии, что германские победы на Кавказе неизбежно являются поддержкой Японии в ее операциях против голландской Восточной Индии, что германское нападение на Алжир и Марокко открывает путь нападению на Южную Америку и Панамский канал».

Но Берлин продолжал молчать. Узнав о Пирл-Харборе, Гитлер 8 декабря покинул Вольфшанце и отправился поездом в Берлин. В принципе он мог игнорировать трехсторонний пакт, нарушать свое слово ему уже приходилось. Да и потом, если следовать тексту этого пакта буквально, Германия и Италия должны прийти на помощь Японии только в случае нападения на нее. Пирл-Харбор никак не был случаем такого нападения. Так и советовали некоторые приближенные, лишь Риббентроп колебался в выборе позиции. Между 8 и 11 декабря 1941 года в Берлине шли ожесточенные споры. Многие не хотели иметь США открытым врагом, их у Германии было достаточно.

К тому же сообщение о начале тихоокеанского конфликта было не единственной важной новостью для Гитлера. Именно в эти дни его армии, почти достигшие Москвы, стремительно откатывались в результате советского контрнаступления. Главной задачей было остановить отход ударных сил вермахта. Итоги битвы под Москвой уменьшали шансы на участие Японии в войне против СССР, но Гитлер стремился извлечь максимально возможное из нового обстоятельства — вступления в войну японцев. Он надеялся, что Япония свяжет США в тихоокеанском регионе, давая Германии большие возможности в Европе.

Таким образом, Японию нужно было поддержать. Помимо прочего, Германия никак не отвлекала сил для помощи Японии на Тихом океане. Следовательно, рассуждал Гитлер, объявление войны Америке не будет означать потери столь необходимых ресурсов. И, как отмечало окружение фюрера, даже в этот момент провозглашения союзной солидарности он не без презрения говорил о желтых, возомнивших себя равными белым. Что касается Америки, то нацисты всегда рисовали ее иудаизированной и смешанной с негроидной расой. Все эти обстоятельства и соображения сфокусировались в речи Гитлера перед рейхстагом 11 декабря 1941 года.

Гитлер посвятил речь отличию своих взглядов от взглядов Рузвельта. Он начал с иронии в адрес того, «кто так любит балагурить у камина, в то время как наши солдаты сражаются среди снега и льдов, кто является главным преступником в этой войне». Гитлер заявил, что он считает Рузвельта «таким же сумасшедшим, каким был Вильсон... Вначале он вызывает войну, затем фальсифицирует ее причины и одевается при этом в одежды христианского лицемерия». В этой речи было много оценок и сравнений. «Дистанция с целый мир разделяет идеи Рузвель-

та и мои. Рузвельт происходит из богатой семьи и принадлежит к классу, чьи дороги в демократиях облегчены. Я рос в маленькой бедной семье и должен был пробивать себе путь трудом и изобретательностью». В мировой войне у Рузвельта была приятная работа, а Гитлер мерз в окопах; после нее Рузвельт вошел в элиту страны, а Гитлер спустился на дно бедности. От сентиментальностей фюрер быстро перешел к делу: Германия воюет за свои права. «И она обеспечит себе эти права, даже если тысячи Черчиллей и Рузвельтов вступят в заговор против нее...»

Весь состав рейхстага встал, слова вождя потонули в овациях. Между тем человек, от которого зависела судьба Германии, сделал еще один роковой шаг к своей гибели. Объявление войны Соединенным Штатам означало, что все ресурсы этой огромной страны будут направлены на дело победы над агрессорами. Реагируя на складывающуюся ситуацию, Рузвельт послал письменную просьбу в конгресс, и тот признал состояние войны между США и Германией.

Согласно найденным в Нюрнберге документам, Гитлер утверждал, что «главной причиной» объявления войны Соединенным Штатам было то, что те «уже топили наши корабли. Они стали мощным фактором в этой войне и своими действиями они уже создали ситуацию военного характера».

Многие американцы с большим основанием считали действия Гитлера колоссальной глупостью: «Наконец-то наши враги с неподражаемой глупостью разрешили наши дилеммы, заставили отбросить сомнения и колебания, объединили наших людей для долгой и тяжелой работы, которую требовали наши национальные интересы».

Итак, Соединенные Штаты вступили в борьбу. Колебания и сомнения остались позади. Теперь перед президентом Рузвельтом стояла новая и необычная задача. Нужно было включиться в коалиционную войну и сделать это так, чтобы участники коалиции признали американское лидерство.

★ ★ ★

Когда Элеонора Рузвельт возвратилась с западного побережья в Вашингтон, Белый дом был уже другим. Стояли новые будки с агентами секретной службы, все входы и выходы охранялись. Внутрь впускали только по пропускам. Теперь на газонах уже невозможно было увидеть туристов и праздношатающихся. Все окна были плотно закрыты тяжелыми гардинами. (Не все меры предосторожности президент принял. Рузвельт не позволил покрыть весь дом камуфляжем и установить пулеметы на крыше, а также построить бункер в подвале.) Внешнее освещение было отключено, охрана удвоена. В соседнем здании — министерстве финансов — начали создавать бомбоубежище, но Рузвельт воспринял эту идею скептически. Агенты секретной службы спали в укрытиях. Периодически они проводили учения, на которых фигурировало кресло-коляска. Оказалось, что требуется лишь одна минута, чтобы доставить президента в укрытие, но Рузвельт наотрез отказался от этого и добавил,

обращаясь к Моргентау: «Генри, я спущусь вниз, если вы согласитесь сыграть со мной в покер на все деньги в вашем кошельке».

В дни, когда радио приносило одни лишь огорчительные известия, Рузвельт казался невозмутимым. В условиях крупнейшего международного кризиса он стремился взглянуть поверх обыденности, поверх дежурных новостей. Начиналась новая дипломатическая борьба. И до и после он часто говорил о покере. Теперь, в канун 1942 года, он начал игру с самыми большими ставками и твердо надеялся ее выиграть. Для этого необходимо было последовательное осмысление текущей обстановки и реалистическое планирование.

Премьер-министр Черчилль, нет сомнений, искренне приветствовал нового могущественного союзника. Но также несомненно и то, что Черчилль всеми силами стремился избежать участи младшего партнера. 9 декабря 1941 года Черчилль предложил президенту встретиться в Вашингтоне, «чтобы обсудить общий план ведения войны». Один из представителей британского имперского штаба осмелился посоветовать Черчиллю «не заглядывать в глаза» американцам, на что премьер ответил с особенным выражением лица: «Так мы говорили с Америкой в период ухаживаний; теперь, когда она находится в гареме, мы будем говорить с ней иначе».

Никогда не испытывая сомнений в себе, президент Рузвельт принял вызов. Премьер-министру Черчиллю было послано приглашение прибыть в Вашингтон и остановиться в Белом доме. Пока еще Вашингтон внешне не напоминал столицу воюющей державы. Автомобили блестели хромом и скапливались в уличных пробках, витрины магазинов сверкали как никогда привлекательно, в городе все спешили на званые обеды и вечеринки.

Но Рузвельт был вне этой суеты. Он послал в конгресс военный бюджет небывалого объема — 109 миллиардов долларов. Никто нигде и никогда не расходовал в год столько на военные нужды. Крупнейшие корпорации распределили между собой заказы. «Боинг» стал готовиться к выпуску Б-17 («Летающая крепость»), а позднее — Б-29 («Сверхкрепость»); «Консолидэйтед» производила Б-24 («Либерейтор»); «Норт Американ» — П-51 («Мустанг»).

Британская делегация высадилась в Хэмптон-Роудсе, и через несколько часов второй этаж Белого дома превратился в штаб двух величайших держав Запада. Черчилля разместили в Розовой квартире на втором этаже. Его слуга спал в соседней комнате, а двое секретарей получили кабинет Линкольна. Спальней Черчиллю была определена комната напротив кабинета Г. Гопкинса, ближайшего советника президента. Комната наверху превратилась в штаб-квартиру Британской империи. Комнату Монро освободили от мебели, и она превратилась в «комнату карт».

Рано утром слуга президента Алонцо Филдс стоял навытяжку перед премьер-министром. Болтая голыми ногами посреди разбросанных карт, Черчилль поучал:

«Мы вчера хорошо пообедали, но я должен вам сказать несколько слов. Во-первых, я не люблю, когда болтают рядом в коридоре; во-вторых, я ненавижу свист в коридоре; в-третьих, мне нужен черри до завтрака, пара порций скотча и содовой перед ланчем и французское шампанское с девяностолетним бренди перед отходом ко сну».

Эти трое — Рузвельт, Черчилль и Гопкинс — провели несколько дней почти не расставаясь. Персонал Белого дома видел, как Черчилль подвозил коляску с президентом к лифту. А президент покорно ждал, когда Черчилль выспится (посреди послеобеденной беседы Черчилль неожиданно исчезал на двухчасовой сон). После полуночи президент мог склонить голову, а британский премьер был бодр. Сын президента Эллиот считал, что Черчилль назло Элеоноре предлагает Рузвельту лишний коктейль, что поток алкоголя, следующий за Черчиллем, слишком велик.

Незадолго до рождества, 22 декабря 1941 года, два ведущих участника антигитлеровской коалиции начали секретные переговоры. На поверхности лежало обсуждение объединяющих документов, прежде всего «Декларации об общих целях». Сутью же первого тайного дипломатического диспута периода войны было определение того, «кто есть кто» в коалиции, каково направление стратегического планирования, каковы цели войны. Общий документ, опубликованный в первый день нового 1942 года, назывался «Декларация Объединенных Наций». Рузвельт постарался избежать слов «военный союз». С самого начала он, подобно президенту Вильсону в 1917 году, стремился дать понять, что Америка не считает себя жестко связанной союзническими обязательствами. Он желал лишь следующих договоренностей: не заключать сепаратного мира и рассматривать фашистскую «ось» как единое целое. На этой конференции, получившей название «Аркадия», шла речь о выборе стратегии, о том, как будет осуществляться союзное командование, кто будет создавать стратегические ресурсы и как они будут распределяться.

Наибольшие опасения Черчилля касались выбора основного противника. Он предполагал, что президент Рузвельт будет настаивать на приоритете обращения к азиатскому члену «оси». Немало американцев считали первостепенной задачей наказать Японию. По мнению Черчилля, взятых в отдельности английских сил было недостаточно для энергичных действий против половины Европы, оккупированной Германией. Однако уже через несколько часов обсуждений Черчилль успокоился. Рузвельт в своей глобальной стратегии исходил из той идеи, что США должны принять первоочередное участие в боевых действиях там, где в конечном счете определяется мировой расклад сил, т.е. в Европе. Судьбу Америки решала победа или поражение именно Германии — этого принципа Рузвельт придерживался твердо. Но если принцип был определен, то, как он будет реализован, оставалось крайне неясным. К обсуждению вопроса оба лидера приступили уже при первой своей встрече.

На этом этапе дискуссий (когда Рузвельт пригласил помимо Гопкинса еще Хэлла и Уэллеса, а ряды англичан пополнили Бивербрук и Галифакс) Черчилль был в превосходной форме. За дни перехода через Атлантику он с группой своих помощников перебрал немало вариантов, и теперь его красноречие покоилось на основательном знании предмета. С точки зрения британского премьера, если немцы стабилизируют советско-германский фронт, они постараются усилить «крепость Европу». Возможна оккупация Испании и Португалии, а также выход на североафриканские рубежи. Следовало подумать о реакции западных союзников на подобное смещение центра внимания Берлина. На этот случай Черчилль предложил свой вариант действий. План назывался «Джимнаст». Он предполагал высадку американского десанта в Марокко, в районе Касабланки, и наступление англичан в Северной Африке с востока, со стороны Египта. В случае удачи оба союзника встретились бы в Тунисе.

К некоторому удивлению Черчилля, впервые имевшего возможность долго и без помех обсуждать с американцами наиболее насущные проблемы мировой войны, президент Рузвельт не нуждался в помощи, разъяснениях, советах. Было ясно, что вопросы союзной стратегии обдумываются им давно и серьезно. Исходя из своего анализа, Рузвельт высказал мнение (полностью разделенное Черчиллем), что «жизненно важным является остановить немцев в северо-западной Африке и на островах, выходящих в Атлантический океан». Именно эти территории, полагали оба лидера, Гитлер мог взять под прицел в любой момент, и именно они осложняли Соединенным Штатам возможность подойти к европейскому континенту с юго-запада.

Но Рузвельт не делал упор на Северной Африке. Его интересовала прежде всего судьба Европы как таковой, а не маргинальные успехи на периферии. На второй день обсуждений, заручившись экспертными мнениями военного министра Стимсона и начальника штаба американской армии Маршалла, он призвал не уходить «на обочину», а держаться ближе к жизненным центрам Европы. Президент предложил оккупировать силами американцев Северную Ирландию, освободив тем самым английские войска для действий, реально затрагивающих боевую мощь вермахта и его сателлитов. Было видно, что Рузвельта беспокоит главное направление удара. Президент не хотел бросать американские войска в зыбучие пески Ливии.

Черчилль аргументировал свой план тем, что в антигитлеровскую коалицию войдут французы Северной Африки, а это подорвет согласие между Берлином и вишистским режимом. Однако на американцев эти аргументы производили уже слабое впечатление.

Здесь и возникает различие двух стратегий. Американцы (а среди них в этом плане наиболее активными были Стимсон и Маршалл) стремились сосредоточить силы против эпицентра мощи Германии. Все прочие действия американская сторона рассматривала как отвлекающие внимание, как побочные и нежелательные.

Американцы еще помнили авантюру Черчилля в Дарданеллах во время первой мировой войны. Они хотели сконцентрировать силы на решающем рубеже. Это сразу определяло Европу как главенствующий театр (что англичане одобряли), но в Европе американцы стремились направить силы именно против жизненных центров рейха (этому противились англичане — они боялись затяжной окопной войны, которая погубила в 1914—1918 годах цвет британской молодежи).

Рузвельт и его окружение чувствовали критическую значимость переживаемого времени. Только сейчас, а не ранее (но и не позже) Соединенным Штатам предоставлялась возможность создать тесный союз с Великобританией и зарезервировать для себя главенство в нем. По мнению Рузвельта, строить такой союз было проще, начиная с тихоокеанского бассейна — здесь американские позиции и интересы выглядели заведомо предпочтительнее, чем в Северной Атлантике, где Англия вела войну уже два с половиной года. На совещании высших военных представителей (происходившем в здании Федеральной резервной системы одновременно со встречей на высшем уровне) генерал Маршалл заявил своим английским коллегам, что успешное военное наступление японцев на Тихом океане не может быть остановлено без союза антияпонских сил: «Я убежден, что должен быть назван единый военачальник для всего театра военных действий, которому подчинялась бы авиация, наземные силы и флот». Маршалл не исключал того, что таким главнокомандующим мог стать англичанин (все же англичане участвовали в конфликте крупными силами), но он должен был отчитываться перед контрольным органом, перед военным советом в Вашингтоне.

Глава одиннадцатая
ВОЙНА В ЕВРОПЕ И АЗИИ

Мы подходим к моменту, когда президент Рузвельт начинает заниматься непосредственно мировой стратегией, и на данном этапе важно определить тот стиль, который сложился в эти недели. Он станет доминирующим на протяжении всех последующих лет военного конфликта.

Во-первых, президент встал на путь личной дипломатии. Да, он получал информацию от многих людей, но главные решения после детального обсуждения, после привлечения специалистов, проведения диспутов и столкновений мнений (чего он откровенно не любил) принимал он сам. Был ли Рузвельт готов к этой миссии? Годы учений, годы службы в военно-морском министерстве, исключительная образованность в истории и географии способствовали выработке естественных качеств лидера во внешнеполитической сфере. Здесь мы видим резкий контраст с его стилем в сфере внутренней политики. Когда в 30-е годы Франклин Рузвельт занимался решением экономических и социальных проблем, он много и охотно учился, широко пользовался советами специалистов — экономистов, историков, социологов, и никогда не скрывал этого. Но при выработке глобальной стратегии своей страны, начавшейся в декабре 1941 года, он в значительно меньшей степени обращался к «учителям». Круг посвященных был здесь чрезвычайно узок, принятие решений замыкалось на президенте. Если Рузвельт в определенном смысле и учился, то его учителем в эти месяцы и дни являлся Уинстон Черчилль.

Когда Черчилль прибыл в Вашингтон на конференцию «Аркадия», он захватил с собой часть карт из знаменитой подземной «комнаты карт», которую можно было назвать нервным центром Британской империи. Рузвельт проявил к «мини-комнате карт» чрезвычайное внимание. После отбытия английского гостя он создал на первом этаже западного крыла Белого дома, в полуподвальном помещении между спальней доктора Макинтайра и залом дипломатических приемов, в прежней женской раздевалке, свою, весьма внушительную «комнату карт». (Рузвельту было удобно посвещать ее после ежедневного массажа у Макинтайра.) На стенах висели огромные карты Атлантического и Тихого океанов. Трижды в день дежурные офицеры обновляли диспозиции на картах, используя специальные значки на булавках. Круглая шляпка булавки обозначала эсминец, квадратная — тяжелый крейсер. Армейские подразделения обозначались пластиком и жирным карандашом. На двери комнаты было написано «вход воспрещен», и действительно, здесь хранились самые большие американские секреты. Послания Черчиллю, Сталину и Чан Кайши направлялись через армейские службы связи, а ответы поступали по

военно-морским каналам. Только в «комнате карт» хранился полный текст этой важнейшей переписки. Рядом лежала книга, называемая Рузвельтом «книгой магии»,— послания противника, прочитанные американскими дешифровальщиками. Секретарь президента Г. Тьюли писала, что босса нельзя было оторвать от карт и сводок, он был к ним привязан «как утка к воде». Президент охотно посещал эту комнату, где быстро переставлялись флажки и постоянно обновлялись направления ударов на всех фронтах.

Во-вторых, Рузвельт отходил от отвлеченных идей, он становился откровенным реалистом. Это удивило многих. Так, С. Уэллес заместитель государственного секретаря и наиболее доверенное лицо президента в госдепартаменте был поражен исключительной «инстинктивной» способностью Рузвельта к «восприятию принципов геополитики». Те, кто ценил ФДР прежде всего за идеализм, за не ограниченный гуманизм, теперь получили возможность убедиться в его способностях на поле традиционной дипломатии. Макиавелли был бы доволен.

Разворачивая фронт своей дипломатии, Рузвельт щадил самолюбие английского партнера, слабостью которого было не отсутствие талантов, а объективное ослабление материальных оснований мощи Британии. Рузвельт чувствовал свою силу, его уже меньше волновало публичное сравнение его политического таланта с черчиллевским. Но и Черчилль, увидев редкостное сочетание ума и возможностей, признал, что в международной политике родилась новая звезда.

Характерной в плане сравнения была их совместная пресс-конференция в Вашингтоне в декабре 1941 года. Во время вступительной речи президента Черчилль, традиционно одетый в полосатые брюки и черный пиджак, с незажженной длинной сигарой сидел, глядя куда-то вдаль. Когда наступила его очередь, журналисты в задних рядах заволновались: им не видно было британской звезды. Тогда Черчилль взобрался на кресло. Это вызвало одобрение, пусть даже некоторым показалось, что премьер несколько ниже ростом, чем они ожидали. Черчилль говорил о необходимости оптимально распределить ресурсы коалиции. Как только гигантская военная машина США заработает на полных оборотах, вопрос о распределении ресурсов отпадет сам собой.

Черчилль сорвал аплодисменты, но Рузвельт думал о гораздо большем. Решался вопрос о совместном командовании. Разумеется, Черчилль хотел разделить ответственность и права пополам, составив объединенный штаб из двух частей — в Вашингтоне и Лондоне. Однако приятные речи кончились: определялся расклад мировых сил, и новообращенный политик и реалист Рузвельт сделал почти невозможное — по словам Гопкинса, он «опустил англичан в ад» и в конечном счете добился желаемого. Суровая реальность предстала перед англичанами во всей своей жестокой наготе: западная коалиция будет управляться из Вашингтона. Создаваемый здесь штаб вооруженных сил коалиции будет находиться под патронажем американского президента.

Третья особенность стиля Рузвельта — склонность к импровизации, умение творчески подойти к актуальной проблеме. В эти дни, действуя в ставшей характерной для него манере постоянного поиска, Рузвельт создал Объединенный англо-американский комитет начальников штабов (ОКНШ). От США в него вошли: от армии — генерал Маршалл, от военно-морских сил — адмирал Кинг, от авиации (до того времени еще не выделившейся в отдельный род войск) — генерал Арнольд. Председателем комитета стал генерал Маршалл. Объединенный комитет был призван координировать действия вооруженных сил двух стран, равенство между которыми могло быть только символическим. Личный врач Черчилля лорд Маран с грустью записал в дневнике: «Американцы добились своего, и война отныне будет вестись из Вашингтона. Они поступили бы более мудро, если бы не толкали нас так бесцеремонно в будущее». На этом этапе Черчилль не мог противостоять американскому нажиму — ситуация в Европе была очень тяжелой, в Африке и Азии англичане отступали. Приходилось действовать в пределах возможного. Уступкой американцев стало предоставление поста главнокомандующего в Азиатско-Тихоокеанском регионе английскому фельдмаршалу Уэйвелу. Но под его номинальное командование попали не управляемые из-за своей исключительной удаленности и несвязанности друг с другом войска в голландской Ист-Индии, Малайе, Филиппинах, Новой Гвинее, Бирме, Соломоновых островах, на Фиджах и Самоа.

Рузвельт и Черчилль

И трудно было представить возможность изменить судьбу, все менее благосклонную к англичанам. Британская империя еще не дышала на ладан, но уже не была самообеспечиваемой, как это было, скажем, во время первой мировой войны. Англичане потерпели жесточайшее поражение в двух ключевых пунктах — Сингапуре и Тобруке, что означало обрыв пути в Восточную Азию и угрозу «сонной артерии» империи — Суэцкому каналу. Американцы же готовились вслед за Гренландией взять под свою опеку Исландию, Азорские острова и все прочее на пути к Евразии. Еще важнее для Америки был наконец-то проявивший себя после 1929 года бурный экономический рост: 45 тысяч самолетов в 1942 году и 100 тысяч в 1943 году; 45 тысяч танков в 1942 году и 75 тысяч в 1943 году. Врач Черчилля пишет в дневнике: «Я думаю, что Уинстон более чем кто-либо осознавал значение этой американской программы ведения войны. Он был пьян от этих цифр». И хотя «мы живем единой семьей» (писал Черчилль в Лондон), старшинство в семье уже определилось. Можно как угодно относиться к процессу перехода мирового влияния, но невозможно отрицать характер Рузвельта, сумевшего навязать собственное решение и при этом сохранить лояльность англичан.

Особенностью дипломатии Рузвельта была интенсивная личная переписка с ведущими политиками своего времени, прежде всего с Черчиллем, Сталиным, Чан Кайши. А началось это так. На одиннадцатый день войны Рузвельт послал письмо первому лорду адмиралтейства Черчиллю: «Дорогой Черчилль. Ввиду того, что я занимал подобный вашему пост в (первой) мировой войне, я должен сказать Вам, как обрадовало меня Ваше возвращение в Адмиралтейство... Я приветствовал бы Ваше согласие держать меня в курсе событий лично». Эти строки способствовали активному обмену информацией между Рузвельтом и Черчиллем, ставшему одним из главных каналов осуществления рузвельтовской дипломатии. В более чем 1700 посланиях содержались итоги обсуждения стратегии ведения войны, анализ дипломатической обстановки, дискуссия о будущем мире. Рузвельт и Черчилль волею обстоятельств стали крупнейшими деятелями дипломатии своего времени, а их взаимообмен — своего рода кузницей идей Запада о будущем мире.

Напрашивается их сопоставление. Многие, близко знавшие обоих государственных деятелей, утверждают (как, в частности, врач Черчилля сэр Чарльз Уилсон, будущий лорд Моран.— *А.У.*), что их объединяла только война, что их союз был «браком по расчету». Общей виделась лишь очевидная незаурядность и исключительная погруженность в себя. Исследователи предпочитают говорить об их отношениях не как о дружбе, а как о партнерстве. Так, историк Дж. Лэш вынес это определение в заглавие своей книги «Партнерство, которое спасло Запад». Но во взаимоотношениях этих двух политиков было много и личных эмоций. Черчилль, будучи на восемь лет старше Рузвельта, являлся членом британского кабинета в то время, когда Рузвельт еще выпускал студенческую газету. К моменту их личного сближения он уже четыре десятилетия находился в центре британской и мировой политики, но обращался к Рузвельту всегда с подчеркнутым пиететом: «Мистер президент», тогда как послания Рузвельта всегда начинались обращением «Уинстон». Рузвельт с завистью говорил о литературном таланте Черчилля. «Кто пишет Уинстону речи?» — таким был первый вопрос Рузвельта Гопкинсу, вернувшемуся из Лондона в начале 1941 года.

Черчилль так впервые представил Рузвельта в своей «Истории второй мировой войны»: «У меня сложилась сильная привязанность, которая росла с годами нашего товарищества в отношении этого крупнейшего политика, на протяжении почти десяти лет утверждавшего свою волю на американской политической арене, чье сердце, казалось, отвечало столь многим импульсам моего сердца». Отметим осторожность Черчилля. Он не пишет о великом вожде западных демократий, о немыслимых страданиях инвалида, об идеологе «Нового курса» и т.п. Для Черчилля Рузвельт лишь «крупнейший политик».

Окружающие (например, Гарри Гопкинс и лорд Моран) обсуждали различия в стиле двух великих политиков, двух мастеров английского языка. В процессе подготовки очередной речи Рузвельт не думал о тщательной обработке фразы, он ста-

рался просто выразить то, что у него на уме, самым прямым, простым и доступным способом. Он думал прежде всего о том, как его идеи воспримет самый неискушенный слушатель в зале. Окружающие видели, что он думает об индивидууме и никогда о толпе.

Черчилль, напротив, менее всего думал об отдельном индивидууме, ему в данный момент не было дела до «простого человека», его беспокойств, тревог и желаний. По суждению Исайи Берлина, «Черчилль не отражает социальный и моральный мир в его интенсивном и концентрированном выражении; скорее он создает собственный мир такой силы и связности, что он становится реальностью сам по себе и изменяет внешний мир, налагая на него свой собственный мир с неукротимой силой». Черчилль, если верить мнению Морана, был мало обеспокоен эффектом своих речей, это был своеобразный способ самовыражения. Напротив, Рузвельт всегда думал прежде всего о том действии, которое возымеют его слова. Его метафоры всегда служили непосредственному воздействию.

Черчилль должен был сконцентрироваться перед речью; он многое держал в голове, и его «экспромты» тщательно готовились. Рузвельт перед выступлением не нуждался в «сжатии пружины» и оставался всегда раскованным. Характерно поведение обоих политиков во время встречи зимой 1941—1942 годов. Рузвельт раздавал тексты рождественских хоралов гостям и увлеченно пел сам. Черчилль перед своей знаменитой речью 26 декабря («Какими они, японцы, представляют себе нас?») был отчужден, едва говорил с приглашенными на обед, рано ушел, работал вплоть до момента, когда лимузины прибыли к Белому дому, чтобы отвезти его в Капитолий, шевелил губами накануне выхода. После выступления по лицу Черчилля струился пот, но он был приятно возбужден. Рузвельт, напротив, после выступлений пребывал в легкой меланхолии.

В отличие от Рузвельта Черчилль иногда взрывался. На второй квебекской конференции (1944) он прервал поток нескончаемых историй Рузвельта: «Что вы хотите от меня? Чтобы я встал на задние лапы, как ваша собака Фала?» Американский дипломат К. Пендар, принимая президента и премьер-министра в Марракеше, пытался их сравнить. Хотя Черчилль был мастером застолья, доминировал именно Рузвельт. Присутствовавший на этом же ужине А. Гарриман вскрывает одну из причин их разногласий: Рузвельт «указал на рост национализма среди колониальных народов. Он сказал, что Черчилль во многом колонизатор из девятнадцатого столетия». Черчилль немедленно со всем красноречием доказал присутствующим, что «Новый курс» в Марокко не имел бы успеха. Но все свидетели понимали, куда поворачивает ход истории. Так, Гарриман чувствовал, что в американо-английских отношениях после высадки в Северной Африке и конференции в Касабланке наступает новый период. Англия будет лишь слабеть, Америка — увеличивать свой вес в мире. Критичный в отношении президента Гарриман рассуждал: «Рузвельт всегда испытывал удовлетворение от неудобств других людей. Я думаю, справед-

ливо было бы сказать, что он никогда слишком не беспокоился по поводу сложностей других людей».

В одном оба политика были едины: они безоговорочно отдали своих сыновей и дочерей в действующую армию, и этот дух жертвы ради страны был частью их миропонимания. На Рождество 1941 года их дети приехать не могли, так как были далеко.

Обоих политиков объединяла также любовь к кино. В вечер выступления Черчилля в конгрессе оба увлеченно смотрели фильм «Мальтийский сокол». В конечном счете не оправдались опасения тех, кто полагал, что два гигантских «эго» не сумеют поладить. Сейчас мы знаем, что это произошло, и дружба сохранилась во многом благодаря стратегической уступке Черчилля, которую он практически не мог не сделать на фоне повсеместного отступления англичан.

Провожая Рузвельта из Касабланки в январе 1943 года, Черчилль сказал консулу К. Пендару: «Не говорите мне, когда взлетит самолет президента. Это заставляет меня слишком нервничать. Если что-нибудь случится с этим человеком, я этого не переживу. Он — самый верный друг; его видение превосходит горизонт всех; он — величайший человек, которого я когда-либо знал». Это был самый большой комплимент президенту Ф. Рузвельту.

По стопам Вильсона

Однако все это произойдет более чем через год. Пока же в декабре 1941 года лидеры Америки и Британии лишь искали способы совместного планирования. На конференции «Аркадия» (декабрь 1941—январь 1942 года) США приняли решение подойти к эпицентру глобального конфликта с фланга. Трамплином для европейской кампании должна была стать Северная Африка. Рузвельт предложил высадить американский десант в районе Касабланки и двинуться в сторону англичан, воюющих в Ливии.

Почему Рузвельт избрал североафриканский регион? Историки отмечают три основные причины. Первая — предотвратить оккупацию этой части мира Германией, усиливавшей в тот момент нажим на Виши и склонной получить плацдарм, выходящий к Атлантике. Вторая — расчет на помощь французов, жертв недавнего германского нападения. Третья и, видимо, главная причина заключалась в том, что захват Северной Африки позволял за счет относительно небольших жертв получить выход к европейскому региону. Отсюда удобно было следить за главными, решающими мировыми событиями, имея при этом возможность воздействовать на них в критический момент.

Рузвельт поднимает знамя, выпавшее из рук президента Вильсона в 1920 году. В качестве главной задачи американской дипломатии он предлагает создание

мировой организации, чью деятельность он, безусловно, надеялся держать под своим эффективным контролем. На повестке дня стояли неотложные вопросы войны, но Рузвельт в конце 1941 года не пожалел сил и стараний, чтобы обозначить рамки такой организации и ее общие принципы. Декларация принципов служила первым шагом дальнейшего дипломатического конструирования. В течение недели не затихал телефон, связывающий Вашингтон со столицами 26 стран. Участие СССР обсуждалось Рузвельтом с только что прибывшим в Вашингтон новым послом М. Литвиновым. Рузвельту очень хотелось иметь отдельную подпись Индии, но в этом вопросе Черчилль был непреклонен. Само название «Объединенные нации» пришло к президенту в самом конце работы. Он вкатился в покои Черчилля в коляске, и премьер-министр, только что принявший душ, нашел новое название более впечатляющим, чем прежнее («Ассоциированные нации»). Черчилль тотчас же извлек из своей бездонной памяти строки Байрона, воспевавшего «меч объединенных наций» будущего.

★ ★ ★

Секретная служба выступала категорически против праздничной елки (обычно выставляемой перед фасадом Белого дома на Лафайет-сквере). Но Рузвельт настоял на том, чтобы елку все-таки зажгли, хотя и на южной лужайке перед Белым домом. Военный оркестр исполнил рождественские мелодии, и Рузвельт вышел к публике вместе с Черчиллем, которого представил как «старого и доброго друга». Черчилль не разочаровал красноречием. Только Элеонора не разделяла общего подъема: четверо сыновей уже были в армии. Она стала лучше понимать определенную отстраненность мужа. Принимая все близко к сердцу, сохраняя сентиментальность, он не смог бы исполнять свои обязанности. Теперь она считала, что внутренняя свобода (даже от привязанностей) «предохраняет его от ошибок, освобождает поле для принятия верных решений и делает его именно таким человеком, в котором нуждается время».

Вечером первого дня 1942 года президент Рузвельт, премьер-министр Черчилль, посол СССР М. М. Литвинов и китайский посол Т. Сунг подписали в кабинете Ф. Рузвельта документ под названием «Декларация Объединенных Наций». Рузвельт поставил свою подпись первым, вторым это сделал Черчилль, третьим — Литвинов, четвертым — Сунг. У каждого из подписывающих декларацию было свое представление и о целях «Объединенных наций», и о будущей структуре организации. Однако уже на том этапе Рузвельт был согласен обсуждать мировую стратегию лишь с Черчиллем. Такое состояние дел в выработке общей позиции не устраивало многих. Пожалуй, первыми это выразили китайцы. Генералиссимус Чан Кайши получал звание верховного главнокомандующего союзными войсками на китайском фронте и немедленно изъявил желание участвовать в выработке большой союзной стратегии. Чтобы ослабить остроту проблемы, пре-

зидент Рузвельт потребовал от министра финансов Моргентау в январе 1942 года выделить правительству Чан Кайши полмиллиарда долларов в виде займа. Но все же глава гоминдана ответил, что это не заменяет участия в выработке мировой стратегии.

Главной проблемой формируемой Рузвельтом политики было место и прерогативы Советского Союза. Великобритания уже показала достаточную степень покорности, она целиком зависела от помощи американцев, и даже попытка Рузвельта заручиться подписью Индии под Декларацией Объединенных Наций не поссорила его с Черчиллем. Но место СССР в создаваемой мировой организации отнюдь не было определенным.

Вечером 1 января 1942 года президент и премьер-министр обратились к самой сложной для них теме — России. Радио в последние дни приносило сообщения о жестоких боях на советско-германском фронте, об отступлении германских войск под Москвой. Черчилль вспомнил те дни, когда руководил английской интервенцией и белые армии вплотную подошли к Туле. «Я прощу их теперь,— сказал Черчилль,— в пропорции к числу убитых ими гуннов». «Простят ли они вас?» — откликнулся на слова Черчилля Гопкинс. «В пропорции к числу танков, которые я им пошлю»,— ответил Черчилль.

Вмешательство президента в эту беседу достойно внимания. Ведь он начинал формировать отношения, которым суждено было сохранить свое значение еще многие десятилетия спустя. Рузвельт сказал, что русские никогда не простят интервентов. По его мнению, создать союз с СССР и сохранить его будет сложно. Даже в условиях крайней опасности для самого существования Советского Союза трения между «востоком» и «западом» в антигитлеровской коалиции были ощутимы. В декабре 1941 года советское правительство предложило английской делегации во главе с министром иностранных дел Иденом, прибывшей в Москву, заключить соглашение о признании довоенных советских границ. Иден отказался пойти на это, мотивируя свою позицию просьбой президента Рузвельта не заключать соглашений о послевоенном урегулировании в Европе без консультаций с американской стороной.

Если англичане и американцы с раздражением воспринимали предложения о восстановлении предвоенных границ в то время, когда СССР стоял на пороге национальной катастрофы и практически в одиночестве нес всю тяжесть борьбы с Германией, то можно было себе представить, как возрастет требовательность западных держав в менее критических для них обстоятельствах. В действиях Черчилля в данном случае видно было долговременное стратегическое планирование. Он телеграфировал Идену в Москву: «Никто не может предсказать, каким сложится баланс сил и где будут стоять победоносные армии в конце войны». Впрочем, в те времена английский премьер еще не был чужд сомнений. Он даже поручил Идену обсудить возможность посылки английских войск на Кавказ, обсудить

вопросы участия английских дивизий в боевых действиях на юге советско-германского фронта.

Первым крупным шагом Рузвельта в его политике в отношении СССР было приглашение советской стороны к участию в войне с Японией. В середине декабря 1941 года американский президент предложил собрать в Китае конференцию представителей гоминдановского Китая, США, Англии, Голландии и СССР с целью выработки общего подхода к войне на Тихом океане. В советском ответе содержались как пожелания успехов борющимся против Японии силам, так и просьба «уточнить» цели подобной конференции. В дни битвы за Москву открытие еще одного фронта едва ли могло быть привлекательным для СССР, но советское правительство не отвергло полностью идеи созыва конференции.

Рузвельт был не одинок в попытке вовлечения СССР в войну на Дальнем Востоке. Командующий американскими войсками на азиатском театре военных действий генерал Макартур предлагал Вашингтону «соблазнить» СССР возможностью «решающего удара» по Японии в момент, когда та полностью вовлечена в операции на юге. Рузвельт снова предложил обсудить союзную стратегию борьбы против Японии, на этот раз на уровне послов США, Англии, Китая и СССР в Москве. В напряжении битвы за Москву эта инициатива была лишена для Сталина привлекательности. Он сказал американскому послу, что снял с Дальнего Востока сибирские дивизии и, по существу, оголил этот фронт.

Обсуждая с Черчиллем в первый день 1942 года проблемы союзных отношений с СССР, Рузвельт сказал, что Сталин возглавляет «очень отсталый народ», и это многое объясняет. Рузвельт не предложил СССР (как Англии) создать нечто вроде Объединенного комитета начальников штабов. На данном этапе Рузвельт был занят прежде всего утверждением своего лидерства в союзных с Британской империей усилиях, созданием механизма совместных американо-английских действий, укреплением личных контактов с Черчиллем. Такова была первостепенная задача его военной дипломатии в первые месяцы участия США в мировой войне.

В январе 1942 года Рузвельт приложил все силы, чтобы заручиться дружбой Черчилля. Через него он рассчитывал получить рычаги воздействия на Канаду, Австралию, Голландию и многие силы в Западной Европе. Черчилль вспоминает: «Мы жили вместе в Белом доме как большая семья, в атмосфере доверия и отсутствия формальности... У меня возникла большая симпатия, постоянно возраставшая по мере нашего совместного труда, в отношении этого великого политика». В свою очередь, Рузвельт был в высшей степени удовлетворен установившимся между ним и Черчиллем контактом.

Но не будем верить обоим политикам на слово полностью. Уже тогда, в начале 1942 года, обнаружились серьезные противоречия в перспективном планировании, в видении послевоенного мира. Рузвельт находился под впечатлением книги некоего Луиса Адамиса «Выход в обе стороны», в которой рисовалась волнующая

американских руководителей картина: после войны США оказывают экономическую помощь Европе, платой за которую будет укрепление позиций США в остальном мире. Рузвельт устроил ужин в узком кругу, во время которого вождь британского империализма мог познакомиться с автором идей, подрывающих мощь этого империализма. Рузвельт не преминул уведомить Черчилля о потенциале антибританских настроений в США (война за независимость, война 1812 года, жестокость англичан в Индии, англо-бурская война). В случае сепаратных действий англичан этот потенциал может стать преобладающей политической силой. С самого начала формирования англо-американского союза Рузвельт хотел ясности в том, где находится «капитанский мостик» этого союза. И он вовсе не хотел, чтобы англичане за счет американской помощи укрепили свои имперские позиции.

В начале февраля 1942 года президент предупредил Черчилля, что сохранение системы имперских преференций «ослабит единство целей союзников и нанесет вред как вашим интересам, так и нашим». Рузвельт хотел полностью снять внутренние ограничения на экономическом фронте — только тогда американская экономика сможет показать всю свою мощь. Необходима «экономическая демократия». Хотя Черчилль получил от президента некоторые заверения в том, что ослабление внутренних связей Британского содружества наций не станет первостепенной целью американской внешней политики, у него на этот счет оставалось все меньше иллюзий.

В долгосрочных планах Рузвельта особое место отводилось Индии. Он поднял этот вопрос в беседах с Черчиллем во время конференции «Аркадия». Реакция премьер-министра была такой, что, по утверждению Черчилля, американский президент в дальнейшем достаточно редко напрямую касался этой проблемы. Чуть позже Рузвельт напишет Черчиллю, что в сложной конфигурации внутриндийских сил, где мусульмане севера с трудом находят общий язык с индуистами Индостана, лучшим решением, возможно, было бы обращение к прецеденту из американской истории — к Статьям конфедерации. Создание подобной конституции позволило бы Индии достичь большей автономии. 10 марта 1942 года, когда японские войска взяли Рангун, Рузвельт снова, ссылаясь на опыт Американской конфедерации между 1783 и 1789 годами, предложил создать временное правительство доминиона в Индии. Черчилль указал на историографическую сложность сопоставления различных веков и народов. По мнению Г. Гопкинса, ни одно предложение Рузвельта Черчиллю «на протяжении всей войны не вызывало такого гнева, как обсуждение американцами проблемы Индии».

Тем не менее Рузвельт старался использовать критическую военную ситуацию для решения одной из главных проблем своей геополитики — ослабить Британскую империю в ключевом звене, заручиться твердыми позициями и влиянием в огромной азиатской стране. И поэтому, презрев такт и этикет, Рузвельт снова пишет Черчиллю весной 1942 года: «Если нынешние англо-индийские переговоры окон-

чатся крахом... и Индия будет завоевана Японией, что будет крупным военным и военно-морским поражением нашей стороны, реакция американского общественного мнения едва ли может быть преувеличена». Но Черчилль не для того возглавил правительство, чтобы председательствовать при распаде Британской империи. Он напрочь отверг аналогию со Статьями конфедерации как не имеющую ценности. В этот момент высшего напряжения, когда решалась судьба Британской империи, политические эксперименты были совершенно неуместны.

В Лондоне страшились возможного распада империи. В Вашингтоне же на этот распад откровенно рассчитывали. Вопреки жесткой позиции, занятой Черчиллем, Рузвельт послал в Нью-Дели своего личного представителя, бывшего заместителя военного министра Луиса Джонсона, известного тем, что он основал и возглавил массовую правую организацию — Американский легион. Было ясно, что Джонсон, не будучи специалистом по улаживанию колониальных споров, решает стратегические задачи своей страны. Американцы особенно усилили давление на Лондон во второй половине февраля 1942 года, когда японская армия захватила Сингапур и довольно быстро начала продвигаться через Бирму к Индии. В Вашингтоне этот момент посчитали наиболее благоприятным для изменения статуса Индии, получения ею новых прав в рамках Британской империи.

Наиболее категорично Рузвельт выразил свое желание выделить Индию как новую единицу в азиатской политической игре, когда японские военные корабли ворвались в Индийский океан и вторжение японских армий в Индию казалось лишь вопросом времени. Тогда, в апреле 1942 года, президент Рузвельт послал Черчиллю телеграмму, из которой явствовало, что «тупиковая ситуация создана нежеланием английского правительства предоставить индийцам права самоуправления». Телеграмма поступила к Черчиллю в три часа утра 12 апреля 1942 года, когда он в своей загородной резиденции Чекере разговаривал с Гопкинсом. Британский премьер заявил, что если Рузвельт будет продолжать давление по данному вопросу, то он уйдет в отставку, но английское правительство все равно будет следовать прежней линии. Поскольку японское продвижение в Индии было приостановлено, и Лондон всеми силами стремился сохранить «жемчужину» своей имперской короны, дело было отложено до лучших времен.

Отступление в Азии

Пока союзные лидеры в Вашингтоне обкатывали машину совместных действий, с фронтов поступали обескураживающие сообщения. Особенно потрясали вести из Азии. Император Хирохито, обращаясь к своим предкам, объявил, что он начал войну с варварами и начал ее успешно. 10 декабря 1941 года 400 японских солдат морской пехоты десантировались на побережье американского острова Гу-

ам (Марианские острова), после трехчасового боя 430 военно-морских пехотинцев США сдались. А через несколько часов отборные части японцев высадились на главном острове Филиппин Лусоне, в его северной части. Американцы предпочли без боя переместиться на юг.

Начались воздушное и наземное наступления на Гонконг. В южном Таиланде генерал «тигр» Ямасита, быстро увеличивая плацдарм, двигался к дороге, соединяющей Бангкок с Сингапуром. Около ста американских самолетов были разбиты японской авиацией во время налета на филиппинские базы. Япония стала господствовать над воздушным пространством огромной азиатско-тихоокеанской зоны. В небе не было истребителей, равных японским «Зеро», а бомбардировщики «Мицубиси» вовсю использовали свой китайский опыт. Основные аэродромы американцев и англичан либо были разгромлены, либо находились под постоянным прицелом. Отступление в Азии было стремительным. Сингапур был взят через 10 недель, Ист-Индия — через 13 недель после начала военных операций.

Японцы ошеломили американцев своей мобильностью, упорством, самопожертвованием, технической оснащенностью. К концу декабря 1941 года японские десантные силы приблизились к коралловому атоллу Уэйк, находящемуся на пути клиперов с Гавайских островов к Филиппинам, и после кровопролитного боя взяли в плен полторы тысячи американцев. 15—16 декабря пали два британских протектората — Саравак и Бруней; 18 декабря под прикрытием дыма от горящих нефтехранилищ японцы форсировали пролив и ворвались в Гонконг. Между 23 и 25 декабря японские части высадили десант в Лусоне, произвели бомбардировку Рангуна в Бирме и двинулись по голландскому Борнео.

18 января 1942 года Япония, Германия и Италия разграничили сферы своих военных операций. «Подведомственной» зоной Японии становились «водные пространства к востоку от 70-го градуса восточной долготы до западного побережья американского континента, а также континент и острова — Австралия, голландская Восточная Индия и Новая Зеландия, расположенные в этих водах», плюс доля евразийского континента восточнее 70-го градуса восточной долготы. Предполагалось, что, если США и Англия уведут все свои военно-морские силы на Атлантику, Япония пошлет туда часть своего флота. В случае же концентрации американцев и англичан на Тихом океане немцы и итальянцы придут на помощь своему союзнику.

Положение американцев на Филиппинах было отчаянным. Перед лицом высадившихся японских войск под командованием генерала Хомма американцы быстро отступили, генерал Макартур вынужден был признаться «обороняемым» им филиппинцам, что будет сражаться лишь на полуострове Батаан. Отошедшие на этот полуостров американские войска оказались в кольце осады. Генерал Макартур избежал плена только благодаря побегу в Австралию. Он не верил, что Вашингтон согласится на гибель небывалого в американской истории контингента войск.

Такое начало войны могло подорвать престиж Ф. Рузвельта как верховного главнокомандующего. Согласно союзническим планам предполагалось, что действия против Японии будут возложены главным образом на США. Намечалось остановить японскую экспансию в середине 1942 года, а затем блокировать Японию и начать войну на истощение.

В январе 1942 года десантные войска японцев захватили нефтяные месторождения Борнео. Главные порты Борнео и Целебеса были теперь в их руках. Они высадились и в Новой Гвинее — территории, находившейся под юрисдикцией Австралии, и взлетные площадки Рабаула стали отправной точкой наступления японцев на Австралию. 14 февраля 1942 года гордость Британской империи — крепость Сингапур — сдалась, 60-тысячная японская армия взяла в плен 130-тысячную английскую армию — такого унижения Великобритания еще не переживала. 16 февраля остров Суматра, больший, чем Калифорния, по площади и вдвое больший по населению, был захвачен 10 тысячами японцев. Через три дня воздушному налету «героев Пирл-Харбора» подвергся австралийский порт Дарвин. Президент Рузвельт приказал Макартуру возглавить оборону Австралии. Макартур уже знал, что 20 тысяч британских солдат сдались японцам в Бирме. 25 февраля фельдмаршал сэр Арчибальд Уайвел, командующий союзными войсками в Индонезии, покинул свою штаб-квартиру и удалился в Индию. Эскадра, в которую входили американские корабли, была потоплена в Яванском море. Это стало крупнейшей морской битвой со времен Ютланда (1916), и в ней японцы не потеряли ни одного корабля, уничтожив пять крейсеров противника. Началась подготовка к высадке войск в Австралии. Подобного хода войны на Тихом океане президент Рузвельт никак не ожидал.

Поражения 1942 года могли привести в уныние кого угодно, но не Белый дом. Элеонора Рузвельт: «Возможно, неплохо то, что мы смотрим в лицо несчастьям. Мы прежде были так оптимистичны и почти высокомерны в своем ожидании постоянных успехов. Теперь мы должны найти в себе мужество встречать поражения и сражаться несмотря на них до победы. Твердость нашей воли — одно из наших сильных качеств». Президент Рузвельт в дни поражений (как вспоминает Уильям Хассет) оставался «спокойным и безмятежным, никогда не переходя в раздражение и беспокойство... Никто не видел признаков отчаяния, подбородок его был поднят кверху, на лице выражение решимости». Под глазами (пишет Энн Маккормик) появились темные круги, но «удары молота поражений на Тихом океане не пошатнули его уверенности в себе. Более того, несмотря на титанические задачи, стоящие перед ним, он все легче переносит трудности, чувствует себя в своей тарелке, настроение у него стабильное. Его нервы стали крепче, его поведение более хладнокровным и ровным. Если он и испытывает беспокойство, то внешних признаков этого не видно».

Президент определяет цели

6 января 1942 года Рузвельт предстал перед объединенной сессией конгресса с традиционным посланием «О положении в стране». Президент призвал к войне до победного конца. «Этот конфликт не может завершиться компромиссом. Никогда не было и не может быть успешного компромисса между добром и злом. Только полная победа удовлетворит сторонников терпимости, достоинства, свободы и веры.»

Нарисованная Рузвельтом перспектива создания невиданной доселе военной машины была поистине захватывающей. Согласно планам президента, США уже в 1942 году должны были выпустить 60 тысяч самолетов (из них 45 тысяч боевых), а в 1943 году довести общее число собираемых на конвейерах самолетов до 125 тысяч. Число танков в 1942 году — 25 тысяч, в 1943 году — 75 тысяч. Тоннаж спускаемого со стапелей флота должен был равняться в 1942 году 6 миллионам тонн, а в 1943 году — 10 миллионам тонн. Военного строительства в таких масштабах мировая история не знала ни до, ни после. В середине января 1942 года Рузвельт создал Совет военного производства, что означало невероятную для Америки централизацию руководства экономикой. Восемь членов совета могли принять практически любое решение, касающееся ресурсов США.

Военные программы президента на 1942 год стоили 56 миллиардов долларов — беспрецедентная для Америки сумма за всю ее историю. Рузвельт вписал эти цифры прямо перед произнесением речи. На укоризненный взгляд Гопкинса он ответил почти беспечно: «О, люди на производстве сделают все, если постараются». Капитаны промышленности отреагировали скептически: только люди, никогда не сводящие концы с концами, могут замахиваться на подобное. Заволновавшемуся конгрессу Рузвельт сказал следующее: «Эти цифры дадут японцам и нацистам некоторое представление о том, какую ошибку они совершили в Пирл-Харборе». Теперь Америке следует работать двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Заканчивая на высокой ноте, Рузвельт сказал: «Милитаристы Берлина и Токио начали эту войну, но закончат ее возмущенные массы объединившегося человечества».

Чтобы внести спокойствие в дома американцев, Рузвельт решил выступить с необычной радиоречью у камина. Президент сознательно решил показать всей нации, с какого низкого старта они начинают борьбу в глобальном масштабе. По словам Роберта Шервуда, «никто не был так хорош в поддержке морали и уверенности в себе и в то же время исполнен здорового оптимизма, как президент». Рузвельт призвал американцев запастись картами большого масштаба. «Я собираюсь говорить о незнакомых местах, о которых большинство никогда не слышали, о местах, которые ныне являются полем битвы цивилизации... Если они поймут суть проблемы и то, куда мы движемся, тогда можно будет положиться на то, что любые плохие новости будут восприняты ими спокойно».

Речь началась в 10 часов вечера 23 февраля. Более 80 процентов взрослого населения слушали ее. Многие были вооружены географическими картами. Рузвельт сравнил текущую ситуацию с первыми годами войны за независимость, когда революционная армия терпела постоянные поражения, страдала от недостатка снабжения, почти теряла надежду. «Эгоистичные люди, запуганные люди объявили ситуацию безнадежной. Но Джордж Вашингтон держался своего курса, и новая страна появилась на карте мира.» Нынешнему поколению тоже уготована нелегкая судьба, и американцы должны быть готовы к потерям, «прежде чем закончится отлив». Время впереди принесет беды, но «ваше правительство несокрушимо уверено в вашей способности воспринимать самые плохие новости, не теряя твердости духа. Эта война — война особого характера, она ведется на всех континентах, на каждом острове, в каждом море, на всех воздушных просторах мира. Вот почему я попросил вас положить перед собой карту всего мира и следовать за мной, когда я обозначу основные битвы этой войны».

Рузвельт, очертив ситуацию во всех основных регионах, сказал, что дорога будет трудной, но он верит в творческий гений Америки, «способной обеспечить преобладание в военных материалах, необходимых для конечного триумфа». И заключил речь так: «В Берлине, Риме и Токио нас изображают нацией слабых людей и плейбоев. Пусть они скажут это генералу Макартуру и его людям... Пусть они скажут это летчикам на "Летающих крепостях". Пусть они скажут это морской пехоте».

По общему мнению, эта речь была наиболее успешным выступлением президента со времени его первого радиообращения к стране. «Нью-Йорк таймс» назвала ее «одной из величайших в карьере Рузвельта». Друзья поспешили посоветовать ему как можно чаще появляться на радиоволнах, но Рузвельт этот совет отверг: «Я боюсь того, что мои выступления, став более частыми, потеряют эффективность... С другой стороны, каждое выступление требует четырех или пяти дней подготовки, чего я не могу себе позволить. Я думаю, что мы должны избежать превращения власти в личное руководство — мой хороший друг Уинстон Черчилль уже страдает от этого».

В этой речи Рузвельт еще раз доказал, что никто лучше него не мог организовать, объединить и сфокусировать американскую мощь — в этом главная заслуга Рузвельта перед своим народом.

Ошибка, которую сделал Рузвельт в эти дни — выселение американцев японского происхождения в концентрационные лагеря. Рузвельт видел в этом военную необходимость и подписал 19 февраля соответствующий указ, о чем впоследствии жалел. Более ста тысяч японцев, абсолютное большинство которых были безусловно лояльны по отношению к своей стране, оказались вначале на стадионах, а затем в быстро построенных в глубине страны бараках. Это темная страница президентства Рузвельта.

Между тем в Соединенных Штатах запретили продажу любых видов автомобилей: эта отрасль первой перешла на военные заказы. Созданный по приказу Рузвельта 13 января 1942 года Совет военного производства взял под свой контроль всю экономику страны. В течение года словно из-под земли выросли огромные заводы, навсегда изменившие американский пейзаж. Производители детских игрушек теперь делали компасы, фабрики авторучек вывозили с заводского двора снаряды. Элеонора Рузвельт показывала пример: никто теперь не мог позволить себе шелковые чулки — шелк шел на парашюты. Белый дом прекратил потреблять необходимый армии сахар, перейдя на кукурузный сироп.

В апреле 1942 года Рузвельт объявил о рационировании основных продуктов и контроле над ценами. Он выступил перед нацией с объяснением необходимости рационирования — если не ввести его, богатые скупят дефицитные товары. Переход к ограничениям дался вовсе не так легко, как рассчитывали некоторые экономисты. Была создана целая система: каждый гражданин получил книжку, содержащую 48 купонов, которые можно было израсходовать в течение месяца в любой комбинации на мясо, масло, овощи, сахар, обувь. Продавец собирал купоны и делал очередные заказы на рационируемые товары и продукты.

Это было время, предшествующее распространению телевидения, когда американцы много читали. И такие ставшие классическими для историка книги, как «Берлинский дневник» Уильяма Ширера, читались самой широкой публикой.

Война внесла глубокие изменения в американское общество. Начиная с 1940 года более 7 миллионов американцев переехали из глубинки в индустриальные центры, где к концу войны их число выросло до 15 миллионов. Промышленность почти удвоилась. Это была уже другая Америка. Население перемещалось с Востока на Запад. Бурно росла Калифорния, более чем на треть увеличилось население Орегона и Вашингтона — в этих трех штатах производилась половина военных судов и половина самолетов. Одновременно шло переселение фермеров в города: 6 миллионов белых и черных двинулись с Юга на Север. Все это вместе взятое означало окончание Великой депрессии и колоссальное переустройство американского общества. Ничто не могло стать столь благотворным средством (после десятилетия половинчатых улучшений), излечившим американскую экономику.

Вашингтон как мировая столица

Первые два месяца 1942 года характерны тем, что в это время Белый дом превратился в подлинный командный пункт зрения не только выработки единой стратегии, но и регулирования экономической жизни страны и ее военных усилий. Изменился и сам облик резиденции президента. Выезды были огорожены цепями, появилась караульная служба. На крыше президентского особняка установи-

ли зенитные орудия, хотя трудно было себе представить, откуда, с какого аэродрома мог вылететь самолет, чтобы поразить Белый дом. Исчезла обычная вереница туристов, посещающих левое крыло дворца, для сотрудников ввели пропуска, а президенту запретили обедать за пределами Белого дома.

В эти первые недели и месяцы 1942 года, самые тяжелые с точки зрения положения на всех фронтах, начинается под руководством Рузвельта строительство той колоссальной зоны влияния, которую американцы имели в своих руках к концу войны.

Даже поражения способствовали распространению американского влияния. В дни быстрых побед японцев австралийское правительство решило, что полагаться на Лондон означает вскоре стать зоной японской оккупации. И, минуя Черчилля и английского главнокомандующего в азиатском регионе Уэйвела, австралийский премьер Дж. Куртан обращается прямо к Рузвельту. Он просит американского президента оградить северное побережье Австралии и помочь основным силам австралийской армии, сконцентрированным в Малайе. «Армия в Малайе должна получить защиту с воздуха, иначе произойдет повторение Греции и Крита.» Падение Сингапура означало обрыв всех связей Австралии с метрополией. Австралийский премьер на следующий день объявил во всеуслышание о независимости Австралии от Лондона в военной сфере: «Я хочу со всей ясностью сказать, что Австралия смотрит на Америку, свободная от всех уз, традиционно связывавших ее с Соединенным Королевством».

Эйзенхауэр, возглавлявший отдел планирования военного министерства, считал сохранение трансокеанских связей с Австралией исключительно важным; он предлагал послать туда войска, создать американские базы и именно там построить «азиатский редут». Эти стратегические соображения нашли поддержку военного министра Стимсона, полагавшего, что для Америки важно укрепиться в двух ключевых азиатских регионах — в Китае и Австралии. Это гарантировало американское преобладание во всей огромной Азии в целом. Сообразно с данными стратегическими построениями Рузвельт пообещал австралийскому премьеру (хотя это ставило его в довольно неловкое положение перед Черчиллем) военную помощь и покровительство.

Чтобы получить плацдарм на востоке этого региона, следовало найти рычаги воздействия на Китай. Одной из особенностей стратегического видения Рузвельта была исключительная и далеко не всеми разделяемая вера в боевую мощь Китая. Во время конференции «Аркадия» Черчилль пытался указать на малообоснованность такого представления, но, как пишет премьер в воспоминаниях, Рузвельт возражал самым энергичным образом. Президент спрашивал его, какой будет мощь 500 миллионов китайцев, если они достигнут уровня развития Японии и получат доступ к современному оружию? Черчилль отвечал, что будущее в тумане, а его заботят обстоятельства текущей войны. И в мощь Китая он верит гораздо мень-

ше. Рузвельт же хотел превратить китайский фронт, далекий и труднодоступный, в один из главных фронтов войны. Он твердо решил сделать ставку на Китай в послевоенном мире.

Уже в декабре 1941 года Рузвельт благосклонно реагировал на просьбу Чан Кайши о помощи и организовал рассмотрение запросов своего китайского союзника на конференциях в Чунцине и Сингапуре. Возможно, Рузвельт не без удовлетворения взирал в это время на ссору Чан Кайши и англичан (генерал Уэйвел допустил лишь одну китайскую дивизию к охране бирманских коммуникаций, англичане конфисковали все поставки по ленд-лизу, скопившиеся в Бирме). Президент хотел воспользоваться этими осложнениями с целью показать Чан Кайши, что у того нет союзника надежнее, чем США. Еще на конференции «Аркадия» он сумел убедить Черчилля сделать Чан Кайши верховным главнокомандующим союзных сил в Китае, Таиланде и Индокитае, создать единый союзный планирующий орган в Чунцине и установить регулярные связи между штабом Чан Кайши и союзными штабами в Индии и юго-западной части Тихого океана. Так Рузвельт готовил чанкайшистский Китай к роли регионального гегемона, зависимого лишь от одного надежного покровителя — Соединенных Штатов.

В период ссоры китайцев с англичанами Рузвельт назначает американского генерала Дж. Стилуэла командующим американскими войсками в Китае, Индии Бирме, а также начальником штаба при Чан Кайши. Здесь виден дальний прицел. Лишь по прошествии многих лет мы начинаем осознавать, какое значение имел Китай в мировой дипломатической стратегии Рузвельта. Опереться в Азии на величайшую страну, сковать динамизм Японии, создать противовес СССР в Евразии — таков был замысел Рузвельта, когда он с энтузиазмом говорил о китайском потенциале.

Черчилль, зафиксировав американскую ориентацию на Китай, уже тогда, в начале 1942 года, пришел к заключению, что Рузвельт в данном случае желаемое выдает за действительное и в целом упрощенно рассматривает китайские возможности. С точки зрения английского премьера, ошибочным в глобальной стратегии Рузвельта было то, что он «придавал Китаю значимость, почти равную Британской империи», и легковесно приравнивал возможности китайской армии к боевой мощи СССР. По возвращении из Вашингтона он пишет, что главное поразившее его в американской столице открытие «было Китаем». Уезжающему в Китай Стилуэлу Рузвельт сказал: «Передайте Чан Кайши, что мы намерены возвратить Китаю все потерянные им территории».

Повышение стратегической значимости Китая сопровождалось соответствующей американской помощью. В начале 1942 года китайцы в Чунцине получили заем в 50 миллионов долларов. Нужно отметить,что даже посол США К. Гаус говорил, что займа в 10 миллионов долларов было бы достаточно — все остальное все равно попадет в липкие руки окружения Чан Кайши, в руки «ретроградным,

жаждущим лишь собственного обогащения элементам». Для борьбы с неистребимой коррупцией фантазия Рузвельта произвела нечто новое: он предложил Чан Кайши выдавать американские деньги непосредственно в руки китайских солдат. Министру финансов Моргентау он объявил: «Пока эти ребята воюют, они будут получать свои деньги, а не будут воевать — никаких денег». Делу укрепления Китая (и позиций США в нем) должно было служить и принятое в это время Рузвельтом решение о создании воздушного моста, ведущего к практически окруженному союзнику. Идя на издержки и жертвы, Рузвельт распорядился открыть воздушную дорогу через Индию.

Весной 1942 года в стратегическом мышлении Рузвельта четкие контуры приобретает концепция «четырех полицейских» (США, СССР, Британия и Китай). В беседе с известным противником американского изоляционизма А. Свитсером он обрисовал будущую систему: «Четыре полисмена создадут столь мощный союз, что ни один агрессор не осмелится бросить ему вызов. Нарушителей сложившегося мирового порядка прежде всего подвергнут карантину, а затем, если они продолжат свои подрывные действия, мировые полицейские начнут репрессии: бомбардировка по одному городу в день до тех пор, пока агрессор не откажется от своих замыслов».

Примерно то же самое президент Рузвельт говорил Молотову в мае 1942 года. Тогда Рузвельт пришел к убеждению, что все остальные страны, кроме «четырех полицейских», должны быть полностью разоружены. С этих пор и до Тегеранской конференции, где Рузвельт изложил свои идеи Сталину, схема четырех полицейских, доминирующих в разоруженном мире, была главной в американском стратегическом планировании. Концепция Рузвельта о доминировании больших стран оставалась центральной идеей в его подходе к вопросу о будущей международной организации на протяжении всей второй мировой войны.

Сферы ответственности

В марте 1942 года американцы и англичане по предложению Ф. Рузвельта разграничили сферы ответственности — мир делился на три зоны. В районах Тихого океана стратегическую ответственность взяли на себя США, а Ближнего Востока и Индийского океана — Великобритания, Атлантика и Европа оказались под совместным руководством. В Вашингтоне под председательством Ф. Рузвельта (заместитель Г. Гопкинс) был создан Совет по делам ведения войны на Тихом океане, куда вошли представители девяти стран. То был инструмент, рассчитанный на распространение американского влияния в регионе.

22 января 1942 года премьер-министр Тодзио заявил в японском парламенте: «Нашей целью является военный контроль над теми территориями, которые абсолютно необходимы для защиты Великой Восточноазиатской сферы».

В начале марта в Токио состоялось заседание высших руководителей страны, на котором был принят документ «Основные принципы будущих операций». Вожди милитаристской Японии пришли к заключению, что Япония должна избежать перенапряжения своих сил, консолидировать уже захваченные территории. Определились линии основных боевых действий: для армии — бирманский фронт с выходом на равнины Индии; объединенные силы армии и флота получают контроль над Гвинеей и Соломоновыми островами с целью изолировать Австралию от США; флот адмирала Ямамото разворачивается против американского флота в Тихом океане.

В апреле 1942 года авианосцы и линкоры адмирала Нагумо, получившие известность после Пирл-Харбора, опустошили Бенгальский залив, заставив англичан отойти к Африке. От Мадагаскара до Каролинских островов Япония осуществляла военно-морской контроль.

В Вашингтоне пока ставили скромные задачи: «Удержать то, что мы имеем, отбив любые атаки, на которые способны японцы». Но и эти задачи выполнялись с трудом. 70-тысячные американо-филиппинские войска на Батаане, нарушив приказ оставленного Макартуром за главнокомандующего генерала Уэйнрайта, сдали его японцам. На Батаане были захвачены в плен или погибли в марте 1942 года 112 тысяч человек — это на 6 тысяч больше, чем все потери американцев в первой мировой войне. Для военнопленных американцев начался ад японских лагерей. Японское руководство поощряло зверства своих солдат, полагая, что сами они будут панически бояться плена противника и поэтому станут сражаться с отчаянием обреченных.

Рузвельту было необходимо что-то противопоставить лавине японских побед. По-настоящему американцы впервые ответили на действия японцев утром 18 апреля 1942 года. С расстояния 668 миль к востоку от Токио, базируясь на двух американских авианосцах, эскадрилья из 16 бомбардировщиков Б-26 под командованием полковника Дж. Дулитла осуществила воздушный рейд на Токио, имея запас топлива лишь в одну сторону. Японцы не ожидали налета авианосной авиации, имеющей ограниченный радиус действия. Дулитл на собственном самолете миновал императорский дворец, который ему было приказано не бомбить, и сбросил смертоносный груз в самом центре густонаселенных кварталов Токио. В общем и целом 16 бомбардировщиков причинили неожиданно большой ущерб, попав в закамуфлированное нефтехранилище, повредив авиазавод фирмы «Кавасаки» и многое другое. Это был первый удачный маневр американских вооруженных сил в войне против Японии. Впервые японцам показали, что и они уязвимы.

В Вашингтоне смотрели не в прошлое, а в будущее. Весной 1942 года американские ученые увидели реальные перспективы работы по атомному проекту. 9 марта В. Буш заявил Рузвельту: «То, что мы создаем, очевидно, гораздо более эффективно, чем мы предполагали в октябре прошлого года». В Америке соизме-

ряли возможности германского продвижения в этой сфере с тем, что становилось известным о прогрессе англичан. А их прогресс был в 1941—1942 годах существенным. Следовало предположить, что и у немцев дела идут не хуже. Все это стимулировало американские исследования, заставляло удваивать темпы. В марте 1942 года В. Буш впервые обозначил окончание работ 1944 годом. Рузвельт написал Бушу записку с требованием, чтобы программа «продвигалась вперед не только по собственной внутренней логике, но и с учетом фактора времени. Это чрезвычайно существенно». Теперь и в узком кругу американского руководства говорили о необходимости сделать атомное оружие фактором уже в ходе текущих боевых действий. Здесь опасались, что германские физики лидируют, обгоняя американцев на два года, и судьба мировой войны должна решиться в этой гонке.

В период поражений весной 1942 года Рузвельт продемонстрировал силу своего духа в выступлении по радио по поводу дня рождения Дж. Вашингтона. «Мы многое потеряли, и у нас будет еще много потерь, прежде чем изменится направление прилива. Мы, американцы, были вынуждены уступить, но мы вернем свое... С каждым днем мы наращиваем наши силы. Скоро мы, а не наши враги пойдем в наступление; мы, а не они выиграем решающие битвы; мы, а не они заключим мир». Нации нужны были эти слова. Рузвельт понимал их значимость. Именно после этой речи он сказал, что величайшей ошибкой для него было бы выступать слишком часто и обесценивать свои слова, превращать их в риторику. Он определил для себя норму: не чаще одного выступления по радио в пять—шесть недель.

В ближайшем окружении президента в это время возникают две фракции. Одна выступает за ускорение открытия боевых действий на решающем фронте; вторая полагает, что самую сложную работу должны сделать русские, а американцам надо уловить момент пика обоюдного ослабления на восточном фронте.

Лидерами первой фракции были военный министр Г. Стимсон, председатель Объединенного комитета начальников штабов Дж. Маршалл и глава Отдела военного планирования генерал Эйзенхауэр. Представители второй фракции сконцентрировались в Госдепартаменте. В процессе своей работы Эйзенхауэр пришел к выводу: «Если мы намерены сохранить Россию в строю воюющих стран, спасти Ближний Восток, Индию и Бирму, мы должны начать воздушные бомбардировки Западной Европы и как можно скорее, вслед за бомбардировками высадиться в Европе». Сходные наступательные позиции занимал Генри Стимсон. В письме президенту он отмечал: «Единственный способ получить инициативу в этой войне — взять ее. Мой совет таков: как только главы штабов завершат свое планирование, вы должны послать их в качестве наиболее доверенных лиц, чтобы убедить Черчилля и его военный кабинет в необходимости выполнения американских планов... Нужно со всей силой приступить к передислокации войск для конечного вторжения не позднее сентября». Становилось ясно, что через несколько месяцев немцы снова начнут наступление на советско-германском фронте.

Рузвельт надеялся, что его советский союзник выстоит, но готовился к худшему. Стимсон и Маршалл представили президенту план действий на случай коллапса советско-германского фронта. Согласно идеям автора этого плана Эйзенхауэра, западные союзники должны быстро подготовить 48 дивизий и 5800 самолетов на случай необходимости экстренных действий на европейском континенте до 1 апреля 1943 года. Когда события потребуют более быстрого вмешательства, произойдет переход к массированным воздушным налетам и рейдам на европейское побережье Атлантики. Если советский фронт не выдержит в 1942 году, то предполагалось вторгнуться на континент осенью, задействовав от 18 до 21 дивизии. Само сосредоточение этих войск было намечено к реализации осенью 1942 года (на случай быстрых и неожиданных перемен на советско-германском фронте) и окончательному завершению в апреле 1943 года (если обстоятельства благоприятствовали бы такой затяжке). Первого апреля 1942 года Стимсон и Маршалл предстали со своими планами перед президентом. Все трое пришли к твердому заключению, что главной задачей на данный момент является поддержка Советского Союза. Стратегическая обстановка требовала не только помощи в снабжении, но и операций по отвлечению части главных сил немцев на восточном фронте.

Именно тогда Рузвельт высадил десант через Ла-Манш и сделал создание второго фронта главной задачей своей военной стратегии. Генри Стимсон записал в дневнике, что решение Рузвельта сделает 1 апреля 1942 года «приметной вехой войны». Президент считал необходимым уведомить англичан. В тот же день он решил послать в Лондон Гопкинса и Маршалла. Президент писал премьер-министру: «То, что Гарри и Джордж Маршалл скажут вам, отражает мое глубокое убеждение. Необходимо создание фронта, который ослабил бы давление, оказываемое на русских. Наши народы достаточно мудры, чтобы видеть, что русские сегодня убивают больше немцев и уничтожают больше их материальных ресурсов, чем наши страны, взятые вместе. Даже если полный успех невозможен, эта цель должна быть главной».

Черчилль, известный прямотой своих суждений, на этот раз предпочел не спорить с президентом. Более того, он одобрил его идею, о чем Гопкинс и Маршалл уведомили Рузвельта. Но сейчас мы знаем, что, давая принципиальное согласие, английский премьер имел совсем другую шкалу военных приоритетов, и его стратегическое видение значительно отличалось от концепции Рузвельта. Он стремился к успеху на европейской периферии, выступал за относительно небольшие операции, предполагал полностью задействовать силы Советской Армии, чтобы самим вмешаться в события на этапе резкого ослабления немцев. Когда американские посланцы докладывали в Вашингтон о согласии Черчилля с их планом, премьер-министр думал о том, как предотвратить отход от Британской империи 400-миллионной Индии, как уберечь путь в Индию через Ближний Восток, как сохранить жизнеспособность империи. В Европе же, считал Лондон, достаточно будет обеспечить десант и сопутствующие операции в Северной Норвегии.

Сепаратистская стратегия англичан на некоторое время выпала из поля зрения Рузвельта. Он заручился формальным согласием Черчилля с идеей второго фронта и считал этот участок своих союзнических усилий освоенным. Следующим этапом его инициативы было найти понимание с Советским Союзом. Рузвельт пишет письмо Сталину, в котором выражает сожаление, что огромные расстояния мешают им встретиться. Если в следующем году такая встреча будет возможной, то хорошим местом для нее была бы Аляска. Но суровая реальность не позволяет откладывать согласование стратегических целей. Необходим посредник, который пользовался бы доверием главы советского правительства. Рузвельт предложил Сталину послать В. М. Молотова для обсуждения «очень важного военного предложения, предполагающего использование наших вооруженных сил с целью помощи критически важному западному (советско-германскому. — *А.У.*) фронту». Ответ из Москвы последовал через неделю: Молотов прибудет в Вашингтон «для обмена мнениями» по вопросу организации второго фронта в Европе в ближайшем будущем. У Рузвельта было неистребимое убеждение, что любые противоречия нужно и можно разрешить в непосредственном общении, при встрече с глазу на глаз. Он делился соображениями по этому поводу с Черчиллем: «Позвольте мне быть грубо откровенным, я думаю, что смогу договориться со Сталиным на персональной основе лучше, чем ваш Форин офис и мой Государственный департамент. Сталин ненавидит манеры высших чиновников. Я полагаю, что вызываю у него большую симпатию, и надеюсь на это в будущем».

На советско-германском фронте в мае 1942 года появились признаки того, что начинается летнее немецкое наступление. Министр иностранных дел СССР В.М. Молотов по пути в США прибыл в Лондон, чтобы заключить договор, признающий предвоенные границы СССР, но военная обстановка стала изменяться ощутимым образом, и советская сторона проявила гибкость — предложила как минимум заключить трехсторонний договор о взаимной безопасности между СССР, США и Англией сроком на 20 лет (не упоминая в нем о границах). Сталин телеграфировал Черчиллю: «Я уверен, что данный договор будет иметь величайшее значение для укрепления дружественных отношений между нашими двумя странами и Соединенными Штатами». Это был хороший момент для сплочения, которое гарантировало бы мирное послевоенное развитие. Для СССР в данной ситуации речь шла о выживании и, безусловно, важно было добиться от союзников открытия второго фронта в 1942 году. Благодарность за такую помощь стала бы бесценным основанием для послевоенного сотрудничества. Но западные державы в этот критический час отнюдь не обнадежили своего вставшего на грань национальной катастрофы союзника. «Грязная работа» пала на Черчилля. Он сказал Молотову, что у англичан и американцев нет достаточного количества десантных судов. Молотов прямо заявил о возможности поражения. Но и тогда Черчилль не снял своих возражений против открытия второго фронта в 1942 году.

Перед приездом Молотова Рузвельт написал Объединенному комитету начальников штабов, что «в настоящее время нашей главной задачей является помощь России... Русские армии убивают больше немцев и уничтожают больше их амуниции, чем все остальные 25 объединенных наций, взятые вместе».

Восточный союзник

Молотов прибыл в Вашингтон во второй половине дня 29 мая 1942 года далеко не в лучшем настроении. Советские войска терпели поражение под Харьковом и в Крыму. В Лондоне Молотов ощутил внутреннее нежелание Черчилля приступить к решающим операциям на континенте в текущем году. Советская сторона не могла не испытывать неудовлетворения по поводу затяжек американских военных поставок.

Молотова поселили в комнатах, где прежде останавливался Черчилль,— прямо напротив Гопкинса. Возвратившаяся из поездки Элеонора также поговорила поздно вечером с русским гостем. Как пишет Элеонора Рузвельт, она с самого начала ощутила симпатию к Молотову: «Он был открытым, теплым человеком».

В Белом доме был приготовлен ужин для Молотова, Рузвельта и Гопкинса. По впечатлениям слуги президента Алонцо Филдса, Молотов выглядел «как умная сова... Однажды во время разговора его глаза начали бросать вокруг себя молнии и он, словно лиса, начал готовиться к прыжку». Установить столь нужный и ценимый Рузвельтом персональный контакт оказалось непросто. Первая официальная встреча, на которой присутствовали посол Литвинов, госсекретарь Хэлл, Гопкинс и два переводчика, была далека от сердечности. Главная идея Молотова была очевидна: четкое определение даты открытия второго фронта в Европе. Языковой барьер, усугубляемый паузами перевода, ослабил главный элемент «шарма» президента — его речь. Рузвельт хотел понять Молотова как человека. Видимо, и линия разговора, избранная Рузвельтом, не была оптимальной. Рузвельт начал с идеи выработки советско-германской договоренности по поводу обращения с военнопленными обеих сторон. Это была едва ли удачная тема для беседы при тогдашнем официальном отношении советского руководства к попавшим в плен офицерам и солдатам как к предателям. Молотов абсолютно исключил для своего правительства официальные переговоры с Берлином по вопросу о военнопленных. Рузвельту осталось только присоединиться к мнению Молотова — он упомянул об американских солдатах в японском плену, умирающих от голода, поскольку японский рацион абсолютно недостаточен для белого человека.

Разговор шел о побочных вопросах, не приближаясь к стратегическим проблемам, и Гопкинс, опасаясь неудачного старта, предложил прервать встречу ради отдыха советского комиссара внешних сношений.

Вечером Рузвельт мобилизовал свои силы. Он широкими мазками нарисовал картину послевоенного мира, в котором произойдет всеобщее разоружение, Германия и Япония окажутся под эффективным контролем. Мир будет обеспечен минимум на 25 лет и уж по крайней мере на время жизни поколения Рузвельта—Сталина—Черчилля. После войны возможность появления нового агрессора будет пресекаться совместными действиями США, Советского Союза, Великобритании и, вероятно, Китая, чье вместе взятое население превысит миллиард человек. Беспомощную Лигу Наций заменит организация, во главе которой встанут четыре указанных «полицейских». Рузвельт развивал также тему распада колониальной системы. Прежние колонии будут взяты под международную опеку, а затем подготовленные к самоуправлению получат независимость.

Атмосфера советско-американских переговоров несколько потеплела. По мнению одного из сотрудников госдепартамента, «президент и его советники вгрызались в землю, чтобы удовлетворить пожелания советских представителей». Чарльз Болен пишет, что «осознание ноши русских создало у нас комплекс вины в отношениях с ними». То, что говорил Молотов, могло лишь усугубить это чувство: сдача Харькова, отступление к Волге, неизбежная потеря Крымского полуострова.

Утром следующего дня Рузвельт постарался развить успех. По его просьбе генерал Маршалл и адмирал Кинг выразили готовность дать американскую оценку мировой войны, но перед этим президент хотел узнать советскую точку зрения. То, что услышали американцы, свидетельствовало, что Молотов не намерен питать иллюзий. Он дал жесткую и реалистическую оценку положения на советско-германском фронте. Предстоящим летом Германия могла здесь бросить в бой столько сил, что возможность поражения Советской Армии исключить нельзя. Стратегическое положение Германии укрепилось за счет захвата Украины, являющейся житницей и источником сырьевых ресурсов. На Кавказе немцы могут захватить месторождения нефти. Надежда для советской стороны заключалась в том, что американцы и англичане создадут второй фронт и отвлекут в 1942 году примерно 40 немецких дивизий. В этом случае СССР смог бы или нанести Германии в 1942 году поражение, или сместить общий баланс таким образом, чтобы открылась такая перспектива. Основные усилия следовало приложить именно в 1942 году, потому что к 1943 году Германия сумеет извлечь выгоды из своего господства в большей части Европы, и задача СССР усложнится многократно.

Молотов повернулся прямо к президенту, желая знать, какова позиция США в отношении открытия второго фронта. Вопрос не застал Рузвельта врасплох: президент думал над ним все предшествующие дни. Но он предпочел, чтобы Молотов услышал ответ от менее софистичных политически, более прямолинейных военных. Полагает ли генерал Маршалл, что президент США может пообещать советскому руководству открытие второго фронта в текущем году? Начальник штаба американской армии ответил утвердительно. Тогда, минуя оговорки, президент

США попросил передать главе советского правительства, что можно ожидать открытия второго фронта «в данном году». Лицо Молотова выразило удовлетворение. Впервые у Рузвельта возникло ощущение, что лед между ним и Молотовым начал таять. Это было серьезное обещание, данное в самой серьезной обстановке, и никакие дополнительные комментарии генерала Маршалла и адмирала Кинга о сложности концентрации войск не могли наложить тень на безусловно данное обещание. Тонус советско-американских переговоров повысился.

Во время обеда Молотов рассказал о встрече с Гитлером и Риббентропом, «двумя самыми отвратительными людьми», с которыми ему «приходилось иметь дело». Рузвельт провозгласил тост за мастерское руководство страной, осуществляемое Сталиным, с которым президент надеялся встретиться. Во всех этих славословиях над присутствующими витало важнейшее: США пообещали вступить в борьбу в Европе в текущем году. Рузвельт не разъяснил, как, где, когда, какими силами это будет осуществлено, но он дал исключающее двусмысленность обещание. По тону обсуждений и комментариев военных каждый читатель документов этих дней может прийти к заключению, что речь шла о высадке через Ла-Манш, а наиболее вероятным временем виделись август—сентябрь 1942 года. Обращаясь к предшествующему стратегическому планированию Рузвельта, следует сказать, что он, собственно, повторил в присутствии Молотова тот вывод, к которому пришел ранее, когда размышлял об акциях, необходимых в случае значительного ухудшения положения на советско-германском фронте. В текущий момент немцы рвались к Волге и Кавказу, ситуация была экстренной.

Несмотря на то что Молотов считал импорт «невоенных» товаров, а именно рельсов, исключительно важным для предстоящих сражений, президент сократил их поставки Советскому Союзу на две трети, мотивируя свое решение необходимостью быстрого и полного снабжения Англии как предпосылки создания второго фронта. В последний вечер визита Рузвельт сказал Молотову, что подготовка к открытию второго фронта заставит США сократить поставки по ленд-лизу с 4,1 до 2,5 миллиона тонн грузов в 1943 году. В исторической перспективе видно, что США ускользнули от несения подлинного союзнического бремени в самое критическое для СССР время. Это не могло не наложить отпечаток на общее состояние советско-американских отношений, на формирование видения будущего в Москве и Вашингтоне.

Рузвельт отметил, что каждый транспорт, отправляющийся в Англию, приближает открытие второго фронта. Оправдывая свою репутацию скептика, Молотов задал вопрос, оказавшийся пророческим: «Что будет, если США сократят свои поставки Советскому Союзу и при этом так и не откроют второй фронт?» Рузвельт и в этом случае сказал, что американские штабные офицеры уже обсуждают практические вопросы высадки на континенте. Не ограничившись личным приватным обещанием, данным в ходе секретных переговоров, президент включил его в пуб-

лично оглашенное коммюнике: «В ходе переговоров было достигнуто полное понимание в отношении неотложных задач создания второго фронта в 1942 году». Рузвельт обозначил год, вопреки сомнениям некоторых своих ведущих военных авторитетов и медлительной тактике Черчилля. Нужно ли говорить, что советский представитель покидал Вашингтон в приподнятом настроении. Он огласил коммюнике с обещанием Америки на сессии Верховного Совета СССР. У президента, как сейчас ясно, были сомнения в отношении излишней легкости в подходе к проблемам, вплотную вставшим перед СССР. Через несколько дней он рассуждает с лордом Маунтбеттеном о бессмысленности посылки в Англию миллиона американских солдат, если произойдет крушение советского фронта,— десант во Франции станет невозможным.

Ситуация на южном фланге советско-германского фронта все больше настораживала западных союзников, в том числе Рузвельта и его окружение. В письме от 19 июня 1942 года, подписанном министром Стимсоном и одобренном начальниками штабов, обсуждалась возможность поражения СССР. Встревоженный Рузвельт приказал 20 июня генералу Маршаллу и адмиралу Кингу изложить свои соображения по поводу того, что следует сделать, если Советская Армия начнет общее отступление в июле и возникнет угроза сдачи немцам Москвы, Ленинграда и Кавказа в августе. Президент желал знать, что могут сделать вооруженные силы США для «оттягивания» германских дивизий с русского фронта. Видя начало наступательных операций немцев на советско-германском фронте, Рузвельт ощущал необходимость в консультациях с главным союзником — Черчиллем.

За день до приезда в Вашингтон Черчилля, 17 июня 1942 года, Рузвельт указал своим высшим военным руководителям — Стимсону, Ноксу, Маршаллу, Кингу, что, если даже второй фронт не будет открыт в текущем году, следует сделать что-либо в помощь русским. Вопрос приобретал критическое звучание. «Если русские продержатся до декабря, союзники будут иметь преимущественные шансы выиграть войну, если же они "свернутся", шансов на победу будет меньше половины». Выбор встал между высадкой в Европе, высадкой в Северной Африке в начале сентября и посылкой американских войск на помощь англичанам в Египте и Ливии. Только Стимсон и Маршалл отстаивали идею высадки во Франции, но и они вскоре почувствовали, что Рузвельт отказался от нее.

Черчилль прибыл в Вашингтон 18 июня и на следующий день отправился в Гайд-Парк. Здесь президент на местном аэродроме увидел, согласно Черчиллю, «самую жесткую посадку в своей жизни». Президент встретил своего английского союзника на машине (он сам сидел за рулем) близ взлетной полосы, они объехали Гайд-парк, стараясь ускользнуть от опеки секретной охраны. Колеса периодически повисали над обрывом, премьер молился о надежности тормозов, и Рузвельт, видя опасения премьера, предложил ему потрогать бицепсы, которыми, по его

словам, восхищался известный боксер. В конечном счете автомобиль остановился перед президентским домом. Ланч был готов, а после него лидеры уединились в кабинете президента.

Далеко не все в американском правительстве восхищались дружбой двух лидеров. Военный министр Стимсон писал: «Я обеспокоен влиянием премьера. Беда в том, что Уинстон Черчилль и ФДР сильны в одинаковых точках и слабы в сходном. Оба они проницательны и в обоих отсутствует необходимое равновесие». Стимсон имел основание так говорить. Черчилль приложил все силы, чтобы отложить открытие второго фронта. Он старался быть «своим», был по-детски непосредственным. Он ходил по газону босиком, демонстрировал не только дружественность, но и готовность занять вторые роли. Рузвельт неизменно называл его Уинстоном и приглашал в очередную поездку по поместью.

Хотя оба политика не прекращали обсуждение мировых проблем, главный эпизод встречи произошел после обеда, когда Рузвельт пригласил Черчилля в свой небольшой кабинет. Англия не готова к высадке на континенте в 1942 году. Премьер мотивировал свое мнение отсутствием ресурсов, изъянами планирования, крепостью германской обороны. Вечером президентский поезд помчал глав двух правительств в Вашингтон. Утром следующего дня Черчилль использовал в поддержку своей схемы действий падение Тобрука, пленение войсками Роммеля 25-тысячной английской армии.

Суть происходящего заключалась в том, что Черчилль возглавил движение в сторону от «второго фронта». Он утверждал, что высадка во Франции обернется неизбежной катастрофой, не поможет в конечном счете русским, приведет к репрессиям немцев против французов и заставит отложить главные операции 1943 года. «Ни один ответственный английский военачальник не был в состоянии предусмотреть такие планы на сентябрь 1942 года, которые имели бы хоть какие-то шансы на успех... Есть ли такие планы у американских штабов?»

Дискуссии следующего дня, 21 июня 1942 года, дали ответ на вопрос премьера: большая операция, затрагивающая немцев, в 1942 году и «второй фронт» в 1943 году. Обсуждалась (правда, в несколько неопределенных тонах) и возможность на крайний случай высадки во Франции в 1942 году. Наиболее эффективным средством помощи были признаны бомбардировочные рейды.

После ужина в большом доме Гайд-Парка, где к ним присоединился посол Аверелл Гарриман, президент и премьер выехали в Вашингтон. Черчилль снова разместился в Розовой комнате. Помощник Черчилля лорд Исмей пишет об этом времени: «Есть нечто трогательное в их дружбе. Оба привыкли навещать друг друга в Белом доме, словно два младших офицера, живущие в соседних квартирах. В них не умерло нечто юношеское».

Если следить за тем фехтованием аргументами, которое происходило между Рузвельтом и Черчиллем, то позиция президента выглядит почти безукоризнен-

ной. Он настаивал на том, во что верил и что считал необходимым: неотложная высадка в Европе, помощь СССР, где гитлеровские войска после взятия Харькова устремились к Дону и Волге. Но детали иногда важнее главного. Рузвельт соглашался с предложением послать танки не в Англию — «трамплин» высадки в Европе, а на Ближний Восток.

Известие о поражении при Тобруке, где 30 тысяч англичан сдались немцам, сразило Черчилля. Наступила тишина, и Рузвельт обернулся в Черчиллю: «Чем я могу помочь?» — «Дайте нам максимальное число танков "Шерман", отправьте их на Ближний Восток как можно скорее». (Президент послал за генералом Маршаллом и в течение трех дней сотня танков и сотня самоходных орудий поступили в распоряжение восьмой британской армии в Египте.) Элеонора Рузвельт не могла не отметить необычного вида обоих политиков. Ясно было, что оба находятся под впечатлением прискорбных новостей, но в то же время «ясно было, что оба они способны совладать с любой ситуацией. Я никогда не слышала ни от одного из них, чтобы они усомнились в исходе войны. Это настроение непобедимости было заразительным, и никто вокруг не осмелился бы сказать, что не уверен в исходе войны».

Обратим внимание на то, что в критической для СССР обстановке конца июня 1942 года американская сторона оказала немедленную помощь не ему, а Англии, чье поражение при Тобруке было скорее громким, чем существенным. В итоге 300 новейших американских танков типа «Шерман» и 100 крупных самоходных орудий получил английский союзник, охраняющий «сонную артерию» своей империи, а не Советский Союз, подошедший к пределу сил. Дипломат Рузвельт в данном случае сделал выбор, и этот выбор имел свой отзвук в будущем. Характерна реакция нескольких ближайших сотрудников президента. Когда Рузвельт предложил рассмотреть возможность приложения крупных американских сил на территории между Тегераном и Александрией, возмущенный председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Маршалл заявил: «Это такой уход от всего, планировавшегося прежде, что я отказываюсь обсуждать новые планы, по крайней мере в это время ночи». Маршалл демонстративно покинул зал. Стимсон и Маршалл полагали, что поведение Рузвельта в данном случае безответственно («он говорит с фривольностью и с тем отсутствием ответственности, которое свойственно лишь детям»).

Северная Африка

В политике Рузвельта все более значительное место занимает французская Северная Африка. С точки зрения мировых событий 1941—1942 годов, Северная Африка была окраиной, но с американских позиций северо-западный выступ Афри-

ки образовывал предпольную зону. В этом ракурсе для американского руководства Алжир, Марокко и Тунис приобретали значение большее, чем могли придать данному району численность его населения и природные ресурсы. Контроль над этой зоной означал перекрытие пути к оконечности Африки, где расположен Дакар, ближайшая к американскому побережью территория. Роберту Мэрфи, профессиональному дипломату, было поручено осуществление американских планов во французской Африке. Когда Мэрфи прибыл за инструкциями к Рузвельту, он увидел на столе президента огромную карту северо-западной Африки. О чрезвычайном интересе Рузвельта к северо-африканским делам Мэрфи пишет в мемуарах: «Политика правительства Соединенных Штатов в отношении французской Африки стала личной политикой президента — он был ее инициатором, он ею руководил и защищал вплоть до той поры, когда осенью 1942 года французская Северная Африка стала первым значительным полем битвы американцев с немцами». Мэрфи стал «личным представителем» президента, получил право обращаться к нему непосредственно, и это позволяло ему занять особое место в иерархии госдепартамента. Штаты обязались поставлять в Северную Африку бензин — без него остановилась бы вся самоходная техника — и ряд других важных товаров. Взамен американская инспекция получала право контроля над портами, где происходила разгрузка, и соответствующими железными дорогами.

Между Рузвельтом и американскими военными обозначился серьезный раскол. Маршалл и Кинг в июле 1942 года объявили планируемую высадку в Северной Африке недостаточной компенсацией отказа от «второго фронта». Именно для того чтобы выйти из тупика и предотвратить создание мощной оппозиции своим планам, Рузвельт послал Маршалла, Кинга и Гопкинса в Англию для согласования рабочих планов с англичанами. Там, полагал президент, талант Черчилля и массированная мозговая атака английских военных авторитетов ослабит их особую позицию. Перед отъездом, во время нескольких встреч 15 июля 1942 года Рузвельт дал им понять, что союз с англичанами абсолютно существен и доводить дело до угрозы разрыва не стоит. Он осудил позицию «забрать игрушки и уйти». Твердо пообещав военным высадку во Франции в 1943 году, отметил чрезвычайную важность того, «чтобы американские войска вступили в бой уже в 1942 году» (имелась в виду Северная Африка). Все это остудило генералов и адмиралов. По существу, инструкции Маршаллу, Гопкинсу и Кингу содержали двусмысленность. Отправляющейся в Лондон группе было дано указание отстаивать идею высадки во Франции в текущем году, но если такое развитие событий «окажется окончательно и определенно выходящим за рамки общей картины», следовало определить другое место приложения американских сил в 1942 году.

Как можно было предвидеть, американская делегация встретила противодействие англичан и, не имея за спиной безусловной и непоколебимой решимости

президента отстаивать именно европейский вариант, была вынуждена пойти на паллиатив. В качестве такового все чаще стала рассматриваться высадка союзных войск в Северной Африке. Получив от Гопкинса сигнал, что англичане не прочь подождать и с Северной Африкой, Рузвельт наконец «показал когти»: он потребовал, чтобы работа по выработке планов началась немедленно, а сама высадка состоялась не позднее 20 октября 1942 года.

Высадка в Северной Африке была, по существу, предрешена. Только здесь американские солдаты могли в данное время вступить в противоборство с немцами. Посылая высших военачальников в Лондон, Рузвельт, помимо прочего, совершал своего рода «революцию» в военной дипломатии: американцы еще могли идти на уступки британской внешнеполитической стратегии, но отныне и далее они ясно показывали, что английские военные и политические возможности несопоставимы с американскими, и отныне (сделав последние уступки) Вашингтон будет определять ход мировой битвы. Рузвельт изложил это Черчиллю в мягкой форме. В письме от 27 июля 1942 года он написал: «Я не могу не выразить того мнения, что прошедшая неделя представляла собой поворотный пункт всей войны, и теперь мы вступаем на наш путь плечом к плечу».

Согласием на изменение стратегического приоритета он зарабатывал очки в отношениях с англичанами, но терял их в общей европейской политике.Рузвельт был волен более активно помочь СССР в период Сталинграда, он мог принять более деятельное участие в освобождении западноевропейских и восточноевропейских народов. Президент не сделал этого в 1942 году, порождая для себя проблемы 1945 года.

Не открыв фронта на европейском Западе, союзники нарушили свое слово в критический для СССР момент. Немецкие войска захватили Севастополь, вошли в Ростов-наДону, они стояли у порога Кавказа и на подступах к Сталинграду. Несколько месяцев назад Рузвельт резко сократил военные поставки Советскому Союзу, объясняя это подготовкой к высадке в Европе, потребностями открытия второго фронта. Одновременно англичане перестали посылать конвой в Мурманск. Большие потери, писал Черчилль, «ставят под угрозу наше господство над Атлантикой». Именно тогда, в конце июля 1942 года, Сталин в ярости ответил Черчиллю, что войны без потерь не ведутся, что Советский Союз несет неизмеримо большие потери. «Я должен еще раз подчеркнуть,— писал Сталин,— что Советское правительство не может терпимо отнестись к переносу открытия второго фронта в Европе на 1943 год».

Нельзя сказать, что Рузвельт не осознавал, какой ущерб наносит новое англо-американское решение союзнической солидарности. Он говорил Черчиллю, в какой «сложной и опасней ситуации оказался Сталин. Я думаю, мы должны попытаться поставить себя на его место. Мы не можем ожидать ни от кого, чья страна отражает вторжение, некоего общемирового воззрения на войну». Благодарный пре-

зиденту Черчилль, которого в эти дни более всего заботила охрана ближневосточных позиций, вызвался изложить новую точку зрения западных союзников Сталину. Он вылетел в Москву из Кипра 10 августа 1942 года.

Вместе с Черчиллем в этот, пожалуй, наиболее критический период войны в Москву прибыл человек, которого Рузвельт решил сделать главным связным между собой и советским руководством,— новый посол Аверелл Гарриман. В своих мемуарах Гарриман свидетельствует, каким шоком для советского руководства была измена союзников данному ими слову. Сталин вручил Черчиллю и Гарриману памятную записку, в которой говорилось, что решение открыть второй фронт было окончательно подтверждено во время визита Молотова в Вашингтон, что советское командование осуществляло планирование операций летом и осенью 1942 года исходя из того, что на западе континента будет открыт спасительный второй фронт. Америка и Англия нанесли удар по своему главному союзнику, полностью поглощенному невероятным напряжением войны в решающий момент. Будет ли у Запада моральное право становиться в позу судьи тремя годами позже? Лишь признавая, что разрыв ослабил бы общие усилия, Сталин после горьких упреков приступил к рассмотрению планов союзнической высадки в Северной Африке. Американцы и англичане пообещали интенсифицировать бомбовые налеты на Германию.

И как часть «извинения», и как выражение стратегических союзнических планов президент Рузвельт послал в эти дни телеграмму Сталину: «Мы должны выставить наши силы и нашу мощь против Гитлера в ближайший возможный момент». Трудно представить себе, как подействовали бы на самого Рузвельта подобные утешения, будь американские войска задействованы в битве, подобной сталинградской. Рузвельт должен был понимать, что измена слову в критическое время отражается на доверии к партнеру сейчас и в дальнейшем. Действия в роковой момент бросали тень на будущее.

Новые перспективы

Нет сомнений, что летом 1942 года президент Рузвельт много думал об исторической перспективе. Он ограничил круг тех, с кем откровенно обсуждал проблемы будущего. Наиболее доверенное лицо тех лет Гарри Гопкинс писал в июне 1942 года: «Мы попросту не можем организовать мир вдвоем с англичанами, не включая русских как полноправных партнеров. Если ситуация позволит, я бы включил в это число и китайцев». В этих нескольких фразах основа стратегического замысла Рузвельта. В мире будущего не обойтись без СССР, эта страна будет играть слишком большую роль, чтобы игнорировать ее на мировой арене. Меньшее, чем на равный статус, русские не согласятся. Важно сделать так, чтобы США имели достаточное влияние, сдерживающее СССР и позволяющее пре-

обладать в мире. Его можно достичь за счет двух факторов: поддержки клонящейся к дезинтеграции Британской империи и опоры в Азии на Китай как противовес Советскому Союзу.

Рузвельт практически никогда не рисовал окончательную картину желаемого будущего. Но все стратегическое планирование 1942—1945 годов шло согласно этой схеме. И уже в 1942 году Рузвельт понимал: русские вряд ли забудут, что остались в одиночестве в решающий период, если именно на их долю падет основное бремя мировой войны.

Что касается Индии, Рузвельт ощущал необходимость разрешения этой проблемы, но избегал (в частности, это видно из его письма, направленного Чан Кайши в июле 1942 года) оказывать давление на Лондон с целью предоставления Индии независимости. В его мире будущего не было Индии как мировой державы. Специалисты по Индии предупреждали Рузвельта, что Махатма Ганди уже обвиняет Америку в пособничестве британскому империализму. «Эта тенденция,— писал Ганди,— ставит под вопрос ваше моральное лидерство в Азии и, следовательно, способность Америки осуществлять свое влияние в деле приемлемого и справедливого урегулирования в послевоенной Азии». Собственно, у президента были немалые сомнения и в отношении Китая. После пяти лет войны и без того слабая экономика Китая пришла в полный упадок. Его армия едва удерживала оборонительные позиции. У США не было удобной и гарантированной дороги для снабжения их главного союзника в Азии. Чтобы изменить положение, Рузвельт предпринял ряд мер для консолидации американского влияния в этой стране. Начальник штаба вооруженных сил гоминдановского Китая американский генерал Джозеф Стилуэл был назначен командующим американскими войсками практически везде в Азии — в Китае, Индии, Бирме. Генерал Ченнолт руководил добровольческой воздушной армией. Недостаток ресурсов уменьшал значимость американского военного присутствия, но Рузвельт твердо надеялся, что со временем мощь американцев и соответственно их влияние в Китае будут расти.

Складывается впечатление, что в целом ситуация лета 1942 года, отчаянная для сил, ведущих прямую борьбу со странами «оси», не могла в некоторых своих аспектах не нравиться президенту Рузвельту. На его глазах Вашингтон становился подлинной мировой столицей. Гордый британский премьер откликался по первому зову. Посланец из Москвы просил об открытии второго фронта. Руководители Китая слезно умоляли о военной помощи. Вожди индийского движения за независимость просили о поддержке. Ничего этого не было еще год назад. Рузвельт явно входил во вкус мирового лидерства, стал привыкать быть «всеобщей надеждой», спасителем, источником неоценимой помощи, моральной и физической поддержки.

Чтобы удержать и закрепить растущее влияние на четырех континентах, Рузвельт нуждался в надежной связи с ними. Именно эту связь поставили под угрозу немцы, когда весной 1942 года начали топить гигантское количество кораб-

лей (общим водоизмещением до 800 тысяч тонн в месяц). В Берлине уже калькулировали, что при таком объеме потерь связь США с неоккупированными частями Европы, Африки, Азии и с Австралией вскоре почти прекратится. Адмирал Редер так и говорил Гитлеру в марте 1942 года: нужно топить не менее 600 тысяч тонн в месяц, чтобы связь США с Англией была полностью прервана. Гитлер, прежде несколько скептически относившийся к возможностям подводных лодок, был приятно поражен. Адмирал Дениц собрался посылать дополнительные подводные лодки (у немцев готовилась новая серия исключительно эффективных подлодок «Шноркель») в Атлантику. Его остановил Гитлер, объявив, что не океанские маршруты, а зона к северу от Норвегии будет «зоной судьбы» для рейха. Дениц доказывал, что всего десяток подводных лодок сможет остановить поток американских перевозок, но Гитлер повторил: лучшие подводные лодки пойдут в Северную Скандинавию. Пути снабжения СССР интересовали его гораздо больше, чем выживание Англии.

У американцев не было эффективных средств обороны на морях, и свою надежду Рузвельт возлагал на то, чтобы строить на верфях кораблей больше, чем Германия будет топить в океане. Стандартизировав производство кораблей, американцам удалось совершить невероятное. Судно типа «Либерти» создавалось на конвейере за 60 с небольшим дней. Г. Кайзер, проектировщик многих американских плотин, нашел еще более рациональное решение. В марте 1942 года он, получив верфи в Калифорнии и Орегоне, сократил срок строительства «Либерти» до 40 дней и вскоре построил сухогруз «Джон Фиг» водоизмещением 10 тысяч тонн за 24 дня. К концу года американцы начали покрывать свои потери на морях. Для укрепления каналов связи и для распространения американского влияния в мире это была одна из наиболее важных побед.

Летом 1942 года главной задачей становилось уже не собственно производство, а адекватное распределение продукции крупнейшей в мире экономики по всем тем многочисленным фронтам, которые так или иначе затрагивали американские интересы. Вотированные конгрессом в первые десять месяцев 1942 года 160 миллиардов долларов начали давать весьма ощутимые результаты.

Готовясь к дипломатическим выяснениям отношений с союзниками и, главное, к послевоенной реконструкции мира, президент Рузвельт начиная с 1942 года стал полагаться на такие рычаги, каких никогда прежде не было в руках американцев. После Пирл-Харбора конгресс снял все ограничения на численность вооруженных сил, и армия США возросла до беспрецедентных размеров. Уже в январе 1942 года Рузвельт определил в качестве цели на конец года довести численность армии до 3,6 миллиона. Весной 1942 года президент пришел к выводу, что такая армия для глобальных операций недостаточна, он принял решение создать в текущем году 5-миллионную армию. Его главные военные советники пошли еще дальше. Генерал Маршалл предложил в 1943 году довести численность армии до 9 миллионов человек.

Часть советников рекомендовала Рузвельту не заглядывать слишком далеко вперед, ограничить планирование примерно годом. Эти «жрецы осторожности» исходили из того, что важнейшие стратегические обстоятельства будущего еще не определены. Так, весной 1942 года во влиятельных кругах Вашингтона сильны были сомнения, вынесет ли СССР летнее наступление немцев. Рузвельт полагал, что возможно также резкое ухудшение положения США на Тихом океане, считал реальным захват Германией Северной Африки. Не будучи уверенным во многих факторах мировой политики, Рузвельт на практике отверг соблазнительное долгосрочное планирование. В военном производстве и выработке планов оптимальным сроком стал для него один год. Именно по такой системе работали основные ведомства Вашингтона. Оформлялись рычаги связей с союзниками. Во время декабрьской (1941) встречи с Черчиллем президент договорился о создании Объединенного совета распределения военных материалов с отделениями в Вашингтоне и Лондоне. Были созданы также органы распределения морского транспорта, сырьевых материалов, промышленной продукции, продуктов питания. Рузвельт старался сохранить их двусторонний англо-американский характер. Бесспорно, его привлекли необъятные просторы величайшей колониальной империи с ее неистощимыми ресурсами.

Тесно сотрудничая с англичанами, американцы, по существу, перенимали их опыт и позиции. С точки зрения статуса наиболее привилегированного союзника у Англии не было конкурентов. Когда правительство Чан Кайши попыталось превратить дуумвират в триумвират, эти поползновения были отвергнуты на том основании, что, находясь в отдаленном и плохо связанном с внешним миром положении, Китай не может быть членом «клуба», главной задачей которого является мировое распределение ресурсов.

Начиная с 1942 года главным экономическим рычагом Рузвельта становится ленд-лиз. У администрации был годичный опыт связей с союзниками. Белый дом уже ощутил значимость этого орудия американской внешней политики и внутреннего роста. Согласно советско-американским договоренностям, США должны были поставить к 1 апреля 1942 года 42 тысячи тонн стальной проволоки, а поставили лишь 7 тысяч, нержавеющей стали было поставлено 22 тысячи тонн вместо 120 тысяч, холодного проката — 19 тысяч тонн вместо 48 тысяч и т.п. Президент сказал, что только англичане оказались для России еще менее надежными союзниками: «Они обещали предоставить в распоряжение русских две дивизии и не предоставили вовсе. Они обещали им помощь на Кавказе. И не оказали ее. Все обещания, данные англичанами русским, оказались невыполненными... Единственная причина, почему мы до сих пор ладили с русскими, заключается в том, что мы пока выполняли свои обязательства». Лишь в июле—августе 1942 года американские поставки, приблизились к намеченным цифрам. Понадобился год, и какой год, чтобы американская помощь стала реальным фактором войны.

Переломить тенденцию

Итак, к середине 1942 года Рузвельт переживал своего рода критический период, связанный с тем, что противники на всех фронтах теснили великую коалицию, и переломить эту тенденцию никак не удавалось. В Атлантическом океане германские подводные лодки грозили изолировать Америку от основных полей сражений в Европе. В Тихом океане японцы, несмотря на большие потери у острова Мидуэй, не сбавили скорости своего продвижения на юг и на восток, к Австралии.

В начале мая 1942 года остатки американских войск на Филиппинах сдались японцам. Их было ни много ни мало 20 тысяч человек со всей амуницией. Возможно, это был наиболее унизительный для США момент во всей второй мировой войне. Каскад японских побед продолжался безостановочно примерно до 8 мая, когда удача и везение императорских войск наконец встретили настоящее сопротивление.

Благодаря дешифровке японских радиосообщений командующий Тихоокеанским флотом (после Пирл-Харбора им стал адмирал Нимиц) получил сведения о том, что японцы собираются высадить десант на Новой Гвинее и захватать Порт-Морсби, главную австралийскую базу в этом регионе на подходе к собственно Австралии. Оставалось организовать засаду. В ней участвовали тяжелый крейсер «Лексингтон» и авианосец «Йорктаун». В направляющуюся к Порт-Морсби японскую эскадру входили два тяжелых авианосца «Цуйкаку» и «Сойкаку», а также легкий авианосец «Сохе».

Встреча двух эскадр пришлась на 8 мая 1942 года. Началось заметное в истории войны на Тихом океане сражение в Коралловом море. Оно происходило в окруженном рифами водном пространстве между Новой Гвинеей, Соломоновыми островами, Новыми Гебридами, Новой Каледонией и северо-восточным побережьем Австралии. Лучшие японские асы, отличившиеся в Пирл-Харборе, на этот раз имели частичный успех. Был потоплен «Лексингтон», но поднявшиеся с его палубы бомбардировщики и самолеты авианосца «Йорктаун» заставили японскую эскадру отступить, неся потери в самолетах и судах. На фоне прежних очевидных японских побед это было определенное изменение тенденции. Японцы еще владели преимуществом в истребительной авиация — их «Зеро» превосходили американские,— но общий план захвата Новой Гвинеи был сорван — первая удача США в борьбе с Японией. В стратегическом плане наметился перелом: эра «безнаказанных» японских побед подошла к концу. Для США это означало, что верфи и доки двух побережий будут иметь больше времени для демонстрации того, во что американцы свято верили,— технического и индустриального превосходства Штатов.

Ареной следующего этапа в борьбе США и Японии за Тихий океан стал Мидуэй. Этот остров, одиноко лежащий в северо-западной части Тихого океана при-

мерно на трети пути от Пирл-Харбора к Токио, был важен американцам для службы воздушной разведки, совершавшей облеты океана, а также благодаря своей радиостанции, перехватывающей депеши японцев. Японцы намеревались захватить Мидуэй как трамплин к Гавайям, Панамскому каналу, Калифорнии. В Токио надеялись, что осуществление их плана подорвет американо-английский союз и внутренние позиции президента Рузвельта. Битва за Мидуэй — своеобразный водораздел между триумфом японцев в первые месяцы и последующей затяжной войной на истощение, в которой США с их индустрией и ресурсами получили предпочтительные шансы.

Япония выступила на захват крохотного Мидуэя с невиданными для военно-морской истории силами. Флот адмирала Ямамото состоял из 8 авианосцев, 10 линкоров, 21 крейсера, 70 миноносцев и 15 крупных подводных лодок, не считая вспомогательных судов. На палубах авианосцев стояли 352 истребителя «Зеро» и 277 бомбардировщиков. Соединенные Штаты располагали лишь 3 авианосцами, 8 крейсерами, 14 эсминцами и 25 подводными лодками — соотношение один к трем в пользу японцев. Неоценимым преимуществом американской стороны было знание военного кода японцев. В радиограммах японцев в качестве цели захвата фигурировало некое АФ. Адмирал Нимиц полагал, что речь идет о Мидуэе, а в Вашингтоне считали, что так обозначены Гавайские острова. Тогда Нимиц послал ложную телеграмму о том, что на Мидуэе вышел из строя пункт дистилляции воды, и японские радиограммы отметили, что на АФ намечается нехватка пресной воды. В результате все американские силы были заранее брошены к Мидуэю.

Задача поднявшихся с авианосцев в воздух американских бомбардировщиков была ясна и опасна: японские авианосцы должны пойти ко дну, иначе США лишатся сил на Тихом океане. Между 7 и 10 часами утра 78 американских бомбардировщиков на низкой высоте обрушились на те самые авианосцы, чьи самолеты осуществили налет на Пирл-Харбор. Результаты были плачевны — 48 бомбардировщиков рухнули в океан, не нанеся урона японским кораблям. Но эти жертвы были не напрасны. Перегруженные самолетами и занятые подготовкой ко второму налету на Мидуэй авианосцы адмирала Нагумо позволили трем американским авианосцам «Энтерпрайз», «Хорнет» и «Йорктаун» приблизиться к японскому флоту. Уверенный в окончании налета Нагумо приказал перевооружить свои бомбардировщики торпедами — против американских кораблей.

Японский адмирал полагал, что все самолеты противника уже задействованы в бою. Но он фатально ошибся. Когда на палубах японских авианосцев производилась громоздкая операция перевооружения, в небе неожиданно появились 17 старых бомбардировщиков с «Йорктауна» и 32 с «Энтерпрайза». В течение шести минут японский флот понес исключительные по значимости потери — были потоплены четыре ударных авианосца «Кага», «Акага», «Сорю» и «Хирю». В ре-

зультате битвы у Мидуэя японский флот потерял половину своих авианосцев, 55% своей авианосной ударной силы. (За все оставшееся время войны Япония сумела построить еще лишь пять авианосцев.) Такого страшного удара императорская Япония еще не знала. Возможно, не менее важной для Японии была потеря на палубах тонущих кораблей почти половины летчиков-асов, показавших свою квалификацию в Китае, на Пирл-Харборе, Малайе и Яве. Подходил к концу период (между декабрем 1941 и июнем 1942 года) японского контроля над огромной зоной Восточной Азии. Была создана важнейшая предпосылка для мобилизации американских сил.

Рузвельт назначил командующим военно-морскими силами США адмирала Э. Кинга. Фокусом борьбы на Тихом океане стал Гвадалканал, где американцы отразили четыре японских наступления. Нельзя сказать, что в Вашингтоне была полностью восстановлена уверенность. Президент в полной мере осознавал значимость исчезновения из окружающих Гвадалканал вод американских авианосцев. На Гвадалканал был отправлен вице-адмирал Холен, давший американским войскам знаменитые инструкции: «Убивайте японцев. Убивайте японцев. Продолжайте убивать японцев». Приказы противоположной стороны звучали примерно в том же духе, и напряжение достигло своего пика.

Шангри-Ла

Летом 1942 года на базе детского лагеря примерно в ста километрах от Вашингтона, в лесу соседнего штата Мэриленд, была оборудована летняя резиденция президента, названая Рузвельтом Шангри-Ла (так называлась сказочная страна у одного из американских писателей; позднее Шангри-Ла будет переименована президентом Эйзенхауэром в Кемп-Дэвид). Причина строительства заключалась в предупреждении секретной службы об опасности плавать по открытым водоемам на яхте. Комплекс состоял из шести непритязательных зданий, соединенных между собой дорожками. Главная президентская «хижина» состояла из совмещенной гостиной и столовой, четырех спальных комнат, двух ванных комнат и кухни. Отрадой президента был вид на зеленую долину, открывающийся с веранды. Это было любимое место Рузвельта, здесь он принимал гостей, сидел над коллекцией марок, читал и размышлял.

Летом 1942 года в ходе войны установилось некое динамическое равновесие, но никто не мог дать гарантии, что маятник не качнется в пользу стран «оси». Именно в это время Рузвельт принял решение «прощупать пульс Америки». 17 сентября Франклин и Элеонора в специальном президентском поезде из десяти вагонов отправились в двухнедельную инспекционную поездку по военным заводам, верфям и воинским лагерям. Своему начальнику охраны Майку Рейли

президент сказал, что проедет от побережья до побережья без помпезных встреч, парадов и церемоний. Он не желает отвлекать страну от быстрого наращивания мускулов. Сохранение секретности было возможно только в случае движения «вне расписания». Обычно власти штатов и руководители предприятий оповещались в три часа ночи. Журналисты писали о посещении того или иного объекта только после окончания визита. В своем неафишируемом движении по Америке Рузвельты покрыли почти 15 тысяч километров. Первой большой остановкой был Детройт в Мичигане — сердце автомобильной промышленности. «Дженерал моторс» производил теперь самолеты, зенитные орудия, дизельные моторы для подводных лодок. «Форд» выпускал бомбардировщики, бронетранспортеры, армейские грузовики, джипы. «Крайслер» делал танки, моторы, мины. Промышленность, еще совсем недавно производившая 4 миллиона автомобилей в год, теперь поставляла три четверти авиамоторов, половину танков, треть всех выпускаемых Америкой пулеметов.

Открытый автомобиль Рузвельта остановился в крайслеровском цехе, производящем больше танков, чем любой завод в мире, и расположенном на месте, где всего год назад было кукурузное поле. Один из рабочих воскликнул: «Господи, да это же старина Фрэнк!» Президент от удовольствия рассмеялся и помахал тому шляпой. На специальной площадке опробовали новый танк «Шерман-4», будущую основную машину американской армии. Нервы президента подверглись испытанию, когда движущийся на полной скорости «Шерман» остановился в пяти метрах от машины, Рузвельт воскликнул: «Хороший водитель!»

Именно в это время Гитлер объявил о самом большом увеличении германского производства танков — до 800 в месяц. Американцы уже производили 4 тысячи танков в месяц и продолжали наращивать мощности. Самые грандиозные планы немцев не составляли и 15 процентов рубежей, намеченных администрацией Рузвельта.

Старый Генри Форд принял на своем заводе давнего политического противника. Посаженный между четой Рузвельтов Форд без особого удовольствия наблюдал за энтузиазмом приветствующих президента рабочих. Впервые в истории компании наряду с мужчинами на заводе работали женщины. Вскоре этот фордовский завод производил уже 600 бомбардировщиков в месяц.

На западном побережье, в Сиэтле, президент наблюдал за массовым производством самолетов, которые своим силуэтом вызывали странные чувства на земле и всеобщее восхищение в воздухе. Между 1940 и 1945 годом было построено почти 13 тысяч Б-17, ставших ударной воздушной силой Америки в боях против японцев и немцев. В Портленде Рузвельт «окрестил» корабль «Тиль», киль которого был заложен лишь десять дней назад. Дочь Анна вспомнила пояснения отца, как нужно наносить удар в бейсболе, и ударила бутылкой шампанского по корпусу новорожденного судна. Восхищенный Рузвельт наблюдал из машины, как на воду сходило 576-е судно, произведенное на этой верфи за 18 месяцев. В Ка-

лифорнии президент видел, как создаются «Дугласы С-54» — огромные транспортные самолеты. Овация последовала, когда рабочие узнали в пассажире зеленого автомобиля своего президента.

Это был незабываемый год для Рузвельта, как и для всей Америки. Армия увеличилась на 4 миллиона человек, достигнув уровня 5,5 миллионов. Боеспособными стали 37 новых дивизий — вдвое больше прежнего. Авиация увеличилась вчетверо. Все это не могло не произвести глубокого впечатления на президента, который 1 октября 1942 года возвратился в Вашингтон и сразу же собрал большую пресс-конференцию. Репортерам, «задним числом» узнавшим о поездке президента, он сказал, что моральное состояние нации находится «на самом высоком уровне. Люди очень восприимчивы к необходимости поднять военный дух».

Он сидел перед журналистами в рубашке с короткими рукавами, курил сигарету с длинным мундштуком, и трудно было представить, что он только что завершил путь в 15 тысяч километров. Пресса отметила «отсутствие следов переутомления», его голос был «мягким и спокойным». Через несколько дней он выступил по радио, обращаясь ко всей стране в день Колумба (12 октября). Главное, что он увидел в поездке: «Американский народ объединен как никогда ранее в своей решимости проделать необходимую работу и сделать ее хорошо». Американский народ понимал, что ведет справедливую войну, он готов был идти на жертвы и лишения, он давал большой кредит политике Рузвельта. В такой обстановке Рузвельт смог понизить призывной возраст с двадцати до восемнадцати лет.

Осенью 1942 года, в дни осмысления своей тайной поездки по стране, Рузвельт начал проникаться идеей конечной победы коалиции, которую он надеялся возглавить. Английскому королю Георгу он пишет в середине октября 1942 года: «В целом ситуация для всех нас осенью 1942 года лучше, чем она была прошлой весной, и хотя на протяжении 1943 года мы еще не достигнем полной победы, события повернулись в положительную для нас сторону, в то время как страны «оси» уже почти миновали пик своей эффективности».

В октябре 1942 года специальный поезд, посланный Черчиллем в Бристоль, привез Элеонору Рузвельт в Лондон на вокзал Паддингтон. В числе встречающих была королевская чета, министр иностранных дел Иден и генерал Эйзенхауэр, занятый подготовкой вторжения на континент. Супруга Рузвельта провела ночь в Чекерсе, резиденции премьер-министра. Но Черчиллю было нелегко с Элеонорой, чьи прямо выраженные взгляды далеко не всегда совпадали с его собственными. Однако в целом влияние Элеоноры Рузвельт на английское общество было таково, что министр пропаганды «третьего рейха» Геббельс был вынужден разослать особую директиву издателям германских газет о том, как подавать ее визит. Но американская пресса была свободна от подобных запретов, и Рузвельт с интересом читал о популярности своей жены в Англии. Он поблагодарил Черчилля за прием.

Дома, в США, происходила кофейная драма. 31 октября 1942 года правительство рационировало кофе до одной чашки в день каждому американцу старше пятнадцати лет (среднее потребление составляло три чашки). Любимый 83 миллионами напиток стал частью американской жизни с XVII века. Резонанс общественного мнения сказался на промежуточных выборах 3 ноября. Впервые Рузвельт голосовал в Гайд-Парке в одиночестве. Председатель избирательной комиссии попросил его назвать свою фамилию, и он, как и все сорок лет до того, ответил «Рузвельт» и добавил: «Мне кажется, я называл ту же фамилию и в прошлый раз».

Сталинград и союзники

Германские войска тем временем вошли в пригороды Сталинграда. Из своего бетонного бункера в Виннице Гитлер требовал «сконцентрировать все возможные людские резервы и захватить в максимально короткое время весь Сталинград и берега Волги». Но дни превращались в недели, а шестая армия генерала Паулюса так и не завладела Сталинградом. Напряжение было таково, что и в Белом доме, и в Кремле октябрь 1942 года называли самым критическим временем всей войны.

Историческая истина вынуждает сказать, что в этот самый суровый час для СССР его союзники — американцы и англичане — застыли в выжидательной позиции. Стало ясно, что обещанный второй фронт в Европе открыт не будет. Уэнделл Уилки, политический соперник Рузвельта, говорил тогда в Москве, что невыполнение решения об открытии второго фронта порождает «страшный риск». Между тем замену операции в Европе Рузвельт и Черчилль нашли в идее высадки в Северной Африке.

Когда Р. Мэрфи прибыл в Вашингтон 31 августа 1942 года, он увидел, что Северная Африка получила почти полный приоритет в работе военного и внешнеполитического ведомств правительственного аппарата. Его тотчас же принял президент. «Рузвельт был более ответственен за принятие плана африканской операции, чем кто-либо другой.» Восстановление французской империи и политическое признание французских властей не соответствовали тому курсу, которому следовала американская сторона в своих взаимоотношениях с французами. Это привело впоследствии к недоразумениям, противоречиям и столкновениям. Осенью 1942 года политические разногласия еще крылись за военной стороной дела, за подготовкой к операции «Торч». Мэрфи ознакомил Рузвельта с кандидатурой генерала Жиро как будущего высшего французского администратора.

В Шангри-Ла Рузвельт с нетерпением ждал первых сообщений о высадке американских войск в Северной Африке. Операцией командовал Эйзенхауэр. 70 тысяч американских морских пехотинцев на 60 судах изготовились к броску на север африканского континента. Среди них был и сын президента Франклин Делано Руз-

вельт-младший, офицер-артиллерист на эсминце «Мейрант». Десант был оснащен лучшим американским оружием, танками «Шерман,» амфибиями, только что появившимися базуками. Впечатляло снабжение отдельного десантника: черные баскетбольные ботинки, дополнительные шерстяные одеяла, респираторы от пыли, антимоскитные сетки, носки для сна, увеличительные стекла, резиновые сапоги, велосипеды и многое другое.

В Вашингтоне в системе госдепартамента в декабре 1942 года обсуждается проект, предусматривающий создание в будущем в Тихоокеанском бассейне системы опеки под руководством американцев. Борьба с Японией стала видеться в ракурсе достижения возможности доминирования США в гигантском регионе. Но для доминирования в этом регионе абсолютно необходимо было укрепление американских позиций в Китае. Перед Рузвельтом встал вопрос о месте Китая в союзнических усилиях в целом. После решения генерала Маршалла передать авиацию, первоначально предназначавшуюся китайцам, для защиты Индии генералиссимус Чан Кайши взорвался и заявил: «С Китаем обращаются не как с равным союзником, подобным Англии и России, а как со слугой... Когда я был в Индии, Ганди сказал мне: "Они никогда по своей воле не будут обращаться с индийцами как с равными, почему они не допускают Вашу страну даже к штабному планированию?"».

Все более чувствуя свою значимость для отступающих перед ударами японцев союзников, Чан Кайши к лету 1942 года отошел от прежнего «униженного» тона в диалоге с Рузвельтом. Генералиссимус предупредил президента, что без существенной помощи союзников «китайское доверие к ним будет полностью поколеблено» и последует крушение китайского фронта. Рузвельт возвратил отобранные у Стилуэла авиационные части, постарался защитить от японцев бирманскую дорогу. В беседах по радио он неустанно превозносил китайскую армию. Важнейшим был следующий пассаж: «В будущем непобедимый Китай будет играть достойную его роль в поддержании мира и процветания во всем мире». Рузвельт гарантировал Чан Кайши место в Тихоокеанском военном совете.

Мысли о будущем

Возможно, первые глубокие размышления Рузвельта о мире будущего, о послевоенной системе международных отношений относятся именно к середине 1942 года. Тогда им было принято как аксиома то положение, что будущий мир нельзя будет сохранить без союза с СССР и Великобританией. Проблемы границ СССР и имперских притязаний Лондона не казались в этот момент Рузвельту непреодолимыми. Когда летом Ганди и Чан Кайши обратились к нему с просьбой о предоставлении независимости Индии, он призвал их отложить дело ради «общей борь-

бы против общего врага». Начиная с этого времени изобретенный в начале мировой войны американскими планировщиками термин «большая территория» стал условным названием для той части мира, где американское индустриальное могущество не встречало бы внешних препятствий.

Впервые в своей истории Соединенные Штаты получили подобные внешнеполитические возможности. Если в 1939 году Ф. Рузвельт «возлагал» на Англию задачу «спасения цивилизации», то в 1942 году он и его помощники, сознавая ценность союза с Великобританией, уже предусматривали главенство в дуэте Соединенных Штатов. «Чемберлен,— пишет английский историк Д. Рейнольдс — предвидел такой ход событий, и его внешняя политика была частично направлена на избежание подобной ситуации: будучи однажды разбуженным, спящий гигант неизбежно превратит своего английского союзника в карлика». И хотя, находясь под прицелом гитлеровцев, англичане приветствовали принятие Америкой роли мировой державы, они уже предчувствовали неизбежное — рост могущества США за счет, в частности, западноевропейских союзников. Разумеется, в тот критический период никто из находящихся у кормила власти в США не прибегал к циничным выражениям о дележе английского наследства. Но смысл американских планов в отношении Британской империи от этого не менялся. С развертыванием в 1941 году масштабов мировой войны внешнеполитическое планирование США пошло по линии расширения «большой территории». Постепенно в нее вошли помимо фрагментов Британской империи части других обанкротившихся европейских метрополий. Франции предстояло занять после мировой войны скромное положение средней европейской державы, а наиболее стратегически важные из ее колоний были включены в «большую территорию». Три региона этой империи вызывали особый интерес Рузвельта — Северная Африка, Западная Африка (ближайшая к южноамериканскому континенту часть африканских владений Франции — район Дакара) и французский Индокитай. В Атлантике к 1942 году стратегия «большой территории» предполагала определенную степень контроля над Исландией, Азорскими островами, Островами Зеленого мыса и Дакаром. В Исландии уже находилась бригада морской пехоты США. Эти 4 тысячи морских пехотинцев — первый контингент вооруженных сил США в Европе, где американское военное присутствие стало с тех пор постоянным.

В этот критически важный для США период перехода от изоляции к вовлеченности глобального масштаба своеобразным мостиком для американской дипломатии послужило формирование особых отношений с Великобританией, имперским лидером полутора предшествующих столетий. Необычная форма отношений, на которую Лондон пошел вследствие смертельной угрозы самой национальной независимости, стала трамплином для американской экспансии. Процесс освоения глобальной роли Америки не прошел бы столь гладко, если бы слабеющий британский лев не передал ей доли своего опыта, не поделился своими знаниями, не оказал поддержки.

Во-первых, Соединенные Штаты под руководством английских учителей начали создавать «глаза и уши» империи — разветвленную разведывательную сеть. «Интеллидженс сервис» стоял у колыбели как внутренней контрразведки, так и глобальной сети шпионажа. Федеральное бюро расследований под руководством командированного английскими органами безопасности У. Стивенсона стало приобретать, помимо прежних функций тайной полиции, функции контрразведки, причем деятельность ФБР была расширена на заграницу, и уже вскоре глава ФБР Э.Гувер ставил себе в заслугу предотвращение пронацистских переворотов в Боливии и Панаме. Английские учителя убедили американцев в необходимости создания специализированных служб зарубежной разведки. Эмбрионом Центрального разведывательного управления стала Организация стратегических служб.

Во-вторых, необычный (несанкционированный до 1942 года конгрессом) союз с Англией позволил США весьма быстро оснастить свою военную машину. Без английского участия это был бы более длительный, более дорогостоящий и менее эффективный процесс. Англию и ее базы по всему миру посетили многие тысячи американцев, воспринявшие многовековой опыт имперской державы, страны, которая уже два года вела современную войну. Рождение, скажем, мощных «летающих крепостей» — бомбардировщиков Б-26 — было бы невозможно без консультаций английских авиационных экспертов. Американцы благодаря англичанам получили главные военные секреты мировой войны, такие как радиолокация и использование ядерной энергии. Научно-исследовательский комитет США направил своим представителем в Англию президента Гарвардского университета Дж. Конанта.

В-третьих, готовность к сотрудничеству находящихся под смертельной угрозой англичан позволила начать «освоение» территорий, контролирующих значительную часть мирового океана, подходы к важнейшим в стратегическом отношении зонам. С английской помощью США оккупировали Исландию и Гренландию, подготовили высадку на Азорских островах, на Мартинике и во многих других местах. Так критическое состояние Британской империи было вольно и невольно использовано Ф.Рузвельтом для превращения США в первую державу Запада.

Надир коалиционной войны

Лето 1942 года, видимо, является самой нижней точкой для стран антигитлеровской коалиции. Европа почти целиком находилась в руках нацистов, а в Азии японцы устремились к Индии и Австралии. Геббельс пишет в дневнике: «Исследования в области атомного оружия достигли той точки, когда результаты уже могут быть использованы. Грандиозные размеры разрушений могут быть осуществ-

лены минимальными усилиями... Современная техника дает в руки человеческих существ невероятные средства разрушения. Германская наука находится в авангарде исследований в этой области. Важно, что мы находимся впереди всех, ибо тот, кто осуществит революционный прорыв в научных изысканиях, имеет наибольшие шансы добиться победы».

Рузвельт и Черчилль на встрече летом 1942 года немало часов посвятили «трубочным сплавам», как, согласно английской терминологии, назывался проект военного использования атомной энергии. Именно в эти дни, видя реальную опасность дезинтеграции Британской империи, Черчилль согласился на главенство американцев в атомном проекте. В июне 1942 года Рузвельт поручил военному министерству взять проект в свои руки. Здесь в рамках корпуса армейских офицеров был создан особый отдел, перед которым стояла задача осуществить крупномасштабные разработки и исследования в наглухо отгороженных от внешнего мира лабораториях и полигонах. Название «Манхэттен» проект получил в августе 1942 года. Рузвельт знал, что германские физики идут той же дорогой, и судьбы войны во многом зависят от научных успехов. Дж. Конант (в общем и целом, как и Рузвельт, оптимист по натуре) определил, что немцы, возможно, на год опережают американцев, тогда как даже «трехмесячное отставание было бы фатальным».

В конечном счете проект «Манхэттен» обошелся в 2 миллиарда долларов. Было построено 37 испытательных установок в 11 штатах США и в Канаде. В реализации проекта участвовало примерно 120 тысяч человек (по данным Р. Патерсона, представленным Г. Стимсону 25 февраля 1945 года). С целью централизовать организационные усилия Рузвельт назначил бригадного генерала Лесли Гроувза главным ответственным за реализацию проекта «Манхэттен». Он руководил всеми задействованными силами и средствами. С точки же зрения президентского участия важно отметить, что с этого времени те или иные действия президент осуществлял только через военного министра Г. Стимсона как ведущую фигуру в администрации, курирующей проект. Отношение Рузвельта к проекту «Манхэттен» говорит о его интуиции, свободном от предубеждений восприятии революционных перемен в мире науки как фактора построения искомой системы международных отношений в будущем. Рузвельт, полагает американский историк М. Шервин, «думал, что бомба может быть использована для создания мирного мирового порядка, он, по-видимому, считал, что угроза ее применения более эффективна, чем любые возможности международного сотрудничества». И, по мнению Рузвельта, хотя мир будут контролировать «четверо полицейских», лишь два из них — США и Великобритания — станут владеть атомным оружием.

Решающим днем в германском подходе к атомному оружию было 6 июня 1942 года, когда нобелевский лауреат физик Гейзенберг встретился с министром военных запасов А. Шпеером, близким к Гитлеру, и доложил ему о ходе исследований в области использования урана. Он сказал, что Германия определенно имеет необ-

ходимые знания для получения атомной энергии из урана и что теоретически возможно создание атомного оружия. Но впереди предстояло решение сложных технических проблем: нахождение критической массы, исследование цепной реакции — огромные дорогостоящие эксперименты. Шпеер пришел к выводу, что работы следует продолжать, но учитывать при этом ограниченность германских ресурсов. В этом Шпеер прямо повторял Гитлера: он, будучи на данном этапе уверен в победоносном окончании войны, приказал закрыть все проекты, касающиеся новых видов оружия, за исключением тех, которые будут готовы к полевым испытаниям в течение шести недель.

Во время Нюрнбергского процесса Шпеер сообщил, что Гитлер обсуждал возможность создания атомной бомбы. 6 мая 1942 года Шпеер поставил перед фюрером вопрос о судьбе атомного проекта и предложил назначить Геринга главой имперского исследовательского совета, чтобы придать делу необходимую важность. Но Гитлер не пришел к окончательному решению этого вопроса ни тогда, ни на новом обсуждении 23 июня 1942 года. Он показал свою заинтересованность, но не был убежден в достижимости цели. Его страшил временной фактор. Речь шла о трехчетырехлетней программе. В конце концов Шпееру было приказано направить исследования на создание уранового мотора для танков или подводных лодок, после чего Гитлер потерял интерес к проблеме. Именовавший себя революционером фюрер не сумел увидеть единственное средство, которое всерьез могло повлиять на исход той смертельной борьбы, в которую он вовлек свой народ, всю Европу и Северную Америку. Никогда не называвший себя революционером Рузвельт разглядел важнейшее силовое средство XX века.

Глава двенадцатая
ПИК ВОЙНЫ

Страны «оси» знали, что они должны выиграть войну в 1942 году, в противном случае они потеряют все. Мне нет нужды напоминать вам, что они не выиграли войну в 1942 году.

Ф. Рузвельт, 1943 г.

Президент становится все больше и больше центральной фигурой, источником инициативы, власти и, конечно, ответственности.

У. Хассет, 1942 г.

В ходе первого этапа развертывания мировой стратегии детализированное перспективное планирование в Америке сосредоточивалось в государственном департаменте. Уже в 1941 году в нем был создан отдел специальных исследований, руководимый Лео Пазвольским. С вступлением войны в кульминационную фазу Рузвельт, подняв значимость планирования, «приблизил» планировщиков к Белому дому. Именно в это время он ставит во главе специального Президентского комитета по послевоенной внешней политике государственного секретаря Кордела Хэлла. Данный комитет имел уже сложную бюрократическую структуру. Он состоял из пяти специализированных подкомитетов, в которые входили как правительственные чиновники, так и привлеченные извне специалисты. Подкомитеты породили немалое число докладов, но вся эта прогностическая и футурологическая литература воспринималась Рузвельтом лишь как подсобный «склад идей», а деятельность комитета как вспомогательный интеллектуальный «штурм». Наряду с исполнительной властью планированием внешней политики занимались и отдельные комитеты конгресса. Сухопутные войска, военно-воздушные силы и военно-морской флот также обращались к анализу послевоенного мира, проблем будущего.

В 1942 году, когда обозначились первые признаки возможной победы, внешнеполитическим планированием стали заниматься и в академических кругах. Здесь высказывались идеи, заинтересовавшие хозяина Белого дома. Новому для США геополитическому мировидению профессор Йельского университета Н. Спайкмен посвятил книгу «Американская стратегия в мировой политике» (1942). Северная и Южная Америка — это, по существу, два острова в океане, общая площадь которых равняется лишь трети Евразии и население составляет лишь десятую часть

ее населения. До сих пор безопасность США зависела от баланса сил в Европе и Азии. Поддержанием этого баланса на протяжении всего XIX и значительной части XX века занималась Великобритания, позволявшая США реализовывать свое влияние в западном полушарии посредством «доктрины Монро». Этот баланс был нарушен с выходом России из войны в 1917 году и победами Германии в 1940 году. Вторая мировая война, по словам Спайкмена, поставила вопрос: «Будут ли Соединенные Штаты великой державой, пользующейся влиянием в делах Старого света, или они станут буферным государством между могущественными империями Германии и Японии?»

Директор Института международных исследований Йельского университета Ф. Данн высказывал сходные идеи. По его мнению, «наиболее важным фактором, с точки зрения американской безопасности, является то обстоятельство, кто будет владеть контролем над побережьем Европы и Азии... Если это побережье попадет в руки одной или нескольких стран, враждебных Соединенным Штатам, результатом будет такое окружение, которое поставит Америку в чрезвычайно опасное положение вне зависимости от того, какой будет величина ее армии и флота». Аналогичные мысли высказывала группа молодых американских политологов. Среди них выделялся У. Фокс, автор книги «Сверхдержавы: Соединенные Штаты, Британия и Советский Союз — их ответственность в отношении мира» (Нью-Йорк, 1944) и Р. Страус-Хюпе, автор исследования «Баланс завтрашнего дня: мощь и внешняя политика Соединенных Штатов» (Нью-Йорк, 1945). Ведущим публицистом, распространявшим идеи академических ученых, был У. Липпман, выступивший в 1943 году с чрезвычайно популярным трактатом «Внешняя политика США — щит республики». Он критически оценил прежнее «неучастие» американцев в глобальной дипломатической борьбе. Но теперь необходимо прозреть: «Стратегическая оборона Соединенных Штатов не ограничивается трехмильной зоной вокруг американских берегов, она протянулась через два океана ко всем трансокеанским землям, откуда может быть начата атака по морю или по воздуху».

Обсуждение этих вопросов не было отвлеченным: на повестке дня стоял выбор Америкой пути в мировой политике. Помощник Рузвельта Хассет записал в своем дневнике в конце 1944 года: «Президент становится все больше и больше центральной фигурой в глобальной войне... Он спокоен и собран, находится во все более хорошей форме по мере приближения конца первого года участия в войне. Его темперамент неизменен, боевой дух высок, и он всегда готов пошутить или рассмеяться. Он может заснуть при любой первой попавшейся возможности — бесценное качество для человека, чье бремя так велико. О тяжести этого бремени он не упоминает. У него нет желания быть мучеником, живым или мертвым».

А время требовало мужества и высшей концентрации энергии. В сентябре 1942 года немцы вышли к Сталинграду и предгорьям Кавказа. Рузвельт видел, что стрелка на весах истории заколебалась. Он просил Черчилля продолжать отправку кон-

воев на севере, хотя бы небольшими партиями, советской стороне он обещал увеличить поставки авиационной техники. В октябре он объяснял Сталину, какие меры принимаются для увеличения объема поставок через Тихий океан и Персидский залив. И лишь в самом конце осени 1942 года Рузвельт приходит к выводу: «Русские собираются продержаться этой зимой, и мы должны энергично осуществлять планы помощи им».

Только к началу 1943 года американская элита начала очевидным образом ощущать, что мировой конфликт, возможно, разрешится уже в обозримой перспективе и что США будут первыми среди победителей. Те, кто помнил первую, вильсоновскую, попытку США возглавить мировое сообщество, постарались связать ее с текущей, второй. В самом конце 1942 года вице-президент Г. Уоллес заявил по национальной радиосети, что в 1920 году не Вильсон потерпел поражение, а весь противостоящий ему мир. В начале 1943 года кандидат от республиканской партии в президенты У. Уилки опубликовал книгу«Единый мир», в которой призывал создать «Совет Объединенных Наций — общий совет по выработке единой военной стратегии, в котором все нации несли бы бремя». Миллион экземпляров этой книги был продан в США в течение двух месяцев. Это было время, когда приветствовались самые смелые предложения. К примеру, известный газетный магнат полковник Маккормик выдвинул такой план: Шотландия, Уэллс и все британские доминионы должны стать штатами США.

Рузвельт в разворачивающейся почти эйфорической обстановке оставался достаточно сдержан. Но и он выдвинул для широкого обсуждения несколько идей, казавшихся ему самыми существенными. Как уже говорилось, он был убежден, что главные страны-победители (США, СССР, Англия, Китай) станут осуществлять в мире контрольные полицейские функции. Должна быть создана всемирная организация, она заменит злополучную Лигу Наций. Но Рузвельт совсем не хотел на данном этапе обсуждать специфику всего того, что порождала победа. В обращении к конгрессу «О положении страны» он намеренно лаконично сказал: «Мы должны посвятить себя большим целям и не заземлять обсуждение вопроса в спорах о методах и деталях».

Рузвельт на протяжении всей политической карьеры стремился не связывать себя преждевременно взятыми на себя обязательствами, не ограничивать поле своего маневра заранее жесткоочерченными схемами. Он был мастером импровизациий, но охотно подходил к решению очередного клубка проблем, ему нравилось искать «верную нитку». Ничто не импонировало ему больше, чем спонтанное формирование новых комитетов, групп планирования, координационных центров. Это не значит, что у него не было своего видения мира, что он отвергал «забегание в будущее», но он крайне не любил заранее и заведомо выставлять свои предпочтения на всеобщее обозрение. Лидер должен быть загадкой. Разгаданный политик уже не лидер — окружение может двигаться самостоятельно в указанном направлении.

Поэтому в месяцы, когда идеологи американского истеблишмента возликовали, увидев на горизонте перспективу победы (самые весомые плоды которой, они безусловно верили, достанутся Америке), капитан правительственного корабля предпочел не распространяться о своих конкретных планах, о своем прогнозе политического развития мира. Окружение получило лишь основные идеи.

Не следует в данном случае забывать, что Рузвельт был верным последователем Вудро Вильсона, что, еще баллотируясь на пост вице-президента, он превозносил Лигу Наций. Не имея возможности ввести страну в Лигу Наций, он выступал за членство в Мировом суде и за сотрудничество с отдельными ведомствами Лиги Наций. Все его прошлое говорило о приверженности активной внешней политике. Он пошел на компромисс с изоляционистами, но его мировоззрение покоилось на глобальных основах. Уйти в «американскую скорлупу» казалось ему предательством дела всей жизни. Будучи политически скован, он сделал все, что смог: заключил межамериканское оборонительное соглашение, предложил «карантин» для агрессоров, накануне войны отчетливо показал свою симпатию к американо-английскому протекторату над международными делами. С началом войны союзных связей с Британией оказались недостаточно, и Рузвельт существенно корректирует свои взгляды — включает в число «мировых гарантов» СССР и Китай. К периоду начала национальных дебатов о мировом будущем Америки именно эта схема главенствовала над прочими.

Довольно неожиданно место СССР в будущей системе международных отношений приобретало большое значение. Советская Россия выходила из войны самой мощной силой в Евразии. И Рузвельт уже видел истоки тех трудностей, которые могут создать препятствия американо-советскому сотрудничеству. В комиссии по иностранным делам американского сената сенатор от штата Мичиган А. Ванденберг ревностно защищал идеи польской эмиграции, влиятельной в Мичигане и пяти соседних штатах. Какой будет советско-польская граница? Возможен ли возврат к границам 1939 года? Давление на Россию способно было обесценить схему «четырех полицейских». С одной стороны, Рузвельт знал, что люди типа Ванденберга однажды уже сорвали спланированную президентом Вильсоном Лигу Наций. С другой стороны, для проведения подлинно мировой политики он нуждался в национальном согласии, в поддержке максимально широкого спектра политических сил страны. На этом этапе первостепенная забота Рузвельта заключалась в том, чтобы сделать ослабление предвоенного изоляционизма необратимым.

«Торч»

В октябре—ноябре 1942 года полным ходом шла подготовка к операции «Торч» — высадке союзников в Северной Африке. Личный представитель президента Мэрфи убедил Рузвельта (легко, впрочем, согласившегося) обойтись без

де Голля. «Я очень опасаюсь,— писал Мэрфи,— отрицательного эффекта, который имело бы всякое вмешательство де Голля в связанные с высадкой дела и на наши обнадеживающие усилия привлечь французский африканский корпус на нашу сторону». Рузвельт проявил большую твердость в намерении не допустить де Голля к североафриканским делам.

Телефон на столе президента зазвонил в 9 вечера 7 ноября 1942 года. Секретарь Грейс Тулли передала трубку президенту — на связи было военное министерство. Она вспоминает, что президент выглядел потрясенным. Он слушал несколько минут внимательно, не перебивая и не задавая вопросов. Пока удача была на американской стороне — десантники высаживались в местах, где высадка принципиально была возможна лишь десять дней в году. Атлантика была на удивление спокойна. Высадка первой волны десанта прошла с минимумом потерь. «Слава Богу, слава Богу. Звучит прекрасно. Поздравляю. Потери относительно невелики — значительно ниже предсказаний. Слава Богу.» С широкой улыбкой Рузвельт положил трубку и повернулся к гостям: «Мы высадились в Северной Африке. Потери ниже ожидавшихся. Мы наносим ответный удар». Он немедленно стал готовить обращение к американскому народу. Наконец-то Америка вступила в борьбу.

Жена генерала Маршалла Кетлин была на стадионе, когда по радио передали речь президента. 25 тысяч зрителей пришли в неистовый восторг: «Мы наносим ответный удар». Журнал «Ньюсуик» писал: «Наконец-то случилось. Эти слова захватили воображение нации в субботу, 7 ноября. США наконец-то предпринимают наступление в большом масштабе». Стив Эрли выразил лишь одно сожаление: почему армия не сделала этого до выборов.

7 ноября 1942 года Рузвельт по радио обратился к французскому народу. Президент говорил о целях американской армии: «Мы пришли разбить и изгнать ваших врагов. Верьте нашим словам... Мы заверяем вас в том, что, как только угроза вам со стороны Германии и Италии будет ликвидирована, мы тотчас же покинем вашу территорию». По политическим мотивам американцы протежировали лишь части готовых к антивишийской борьбе сил, но эти «фавориты» не сумели захватить контроль над положением. Сражение на песчаных пляжах Северной Африки, являвшееся трагедией само по себе, имело большое значение для будущего американо-французских отношений. Американцы проникли в Северную Африку, но политически дверь в нее еще оставалась закрытой. После трехдневных боев американцы пошли на невиданный компромисс — заключили соглашение с символом коллаборационизма, со вторым в Виши после Петэна человеком — адмиралом Дарланом.

В ответ на операцию «Торч» немцы приступили к оккупации подвластной Виши трети Франции. Германские силы вышли к средиземноморскому побережью.

Раздраженный приказом Петэна обороняться, Рузвельт 13 ноября уехал ночным поездом в Гайд-Парк, куда в трудные времена всегда приезжал хотя бы на день—два. Сон в своей любимой комнате как всегда успокаивал. Погода бы-

ла морозная — в камине потрескивали поленья, Гудзон неслышно нес свои воды к океану, рядом были верный Гопкинс и норвежская принцесса Марта. Возвратившись в Вашингтон, Рузвельт разрубил гордиев узел своих сомнений: «Я пришел к заключению, что подписанное генералом Эйзенхауэром политическое соглашение следует воспринимать как временное. Я полностью понимаю и разделяю чувства тех в Соединенных Штатах и Великобритании, кто высказывается против постоянного соглашения с адмиралом Дарланом. Нынешнее соглашение является временным решением, направленным исключительно на то, чтобы ослабить напряжение борьбы».

★ ★ ★

17 ноября 1942 года Элеонора Рузвельт возвратилась из Англии, где она стоптала туфли (газетчики ждали, когда же она упадет), выступая на митингах, объединяя двух западных союзников. Президент ждал ее на аэродроме, Элеонора была тронута. После тридцати шести лет замужества Элеонора Рузвельт чувствовала, как сильны ее чувства к мужу. Они обедали и ужинали вдвоем, и Элеонора рассказывала о своих английских впечатлениях.

Через три дня в Америке было окончательно введено рационирование кофе. «Для меня лично,— говорил президент на пресс-конференции,— безразлично, что я пью — кофе, чай или горячую воду». Но для многих миллионов американцев 29 ноября было (по словам Элеоноры Рузвельт) «грустным, печальным днем».

Двусмысленное положение в Северной Африке создавало для Рузвельта сложности. Посол Советского Союза в Лондоне Майский заявил, что, «хотя Советское правительство понимает обстоятельства этого соглашения, оно (соглашение) вызывает опасения ввиду возможности выявления в будущем политических обоснований сделок с немецкими генералами и другими лицами». Помощник де Голля Ж. Сустель отмечал тогда: «Никто, я думаю, не поймет Рузвельта, если не оценит того, кем этот выдающийся человек был в 1942 году: политик и стратег, энергичный вождь масс, умелый руководитель партии, но прежде всего глава одной из величайших армий в мире. Никогда ни один Цезарь не имел власти столь гигантской, не имел возможности одним приказом двинуть такие людские силы и такую мощь техники на морях, континентах и в небе. Ныне, в конце 1942 года, неумолимо держась в отношении Франции политики, беспокоившей его в такой степени, которую он не хотел признать, раздраженный сопротивлением, он желал победы, пока еще больное тело поддерживала воля, и был горд тем, что сделал свою страну величайшей силой в истории».

Это впечатление Ж. Сустель вынес из личной беседы с президентом. С. Уэллес, записавший эту беседу, с горечью отметил, что представитель де Голля не выразил ни малейшей благодарности «за освобождение Северной Африки американскими силами, но постоянно настаивал на том, причем в одних и тех же выражениях,

что управление Северной Африкой должно быть сосредоточено в их руках "не позднее двух-трех недель, которые нужны для оккупации Туниса"».

В последний день 1942 года Черчилль прислал Рузвельту очередную телеграмму. Британский премьер соглашался с президентом, что союзный главнокомандующий (американец) должен быть верховным лицом в северо-западной Африке во всех делах, как военных, так и гражданских. Но гражданское управление все же следует создать в любой подходящей условиям форме; разумеется, это управление должно быть подвластно вето Р. Мэрфи, личного представителя президента Рузвельта, и вето Гарольда Макмиллана, британского представителя в союзной штабквартире. Рузвельт не поддался на уловку. Ныне он смотрел на перспективу централизованного французского управления с большим подозрением, чем когда бы то ни было в прошлом. Если бы политическая ситуация в Северной Африке зависела только от Рузвельта, то он начал бы овладевать «французским наследством» уже с конца 1942 года.

★ ★ ★

В Токио 7 декабря 1942 года, в годовщину начала войны на Тихом океане, император Хирохито обменялся поздравительными телеграммами с Гитлером и Муссолини. Можно было в тишине императорского дворца подвести реальные итоги первого года войны. Три из четырех выводов оказались пессимистическими: авианосный флот понес сокрушительные потери; лучшие летчики — элита ВВС погибли в жестоких боях; солдаты страны Восходящего солнца так и не сумели показать своего «духовного превосходства» над «нищими духом» американцами. И лишь надводный флот, традиционная опора японской военной мощи, проявил свою силу. По существу, наступление Японии «выдохлось» в течение первого года войны, затем установилось некое равновесие, а в ноябре 1943 года и в июне 1944 года американцы двумя ударами (в первом случае в боях на Маршалловых островах, во втором — на острове Сайпан в западной части Тихого океана) вернули себе стратегическую инициативу.

Сражение при Гвадалканале было последним, в котором с обеих сторон участвовали в бою примерно одинаковые по количеству силы. В дальнейшем с каждым крупным боем перевес американцев возрастал. К концу войны обычным соотношением сил в бою станет десятикратное превосходство американской стороны в морских сражениях и пятидесятикратное — в воздушных. Японская армия еще посягала на треть земной суши — националистическая пресса ежедневно помещала карты с обозначением фронтов наступающих императорских войск, но в ходе войны стал намечаться новый этап. Японцы обрекают американских пленных на медленную смерть в лагерях, расстреливают летчиков, бомбивших Токио. Со своей стороны, президент Рузвельт санкционирует казнь адмирала Ямамото Изороку — автора плана атаки на Пирл-Харбор.

★ ★ ★

Новый 1943 год Америка встречала в более приподнятом настроении, чем предшествующий. Рузвельт, как обычно, принимал узкий круг друзей в Гайд-Парке. Коктейль был назначен на половину восьмого. В восемь последовал ужин, на который были приглашены Гопкинс, Моргентау, Шервуд и Розенман с супругами, а также норвежская принцесса Марта с принцем Олафом. В полночь разлили шампанское, и первый тост был за Соединенные Штаты. Гостей удивил второй тост президента: «За Объединенные Нации». Затем все проследовали смотреть «Касабланку» с Хэмфри Богартом и Ингрид Бергман. Сидящие в зале еще не знали, что Рузвельт не мог не думать о Касабланке, где он намеревался встретиться с Черчиллем.

Именно тогда, зимой 1942—1943 годов, в верхнем эшелоне власти начался непрерывный отныне процесс осмысления возможностей будущего, началось собственно долгосрочное планирование на послевоенный период. Тон этому задал Рузвельт, обратившийся к окружению с «провоцирующими» вопросами об их взглядах на отдаленную перспективу. В архивах зафиксировано, что в ноябре 1942 года Рузвельт обсуждал послевоенное мироустройство с К. Эйшельбергером. В это же время он пишет письмо премьер-министру Южной Африки Я. Сметсу, ветерану дипломатии XX века о своем желании обсудить проблемы «создания планов на случай прихода победоносного мира». В декабре 1942 года президент в течение нескольких часов обсуждал послевоенные планы с премьер-министром Канады Маккензи Кингом. Эти дебаты выходят и на официальный уровень. В ежегодном послании президента конгрессу от 7 января 1943 года Рузвельт отметил: «Победа в этой войне является первой и главнейшей целью для нас. Победа в последующем мире — следующая задача». Первый эскиз нового мира — Германия, Италия и Япония будут разоружены, их заставят отказаться от их «философии», принесшей миру столько страданий.

Президент очертил планы на грядущий год. В Европе — ослабление давления на СССР и попытка нейтрализовать часть германских сил, используемых на восточном фронте. Северную Африку Рузвельт определил, заимствуя выражение Черчилля, как «мягкое подбрюшье» стран «оси». В Азии «период наших оборонительных действий на Тихом океане подходит к концу». Президент подтвердил, что европейский театр будет пользоваться приоритетом: «Я не могу сказать вам, когда Объединенные Нации собираются нанести следующий удар в Европе. Но мы намерены нанести этот удар со всей доступной нам силой. Я не могу вам сказать, где мы его нанесем: в Норвегии или Нидерландах, или во Франции, или через Сардинию и Сицилию, или через Балканы, или через Польшу, а возможно и в нескольких местах сразу. Но мы, как англичане и русские, будем крушить противника жестоко и неутомимо».

По мнению президента, «арсенал демократии работал хорошо». В 1942 году американская промышленность произвела 48 тысяч военных самолетов и 56 тысяч танков и орудий, в начале следующего года армия достигнет 7 миллионов человек. За 1942 год был создан флот водоизмещением 8 миллионов тонн (в 7 раз больше, чем в 1941 году). Со стапелей сошло более 10 линкоров. Бюджет, который предложил Рузвельт в январе 1943 года, был беспрецедентным для американской истории — 100 миллиардов долларов (на 23 миллиарда больше по сравнению с 1942 финансовым годом).

За два с половиной предшествующих года основная масса безработных «рассосалась»: 10 миллионов человек либо получили работу, либо вступили в армию. В течение 1943 года предполагалось трудоустройство или зачисление в армию еще 6 миллионов человек. Именно в речи 7 января 1943 года Рузвельт широковещательно объявил, что к изоляционизму нет возврата, что Америка принимает новый курс, ее целью становится контроль за главными, критически важными регионами. Некоторые американцы «полагают, что наша нация по окончании данной войны может забиться назад в свою американскую нору и зарыться в ней. Но опыт учит нас, что мы никогда не сможем выкопать нору такой глубины, которая обеспечивала бы нашу безопасность в отношении хищных животных». Франклин Рузвельт торжественно обещал, что он не повторит ошибки первой мировой войны с ее поисками формулы постоянного мира на основе «возвышенного идеализма». Конгрессмены слушали президента затаив дыхание. Но Рузвельт предпочел остановиться на этой ноте, не уточняя свое видение американских политических целей после войны.

Америка начинает активно привлекать в военное дело науку. Уже в 1940 году Национальная академия наук потребовала большего участия в создании эффективных вооружений. Рузвельт сформировал из гражданских специалистов Комитет по исследованию проблем национальной обороны, во главу его был поставлен В. Буш. Этот комитет немедленно начал взаимодействовать с Пентагоном. Американская армия хотела получить невиданные прежде виды оружия. Весной 1942 года Рузвельт подписал приказ о создании Объединенного комитета по новым видам оружия и оборудования. В речи 7 января 1943 года Рузвельт, имея в виду растущее материальное могущество Америки, сказал конгрессу: «Страны "оси" знали, что они должны выиграть войну в 1942 году или они потеряют все». Нужно было резко ускорить массовую подготовку пилотов, создать беспрецедентные по масштабу танковые заводы. Армия требовала нового оружия для ведения боевых действий в джунглях, в пустыне, в горах. Рузвельт оказывал содействие сокращению срока прохождения новой модели от опытного образца до конвейера. С этой целью был образован Отдел научных исследований и их реализации, получивший большие лаборатории и внушительные полигоны.

Оружие и боеприпасы создавались на довольно неожиданных направлениях. Так, не совсем обычное сотрудничество Гарвардского университета с нефтяным ги-

гантом «Стандард ойл» привело к созданию не менее странной смеси стирального порошка и бензина — напалма, разрушительную силу которого ощутили на себе японские города. Для противодействия германским Фау-1 американские специалисты создали большой наземный радар. Специальным радаром были оснащены самолеты, борющиеся с подводными лодками. Начиная с 1943 года основной ударной силой военно-морского флота США окончательно становится авианосец.

Выступая в Москве 6 ноября 1942 года, Сталин несколько менее восторженно оценил военные усилия партнеров по коалиции: «Наши союзники не должны ошибиться в понимании того, что отсутствие второго фронта может иметь плохие последствия для всех миролюбивых стран, включая самих союзников». И хотя советское правительство тепло поздравило союзнические правительства с успешной высадкой в Северной Африке, оно запросило Вашингтон и Лондон о перспективах открытия второго фронта в Европе в 1943 году. Впервые мы читаем в донесениях западных дипломатов из Москвы, что задержка открытия второго фронта в Европе может иметь серьезные последствия для будущего, для отношений СССР с западными союзниками.

Лорд Аланбрук, судя по его дневниковым записям, полагал, что Рузвельт и Черчилль поступают близоруко, имитируя «второй фронт» в Северной Африке и максимально удаляя «Раундап». Такой результат 1943 года имел бы негативные последствия во многих отношениях. Москва в свете нарушения союзниками слова освобождалась от всяких формальных (или подразумеваемых) ограничений, Советская Армия получала возможность самостоятельно решить судьбу Европы. Аланбрук не знал, что пишет Идену в эти же дни Черчилль: «Мои мысли сосредоточены на Европе — на возрождении славы Европы. Было бы безмерным несчастьем, если бы русские варвары получили контроль над культурой и независимостью древних государств Европы».

В этой ситуации стратегическая линия президента Рузвельта приобретала критическое значение. И Рузвельт сделал выбор в пользу отсрочки «второго фронта», поддержав идею средиземноморского продвижения. Чем объясняется нежелание Рузвельта бросить все силы на решающий участок борьбы? Частично ответ дают оценки американских военных стратегической ситуации в Европе в 1943 году. Аналитики полагали, что Германии скорее всего удастся нанести Советскому Союзу ряд тяжелых поражений, и вероятность выхода Советской Армии за пределы своих границ еще крайне невелика. Разумеется, поведение Лондона, отнюдь не склонного пока ввязаться в бой на континенте (а удовлетворенного страшным напряжением как Германии, так и Советского Союза), также принималось во внимание американцами. И когда Рузвельт писал Черчиллю, что «русский фронт имеет для нас сегодня величайшее значение, он самая большая наша опора», то вкладывал в эти слова также и тот смысл, что напряжение на восточном фронте дает

Америке время и возможности для развертывания своих сил. Лишь когда в декабре 1942 года появилась угроза выхода немцев к Баку и Малой Азии, президент Рузвельт стал рассматривать конкретные меры помощи фронту, который с его точки зрения грозил развалиться и открыть немцам перспективы продвижения к Турции и через Иран к Индии. В Белом доме возникла идея передать под общее советское командование подразделения американских бомбардировщиков. Советская сторона ответила, что на этом участке фронта она больше нуждается в истребителях. Оптимальным решением было бы предоставление американской военной техники без боевых экипажей — об этом просило советское руководство Рузвельта в разгар сталинградской эпопеи.

Сталинград имел значительные дипломатические последствия. Перелом, наметившийся в связи с наступательными операциями Советской Армии в зимнюю кампанию 1942—1943 годов, в значительной мере обесценил прогнозы американских генералов, веривших в силу вермахта. Рузвельту следовало думать о том, что нужно делать в условиях германских поражений на востоке. У него начала вызревать идея совместной конференции трех великих держав для координации действий в условиях возникновения новых позитивных возможностей.Если говорить конкретно, то американской стороне нужно было решить, куда приложить свой растущий потенциал. После закрепления в Северной Африке, ощутив наконец свою причастность к главной — европейской сцене войны, Рузвельт пришел к заключению, что наступило время для совместного с союзниками стратегического планирования: «только главные действующие лица» могут эффективно обозначить перспективу, выработать «совместную согласованную точку зрения».

Черчилль, ощущая, что приближается роковой час обсуждения судеб мира, выразил желание встретить президента «в любой точке Земли». Не такой была позиция Сталина. Враг еще стоял на берегах Волги, спор о будущем казался почти схоластическим — он решил не участвовать в обсуждении на данном этапе. Возможно, Сталин имел в виду и другие соображения. Например, он не хотел давать своим могучим союзникам шанс отказаться от твердо данного обещания: второй фронт в 1943 году. По крайней мере, заслуживает внимания мнение Черчилля, высказанное 10 декабря 1942 года Рузвельту: «Он (Сталин) думает, что мы предстанем перед ним с идеей никакого второго фронта в один девять четыре три».

Рузвельт проявил заметное упорство, приглашая Сталина повторно. Он хотел обозначить мировые горизонты сейчас, когда главные союзники еще не отошли от края гибели, а у США были развязаны руки для действий на любом избранном ими направлении. С точки зрения Рузвельта, встреча на данном этапе, когда СССР был связан борьбой не на жизнь, а на смерть, тогда как США могли выбирать время и место своих ударов, увеличивать или уменьшать помощь, была бы максимально благоприятной для американской стороны. В январе 1943 года Рузвельт выдвинул идею встречи руководителей трех стран в Алжире

или Судане. Президент при этом писал Черчиллю: «Мне бы не хотелось, чтобы у Сталина возникло впечатление, что мы решаем все между собой перед встречей с ним. Я думаю, что вы и я понимаем друг друга настолько хорошо, что в предварительной нашей двусторонней конференции нет необходимости». Англичане выразили согласие.

Чувствуя ли сложность ведения переговоров в условиях «связанности», а также то, что влияние СССР находилась на низшей точке, или руководствуясь иными соображениями, но Сталин отверг идею встречи с Рузвельтом и Черчиллем в начале 1943 года. Официальным объяснением была занятость Верховного главнокомандующего боевыми операциями на фронтах. В третьем письме Рузвельт предложил Сталину встречу 1 марта 1943 года, подразумевая при этом, что выбор советской территории, мог быть приемлемым. Нахождения модус вивенди с СССР в период относительной слабости последнего становилось обязательным.

Конечный этап предварительного планирования пришелся на 7 января 1943 года, во время встречи с членами Объединенного комитета начальников штабов. Американцам было ясно, что намечаются значительные противоречия с англичанами. Поскольку последние хранили молчание в вопросе высадки на европейском континенте, генерал Маршалл предложил осуществить эту операцию примерно в июле 1943 года. Президент сказал, что ради «гибкости» он готов сместить срок ее начала на месяц-два, но что он «собирается обсудить с Черчиллем вопрос о степени желательности информирования Сталина о том, что Объединенные Нации будут продолжать борьбу до тех пор, пока не войдут в Берлин, и их единственным условием будет безоговорочная капитуляция».

Рузвельт делает шаг, который окажет значительное воздействие на будущее,— выступает с идеей безоговорочной капитуляции. В этом проявилось желание избежать разлада между союзниками на финальной стадии войны и выдвинуть США в первый ряд мировой политики без всяких промежуточных вариантов. Возможно, сказалось и стремление заручиться доверием своего советского союзника.

Касабланка

Когда Москва сказала решительное «нет» трехсторонней встрече, англосаксы решили встретиться в Северной Африке. Встреча с Черчиллем в Касабланке, несомненно, волновала Рузвельта. Предстояло вольное, не связанное протоколом, обсуждение глобальных проблем, игра ума в условиях американского всемогущества. Игривое настроение Рузвельта видно хотя бы из того, что он предложил закодировать себя и Гопкинса как «Дон Кихота и Санчо Пансу». Черчиллю такие псевдонимы не показались верхом конспиративного искусства (или такта), и он сделал еще один шаг к секретности (и менее очевидному распределению ролей): «К»

для президента и «П» для Гопкинса. Сам Черчилль, отправляясь в Африку, надел синий мундир офицера королевских военно-воздушных сил, что вызвало реплику одного из проницательных английских чинов: «Разве не видно, что это летчик, замаскированный под премьер-министра?» Псевдоним Черчилля был «коммодор военно-воздушных сил Франкленд».

Именно в тяжелые, изнуряющие месяцы войны, накануне обсуждения критических вопросов стратегии Рузвельт окончательно сформировал ту группу людей, которым предстояло решать задачи, связанные с большой американской стратегией. В ближайшее окружение президента вошли люди, «выдержавшие испытание кризисом», показавшие способность сохранять самообладание в любых обстоятельствах, склонные к мировому масштабу планирования. Среди гражданских советников это были Гопкинс, Хассет и Смит, в Пентагоне — Стимсон, Маршалл и Питерсон, на полях сражений — Макартур, Эйзенхауэр, Нимиц. Превратить эту плеяду в единомышленников стоило Рузвельту немалого труда. Ему пришлось преодолеть консервативные тенденции профессиональных дипломатов, расстаться со многими влиятельными фигурами, в которых он видел «политических убийц» Вудро Вильсона, первого «глобализатора» американской внешней политики.

Даже после многолетней селекции кадров проблема контроля над государственным департаментом являлась не простой для президента. С одной стороны, госдеп был огромным механизмом. С другой стороны, такие деятели, как Хэлл, проявляли достаточную самостоятельность. Рузвельт осуществлял контроль над госдепартаментом прежде всего через Самнера Уэллеса, заместителя государственного секретаря. (Разумеется, такой порядок не очень нравился Корделу Хэллу. Однажды он сказал в сердцах: «Каждое министерство имеет своего сукина сына, но у меня всеамериканский сукин сын».) Но Рузвельт стремился именно к такой системе. Она его устраивала, и на решающую встречу в Касабланке он Хэлла попросту не взял.

В субботу, 9 января 1943 года, президент Рузвельт во главе небольшой группы лиц сел в поезд, стоявший на неприметной запасной стоянке на окраине Вашингтона. Были предприняты дополнительные меры: из Вашингтона президентский поезд отправился на север, словно предстояла обычная поездка в Гайд-Парк. Но в Балтиморе локомотив развернулся и отправился на юг, достигнув Майами во Флориде. Отсюда «боинг» устремился к голландской Гвиане.

Очевидно, ему нравилось одним махом ломать старые традиции: он был первым после Линкольна президентом, посещающим театр военных действий; первым президентом, оставляющим территорию США во время войны; первым президентом, покидающим страну на самолете. Поезд прибыл в Майами в понедельник утром, а вечером летающая лодка-самолет компании «Панамерикен» «Дуглас С-54» начала серповидный обходный маневр, двигаясь южным путем к Африке.

Нужно сказать, что Рузвельт всю свою жизнь очень любил морские путешествия, но с трудом переносил авиаполеты. (Его супруга наоборот: всегда спеши-

ла, ее устраивал самолет, и она терпеть не могла пароходных кают.) Рузвельт всегда говорил, что облака скучны и что нет ничего на свете лучше движения волн. Но в данном случае обстоятельства требовали небес. Рузвельт попросил пилота пролететь над старинной французской крепостью на Гаити. Президент с любопытством рассматривал тропические джунгли Суринама, бросил взгляд на Амазонку в месте ее впадения в океан, сосчитал торговые корабли в бразильском порту Белем и приводнился в Британской Гамбии. Крейсер «Мемфис» уже ожидал необычного пассажира — но только для ночлега. Утром автомобиль мчал Рузвельта, Гопкинса и небольшую группу помощников в аэропорт города Батхерст. Многочасовой перелет через океан в Касабланку, немыслимо тяжелый (учитывая пересадки и перемены климатических поясов), Рузвельт назвал «первоклассными каникулами».

Немцы узнали, что встреча западных лидеров произойдет в Касабланке, но они восприняли это название буквально как «Белый дом» по-испански, а не марокканский город. И все же секретная служба предупредила Рузвельта об опасности находиться в кишащей агентами Северной Африке.

На севере Черчилль поднялся на бомбардировщик «Либерейтор». Он также был взволнован. Его врач записал в дневнике: «Наверное, то же волнение испытывает президент... Оба они в определенном смысле так и не стали взрослыми». Премьер великий британской империи летел в значительно менее комфортабельных условиях. В металлическом брюхе бомбардировщика они вместе с доктором Мораном вначале пытались уснуть, затем Черчилль, дрожащий от холода, понял, что это невозможно. Встав на четвереньки, он начал переписывать очередную речь. «Премьер-министру было неловко, тем более, что во время сна на нем нет ничего, кроме шелковой рубашки. Упершийся руками и коленями, он представлял собой странную фигуру с большой непокрытой задней частью туловища».

★ ★ ★

За покрытыми снегом Атласскими горами лежала марокканская Касабланка. Английские истребители, оснащенные тогда еще диковинными приборами — радарами, прикрывали место встречи с воздуха. На взлетном поле президента ждал сын Эллиот. Вся компания в бронированном автомобиле устремилась к месту конференции, в отель «Анфа» — высокое белое здание с большим балконом. Из окон был виден Атлантический океан, но из-за армейской охраны квартал потерял свою идиллическую привлекательность.

Генерал Джордж Паттон, которому еще предстояло получить известность в Европе, превратил «Анфу» и окружающие дома в своего рода укрепленный район. Солдаты третьего батальона его дивизии в течение двух недель возводили вокруг отеля два ряда заграждений из колючей проволоки. Несколько сотен солдат охраны были вооружены зенитными орудиями. Офицеры медслужбы тестировали доставленные запасы еды и питья. Паттон напомнил, что немцам здесь довольно на-

нести удар с воздуха. «Анфа» представляла собой строение из двухэтажной гостиной с окнами, выходящими на апельсиновые деревья, большой спальни с толстыми шторами, ванной и двух душевых комнат наверху. Одной душевой пользовался Гарри Гопкинс, второй — Франклин Рузвельт-младший. Президент поселил на своей вилле и двадцатилетнего сына Гопкинса.

В нескольких десятках метров находилось бунгало Черчилля, и он уже ждал с аперитивом. С английской стороны явилась когорта военных — Брук (будущий сэр Алан-брук), Маунтбеттен, Паунд, сэр Чарлз Портал. Ужин при свечах затянулся до рассвета. Хотя участники мобилизовали все свое остроумие и доброжелательность, в воздухе чувствовалось определенное напряжение. Еще днем состоялась встреча военных экспертов, обнаружившая резкое расхождение в видении хода войны. Речь шла не о мелких несоответствиях, а о коренных противоречиях в стратегии.

Выступивший от английской стороны Брук в течение часа отстаивал свой вариант боевых действий: продолжение операций в Северной Африке, затем перенесение их на средиземноморские острова (прежде всего Сицилию), использование всех возможностей в Средиземноморье и только после этого наращивание десантных сил в Англии для высадки на континенте. Американцы полагали, что, «заблудившись в средиземноморском лабиринте», они могут опоздать на решающее европейское сражение. Поэтому генерал Маршалл высказался за сосредоточение десанта в Европе в текущем 1943 году. Американцев беспокоила судьба Чан Кайши. Потеряв Китай, они подрывали основы своей общей стратегии, предполагающей наличие сильного националистического Китая как южного соседа Советского Союза. Поэтому адмирал Кинг выступил с идеей удвоения квоты помощи Китаю.

В определенном смысле англичане как дипломаты и как однородный коллектив были сильнее американцев. Через фельдмаршала Дилла, работавшего в Объединенном комитете начальников штабов, они заранее знали об американской позиции. Накануне первой конференции Объединенного комитета английские военные детально обсудили проблемы союзнического взаимодействия с Черчиллем, который и определил осевую линию действий и обещал всемерную помощь в случае конфликтных ситуаций. Черчилль поучал своих военных: не создавайте атмосферу экстренности, дайте американцам выговориться. Никакой непримиримости, мягкое обволакивание идей словами. Пусть нетерпеливым американским стратегам станет скучно.

Рузвельт не сумел добиться сходного единства позиций и чувства командной борьбы. Хотя предпочтение Германии (как цели номер один) перед Японией стало аксиомой, адмирал Кинг приложил немало сил для поддержки тихоокеанской стратегии. Другой влиятельный военный авторитет — командующий авиацией генерал Арнольд был сторонником создания сверхмощной бомбардировочной авиации, эту цель он считал более важной,чем подготовку высадки в Европе. Среди американских генералов, возглавляющих отдельные рода войск, шла интенсивная

внутренняя борьба за имеющиеся ресурсы. Нередко англичанам, пораженным темпами американского военного строительства, казалось, что Соединенные Штаты готовятся контролировать весь мир, но при этом армия стремилась к достижению контроля в Европе, а флот склонялся к тихоокеанскому приоритету. В этой ситуации решающее значение приобретала позиция самого Рузвельта. Но и у него были сомнения.

Однозначно поддержать Маршалла в желании ринуться на континент означало настроить против себя англичан, а в мире будущего Рузвельт нуждался в них как в привилегированных союзниках. К тому же он не был убежден, что позиция Черчилля — позволить немцам и русским использовать друг против друга свои лучшие силы — является близорукой. Важно, что существовал «Раундап» (экстренная высадка в Европе), но его следовало держать в запасе до возникновения перспектив безусловной победы той или другой стороны на советско-германском фронте. И, заявив о своей твердой приверженности делу незамедлительного открытия второго фронта, президент в ключевых обсуждениях ушел от той жесткой линии, на которую, как все знали, он был способен. И дело было не в речах Черчилля, которые восхищали президента. Рузвельту в конечном счете нравилось то, что из них вытекало: не делать окончательных обязывающих выводов, «держать все двери открытыми».

Чувствуя, что Рузвельт слушает его с симпатией, Черчилль шел еще дальше. Он уже не останавливался на захвате Сицилии, он ставил иную задачу — смертельный удар по слабейшей части «оси» — Италии. Такое решение предполагало более быстрые, более эффективные, потрясающие воображение и менее дорогостоящие в плане людских ресурсов победы. А русским все это можно будет выдать за второй фронт. К четвертому дню конференции Черчилль имел основание сообщить своему окружению, что Рузвельт видит в средиземноморских операциях логическое развитие североафриканской кампании. То же почувствовали и американские военные, их главнокомандующий уже не оказывал безоговорочной поддержки идее высадки в Европе в текущем году. Рузвельт полагал, что таким образом он сохраняет расположение и лояльность Черчилля, необходимые для союзнического будущего, для формирования выгодного соотношения сил в великой коалиции. Своим же генералам Маршаллу и Эйзенхауэру он со спокойной совестью говорил, что действия в Средиземноморье — этап, вызванный необходимостью тщательно подготовить высадку во Франции.

Перемена в стратегическом видении президента, безусловно, сказалась на позиции высших военных чинов американской делегации. На десятый день конференции они сдались и в присутствии президента и премьера согласовали список перспективных приоритетов. Как ни странно, главной задачей была назначена не высадка в Европе (прежняя американская позиция) и не удар по «мягкому подбрюшью» (английская позиция), а сохранение морских коммуникаций в Ат-

лантическом океане. Второй по значимости называлась помощь Советскому Союзу. Напомним, что речь шла (при всех высокопарных словесных пассажах) не о прямой военной помощи наиболее страдающему союзнику, а об экономической помощи и поставках вооружения. Третьим приоритетом объявлялся средиземноморский бассейн, захват Сицилии. И лишь на четвертом месте стояло то, что более всего соответствовало первоначальному устремлению Рузвельта и более всего было необходимо для СССР — высадка во Франции. Пятое место заняли операции на Тихом океане. Происшедшее не было «победой английской дипломатии». Это было бы слишком простым объяснением, в котором не содержится ответ на вопрос, почему данная победа стала возможной. В Касабланке Рузвельт, выслушав английские соображения, самостоятельно пришел к выводу, что бои на восточном фронте и овладение контрольными позициями в Средиземном море — хороший путь к послевоенному лидерству. Потенциальные претенденты на это лидерство ослабляют себя, а США входят в Европу через более безопасный «черный ход». Касабланка была одной из тех первых дипломатических битв, где мощь и возможности США уже ощущались всеми без исключения присутствующими. Рузвельт пребывал в превосходном настроении. Как отметил в мемуарах Макмиллан, «он постоянно смеялся и шутил». Он чувствовал свою силу. И не из-за ее недостатка он изменил первоначальный план действий. Просто Рузвельт определил более удобный путь к вершине мировой иерархии и пошел по нему. А то, что за эти удобства платили другие, его на данном этапе не касалось.

Удовлетворенные англичане «уступили» место главнокомандующего в Северной Африке генералу Эйзенхауэру. Своему врачу Черчилль сказал, что любит «этих великодушных американцев». Что касается французского вопроса американской дипломатии, то, прибыв на конференцию, Рузвельт прежде всего дал несколько разъяснений своему личному дипломатическому представителю и главному поверенному лицу во французских делах Мэрфи: «Вы несколько переступили границу в одном из писем Жиро перед высадкой, давая от имени правительства Соединенных Штатов гарантии возвращения Франции всех частей ее империи. Ваше письмо может повредить мне после войны». Это было первое указание (пишет Мэрфи) на планы Рузвельта значительно «уменьшить» французскую империю. «Он обсуждал с несколькими лицами, включая Эйзенхауэра и меня, переход контроля над Дакаром, Индокитаем и другими французскими владениями.»

Французская проблема

На политическом горизонте маячила высокая фигура другого французского генерала, и Рузвельту нельзя было не считаться с ней ввиду английской позиции. По выработанной схеме, одобренной Эйзенхауэром, де Голлю предлагалось вой-

ти в двуединое руководство совместно с Жиро, объединенный французский совет должен был включать как лондонских, так и алжирских французов. Черчилль взял на себя задачу убедить Рузвельта в том, что этот вариант является наиболее подходящим. Британский премьер потратил на это первые три дня своего пребывания в Касабланке. В итоге Рузвельт согласился на то, что он назвал «свадьбой» двух генералов. Рузвельт полагался на Жиро, Эйзенхауэра, на английскую зависимость от американской помощи, на соответствующую зависимость французов, т.е. на те факторы, которые должны были дать американцам ключи к французскому будущему.

По прибытии де Голль согласился занять отведенную ему виллу только после того, как узнал, что ее владельцем был иностранец. Реквизиция французского имущества рассматривалась бы им как ущемление французского суверенитета. Президенту пришлось приложить значительные усилия, чтобы добиться хотя бы видимости единения французов. Центральным событием этого аспекта работы конференции была часовая беседа президента Рузвельта и Шарля де Голля, состоявшаяся после обеда у султана Марокко. Черчилль говорит, что «внимание президента было привлечено огоньками ума в глазах генерала». Впечатления от встречи (в значительной мере раскрывающие суть противоречий ее участников) мы находим в мемуарах будущего французского президента: «Самые высокие стремления владели Франклином Рузвельтом. Его ум, знания, мужество — все способствовало этому. Могучая держава, главой которой он являлся, доставляла ему для этого все средства. Война дала ему для этого подходящий случай. Если великий народ, которым он правил, неизменно предпочитал уклоняться от всяческих действий вдали от своей родины, не особенно-то доверяя Европе, постоянно раздираемой битвами и революциями, то теперь душа американцев прониклась неким мессианством и стала вынашивать обширные замыслы. Соединенные Штаты, восхищаясь своим собственным богатством, чувствуя, что их динамизм уже не может найти себе должного применения внутри страны, горя желанием помогать сирым и угнетенным в любом уголке земного шара, поддались склонности к вмешательству, под внешней оболочкой которого скрывалось инстинктивное желание господствовать. Вот эту-то тенденцию по преимуществу и выражал президент Рузвельт. Таким образом, он сделал все, чтобы его страна приняла участие в мировом конфликте. Он выполнял сейчас свое предназначение и торопился выполнить его, так как смерть уже подала ему тайную весть о себе. С тех пор как Америка вступила в войну, Рузвельт решил, что мир будет миром американским, что именно ему принадлежит право диктовать условия организации этого мира». В своих мемуарах де Голль пишет о высоких амбициях Рузвельта, о его уме, знаниях и смелости.

Из соображений поддержания престижа англо-американских руководителей оба французских генерала предстали перед фоторепортерами в дружеском руко-

пожатии. Иллюзия того, что французская проблема решена, была одним из злосчастных последствий конференции. Президент находился в плену своей ошибки несколько месяцев: он переоценил силу Жиро и недооценил потенциал де Голля. В общем и целом Рузвельт, по мнению Мэрфи, заблуждался: «Президент убеждал себя, что он "справился" с де Голлем — собственное слово Рузвельта — и мог продолжать управлять им». Это было не так.

Основной документ конференции в Касабланке — Американо-английский меморандум о встрече, подписанный 23 января 1943 года, был своего рода компромиссом между американской и английской линиями в мировой дипломатии. Выработанная программа довольно ярко характеризует «просвещенный эгоизм» Рузвельта. Помощь находящемуся в критическом положении Советскому Союзу строго дозировалась, а о главном, что могло бы ему помочь,— об открытии второго фронта — даже не было речи. Операции в Средиземноморье означали выжидательную тактику. Китаю планировалась помощь в размерах, обеспечивающих лишь его выживание. В целом Касабланка, если критически оценить ее результаты, свидетельствовала о стратегии беречь силы для решающих событий, закрыв глаза на то, во что подобная тактика обходится другим союзникам.

В Касабланке Рузвельт и Черчилль пришли к общему заключению, что война вступила в решающую стадию. Как сказал Черчилль, «это еще не конец, это еще даже не начало конца. Но это, возможно, уже конец начала». Ему осторожно вторил Рузвельт: «Поворотный пункт этой войны наконец достигнут».

На пресс-конференции по окончании касабланкской встречи Рузвельт выступал первым. Он объявил то, что стало сюрпризом даже для сидящего рядом Черчилля: «Некоторые из англичан знают эту старую историю,— сказал президент.— У нас был генерал по имени Улисс Симпсон Грант, но в дни моей и премьер-министра юности его называли Грант-Безоговорочная капитуляция*. Уничтожение военной мощи немцев, японцев и итальянцев означает безоговорочную капитуляцию Германии, Италии и Японии». Это был серьезный дипломатический шаг со стороны Рузвельта. И, нет сомнения, сделанный частично для того, чтобы в Москве не создалось впечатления, будто в Касабланке происходит сепаратный сговор, который при определенном развитии событий может привести к сепаратному миру с Германией на Западе. Но еще более важным, как нам представляется, было то, что этим своим шагом Рузвельт окончательно взламывал существующие международные отношения. Отныне уже трудно было представить некое сохранение прежней системы на основе компромисса с Германией в Европе и Японией в Азии. Требование безоговорочной капитуляции предполагало уничтожение (а не простое ослабление) мощи этих стран, создание в центре Европы и в Азии

---

* По-английски US являются первыми буквами названия страны (Соединенные Штаты), выражения «безоговорочная капитуляция» и инициалами упомянутого Гранта.

политического вакуума, который США надеялись заполнить. И понятно удивление Черчилля, с которым его оптимистичный сосед не удосужился обсудить важнейший дипломатический фактор будущего мирового развития. Рузвельт позже настаивал на спонтанности своего шага, но сейчас мы знаем, что над этой проблемой долгое время работала группа специалистов в госдепартаменте. Именно ее выводами руководствовался Рузвельт, когда делал свое замечание.

Приняв основные решения, Рузвельт вместе с генералом Паттоном отправился в Рабат, где поужинал, сидя в джипе и с видимым удовольствием, вместе с солдатами пятой американской армии. Сын Гопкинса Роберт свидетельствует, что «суровые лица солдат расплывались в широких улыбках, когда они узнавали, кто их инспектирует». Один солдат к восторгу Рузвельта воскликнул: «Боже, сам старина здесь!» В Порт-Лиотэ Рузвельт возложил венок на могилу американских десантников. Султан Марокко подарил ему позолоченный кинжал и золотую тиару для супруги. Рузвельт взглянул на сына Эллиота и подмигнул: оба они представили Элеонору Рузвельт в Белом доме с золотой тиарой.

Вначале Черчилль хотел проводить Рузвельта, но долгая ночь тостов, возлияний и песен ослабила его решимость. В последний момент премьер все же превозмог себя и выскочил в халате с красными драконами и в черных вельветовых тапочках. Журналисты умоляли его позволить сделать снимок, на что Черчилль ответил: «Ребята, вы просто не имеете права это сделать». И журналисты покорно опустили камеры.

Перелом в войне

Понимая после Касабланки, что расписание боевых действий на 1943 год практически исключает открытие второго фронта, Рузвельт старается «подготовить» к этой реальности своего восточного союзника. 29 января 1943 года Сталину направляется чрезвычайно осторожно составленное американо-английское послание, в котором выражается надежда на то, что совместные советские и англо-американские усилия позволят поставить Германию на колени в первые девять месяцев 1943 года. Западные союзники постараются отвлечь максимум немецких войск с советско-германского фронта и направят СССР максимум возможной помощи по ленд-лизу. Но из контекста послания следовало, что «отвлечение» немецких войск будет происходить за счет операций в Средиземноморье, а не на европейском континенте. В полученном через три дня ответе советской стороны (этого ответа Рузвельт ждал с недобрыми предчувствиями) содержалась лишь просьба уточнить расписание боевых действий западных союзников на 1943 год.

Как теперь известно, получив из Касабланки телеграмму с цветистым описанием предстоящих действий (выдворение немцев из Африки, действия в Среди-

земноморье, бомбардировки Германии, помощь Чан Кайши, что «совместно с вашим мощным наступлением поставит Германию на колени в 1943 году»), Сталин едва дождался окончания перевода и обратился к Молотову: «Они обозначили дату?» Выждав еще один день, Сталин 30 января 1943 года отправил Рузвельту и Черчиллю благодарность за их «дружественное совместное послание», добавив вопрос о времени начала военных операций в Европе.

Рузвельт, безусловно, понимал, что Советской Армии в 1943 году предстоит выдержать очередное летнее наступление немцев. Ему также было ясно (как и Черчиллю, и Сталину), что западные союзники, говоря словами Черчилля, «не убьют ни одного германского солдата, в то время как русские будут сражаться со 185 дивизиями».

За неделю до капитуляция фельдмаршала Паулюса фюрер еще обсуждал архитектурные достоинства будущего нового стадиона в Нюрнберге, достаточно внушительного, чтобы отпраздновать поражение России. Никогда в дальнейшем он не возвращался к столь приятным темам. Война прошла свою высшую точку. Отныне Германия все силы прилагала лишь к тому, чтобы замедлить ход событий на восточном фронте. Как пишет британский историк М.Гилберт, «после трех с половиной лет побед, завоеваний, продвижений вперед, восторгов по поводу собственного всемогущества немцы обнаружили свою уязвимость. Представление о неизбежности их триумфа рассеялось». Именно в это время, в последнем квартале 1942 года, Америка послала в Россию 60 тысяч грузовиков, 11 тысяч джипов, 2 миллиона пар обуви, 50 тысяч тонн взрывчатки, почти полмиллиона тонн стали, четверть миллиона тонн авиационного бензина. Американские автомашины значительно увеличили подвижность Красной Армии.

★ ★ ★

В Вашингтоне 1943 год начался с активной разработки модели мира послевоенного будущего и определения в нем места Америки. В возможности и необходимости взломать старый мир, где господствовали европейские метрополии, Рузвельт лишний раз убедился на обратном пути из Касабланки в Вашингтон. После посадки в Батхерсте президент совершил небольшое путешествие по Гамбии. Ужасающие условия жизни в этой стране укрепили его мнение об обреченности колониальных империй, неизбежности перемен, необходимости для США использовать подъем освободительного движения.

Через месяц после Касабланки на одной из пресс-конференций президент обратил внимание присутствующих на то, какую большую угрозу для западного полушария представил бы собой выступ африканского континента, а особенно порт Дакар, попади он под контроль немцев. Далее Рузвельт сказал: «И я думаю, что, когда кончится война, мы должны будем предпринять определенные шаги. Во-первых, совершенно демилитаризовать Западную Африку. Во-вторых, возможно

придется оборудовать в Дакаре или Батхерсте мощный опорный пункт, где мы имели бы достаточные военно-морские силы, необходимое число аэродромов и т.д., чтобы предотвратить угрозу нашему континенту в будущем со стороны любой агрессивной державы».

Вечером в пятницу 5 февраля 1943 года не пришедший еще в себя после перелета Рузвельт уединился в Гайд-Парке в компании с Па Уотсоном, Биллом Хассетом и Грейс Тулли. Он спал до десяти, иногда до одиннадцати утра, подолгу завтракал и обедал, не спеша просматривал книги в библиотеке. Черчиллю он сообщил, что во время дозаправки в Батхерсте (британская колония Гамбия) его укусила муха «цеце», переносчица сонной болезни.

Рузвельт понимал, что самый слабый пункт его дипломатии на касабланкской встрече — «русский фронт». Ответ Сталина приближал коалицию к точке разрыва. В критические месяцы, когда Германия, собрав все силы, стремилась в ходе третьей летней кампании решить исход войны в свою пользу, СССР оказался фактически брошенным. Спасая лицо и, главное, ту дипломатическую комбинацию, которая должна была возвести США на вершину мира, Рузвельт постарался успокоить союзника, от которого в тот момент более всего зависела судьба и его, и Америки. Он не стал имитировать бодрый стиль Черчилля. Да, жаль, что союзные операции в Северной Африке не согласуются с прежде выработанным расписанием. Президент писал в Москву о понимании «важности усилий на европейском континенте в ближайшее возможное время с целью ослабить действия стран «оси» против вашей героической армии». Но увы, здесь нужно будет решить проблему транспорта.

Советский Союз, на который ложилось тяжелейшее бремя, подвергался смертельной опасности. Подобный негативный опыт не мог не иметь исторических последствий, и Рузвельт понимал это.

Глава тринадцатая
ВЫХОД НА МИРОВУЮ АРЕНУ

Это сумасшествие дьявола — война.
Роберт Сервис, 1921

Курс западных союзников в коалиционной стратегии становился особенно опасным в свете того, что они почти прекратили поставки через Мурманск. Решение об отмене очередного каравана (март 1943 года) Черчилль не посмел принять единолично и попросил Рузвельта о моральной и политической поддержке. Рузвельт настаивал, что Сталин не должен знать об отмене транспортных перевозок северным путем до августа или даже до сентября 1943 года. Очевидно, президент понимал, каким ударом по союзной солидарности окажется такая новость.

Никто не может, видимо, объяснить, чем руководствовался Черчилль, но он пренебрег запретом Рузвельта и открыл Сталину горькую правду о фактическом закрытии северного пути. Нетрудно представить реакцию советского руководства накануне решающей битвы на Курской дуге. Драматизм ситуации отражен в ответе Сталина: «Я рассматриваю этот неожиданный шаг как катастрофический обрыв поставок стратегических сырьевых материалов и оборудования Советскому Союзу Великобританией и США, потому что тихоокеанский канал поставок имеет ограниченные возможности и не очень надежен, а южный путь имеет небольшую пропускную способность, оба эти пути не могут компенсировать прекращение поставок северным путем. Ясно, что это обстоятельство не может не воздействовать на положение советских войск».

На политику США в отношении СССР ложилась тень. Американцы ослабили свою поддержку Советского Союза в решающих обстоятельствах. Может быть, это соответствовало интересам англичан? Может быть, это было частью стратегии, направленной на избежание «излишнего» сближения двух величайших стран в послевоенный период? Рузвельт сообщает в Москву, что «дата высадки на континенте будет зависеть от оборонительных возможностей немцев». Приостановку наступления в Северной Африке он спокойно объясняет обильными дождями. Черчилль, играя в данном случае с Рузвельтом в одну игру, писал Сталину, что нехватка транспорта позволяет перевести в Англию лишь 8 (из 27 прежде планируемых) дивизий.

«Манхэттен»

Не исключено, что в эти дни и недели Рузвельт начинает полагаться не только на восточного союзника — СССР, но и на определившиеся перспективы в создании атомного оружия. Обеспокоенность Рузвельта была несколько смягчена первыми практическими результатами американских ученых. 2 декабря 1942 года физики из Чикагского университета осуществили первую в мире управляемую ядерную реакцию. Центр тяжести начинает смещаться с теоретических и лабораторных исследований к опытно-конструкторским работам. Президент Рузвельт очертил совокупность специальных мер, направленных на сохранение секретности расширяющихся работ. В США создавалась сложная система прикрытия крупного научно-промышленного проекта. Руководитель проекта генерал Гроувз предпринял необычные даже для военного времени меры безопасности. Посмотрим, от кого он хранил секрет прежде всего. Цитируем генерала Гроувза: «Через две недели после того, как я взял на себя руководство проектом, у меня навсегда исчезли иллюзии в отношении того, что Россия является нашим другом, и проект осуществлялся именно на этой основе». В ходе осуществленного позже сенатского расследования генерал Гроувз рассказывал о том, что президент Рузвельт был полностью осведомлен об информационной блокаде главного союзника.

С весны 1943 года он предельно централизовал руководство проектом «Манхэттен» и засекретил его в чрезвычайной степени. Даже начальник штаба армии Дж. Маршалл и вице-президент Г. Уоллес отныне получали очень ограниченный доступ к ядерной информации. Кроме Стимсона прямой контакт с президентом по данному вопросу имели Гроувз, Буш и Конант. Эти трое держали президента в постоянном напряжении относительно того, что германская наука и промышленность могут первыми прийти к финишу, первыми создать самое могущественное оружие века. В. Буш прямо заявил Рузвельту: «Вполне возможно, что Германия находится впереди нас и сможет создать сверхбомбы быстрее, чем мы». Для получения более ясного представления о степени возможного превосходства немцев предлагалось послать в Швейцарию специалиста-физика под прикрытием дипломатического паспорта, чтобы попытаться установить связь с германскими учеными. Американские специалисты предприняли интенсивные усилия, чтобы определить степень «зрелости» немецких исследований по статьям в научной печати, по характеру осуществляемого в рейхе строительства закрытых центров. Рассматривался даже проект похищения Г. Гейзенберга, директора Института кайзера Вильгельма.

Будущее стало казаться не таким уж ясным. И Рузвельт сделал ставку прежде всего на резкое увеличение внутренних резервов. После детального изучения состояния дел Дж. Конант пришел к заключению, что принцип создания атомной бомбы найден и что к осени 1944 года будет создана «пара бомб». Уста-

новлено, что подлинное ускорение разработки проекта началось в первые месяцы 1943 года.

Рузвельт и его окружение не были уверены, сможет ли атомное оружие быть использованным в текущей войне. Но они полагали, что получают могущественный инструмент воздействия на послевоенный мир, новый фактор международных отношений. Будущую ядерную дипломатию Рузвельт обсуждал не с американцами, а с британцем Черчиллем. Складывается впечатление, что в ответ на согласие Черчилля быть младшим партнером коалиции Рузвельт на первых порах приобщал английского союзника к атомным секретам. Но и он вскоре показался Рузвельту лишним в деле достижения невероятного военного могущества. Как только американцы увидели реальную перспективу создания атомного оружия, это отразилось на дипломатии, в данном случае союзнической. Англичане, которые были так нужны на начальном этапе, теперь стали восприниматься помехой, нежелательными свидетелями и потенциальными обладателями сверхоружия. Конант пишет Бушу, что «не видит смысла в совместных усилиях, когда речь заходит о собственно развертывании и производстве». От него поступает предложение ограничить сотрудничество с Британией.

Главное же обстоятельство открыто пока не обсуждалось: Британия теряет силы, солнце Британской империи закатывается, стоит ли давать в руки партнера сверхоружие, которое обеспечит такое могущество его обладателю. 15 декабря 1942 года Рузвельт одобряет резкое ограничение сотрудничества американцев с англичанами в атомной сфере. Отныне английские исследователи не получают от американцев новых сведений по таким вопросам, как электромагнетизм, производство тяжелой воды и уранового газа, реакция быстрых нейтронов и расщепление радиоактивных материалов. Черчилль буквально взорвался: новая американская политика (пишет он Рузвельту) ведет к краху англо-американского сотрудничества в области исследования атомной энергии и подвергает опасности двустороннее партнерство. Черчилль напомнил Рузвельту об обещании, данном 11 октября 1941 года относительно «координированной или даже совместно проводимой работы двух стран».

Но Рузвельта уже не удержать, он быстро перестраивается. К 1943 году главной целью работы становится не «обогнать немцев» и даже не сделать атомную бомбу как можно скорее, а использовать новое оружие для послевоенного урегулирования. Рузвельт (а вместе с ним Буш и Конант) был готов даже к тому, что англичане порвут всякое сотрудничество с США. Главные совещательные органы — Группа выработки политики и Комитет по военной политике высказались достаточно ясно: даже с риском (не зная степени прогресса немцев) нужно уходить от многостороннего сотрудничества с Британией и Канадой, становиться на путь односторонних усилий. Некоторые специалисты полагали, что подобные действия замедлят работу над проектом «Манхэттен» примерно на 6 месяцев. Но это считалось приемлемой платой за атомную монополию.

Черчилль угрюмо молчал, так как понимал, что американское решение не могло быть принято на уровне ниже президентского. Для англичан удар был тем более тяжелым, что они пришли к выводу о нехватке собственных ресурсов. Андерсон информировал Черчилля, что «даже возведение и приведение в рабочее состояние атомного центра потребует крупнейшей перегруппировки военного производства». Он считал обязательным добиться, чтобы английские ученые работали в американских центрах. Тогда после окончания войны они, вернувшись на родину, смогут действовать в чисто английских интересах, но уже на том высоком уровне, на котором идет реализация «Манхэттена». Как раз этого-то и не хотел Рузвельт.

Начиная с января 1943 года Черчилль предпринял настоящую атаку на Рузвельта и на его, как он выразился, «персональный Форин офис» в лице Гарри Гопкинса. Премьер-министр постарался затронуть самую чувствительную струну: что будет, если первым в атомной гонке окажется СССР. «Что мы хотим иметь между белыми снегами России и белыми скалами Дувра?» — риторически спрашивал Черчилль. Лишь ядерное оружие могло помочь найти ответ. Посетившим Лондон в июле 1943 года Стимсону и Бушу Черчилль сказал, что «необходимо исключить победу Германии или России в этой гонке». Заместитель Черчилля по атомной проблематике лорд Червелл объяснил Стимсону и Бушу, что английское правительство рассматривает «всю проблему использования атомной энергии исходя из анализа послевоенного соотношения сил».

Инспекция страны

13 апреля Рузвельт, как и семью месяцами ранее, отправился на Юг и Средний Запад инспектировать армию, которая выросла после трех лет мобилизационных усилий с полумиллиона человек до 4,5 миллионов и к концу 1943 года должна была составить 7,5 миллиона — феноменальное военное строительство. Сравнивая цифры, президент убедился, что за три года подготовки талия у солдата американской армии уменьшилась в среднем на четыре дюйма, в то время как объем грудной клетки увеличился на дюйм. Солдаты нарастили в среднем по пять килограммов мышц. Рузвельт, задрав голову, наблюдал выброску десанта. Солдат 43-го года отличался от своих предшественников. Он должен был уметь камуфлировать себя, обезвреживать мины, обнаруживать минные ловушки, читать топографические карты, ориентироваться в ходе боя, распознавать американские и другие самолеты, танки и прочую военную технику, использовать трофейное оружие, уметь обращаться с военнопленными, оказывать первую медицинскую помощь, выживать в экстремальных условиях. Обед, который отпробовал Рузвельт, состоял из салата, мяса под соусом чили, макарон, моркови, жареной «по-француз-

ски» картошки, пирожного и масла. «В Белом доме кормят хуже»,— посетовал президент. Прессе он сказал, что ознакомился с «широкой картиной роста американских ресурсов — физических, промышленных, сельскохозяйственных и духовных, сконцентрированных на победу в войне».

В ходе военного строительства изменилась сама столица страны. По сравнению с 1940 годом население Вашингтона увеличилось вдвое, в городе господствовала униформа, бензин было невозможно достать, квартирная плата выросла многократно.

Апрель был передышкой. В мае 1943 года Черчилль, находясь в Вашингтоне, обсуждал ядерную проблему с Рузвельтом тет-а-тет. На этой конференции (названной «Трайдент») Черчилль со своими новыми «русскими» аргументами добился изменения позиции Рузвельта. Премьер-министр писал 26 мая 1943 года руководителю английского ядерного проекта Андерсону: «Президент согласился, что обмен информацией по атомному проекту должен возобновиться». Нам важно отметить не колебания президента Рузвельта, а то, что проблема атомных исследований стала частью его дипломатии, что он рассматривал проблему сотрудничества в этом вопросе с англичанами, руководствуясь не нуждами войны, а поисками дипломатических рычагов для будущего. Рузвельт решил, что в великой послевоенной «четверке» две державы будут ядерными — США и их ближайший партнер.

Американо-английское сотрудничество нашло формальное воплощение в области атомной энергии в августе 1943 года, когда Рузвельт и Черчилль в Квебеке подписали секретное соглашение: 1) никогда не использовать атомное оружие друг против друга; 2) не использовать его против третьей стороны без согласия партнера; 3) не сообщать атомных секретов третьей стороне без взаимного согласия; 4) ввиду преобладающего участия США в проекте общую политику в данном вопросе определяет американский президент; 5) в Вашингтоне создается Комитет по объединенной политике, именно в его рамках будет происходить обмен закрытой информацией. В официальной истории Комиссии по атомной энергии говорится: «Оба — и Рузвельт и Черчилль — знали о роли, которую играл в их дипломатии тот революционный прорыв в технологии, который по своей значимости превосходил даже кровавую борьбу против нацизма». В данной области, где технологический переворот соседствовал с дипломатией, Рузвельт предпочитал совещаться с минимумом лиц. Летом 1943 года Буш после беседы в Белом доме отметил, что президент никому в этом деле не доверяет и «речь идет о послевоенных отношениях». Рузвельт приходит к выводу, что создаваемая колоссальная военная мощь необходима для успешной послевоенной политики.

Япония заглядывает в бездну

Чувствуя гнев императора, адмирал Ямамото прибыл 3 апреля 1943 года в Рабаул с 300 лучшими пилотами истребителей «Зеро». Это была последняя попытка японцев восстановить свое превосходство в воздухе. Ямамото сообщил кодированной радиограммой, что намерен лично посетить Северные Соломоновы острова. В шифровке, прочитанной американцами, обозначался весь маршрут этого самого известного японского адмирала.

По просьбе Ф. Нокса, военно-морского министра, был сделан запрос у генерального прокурора ВМС о легальности операции, у церковных кругов — о соответствии предлагаемого принципам христианской религии, у командующего ВВС генерала Арнольда — о шансах на успех. Все они согласились с президентом Рузвельтом, что операция «Месть» должна быть проведена эскадрильей «Лайтнингов» в глубокой тайне. Было отобрано восемнадцать лучших пилотов: четыре для атаки, четырнадцать для прикрытия. Эскадрилья летела на высоте десять метров над морем, опасаясь быть обнаруженной. Около 10 часов утра 16 апреля 1943 года капитан Каннинг прошептал в молчащий эфир: «Цель на одиннадцати часах. Высоко». Адмирал Ямамото был сражен пулеметным огнем, а его огромный «Мицубиси» рухнул в джунгли и сгорел. Описание операции и участия в ней Белого дома остается тайной и сегодня. Вся касающаяся этого эпизода документация строго засекречена.

Японская сторона молчала тридцать четыре дня, и лишь когда линкор «Мусаши» с кремированными останками адмирала прибыл в Иокогаму, токийское радио возвестило о гибели Ямамото. Кидо, лорд-хранитель печати и близкое доверенное лицо императора, секретно встретился с прежним премьер-министром Коноэ для обсуждения возможностей выхода из войны. «Они согласились использовать до последней возможности антикоммунизм в США и опасения, что японский народ, в пучине военного поражения лишенный своего богоподобного императора, может обратиться к коммунизму». Император Хирохито возвращает в правительство известных противников СССР. Это была попытка показать Западу, что Япония в любом случае может быть полезна и что от ее полного поражения выиграет лишь «мировой коммунизм». Информаторы сообщили Коноэ: во время визита в Вашингтон они убедились, что «военные руководители США удивлены ростом могущества Советского Союза и в результате пришли к выводу о невыгодности абсолютного крушения Японии и Германии».

На фоне определенного замораживания отношений с СССР Рузвельт постарался весной 1943 года укрепить свои позиции в Китае. Чан Кайши хотел максимально вовлечь англичан и американцев, чтобы сохранить собственную армию для послевоенного сведения счетов с Мао Цзэдуном. Рузвельт выступил за укрепление собственно американских военно-воздушных сил, расположенных в Китае.

Это был легко управляемый чисто американский рычаг, обращенный против Японии, но и составляющий значительный фактор политического уравнения в самом Китае. Периодические бомбардировки Японии, сказал он, «произведут огромное моральное воздействие и на китайский народ». В письме вождю гоминдана от 8 марта 1943 года Рузвельт обещает довести численность американской авиации в Китае до 500 самолетов и значительно расширить стратегические поставки. Как условие дальнейшего наращивания поставок называлось открытие китайской армией более близкой и удобной бирманской дороги. Укрепляя националистический Китай и укрепляясь в нем, Америка создавала в Евразии противовес англичанам (в Индии), а главное Советскому Союзу.

Это желание видеть националистический Китай опорой азиатской политики США видно из характера приема мадам Чан Кайши, прибывшей в Америку в ноябре 1943 года. Она была принята в Белом доме и выступила перед обеими палатами конгресса, а также вместе с Рузвельтом перед журналистами. Внимание президента придавало ей смелости. Но на личном уровне они не нашли взаимопонимания. Назойливость «первой леди» Китайской республики вывела Рузвельта из равновесия. Он признался Моргентау, что «дошел до бешенства, желая выдворить ее из страны». Во время очередного обеда Рузвельт спросил мадам Чан Кайши, что бы она сделала с руководителем профсоюза, призывающим к забастовке во время войны. Мадам Чан выразительно провела пальцем по горлу. Рузвельт оценил решимость хрупкой женщины как «стальную», но странно было бы называть ее руководителем демократической страны. Сообщения о немыслимой коррупции в Китае приобретали в этом свете зловещий оттенок. Можно ли полагаться на такой режим? При всех колебаниях Рузвельт все же остался верен идее опоры на Китай в будущем мире «четырех столпов».

Рузвельт объяснил Маршаллу свое понимание проблемы: «Генералиссимус прошел трудный путь, прежде чем стал неоспоримым лидером четырехсот миллионов китайцев — огромная, тяжелая работа по достижению единства различных групп и всех видов политических деятелей — военных, преподавателей, ученых, представителей социальной сферы, инженеров, всех, борющихся за власть и преобладание как на местном уровне, так и на национальном, и сумел создать в очень короткое время на всей территории Китая то, на достижение чего нам понадобилось два столетия. Кроме того, генералиссимусу необходимо поддерживать свое положение высшего руководителя. Вы и я делали бы то же самое в подобных обстоятельствах. Он является главой исполнительной власти, равно как и верховным главнокомандующим, и нельзя говорить сурово с человеком такого ранга, нельзя добиваться от него обязательств так, как мы поступили в случае с султаном Марокко».

Более всего пугала Рузвельта возможность быстрого поражения Китая. Тогда его «идеальная схема» рушилась в самом основании. Именно поэтому президент

противостоял Стилуэлу, Маршаллу и прочим критикам чанкайшистского режима. Китай нужен был Америке для господства на Тихом океане, для политического раскола Евразии, для вторжения в сферу прежнего влияния западноевропейских метрополий, скажем, в Индокитае (здесь впервые возникает тень Вьетнама). Пусть Китай ныне слаб. Его огромное по численности работоспособное население сделает из него великую державу, и нужно заручиться благоволением этой державы заранее. Рузвельт согласился с ликвидацией экстерриториальных прав иностранцев в Китае, что, по словам Чан Кайши, «поставило независимый Китай в равное положение с Великобританией и Соединенными Штатами».

Когда Иден в марте 1943 года прибыл в Вашингтон для обсуждения вопросов послевоенного урегулирования, его поразила прежде всего решимость, с которой президент Рузвельт настаивал на предоставлении Китаю статуса державы первой величины. Министр телеграфировал Черчиллю: «Президент утверждает, что Китай является, по меньшей мере, потенциально мировой державой и анархия в Китае была бы чрезвычайно прискорбным оборотом событий, поэтому Чан Кайши должен получить полную поддержку». Рузвельт уже тогда включал Китай в число комитета четырех держав, «который будет принимать все важнейшие решения и осуществлять мировые полицейские функции» в послевоенном мире. Он также обсуждал возможность совместной опеки Китая, США и СССР над Кореей и Индокитаем. Естественно, желание потесниться на Олимпе отсутствует. Тем более когда речь идет о вчерашней полуколонии европейских стран, о державе, с которой Лондон воевал в прошлом веке. Иден с его внешностью безупречного джентльмена на этот раз отставил и мягкость, и манеры. Англичане наотрез отказались считать Китай мировой державой. «Разумеется,— писал из Лондона Черчилль Идену,— Китай будет использован как верный исполнитель воли Соединенных Штатов в любой попытке ликвидировать заморскую Британскую империю».

Рузвельт же намечал точки совместных послевоенных акций. «В Южной Корее можно создать мощную базу, основываясь на которой Китай и Соединенные Штаты стали бы обеспечивать мир в западной части Тихого океана». И, как сказал президент Идену, «в любом серьезном конфликте с Россией Китай без сомнения будет на нашей стороне». Если бы речь зашла о тройственном мандате или тройственной опеке некоей территории со стороны Советского Союза, Китая и Соединенных Штатов, то два последних участника триумвирата, полагал Рузвельт, всегда найдут необходимую степень договоренности. Тогда Рузвельт еще не исключал возможности участия СССР в оккупации не только Кореи, но и Японии, и в этом случае он полагал, что американо-китайское понимание сработает нужным образом. Короче говоря, как докладывал А. Иден английскому военному кабинету 13 апреля 1943 года, Соединенные Штаты «рассматривают Китай в качестве возможного противовеса России на Дальнем Востоке». Сам же Рузвельт весной 1943 года провозгласил, что народ Китая на протяжении века «был в мыслях и це-

лях своих ближе к нам, американцам, чем любой другой народ на Земле — те же великие идеалы. Китай в последней половине столетия стал одной из величайших демократий в мире». И это говорилось об абсолютно незрелой, абсолютно коррумпированной политической системе полубуржуазного Китая.

Впрочем, во многом Китай был для Рузвельта не самоцелью. Иден, вспоминая о своем визите в Вашингтон в марте 1943 года, писал, что «главным вопросом, владевшим умом Рузвельта, являлся вопрос о возможности сотрудничать с Россией сейчас и после войны». Президент спросил мнение английского министра о «тезисе Буллита», изложенном в пространном меморандуме, полученном Белым домом несколькими неделями ранее. Буллит утверждал, что СССР «коммунизирует» европейский континент, если Соединенные Штаты и Британия не блокируют «красную амебу в Европе». Иден ответил так: «Даже если бы эти страхи оказались основательными, мы все равно должны найти путь сотрудничества с Россией». Рузвельт указал, и Иден с ним согласился, что путь к будущему основывается на идеях, противоположных тезису Буллита. Нужно найти систему сотрудничества с Россией, а не противоборства с ней. Собеседники пришли к согласию, что цели и методы советской внешней политики определяются не неким планом захвата главенствующих позиций в Европе, а оценкой американских и английских намерений. Но Рузвельт при этом полагал, что опора на Англию в Европе и на Китай в Азии будет служить американцам дополнительной гарантией. Ключевым вопросом обсуждений стала оценка того, каким будет после войны Советский Союз и его внешняя политика. О чем бы ни говорили, какие бы проблемы ни поднимали Рузвельт с Иденом, в конечном счете они обращались к СССР. Оба были едины в том, что прибалтийские республики войдут в состав Советского Союза. Рузвельт завершил дискуссию словами о том, что согласие на включение прибалтийских республик в состав СССР можно будет использовать как один из факторов в общем компромиссе с советским руководством. Данью реализму со стороны Рузвельта стало мнение, что Советская Россия будет настаивать на предвоенных границах с Финляндией. Между американцами и англичанами было понимание, что после войны Финляндия будет представлять собой сложную проблему. Но не самую сложную — таковой станет Польша. Рузвельт и Иден пришли к согласию, что Восточная Пруссия должна войти в состав Польши. По мнению президента, жители Восточной Пруссии обязаны оставить свою территорию подобно тому, как греки покинули турецкую территорию после первой мировой войны. Рузвельт говорил, что это суровое решение, но неизбежное. Оно необходимо для поддержания мира, пруссакам нельзя доверять.

Что касается Югославии, то, с точки зрения Рузвельта, вражда сербов и хорватов непримирима и следует создать два независимых друг от друга государства. Должна быть восстановлена независимость Австрии. Президент с легкостью «решал» бельгийские проблемы. Франкоязычную часть Бельгии надо соединить с по-

терянными Францией Эльзасом и Лотарингией, северной частью Франции, а также с Люксембургом, чтобы образовать новое государство Валлонию. Иден воспринимал изложение «валлонских проектов» Рузвельта скептически. Великобритания уже начинала ощущать определенную общность судеб старых колониальных держав перед лицом неудержимого американского динамизма.

Первостепенную значимость имели суждения Рузвельта о грядущей судьбе Германии. Он всячески хотел избежать ошибок Вильсона и в целом намеревался изменить сам подход к поверженному в будущем противнику. Ему казалось необходимым содействовать всем центробежным силам германской политической арены; следовало стимулировать раскол Германии, выделение ее сепаратных частей. Именно расколотой на несколько независимых государств видел Рузвельт послевоенную Германию — оптимальный, по его мнению, вариант решения германской проблемы. Но не вызовет ли подобная перспектива анархизм и коммунизм в Германии? Рузвельт и Гопкинс считали, что нет. К моменту, когда Гитлер должен будет сложить власть, американские и английские войска уже расположатся на германской территории. Их мощь достаточна, чтобы проконтролировать любой поворот событий. Рузвельт учитывал и тот вариант, что Германия может капитулировать еще до того, как американские войска вступят на ее территорию. В этом случае следовало загодя договориться со Сталиным и установить согласованные зоны оккупации поверженной страны.

Особое внимание Рузвельт уделил проблеме будущей всемирной организации. По мысли президента, следовало пресечь всякие попытки провозгласить ее преемственность Лиге Наций. Грядущий форум наций надо создать заново на основе общей декларации стран-участниц. Следовало при этом прежде всего подумать о «совете управителей». Этот совет должен состоять из представителей четырех великих держав (США, СССР, Англии и Китая) и представителей шести — восьми региональных группировок. Англичанам хотелось сократить «высший круг», и Иден высказал сомнения в отношении Китая — он после войны пройдет через революцию и длительный период модернизации.

У Рузвельта сложилось впечатление, что Лондон при всей его имперской гордости окажется покладистым союзником в послевоенный «век Америки». Он с удовлетворением заявил после встречи с Иденом, что США с Великобританией согласны почти по всем основным проблемам — «от статуса Рутении до производства земляных орехов». Англичане отметили (в этом Иден признался Гопкинсу) исключительное знание Рузвельтом политической карты мира, всех мировых границ. Сколько часов нужно было сидеть над картами, чтобы затем обсуждать любые пограничные споры? Иден поделился с Гопкинсом еще более интересными наблюдениями. Даже прирожденных геополитиков — англичан поразила легкость, с какой президент Рузвельт готов был обращаться с целыми странами и народами. Его не волновала их судьба, он мог изменить ее одним росчерком пера. Анг-

личанин не скрыл, что его это насторожило. Рузвельт, по мнению Идена, беспечно манипулировал емкостями со взрывчаткой, природу которой не знал.

В вопросе, который чрезвычайно волновал Идена (характер будущих отношений США и СССР), Рузвельт был достаточно осведомлен, далек от наивности и понимал, что СССР в послевоенном мире будет могучим фактором международного развития. Представлялось, что Рузвельт видел пределы независимых действий своего великого восточного союзника и считал, что с помощью энергичной и конструктивной дипломатии сумеет найти верный уровень в отношениях с Москвой, найдет компромисс, удовлетворяющий обе стороны. Рузвельту казалось, что роспуск Коминтерна в период ухудшения отношений СССР с Западом из-за откладывания второго фронта является добрым знаком.

В целом Иден пришел к выводу, что президент питает самые серьезные надежды на разрешение противоречий с СССР, в том числе и по польскому вопросу. Иден и сам считал амбиции «лондонских поляков» чрезмерными. Рузвельт видел путь к решению противоречий в передаче Польше Восточной Пруссии в обмен на установление советско-польской границы по «линии Керзона».

После окончания визита Идена в Вашингтон президент, выступая на пресс-конференции, сказал, что с англичанами достигнута договоренность на 95 процентов. Шервуд спросил Гопкинса, к чему относятся остальные 5 процентов, и тот ответил: «Главным образом к Франции». При всем желании сохранить привилегированные связи с Рузвельтом Черчилль должен был думать о месте в будущем мире Западной Европы, и ему вовсе не хотелось низводить Францию до положения управляемой американской военной администрацией страны. Поэтому он постарался успокоить Рузвельта, но вовсе не согласился с тем, чтобы оставить де Голля у рычагов власти. Здесь — исторические корни явления, известного под названием «западноевропейская интеграция». Разумеется, то были лишь первые шаги, но помощи Черчилля оказалось достаточно, чтобы французы во главе с де Голлем выстояли перед натиском американцев.

Вырабатывая свою дипломатическую линию по отношению к СССР, Рузвельт в 1943 году частенько советовался с прежним послом США в СССР У. Буллитом. Тот уверял президента, что Сталин постарается воспользоваться занятостью Америки Японией и приложит усилия, чтобы получить доминирующие позиции в Европе после поражения Германии. Чтобы предотвратить такой ход событий, Буллит рекомендовал президенту встретиться со Сталиным в июне 1943 года в Вашингтоне или на Аляске. Буллит предлагал Рузвельту предупредить Сталина, что если СССР не даст обещание начать войну против Японии сразу же после поражения Германии, не пообещает воздержаться от аннексий европейских стран, не распустит Коминтерн, то Соединенные Штаты должны будут сместить фокус своего внимания с Европы и, оставив СССР в практически единоличном противоборстве с Германией, обратиться к Тихому океану. Следует тогда уменьшить помощь Советскому

Союзу и не упоминать о послевоенных займах на восстановление. Как запасной Буллит рассматривал вариант вторжения на Балканы, чтобы преградить русским путь в Центральную Европу.

Чтобы выяснить взаимные отношения (и подгоняемый кризисом в отношениях «лондонских поляков» и советского правительства из-за Катыни), Рузвельт 5 мая 1943 года направил в Москву бывшего посла Дж.Дэвиса с целью договориться о встрече со Сталиным предположительно в районе Берингова пролива летом 1943 года. Дэвис должен был привезти в Москву личное письмо президента. Рузвельт с большим тщанием составлял послание Сталину. Главной его идеей стало предложение о встрече на высшем уровне, причем такой, которая была бы лишена черт парадности и этикета, способствовала бы близкому знакомству двух руководителей. Лучшее время для такой встречи — лето текущего 1943 года. Место встречи Рузвельт хотел назначить где-нибудь посредине между Москвой и Вашингтоном. Но в Хартуме летом жарко, а в Рейкьявик не пригласить Черчилля было бы неудобно. Наиболее подходящим местом виделись окрестности Берингова пролива, причем Рузвельт был согласен и на Аляску, и на Чукотку. И поскольку встреча произойдет близ советско-американских границ, отпадает нужда в приглашении Черчилля. Встреча должна подготовить (сообщал Дэвис Сталину) союзников к возможному кризису Германии предстоящей зимой. Она предполагает «характер простого визита, она будет неформальной». Рузвельт возьмет с собой лишь Гарри Гопкинса, переводчика и стенографиста. Это будет то, что американцы называют «встречей умов». Ее участники не имеют обязательств выработать какой-либо итоговый документ.

Позже Рузвельт объяснял Черчиллю, что хотел таким образом избежать «коллизий» по поводу отложенного в критической обстановке «второго фронта», добиться от СССР обязательств вступить в войну с Японией, выяснить характер советско-китайских отношений, советские планы относительно Польши, Финляндии и Балкан. Рузвельт надеялся узнать мысли Сталина «о послевоенном будущем, его надежды и амбиции настолько полно, насколько это возможно». Разумеется, самой тяжелой психологической задачей для Рузвельта было бы сообщить Сталину о том, что высадка в Европе откладывается на неопределенное время. Для дискуссий по этому и многим другим вопросам Рузвельту на данный момент хотелось видеть не англичан, а именно советское руководство. Делясь планами с ближайшим окружением, президент объяснял: он стремится получить непосредственное представление о Сталине, найти возможности личного контакта, объяснить советскому руководству американский подход к проблемам, как они виделись из Вашингтона. По глубокому убеждению Рузвельта, ему удалось бы нащупать подводные камни двусторонних отношений, найти верный путь в лабиринте накопившихся противоречий.

Это было отражением и личных особенностей характера Рузвельта, и укрепившейся у него за месяцы войны веры, что возможности Америки настолько гранди-

озны, что позволяют использовать новые мощные инструменты в решении проблем вместе с наиболее весомым союзником. Рузвельт, помимо прочего, говорил о практичности как доминирующей черте и у него, и у Сталина. В этом плане сравнение с Черчиллем (с которым у Сталина уже сложились определенные рабочие отношения) было, по мнению президента, не в пользу британского премьера.

Характерно, что тогда, весной 1943 года, Рузвельт не мог удержаться, чтобы вслух не опровергнуть мнение английских газет о том, что Черчилль — идеальный посредник в отношениях между США и СССР. Лучшим посредником является он, Рузвельт.

И Рузвельт приступает к этапу «конструктивной» дипломатии в отношении СССР. Он начинает осознавать, что двумя крупнейшими величинами в мире становятся США и СССР. Он желает беседовать с советским руководством без блестящего, но представляющего ослабленную державу Черчилля. У Рузвельта явно большие планы, он хотел бы сугубо конфиденциальных разговоров. И у него нет намерений подписывать очередную декларацию, речь должна идти по существу о самых ключевых мировых вопросах. Ему важно достичь хотя бы общего понимания.

Англия противится судьбе

Черчилль был достаточно проницателен, чтобы видеть происходящее в верном свете: два главных члена коалиции могут согласовать свои военные и послевоенные планы в его отсутствие. Темперамент не позволял премьер-министру сидеть сложа руки. 11 мая 1943 года, в самый разгар весны, Уинстон Черчилль прибыл в Вашингтон. Следовало скоординировать дальнейшие проекты, поскольку североафриканская операция закончилась. Двумя днями ранее немецкие и итальянские войска сдались в Тунисе. Геббельс записал в дневнике, что «американцы счастливы, как дети, взять впервые в плен немецкие войска». Но все битвы, где начали побеждать западные союзники: Тунис, Гвадалканал, Эль-Аламейн, были, по словам британского историка Мартина Гилберта, «периферией территорий, контролируемых державами “оси”. Континент Европы и огромные островные пространства Юго-Восточной Азии были еще под контролем тех, кто начал войну. Союзники при всех их недавних триумфах стояли на окраинах огромных регионов, видя перед собой противников, которых еще предстояло сокрушить». На первой встрече Рузвельта с Черчиллем хозяйкой дома была его дочь Анна. С детства она гордилась теми случаями, когда могла быть полезной. Анна сидела напротив президента, слева от нее Гопкинс, а Черчилль — по правую руку. После обеда все смотрели фильм «Битва за Британию». Фильм, еще нигде не показанный, был талантливым. Черчилль прослезился. Анна пишет в дневнике, что вечер был очень интересным.

На уик-энд Рузвельт взял Черчилля в Шангри-Ла, куда приехали также Элеонора, Анна, Гопкинс и Бивербрук. Во время двухчасовой автопрогулки в мэрилендские леса Элеонора Рузвельт настаивала на том, чтобы Черчилль сидел рядом с ФДР, а она — на переднем сидении. Но Черчилль был непримирим, указывая, что жена должна сидеть рядом с мужем. Во время трехминутной перепалки, писал Черчилль, «были мобилизованы все силы Британской империи, чтобы совладать с невероятной силой миссис Рузвельт». В конечном счете Элеонора Рузвельт была вынуждена сесть рядом с ФДР, а Черчилль разместился на переднем сидении. Неподалеку от города Фредерик Черчилль попросил показать дом Барбары Фричи, героини армии южан. Рузвельт тут же продекламировал строки поэмы о ней. Черчилль немедленно по памяти продекламировал всю поэму, а затем дал художественное описание битвы при Геттисберге с неподражаемыми характеристиками генералов «Стонуолла» Джексона и Роберта Ли. Элеонора Рузвельт была под глубоким впечатлением от памяти Черчилля и обходительности Бивербрука, но, пишет она, «никто не мог сравниться ни со знанием географии, ни с историческими познаниями и общим охватом всей исторической картины Франклина. Он мог переговорить любого из англичан, это очень забавляло меня и Анну». Когда, возвратившись, Рузвельт начал рассматривать свои марки, Черчилль присоединился к нему. «С большим интересом, в полном молчании он более часа рассматривал коллекцию и словно забыл о государственных делах», но ненадолго — прибыло сообщение от Эйзенхауэра, и марки пришлось отложить. Утром следующего дня Рузвельт пригласил Черчилля на рыбалку в ближайшей речке. Черчилль писал: «Его с большим тщанием разместили на берегу, и он с охотой приступил к делу. Я также забросил удочку в нескольких местах. Ни одна рыба не была поймана, но президент совершенно очевидно наслаждался самим процессом — был в превосходном расположении духа весь оставшийся день». Спустившись после уикэнда с Аллеганских гор в Вашингтон, Рузвельт и Черчилль принялись решать судьбу второго фронта.

Президент Рузвельт отметил прогресс, имевший место за последний год и, приступая к главному, сказал, что бросать все силы против Италии на текущем этапе было бы несоразмерным общему распределению сил. Необходимо концентрировать войска для десанта через Ла-Манш.

В ответном слове Черчилль предпочел уйти от конфронтации и сразу же согласился концентрировать войска в Англии для высадки на континенте весной 1944 года. Но до высадки оставался год. Стоило ли проводить его в безделье, зная, что русские с востока начинают наступление на германскую империю? У союзников превосходные позиции в средиземноморском бассейне, и Италия выглядит уязвимой для внешнего давления. Лучшей помощью русским на текущем этапе была бы нейтрализация первого союзника Германии. Это заставит Рим вывести свои войска с Балкан, вынудит Турцию вступить в войну на стороне союзников,

откроет многочисленные порты Балканского полуострова для десанта союзных войск — все это послужит достижению определяющего влияния в потенциально спорном регионе.

Пожалуй, день 12 мая стал самым интересным и важным днем американо-английской встречи. Военные чины с обеих сторон, выполняя жесткие наказы своих руководителей, подтвердили верность избранному курсу. Рузвельт видел, что Черчилль уводит его на Балканы встречать наступающую Красную Армию. Сам же он надеялся урегулировать межсоюзнические планы в прямом контакте со Сталиным. Англичане еще раз выразили свои опасения в отношении «преждевременного» форсирования Ла-Манша, они говорили об «океане крови». Американцы во главе с Маршаллом гораздо более жестко, чем в Касабланке, показали, что решать проблему охраны ближневосточного пути англичан в Индию они не намерены. В конце концов был достигнут не очень обязывающий обе стороны компромисс — об этом свидетельствует широко трактуемый характер общего документа. Англичане согласились, что главной задачей западных союзников является «решающее вторжение в цитадель стран оси». Контрольной датой было названо 1 мая 1944 года. Англичане охотно пообещали увеличить интенсивность бомбардировок Германии.

В итоге Рузвельт решил сконцентрировать силы на Сицилии и Италии, а не на китайско-японском фронте. Черчилль убедительно говорил о том, что ликвидация режима Муссолини, а с ним и итальянского флота позволит переместить английские корабли в Тихий океан, где помощь англичан будет реальной, а не «липовой», что поражение Италии заставит Германию направить свои ресурсы на юг, делая более уязвимой для удара западных союзников Францию. Напомним еще один аргумент Черчилля на конференции «Трайдент»: лишь шаги по укреплению позиций западных союзников в Средиземноморье помогут в конечном счете сдержать советскую экспансию на Балканах. Рузвельт посчитал нужным подчеркнуть важность обрыва германских коммуникаций на Балканах. Но он все же отстаивал достоинства высадки во Франции.

Рузвельт дал согласие продолжить операции в Средиземноморье и по возможности нанести решающий удар в Италии. Но, чтобы англичане не затянули всю американскую мощь в свои средиземноморские операции, Рузвельт четко ограничил контингент американских войск, участвующих в них,— 27 дивизий. В то же время семь американских дивизий должны были осенью прибыть в Англию и начать все необходимые приготовления для броска во Францию. На случай непредвиденного развития событий на советско-германском фронте оба лидера, Рузвельт и Черчилль, приняли решение постоянно быть готовыми к реализации плана «Следжхаммер» — экстренной высадке всеми наличными силами в Европе.

На этой конференции в Вашингтоне Рузвельт впервые, пожалуй, обращался с англичанами как с «менее равным» союзником. Более того, он вел довольно жесткую линию. Решение задач британского империализма не входило в его пла-

ны. Возможно, мысленно он уже обсуждал мировые проблемы с восточным союзником. Черчилль чувствовал подобную отстраненность президента и довольно остро ее переживал. В свете всего этого понятно отсутствие энтузиазма у обоих лидеров, когда по окончании конфедерации они приступили к составлению подробного письма Сталину. Рузвельт не хотел, чтобы у Сталина складывалось впечатление, что англосаксы вначале совещаются между собой, а уже потом обращаются к нему. Рузвельт стремился показать степень сепаратизма Вашингтона в гигантских текущих и будущих проблемах. Но начинать этот сепаратный диалог приходилось с жалких позиций: следовало написать в Москву, что открытие второго фронта снова откладывается, поскольку западные союзники решают свои задачи в Средиземноморье.

Много вариантов пошло в корзину, прежде чем далекие от недавней взаимной любезности Рузвельт и Черчилль составили приемлемый текст. Два самых легких пера своего времени не могли породить простого письма разочаровывающего Москву содержания: в решающие месяцы летом 1943 года, когда немцы поставят на кон все, что имеют, Советский Союз будет сражаться в одиночку. В два часа ночи Черчилль предложил взять с собой в самолет последний проект, поработать над ним и представить на рассмотрение президента.

В целом, несмотря на жесткость схватки («президент не желает оказывать воздействия на расположенного высадиться на континенте Маршалла»,— жалуется премьер), Черчиллю удалось добиться желаемого ему решения. Когда он отбыл 27 мая из Белого дома, среди американцев раздался коллективный вздох облегчения. Все восхищались премьером, но его давление почти достигло предела. Как заметил Уильям Хассет, «он был нелегким гостем — пил как рыба и курил как печка, не обращал внимания на распорядок дня, работал ночами, спал днем и перевернул часы в противоположную сторону». Даже Франклин Рузвельт (пишет Элеонора), который «действительно любит премьера и полагает, что в конечном счете может им управлять, был изможден». После отбытия Черчилля Рузвельт немедленно отбыл в Гайд-Парк, где в течение трех дней спал по десять часов.

Черчилль и генерал Маршалл вылетали в Алжир к Эйзенхауэру. Зная твердость Маршалла, Рузвельт поручил ему участвовать в создании конечного варианта. Именно Маршалл с солдатской прямотой написал в самолете текст, удовлетворивший обоих лидеров настолько, что они готовы были послать его в Москву без малейших изменений. Примечательно, что Рузвельт задержал его еще на неделю, чтобы сложилось впечатление, что текст написан после визита Черчилля, будто Рузвельт подписал его один. Главной практической идеей было содержавшееся в предпоследнем абзаце обещание сконцентрировать войска на Британских островах для полномасштабной высадки на континент весной 1944 года. Таким образом, в результате недельной словесной битвы в мае 1943 года было решено, что к 1 мая 1944 года в Англии приготовятся к боевым действиям 29 дивизий.

Нужно сказать, что англичане сыграли сдерживающую роль и в американо-китайском сближении. В этом плане на конференции «Трайдент» английский премьер сумел убедить Рузвельта в опасности бросать силы в бездонную бочку китайского политического организма, неэффективного и коррумпированного. Черчилль выложил самый убедительный аргумент: Россия, а не Китай «является ответом на вопрос, как нанести решающий удар по Японии». Черчилль отказался поехать в Нью-Йорк повидать мадам Чан Кайши.

Второй фронт снова отложен

Рузвельта исключительно интересовали впечатления от встреч в Москве Дж. Дэвиса, который именно в это время возвратился в Вашингтон. Он просил бывшего посла наиболее тщательным образом восстановить подробности бесед со Сталиным. Начало их контактов не предвещало ничего хорошего. Огорчило посла более всего то, что Сталин не видел особого различия между американской позицией и английской, он полагал, что стоит перед единым западным фронтом. Исходя из этого Сталин не проявил энтузиазма в отношении сепаратной встречи с Рузвельтом. На предположение Дэвиса о том, что СССР и США в лице их лидеров могут найти общий язык, «выиграть и войну и мир», Сталин лаконично ответил: «Я в этом не уверен». Дэвису, по его словам, понадобилось немало времени и усилий, чтобы смягчить напряженность в их беседах. Сталин не принимал североафриканские операции или бомбардировки Германии в качестве эквивалента второго фронта. Дальнейшее откладывание его открытия поставит Советский Союз летом 1943 года в очень тяжелое положение. Оно (Сталин сделал акцент на этом) повлияет на ведение Советским Союзом войны и на послевоенное устройство мира.

Вскоре Рузвельт получил личное послание Сталина: результат массированного германского наступления летом 1943 года будет зависеть от операций союзников в Европе. Перспектива достижения двусторонней советско-американской договоренности приобрела, по его мнению, некоторую привлекательность, и Сталин согласился встретиться с Рузвельтом в Фейрбенксе (Аляска) в июле или августе 1943 года, но просил понять, что не в состоянии назвать точную дату встречи ввиду существующих исключительных обстоятельств. И он не пойдет на встречу, если она будет использована как предлог для откладывания высадки на европейском континенте. Сталин говорил это, еще не зная об итогах конференции «Трайдент», еще надеясь на открытие второго фронта в августе—сентябре 1943 года.

Лишь после отъезда Дэвиса из Москвы Сталин получил горькое сообщение от Рузвельта о том, что открытие второго фронта снова откладывается на год. Прочитав написанный Маршаллом отчет о конференции, где как бы между прочим со-

общалось о переносе высадки во Франции на весну 1944 года, Сталин ответил письмом, датированным 11 июня 1943 года, в котором, едва сдерживая ярость, отмечал, что решение союзников создает для Советского Союза исключительные трудности. Это решение «оставляет Советскую Армию, которая сражается не только за свою страну, но и за всех союзников, делать свое дело в одиночестве, почти одной рукой против врага, который все еще очень силен и опасен». Советский народ и его армия соответствующим образом расценивают поведение партнеров. О возможности двусторонней встречи в послании не говорилось ничего.

Практически впервые за всю войну президент Рузвельт попал в ситуацию, когда его радужное восприятие грядущего, столкнулось с не слишком обнадеживающей перспективой. Он не без основания ожидал, что теперь советская сторона имеет право ужесточить свою позицию, а предложения о советско-американской договоренности повиснут в воздухе. Советские руководители не видели смысла заниматься проектированием сомнительного будущего, к которому их стране предлагалось пробиваться, неся тяжелые потери, пока Соединенные Штаты наращивали индустриальную мощь.

Не только несправедливое распределение военного бремени начало разделять США и СССР в 1943 году. Все большую значимость в двусторонних отношениях стал приобретать «польский вопрос». В США жили несколько миллионов поляков (они традиционно голосовали за демократов), американское правительство уже несколько лет поддерживало польское правительство в эмиграции, находившееся в Лондоне. Но их поддержка по требованию президента Рузвельта не распространялась пока на проблему будущих границ Польши и СССР. Рузвельт понимал, что этот взрывоопасный вопрос может разорвать и без того тонкую ткань советско-американского сотрудничества.

Пытаясь каким-то образом смягчить ситуацию, Рузвельт продолжал настаивать на реализации идеи двусторонней советско-американской встречи. На ней, он надеялся, будет достигнуто «внутреннее понимание», невозможное на трехсторонних переговорах. На этот раз Сталин отбросил деликатность. «Речь идет не только о недоумении Советского правительства, но и о сохранении доверия к союзникам, доверия, которое ныне поставлено под жестокий удар... Это вопрос спасения миллионов жизней на оккупированных территориях Западной Европы и России и об уменьшении огромных жертв Советской Армии, по сравнению с которыми жертвы англо-американских армий незначительны». После этого письма Черчилль, ранее возражавший против сепаратной советско-американской встречи, изменил мнение и стал даже подталкивать к ней Рузвельта. Между тем Сталин отозвал послов из Вашингтона и Лондона. Наступило резкое похолодание союзнических отношений. В этот момент Рузвельт сделал не очень достойную попытку доказать Черчиллю, что идея двусторонней встречи исходила не от него, а от Сталина. Американская дипломатия переживала тяжелое время, когда, надеясь получить по-

сле завершения конфликта весь мир, она оттолкнула от себя двух главных союзников. Следовало поправить дело — под угрозой оказались самые заманчивые послевоенные планы. Так открылась дорога к Тегерану.

На решающем фронте второй мировой войны к осени 1943 года Красная Армия огромным напряжением сил освободила Орел, Харьков, Смоленск и подошла к Киеву. Германия полностью потеряла в Европе стратегическую инициативу.

★ ★ ★

В тихоокеанском регионе японская военная машина еще обладала колоссальными возможностями, японский флаг развевался над необозримыми просторами Азии и Тихого океана. Однако в мае 1943 года наступает новый этап. Английский наблюдатель еще отмечает отсутствие в Токио бомбоубежищ — свидетельство уверенности в том, что американские самолеты не достигнут Японских островов. Но уже ощущается недостаток сырьевых ресурсов. По сравнению с началом войны в 1943 году промышленное производство в Японии выросло на одну четверть, а в США этот рост составил две трети прежнего объема. Сказалась, помимо прочего, японская самоуверенность: за десять лет, предшествующих Пирл-Харбору, экономический рост Японии был столь бурным, что ее руководство не посчитало нужным создать особые стратегические резервы — оно полагалось на результаты этого роста. И просчиталось. Стратегическая инициатива на Тихом океане начала переходить от японцев к американцам.

В конце июня американская военно-морская пехота высадилась на Новой Георгии и, базируясь на этом анклаве, приступила к завоеванию Марианских островов. Командующий флотом подводных лодок маркиз Комацу, двоюродный брат императора, доложил Хирохито, что Соломоновы острова обречены. Император поручил премьер-министру Тодзио передать войскам на Соломоновых островах приказ держаться до последнего и продать свою жизнь как можно дороже. В Японии началась тотальная мобилизация. Императрица Нагако демонстративно участвовала в подготовке перевязочного материала. Судьба свергнутого в июле Муссолини не предвещала безоблачного будущего. Советники Хирохито говорили о неизбежности крушения Германии, о том, что Японии предстоит борьба в одиночестве. Между тем почти половина предвоенного флота Японии (3 миллиона тонн) была уничтожена и японские верфи не могли компенсировать понесенного урона.

Мы видим, что и в Европе, и в Азии период пика угрозы начинает проходить. Для дипломатии это означало необходимость обратиться к будущему.

Глава четырнадцатая
ТЕГЕРАН

В конце этой войны, если мы сумеем сокрушить военную мощь Германии и Японии, в мире будут три великие военные державы — Британия, Россия и Соединенные Штаты.

У.Липпман, 1943 г.

К лету 1943 года министерство финансов США определило, что за годы войны американцы отложили наличными и в облигациях 70 миллиардов долларов. Напомним, что СССР получил помощь по ленд-лизу в 11 миллиардов долларов — в семь раз меньше. А на восстановление экономики советское руководство просило у США 6 миллиардов долларов.

Война многое изменила в Америке. В частности, она привела к росту централизации в правительственном аппарате. Военные нужды требовали единоначалия. О высокой степени централизации и секретности планирования говорят ближайшие сотрудники президента. Его военный помощник адмирал Леги отметил в 1943 году: «Если бы я нашел кого-либо, кто помимо Рузвельта знал, чего хочет Америка, это было бы для меня удивительным открытием». Президент занимал уникальную позицию: никто не мог его дублировать и никто не был в состоянии согласно Конституции разделить с ним его прерогативы в области внешней политики.

Среди всех забот военного времени одна воспринималась им как требующая особого внимания, коррекции, дополнительных усилий — зашедшие в тупик дипломатические отношения с СССР. Зная о степени напряжения на советско-германском фронте, американцы хладнокровно взирали на миллионные потери союзника. Первоначально Америка обещала открыть второй фронт в 1942 году, а теперь без особых извинений перенесла свои планы на неопределенное будущее. Могло ли это не сказаться на искренности, на прочности союза, которому предстояло не только победить в войне, но и стать основой послевоенного урегулирования? В США жило 6 миллионов поляков, традиционно ориентированных на демократическую партию, и Рузвельт вынужден был учитывать их негативное отношение к СССР, что, очевидно, также действовало на советское руководство, так как оно не могло положить на равные чаши весов интерес Рузвельта к голосам миллионов избирателей польского происхождения и гибель советских людей.

Не следует забывать и еще об одном. Война началась для СССР вторжением немцев по проторенной дороге, по которой прежде шли французы, поляки,

шведы. И даже в самое отчаянное время, в конце 1941 года, советское руководство думало о будущих западных границах страны. Оно обратилось к американскому правительству, которое в свете пирл-харборских событий могло бы понять СССР как жертву агрессии. Рузвельт не ответил на письмо Сталина. Что должны были подумать в Кремле? А ведь от Вашингтона требовалось лишь зафиксировать статус-кво анте, довоенное состояние. Прекращение помощи в 1943 году усилило негативные стороны восприятия союзника. Теперь в Москве могли резонно полагать, что американцев в определенной мере устраивает ослабление России, теряющей цвет нации, мобилизующей последние ресурсы.

Именно тогда, в тревожные дни перед сражением на Курской дуге, союз дал трещину. Факт отзыва посла Литвинова из Вашингтона и отказ от встречи с Рузвельтом говорили о наступившем в Москве разочаровании. Президент в своем долгосрочном планировании допустил существенную ошибку. Он довел дело в советско-американских отношениях до той точки, когда идея «четырех полицейских», тесного союза США с СССР, Англией и Китаем оказалась подорванной. Нельзя было без последствий для себя вынуждать Советский Союз в одиночку вести войну на истощение в течение двух лет, с 1942 по 1944 год. Нельзя было думать о своих избирателях, игнорируя легитимные нужды безопасности великой державы. Идея встретить Советскую Армию на советских границах стала казаться Рузвельту привлекательной. Мы видим влияние подобных идей в дискуссии с Объединенным комитетом начальников штабов 10 августа 1943 года: президент выказал явный интерес к Балканам, куда, по его словам, англичане хотят попасть раньше русских. Хотя он не верит, что русские желают установить контроль над этим регионом, «в любом случае глупо строить военную стратегию, основанную на азартной игре в отношении политических результатов».

Что касается Китая, то, как пишет американский историк Дж. Бернс, Рузвельт «хотел подготовить Китай к получению первостепенной роли в послевоенном мире так, чтобы тот стал членом высшего совета мировой организации и помог привести азиатов к новому мировому партнерству». Рузвельт видел в Китае остов своей новой азиатской политической структуры.

Рузвельт без обиняков выражал свои идеи переустройства послевоенного мира. Он начинал готовить почву для того, чтобы США сменили Англию в качестве главного представителя Запада в Азии.

Италия выходит из войны

В середине 1943 года Рузвельт смещает фокус своего внимания на Средиземноморье. Овладение Италией представлялось ему верным способом получения надежных гарантий встать у руля европейской политики при решении судьбы Ев-

ропы. Президент считал нокаутирующим ударом захват Сицилии. 10 июля 1943 года американские и английские войска высадились на острове. Спустя 38 дней Сицилия была в руках западных союзников. 24 июля 1943 года после шестичасовых обличений Большой фашистский совет сместил дуче. Король Виктор-Эммануил подтвердил его отставку. Диктатора, доставленного на машине скорой помощи, заключили в военный барак.

Рузвельт вместе с Розенманом и Шервудом работал в своей летней резиденции Шангри-Ла над очередным радиообращением к стране, когда 25 июля из Белого дома сообщили о низвержении Муссолини. Это известие привело Рузвельта в эйфорическое состояние. Но с ощущением легкости крушения одного из лидеров «оси» пришла и проблема: следовало ли иметь дело с заговорщиками, сместившими Муссолини? Ведь полгода назад было дано обещание требовать именно безоговорочной капитуляции. Рузвельт обрушился на прессу, обличавшую короля и придворных интриганов, совершивших дворцовый переворот. Однако оставались насущные вопросы: будет ли Рузвельт, один из лидеров великой коалиции, иметь дело с королем, который долгие годы успешно сотрудничал с Муссолини, будет ли Рузвельт, высоко вознесший мораль «четырех свобод», иметь дело с назначенным королем премьер-министром маршалом Бадольо, известным как кровавый завоеватель Эфиопии?

В конце июля 1943 года все мысли президента были связаны с дипломатическим оформлением крушения Италии. 28 июля 1943 года Рузвельт выступил с очередным радиообращением к стране: «Первая трещина в блоке стран "оси". Преступный, коррумпированный фашистский режим в Италии развалился. Пиратская философия фашистов и нацистов не выдерживает противостояния».

Весь мир, в том числе и уже насторожившийся Советский Союз, следил за тем, как ведет себя Рузвельт-дипломат в Италии. Если он сегодня договаривается с Виктором-Эммануилом и Бадольо, то завтра он сможет договориться с Герингом. Возможно, Рузвельт подлил масла в огонь своим выступлением по поводу капитуляции Италии. «У меня нет оснований для беспокойства по поводу того, с кем мы имеем дело в Италии... пока мы не встречаем анархию. Сегодня это может быть король, либо нынешний премьер-министр, либо мэр города или деревни... Мы не может реализовать принцип самоопределения в первую же неделю, как только они сложили оружие. Другими словами, должен господствовать здравый смысл.»

Если для Рузвельта важна была стабильность, а не антифашистское очищение, это давало представление о том, каким будет его курс в послевоенной Европе. С одной стороны, рузвельтовская дипломатия и информационная машина превозносили высокие принципы и единство союзников на основе приверженности им. С другой стороны, генерал Эйзенхауэр откровенно пренебрегал этими принципами, заключая перемирие с Италий на базе договоренности с деятелями прежней фашист-

ской системы. Радио, фильмы, памфлеты и листовки говорили об одном, тайные переговоры американских генералов — о другом.

★ ★ ★

Мы видим, как параллельно отчуждению в отношениях с СССР Рузвельт в период между маем и ноябрем 1943 года прилагает интенсивные усилия, как никогда ни ранее, ни потом, чтобы сблизиться с английским партнером. Напомним, в мае Рузвельт тайно совещался с Черчиллем в Белом доме. В июне Маршалл и Эйзенхауэр вели переговоры с Черчиллем в Алжире. В июле Стимсон обсуждал военно-дипломатические проблемы с Черчиллем в Лондоне.

В августе 1943 года Черчилль снова (на этот раз с дочерью Мэри) прибыл в Гайд-Парк. Пикник на вершине холма, гамбургеры на гриле и арбуз на десерт — его Мэри ела впервые в жизни. Оба лидера были в отменном настроении. Они перемежали работу с отдыхом. Черчилль вспоминал старинную английскую поговорку: «Сплошная работа и отсутствие развлечений делают Джека скушным парнем».

Черчилль спасался от жары, гуляя вдоль берега Гудзона, и приходил посвежевшим. Элеонора Рузвельт записывала речь для радио, а муж наблюдал (разумеется, чаще они занимали противоположные роли). Элеонора готовилась к шестинедельному посещению войск на тихоокеанском театре и на крайний случай распорядилась своим личным имуществом. (Чуть позже она отправилась через Сан-Франциско на неотапливаемом бомбардировщике в южную часть Тихого океана.) В эти дни, находясь в Гайд-Парке, Рузвельт и Черчилль оценивали первые итоги итальянской операции. Так или иначе, это был гандикап в решающей борьбе с русскими за основную европейскую равнину. В мировой дипломатической игре важно было за действиями местного значения не потерять главного. Для Рузвельта данная задача включала и подготовку противовеса послевоенной России на континенте к юго-востоку от советских границ.

Чтобы иметь дипломатический буфер в значительно охладившихся отношениях с СССР, Рузвельт и Черчилль в конце августа 1943 года согласились на созыв представителей внешнеполитических ведомств трех великих держав. Рузвельт, возможно, размышлял тогда над тем, не слишком ли далеко он зашел в отчуждении с главным воюющим союзником. В начале сентября 1943 года он убедил А.Гарримана переехать из Лондона в Москву, сделав его своим полномочным представителем при советском правительстве. В наставительной беседе с Гарриманом Рузвельт выдвинул задачу обсудить с советским руководством послевоенные планы сторон. Возникла идея личного обсуждения этих вопросов со Сталиным. В послании, направленном в Москву 4 сентября 1943 года, Рузвельт снова предлагает встретиться в Северной Африке после 15 ноября.

Англосаксы совещаются

В августе Черчилль и Рузвельт вместе со штабными офицерами совещаются в Квебеке, в сентябре — в Белом доме, а в ноябре оба англосакса встречаются с Чан Кайши в экзотическом Каире. О чем же так долго и упорно беседуют западные союзники в те месяцы, когда СССР в одиночестве выигрывает операцию на Курской дуге и переходит в наступление на огромном фронте?

Нет сомнения, исключительная значимость текущего момента захватила обоих западных политиков. Именно в это время Рузвельт пишет директору Библиотеки конгресса А.Маклейшу, что следует «описать великую мечту, пока она не погасла». Сознание исторической важности переживаемых событий отражается и в том, что Рузвельт начинает готовить будущее хранилище своих документов в Гайд-Парке.

Рузвельт хотел получить все сразу: поставить под союзные знамена значительную часть итальянской армии и весьма внушительный военно-морской флот. Ради быстрого утверждения здесь он был готов сохранить политическую структуру страны. Рузвельт явно страшился возможности анархии на Апеннинском полуострове. Черчилль акцентировал опасения Рузвельта в отношении возможностей нежелательной внутренней эволюции Италии. Английская разведка «Интеллидженс сервис», почитаемая обоими политиками надежным источником, доносила, что крушение современных структур может привести к социальному взрыву, к укреплению позиций итальянских коммунистов. Черчилль делал вывод: никто не стоит в Италии между монархистами и коммунистами, в стране образовалась опасная поляризация социальных сил. В письме Рузвельту он доказывал: «Если мы не можем немедленно атаковать Германию через Балканы, заставляя тем самым немцев уйти из Италии, мы должны как можно скорее совершить высадку в Италии».

17 августа 1943 года Рузвельт в вагоне, направлявшемся в Квебек, отмечал пятидесятилетие Гопкинса. Во время квебекской конференции, получившей название «Квадрант», Рузвельт и Черчилль жили в производящей впечатление крепости — царящей над городом и рекой Святого Лаврентия цитадели. Их помощники расположились в Шато Франтенак, где и происходили рабочие заседания. Самым сложным для Рузвельта было приспособиться к манерам Черчилля — тот ел, спал, принимал душ и гулял, когда хотел.

Американская сторона готовилась к конференции весьма тщательно. В отличие от английской делегации, где царила точка зрения премьера, в среде американцев Стимсон и Маршалл настаивали на том, чтобы все подчинить главной цели — разгрому Германии и пренебречь другими соображениями. Стимсон недавно вернулся из Лондона, и ему был хорошо известен идейный багаж, с которым приехал в Канаду Черчилль, поэтому он жестко сказал Рузвельту: «С рациональной точки зрения мы не можем надеяться на поражение нашего германского врага, если будем находиться под британским командованием». Здесь нужно сказать, что Рузвельт, знаток и ма-

стер человеческих отношений, искусно подавал дело так, что у достаточно прямолинейных людей типа Маршалла действительно складывалось впечатление, что президент находился под влиянием англичан. Ничто не может быть дальше от истины. Рузвельт прикрывал собственную политическую линию необоримой якобы стойкостью англичан, приверженных избранному курсу.

Рузвельт и сам к концу лета 1943 года начал приходить к заключению, что медлительность Европы ставит под угрозу попытки США определить ее послевоенный статус. Решимость президента не откладывать теперь высадку во Франции была сразу же видна всей английской делегации. Настаивать на дальнейшей отсрочке броска через Ла-Манш становилось для Лондона опасным. Как незамедлительно понял быстро ориентирующийся в ситуации Черчилль, добиться своих собственных целей англичане могли, лишь осторожно настаивая на необходимости получения контроля над Италией. В результате Черчиллю удалось оставить Италию в списке обязательных операций 1944 года, хотя приоритет (под мощным на этот раз напором американцев) получила высадка союзных войск по Франции 1 мая 1944 года. Более того, Рузвельт после трудных дебатов добился от партнера по коалиции согласия на высадку в Южной Франции вскоре после высадки основного десанта на севере страны.

Напомним, что конференция «Квадрант» пришлась на те дни, когда всему миру была видна агония фашистского режима в Италии. Сохранялась альтернатива — требовать в неведомом будущем безоговорочной капитуляции или согласиться говорить с лицами, возглавившими страну после Муссолини. 18 августа Рузвельт и Черчилль поручили союзному главнокомандующему Эйзенхауэру подписать с итальянцами перемирие на компромиссных основаниях. Рузвельт «дал себя уговорить» Черчиллю, что непризнание заменившего Муссолини фельдмаршала Бадольо сделает Италию «красной». Соображения этого плана привели Рузвельта позднее (а именно 13 октября 1943 года) к признанию правительства Бадольо как воюющего на стороне антигерманских сил союзника. Весь период между августом и октябрем Рузвельт упорно искал своей вариант решения итальянской проблемы. Монархия как таковая его не интересовала, он готов был низложить Виктора-Эммануила II, но его волновала степень американского влияния на страну ныне и в будущем.

Пройдет несколько месяцев, и ситуация изменится после тегеранской встречи «большой тройки». Но сейчас, видя биполярный мир, Рузвельт не был уверен в возможности прочного контакта с СССР, и поэтому он откровенен в своей геополитической игре. Эта откровенность, вероятно, достигла своего пика в последний день работы конференции «Квадрант» — 24 августа 1943 года. Из Москвы было получено послание, в котором выражалось недовольство по поводу закулисных переговоров Запада с итальянцами. Неприглашение восточного союзника не увеличивало его доверие к Западу. Сталин писал, что назрела необходимость организовать трехстороннюю военно-политическую комиссию для проведения всех переговоров, связанных с вопросами капитуляции Италии. Хватит обращаться с Советским Союзом «как с пас-

сивным третьим наблюдателем. Я должен сказать вам, что такая ситуация более нетерпима. Я предлагаю создать такую комиссию и определить Сицилию в качестве места ее размещения». Подобное «посягательство» выглядит с объективной точки зрения разумным. В скором времени Запад будет требовать своего участия в процессе капитуляции Румынии. Но сейчас, получив послание Сталина, Черчилль пришел в ярость. Теперь он предвидел «кровавые последствия в будущем».

Конференция «Квадрант» интересна для исследователей дипломатической стратегии Рузвельта тем, что на ней стало видно растущее внимание американской внешней политики к европейским проблемам. Рузвельт впервые начинает реально беспокоиться о том, что, если постоянно откладывать прямое вторжение в Европу, можно и опоздать. Президент решительно настаивает на концентрации войск в Англии. Он задумывается над разработкой экстренных планов в случае неожиданного ослабления Германии и впервые без обиняков указывает, что «войска Объединенных Наций должны быть готовы войти в Берлин не позднее русских».

Рузвельт здесь, пожалуй, также впервые всерьез говорит об операциях на Балканах. Что будут делать западные союзники, если немцы примут решение отступить к оборонительным рубежам по течению Дуная? И сам отвечает на свой вопрос: «Самым безотлагательным делом является подготовка нами балканских дивизий, особенно состоящих из греков и югославов, действующих в своих собственных странах». У президента были большие сомнения не в отношении принципиальной возможности появления западных союзников на Балканах, а в отношении конкретных возможностей реализовать этот замысел. С его точки зрения, такая операция отвлекла бы западных союзников от действий на центральном — «берлинском» — направлении. Гораздо удобнее было бы положиться на вооруженные Западом местные дивизии. И нет сомнения, что в данном случае президент говорил о получении этими дружественными «балканскими» дивизиями контроля над Балканами именно до прихода Советской Армии.

В Квебеке Рузвельт был необычно откровенен: возникает ощущение ситуации «карты на стол». Осознавая, что в результате войны две страны США и СССР станут сильнейшими, он начинает думать вслух о двух полюсах и о роли в послевоенном мире прочих великих держав. Так, в новом ракурсе он говорит Черчиллю, Идену и Маккензи Кингу (премьер-министру Канады) о том, что нуждается в Китае «как в буферном государстве между Россией и Америкой». Президент заявляет также о том, что подобная буферная зона ему нужна в Европе. Это новый нюанс дипломатической стратегии Рузвельта. Он занял более определенную позицию ввиду того, что обозначились основные элементы грядущего мирового политического уравнения. Ясно, что дни Германии и Японии сочтены, что Советский Союз победоносно входит в Центральную Европу, что контакты с СССР напряжены из-за саботажа Западом открытия второго фронта, что США могут

еще долго быть заняты Японией, в то время как СССР пока не дал обязательства выступить на Дальнем Востоке и мог бы иметь возможность после победы над Германией развязать себе руки в Европе.

Стремление СССР участвовать в обсуждении капитуляции Италии, сколь ни здравым оно выглядело в дальнейшем, тогда было воспринято Рузвельтом как ясное указание на то, что Советский Союз, увидя свет в конце туннеля после битвы на Орловско-Курской дуге, стал более требовательным членом коалиции и более самоутверждающей себя державой будущего. Несомненно, Черчилль катализировал эти настроения Рузвельта летом 1943 года, когда оба они взяли на себя ответственность за еще одну годичную отсрочку открытия второго фронта. В конце июня Черчилль говорил послу Гарриману, что Сталину нужно открытие второго фронта в Западной Европе для того, чтобы предотвратить появление американцев и англичан на Балканах. И во время «Квадранта» британский премьер еще раз попытался привлечь Рузвельта к более активной балканской политике.

9 августа, когда Италия подписала капитуляцию, Черчилль предложил Рузвельту пересмотреть общую стратегию в свете поражения Италии. После взятия Неаполя и Рима следовало закрепиться на самом узком месте «сапога» и обратиться к другим фронтам. В этом случае одной из альтернатив были Балканы. «Мы оба,— говорил Черчилль,— остро ощущаем огромную важность балканской ситуации», надо послать «часть наших войск на средиземноморском театре для действий к северу и северо-востоку от портов Далмации». Одновременно предлагались действия возле Додеканезских островов в Эгейском море.

Рузвельт, не считал на данном этапе и в данной военной конъюнктуре политически выгодным выдвижение американских войск на Балканы. Это отвлекало силы с берлинского направления (в случае внезапного ослабления Германии). К тому же подготовка удара в гористой местности требовала значительного времени. А существеннее всего то, что в Москве интерес США и Великобритания именно к Балканам поймут однозначно. В отношениях «великой тройки» трещина появится раньше времени. Поэтому Рузвельт пока не соглашался на прямой поворот западных союзников с Апеннин на Балканы.

Беседуя в Квебеке, за три месяца до компромиссной Тегеранской конференции, Рузвельт и Черчилль обозначили свое отношение к вопросу о ядерном оружии. Они заключили соглашение о взаимном сотрудничестве, более интересное тем, что в нем не было сказано, чем тем, что было. Исключение Советского Союза из числа «приобщенных» не могло не иметь далеко идущих последствий. Обещание в 1943 году расширить обмен информацией с Лондоном при одновременном запрете всех возможных обсуждений этого вопроса с СССР говорило о том, на кого прежде всего будут полагаться американцы при строительстве послевоенного мира.

На фоне советско-американского отчуждения лета 1943 года, когда США копили силы, а СССР сражался на Курской дуге, американо-английское согласие в атом-

ных делах говорит о строе мыслей президента. Создавался союз, защищенный готовящимся сверхоружием, для осуществления западного варианта послевоенного устройства. «Если Россия выйдет из войны, приближаясь к овладению атомной бомбой, и выявит намерения расширенного контроля в европейской зоне, Англия могла бы эффективно противостоять ее планам»,— полагали американцы в Квебеке.

Рузвельт ощущал недовольство советского руководства тем, что, принимая на себя основную тяжесть войны, СССР не участвовал в важнейших дипломатических переговорах, на которых американцы и англичане решали в свою пользу вопросы послевоенного устройства. В конце августа 1943 года Сталин написал Рузвельту: «До сих пор все было так: США и Британия достигают соглашения между собой, в то время как СССР информируют о соглашении между двумя державами как третью, пассивно наблюдающую сторону». Особенно возмутило Сталина то, как западные союзники определили судьбу Италии. Было ясно, что англосаксы намерены решать главные мировые вопросы, не привлекая того союзника, который вносил основной вклад в мировую битве. Скорее всего у Рузвельта в эти дни, недели и месяцы были большие сомнения в том, не переиграл ли он. Отзыв Литвинова из Вашингтона (и Майского из Лондона) говорил о серьезности, с какой в Москве воспринимали обращение с СССР как с союзником второго сорта. Если США могут с такой легкостью игнорировать СССР, сознавая его роль в деле собственной безопасности, то почему бы не предположить, что Вашингтон на определенном этапе пойдет на сепаратный сговор с Гитлером (или с кем-нибудь из его преемников), как уже произошло в случае с итальянским перемирием, когда Америка посчитала Бадольо достойным партнером вне зависимости от того, что о нем говорят и думают другие. Разве на фоне этой сделки фантастичным было представить компромисс на Западе в условиях продолжающейся борьбы на Востоке? Среди военных уже звучали голоса, убеждавшие президента, что Советский Союз несомненно преследует свои собственные интересы и пора американскому руководству взглянуть на дело трезво: интересы США и СССР диаметрально противоположны, СССР понимает лишь язык силы, США должны обеспечить (теми или иными путями) на момент окончания войны максимально благоприятное для себя соотношение мировых сил. Антирусскую позицию стали разделять видные дипломаты. С их точки зрения СССР уже сделал свое дело — два года сдерживал нацистов, значительно обескровив рейх, теперь нужно опасаться его собственного возвышения.

Напряжение в коалиции

Теперь антигитлеровская коалиция производила военной продукции в три раза больше, чем страны «оси». Поток военной продукции, пересекающий Атлантику, значительно превысил потопляемый немцами. Битва за Атлантику была вы-

играна. Военное производство США в 1943 году превысило прошлогоднее на 83 процента. «Мы все еще далеки от достижения наших главных целей в войне... Достижение этих целей потребует еще большей концентрации нашей национальной энергии, нашей изобретательности и искусства.»

В октябре 1943 года Рузвельт представил конгрессу программу помощи возвращающимся с фронта военнослужащим в получении образования — так называемый «Билль о правах солдата», который впоследствии позволил миллионам простых американцев получить образование, что в конечном счете изменило лицо Америки. На срок от года до четырех давалась гарантия от безработицы, специальные кредиты, особые права на лечение. Президент назначил Бернарда Баруха ответственным за решение послевоенных проблем.

Популярность президента росла. Писатель Сол Беллоу делится своими впечатлениями: «В девять вечера темнота еще не окутала ели и луг был весь в клевере, а машины стояли бампер к бамперу. Водители включили свои радиоприемники. Они опустили стекла и открыли дверцы машин. Везде звучал один и тот же голос со странным для Чикаго восточным акцентом, который вызвал бы раздражение у жителей Среднего Запада, будь это голос любого другого человека. И чувствовалась общность оратора с этими неизвестными водителями, мужчинами и женщинами, курящими сигареты в тишине, не столько слушающими президента, сколько согласными с тоном его речи, черпающими уверенность в этом тоне».

Нет сомнения, Рузвельт был мастером оперировать властью в ситуации политической многополярности на внутренней арене. Он всегда стремился разделить ответственность между самыми различными ведомствами. То же он делал с ближайшими сотрудниками и помощниками. Вольно или невольно он противопоставлял Уэллеса Хэллу, Стимсона — Моргентау, министерство финансов государственном департаменту и т.д.

Американская пресса, не зная степени причастности Рузвельта к охлаждению отношений с СССР, критиковала главным образом государственный департамент. Авторитетный военный обозреватель Дрю Пирсон заявил в печати, что глава госдепартамента Корделл Хэлл «давно известен своими антирусскими настроениями». Выступая по радио, этот же обозреватель обрушился на главных помощников Хэлла, на ведущих лиц госдепартамента: «Адольф Берль, Джимми Данн, Брекенридж Лонг хотели бы на самом деле, чтобы Россия подверглась как можно более обильным кровопусканиям — и русские знают это». Государственному секретарю пришлось приглашать советского поверенного в делах А.А. Громыко для опровержения обвинений. Хотя все требования формальной дружественности были соблюдены, в отношениях двух величайших стран антигитлеровской коалиции наступило жестокое похолодание. Летние битвы 1943 года в центре России Советская Армия вела собственными силами. Определенное увеличение материаль-

ных поставок по ленд-лизу не могло служить достаточным прикрытием хладнокровного калькулирования Белого дома.

Так или иначе, но первой по времени задачей американцев в Европе в сентябре 1943 года стало выведение из войны Италии и ее оккупация. Рузвельт потребовал от главнокомандующего союзными войсками в регионе генерала Эйзенхауэра добиться от нового итальянского правительства, возглавляемого фельдмаршалом Бадольо, безоговорочной капитуляции (давая негласное обещание мягкого обращения в процессе оккупации). Но итальянцы (как и американцы) недооценили реакции Берлина. Немецкая военная машина уже разворачивалась против неверного союзника. Части вермахта стали окружать итальянскую столицу, король вместе с Бадольо бежал в Бриндизи, поближе к союзным штыкам. Люфтваффе планомерно уничтожали итальянский флот, остатки которого устремились в сторону Мальты. Немецкие парашютисты во главе со Скорцени освободили Муссолини, и состоялась «трогательная» встреча фашистского дуче и нацистского фюрера.

Началась массированная высадка союзных войск, но расчеты на итальянскую покорность и германское смятение оправдались не полностью. Вместо триумфального подъема вверх по «итальянскому сапогу» наблюдалось мучительное движение завязших в локальных боях англо-американских войск.

★ ★ ★

В конце августа 1943 года Рузвельт размышлял, не слишком ли далеко он зашел в отчуждении с главным воюющим союзником. В беседе с главой католической церкви в Америке кардиналом Спелманом Рузвельт говорит, что Черчилль — неисправимый романтик, а они со Сталиным — реалисты. Лучше заведомо согласиться на советскую разграничительную линию в восточной Польше, Прибалтике, Бессарабии, Финляндии. Воевать с Россией Америка и Британия не намерены. Рузвельт, собственно, был готов, что при определенных обстоятельствах в зону влияния России войдут Венгрия, Австрия, Хорватия. На него произвела впечатление производительность военной индустрии России. «Русское военное производство столь велико, что американская помощь, за исключение грузовиков, едва ощутима». В начале сентября он убедил Аверела Гарримана переехать в качестве посла из Лондона в Москву, сделав его своим полномочным представителем при советском правительстве. В наставительной беседе с Гарриманом Рузвельт выдвинул задачу обсудить с советским руководством послевоенные планы сторон. Возникла идея личного обсуждения этих вопросов со Сталиным. В послании, направленном в Москву 4 сентября 1943 года, Рузвельт снова предлагает встретиться в Северной Африке после 15 ноября.

Происходит своеобразное тектоническое смещение. Немцы остановлены под Курском. Возникает передышка, и впервые намечаются перспективы для продвижения на Запад. В этой ситуации советское руководство, выступая уже не с по-

зиции слабости, ответило на предложение о встрече согласием. Тому было много причин, но важнейшие — опасение негативных результатов напряженного состояния коалиционных отношений и явное стремление прервать традицию англосаксонских союзников решать основные вопросы между собой. Ответ Сталина поступил к Рузвельту 8 сентября. В нем содержалось предложение о встрече «большой тройки» в Иране в ноябре—декабре 1943 года.

На столе Рузвельта лежал датированный октябрем доклад начальника Отдела стратегических служб У.Донована, в котором давалась определенно оптимистическая оценка советских намерений в Европе. Американская разведка считала, что СССР склонен к переговорам, не питает сепаратных намерений, может быть лояльным партнером.

После несомненного успеха «разведки боем» на московской конференции, где Соединенные Штаты представлял госсекретарь Хэлл, Рузвельт хотел лично удостовериться, что дела на важнейшем участке его дипломатической борьбы идут в нужном направлении. Он попытался изменить место встречи (Сталин предлагал Тегеран): Каир или Багдад были для Рузвельта предпочтительнее. В переписке он ссылался на необходимость быть ближе к Вашингтону, когда там происходит сессия конгресса, напоминал, что ему приходится покрывать расстояние в десять раз большее, чем Сталину. 21 октября Рузвельт испробовал жесткий подход: «Я не могу выехать в Тегеран». Президент предложил встретиться в Басре, на берегу Персидского залива. «Если вы, я и мистер Черчилль не сумеем ныне договориться из-за нескольких сотен миль, это обернется трагедией для будущих поколений». В конечном счете решающим оказалось то обстоятельство, что Рузвельт, обдумывающий мировую диспозицию сил и готовящий дипломатический ответ на вопросы завтрашнего дня, оказался более заинтересованным во встрече на высшем уровне. 8 ноября президент телеграммой уведомил Сталина, что географические маневры окончены, и он направляется в Тегеран.

На этом этапе осуществления союзнической дипломатии у Рузвельта появилась довольно любопытная идея совместного с СССР военного планирования. Еще не будучи уверен, что встреча в Тегеране состоится, он предложил Черчиллю встретиться в Северной Африке и пригласить туда Молотова вместе с советской военной миссией, делегированной советским генштабом. Именно этого Черчилль боялся больше всего. До сего момента лишь англичане были допущены на высшие военные советы американцев, они были привилегированными ближайшими союзниками и не желали терять своего положения ни сейчас, ни в грядущие годы. Черчилль выступил категорически против «идеи приглашения советского военного представителя для участия в заседаниях наших объединенных штабов... Этот представитель заблокирует все наши дискуссии... 1944 год полон потенциальных опасностей. Крупные противоречия могут проявиться между нами, и мы можем взять неверный поворот. Или мы снова пойдем к компромиссу и рухнем между двумя стульями. Единствен-

ная надежда заключается в созданном климате доверительности между нами... Если этот климат исчезнет, я полон отчаяния за ближайшее будущее».

Рузвельт, не желая отчуждения англичан в момент ключевых встреч с русскими, отошел от идеи военных консультаций, хотя, нет сомнения, они были бы тогда очень полезными в любом случае. Ситуация на фронтах требовала такой координации. Военная необходимость вошла в противоречие с дипломатической стратегий (в данном случае англичан). Рузвельт сожалел о неудавшемся. Он говорил в эти дни, что присутствие русского генерала на совещаниях было бы лучшим способом укрепить доверие советской стороны к союзникам на решающей фазе войны и дипломатии. «Они бы больше не чувствовали, что их обводят вокруг пальца.»

Дипломатия

Получив давно ожидавшееся согласие Сталина на встречу в Тегеране, президент тут же наметил встретиться в Каире с Чан Кайши, а затем вместе с Черчиллем отправиться в Тегеран. Элеоноре он сказал: «Там не будет женщин»,— и взял с собой сыновей.

В холодный и дождливый день 11 ноября 1943 года яхта «Потомак» с президентом на борту направилась вниз по реке с тем же названием. «Он отбыл,— писала Элеонора дочери,— вместе с адмиралом Леги, адмиралом Брауном, генералом Уотсоном, доктором Макинтайром и Гопкинсом. Мне ненавистна сама мысль об отъезде отца, но я думаю, что они сделают много хорошего».

В устье Потомака Рузвельта уже ждал линкор «Айова», отправившийся в путь через Атлантику. «Все здесь очень комфортабельно, я взял с собой много работы, детективы и дюжину хороших фильмов. Погода достаточно теплая, чтобы сидеть на воздухе в одном свитере. Какое счастье не иметь газет! У меня есть идея издавать одностраничную газету. В ней будут лишь действительно важные новости.» На линкоре находились генерал Маршалл, адмирал Кинг и генерал Арнольд — командующие сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами США, в окружении многочисленного аппарата штабных офицеров. Корабль — гордость американского военно-морского флота, оснащенный девятью 16-дюймовыми орудиями, пересекал океан, олицетворяя собой новое могущество Соединенных Штатов.

То, что этим могуществом нужно было распоряжаться с осторожностью, показали ближайшие же маневры в океане, когда сопровождающий эсминец по ошибке направил торпеду в «Айову». Взрыв вызвал ярость адмирала Кинга, но верховный главнокомандующий Рузвельт отнесся к виновному офицеру благосклонно. Накануне великих решений он готов был простить оплошность.

Рузвельт всматривался в океан, он наслаждался предвкушением будущего. Нет сомнения, он думал, что это будущее в его руках. Здесь, в океане, он размышлял о ма-

неврах Японии. Лица, первыми замышлявшие акты агрессии, первыми побежали с тонущего корабля. Даже премьер-министр Тодзио спрашивал императора Хирохито: «Почему бы не пообещать завоеванным странам независимость в некоем неопределенном будущем?» Верхушка империалистической Японии начала понимать, что о победе в войне не может быть и речи, что пора искать выход с минимальными потерями. Последовали маневры в отношении правительства Чан Кайши. Рузвельту нужно было следить за активизировавшейся дипломатией японцев, не позволить им прибрать к рукам Китай, на который президент возлагал столько надежд.

Направляясь к алжирскому побережью, Рузвельт просматривал свою «французскую папку». Специальный представитель президента сообщил 31 июля 1943 года, что в Алжире циркулируют слухи, будто американцы намерены навсегда остаться в Северной Африке, будто они покупают почту, радио и телеграф, завладевают местным рынком, чтобы окончательно лишить французов всякого влияния. В свою очередь де Голль после падения Муссолини, не теряя времени, заявил, что никакое решение итальянской проблемы не будет полноценным, если в нем не примет участия Франция. Он надеялся подключить своего представителя к обсуждению итальянского вопроса, поскольку в итальянской кампании принимали участие французские дивизии. Рузвельт уже сказал Идену, что, обещая возвращение Франции ее колониальных владений, он имел в виду лишь Северную Африку. Рузвельт полагал, что поддержка де Голля вызовет осложнения в осуществлении послевоенного устройства Франции и ее территорий. Хронически напряженная ситуация приняла острый характер в начале сентября 1943 года. 7 сентября Рузвельт пишет Черчиллю о французском лидере: «У меня очень твердое мнение, что, если наша примадонна захватит у старого джентльмена (генерала Жиро.— *А.У.*) контроль над французской армией, мы должны будем прекратить поставки оборудования и снаряжения».

После девятидневного перехода «Айова» пришвартовалась в алжирском порту Оран. Здесь Рузвельта встретили двое его сыновей (Эллиот и ФДР-младший) и главнокомандующий на средиземноморском театре военных действий генерал Эйзенхауэр. Эллиот пишет матери: «Морской переход пошел отцу на пользу, он в хорошей форме, и его волнует предстоящая встреча». Вместе с Эйзенхауэром они вылетели в Тунис, а потом на автомобиле доехали до руин Карфагена. Творя мировую историю, Рузвельт хотел видеть самые величественные ее вехи. По соображениям безопасности Эйзенхауэр посоветовал президенту лететь из Туниса в Каир самолетом, и Рузвельт согласился.

Встреча с историей состоялась и на следующий день, на пути к Каиру. С воздуха можно было увидеть пирамиды и сфинксов. Пилот сделал несколько кругов над Нилом, и взору открылась панорама исторических памятников. Комментарий Рузвельта: «Желание человека не быть забытым колоссально». 22 ноября 1943 года вместе с лучшим гидом современности Уинстоном Черчиллем они проехали сквозь тень пирамид. Черчилль, прибывший днем раньше, не жалел усилий. Пре-

зидента поселили на вилле английского посла. Подобно античному цезарю, президент США принимал посланцев разных народов — египтян, греков, югославов. Церемониал вершили англичане, а главными ожидаемыми гостями были китайцы.

В Каире к ним присоединились муж дочери Анны Джон Беттигер и сын Гопкинса Роберт. А на соседней вилле ожидали встречи супруги Чан Кайши. Главной целью Рузвельта было заглушить своего рода чувство «неполноценности» у китайцев, официально названных одними из четырех будущих «мировых полицейских» и в то же время не приглашенных на переговоры подлинно великих держав. Черчилль и не пытался скрыть своего скепсиса в отношении рузвельтовской оценки Китая как одной из четырех великих стран мира. Различие в оценке Китая двумя лидерами врач Черчилля подал так: «Для президента Китай означает 400 миллионов человек, с которыми нужно будет считаться в экономике завтрашнего дня, но Уинстон думает только о цвете их кожи». Именно здесь, в Каире, Рузвельт хотел зарезервировать для Китая место своего главного союзника в Азии, добиться взаимопонимания с руководителями самой многочисленной нации мира, определить американо-китайские связи на долгие годы вперед.

Чета Чан Кайши прибыла на виллу президента без задержки. Впервые Рузвельт составил личное впечатление о китайском генералиссимусе. Поначалу он показался президенту спокойным, сдержанным и решительным, но с течением времени и эти качества уступили место поверхностности и несамостоятельности. (К удивлению президента, мадам Чан Кайши оказалась тверже своего мужа). Рузвельт не жалел усилий на китайском секторе своей дипломатии. Он готов был провести с Чан Кайши столько времени, сколько тот способен вынести. Президент мобилизовал все свое обаяние, неотразимость которого уже стала легендой. Рузвельт хотел помочь Чан Кайши и во внутренних, и во внешних проблемах. Сохранилась только китайская запись бесед. Вечером 23 ноября 1943 года Рузвельт предложил Чан Кайши взять на себя главную роль в оккупации Японии и спросил польщенного главу гоминдана, следует ли сместить японского императора. Чан Кайши не был уверен в том, что Китай может исполнить миссию координатора союзной оккупации Японии. На вопрос, что делать с Гонконгом, Чан Кайши осторожно ответил, что следовало бы посоветоваться с англичанами.

У Рузвельта и его жены были противоположные впечатления от мадам Чан Кайши. Элеоноре Рузвельт она нравилась, а президент испытывал к ней сложные чувства. Элеонора делилась с дочерью: «Странным образом мужчины (включая ФДР) боятся ее. Она проницательна и умна, но поддается эмоциональному подъему, который передается окружающим». Чан Кайши с большим вниманием слушал, как его жена переводит речь Рузвельта на китайский, а Рузвельту не нравился ее любительский перевод. При всем этом Рузвельт был непреклонен в главном: в отличие от Черчилля он видел в будущем Китае большую силу и стремился за-

ранее заручиться китайской поддержкой в глобальном мировом строительстве. И хотя ему решительно не нравилась супруга Чан Кайши с ее привычкой примадонны хлопать в ладоши, когда ей что-либо было нужно, он рассчитывал на Китай как на глобального союзника.

Ситуация в Китае была сложной. Коммунисты сохраняли свой оплот на севере, а собственная армия гоминдана теряла дисциплину. Рузвельт обещал помочь советниками и оружием. Чан Кайши боялся, что с наступлением США на Японию со стороны Тихого океана китайско-японский фронт резко утратит свое значение и он (Чан Кайши) окажется в немилости у главного союзника. Рузвельт постарался заверить Чан Кайши в стратегической значимости их дружбы. На второй вечер он объявил генералиссимусу, что твердо намерен поднять роль Китая — ему будет предоставлено место среди четырех, определяющих положение дел в мире стран. Думая о Китае как о «своей карте» в мировой игре, Рузвельт пообещал в будущем вооружить 90 китайских дивизий.

Если, с точки зрения Черчилля, обещание Сталина выступить в Азии против японцев перекрывало необходимость в обхаживании Чан Кайши, то для Рузвельта никакие свидетельства неэффективности гоминдановского режима не имели особого значения. Он нуждался в Китае.

Рузвельт предложил Чан Кайши подписать декларацию, в которой были следующие слова: «Япония должна быть лишена всех территорий, которые она украла у китайцев, таких как Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова,— все они должны быть возвращены республике Китай». Чан Кайши просил Рузвельта уговорить Сталина прекратить помощь Мао Цзэдуну, и Рузвельт обещал. (Чан Кайши в свою очередь полагал справедливым и законным возвращение СССР Южного Сахалина и Курильских островов, а также превращение Дайрена (г. Дальний) в портофранко, чтобы компенсировать отсутствие у СССР незамерзающего торгового порта). Рузвельт обещал оказать давление на Черчилля, чтобы Британия возвратила Китаю Гонконг. Рузвельт также пообещал Китаю главенствующее место в послевоенной оккупации Японии, значительные репарации, налагаемые на страну-агрессора, передачу ему Тайваня. Рузвельт пошел даже дальше. Он предложил Китаю заключить после окончания войны двусторонний договор о безопасности.

Позиция американцев привела Чан Кайши в эйфорическое состояние. «Президент не откажет мне ни в чем,— говорил он лорду Маунтбеттену во время переговоров в Каире.— Он даст мне все, что я захочу». Мадам Чан Кайши выразилась еще более определенно и цветисто: «Мое сердце переполнено восхищением и благодарностью за все, что вы сделали». Супруги Чан Кайши уже видели себя национальными героями, возведшими Китай в ранг одной из величайших стран мира. Они были заворожены американскими предложениями. Если до войны гоминдановское руководство Китая пыталось использовать несколько вариантов такти-

ки (в том числе сближение с СССР, Японией и западноевропейскими странами), то теперь ставка была сделана на североамериканского гиганта.

Ограниченность возможностей Китая и пределы щедрости Америки обнаружились здесь же, в Каире. «Ослепнув» от рисуемых перспектив, Чан Кайши попросил Рузвельта предоставить китайским представителям право участвовать в работе англо-американского Объединенного комитета начальников штабов. Рузвельт сразу же отверг эту идею, как и идею создания двустороннего американо-китайского совета. Ни американцы, ни еще более англичане не хотели допускать китайцев (не говоря уже о русских) к выработке мировой стратегии. (Хороший пример того, каким англосаксы видели равенство «четырех полицейских», был продемонстрирован в том же Каире. Объединенный комитет начальников штабов несколько дней обсуждал роль Китая в будущей борьбе против Японии. Китайцы были рядом, но их допустили в зал заседаний лишь в самом конце. И о китайских ресурсах, о будущем китайском участии говорили не китайцы, а генерал Стилуэл и лорд Маунтбеттен.)

Вынужденный объяснять свою «адвокатуру» Чан Кайши Сталину, Рузвельт сказал, что он боится выхода Китая из войны. Едва ли это реалистичное объяснение. Китай практически не мог выйти из войны. Трудно было рассчитывать на внезапные решающие удары Японии, если она не сумела этого сделать, имея руки свободными в 1937—1941 годах. Трудно было предположить, что война, превратившаяся в источник доходов (материальных и политических) для верхушки гоминдана, будет ею прекращена. Нет, суть заключалась не в боязни «выпадения» Китая. Эта страна была нужна Рузвельту для участия в его главной мировой дипломатической игре, для использования ее против как реальных, так и возможных противников. «Во время и после войны,— справедливо пишет американский историк Р. Даллек,— Рузвельт рассчитывал на поддержку со стороны Китая в потенциальных политических спорах с Британией и Россией». «Посмотрите-ка, Уинстон,— говорил Рузвельт Черчиллю в Тегеране по поводу судьбы Индокитая,— Вы в меньшинстве: три против одного». Рузвельт полагал, что примерно через четверть века Китай поможет Америке «сдержать Японию». Рузвельт надеялся на помощь Китая и в нажиме на европейские метрополии, и в создании после войны новой системы мандатов на колонии. Он рассчитывал, что система опеки позволит Соединенным Штатам получить на долгий период военно-морские и военно-воздушные базы в стратегически важных точках Тихого океана. При этом у Рузвельта не было иллюзий относительно сопротивления главных западноевропейских стран. Своему советнику Ч. Тауссигу он говорил еще летом 1942 года: «После войны у нас будет больше трудностей с Великобританией, чем с Германией сейчас». Тот же Тауссиг мог убедиться в твердости империалистического курса Черчилля, когда, беседуя с ним, премьер-министр сказал: «Нации либо следуют своим традициям, либо умирают... До тех пор, пока я являюсь премьер-министром, мы будем держаться за эти традиции и за империю. Мы не позволим готтентотам при помощи всеобщих выборов выбросить белых в море».

Центр или периферия

На встрече в Каире в ноябре 1943 года, в дискуссиях с высшими американскими военными, Рузвельт услышал их однозначное мнение о дальнейшем ходе военных действий. Судьбы Европы решаются в Германии, а не на греческой периферии, поэтому, выигрывая второстепенные операции на Додеканесских островах, США могут потерять Германию, а с ней и всю Европу. Рузвельт распорядился ограничиться на Балканах действиями местного значения, которые не влияли бы на реализацию главного стратегического замысла. То, что беспокоило Рузвельта, записано в стенограмме от 19 ноября 1943 года: «Советы сейчас всего в 60 милях от польской границы и в 40 милях от Бессарабии».

Рузвельт приходит к выводу, что именно американские войска должны оккупировать Западную Европу. Так, совещаясь 22—26 ноября в Каире с Черчиллем и Чан Кайши, будучи под влиянием недавних алжирских перемен (в пользу укрепления позиций де Голля), Рузвельт выдвинул идею военной оккупации Франции. Эти планы отчетливо видны в письме президента Хэллу: «Я убежден, что окончательные решения и планы будущего гражданского устройства должны быть приняты сейчас... Де Голль присваивает себе право говорить от имени всей Франции сразу же после прибытия туда союзников. Я все более склоняюсь к мысли, что оккупация Франции должна быть чисто военной... Вы будете руководствоваться этим в дальнейшем». Практически это означало, что в предстоящие месяцы того горячего времени, когда готовился бросок за Ла-Манш, запрещалось вести переговоры с французами по вопросам управления Францией после ее освобождения.

Совершенно обнажает свои планы Рузвельт в письме министру обороны Стимсону. Он указывает, что военный департамент должен взять на себя ответственность за гражданские дела во французских районах в течение первых шести месяцев со дня их освобождения. Более резко и определенно президент теперь высказывает свои взгляды на будущность ряда французских колоний. В беседе с Чан Кайши он заявляет, что Франция «не получит права после войны вернуться в Индокитай и снова вступить во владение этой богатой страной». В Каире Рузвельт повторил Черчиллю, что, по его мнению, Франция не сможет восстановить прежние силы, что Индокитай не будет возвращен под ее контроль, что Дакар должен перейти под американскую опеку. Президент заявил, что в его планы входит лишение Франции прав также и на Марокко.

В ноябре 1943 года Рузвельт выдвинул перед Объединенным комитетом начальников штабов идею (в марте высказанную Идену) создания после окончания войны буферного государства между Францией и Германией под названием Валлония. Это государство должно было простираться от «Северной Франции, скажем, Кале, Лилля и Арденн по Эльзасу и Лотарингии, другими словами, от Швейцарии до морского побережья».

Со своей стороны, Черчилль уже начинал видеть опасность промедления с высадкой во Франции. Советская Армия могла проделать всю работу одна, и союзникам в этом случае трудно было бы претендовать на контрольные позиции в континентальней Европе. Черчилль, делая решающий шаг, объявил, что операция «Оверлорд» (высадка во Франции) должна занять первое место в списке оперативных приоритетов.

В целом ноябрьская встреча в Каире знаменует один из высших пиков американской уверенности в своей способности регулировать мировое развитие. Разрезая в День благодарения в компании с Черчиллем две огромные индейки, привезенные из Штатов, Рузвельт сказал: «Пусть у нас будет ощущение семейного дела». Наблюдая за танцующим Черчиллем, Рузвельт провозгласил тост: «Большие семьи обычно более тесно объединены, чем маленькие... В этом году вместе с представителями Соединенного королевства мы представляем собой большую семью, более сплоченную, чем когда бы то ни было прежде, я предлагаю тост за это единство». Не привыкший к тому, что его превосходят в умении говорить, Черчилль принял вызов. По воспоминаниям Гопкинса, «он начал медленно. Его предложения были очень необычно построены. Он остановился. Казалось, потерял нить. Наступила странная пауза. Он не сможет из нее выбраться, подумал я. И вдруг, довольно неожиданно, он подобрал слово — такое превосходное, такое блестящее, что сидящие вокруг разразились аплодисментами. Это была яркая демонстрация силы».

Вскоре, 27 ноября 1943 года, президентский самолет «Священная корова» взял курс из Каира на Тегеран. Президента сопровождали Гопкинс, адмирал Леги, посол США в СССР Гарриман. Хорошая видимость позволила Рузвельту наблюдать библейские земли — сразу за Суэцким каналом началась Синайская пустыня, затем показались Вифлеем и Иерусалим, а затем плоскогорье оборвалось зеленой долиной Тигра. Рузвельт попросил лететь пониже над Иерусалимом и Вифлеемом. «Все выглядит таким голым, я не хотел бы видеть Палестину своей родиной». К северу, по дороге Абадан—Тегеран осуществлялась перевозка грузов по ленд-лизу. Американское влияние ощущалось и здесь, на другом краю света. Как это могло не укрепить веру в американское всемогущество? Русский союзник остро нуждался в этих поставках, и недавно построенная железная дорога позволяла ускорить их получение.

На советской территории

После многочасового перелета президент Рузвельт впервые в жизни оказался в расположении Советской Армии. «Священная корова» совершила посадку на советском аэродроме в нескольких километрах от Тегерана, «на огромной равнине, с Тегераном и снежными пиками на севере... Огромная нищета кругом». Лишь

одну ночь провел Рузвельт в американской легации. Сообщения о заговоре против «большой тройки» были переданы советскими представителями через посла Гарримана, и Сталин предложил Рузвельту во избежание опасных разъездов по ночному Тегерану остановиться на территории советского посольства.

Президент был размещен в главном здании посольства, строении желтого цвета. Позднее Рузвельт объяснял Ф. Перкинс, что он остановился на территории советского посольства в Тегеране, именно желая возбудить «их доверие», утвердить «их уверенность» в американском союзнике. Рузвельт говорил, что провел жизнь в постоянных попытках поладить с людьми. И до сих пор это ему удавалось. Сталин не может отличаться чем-то принципиально. Даже если он не убедит его стать демократом, он сумеет выработать рабочие отношения. Сталин поселился в небольшом доме. Черчилль жил в английской легации по соседству. Сталин, умевший, когда он этого хотел, произвести впечатление, приложил в случае с Рузвельтом немалые усилия. Окружавшие президента вспоминают невысокого человека, широкие плечи которого заставляли забыть о его росте. Сталин в общении с Рузвельтом был весь внимание, но его безусловный такт ничем не напоминал подобострастие Чан Кайши.

Встреча Рузвельта со Сталиным произошла довольно неожиданно для президента. Он был в спальне, когда Сталин направился к центральному зданию посольства. Президента выкатили в большую гостиную, а в двери медленно входил невысокого роста человек в наглухо застегнутом кителе. По воспоминаниям телохранителя Майкла Рейли, «первая встреча с ним произвела шокирующее впечатление. Хотя он был низкого роста, но казался крупным человеком». Горчичного цвета военная форма блистала только что введенными в Советской Армии погонами. Позднее Рузвельт рассказывал сыну Эллиоту: «Он казался очень уверенным в себе».

После рукопожатий началась полуторачасовая беседа. Уже в ней Рузвельт постарался очертить контуры той политики, которая казалась ему оптимальной для двух величайших стран. Во-первых, он постарался довести до сведения Сталина свое мнение, что европейские метрополии потеряли мандат истории на владычество над половиной мира. Он говорил конкретно о необходимости вывести Индокитай из-под французского влияния, осуществить в Индии реформы «сверху донизу» («нечто вроде советской системы», на что Сталин ответил, что это означало бы революцию). Во-вторых, Рузвельт указал, что хотел бы видеть Китай сильным. Эти два обстоятельства уже круто меняли предвоенный мир. Рузвельт воспринял реакцию Сталина как понимание своей линии.

Рузвельт предложил обсудить общую военную стратегию. Сталин говорил о переводимых с запада на восток германских дивизиях. Рассчитывая на «Оверлорд», Рузвельт пообещал оттянуть с советско-германского фронта 30—40 дивизий. Рузвельт, постоянно имея в виду вопрос вступления СССР в войну против Японии, настолько ценил эту возможность, что категорически запретил своим военным поднимать данный вопрос первыми. Сам же он обсуждал со Сталиным лишь

отдаленные аспекты борьбы с Японией: наступление в Бирме, дискуссии с Чан Кайши в Каире. На этом раннем этапе Сталин не выказал желания поставить все точки над i, и Рузвельт отнесся к его сдержанности с пониманием.

В Тегеране оба лидера, и Рузвельт, и Сталин, ощутили растущую мощь своих держав.

Великая тройка

Заседания проходили в очень большой комнате советского посольства, по стенам которой висели ковры темного тона, а в середине стоял специально сделанный круглый стол с тяжелыми креслами вокруг.

Рузвельт председательствовал, он настоял на том, чтобы встреча проходила без жесткой повестки дня, в виде свободной дискуссии. Британскому переводчику майору Бирсу он показался прирожденным лидером. «С широкими плечами и красивой головой, он производил впечатление высокого сильного человека, и только коляска говорила о его физическом недостатке. Он лучился улыбкой по отношению ко всем за столом и выглядел очень похожим на доброго богатого дядюшку, наносящего визит своим более бедным родственникам. Во время разговора он часто снимал свое пенсне и размахивал им, чтобы усилить впечатление от слов. Говорил уверенно, словно чувствуя твердость почвы, и в то же время был готов слушать советы помощников, сидящих рядом. Его манеры были подкупающими, но мне все время хотелось узнать, что там прячется за этим умным лицом».

На первой пленарной встрече Рузвельт сделал обзор состояния дел на фронтах «с американской точки зрения» и предпочел начать с Тихого океана. После характеристики американской стратегии в войне против Японии он обратился к более важному, по его словам, европейскому театру военных действий. После полутора лет дискуссий западные союзники приняли в Квебеке решение помочь советскому фронту, осуществив высадку во Франции не позднее мая 1944 года. Обещание открыть второй фронт до 1 мая 1944 года президент все же считал нужным обусловить успехом операций в Италии и Восточном Средиземноморье. Неудачи здесь могли заставить отложить операцию «Оверлорд» на один—два месяца. Рузвельт указал, что США прилагают большие усилия и в североатлантической зоне, и в тихоокеанской. Он как бы косвенно оправдывал факт невыполнения Америкой ее конкретного обещания перед Советским Союзом. Затем президент поднял близкую ему в последние дни тему укрепления Китая — «четвертого», который не присутствовал на этом высшем уровне.

В своем выступлении Сталин заявил, что занятость на германском фронте не позволяет Советскому Союзу присоединиться к войне против Японии, но это будет сделано после победы над Германией. Что касается Европы, то оптимальным

для возобладания антигитлеровских сил было бы движение союзных армий со стороны Северной Франции к Германии. Италия как плацдарм наступления на Германию не годится, а Балканы в этом плане лишь ненамного лучше. Сталин спросил, кто будет главнокомандующим союзными войсками во Франции и, узнав, что назначения на этот пост еще не состоялось, выразил скепсис по поводу успеха всей операции. Рузвельт наклонился к адмиралу Леги: «Этот чертов большевик пытается заставить меня назначить главнокомандующего. Я не могу ему сказать, потому что еще не принял окончательного решения».

Черчилль, самый красноречивый среди присутствующих, заметил, что за круглым столом заседания сосредоточена невиданная еще в мире мощь. Черчилль был прав по существу, но эта мощь распределялась между тремя участниками уже неравномерно. По мере того как Советская Армия в жестоких боях разворачивала движение войны на запад, СССР становился одной из двух (наряду с США) величайших мировых сил. В то же время происходило относительное ослабление Британии.

На конференции сложилась такая ситуация, когда американская и советская делегации, выразив желание окружить Германию с двух сторон и достигнув еще утром первого дня взаимопонимания в вопросе о судьбе колониальных владений, выступили против тенденций, олицетворяемых Черчиллем. Премьер-министр при его исключительном чувстве истории понимал, что ведет арьергардные бои от лица всего западноевропейского центра силы, и постарался использовать даже минимальные дипломатические возможности. Черчилль не хотел идти напролом, он кротко согласился с тем, что высадка во Франции начнется в условленный срок. Но до означенной даты еще полгода. Следовало подумать о находящихся в руках возможностях. Месяц-два применительно к «Оверлорду» не меняют общего стратегического положения, но за это время можно многого добиться на юге Европы. На уме у Черчилля был нажим на Турцию, чтобы побудить ее вступить в войну против Германии, укрепление югославского плацдарма на Балканах.

Сталин, бережно относясь к достигнутому, как ему казалось, пониманию с американцами, резко выступил против Черчилля и его идей удара по «мягкому подбрюшью». С советской точки зрения Турция не выступит на стороне союзников. Слабейшим местом германской зоны влияния была Франция, именно там и следовало прилагать основные усилия. Американская и советская делегации совместно преодолели «балканский уклон» Черчилля. Но нужно сказать, что и у англичан, столь подозрительных в этом отношении, не возникло опасений по поводу советской политики на Балканах. По возвращении из Тегерана командующий британским генеральным штабом генерал Брук доложил военному кабинету об «очевидном отсутствии интереса у СССР к этому региону». Сталин сказал, что его страна наполовину не заселена, у русских много дел у себя дома, и у него нет стремления овладеть Европой. Черчиллю он напомнил время его борьбы с ком-

мунизмом. Пусть премьер не беспокоится: теперь-то русские знают, как трудно установить коммунистический режим.

Рузвельту хотелось показать Сталину, что он не собирается отрезать русских от Восточной Европы. В конце первой сессии, после очередного словесного столкновения Черчилля и Сталина, Рузвельт выступил однозначно против откладывания «Оверлорда» за счет средиземноморских операций. Ту же идею он подчеркнул на следующий день, в начале второй пленарной сессии конференции. Оставленный американцами, Черчилль был прижат к стене вопросом Сталина: «Верит ли премьер в «Оверлорд» или говорит это лишь для успокоения русских?» У англичан не оставалось выбора: 30 ноября Черчилль официально поддержал высадку в Северной Франции в мае 1944 года.

Лидеры трех величайших стран, решив главный насущный вопрос, могли немного заглянуть в будущее. Рузвельт высказал заинтересованность в послевоенной оккупации части Европы американскими войсками. Географически его интересы простирались на северо-западную Германию, Норвегию и Данию. Видимо, Рузвельт полагал, что эти страны и области наиболее стабильны политически, наиболее важны стратегически и послужат плацдармом для расширения американской зоны (порты Северной Атлантики, кратчайший путь из США, возможность продвижения на уязвимый европейский юг). Он рассчитывал иметь в Европе оккупационные силы численностью в миллион человек. Сколько времени они будут там стоять, представляло собой фактор неизвестности. Пока речь шла об одном-двух годах. Если в Европе возникнет угроза миру, то США вышлют к ее берегам корабли и самолеты, а СССР и Британия выставят контингент сухопутных войск. Такой стиль обсуждения проблем будущего не был для Рузвельта спонтанным. Он полагал, что подобное совместное планирование рождает и укрепляет взаимное доверие. Рузвельт желал выглядеть надежным союзником (и очевидно, он добился своего).

Не может пройти незамеченным и то обстоятельство, что Рузвельт демонстративно принимал сторону Сталина в его спорах с Черчиллем. Одновременно он убеждал Черчилля: «Именно потому, что русские — простые люди, было бы ошибкой полагать, что они слепы и не видят того, что находится перед их глазами». Речь шла о том, что русские, разумеется, замечают все оговорки, направленные на затягивание открытия второго фронта. Видя Сталина мрачным, Рузвельт начинал подшучивать над Черчиллем по поводу его привычек. « Я начал отмечать все британские черты Черчилля, образ Джона Булля, его сигары, его манеры. Уинстон покраснел, и чем сильнее он краснел, тем больше Сталин смеялся. Наконец Сталин разразился глубоким и глухим смехом, и впервые за три дня я увидел свет,— так рассказывал президент о тегеранской встрече Ф. Перкинс.— ...В этот день он, смеясь, подошел ко мне и пожал мне руку. С этого времени мы наладили личные отношения. Лед тронулся...»

На вечернем заседании первого дня (на ужине «большой тройки» в американской резиденции) Рузвельт и Сталин солидарно осудили прогнивший политичес-

кий строй Франции. Рузвельт сказал, что следовало бы запретить лицам старше сорока лет входить в состав будущего французского правительства. Сталин дал понять всем присутствующим, что германская проблема беспокоит СССР более всего, здесь должно быть найдено надежное решение. Возникло недоразумение, когда Рузвельт предложил установить международную опеку над выходом Германии к Балтийскому морю: Сталин понял так, что американцы хотят опеки над балтийскими государствами, и высказался категорически против. Чтобы непонимание не омрачило общий ход дискуссий, в процессе которых президент хотел добиться рабочего контакта с СССР, Рузвельт предложил объявить перерыв — была уже глубокая ночь. Это желание Рузвельта найти общий язык со Сталиным наводило на Черчилля черную меланхолию. (Уже тогда начал зарождаться миф об «уставшем» президенте. Что это было не так, показало следующее утро, когда Рузвельт, очевидно для всех, находился в своей лучшей боевой форме.)

Утром Черчилль попытался укрепить «западный фронт» — он послал Рузвельту приглашение позавтракать вместе. С точки зрения Рузвельта, это было бы одиозной демонстрацией западного сговора перед самыми существенными переговорами с советской стороной, и он категорически отказался. Более того, после завтрака Рузвельт уединился именно со Сталиным и Молотовым.

Эта беседа Рузвельта со Сталиным на второй день конференции была, пожалуй, самым важным эпизодом тегеранской встречи. Президент поднял вопрос о создании всемирной организации. В нее вошли бы 35—40 государств, которые периодически собирались бы в разных местах и вырабатывали рекомендации по актуальным вопросам. Исполнительный комитет, в который входили бы четыре великие державы, уполномочен решать все вопросы, кроме военных. Лишь «четыре полицейских» имели бы полномочия «воздействовать немедленно на любую угрозу миру». Не маскируя своих суждений, Сталин высказался по поводу тех пунктов плана президента, которые казались ему сомнительными. Открытое выделение четырех гегемонов исторического развития может не понравиться всему остальному миру. Западноевропейские нации, для которых эта идея означает утрату ими положения центра мирового влияния, сразу же выступят против.

Чтобы заставить Западную Европу принять своего рода опеку четырех великих держав, американцам придется держать здесь войска. На этот счет есть сомнения, американский конгресс, как и прежде, может похоронить эту идею. (В этом месте Рузвельт нашел нужным согласиться: да, его схема, пожалуй, потребует наличия американских войск в Европе, а убедить американский конгресс в этом будет непросто.) Что касается Китая, то с его, Сталина, точки зрения, американцы выдают желаемое за действительное. Китай еще слишком слаб, децентрализован, экономически зависим, и мировая роль может оказаться ему не по силам. Рузвельт не согласился с таким суждением о Китае. Идея «четырех полицейских» в мире была ему слишком дорога. И в описываемых беседах он старался показать, что ис-

ходит из чистого реализма: «Китай представляет собой нацию в 400 миллионов человек, и лучше иметь ее другом, чем потенциальным источником несчастий».

Рузвельт чрезвычайно откровенно описал способ сохранения мира. «Америка будет посылать в Европу самолеты и корабли, а Британия и Советский Союз выставят в случае возникновения угрозы миру наземные армии... Есть два метода обращаться с возможной угрозой миру. В первом случае речь идет о революции или перевороте в небольшой стране; тогда можно будет применить метод карантина, закрыв все границы данного государства и введя эмбарго. Во втором случае, если угроза будет более серьезной, четыре великие державы, действуя как полицейские, пошлют ультиматум угрожающей другим нации, а если это не подействует, начнут бомбардировку и вторжение в данную страну».

Рузвельт полагал, что западноевропейские «великие» страны потеряют свои колонии и после войны станут тем, чем они являются — средними по величине индустриальными государствами. (Президент был настолько уверен в их упадке, что осенью 1943 года даже сомневался в необходимости военными силами утвердиться в прежнем центре мирового могущества.) В Тегеране Рузвельт сказал Сталину, что США «очень бы не хотели» поддерживать военное присутствие в послевоенной Европе. Сомнения и опасения Рузвельта вызывала лишь Франция, и он откровенно говорил о том, что Соединенным Штатам «наверное, определенно придется держать несколько дивизий во Франции».

Сталин заявил, что малые страны будут противиться руководству больших. Европейские государства, к примеру, безусловно воспротивятся контролю над их делами китайцев. Не лучше ли создать региональные комитеты? Рузвельт скептически отнесся к такому дроблению — оно могло привести к возникновению региональных блоков. Выйти из истории как лабиринта войн можно только с помощью всемирной организации. При этом Рузвельт был предельно обходителен и никоим образом не подталкивал партнера к изменению взглядов. В последний день конференции он сказал Сталину, что все соображения относительно всемирной организации сугубо предварительные и подлежат дальнейшему обсуждению. И тогда же Сталин, идя навстречу, ответил, что идея всемирной организации кажется ему привлекательней, чем региональное группирование.

На чем Сталин твердо стоял, так это на том, что против возможности агрессии со стороны Германии и Японии в будущем следует создать эффективные противодействующие механизмы. Рузвельт полностью поддержал своего собеседника. Он предложил, чтобы части старых колониальных империй — Индокитай и Новая Каледония, вызывающие опасения Австралии, а также Дакар, который, «будучи в ненадежных руках, представляет угрозу Америке», были взяты под опеку заинтересованных стран.

Стараясь продемонстрировать внимание к проблемам, беспокоящим Советский Союз, Рузвельт предложил взять места входа в Балтийское море «под некую

форму опеки, возможно, международного характера, поблизости от Кильского канала, для того, чтобы обеспечить мореплавание по всем направлениям». Во время общей дискуссии, когда Черчилль в одном из своих пассажей выразил надежду «увидеть русский флот, как военный, так и торговый, на всех морях мира», Рузвельт еще раз обратился к идее интернационализации ключевых пунктов Балтийского моря. Он предложил превратить старые ганзейские города Гамбург, Бремен и Любек, как и Кильский канал, в свободную зону. На Дальнем Востоке Рузвельт предложил сделать международным порт Дайрен (Дальний) и даже сказал, что китайцы не будут против этого возражать. Черчилль подвел итог: «Нации, которые будут править миром после войны, должны быть удовлетворены и не иметь территориальных или других амбиций... Опасны голодные и амбициозные страны, ведущие же страны мира должны занять позиции богатых и счастливых».

Как бы ни разнились взгляды Рузвельта и Сталина, но по двум главным вопросам (Западная Европа и Китай) они были ближе друг к другу, чем к позиции Черчилля. И это обусловило определенное отчуждение американцев и англичан, сближение СССР и США на частично антибританской платформе. Особенно отчетливо это проявилось на третий день конференции. Именно тогда, 30 ноября 1943 года, в день рождения Черчилля, стало ясно, что две великие новые силы пришли на смену европейским державам. В словесных схватках Рузвельта и Сталина по поводу второго фронта, наказания германских военных преступников все больше ощущалось сближение американской и советской позиций. Черчилль, пряча за очками лихорадочный блеск глаз, пускался в пространные словесные экскурсы, демонстрировал неутомимость и красноречие, даже прибег к церемониальным зрелищам, передав Сталину от короля Георга VI «меч Сталинграда». Интуиция подсказывала ему, что за столом происходит могучее дипломатическое смещение сил, СССР и США постепенно занимают единые позиции по основным мировым вопросам.

Во время празднования дня рождения Черчилля виновник торжества восхвалял Рузвельта и рассыпался в комплиментах Сталину. Рузвельт поднял бокал за доблесть Красной Армии. После всего этого Сталин поднялся со своего места: «Я хочу рассказать вам, что, с русской точки зрения, президент и народ Соединенных Штатов сделали для победы в войне. Самое главное в этой войне — машины. Соединенные Штаты показали, что они способны создавать от восьми до десяти тысяч самолетов в месяц. Россия может производить, самое большее, три тысячи самолетов в месяц. Англия производит от трех до трех с половиной тысяч... Именно поэтому Соединенные Штаты можно назвать страной машин. Не имея этих машин через систему ленд-лиза, мы проиграли бы войну».

Итак, Сталин предложил тост за производимое американцами оружие, за их самолеты, без которых «война была бы проиграна». Это было первое и весьма красноречивое выражение официальной благодарности советского руководства за поставки по ленд-лизу. Ко времени Тегерана Соединенные Штаты снабжали совет-

скую армию двумя третями имеющейся у нее автомобильной техники и, по американским оценкам, половиной (явное преувеличение.— *А.У.*) ее самолетов. США в 1943 году предоставили СССР более 5 тысяч истребителей, много нефти и автопокрышек. 13 миллионов советских солдат (американские оценки) получили от Америки зимнюю обувь и униформу, миллионы тонн продовольствия. При этом следует учесть, что 12 процентов американских кораблей с грузами для России были потоплены немцами.

Нет никаких сомнений в том, что шаг Сталина был своевременным и эффективным. Рузвельт не мог не оценить рассчитанного прямодушия своего восточного партнера, прямо заявившего (единственный, но важный раз), что без помощи по ленд-лизу победы на советско-германском фронте были бы невозможны. Ни тогда, ни сейчас нельзя умалить значение того, что благодаря «студебеккерам» и «виллисам» Красная Армия стала много мобильнее, что американские истребители пришли в нужный час. Нельзя также не оценить хода Сталина, сумевшего использовать благодарность в дипломатической игре.

В два часа ночи Рузвельт попросил о чести сказать последний тост. «У каждого из нас своя собственная философия, собственные обычаи и образ жизни. Но мы доказали здесь, в Тегеране, что отличные друг от друга идеалы наших наций могут быть совмещены в единое гармоничное целое в ходе движения вместе к благополучию всего мира, увлекая нас к общему благу».

На следующий день Рузвельт заговорил с англичанами незнакомым до сих пор тоном. Президент прошелся по привычкам Черчилля, а Сталина назвал дядюшкой Джо. Англичане с трудом переносили этот новый климат в переговорах.

Впервые на совещаниях «большой тройки» Рузвельт предавал гласности свои идеи относительно будущего Германии. До этого он определил позиции в этом вопросе в своем выступлении перед Объединенным комитетом начальников штабов в Каире, предложив разделить Германию на три отдельных независимых друг от друга государства. К южному германскому государству должны были отойти все немецкие территории к югу от реки Майн. Второе государство должно включать северо-запад Германии, Гамбург, Бремен, Ганновер, простираясь на восток до Берлина. Северо-восточное государство состояло бы из Пруссии, Померании и южных областей. В Тегеране Рузвельт изменил эту схему, предложив Сталину и Черчиллю создать уже пять отдельных государств плюс два особых самоуправляемых региона (один — Киль и Гамбург, второй — Рур и Саар), но под международным контролем.

Черчилль выступил против схемы президента. Он явно боялся оставить СССР сильнейшей европейской страной, его предложения были направлены на то, чтобы сделать значительную часть Германии мощным крупным государством. Он «шел на уступку» в том, что Пруссию следует изолировать от остальной Германии. Но Бавария, Баден-Баден, Вюртемберг, Палатинат и Саксония должны войти во

вновь образуемую конфедерацию «дунайских государств». Не было сомнений в том, что подобное дунайское государство стало бы мощной силой, а германский элемент в нем, безусловно, доминировал бы. Сталин немедленно указал на это. Черчилль тотчас же высказал свои опасения по поводу Европы, где Советскому Союзу противостояли бы лишь малые и слабые государства. В наступившей пикантной паузе президент Рузвельт совершил своего рода революцию, заявив, что «согласен с маршалом... Германия была менее опасной для цивилизации, когда состояла из 107 провинций». Разумеется, эта поддержка Рузвельта была высоко оценена Сталиным. Все же трехстороннее согласие по поводу будущего Германии в Тегеране достигнуто не было, и дело решили передать в Европейскую совещательную комиссию, основанную во время московской конференции.

Протоколы Тегерана позволяют сказать следующее: здесь наметилось подлинное советско-американское понимание в отношении Германии. Ее следовало поставить в положение, при котором она перестанет быть возмутителем европейского мира и источником агрессии. Рузвельт показал, что понимает опасения СССР в отношении Германии как державы, дважды в XX веке ставившей под угрозу существование России. Этот момент более всего способствовал советско-американскому сближению на данном этапе.

Второй важнейший момент касался «польского вопроса». Через несколько часов после утреннего заседания второго дня Рузвельт пригласил Сталина на двустороннюю встречу. Президент попытался найти решение проблемы, которая самым очевидным образом разделяла две великие державы. Он сказал Сталину, что приближаются очередные президентские выборы и он собирается баллотироваться на третий срок. В США живут около 7 миллионов американцев польского происхождения, их голоса для победы демократической партии крайне необходимы. Как практичный политик, он будет драться за эти голоса. Лично он, Рузвельт, согласен со Сталиным, что польское государство должно быть восстановлено и что его восточные предвоенные границы должны быть отодвинуты на запад, а западные перемещены вплоть до Одера, но обстоятельства избирательной борьбы не позволяют ему открыто высказываться по вопросу о границах. Сталин ответил, что понимает проблему президента.

Рузвельт решил пойти по второму кругу по той же схеме, но уже имея в виду литовцев, латышей и эстонцев. Американцы считают важнейшим право этих народов на самоопределение. Он лично полагает, что жители трех прибалтийских республик на выборах выскажутся за присоединение к СССР. Сталин ответил, что эти республики не имели никакой автономии в царской России, которая была союзницей Британии и Соединенных Штатов, и никто не поднимал тогда подобного вопроса. Он не понимает, почему союзники это делают сейчас. Идя примирительным курсом, Рузвельт сказал, что общественность в США попросту не знает и не понимает этой проблемы. Сталин заметил, что публику следовало бы просветить. Вечером, затрагивая самые чувствительные струны, Рузвельт выразил на-

дежду, что СССР восстановит дипломатические отношения с лондонским правительством поляков. Однако Сталин считал его не более, чем комитетом, не выражающим воли населения страны.

Важно подчеркнуть, что «подкупающим» Сталина обстоятельством было то, что Рузвельт не ставил польский вопрос во главу угла. В данном случае надо вернуться на несколько недель назад, когда Рузвельт так объяснял свое отношение к претензиям лондонского правительства поляков. «Я сказал: вы что думаете, они (русские.— *А.У.*) остановятся, чтобы сделать приятное вам или нам в этом вопросе? Вы что ожидаете, что Великобритания и мы объявим войну дяде Джо, если они пересекут вашу старую границу? Даже если бы мы хотели этого, Россия могла бы выставить армию вдвое больше наших объединенных сил, и у нас просто не было бы шансов вмешаться в эту ситуацию. Что еще важнее, я не уверен, что честный плебисцит, если он здесь возможен, показал бы, что эти восточные провинции не предпочтут возвратиться к России. Да, я действительно полагаю, что границы 1941 года являются столь же справедливыми, как и любые другие».

Дело не ограничилось внутренними обсуждениями. В Тегеране и Рузвельт, и Черчилль одобрили намерение Советского Союза изменить границы между СССР и Польшей. Черчилль это сделал в первый же день встречи, вечером. Рузвельт тогда выждал паузу. Но в последний день конференции он абсолютно недвусмысленно заявил Сталину, что одобрил бы перенос восточной польской границы на запад, а западной польской границы — до реки Одер. Правда, Рузвельт сделал оговорку, что потребность в голосах польских избирателей на президентских выборах 1944 года не позволяет ему принимать решение «здесь, в Тегеране, или наступающей зимой». Склонившись над картами, Черчилль и Сталин обозначили то, что Черчилль назвал «хорошим местом для жизни поляков», их новые границы. Рузвельт фактически присоединился к их выводам.

Именно как достижение компромисса воспринял Рузвельт советско-американское понимание на конференции всех основных вопросов. Эта идея отражена в едином коммюнике и во всех последующих комментариях президента. И когда Рузвельт 3 декабря вылетел из Тегерана в Каир, он был доволен. Его план продвижения к искомому послевоенному миру реализуется. Он установил рабочие отношения с СССР, нащупал возможности компромисса по польскому вопросу, нашел в СССР понимание относительно будущей роли Китая, Западной Европы, проектов построения, отличного от предвоенного мира. Обещание СССР выступить против Японии облегчало выполнение азиатских планов Америки. Дела шли желаемым образом.

Лорд Исмей записал, что «Рузвельт явственно был доминирующей фигурой конференции. Он выглядел воплощением здоровья, находился в лучшей своей форме, говорил веско, примирительно и несколько покровительственно... Черчилль, наоборот, страдал от безжалостной простуды, разражался бронхиальным кашлем, хотя, когда это было нужно, его ум триумфально побеждал материю и он достойно

вносил свою лепту». Сталина Исмей описывает поглощенным собой, как бы отрешенным от происходящего: в блокноте он рисовал странные волчьи головы.

У присутствующих все больше складывалось впечатление, что в Тегеран Рузвельт прибыл ради сближения со Сталиным: «Я сделал все, что он просил меня сделать. Я остановился в его посольстве, приходил на его обеды, был представлен его министрам и генералам. Он был корректен, сдержан, торжественен, неулыбчив... Тогда я начал говорить со Сталиным доверительно. Прикрывая рот ладонью, я сказал ему: «Уинстон сегодня не в себе, он встал с левой ноги». Легкая улыбка мелькнула в глазах Сталина, и я решил, что вступил на нужную тропу...»

Итоги Тегерана

Полагаем, не будет ошибкой сказать, что в ходе тегеранской встречи «большой тройки» Рузвельт внес коррективы в свою стратегическую схему «четырех полицейских». Сущность этих корректив заключалась в выводе президента о возможности тесных и взаимовыгодных советско-американских отношений в будущем. Мир, в котором США и СССР станут друзьями, определенно виделся как более стабильный, более упорядоченный. Две сверхмощные державы, найдя общий язык, самым надежным образом гарантировали бы мир от войны.

Президент ощущал успех, он покинул Тегеран, будучи убежденным, что его стратегическая линия в мировой дипломатии начала реализовываться в своих самых существенных аспектах. Теперь, в свете тегеранских договоренностей, он гораздо меньше опасался американских изоляционистов (страх перед которыми, порожденный в 1919—1921 и 1935 годах, постоянно его преследовал), он верил, что сумеет убедить конгресс и общественность в необходимости выхода США на мировые позиции. На пути домой 9 декабря 1943 года Рузвельт сообщил жене: «Предстоит двенадцатичасовой перелет, который я ненавижу. Но в целом мы добились успеха».

Далекий от этого оптимизма Черчилль сказал Идену, Морану и послу в Москве Керру: «Может быть еще одна кровавая война. Мне не хотелось бы видеть ее. Я хотел бы проспать. Я хотел бы спать на протяжении миллиарда лет». Его врач отметил охватившую премьера и столь нехарактерную для него черную меланхолию. Несмотря на явное физическое истощение, Черчилль отправился в Италию к командующему западными войсками генералу Г. Александеру. «Он может быть нашей последней надеждой на спасение. Мы должны что-то делать с этими проклятыми русскими.»

Идейная установка Рузвельта в данном случае была противоположна «рижской аксиоме» — предположению, что СССР руководствуется идеей победы коммунизма во всей Европе. Рузвельт выработал собственное представление о сути советской внешней политики. Он исходил из того, что СССР готов к коллек-

тивному сотрудничеству в послевоенном мире, что он может быть лояльным партнером и достижение этого партнерства соответствует американским интересам.

У президента уже не возникало желания вызывать для закрытых бесед Чан Кайши, он был гораздо более холоден и менее уступчив с англичанами. Китайцы не получат всей обещанной прежде помощи. А вот подготовка высадки во Франции, которая даст американцам контроль над Западной и Центральной Европой, должна быть ускорена. В Чунцине Чан Кайши почувствовал, что его акции падают. Это видно из телеграммы генералиссимуса высокому американскому покровителю во время второй каирской конференции англо-американцев. Чан Кайши писал, что союзники оставляют Китай беззащитным перед механизированной мощью Японии.

Жесткость Рузвельта в Каире (на обратном пути из Тегерана) выразилась, помимо прочего, в том, что он в одностороннем порядке принял решение о назначении главнокомандующего войсками союзников на Западе. Им будет генерал Эйзенхауэр. И когда президент и премьер-министр подъехали к статуе Сфинкса, смотревшего на них «с высоты сорока столетий», в их отношениях чувствовалось напряжение, Рузвельт молчал, когда Черчилль говорил о размножающихся как мухи русских, которые превзойдут по численности белое население Англии и Соединенных Штатов.

17 декадря Рузвельт прибыл в столицу, посвежевший, загоревший как никогда, перед официальными чиновниками он появился в синей рубашке и свитере. Ближайшие сотрудники свидетельствуют, что президент, проделавший 17 442 мили пути, никогда не выглядел более удовлетворенным и уверенным в себе. (Черчилль почти умирал от пневмонии, а Рузвельт оживленно делился впечатлениями.) Он был доволен тем, что 70 процентов участников опросов одобряли характер ведения им войны. Не задерживаясь в Белом доме, он выехал в Гайд-Парк, чтобы впервые за годы президентства встретить Рождество не в официальной резиденции, а с самыми близкими ему людьми: Элеонорой, Анной, ФДР-младшим и внуком Джонни. Дочь Анна: «Мягко переходящие друг в друга холмы, традиционное чтение Диккенса... Не было снега, но стояла холодная, ясная и сухая погода, все пруды, водопады и потоки полностью замерзли». На морозном воздухе в жилах быстрее текла кровь. И речь Рузвельта в сочельник по радио дышала невиданным еще оптимизмом. Он объявил, что поручил Эйзенхауэру атаковать противника «с нашей стороны компаса» навстречу победоносным войскам русских. Рузвельт сообщил американскому народу, что нашел общий язык с маршалом Сталиным. «Я полагаю, что мы найдем общую линию поведения с ним и русским народом.» В этом выступлении президент заверил американцев, что они «могут смотреть в будущее с подлинной, обоснованной уверенностью», что «мир на земле, добрая воля в отношении народов могут быть утверждены и обеспечены... В Каире и Тегеране мы посвятили свои усилия выработке планов по созданию такого мира, который единственно может быть оправданием всех жертв войны».

Заметим, помимо прочего, что на Рождество 1944 года, когда Ленинград терял последние силы, американские покупки на 60 процентов превысили уровень лет «самых тучных коров» —поздних 20-х годов. Американская индустрия не только поставила феноменальное количество техники, но и развернула невиданный выпуск потребительских товаров.

Уже через два дня после Рождества Рузвельт возвратился в Белый дом и созвал очередную пресс-конференцию. Главной темой было то, что страна, пораженная недугом — экономической депрессией, наконец-то встала на ноги. «Два года назад, после того как больной пациент (США.— *А.У.*) пришел в себя, оказалось, что он попал в жестокую аварию... 7 декабря он попал в катастрофу — сломал бедра, разбил ногу, сломал руку, сокрушил кисть. Некоторые люди думали, что ему уже не жить. Старый доктор «Новый курс» не знал, как лечить разбитые ноги и руки. Он знал достаточно много о внутренних болезнях, но ничего не знал о новой болезни. Поэтому он призвал своего партнера, доктора ортопеда «Выиграть войну», чтобы тот взял на себя заботу о пациенте. И в результате больной снова встал на ноги. Отложил в сторону свои костыли. Двинулся вперед, в наступление.» Речь не идет о том, чтобы отказаться от достижений доктора «Новый курс» — минимальной зарплаты, социального страхования, защиты работающих, регулирования рынка. Речь идет о том, чтобы видеть и решать насущные проблемы, не быть рабами старых лозунгов. То, что годилось для пораженной депрессией Америки 30-х годов, вовсе не годилось для находящейся в состоянии бума Америки 40-х. Раньше не было рабочих мест, ныне не хватает рабочей силы. Контроль над сельскохозяйственным производством снят. А мир просит производить больше и больше.

Журналист Реймонд Клеппер писал в 1943 году: «Война дала каждому работающему высокооплачиваемое рабочее место, освободила от зависимости в отношении благотворительности и посредством рационирования подточила силу высшего класса — богатые люди теперь имели право покупать не более того, что и небогатые. Другими словами, обычный человек посредством войны стал получать больше, чем посредством «Нового курса».

Ряду социальных реформаторов, к которым примыкала Элеонора Рузвельт, этот отход от «Нового курса» виделся регрессом. В Белом доме шли бурные обсуждения. Только время могло показать, необходимо ли Америке отказываться от социальной практики 30-х годов. Испытывая сходные опасения, Рузвельт в послании «О состоянии страны» (от 11 января 1944 года) предусмотрел ряд новых экономических и социальных мер: увеличение налогов, пересмотр военных контрактов (чтобы ограничить сверхдоходы), новое регулирование продовольственного рационирования, закон о национальной службе. Мир услышал «старого» Рузвельта, напомнившего о сострадании посреди бума: «Мы не можем позволить себе такого положения, при котором значительная доля нашего населения плохо питается, не имеет хорошего жилья и социально не защищена... Мы должны ясно понимать,

что не может быть подлинной индивидуальной свободы без экономической обеспеченности граждан, их экономической независимости». Люди, которыми владеет нужда, не являются свободными. Люди, голодающие и не имеющие работы,— это благодатная почва для диктатуры. Необходим второй (после джефферсоновского) билль о правах, на этот раз экономических: на полезную и дающую отдачу работу; на заработную плату, обеспечивающую достаточное питание, одежду и отдых; на достойное человека жилье; на достойное медицинское обслуживание, защиту пожилых и безработных; на хорошее образование.

Как пишет Джеймс Макгрегор Бернс, «в течение десятилетий фатальная и ложная дихотомия — свобода или безопасность, свобода или равенство — подрывала американскую общественную мысль и тормозила способность нации бороться с депрессией и нищетой. Теперь Рузвельт утверждал, что человеческая свобода и коллективное благосостояние не только совместимы, но являются взаимоукрепляющими основаниями американского общества».

Расширение государственных прерогатив привело, разумеется, к увеличению государственного долга, который составил 43 процента валового национального продукта США.

Напряжение войны

Весной 1944 года Рузвельт впервые за многие годы почувствовал слабость: « Я хотел бы спать и спать, хочу спать двенадцать часов в сутки». Бернард Барух пригласил его в свое имение Хобкау — просторный каменный особняк на холме, смотрящий на реку Ваккамау в Южной Каролине. Рузвельт прибыл к Хобкау в пасхальное воскресенье 9 апреля. Накануне секретная служба построила пирс у реки, упростила въезд в дом, создала специальное приспособление для выхода из дома в случае пожара. Вместе с президентом приехали доктора Макинтайр и Брюэнн, Па Уотсон и адмирал Леги. Сопровождавшие президента журналисты остановились в отеле «Принц Джордж» — в восьми милях, но обещали молчать о присутствии президента.

Это было хорошее время для того, чтобы отойти от государственных дел. Архитектурно совершенный дом был окружен 23 акрами полей и лесов с ручьями и прудами. Рузвельт просыпался в девять тридцать утра и ложился спать в девять тридцать вечера. Утром он читал газеты и корреспонденцию. После ланча ловил рыбу. В дождливые дни ездил по именью, любовался ухоженными цветниками, наблюдал за оленями. В шесть вечера — коктейль, а в семь — ужин.

Именно в Хобкау доктор Брюэнн ближе познакомился со своим пациентом: «Я не встречал в своей жизни человека, излучающего большее обаяние. Во время ланча и обеда он оживленно беседовал, рассказывал удивительные истории, вспо-

минал прошлое, обсуждал текущие дела, вовлекал в беседу всех. Он был блистательным рассказчиком».

Через две недели в Хобкау вместе с премьер-министром Австралии Джоном Куртином и президентом Коста-Рики Теодоро Пикадо прибыли Элеонора и Анна. Рузвельт чувствовал себя значительно лучше. «Я сидел на солнце, ни разу не раздражался и позволял миру идти своим путем.» Гопкинсу он писал: «Я снизил свою норму до полутора коктейлей в течение вечера и ничего более — никакого дополнительного «хайбола» или рюмки на ночь. Я снизил норму сигарет с двадцати-тридцати до пяти-шести в день». В «Нью-Йорк таймс» Анна О'Хара заметила, что эти президентские каникулы — «хорошая новость для американского народа, поскольку Рузвельту понадобится вся сила, безмятежность и твердость духа для свершений, которые предстоит осуществить в будущем». Хассет описал президента «коричневым, как ягода, излучающим уверенность, утверждающим, что он полностью восстановил силы». Дочь Анна все время была рядом с отцом, не позволяя ему работать более шести часов в день. Она следила за ним с момента, когда он просыпался, и до отхода ко сну. Лишь несколько встреч за день — обязательное правило уик-энда.

Рузвельту предстоял напряженный год. Завтрак под магнолией и ранний отход ко сну нужны были для поддержания здоровья президента и реализации его идей в тот решающий период, когда ослабление Германии и Японии решительно изменило соотношение сил в мире.

Самые большие за все время пребывания на посту президента каникулы для Рузвельта окончились утром 23 апреля 1944 года.

Главное, чем жила Америка в мае 1944 года,— это ожидание вторжения ее армии в Европу. Рузвельт пытался скрыть волнение, погружаясь в ежедневную работу, однако это ему плохо удавалось. Секретарь Грейс Тулли отмечала: «Каждое движение его лица и рук свидетельствовало о сжатом в пружину нервном напряжении». Все ли было сделано? Индустриальные центры страны полностью перешли на военное производство, поток техники двигался к южным портам Англии. Транспорты охранял теперь самый большой в мире флот — 900 военно-морских кораблей, включая 9 линейных, 23 тяжелых крейсера, 104 эсминца.

Рузвельт намеревался прибыть в Англию, чтобы следить за вторжением на континент. Ему хотелось быть в эти дни рядом с Эйзенхауэром и Черчиллем. Премьер-министр ждал его: «Наша дружба для меня — величайшая опора среди усложняющегося круга обстоятельств». Но состояние здоровья воспрепятствовало поездке в Англию. Он отправился в поместье Кенвуд, близ Шарлотсвила (в двух часах езды на юг от столицы). Именно здесь, расположившись в небольшом, но элегантном доме, он готовил речь по поводу предстоящего решительного вмешательства США в европейские дела. Элеонора не последовала за ним, полагая, что ее собственная нервозность осложнит внутреннее состояние мужа в критиче-

ский момент. Вместе с Рузвельтом в Кенвуд (подальше от прессы, которой президенту пока нечего было сказать) отправилась его дочь Анна с мужем. Втроем они работали над предстоящим обращением к нации.

В эти напряженные дни Элеонора Рузвельт в своей традиционной газетной колонке опубликовала письмо женщины, сын которой, служивший в военно-морском флоте, был убит в боях с японцами. «Было бы неплохо,— писала женщина,— если бы вы или ваш муж оказались пораженными какой-нибудь смертельной болезнью. Бог всегда так или иначе наказывает порочных людей». В ответ Элеонора писала отчаявшейся женщине: «Ни я, ни мой муж не начинали этой войны, но я хорошо понимаю ваше горе». Элеонора Рузвельт писала, что ее муж лучше других способен понять трагизм переживаемого времени, «так как, страдая от полиомиелита, он стал лучше других ощущать, что необходимо сделать в отчаянной обстановке».

Президент Рузвельт, для которого наступили решающие месяцы в его гигантской попытке изменить структуру мира, с волнением ждал новостей из Бретани. Все, кто находился рядом, отмечают колоссальное напряжение, отражавшееся на лице президента. Его руки заметно дрожали. Рядом с кроватью лежал молитвенник. В Кенвуде Анна убедила отца написать речь, посвященную высадке на континенте, в форме молитвы. Вскоре после получения сообщений о готовности войск сделать бросок на континент он вернулся в Вашингтон.

Американцы услышали по радио его взволнованный голос. Рузвельт не говорил о предстоящих действиях в Северной Франции, события на итальянском фронте выдвинули на передний план другую тему. Пал Рим. Порвалось одно из трех звеньев «оси». Но, говоря о поражении Италии, Рузвельт думал о предстоящей операции «Оверлорд», ему нужна была победа именно на севере европейского континента, на кратчайшем пути к Берлину.

Накануне высадки в Нормандии генерал Эйзенхауэр, сидя в трейлере перед двумя телефонами (зеленый соединял его с Даунинг-стрит, 10, а красный — с Белым домом), написал два варианта обращения к миру. Первый, ставший знаменитым, начинался словами: «Мы накануне великого крестового похода...» Второй вариант начинался так: «Наша высадка в районе Шербура — Гавра не дала желаемых результатов, и я отозвал войска...». По прошествии времени странно думать о возможности поражения союзников с их многомиллионной армией, полным превосходством в воздухе и невероятными по масштабам припасами. Но тогда, накануне операции, все было далеко не ясно.

Рузвельт благодаря радио следил за событиями буквально поминутно. Ему сообщили, что Эйзенхауэр вышел из штабного трейлера, что он трет счастливые монеты времен высадки в Северной Африке и на Сицилии. Наконец, генерал ударил кулаком правой руки по ладони левой: «О'кей. Мы выступаем».

«Оверлорд»

В три часа ночи (6 июня в Европе) генерал Маршалл позвонил в Белый дом. Элеонора Рузвельт узнала о вторжении еще до того, как отправилась спать, и новость лишила ее сна. «Когда тебе под шестьдесят, ну не смешно ли мучиться от неизвестности исхода военной операции?» — пишет она. Президент после этого сообщения не отрывался от телефона. Утром Америка узнала о десанте, начался всеобщий колокольный звон, о происшедшем возвещали гудки заводов. Мэр Нью-Йорка Лагардия сказал, что наступил «самый волнующий момент его жизни». Рузвельт призвал к себе лидеров конгресса около десяти часов утра, а военное руководство — в одиннадцать. В четыре часа он созвал репортеров. По свидетельству очевидцев, «президент был спокоен, уверен и счастлив. Наши лица, видимо, выражали то, что большинство из нас чувствовали. Он начал говорить после очень долгой паузы, которая длилась несколько минут, во время которой никто не задавал вопросов. Журналисты стояли молча; такое же выражение, должно быть, было у всех в стране». Молодой репортер пишет родителям о том, что он видел и слышал в Белом доме: «Я присутствовал при одном из великих моментов в истории. Президент сидел, прислонившись к спинке своего зеленого кресла. В белоснежной рубашке с буквами ФДР на левом рукаве и темно-синем в горошек галстуке он был спокоен и улыбался. В руке он держал известный всем длинный мундштук. У него появилось выражение, свидетельствующее о том, что он доволен миром».

Рузвельт все же предостерегал от излишнего оптимизма: «Так просто не бывает, что вы высаживаетесь успешно, не сломав ног, и идете прямо на Берлин. И чем быстрее это поймет вся страна, тем лучше». Вечером президент выступил по радио. Это была простая молитва, которую он написал в Кенвуде. «Такая непохожая,— пишет Розенман,— на бравурное бахвальство Гитлера, когда тот готовил свои войска к высадке на пляжи Англии». Он молился «за наших сыновей, гордость нашей нации... Дай силу их оружию, крепость их сердцам, непреклонность их вере. Враг силен, он может отразить наши войска. Успех может прийти не с желаемой быстротой, но мы будем наступать снова и снова». Рузвельт молился за крепких духом работников внутреннего фронта, «которые трудятся долгие часы, преодолевают усталость и уныние... Дай веру нашим сынам, веру друг в друга, веру в наш общий крестовый поход».

20 тысяч самолетов создали щит, прикрывавший крупные корабли, которые в течение трех дней били почти прямой наводкой по немецким военным объектам. Потеряв 9 тысяч человек убитыми, союзники укрепились в Нормандии. Историк Эрни Пиль писал: «Поток людей и оборудования из Англии был столь велик, что было невозможно осознать общую его величину. Его гигантские размеры делали потери на берегу почти неприметными».

Накануне 4 июля 1944 года Эйзенхауэр докладывал Рузвельту, что во Франции высажен миллион солдат, доставлено 567 тысяч тонн военных припасов и 172 тысячи единиц средств передвижения. К концу июля лондонская «Экспресс» признала: «Американцы показали себя расой крепких бойцов».

Получив обнадеживающие известия из Франции, Рузвельт в середине июня 1944 года отправился на неделю в Гайд-Парк (автомобильный кортеж двигался под именем швейцарской семьи Робинсон). Напряжение недавних дней было столь велико, что Рузвельт находился на строжайшей диете. Элеонора Рузвельт пишет, что «довольно неожиданно Франклин стал нуждаться в дополнительном уходе». В эти дни Рузвельт с еще большим трепетом относился к Гайд-Парку. По утрам он сидел в любимой библиотеке, с большим тщанием готовил пикники, спать ложился рано. И природа вновь оказала на него благотворное действие — 22 июня 1944 года, когда он вернулся в Белый дом, то, по мнению Хассета, находился «в лучшей своей форме». В это утро он прямо с дороги подписал «Билль о правах военнослужащего». Отныне возвращающиеся с фронта солдаты получали на протяжении года по 20 долларов в неделю, гарантированный заем до 2 тысяч и 500 долларов в год на обучение. (Следует напомнить, что средняя зарплата в 1940 году равнялась тысяче долларов в год.) Таким образом, государство выделяло на образование бывших солдат 14 млрд долларов. Это законодательство, давшее шанс бедным, возможно, как ничто другое изменило социальную стратификацию Соединенных Штатов. Университеты страны резко расширили свои кампусы, дети из малообеспеченных семей получили возможность овладеть профессиями состоятельных людей. Рузвельт подписал этот билль десятью ручками; даря каждую из этих ручек, он указывал на историческое значение документа.

★ ★ ★

А мы можем подвести промежуточный итог. Рузвельт накануне решающей фазы войны сделал многое для урегулирования отношений с самой важной для него страной антигитлеровской коалиции. Он поддержал советскую точку зрения на будущие границы Польши, признал необходимость постоянного ограничения Германии и Японии посредством территориальных изменений и размещения стратегических баз, необходимость предоставления четырем крупнейшим странам особых прав в будущей мировой организации. Рузвельт полагал, что в некоторой мере ослабил (если не развеял) страхи советского руководства в отношении послевоенного англосаксонского блокирования. Это был кредит, данный историей Рузвельту накануне окончательного определения позиций в важнейшем дипломатическом переустройстве мира.

В тени оставался фактор создаваемого атомного оружия. Ученые, да и некоторые политики предупреждали американское руководство, что монополию на его изобретение сохранить невозможно и лучше сделать это оружие средством объединения, а не разъединения антигитлеровской коалиции. Но президент отдал особый приказ хранить секрет проекта «Манхэттен» не только от немцев, но, подчеркиваем, и от русских.

Глава пятнадцатая
МЕЧ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Президент не беспокоился о том, что должны были получить русские. Он думал, что их требования справедливы.

У.Леги, 1945 г.

Рузвельт в эти годы хотя и носил титул главнокомандующего, но никогда не надевал униформы. Напротив, его обычная одежда была сугубо цивильной: фланелевая рубашка, старая шляпа, небрежно завязанный галстук создавали образ дядюшки, отправляющегося на уик-энд. Но такие авторитеты, как Эйзенхауэр, были поражены его знанием карт боевых действий и быстротой оценки местности. Военные ценили закатанные рукава его рубашки — демократичный президент руководил армией демократической страны. Рузвельт с одинаковой легкостью общался и с генералом и с рядовым. И в армии много говорили о его поступке на Гавайях. После окончания дискуссий Рузвельт отправился осматривать военные объекты и больницы. В одном из госпиталей, пишет Розенман, «он сделал нечто, что произвело на нас большое впечатление. Он попросил своего телохранителя очень медленно провести его коляску через палаты, где лежали раненые с ампутированными конечностями. Он настоял на том, чтобы останавливаться у каждой кровати. Он хотел показать себя и свои бездействующие ноги тем молодым людям, которым придется встретить жизнь в таком же горестном положении».

Он не сказал им ни слова, только улыбался и махал рукой. Чувствуя их горе, он показывал своим видом, что все в жизни можно превозмочь и не должно быть места отчаянию. (Это был второй случай, когда Рузвельт так открыто показывал свой физический недостаток. В первый раз — при открытии в 1936 году нового здания Гарвардского университета он появился перед больными университетского госпиталя в коляске, чтобы показать студентам-инвалидам, чего можно добиться в жизни, если не терять мужество. Его вынесли из машины, и он с огромным трудом подошел на костылях к трибуне.) И на этот раз президент стремился внушить солдатам те же мысли. Розенман пишет, что это был единственный случай, когда он видел слезы в глазах президента.

Новое стратегическое видение

Общественная дискуссия о будущей внешней политике США приобрела между тем определенную зрелость. И «интернационалисты» среди американских политиков и теоретиков, которые считали необходимым создание международной организации, и «реалисты», которые призывали поставить под контроль основные центры мирового могущества, были согласны в одном: изоляционизм не может быть основанием для американской внешней политики. Соединенные Штаты уже вошли в новый мир, где отступление будет равно поражению.

Нет сомнений в том, что Рузвельт, думавший о переизбрании в 1944 году, внимательно относился к происходящему повороту в общественном мнении. Он был солидарен с новыми теоретиками. Собственно, президент сам внес немалый вклад в создание нового идейного основания американской дипломатии. Задолго до того как йельские теоретики и обозреватели большой прессы стали задумываться над изменившимся стратегическим окружением, Рузвельт сделал ряд прорывов в теоретической области. Напомним, что еще в январе 1939 года, за девять месяцев до начала нападения Германии на Польшу, Рузвельт, пока еще в частной обстановке, определил, что «первая линия обороны» Соединенных Штатов обусловлена независимостью тех европейских государств, которые еще не находятся под немецким контролем, и воспрепятствованием Японии в ее стремлении захватить острова. В 1941 году Рузвельт уже обсуждал послевоенное урегулирование, основанное на главенстве «четырех полицейских» — Соединенных Штатов, Великобритании, СССР и Китая. И отныне понятие «мощь» всегда присутствовало в рассуждениях о будущем мира. В своем последнем «Послании о положении страны» в 1945 году Рузвельт так высказался по поводу фактора физического могущества: «Мы не можем отрицать значимости мощи в мировой политике, равно как мы не можем отрицать мощь как фактор в нашей национальной политике».

Тегеран был поворотным пунктом в эволюции дипломатической стратегии президента Рузвельта. В ней обозначились по меньшей мере три новых акцента. Во-первых, Рузвельт теперь был полон решимости окончательно сокрушить мощь стран «оси». В начале 1944 года в ответ на просьбы смягчить требование безоговорочной капитуляции, выдвинутое в отношении Германии, он подчеркнул свою непреклонность. «Довольно долгие годы учебы и личного опыта в самой Германии и за ее пределами привели меня к убеждению, что философия немцев не может быть изменена декретом, законом или приказом. Изменение философии немцев должно пойти эволюционным путем и может по времени занять жизнь двух поколений.» Рузвельт хотел уничтожения Германии как силового центра. Он полагал, что если этого не сделать, то немцы после очередной паузы начнут третью мировую войну. В представлениях Рузвельта о будущем Западная Европа в целом должна была уступить лидерство другим претендентам на место силовых центров мира.

Во-вторых, обозначились изменения в отношении китайской стратегии Рузвельта. Благодаря американским победам последних месяцев, война приблизилась к японским островам, и теперь президент надеялся довести потери японского флота до 200 тысяч тонн в месяц, что оборвало бы связи между Японией и плацдармом японцев в материковом Китае. Были намечены способы налаживания воздушного моста с гоминдановской столицей Чунцином. В январе 1944 года в американские ВВС начали поступать тяжелые бомбардировщики с большим радиусом действия. Сотни, а затем и тысячи самолетов начали уничтожать индустриальную мощь Японии. Теперь Рузвельт не сомневался, что и без обольщения четы Чан Кайши он получит желаемый доступ к антияпонским плацдармам, к стране, которая еще недавно была почти вне пределов досягаемости американской мощи. У Рузвельта крепнет уверенность, что, кроме США, никто в этом разоренном войной мире не способен поставлять Китаю средства для модернизации, а значит, воздействие на китайский фактор можно считать гарантированным.

Третий новый элемент рузвельтовской стратегии связан с историческими событиями, происходившими в начале 1944 года на советско-германском фронте. Советские войска, ликвидировав блокаду Ленинграда, вышли к довоенной границе с Финляндией, совершили бросок по Украине и достигли границы с Румынией. Война вступила в новую фазу. С одной стороны, угроза германского всемогущества отодвинулась. Забрезжила заря победы. С другой стороны, в союзной дипломатии наряду с новыми надеждами (Тегеран) обозначились новые проблемы. Как поведет себя победоносная Россия? Будет ли она согласовывать свои действия с Америкой или пойдет путем самоутверждения? Обозначилась проблема аккомодации к новой мощи СССР.

Глядя на Белый дом теперь, мы видим, как именно в 1944 году федеральная система, усилившая в 30-е годы внутренние функции, в 40-е начинает укреплять внешнеполитические прерогативы, приспосабливаясь к роли «правителя империи». Прежде простой и малочисленный аппарат президента разрастается, увеличивается поток идущей извне информации, он начинает буквально захлестывать центры руководства. Военные ведомства, разведка и службы стратегических оценок превращаются в гигантские учреждения. Проблемы, которые здесь анализируются, достигают глобальных параметров. Действия Объединенного комитета начальников штабов, Комитета военной мобилизации, Объединенного штаба планирования приобретают трансконтинентальный характер. Бюро федерального бюджета теперь распоряжается колоссальными суммами. Все эти многочисленные службы через посредство помощников замыкаются на президенте.

Рузвельт в эти очень важные месяцы рубежа 1943—1944 годов, как обычно, внешне непринужденно общительный, в часы работы был задумчив и серьезен. Привычки — прежние. Он разрабатывает стратегию в самом узком кругу. Однако место заболевшего Гопкинса (у него обострилась язва) занял в качестве советника по

военно-дипломатическим вопросам адмирал У.Леги, а советником по внутренним вопросам стал Дж.Бирнс.

Рузвельт создал стабильную внутреннюю инфраструктуру высшего военного командования. Непосредственно при президенте находился адмирал Леги — его помощник, не вторгающийся в обсуждение глобальных стратегических замыслов. В Вашингтоне военной машиной США все эти годы руководили Стимсон, Маршалл, Кинг и Арнольд. Это не было похоже на постоянные смены, скажем, в администрации президента Линкольна. В Европе главным военным представителем Рузвельта являлся Эйзенхауэр. На тихоокеанском театре ситуация была сложнее, здесь власть поделили адмирал Нимиц как командующий войсками в северной и центральной части Тихого океана, генерал Макартур — на юго-западе тихоокеанского бассейна и генерал Стилуэл в Китае. Жесткая военная структура, полагал Рузвельт,— залог успешной дипломатии. Как главнокомандующий он мог позволить себе уйти в мир высшего стратегического планирования, не привязывая себя к конкретным боевым операциям.

При этом крайне централизованный характер принятия решений стал устойчивой чертой Вашингтона военного времени. Выше уже говорилось, что Рузвельт презирал бюрократию и всегда стремился «спутать карты» строгого бюрократического подчинения. Он выдвигал то одного, то другого деятеля, создавая между ними конкуренцию и играя на ней. Так, военные проблемы он обсуждал то с Маршаллом, то со Стимсоном, и ни один не мог сказать, кто более за них ответственен.

Президент любил организовывать экстренные комитеты, рабочие группы, временные структуры и т.п. Именно так он пытался избавиться от закоснелости мышления. При этом Рузвельт часто сознательно стремился к тому, чтобы одна организация не знала, чем занимается другая с параллельными целями. В такой обстановке президент исключал любую возможность оппозиции, дробил связи помощников, получал букет мнений, из которых окончательное выбирал сам. Добавим к этому любовь президента к секретности. Рузвельт чувствовал себя в такой системе как рыба в воде. Прочих же подобная система сбивала с толку.

Физическое перенапряжение

Воспоминания об этом периоде говорят об ухудшении здоровья Рузвельта. Начало сказываться страшное напряжение войны. Хотя его энергия продолжала изумлять, вечером президента донимали головные боли. Десять лет назад его артериальное давление было 136 на 78, а теперь (март 1944 года) — 188 на 105. Врачи отметили расширение сердца. Диагноз — гипертония, сердечная недостаточность. Предписания: отказ от бассейна, диета в 2600 калорий, десятичасовой сон, отдых после обеда, ограничения в курении. Врачи просто не рискнули предложить ему не-

дельный отдых. Он сократил свой рацион спиртного до полутора коктейлей перед ужином, число сигарет «Кэмел» уменьшил с тридцати до пяти.

Ухудшившееся здоровье президента — результат его принципиального безразличия к своему состоянию и следствие врачебной этики. Рузвельт продолжал оставаться трудоголиком, и в шестьдесят два года его «веселое отношение» к работе, регулярный час коктейля, равно как и постоянное перенапряжение начали сказываться на давлении и работе сердца. Поразительно, но за президентом не наблюдал ни один кардиолог. Личного врача президента Росса Макинтайра, по специальности отоларинголога, больше беспокоил хронический насморк пациента, чем его сердце.

Весной 1944 года Рузвельт был вынужден обследоваться более тщательно. Молодого врача Брюэнна поразили одышка и резко увеличившееся вследствие гипертонии сердце президента. Его «приговор» был суровым: шесть недель постельного режима. Макинтайр встал на дыбы, потребовал врачебного консилиума. Собравшиеся военные врачи все до единого были выше по званию, чем забивший тревогу Брюэнн,— против него, капитана медицинской службы, выступил не только адмирал Макинтайр, но и его собственный непосредственный начальник. В конечном счете Брюэнну позволили наблюдать за Рузвельтом, но он не должен был обсуждать свои худшие опасения ни с кем вообще, начиная с президента. Брюэнн вспоминает, как Макинтайр, ссылаясь на сложность лечения президента, сказал ему: «Этому пациенту вы не можете приказать бросить все и лечь в постель. Ему нельзя просто сказать — делай это или то. Ведь это президент Соединенных Штатов».

Последнего и не требовалось. Рузвельт никогда не обсуждал медицинских проблем с врачами, он покорно глотал пилюли и стремился быть занимательным. Сохраняя врачебный оптимизм, Росс Макинтайр в апреле 1944 года заявил прессе, что для человека в шестьдесят два года здоровье у Рузвельта отменное, отягощенное лишь простудами. На прямой вопрос корреспондента о здоровье президент сказал, что у него бронхит, но бронхит переходит в воспаление в одном из 48 500 случаев и он надеется на эту статистику. При этом президент для выразительности ударил себя по груди. Великий актер и в данном случае переиграл публику, газеты честно сообщили о сходящем на нет бронхите в целом крепкого президента.

Брюэнну оставалось полагаться на дигиталис — чудодейственное лекарственное средство, помогавшее работе сердца. Президент глотал зеленые таблетки, и его состояние улучшилось. Проблема с дигиталисом заключалась в сложности дозировки. Недобор ослаблял целительное воздействие, а перебор приводил к головокружению, потере аппетита, ухудшая общее состояние, что в итоге сказывалось на том же сердце.

Элеонора Рузвельт в данном случае проявила известное легкомыслие. Как пишет внук президента Джон Беттингер, «она полагала, что железная воля и мужество могут преодолеть любую болезнь. Хотя она была необыкновенно сочувству-

ющая женщина, она никогда не воспринимала серьезно болезнь, свою или чью-либо. Это создавало сложность в ее отношениях с другими». Элеонора полагала, что главное жизненное качество — мужество, что упорство и терпение преодолеют все, а в данном случае речь шла о человеке, который сумел превозмочь полиомиелит. Дочь Анна более внимательно относилась к рекомендациям доктора Брюэнна. Разумеется, Рузвельт 1944 года не мог позволить себе полуторамесячных каникул, но и не оказывал рьяного сопротивления врачебному миру. Так началась гонка, в которой ставкой было сердце Рузвельта. Подчиняясь врачам, Рузвельт отказался от того, что он всегда любил: хорошей еды, хорошего спиртного и доброй беседы. Строгий режим наводил на него меланхолию. Лето 1944 года было далеко не лучшим периодом его жизни: тяжкие головные боли, чувство усталости, прострация и бессонница. Однажды Элеонора написала дочери о жалобе отца на то, что «он не может прожить нормальный срок жизни». Большинство же находившихся при Белом доме заметили лишь неожиданное безразличие человека, который прежде был внимателен ко всему, что происходило. (Даже выдвижение на четвертый президентский срок не вызвало прежних эмоций.) Рузвельт обратился к Розенману: если страна пожелает поставить ему памятник, то пусть он будет воздвигнут на пересечении Конститьюшн и Пенсильвания-авеню, лицом к востоку. Грейс Тулли он попросил не бросать любимую собаку Фалу («Элеонора будет слишком занята»). Анна, видя, что отцу трудно даже улыбаться, вспоминала, как он шутил и смеялся, когда его везли первый раз в госпиталь с полиомиелитом. Именно в эти трудные дни июля 1944 года он попросил организовать визит в Белый дом своего старого друга (которую он обещал Элеоноре никогда больше не видеть) — Люси Мерсер Резерфорд.

Критическое время

А для проведения ответственной дипломатии президент был необходим как никогда прежде. Это был критический этап. Именно в то время Рузвельт, основываясь на тегеранских договоренностях, поверил в возможности сотрудничества с СССР, в кругу его ближайших сотрудников начали доминировать те, кто шел противоположным курсом. Вместо Гопкинса и Дэвиса главными советниками стали выступать Леги, Буллит, Гарриман.

Атмосфера секретности, которая окутала Белый дом, особенно касалась атомного проекта. Доклады от руководителя атомного проекта В.Буша к Рузвельту шли в одном экземпляре и никогда не «оседали» в архивах Белого дома. Президент не рассказывал о «Манхэттене» даже государственному секретарю. Он сам лично позаботился о том, чтобы работа в трех ключевых лабораториях — Оак-Ридже, Хэнфорде и Лос-Аламосе была полностью изолирована от внешнего мира. И хотя в атомном проекте принимало участие огромное число лиц — более 150 тысяч — на

«официальную поверхность» в Вашингтоне эта тайна «не всплывала» никоим образом. Нужно отметить, что в этот период были широко распространены нехарактерные прежде для общественной жизни США цензура переписки, прослушивание телефонных разговоров, повсеместное использование личной охраны, кодирование имен. Колоссальный по объему работ проект «Манхэттен» финансировался настолько хитроумным способом из разных статей военных ассигнований, что не вызвал подозрения у самых внимательных исследователей бюджета.

Рузвельт решил несколько расширить число лиц, осведомленных о работе, способной изменить сам характер американской дипломатии, только в феврале 1944 года, когда «посвященные» Стимсон, Маршалл и Буш встретились с лидерами конгресса — Рейберном, Маккормиком и Мартином. Руководители проекта обрисовали потенциальные возможности нового оружия в самом общем виде. Прежняя практика глубокой секретности продолжалась, конгрессмены вотировали деньги, не зная их истинного предназначения.

В дипломатии много времени отняло решение польского вопроса. Дело в том, что Советская Армия 5 января 1944 года пересекла польскую границу и польское эмигрантское правительство в Лондоне призвало к «максимально раннему восстановлению суверенной польской администрации на освобожденных территориях республики Польша, единственного и законного слуги и выразителя идей польской нации».

Но и Рузвельт и Черчилль должны были призвать эмигрантское польское правительство к благоразумию. 20 января 1944 года Черчилль на встрече с лидерами поляков в Лондоне посоветовал им «принять «линию Керзона» за основу для дискуссий», поскольку им обещаны немецкие территории на западе — вплоть до Одера. Черчилль выступал в непривычной роли адвоката Советского Союза. Потребности обеспечения безопасности СССР от еще одного сокрушительного германского наступления, объяснял Черчилль, а также «огромные жертвы и достижения русских армий» в процессе освобождения Польши дают русским право на пересмотр польских границ.

А 17 июня президент лично писал Сталину, что визит Миколайчика «никоим образом не связан с какими-либо попытками с моей стороны вмешаться в спор между польским и советским правительствами. Я должен убедить вас, что не создается никаких планов или предложений, затрагивающих польско-советские отношения». Написано это десять дней спустя после высадки в Нормандии, где уже 150 тысяч солдат закрепляли плацдарм и более всего нуждались в летнем наступлении Советской Армии.

Ныне достаточно ясно, что президент Рузвельт в середине 1944 года думал не столько о проблеме сокрушения Германии (он уже знал, что опасаться победы Германии в атомной гонке не стоит), сколько о мире будущего, для которого и предназначалось сверхоружие. Станет ли оно гарантом новой мировой американ-

ской системы? Президент начал склоняться к мнению, что станет. Те, кто захотели бы противостоять Америке, получали атомное предупреждение. Как пишет об этом времени американский историк Дж.Макгрегор Бирнс, «Россия, а не Германия становилась теперь проблемой. Антигитлеровская коалиция попадала под новое напряжение». В конце августа 1944 года военный министр Стимсон, кодируя атомное оружие как С-1, записывает: «Необходимо вернуть Россию в лоно христианской цивилизации... Возможное использование С-1 будет содействовать этому».

Промышленный рост Америки способствовал самоуверенности и эйфории. Летом 1944 года Рузвельт на встрече с представителями печати припомнил время, когда все посчитали фантастической поставленную им цель производить 50 тысяч самолетов в год. «Ныне мы производим 100 тысяч самолетов в год и продолжаем наращивать производство, продолжаем бить все рекорды.» Напомним, что немцам для успешного блицкрига на Западном фронте понадобилось в мае 1940 года 3 тысячи самолетов, 2,5 тысячи танков, 10 тысяч артиллерийских орудий и 4 тысячи грузовиков. За последующее пятилетие американцы произвели 300 тысяч самолетов, 100 тысяч танков, 372 тысячи артиллерийских орудий, 2,5 миллиона грузовиков, 87 тысяч военных кораблей, 20 миллионов автоматов и винтовок. Мы уже приводили слова фельдмаршала Гинденбурга, сказанные по поводу американского военного производства в 1918 году: «Они поняли природу войны».

Когда германские подводные лодки топили суда общим водоизмещением 700 тысяч тонн ежемесячно, американцы дали одно из самых блестящих доказательств своего технического гения. Применив стандартизацию производства, они в 1944 году стали закладывать на верфях новые военные корабли каждую неделю. За первые 212 дней 1945 года было построено 247 кораблей. Американская индустрия показала чудеса эффективности. Военное ведомство запросило, нельзя ли перенести эту практику на производство самолетов. Специалисты, конечно же, сказали, что невозможно. Но «отец» конвейерного производства судов Кайзер вступил в долю с равным по предприимчивости партнером — Г.Хьюзом, и с конвейера пошли самолеты, среди которых сразу же выделились Б-17 («Летающие крепости»). Это было то, с чем «не могли совладать молитвы японского императора, риторика Муссолини и производственный гений Альберта Шпеера»,— пишет У.Манчестер.

Между 1941 и 1945 годами промышленное производство в США выросло на 90 процентов. И это на фоне экономических лишений остального мира. Росла не только мощь Америки, но и ее благосостояние. Доход на душу населения увеличился с 1000 долларов в год в 1940 году до 1300 долларов через четыре года. В США никогда не было столько занятых рабочих рук. Безработица, остававшаяся наследием Великой депрессии, «рассосалась». Американский капитализм решил проблемы, над которыми он безуспешно бился предвоенное десятилетие. На внутреннем

фронте царило своего рода социальное перемирие — число участников забастовок упало до одной трети довоенного периода.

Важно отметить, что впервые в своей истории Америка стала в массовом порядке посылать своих граждан в униформе во все части света (бросок президента Вильсона в Европу в 1917—1918 годах был относительно краткосрочным и, разумеется, не таким масштабным). На заграничные форпосты выехали более 11 миллионов американцев. Поле деятельности было столь велико, что мужского населения Америке уже не хватало. Рузвельт и его военный министр Стимсон выступали за введение призыва в армию женщин.

В США осуществлялась грандиозная программа противовоздушной обороны. Корзины с песком и помпы для тушения пожаров стояли у всех домов. Но небо было чистым.

Рузвельт летом 1944 года был популярен. Возможно, именно это обстоятельство окончательно укрепило его решимость баллотироваться на четвертый срок. Как и то, что, согласно опросам общественного мнения, большинство американцев одобряли его «способность разрешить нынешние и будущие сложности», т.е. американский народ давал карт-бланш своему президенту. Тогда создавался тот консенсус, который продержится потом еще два десятилетия и будет нарушен лишь в ходе вьетнамской агрессии. Президент Рузвельт обращался к внешнему миру, имея солидную внутреннюю базу и общенациональную поддержку. Только на такой основе можно было предаваться мыслям о самой радикальной перестройке международных отношений.

Не избежать упоминания о невероятном росте значимости и влияния касты военных. Как никогда прежде в американской истории, Вашингтон стал своего рода военным лагерем. С высоты птичьего полета были видны окружившие Вашингтон штабные бараки и военные полигоны, военные лагеря и аэропорты. Лимузины генералов и адмиралов скользили к воротам Белого дома. Резиденцию президента окружала военная полиция. Униформа мелькала на всех перекрестках. Это была видимая часть айсберга. Его невидимая часть осела в важнейших министерствах и ведомствах, в штаб-квартирах корпораций.

Такой концентрации могущества, сплава капитала с военной мощью Америка еще не знала. Это было соединение первой экономики мира с мобилизованным, технически грамотным населением. Индустриальный тыл снабжал фронты неисчерпаемыми запасами. Вчерашние квалифицированные рабочие в униформе были обязаны приложить эту колоссальную силу к решению конкретных задач. Армия, не знавшая отчаянных дней отступлений и поражений, излучала особое чувство, что все достижимо. Тысячи грузовиков везли снаряжение и боеприпасы к фронту, тысячи самолетов планомерно бомбили цели, размеченные по квадратам. Опыт второй мировой войны у американцев в результате получился особым. Самая рациональная манера ведения боев предполагала самое рациональное решение всех прочих задач, порожденных войной.

И когда полтора миллиона американцев начали в июне 1944 года высаживаться со своих английских баз на европейский континент, Америка, руководимая Рузвельтом, приступила к реализации новых возможностей в Европе, определению нового соотношения сил среди союзников, подготовке совершенно нового — послевоенного — мира.

Европейский узел

8 сентября 1944 года Лондон после 1843 темных ночей засиял электрическим светом. Маленькие дети впервые видели чудо освещенного города. Но именно в этот день Вернер фон Браун начал обстрел Лондона ракетами «Фау-2», и Черчилль снова ввел светомаскировку — до весны 1945 года.

На данном этапе самые большие разногласия у Рузвельта были не с американским народом, а с английским союзником. Рузвельт пришел к заключению, что концентрация сил в Северной Франции позволит быстро добраться до жизненных центров Германии, это сделает западный блок во главе с США определяющим в послевоенном мироустройстве. Черчилль не верил в «слишком простые» решения. Вероятно, перед его глазами стояла четырехлетняя агония западного фронта в первой мировой войне. Так или иначе, но, по мнению Черчилля, предотвратить превращение СССР в решающую силу континента можно было, лишь преградив ему путь за пределы предвоенных границ, что достигалось только с выходом через Балканы в Румынию и на Дунайскую равнину. Для Черчилля решающим маневром войны было бы прохождение крупных западных сил через Любляну по кратчайшему пути на Вену. Это сделало бы Балканы сферой западного влияния и одновременно упреждало бы продвижение Советской Армии в Центральную Европу.

Столкнулись две линии. Американцы хотели быстрее взять под свой контроль германский силовой центр, англичане стремились прежде обеспечить позиции в Восточной Европе.

В июле—августе 1944 года Рузвельт немало энергии потратил на отстаивание идеи высадки в Южной Франции (обещание Советскому Союзу в Тегеране) в противовес желанию Черчилля проникнуть в Центральную Европу через северную Югославию. Упорство президента и постоянно растущая мощь Америки возобладали. 15 августа 1944 года местом следующего удара западных союзников стала Южная Франция. Рузвельт испытывал исключительное удовлетворение от того, что уже через месяц южный и северный десанты союзников во Франции сомкнулись. Спустя десять лет Черчилль все еще продолжал сожалеть о том, что его план похода на Вену был блокирован Рузвельтом.

★ ★ ★

Шарль де Голль прибыл во второй половине дня 6 июля в американскую столицу. Приземление де Голля в вашингтонском аэропорту было отмечено 17-пушечным салютом. Первая его речь на американской земле прозвучала по-английски.

Рузвельт в Белом доме приветствовал гостя по-французски. С внешней стороны визит проходил как нельзя более успешно. Глава Алжирского комитета произвел хорошее впечатление на людей, настроенных заведомо враждебно. Адмиралу Леги Шарль де Голль понравился больше, чем он ожидал. Хэлл тоже пишет о благоприятном впечатлении от встреч с генералом.

Де Голль, которого столько раз обвиняли в резкости, отсутствии гибкости, которому отказывали попросту в вежливости, продемонстрировал в Вашингтоне противоположные качества. «Нью-Йорк таймс» писала, что генерал де Голль произвел исключительно хорошее впечатление на репортеров своими откровенными и прямыми ответами, «Балтимор сан» отмечает: обращение генерала с газетчиками было непринужденным; корреспондент «Вашингтон пост» не нашел никаких следов комплекса Жанны д'Арк; в «Нью-Йорк геральд трибюн» генерал описан «удивительно мягким в манерах», здесь тоже не заметили пресловутого высокомерия. Но нам гораздо интереснее знать, что творилось за кулисами. Состоялись три частные беседы де Голля с Рузвельтом. Показательно, что темой разговоров были не гражданские дела, не проблема национального суверенитета, не валютный вопрос, нет — собеседники обсуждали картину послевоенного мира. Вспоминает де Голль: «В наших беседах он (Рузвельт) старался не касаться никаких жгучих вопросов, но широкой кистью рисовал политические цели, которых он надеется достичь благодаря победе. Его стремления казались мне грандиозными, но внушали тревогу за судьбы Европы и Франции. Изоляционизм Соединенных Штатов Америки президент считает большой ошибкой, отошедшей теперь в прошлое. Но он бросается из одной крайности в другую и хотел бы установить систему постоянного вмешательства посредством международных законов. Он полагает, что четырехчленная директория — Америка, Советская Россия, Китай и Британия — урегулирует проблемы всего мира...

Парламент объединенных наций придаст власти «большой четверки» демократический вид. Но для того чтобы не отдавать в распоряжение трех из этих держав почти весь шар земной, эта организация, по его мнению, должна будет потребовать, чтобы в различных странах мира были устроены базы американских вооруженных сил, причем некоторые из них необходимо расположить и на французской территории.

Рузвельт рассчитывал вовлечь таким образом Советскую Россию в объединение, которое будет сдерживать ее честолюбивые стремления и в рамках которого Америка может собрать свою клиентуру. Он знает, что из четырех великих дер-

жав чанкайшистскому Китаю необходимо его содействие, а Британия из опасения лишиться доминионов должна согласиться с его политикой. Что же касается сонма средних и малых государств, Америка будет иметь возможность воздействовать на них путем оказания им материальной помощи. Наконец, право народов располагать своей судьбой, поддержка, оказанная Вашингтоном, наличие американских баз породят в Африке, в Азии, в Меланезии новые суверенные государства, которые увеличат собою число стран, обязанных Соединенным Штатам... Рузвельт рисует мне свои планы. Я слушаю его и думаю: "Как это характерно для людей: идеализм прикрывает стремление к могуществу"».

Никакие словесные формулировки, цветы и фанфары не могли закамуфлировать различия во взглядах, в планах на будущее. В мировой системе Рузвельта не было места для Франции как великой державы, и ни два столетия дружбы, ни помощь в двух мировых конфликтах не могли заставить французского лидера восхищаться мировыми схемами американского президента. Де Голль и Рузвельт, имея в виду коренное, принципиальное различие их позиций, остались после этого, столь удачного внешне визита так же далеко друг от друга, как и до него.

9 сентября 1944 года было сформировано новое французское правительство на широкой социальной основе. Уже 14 сентября министр иностранных дел Бидо на своей первой пресс-конференции официально выразил перед союзниками просьбу о включении Франции в Европейскую совещательную комиссию. 23 сентября французские внутренние силы, числом около полумиллиона, были преобразованы в регулярную французскую армию. Укрепление французского потенциала немедленно отозвалось в сфере большой политики.

Американский представитель при французском правительстве С.Чепин пишет в госдепартамент: «Французы — гордая нация, и задержка с признанием администрации, которую они приняли, будет интерпретирована как отсутствие доверия их способности создать правительство и участвовать в войне. Столь же большое значение будет иметь убеждение, что они поставлены в определенно худшую позицию в отношении участия в послевоенном переустройстве и особенно в решениях, касающихся Германии, и это несмотря на все данные нами уверения в противоположном». Косвенным путем подвергая сомнению основной тезис Рузвельта, Чепин замечает: «Многие месяцы должны пройти, прежде чем миллионы перемещенных лиц и пленных смогут участвовать в свободных выборах, обещанных де Голлем».

В те дни, когда внимание Рузвельта было приковано к действиям Эйзенхауэра во Франции, Советская Армия 23 июня 1944 года начала величайшую военную кампанию — операцию «Багратион». В результате ее осуществления советские войска в июле вышли к советско-польской границе. Это ставило проблему Польши на первый план дипломатии. Рузвельт встретился с премьером правительства лондонских поляков С.Миколайчиком. Президент сознательно дал Миколайчику

«государственный обед», подчеркивая признание его легитимных прав. Естественно, обсуждалась проблема будущих границ Польши. При всей демонстрации близости Рузвельт пока не хотел жестко привязывать себя к вопросу, который был политическим динамитом для антигитлеровской коалиции. Он сказал Миколайчику, что провел все утро, изучая карты Польши. Это было сложным делом, так как на протяжении последних трех столетий Польша включала значительную часть России, а также части Германии и Чехословакии. Сложно, повторил президент, определить подлинную карту Польши.

Понимая, что в ближайшее время именно Советской Армии придется освобождать Польшу, Рузвельт постарался достичь компромисса на ранней стадии. Он обратился к Сталину с просьбой принять Миколайчика в Москве, но не получил отклика. Советское руководство, определив польское лондонское правительство как «эфемерное», объявило о своем намерении признать ту польскую организацию, которая начала укрепляться на собственно польской территории,— Польский комитет национального освобождения. Сталин соглашался принять Миколайчика, если тот обратится к нему через посредство указанного комитета. Проблема Восточной Европы стала отныне одной из наиболее существенных для Рузвельта.

Англичане ощущали эту проблему еще обостренней. Уже в конце мая 1944 года английский посол Галифакс тайно выдвинул перед госсекретарем Хэллом предложение: англичане постараются договориться с русскими по поводу раздела сфер влияния на Балканах. Галифакс сообщил, что Лондон хотел бы обеспечить свое преобладание в Греции, предоставив СССР «свободу рук» там, где Запад все равно не имел рычагов влияния,— в Румынии. Черчилль хотел перед Рузвельтом смягчить «суровый реализм» предлагаемой англичанами сделки. Речь, мол, идет лишь о сугубо временном соглашении.

Но Рузвельту, во-первых, не нравились сделки, в которых ему отводилась роль свидетеля, а во-вторых (и это в данном случае главное), он не желал преждевременного дробления мира на зоны влияния. Экономическое и военное могущество Америки обещало гораздо большее. Рузвельт ответил Черчиллю, что понимает его мотивы, но боится, что временный раздел может превратиться на Балканах в постоянный.

Четвертые выборы

На выборах 1944 года Рузвельту было важно не дать прийти к власти деятелям типа генерала Макартура, которые в отличие от него считали основной ареной борьбы за мировое могущество не Европу, а тихоокеанский регион. И главное — они не верили в глобальность распространения американского влияния, их лозунгом было выделение определенного регионального приоритета. Они не ощущали

необъятности открывшейся перед Америкой возможности. В июле 1944 года Рузвельт послал председателю Национального комитета демократической партии письмо, в котором говорилось, что, если конвент демократической партии изберет его своим кандидатом на следующий президентский срок, он «как хороший солдат» выполнит свой долг.

11 июля 1944 года, за пять дней до начала работы демократического конвента, Рузвельт сообщил руководству демократической партии, что готов баллотироваться на четвертый президентский срок. На очередной пресс-конференции президент зачитал свое письмо председателю Национального комитета демократической партии Роберту Ханнегану, в котором перефразировал знаменитые слова генерала Шермана, в свое время наотрез отказавшегося баллотироваться в президенты («я не приму выдвижения, я не буду работать, если меня изберут»). Рузвельт в отличие от Шермана писал, что, если конвент его выдвинет, он примет выдвижение, а если народ его изберет, он подчинится этому выбору. «У меня так же мало права уйти со своих позиций, как у солдата, защищающего окоп. Все внутри меня говорит мне — иди в свой дом на берегу Гудзона, но, с другой стороны, я понимаю, что речь идет о будущем нации и будущем нашей формы правления». Услышавшая по радио слова мужа, Элеонора Рузвельт сказала окружающим, что это для нее новость. «Президент не обсуждал этот вопрос со мной. Многие думают, что он все это обсуждает, но чаще всего я узнаю о новостях президента из газет». Элеонору одолевали смешанные чувства. С одной стороны, она не хотела, чтобы республиканский претендент губернатор Томас Дьюи стал президентом («Дьюи все более кажется мне не понимающим смысла этой должности как во внутренних, так и во внешних делах»). С другой стороны, «я очень отчетливо понимаю значение возраста и малости времени, которое я хотела бы прожить по собственной воле».

Дав свое согласие еще до официального выдвижения, Рузвельт лишил себя права выдвинуть собственного кандидата в вице-президенты. «Я не хочу присутствовать на конвенте, подобном конвенту 1940 года,— вспоминал Рузвельт трудности выдвижения Уоллеса вице-президентом.— Это приведет к конфликту между Севером и Югом и может уменьшить наши шансы на выборах осенью». Безразличие президента к выбору напарника очень беспокоило его помощников, в частности Па Уотсона. Чтобы обеспечить национальный консенсус для претворения в жизнь грандиозных внешнеполитических планов, Рузвельт предпринял необычный шаг. В конце июня он выдвинул инициативу создания первого в истории США межпартийного правительства. Только сейчас мы знаем, что у Рузвельта были планы сформировать «военный союз» с республиканцем Уэнделом Уилки, который виделся Рузвельту многообещающим деятелем нового поколения — отбросившим изоляционизм и готовым бесконечно расширить американское влияние в мире. Президент уже пользовался услугами подобно мыслящих республиканцев — Стимсона и Нокса. Теперь Рузвельт предлагал кандидату республиканцев на

предшествующих выборах У.Уилки пересечь партийные барьеры и создать нечто вроде «объединенной партии либералов среди демократов и республиканцев».

Он хотел привлечь к себе прогрессивные элементы из среды республиканцев и отказаться от помощи консервативных южан. Видя, что республиканцы отвергли либерального Уилки в пользу консервативного Дьюи, он надеялся на эту большую общенациональную перегруппировку политических сил. Розенману Рузвельт говорил: «Мы должны иметь две настоящие партии: одну — либеральную и другую — консервативную. В настоящее время каждая из двух партий разбита на фракции».

С соблюдением полной секретности Рузвельт послал Розенмана в Нью-Йорк для встречи с Уилки в начале июля. Они встретились за завтраком в отеле «Сент-Реджис», и Уилки был захвачен проектом. «Скажите президенту, что я готов посвятить этому делу все свое время. Здоровое либеральное правительство в США абсолютно необходимо для продолжения сотрудничества с другими нациями мира.» Он просил передать Рузвельту, что идея кажется ему плодотворной. Нужно лишь, чтобы она дозрела. Уилки согласился встретиться с Рузвельтом, но «только после выборов». Рузвельт приветствовал общую позитивную реакцию Уилки, но он не желал ждать. Президент предложил встречу либо в Белом доме, либо в Гайд-Парке.

Этому проекту, который перестроил бы весь политический ландшафт Америки, не суждено было сбыться: 8 октября 1944 года во время относительно малозначимой операции Уилки поразил обширный инфаркт, и он умер. Идея союза либералов потеряла под собой почву.

★ ★ ★

11 июля 1944 года Рузвельта навестили боссы демократической партии — Роберт Ханнеган, Фрэнк Уокер и Эд Флинн. Обсуждалось вице-президентство. Была жара, и мужчины сидели в рубашках с короткими рукавами. Выбор напарника, вице-президента приобрел критическое значение. Было ясно, что этот избранник в послевоенном мире получит большие шансы занять Белый дом.

Гости отвергли Уоллеса как слишком большого интеллектуала, либерала и непрактичного идеалиста, который будет стоить демократической партии от одного до трех миллионов голосов избирателей. Бирнс был отведен как бывший католик и южанин с расистской окраской — он будет неприемлем для католиков и чернокожих. Обсуждали кандидатуру судьи Дугласа. Разговор свернул в сторону сенатора Гарри Трумэна, «хорошего» демократа со стороны Среднего Запада. Никто не знал его возраст, и Рузвельт послал узнать по справочнику. Помощник возвратился, когда все уже уходили, и Рузвельт довольно неожиданно сказал, обратившись к Ханнегану: «Боб, я так понял, что вы и остальные хотите Трумэна». Так, как бы невзначай, было принято решение, столь сильно повлиявшее на мировую историю. Исходя из советов «донов» демократической партии, из соображений популярности в среде демократов, принадлежности к влиятельному Ближнему За-

паду и партийной лояльности Рузвельт выбрал сенатора от штата Миссури Гарри Трумэна. (Сам Трумэн был этим выбором поражен.)

Рузвельт решил не вести предвыборной кампании в обычном ее понимании. Его преференции, его взгляды были достаточно хорошо известны. «В эти дни глобального конфликта,— заявил президент,— у меня попросту не будет времени вести обычную кампанию».

Противник Рузвельта — республиканец Дьюи ожесточенно вел борьбу против того, что он называл «правительством одного человека». И уже очень утомленного человека. Во время остановки в Сан-Диего у Рузвельта случился жестокий приступ, свидетелем которого был его сын Джеймс. Несколько минут Рузвельт не открывал глаз, его лицо осунулось, по телу шли судороги. Но железная воля преодолела немощь тела, и президент не отменил очередного выступления. Адмирал Леги постарался заглушить распространяющиеся слухи о плохом здоровье президента. Человек, который работает по четырнадцать часов в сутки, не может жаловаться на нехватку энергии.

В середине лета 1944 года Рузвельт отправился в личном железнодорожном вагоне «Фернандо Магеллан» по стране с таким расчетом, чтобы прибыть в Сан-Диего к окончанию съезда демократической партии, а затем посетить Гавайи для дискуссий о положении на тихоокеанском фронте военных действий. В Чикаго Фланеган добился от президента письма, в котором подтверждалось, что Гарри Трумэн занимает первое место в ряду предпочтительных кандидатов на пост вице-президента. Как пишет секретарша Грейс Тулли (которую Фланеган заставил перепечатать список, где Трумэн стоял не на первом месте), «скорее случайным действием, чем продуманным решением, один курс политики возобладал над любым другим в апреле 45 года».

Поездка была государственным секретом, и поезд не сопровождали журналисты. Президент не собирал толп. Одетый в броню поезд неспешно катил по огромным равнинам и плоскогорьям Америки. Охранник Томсон пишет: «Путешествие было мирным и медленным. Мы работали мало, читали и развлекались». В президентском поезде велись беседы, которые Рузвельт так любил. Вместе с Элеонорой он обсуждал будущее, когда он снимет с себя ношу президентства. В его планы входило кругосветное путешествие. Затем он намеревался купить участок земли в Сахаре, чтобы продемонстрировать местным жителям чудеса ирригации, электрификации и озеленения. «Я проживу там года два—три , и мы посмотрим, что получится.»

20 июля поезд прибыл в Сан-Диего. Президент, находясь среди военных, наблюдал за имитацией крупномасштабной десантной операции и ожидал финала съезда. На следующий день съезд выдвинул его на четвертый срок.

С площадки обозрения своего вагона Рузвельт произнес речь, в которой принял предложение своей партии. Мыслями он был уже в будущем. «В чем состоит

наша работа в 1944 году? Первое, победить в войне, победить быстро, победить убедительно. Второе, создать международную организацию мирового масштаба... Третье, построить достойную наших возвращающихся ветеранов и всех американцев экономику, которая обеспечивала бы занятость и достойный уровень жизни.» Огромный стадион — 40 тысяч мест были заняты — слушал речь президента. Популярность Рузвельта не нуждалась в лучшем подтверждении.

В полночь Рузвельт отправился в Пирл-Харбор. Он был готов вернуться назад, если бы покушение на Гитлера, слухи о котором дошли до него, привело к изменениям в германском руководстве. Но Штауффенбергу не удалось реализовать свой план, и зигзагообразный (страхующий против японских подлодок) путь президента на Гавайи был продолжен. Когда крейсер «Балтимор» приблизился к главному порту Гавайев, на берегу было бело от морской униформы. Дуглас Макартур, оправдывая свою репутацию своенравного и непредсказуемого человека, опоздал на церемонию. В самом ее конце раздался вой сирен, и лимузин с генералом, одетым в авиационную кожаную куртку, подкатил к верховному главнокомандующему.

Вечером Рузвельт вместе с адмиралом Нимицем и генералом Макартуром обозревал огромную карту тихоокеанского региона. Президент хотел в наступлении на Японию обойти Филиппины, но Макартур, обещавший покинутым им на Филиппинах войскам вернуться, жестко стоял за высадку на архипелаге. Много говорилось о новом бомбардировщике Б-29. Военное министерство США израсходовало на него 3 миллиарда долларов (в полтора раза больше, чем на атомную бомбу). Рузвельт поддерживал это детище генерала Арнольда и хотел использовать новые самолеты против Японии. Новые самолеты уже бомбили сталеплавильные заводы Явата в восточном Китае. Теперь, после возвращения американской морской пехоты Марианских островов, открывались новые возможности бомбометания. Рузвельт сказал, обращаясь к Макартуру, что хотел бы поменяться с ним местами. «Но, думаю, вы больше бы сделали на посту президента, чем я в качестве генерала.»

Будущее Японии

Наступило время и для вождей японского милитаризма задуматься над будущим. 6 января 1944 года лорд-хранитель печати Кидо составил меморандум, который, по существу, стал программой поведения Японии в условиях возобладания над ней Америки. Кидо писал: «Если Германия с помощью некоего чуда вернет себе инициативу, перспективы для Японии сохранятся и данный меморандум потеряет свое значение. Но в случае поражения Германии Япония должна будет сменить свое руководство, сохраняя при этом императорскую власть». Кидо полагал, что все завоеванное придется отдать (за исключением Маньчжурии). Но «изучая будущие тенденции мирового развития, я полагаю, что... с по-

мощью опыта, приобретенного в войне с Китаем, советско-германской войне, развития авиации, мы получили понимание реального источника силы США и СССР». К 1944 году генерал Тодзио и генеральный штаб стали приходить к мысли о возможности поражения, но категорически отказывались оставить отдаленные территории. Армия питала убеждения, что Германия сможет в начале 1944 года нанести удар СССР и пойти на компромисс с западными союзниками. В этом случае у Японии будет реальный шанс продиктовать не победный, но выгодный для себя мир.

Как и нацистская Германия, милитаристская Япония держалась на фанатизме и надежде, что военный союз США и СССР к концу войны начнет давать трещины. Нужно лишь подольше продержаться. Сражение на островах Гилберта обнаружило полное американское материальное превосходство. Здесь у американской стороны был перевес по всем показателям: 19 авианосцев, 12 линкоров, 14 крейсеров, 66 миноносцев. Япония никогда уже не смогла бы собрать подобной силы со своей стороны.

Одновременно Япония начала последнее в этой войне крупное наступление. Ударная колонна войск через джунгли Бирмы вторглась в Индию, но удаленные коммуникации, муссоны и эпидемии подорвали мощь японского наступления, и к июлю 1944 года оно захлебнулось. С июня 1944 года Япония стала ощущать на себе силу массированных американских бомбардировок.

К середине 1944 года в США утвердилась уверенность не только в победе над Японией, но и в том, что грядущее сулит Соединенным Штатам полное доминирование в бассейне Тихого океана. Даже дипломаты не скрывали своих эмоций. Дальневосточный отдел госдепартамента США стал подчеркивать, что США «имеют на Тихом океане более протяженную линию побережья, чем кто бы то ни был. Торговые связи Америки со странами этого региона значительно шире, чем у какой-либо другой державы. США имеют более разветвленные культурные интересы на Тихом океане, чем любая другая держава». Столичная «Вашингтон таймс геральд» заметила: «Мы можем восстановить части британской, голландской, французской и португальской империй на наших собственных условиях». Вице-президент США Г.Уоллес после посещения данного региона в это время заявил, что Америка «вступает в эру Тихого океана».

Во время встречи президента Рузвельта с генералом Макартуром и адмиралом Нимицем было решено направить главное наступление на Филиппины, а уже затем обратиться к собственно японским островам. Американцы собрали невообразимые прежде силы — 47 авианосцев с 1600 самолетами, 10 линкоров и 31 крейсер. Для действий против этой армады был создан корпус летчиков-камикадзе. Между октябрем 1944 и февралем 1945 года 378 камикадзе потопили 16 американских кораблей и уничтожили 2 тысячи американцев. Но это был уже жест отчаяния. Все яснее становилось, что время работает против Японии.

Подступы к Ялте

В июле 1944 года, когда советские войска подходили к Висле, а американские — к восточной границе Франции, Рузвельт предложил Сталину еще одну встречу на высшем уровне. В повторном письме он писал, что ситуация требует «дальнейших стратегических решений», он прибег даже к такому аргументу: встреча поможет ему в ходе предвыборной кампании. Восстановить «дух Тегерана» тогда, когда он особенно нужен,— в период выработки общих подходов к освобождаемым народам — вот чего хотел Рузвельт. Складывается впечатление, что он вступил в стартовую полосу создания послевоенного мира. На конференциях в Думбартон-Оксе и Бреттон-Вудсе наметились основные черты этого мира.

Рузвельт полагал, что контролировать мир чисто военными рычагами нецелесообразно, да и попросту невозможно: 6 процентам мирового населения трудно диктовать свои условия остальным 94. Но картина меняется, если перейти в экономическую сферу. Доля США в мировом валовом продукте приближалась к 50 процентам, и именно эта колоссальная экономическая мощь должна была обеспечить Америке мировую гегемонию.

Напомним, что и ленд-лиз был для Рузвельта инструментом создания более открытой для гигантской американской экономики мировой системы. В соглашениях по ленд-лизу, заключенных Соединенными Штатами с другими странами, имелась специальная оговорка, предполагавшая «уничтожение всех форм дискриминационной практики в международной торговле». Оговаривалось также понижение таможенных барьеров. Государственный департамент в отношении Британской империи выработал «предложения по расширению мировой торговли и занятости». Англичане, естественно, видели в американских действиях стремление после Латинской Америки и важных регионов Азии подчинить себе Британское содружество наций.

Как пишет американский историк Г.Колко, «если отбросить риторику, удобные ссылки на необходимость «открытых дверей» в международной экономике означали американское экономическое превосходство, часто монопольный контроль над многими из критически важных сырьевых материалов, на владении которыми основывается современная промышленная мощь... Соперничество между Соединенными Штатами и Британией из-за нефти и по поводу послевоенных мировых экономических структур ускорило неизбежное ослабление Британии во время войны и создало вакуум в мировой мощи, который американцы быстро и с удовлетворением заполняли на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. Новая роль не была ни спонтанной, ни случайной, она была принята с энергией и желанием, что англичане восприняли как американский эквивалент тех самых сфер влияния и блоков, в создании которых Вашингтон обвинял Британию. Уничтожение британской мощи в огромных районах мира, вхождение в эти районы Америки несло с собой огромную политическую и глобальную ответственность, что неизбежно для тех, кто желает

завладеть доходами в мировых масштабах, и это новое бремя было в такой же степени побочным продуктом американской мировой экономической экспансии, в какой оно было ответом на подъем левых сил повсюду и в меньшей степени на рост русской мощи... Именно этот круг экономических и политических целей, намеченных Соединенными Штатами в конце второй мировой войны, делал США противником Советского Союза, подъема левых сил и Британии как партнера-соперника по защите мирового капитализма».

Рузвельт готовил инструменты воздействия Америки на мир в глобальных масштабах. Организация экономической помощи получала от конгресса все большие фонды для инвестиций в пораженные войной страны. Рузвельт дотошно изучал возможности создания международной гражданской авиации, которой были бы открыты все небеса. Особое внимание президент обращал на формирование консолидированной системы мировых финансов, международного валютного агентства. В министерстве финансов был разработан проект создания фонда экономической стабилизации Объединенных наций. Требовалась глобальная либерализация торговли, пересмотр валютной системы на основе обращения к доллару. Вызрела идея основания Банка реконструкции и развития с колоссальными финансовыми возможностями.

Решающий шаг был сделан в Бреттон-Вудсе (штат Нью-Хемпшир) в июле 1944 года. Чтобы воспользоваться своей мощью, американцам нужно было открыть мировые рынки для свободного торгового обмена — именно тогда индустрия и сельское хозяйство США получили бы возможность глобального воздействия. В приветствии бреттонвудской конференции Рузвельт писал: «Торговля является жизненно важным кровообращением свободного общества. Мы должны следить за тем, чтобы артерии, по которым идет этот кровоток, не были закупорены снова».

Рузвельт считал, что ключом к успеху экономического «открытия мира» является ликвидация имперских преференций Британии. Напомним, что в 30-е годы, страдая от мирового кризиса, англичане «закрыли» свою империю для внешних товаров, прежде всего американских. И, соглашаясь под давлением обстоятельств в Атлантической хартии на «свободный доступ» ко всем рынкам, Черчилль постарался впоследствии не распространять этот принцип на Британскую империю. Но в Белом доме хватало решимости. Вместе с Британией на США приходилось более половины мирового торгового обмена. Победа на английском фронте давала Вашингтону все шансы экономического доминирования в глобальном масштабе.

Полученная от США помощь по ленд-лизу (33 миллиарда долларов) уже свидетельствовал о слабости Британии, в дальнейшем она просила новых займов. Давая очередные 3,8 миллиарда долларов, американцы добились от англичан обещания демонтировать имперские торговые барьеры. Президент сумел «приобщить» к зоне свободного перемещения капиталов и товаров вторую по величине им-

перию — Французскую. Предоставляя в 1945 году правительству генерала де Голля заем в миллиард долларов, американцы в обмен заставили французов сократить правительственные субсидии, пресечь валютные манипуляции и открыть зону франка для американских товаров.

Америка видела, как нуждаются в займах ее жестоко пострадавшие в войне союзники — СССР и Англия. Американская делегация пообещала советской делегации, возглавляемой Молотовым, значительную долю будущих займов. Англичан, открыто боявшихся долларового могущества США в мире будущего, американская сторона тоже постаралась успокоить. В конечном счете на конференции в Бреттон-Вудсе были созданы Международный валютный фонд и Мировой банк.

Мировой банк владел активами в 7,6 миллиарда долларов и правом предоставлять займы на вдвое большую сумму. Международный валютный фонд владел 7,3 миллиарда долларов, предназначенных для стабилизации основных мировых валют и расширения мировой торговли. Важно отметить, что создатели обеих организаций позаботились о том, чтобы главный донатор владел контролем. Таким донатором были, разумеется, Соединенные Штаты. Близкий к президенту Рузвельту финансист Б.Барух сказал в начале 1945 года: «Если мы сможем прекратить субсидирование рабочей силы (что предполагала прежняя — «закрытая» система отдельных торговых блоков.— *А.У.*) и жестокое соперничество на экспортных рынках... мы будем иметь самый долгий период процветания».

Каким образом Рузвельт надеялся получить твердый контроль над Мировым банком и Международным валютным фондом? Мощь американской экономики была очевидна, но нужно было обладать и соответствующими дипломатическими рычагами. Рузвельт видел их в том, что США как самый крупный вкладчик будут иметь в Мировом банке и МВФ треть распорядительных голосов. Рузвельт категорически настаивал на том, чтобы оба этих международных агентства возглавляли американцы. Уверенность Рузвельта помимо прочего основывалась на том, что все валютные операции обоих ведомств должны осуществляться в долларах, национальной валюте США. Это давало американской стороне фактическое право вето. Оба международных агентства должны были разместиться в Вашингтоне.

Для послевоенного мира Рузвельт планировал активнейшее вовлечение США в мировое разделение труда, резкое расширение международных экономических контактов, что требовало практики «открытых дверей» от всего мирового сообщества. Это отчетливо видно уже из Атлантической хартии, в которой провозглашалось право всех наций на «доступ на равных условиях к торговле и сырьевым источникам мира, необходимым для их экономического процветания». Как утверждал Рузвельт, «мы не преуспеем в строительстве системы безопасности, если не построим экономически здравый мир».

Одним из каналов воздействия на мир будущего Рузвельт считал непосредственную материальную помощь жертвам войны. План ее оказания был подготов-

лен в 1943 году четырьмя странами — Соединенными Штатами, Советским Союзом, Британией и Китаем. Рузвельт рассчитывал на этот план в свете того, что США обязывались предоставить три четверти помощи и это автоматически ставило их во главе программы и придавало ей почти национальный характер. Рузвельт настолько полагался на данный рычаг, что подключил Америку к данной программе посредством президентского распоряжения, не испросив на то согласия конгресса и вызвав тем самым некоторую оппозицию законодателей, а также такого влиятельного члена своего кабинета, как Г.Стимсон.

В те самые месяцы, когда специалисты и оборудование требовались на фронтах, американцы построили в Саудовской Аравии огромный аэропорт Дахран. Активность американской дипломатии на этом направлении была так велика, что в исследовании государственного департамента Ближний Восток называется «новой американской границей». Англичане, прежние владельцы региона, обеспокоились прежде всего потерей своего влияния в Иране и Ираке (Саудовская Аравия уже частично была «списана» в свете американского финансово-политического вторжения в нее). Президенту Рузвельту пришлось успокаивать англичан. Черчилль, который всегда предпочитал раздел сфер влияния, выразил признательность Рузвельту: «Большое вам спасибо за уверения в том, что вы не имеете виды на наши нефтяные поля в Иране и Ираке. Позвольте мне отблагодарить вас самыми надежными уверениями в том, что мы не будем зариться на ваши интересы и собственность в Саудовской Аравии».

На Тихом океане американцы стали осуществлять контроль над принадлежавшими прежде Японии Каролинскими, Маршалловыми и Марианскими островами, где представители США сразу же показали, что здесь возникает новый «редут» Америки. Следует особо отметить, что Рузвельт уже в 1944 году пришел к твердому выводу: в оккупированной Японии США будут обладать всей полнотой власти, не деля ее ни с кем из союзников. Несомненно, это означало создание своей зоны влияния на Тихом океане.

Восприимчивость советской стороны в вопросе о займах (вполне понятно, что разрушенному хозяйству страны они были чрезвычайно нужны) позволяла Рузвельту надеяться, что он сможет решить «русский вопрос». Размышляя по данному поводу, министр финансов Моргентау поделился с президентом: «Есть два типа людей. Одни, подобно Идену, верят в то, что мы должны сотрудничать с русскими и что мы должны доверять России ради мира на земле. Позицию других иллюстрирует замечание мистера Черчилля, который сказал: "Что мы собираемся иметь между белыми снегами России и белыми скалами Дувра?"» Рузвельт отозвался: «Очень хорошо обрисованы позиции. Я принадлежу к той же школе, что и Иден».

Полагая, что он заложил надежные основания для послевоенной стратегии США в экономической области, Рузвельт сфокусировал свое внимание на будущем по-

литическом устройстве мира. Речь шла об организации, которая заменит Лигу Наций. В августе 1944 года в Думбартон-Оксе начались переговоры по этому поводу между американской, советской и английской делегациями.

Обращаясь к главной теме своей дипломатии, Рузвельт опирался на окрепшее убеждение большинства американцев, что изоляционизм для США невозможен, Америка должна стремиться создать эффективную мировую организацию. В стране с большим успехом шел фильм «Вильсон», в котором говорилось о борце за верный для Америки международный курс, об ошибке 1920 года, когда Лига Наций была отвергнута сенатом, о необходимости исправить эту ошибку и создать новую международную организацию. Общественные опросы свидетельствовали, что две трети американского населения выступают за такую организацию. Громко высказывалось мнение, что она должна будет иметь собственные вооруженные силы, чтобы не просто декларировать, но утверждать свои решения.

Ушедший в отставку С.Уэллес в книге «Время решений» выдвигал ту точку зрения, что будущая организация — Объединенные Нации (ООН) будет эффективно руководима исполнительным советом из одиннадцати стран-участниц, среди которых только США, СССР, Великобритания и Китай будут постоянными членами. Обязательными станут лишь решения, принятые «большой четверкой» единогласно. Книгу Уэллеса признали лучшей книгой месяца в августе 1944 года. В стране этот политический трактат был продан тиражом полмиллиона экземпляров. Дело защиты вильсоновской идеи о выходе США в океан мировой политики, о создании всемирной организации взяли на себя известные американские историки и политологи Д. Перкинс, Д. Флеминг, Дж. Шотвел. Высоко ценя их поддержку, Ф. Рузвельт писал в эти дни 1944 года: «Почти все интеллектуалы сейчас с нами». Нам важно отметить массовое стремление в США достичь американо-советского согласия и на нем построить послевоенный мир. У.Липпман в книге «Военные цели США» указывал, что в будущем мире будут три орбиты — атлантическая, русская и китайская. Задача Вашингтона — найти прочные рабочие отношения с Москвой.

Проект новой структуры мира

В конце августа 1944 года Рузвельт возвратился из тихоокеанского путешествия в Белый дом и начал обычную напряженную жизнь, смягчаемую уик-эндами в Гайд-Парке.

Рузвельт уже мог опираться на рычаги создаваемых международных организаций. Из пепла войны и неясностей вставала новая структура мира. Рузвельт всегда был лаконичен в ее описании. Он никогда детально не распространялся по поводу своих послевоенных планов. Но некоторые положения казались аксиомами. Например, совершенно очевидно, что он не хотел восстановления предвоенной мощи Западной

Европы, его концепция «четырех полицейских» изначально исключала такое развитие. Рузвельт был достаточно откровенен, когда в феврале 1944 года говорил о своем нежелании, чтобы Соединенные Штаты взяли на себя после войны бремя восстановления Франции, Италии и Балкан. Он считал, что здесь должна была проявить себя Британия. В Азии простор предоставлялся гоминдановскому Китаю. У Соединенных Штатов же возникала совершенно уникальная миссия. Глобализм американской внешней политики проявился во второй половине 1944 года, когда произошло их вторжение в географическую сферу, еще недавно названную в Вашингтоне имеющей «минимальное значение для США»,— в Восточную Европу, остроту приобрел и вопрос о вето великих держав в Совете безопасности. Чтобы избежать тупика, Рузвельт в начале сентября 1944 года решил обсудить спорные вопросы с главой советской делегации А.А.Громыко. Аргументы Рузвельта были таковы: американское общественное мнение не поддержит всевластия великих держав, олицетворяемого в праве вето; малые страны станут опасаться великих; ООН нарушит главенствующий принцип суверенитета; у президента будут проблемы с проведением устава мировой организации в сенате. Сталин в письме от 14 сентября 1944 года утверждал, что предубеждения против СССР делают право вето абсолютно необходимым для самообороны Советского Союза.

Думбартон-окские обсуждения еще продолжались, когда Рузвельт и Черчилль договорились о седьмой встрече военного времени, на этот раз в Канаде. Они встретились 11 сентября 1944 года (во второй раз) в Квебеке. На этот раз Рузвельт взял с собой Элеонору. Они прибыли на железнодорожную станцию на двадцать минут раньше четы Черчиллей. Рузвельт встречал премьера как старого друга. Лорд Исмей пишет, что это было скорее похоже на «встречу дружной семьи, начинающей совместный отпуск, чем на встречу степенных лидеров военного времени на важной конференции... Видеть их вместе было сплошным удовольствием». Элеонора Рузвельт вспоминает: «В премьер-министре было нечто детское. Возможно, это и делает его таким удивительным военным лидером». Что несколько раздражало Элеонору, так это мнение Черчилля, что «на женщин нужно скорее смотреть, чем их слушать».

На первом пленарном заседании (13 сентября 1944 года) царил дух оптимизма: союзные войска вошли в Бельгию, а затем, вытеснив немцев из Франции и Бельгии, вышли на «линию Зигфрида». Нельзя было считать фантастическим мнение некоторых военных, что война может завершиться к концу года. Черчилль в начале конференции не преминул сделать патетическое введение: «Будущие историки самым внимательным образом станут изучать послетегеранский период... Все, чего мы касаемся, превращается в золото». Вторая квебекская конференция явилась одной из серии встреч Рузвельта, целиком посвященных послевоенному устройству мира.

Премьер-министр Черчилль сразу же перевел вопрос о «сдерживании» СССР в Европе в практическую плоскость. Он указал Рузвельту на «опасное распространение русского влияния» на Балканах — обстоятельства капитуляции Румынии

и Болгарии давали ему для этого основания. Рузвельт разделял опасения Черчилля. Принимая австрийского эрцгерцога Отто, он сказал: «Нашей главной задачей становится не допустить коммунистов в Венгрию и Австрию».

На этой конференции Рузвельт и высшее американское военное командование обсуждали возможности союзных войск в наступлении на Триест, Истрию и продвижение в направлении Вены. Рузвельт подписал инструкцию, по которой генералу Г.Вильсону в случае неожиданного краха Германии надлежит оккупировать четырьмя дивизиями Австрию. Рузвельт и Черчилль не скрывали, что их действия несут политическую нагрузку.

В это время президент яростно отстаивает в своем окружении идею, что для США в послевоенном мире нужна сильная Британия, «восстановление гражданской экономики Соединенного Королевства и восстановление английского экспорта». Неделю спустя после второй Квебекской конференции Рузвельт говорил своему помощнику о «необходимости сохранения Британской империи сильной».

Президент на протяжении всей войны полагал, что Германия, виновница двух мировых войн, должна быть лишена политического могущества, должна исчезнуть как первостепенный фактор мировой политики. Это означало создание механизма жесткого контроля над немецкой промышленностью, суровые репарации и децентрализацию экономики.

«Германский вопрос» интенсивно обсуждался в Квебеке. Рузвельт хотел выработки жесткой политики в отношении Германии. «Мы должны быть твердыми в отношении Германии, я имею в виду немецкий народ, а не только нацистов. Мы должны либо кастрировать немцев, либо обращаться с ними таким образом, чтобы они не могли воспроизводить население, которое хотело бы продолжать свой прежний путь.» Рузвельт отверг как неудовлетворительный план обращения с Германией, предложенный американскими военными. «У меня складывается впечатление, что Германия не должна быть восстановлена подобно Нидерландам и Бельгии... Каждый в Германии должен понять, что на этот раз они являются поверженной нацией.» Обрел популярность проект превращения Германии в сугубо сельскохозяйственную страну.

Рузвельт склонялся к идее Моргентау о демонтаже индустриальной мощи Германии. По мысли Моргентау, такой демонтаж гарантировал бы по меньшей мере двадцатилетнюю гегемонию в Западной Европе Англии. Он должен был развеять страхи Советского Союза перед германской мощью и перед Западом в целом (страх перед тем, что Соединенные Штаты или Англия могут восстановить германское могущество в своих целях). Рузвельт сказал помощнику Черчилля лорду Червеллу, что это избавит Британию от германской конкуренции. Сам Черчилль после колебаний пришел к выводу: «В конце концов, дело касается будущего моего народа, а когда мне нужно выбирать между моим народом и германским народом, я предпочту выбрать свой народ». Рузвельт и Черчилль договорились подписать меморандум, призывающий «превратить Германию в страну преимущественно

сельскохозяйственную и крестьянскую по характеру посредством уничтожения военной промышленности в Руре и Сааре». Моргентау был взволнован. Приглашенный на коктейль в апартаменты Рузвельта, он вышел в высшей степени удовлетворенным: «Мы никогда не разговаривали так душевно с времен его губернаторства. Это был яркий эпизод моей карьеры в правительстве».

Скептически отнесся к плану Моргентау Г.Стимсон. Деиндустриализация Германии выбросит на улицу примерно 30 миллионов человек. Что делать с ними? — задавал он вопрос Рузвельту. Нарушится внутренний механизм европейской экономики, налаженный за последние 80 лет.

Ранней осенью 1944 года Рузвельт еще не занял окончательной позиции. Он колебался между двумя упомянутыми курсами. На совещании 6 сентября с Моргентау, Стимсоном, Хэллом и Гопкинсом он выступил за деиндустриализацию, но предложил проводить ее постепенно, в течение полугода — года (по мысли Моргентау, следовало приступить к уничтожению германской промышленности немедленно). Рузвельт указал, что план Моргентау противоречит требованиям Советского Союза о репарациях. В то же время президент согласился с тем, что Европа не нуждается в сверхмощном германском индустриальном ядре, и высказался за «сельскохозяйственную Германию». Гарриман сообщал из Москвы, что русские хотели бы иметь надежную гарантию своей безопасности в Европе. Моргентау сказал Рузвельту: «Россия боится того, что мы и англичане собираемся заключить «мягкий» мир с Германией и восстановить ее как будущий противовес России». В свете этого демонтаж германской мощи виделся логическим ответом, удовлетворяющим и англичан, и русских.

Рузвельт пришел к мысли, что обескровленную Англию следует сделать главным поставщиком стали в Европу в следующие 20—30 лет. Но изложенный им в этом духе план вечером 12 сентября 1944 года напугал Черчилля. Тот выступил за уничтожение лишь военной германской промышленности. Оскорбленный в лучших намерениях Рузвельт сказал премьер-министру, что тяжелая промышленность Германии может быть превращена в военную за одну ночь. Под давлением американцев Черчилль вынужден был уступить, соглашаясь теперь на программу ослабления Германии, переориентации ее на сельское хозяйство. Индустрию Рура и Саара следует «закрыть», а некоему международному наблюдательному совету надо поручить контроль за реализацией данного плана.

С этих пор Черчилль желал получить германский северо-запад в качестве гарантии невосстановления немецкого флота. Он также думал о тесном союзе с Голландией. Прежде и Рузвельт настаивал на северо-западе, предоставлявшем открытый доступ к портам. Теперь же он хотел, чтобы американские силы находились в центре всех европейских процессов, и выбрал для оккупации юго-западную часть Германии.

Что повлияло на изменение точки зрения президента? Во-первых, он пришел к заключению, что получение Британией, привилегированным, но ослабевшим со-

юзником, зоны оккупации в непосредственной от себя близости укрепит ее общие европейские позиции. Во-вторых (и это, видимо, самое главное), он утвердился в мысли, что нахождение американских войск в южной Германии, граничащей с Чехословакией, Австрией, Францией и Швейцарией, дает Соединенным Штатам несравненно более мощный рычаг. Присутствие США становится не маргинальным, а ключевым фактором европейской ситуации. Черчилль в эти дни говорил о многом из того, что Рузвельт не хотел бы афишировать. Премьер-министр сказал Элеоноре Рузвельт и адмиралу Леги 19 сентября в Гайд-Парке, что «единственной надеждой на длительный мир является соглашение между Великобританией и Соединенными Штатами по предотвращению международной войны посредством использования объединенных вооруженных сил».

Возможно, у Рузвельта были сомнения в целесообразности плана Моргентау. Он не знал еще, какой оборот примет политическое развитие в Европе. В частности, президент размышлял о возможной революции во Франции. Как бы там ни было, но примерно через две недели после якобы окончательной договоренности Рузвельт заявил представителям прессы, что планирование в отношении Германии еще не завершено. А 29 сентября он, вопреки своим мыслям двухнедельной давности, сказал К.Хэллу, что «никто не хочет превратить Германию в сельскохозяйственную страну». Когда Стимсон процитировал решения Квебекской конференции, Рузвельт ответил, что «не имеет ни малейшего представления, как он мог подписаться под этим». Фактически Рузвельт отклонил идею четкой позиции в отношении Германии на текущем этапе. Очевидно, он решил действовать по обстоятельствам, не лишаясь заранее возможных козырей. 20 октября он говорит Хэллу, что «ненавидит составлять планы в отношении еще не завоеванной страны». Эти планы будут зависеть от того, «что мы найдем в Германии».

Большая часть городского населения лишится средств к существованию; это создаст кризис в центре Европы, и выполнение американских планов не облегчится, а затормозится. В результате очевидной эволюции Рузвельт в значительной мере перешел от жестких позиций, зафиксированных в резолюции Объединенного комитета начальников штабов за номером 1067 (представляющей собой проект директивы будущему оккупационному командованию в Германии), к иной точке зрения, предполагавшей сохранение германского потенциала и задействование его в развитии всей Западной Европы.

Последняя осень

Рузвельт и Черчилль любили кино, и президент выбрал для взаимного просмотра фильм «Вудро Вильсон», в котором детально описан трагический финал первого американского президента-глобалиста. Такой выбор всем показался многозна-

чительным. Черчиллю же аналогия не понравилась — он выходил и возвращался в зал.

После окончания конференции Рузвельт пригласил Черчилля на два дня в Гайд-Парк, где к ним присоединился Гарри Гопкинс. Черчиллю нравился Гайд-Парк, газоны, добрая беседа, прогулки в лесу. Ему меньше нравились новые речи президента: поскольку, мол, русские все равно так или иначе узнают об атомной бомбе, им следует в дружеской форме сообщить о грандиозном западном проекте. В этом вопросе Черчилль был непоколебим, и Рузвельт вынужден был пойти на попятную — согласиться с тем, что дело должно храниться в полной секретности.

К концу сентября 1944 года, когда Рузвельт вернулся в Вашингтон, демократы были не столь оптимистичны относительно своего будущего. Дело в том, что республиканец Томас Дьюи неожиданно оказался умелым борцом за президентское кресло. Свою предвыборную платформу он строил на том, что Рузвельт уже стар и что он уничтожает свободное предпринимательство, напрягая страну налогами, ограничивая рост сельского хозяйства. Рузвельт ощутил серьезную опасность с его стороны. Президент вновь начал пытаться ходить на костылях, но ослабевшие еще больше ноги не слушались. Его окружение настаивало на том, чтобы главная речь предвыборной кампании была произнесена им сидя. Имелась в виду речь перед профсоюзом перевозчиков грузов. Речь давалась тяжело. Двенадцать черновых вариантов было отставлено, а над последним Рузвельт думал до последней минуты.

Когда публика заполнила зал, Анна Рузвельт повернулась к Розенману: «Вы думаете, отец сможет?» Розенман отвечал: «Это — тот тип речи, когда все зависит от того, как она произнесена, вне зависимости от того, насколько она хороша. Если внешняя сторона будет нехороша, это будет провалом».

Вначале Рузвельт шутливо попытался отвести вопрос о своем возрасте: «Спустя четыре года я стал на четыре года старше, этот факт, по-видимому, раздражает некоторых людей. Но, если подходить чисто математически, существуют миллионы американцев, которые стали на одиннадцать лет старше со времени начала нашего разгребания грязи в 1933 году». С каждой фразой мягкий голос Рузвельта становился все жестче. Он перешел к критике республиканцев, которые в конце каждого четырехлетнего срока пытались представить себя друзьями рабочего класса, нападая на него все остальное время. А теперь они пытаются возложить на демократов вину даже за крах 1929 года. Публика стала реагировать более активно. Лидеры профсоюзов были явно увлечены речью. И тут Рузвельт сделал неожиданный поворот: «Республиканские лидеры, видимо, уже недостаточно удовлетворены нападками на меня, на мою жену, на моих сыновей. Неудовлетворенные этим они напустились на мою маленькую собаку Фалу. Разумеется, я не против на-

падок, и моя семья не особенно волнуется по этому поводу. Но Фала волнуется... Они состряпали историю, будто я оставил ее на Алеутских островах, а затем послал за ней эсминец — налогоплательщикам это обошлось в два или три, или восемь, или двадцать миллионов долларов... На Фалу это так подействовало, что она теперь сама не своя. Это уже не прежняя собака... Я привык слышать измышления на свой счет, но свою собаку защитить просто обязан».

То был во многом эмоциональный удар по умелому и энергичному сопернику — губернатору Нью-Йорка Дьюи, одним из слабых мест которого было отсутствие чувства юмора. Реакцию публики трудно описать. Как заметил один из репортеров, «даже самые непримиримые из республиканцев не смогли не улыбнуться». На глазах многих были слезы.

Это была удачная речь. Газета «Тайм» писала: «Чемпион нанес мастерский удар по претенденту». Надо сказать, что в эти дни предвыборной схватки Рузвельт дал обещание, не выполненное до сих пор. Выступая в Филадельфии, он обещал возвратить американские войска после победы из всех заморских стран домой. Никто не знает, был ли он искренен. Ведь его послевоенные планы предполагали наличие у «четверых полицейских» реальной и быстро применимой силы.

Последние недели (возможно, месяцы) перед президентскими выборами 1944 года прошли довольно благополучно для Рузвельта. Его противникам из республиканской партии не удалось доказать, что президент «продал Польшу», согласился на раздел сфер влияния в Европе, принял невероятно жесткий курс в отношении будущего Германии. Рузвельт сумел заранее дезавуировать или по меньшей мере смягчить подобные обвинения. Не найдя достаточно уязвимых мест во внешней политике Рузвельта, оппозиция пыталась использовать факт ухудшившегося здоровья президента. Она распространила в июле снимок, на котором президент выглядел изможденным.

Республиканские газеты, намекая на здоровье Рузвельта, напомнили, что шесть президентов умерли в Белом доме. Республиканцы говорили всем и каждому, что Франклину Рузвельту шестьдесят два года, а Томасу Дьюи — сорок два. Чтобы рассеять сомнения в физическом состоянии Рузвельта, его врач вице-адмирал Макинтайр опубликовал итоги обследования: «На восемь или девять фунтов меньше, чем оптимум. Честно говоря, я бы добавил несколько фунтов. Он не был в бассейне со времени поездки в Квебек. Но он собирается посещать бассейн сейчас. Он хороший пловец, и это дает ему возможность проделывать физические упражнения... Никаких органических недостатков. Здоровье в норме. Он делает ежедневно огромную работу. Но выносит эти нагрузки изумительно. Слухи о слабости его здоровья объяснимы в годы выборов, но они не имеют под собой оснований».

Активность Рузвельта осенью 1944 года давала ответ тем, кто сомневался в его физической способности вести государственный корабль. Миллионы американцев

видели президента, который преодолевал страшные испытания военных лет, постоянный стресс с неизменной улыбкой. («Мужество — это достоинство, проявляемое под давлением обстоятельств»,— говорил Черчилль.) Чтобы опровергнуть все домыслы, Рузвельт 21 октября 1944 года пошел на испытание в характерном для себя духе. Во время четырехчасовой поездки по Нью-Йорку он, несмотря на проливной дождь, откинул верх машины и снял шляпу. Холодный осенний дождь быстро промочил всех пассажиров президентской машины до нитки. Дважды Рузвельт быстро переодевался, но не сократил маршрута и времени следования. Он сидел и махал шляпой, а дождь безжалостно поливал. Седые волосы слиплись, сквозь мокрое пенсне ничего не было видно, но сотни тысяч ньюйоркцев могли наблюдать его знаменитую улыбку.

На Эббетс Филдс под звуки многотысячной овации он сумел взобраться на трибуну и обратился к толпе с самой лучезарной из своих улыбок. Эта безмятежность среди шторма, метеорологического и политического, явно подкупала. Когда он закончил говорить, на нем не было сухой нитки. Но страна поверила, что он выдержит еще один срок. Даже пресса соперников писала, что видела символ жизнестойкости. Зеленый «паккард» проследовал далее — через Квинс к Бронксу, затем через Гарлем по Бродвею. Толпы людей, презревших непогоду, обещали победу. Он остановился на Вашингтон-сквер, где у Элеоноры была своя квартира. Чтобы прийти в себя, он, по совету Макинтайра, налил себе виски. Грейс Талли пишет, что это был единственный случай за период ее работы с президентом, когда он выпил более двух рюмок крепкого (несмешанного) напитка. Спиртное и часовой сон помогли — Рузвельт отправился в «Уолдорф Асторию», где его уже ожидала тысяча журналистов и членов Ассоциации внешней политики.

Рузвельт рассказал такой эпизод. В 1933 году его жена посетила урок истории в американской школе. В классе висела карта, где одна шестая часть земной поверхности представляла собой белое пятно — «ни названия, ни информации. И учитель сказал, что эта территория не имеет названия, потому что школа запретила ему говорить что-либо о большом белом пятне. А это было место, где жили 200 миллионов человек, и называлось это место Советской Россией». А теперь американцы воюют вместе с русскими.

Ключевой вопрос — об организации, гарантирующей мир в будущем. Будут ли Соединенные Штаты обязаны выступить с оружием против нарушителя международного спокойствия? У президента не было сомнений: «Мир, как и война, может возобладать, только если будет проявлена воля сражаться за него и если будет существовать сила, способная обеспечить условия его существования». Совет Объединенных Наций должен обладать необходимыми прерогативами для упрочения мира посредством применения силы. «Полицейский не будет эффективным, если, увидев грабителя, отправится в муниципалитет, чтобы обсудить возможность ареста. Моему простому уму ясно, что, если мировая организация желает быть

реальностью, наши американские представители должны быть наделены заранее полномочиями от конгресса.»

Зал встал и овацией приветствовал оратора. Под этот гром Рузвельт проследовал к эскалатору, откуда лимузин доставил его в президентский поезд, следующий в Гайд-Парк. Рузвельт был сам искренне удивлен тем, что его организм без последствий перенес этот большой политический день — «ни следа простуды». Тот факт, что многотысячные толпы стояли под дождем четыре часа, чтобы выразить ему свою солидарность, решающим образом укрепил уверенность президента в своем политическом будущем.

Это приподнятое настроение не покидало Рузвельта вплоть до выборов. В конце октября за три дня он проехал семь штатов и произнес две ключевые речи в Филадельфии и Чикаго. Помогали и события на фронтах, особенно начавшаяся 18 октября высадка американских войск на тихоокеанском острове Лейте. За две недели до выборов Макартур высадился на Филиппинах — он выполнил свое знаменитое обещание вернуться. На очередной пресс-конференции Рузвельт подчеркнул, что противник был застигнут врасплох. Непосредственно накануне выборов Рузвельт выступил в Бостоне, где ровно четыре года назад обещал не посылать американских парней для участия в зарубежных войнах. Президент напомнил об обещании четырехлетней давности и резюмировал ситуацию: «Я уверен, что любой настоящий американец пошел бы по тому же пути, по которому пошло мое правительство, он, безусловно, стал бы сражаться, когда наша собственная земля стала объектом неожиданного и коварного нападения. Что касается меня, то при тех же обстоятельствах я бы пошел по тому же пути — снова, и снова, и снова». При последних словах зал разразился овацией.

Немцы тоже приняли участие в избирательной кампании 1944 года. Берлинское радио призвало американцев очистить от Рузвельта дом, который когда-то был белым.

Более серьезную опасность для Рузвельта представляли те, кого идеи предоставления судеб мира «четырем полицейским» не удовлетворяли как обращение к старым, столетней давности, методам обанкротившейся дипломатии. Выражая взгляды либералов, журнал «Нэйшн» отмечал «поразительную схожесть принципа "четырех полицейских" с принципом "нового порядка", который страны "оси" пытались навязать Европе и Азии». Либералы были крайне разочарованы выбором сенатора Г. Трумэна в качестве напарника президента. Прежний вице-президент, Г. Уоллес пользовался в этих кругах заслуженной репутацией, а Г. Трумэн был далек от американского либерализма. Между тем Рузвельт в ходе предвыборной кампании активно развивал тему либерализма, вышедшего на международную арену. Он трактовал результаты конференции в Думбартон-Оксе (август 1944 года) как отправную точку либерализации всей системы международного обмена.

Лидер нации

В день выборов, 7 ноября 1944 года, Рузвельт прибыл в Гайд-Парк, где обычно голосовал. На вопрос о роде занятий он, как всегда, ответил «выращивание деревьев». На этот раз предстояло опробовать новшество — избирательную машину. Рузвельт зашел за занавеску, но техника ему не далась. Окружающие слышали возгласы, что «эта проклятая машина не работает». Последовало много советов, которые и помогли одолеть технические трудности — единственные для Рузвельта в этот день.

За обеденным столом Рузвельт подсчитывал поступающие результаты. Элеонора следила, чтобы у гостей был сидр. К десяти часам вечера стало очевидно — Рузвельт побеждает в главных штатах. В конечном счете он получил 53,5 процента голосов избирателей и владел голосами 432 выборщиков против 99 голосов у Дьюи. Успешно сработала созданная еще в 1932 году коалиция — профсоюзы, национальные меньшинства, бедняки городов, южане, солдаты армии.

В полночь Рузвельт выехал на коляске к группе соседей, шедших парадом с факелами мимо дома президента. Анна накрыла ему плечи старым морским свитером, герой дня улыбался и махал рукой. «Похоже, мне придется быть в Вашингтоне еще четыре года.» Неподалеку под деревом слева от террасы он увидел группу мальчишек, которые напомнили ему молодые годы, когда он «искал убежища от сурового распорядка дня среди надежных ветвей того же самого дерева».

Соседи ушли, и Элеонора пригласила журналистов на рюмку сидра. Все ожидали заявления Дьюи. В четверть четвертого Дьюи без особого изящества признал свое поражение, но так и не послал поздравительной телеграммы победителю, за что Рузвельт, отходя ко сну, назвал его сукиным сыном. Президенту, возможно, было одиноко. Детей разбросала война: ФДР-младший и Джон воевали на Тихом океане, Эллиот — в Европе, а Джеймс находился на Гавайях. Джон написал отцу, что они все встретятся «на той же веранде через четыре года, когда это шоу закончится».

Рузвельт успешно выдержал «национальный экзамен» — он был в четвертый раз избран на пост президента. Существенно, что оппозиция, которую Рузвельт боялся все эти годы,— традиционные изоляционисты — была сокрушена и в палате представителей, и в сенате. Ее лидеры, такие как Г. Фиш и Дж. Най, потеряли места в сенате. Это означало, что президент получил полномочия от своего народа на более активную политику на мировой арене. Теперь Рузвельт мог смело экспериментировать. Америки могла следовать оптимальным, по его мнению, курсом в мировой политике.

Победа на национальных выборах 1944 года показала, каким авторитетом и влиянием пользуется политика Рузвельта у американского народа. Он преуспел в со-

здании национального консенсуса. В то же время он не сумел создать плеяды единомышленников вокруг себя. Более того, верхний эшелон находился в состоянии постоянной внутренней борьбы (госдепартамент против Пентагона и т.п.). Это помогало президенту царствовать и править, но не позволяло выработать систему гладкого перехода дел к преемнику, не подготовило администраторов для огромной зоны влияния, осененной крыльями американского орла, в 1945 году.

Рузвельт определенно ужесточил политику в отношении европейских метрополий в целом. Даже идея широкомасштабной помощи Англии в октябре — ноябре подверглась сомнению Рузвельта. Он сократил обещанную помощь по ленд-лизу — только 5,5 миллиарда долларов в период между поражением Германии и Японии, что на 20 процентов меньше запрошенного англичанами. Рузвельт ревниво отнесся к встрече Черчилля со Сталиным в октябре 1944 года. Он попросил премьера позволить послу Гарриману присутствовать на всех важнейших беседах. Но обстановка предвыборной борьбы диктовала соблюдать осторожность, и Рузвельт запретил Гарриману подписывать какой бы то ни было документ, даже самый общий. Уже тогда становилось ясно, что президент ждал, когда окончатся выборы и трое глав великих держав смогут встретиться с глазу на глаз. Пока же он телеграфировал Сталину: «Идет глобальная война, и нет буквально ни одного вопроса, военного или политического, в котором Соединенные Штаты не были бы заинтересованы... Моим твердым убеждением является то, что решение до сих пор не закрытых вопросов может быть найдено только нами тремя вместе». Это придавало визиту Черчилля в Москву характер предварительной разведки боем.

Но это была серьезная дипломатическая разведка. Вопреки всему, что писалось и говорилось о несклонности Рузвельта к «дележу» сфер влияния, он поддержал стремление Черчилля обозначить границы взаимодействия великих союзников на Балканах. 11 октября 1944 года он написал Черчиллю: «Мой активный интерес в настоящее время к балканскому региону объясняется желанием предпринять практические шаги с целью избежать превращения Балкан в арену будущей международной войны, втягивающей нас».

Рузвельта чрезвычайно обрадовало повторенное советской стороной обещание выступить на Дальнем Востоке через три месяца после победы в Европе. Удовлетворение Рузвельта и высшего американского военного руководства было таковым, что немедленно стал рассматриваться вопрос о поставках советским дальневосточным силам боеприпасов и снаряжения.

Стремление взять на себя «глобальную ответственность» овладевало в ходе войны и американскими военными. Среди двух родов войск (военно-воздушные силы еще не выделились в самостоятельный род) военно-морские силы первыми пришли к «глобальному мышлению». Далеко не сразу такое стратегическое мышление появилось у армейских планировщиков, которые в период между двумя мировыми войнами, по существу, отрицали наличие жизненно важных американских интересов в Ев-

ропе и Азии. Изменения в их мышлении произошли в 1943—1944 годах. Комитет объединенного стратегического обзора пришел в 1943 году к выводу об опасности объединения всей мощи Азии под главенством одной державы. А вскоре подобные же выводы американские военные начинают делать и в отношении Европы. Так, из американского посольства в Париже докладывают о новых взглядах союзного главнокомандующего на западном фронте: «Генерал Эйзенхауэр не считает, что в наших интересах было бы доминирование в Европе одной державы, ибо тогда в мире были бы сверхмощная Европа, несколько потрясенная Британская империя и мы».

Соображения стратегической разведки совпали с выводами военных. Летом 1944 года Отдел стратегических служб в сводном докладе указал, что «наши интересы требуют проведения политики, направленной на предотвращение серьезной угрозы безопасности Британским островам (и Соединенным Штатам) посредством консолидации большей части европейских ресурсов в руках одной державы».

Возможно, наиболее убедительным образом выразили императивы новой глобальной политики для США специалисты военно-воздушных сил, подчеркнувшие важность новой военной технологии: «Радиус действия современных бомбардировщиков сейчас имеет мировой масштаб». Бомбардировка Лондона ракетами фау-2 указала на новый способ достижения американской территории ударами из-за океана. Теперь вооруженные силы противника могли бы «без предупреждения преодолеть все прежде видимые барьеры или линии обороны и нанести сокрушающие удары по нашим населенным центрам, по нашей индустриальной, экономической мощи и правительственным центрам».

Итак, к последнему году второй мировой войны американские стратеги закрепились на тех позициях, к которым они приближались в 1917 и 1940 годах,— на позициях активного противодействия возможности контроля одной страны на массиве Евразии. Вперед вышли геополитические соображения, которые подмяли под себя прежние установки американской дипломатии: самоопределение наций, либеральная мировая торговая система, коллективная безопасность, «свободы», обозначенные в Атлантической хартии, и прочее.

Новая Европа

В последние месяцы 1944 года Рузвельт видел опасность открытого блокирования с дискредитировавшими себя в Европе откровенно правыми силами. Когда Черчилль проинформировал итальянского премьера Бонами о неприемлемости введения в кабинет графа Сфорцы, ставшего одним из символов антифашистской борьбы для буржуазных либералов, президент Рузвельт дал указание своему послу в Италии Вайнанту выразить сожаление по поводу действий англичан. Черчилль возмутился, претензии американцев начали его раздражать. Он заявил, что аме-

риканцы слишком много на себя берут, что именно англичанам «вручено командование в Средиземноморье, подобно тому, как американцы владеют командованием во Франции».

Дипломатическая стратегия президента Рузвельта не предполагала деления мира на зоны ответственности великих держав. Рузвельт хотел держать эти зоны открытыми, он верил, что сработают экономические факторы. Прежний «реальполитик» считал классическую дипломатию нескольких суверенных центров, окруженных зоной особого влияния, устаревшей системой. Более того, он считал, что попытки восстановления таких зон, по существу, «загоняют» США в их западное полушарие, а на это Рузвельт не был согласен. И госдепартамент получил распоряжение пойти на резкий антибританский шаг: опубликовать обзор действий английской дипломатии в итальянском вопросе. Открылись своекорыстные махинации Лондона. Британский премьер пришел в ярость. Никогда — ни до, ни после — переписка двух величайших политиков своей эпохи не отличалась такой враждебностью. Черчилль со всей силой своего красноречия напомнил Рузвельту о его заигрывании с Дарланом, о случаях беспринципного оппортунизма и «священного эгоизма». Риторика, однако, уже мало действовала на ветерана американской политической арены. Слова должны были отражать реальное, а не мифическое соотношение сил.

27 ноября 1944 года Рузвельт отправился на три недели в «малый» Белый дом в Уорм-Спрингсе (штат Джорджия). Он впервые приехал сюда со времен Пирл-Харбора — хотел, как прежде, отметить День благодарения вместе с больными полиомиелитом. Здесь он много спал, читал в свое удовольствие, просматривал почту, во второй половине дня сидел на солнце или разъезжал по окрестностям на «форде» выпуска 1938 года. Рузвельт любил Уорм-Спрингс за круто пересеченную местность, за климат, за еще не пришедшую в упадок деревенскую жизнь, за построенный по собственному проекту коттедж. «Веранда высокая, как рубка корабля. Превосходная точка для обзора закатов. Я всегда чувствовал себя здесь как дома.» Доктор Брюэнн был доволен процессом укрепления жизненных сил своего пациента. Цвет лица стал здоровым, настроение поднялось. Э.Рузвельт писала, что «Джорджия дала ему много радости».

Отдыхая в Уорм-Спрингсе, Рузвельт напомнил Черчиллю, что он никогда не соглашался на предоставление целых регионов под исключительную опеку Лондона. В данном конкретном случае особенно. Итальянский премьер-министр получил письмо Рузвельта, в котором говорилось, что Италия является «зоной совместной англо-американской ответственности» и что американская сторона не допустит односторонних действий своего партнера. В сходной же манере Рузвельт не поддержал на этом этапе односторонних действий англичан в Греции.

Черчилль был готов удовлетвориться положением младшего партнера, но он буквально приходил в бешенство, когда некоторые недалекие американцы пыта-

лись отлучить его от проклятия века — геополитики. Особенно острым стал для Черчилля этот вопрос в начале 1945 года, когда американские критики морализировали по поводу английской политики в Греции. «Что такое силовая политика? — вопрошал английский премьер своих американских критиков.— Является ли обладание военно-морским флотом, вдвое большим любого другого в мире, силовой политикой? Является ли обладание величайшими военно-воздушными силами в мире, с базами во всех концах земли, силовой политикой?» А лорд Галифакс заметил, говоря об американцах, что «беда этих людей в том, что они в большой степени являются жертвами ярлыков — силовая политика, сферы влияния, баланс сил и т.д. Как будто когда-либо было заключено такое международное соглашение, как доктрина Монро». И когда американские газеты опубликовали текст приказа Черчилля расстреливать в случае необходимости «коммунистических мятежников» (именно те силы, которые освободили Грецию и являлись лучшими борцами против германских оккупантов), Рузвельту было трудно доказать, что это делалось без молчаливого согласия американского правительства. Рузвельт направил Черчиллю послание с выражением неодобрения действий англичан в Греции и недвусмысленной угрозой: «Попытка поступить таким образом даст вам только временные преимущества, но в конечном счете нанесет ущерб основам наших взаимоотношений». Склонность Черчилля решать возникающие проблемы обращением к оружию вызывала у Рузвельта опасение, что если СССР и Китай начнут решать свои внешнеполитические проблемы подобным образом, то США окажутся перед выбором: последовать их примеру или уйти в изоляцию.

Критической в этой конъюнктуре становилась позиция СССР. Из Вашингтона поступил запрос к послу Гарриману с просьбой дать оценку мировой стратегии СССР. Гарриман в тщательно обдуманном ответе сообщил своему президенту следующее. Сталин следует одновременно по двум курсам — дружественность к Западу и недоверие к нему. Эта страна отчаянно нуждается в мире. Нет сомнения, что Москва хотела бы продолжения тесных союзных отношений с Америкой и после войны. Но испытания военных лет сделали русских подозрительными. Они осознают свои слабости. Они уже заглянули в бездну национального краха. И поэтому, если встанет вопрос об обеспечении их безопасности, они готовы приложить любые усилия, они готовы на все. Гарриман указывал, что прежний опыт диктует советскому руководству необходимость идти на любые меры, если они увеличивают безопасность страны. Практически это означало, что СССР способен на односторонние действия. Никакой авторитет международной организации не может иметь преобладающего влияния там, где речь идет о выживании. Видимо, этим будет руководствоваться Москва в отношениях со странами-соседями. Конкретный совет посла сводился к тому, что к политике русских нужно отнестись с пониманием и в то же время «твердо противостоять им там, где они неправы». Рузвельт решил отложить вопрос о выборе курса в отношениях с СССР до личной встре-

чи со Сталиным. В общем и целом он был склонен видеть будущее оптимистически. Если даже его жестко настроенный посол видит возможности взаимодействия с русскими, почему должен разувериться он, давний сторонник этого курса?

Рузвельт пытался — и не без успеха — перенести на внешнюю среду тактику, которая так хорошо срабатывала у него на внутренней арене, когда он противопоставлял одних своих помощников другим и вовлекал их в межведомственные распри, становясь при этом верховным арбитром. В своей союзнической стратегии Рузвельт также хотел найти поле соперничества для Черчилля и Сталина и, пользуясь доверием обоих, заставить их противостоять друг другу, ожидая американской помощи и арбитража. В некоторых ситуациях ему это удавалось. К примеру, Рузвельт сумел создать у Сталина впечатление, что он стремится поддержать идею скорейшего открытия второго фронта, а Черчилль стоит у него на пути.

Но эта тактика имела слабости. Рузвельт не добился благоволения у французов, а вызвал непримиримую враждебность де Голля. Советское руководство, видя политиканство Рузвельта, в конечном счете вынуждено было обратиться к собственным ресурсам. Возможно, Рузвельт сумел выиграть войну максимально экономичным путем, но те, кто заплатили наибольшую цену, не забыли этого.

Во внутренних делах тактика Рузвельта тоже иногда не давала ожидаемого результата. Так, к периоду решающих межсоюзнических выяснений отношений официальный глава американской дипломатии К. Хэлл пришел к заключению, что его «оттирают» от участия в важнейших делах, и подал в отставку. А именно в это время (декабрь 1944 года) он был нужнее всего президенту. Рузвельт попросил Хэлла остаться на посту до 20 января и занялся поисками нового главы внешнеполитического ведомства. Его выбор пал на Э. Стеттиниуса, никогда ничем не отличавшегося в сфере большой политики. Было ясно, что выбирая менеджера, чиновника, организатора, Рузвельт старается оставить за собой функции ведущего стратега. Когда Стеттиниус представил список своих заместителей — Дж. Грю, Дж. Данн, Н. Рокфеллер и А. Маклейш, Рузвельт не мог не отметить, что в дипломатию входят представители консервативной волны. Элеонора Рузвельт писала, что «с Данном, Клейтоном и Ачесоном в качестве заместителей госсекретаря Стеттиниуса чем этот госдепартамент отличается от того, каким он был бы при Дьюи?» Нет сомнений, что Рузвельт мирился с «правыми» как с исполнителями. Он не предполагал, что скоро они могут встать у контрольных рычагов.

На пресс-конференции в декабре 1944 года Рузвельта спросили (видимо, под влиянием его новых назначений), в каком политическом направлении он дрейфует — вправо или влево. Рузвельт сказал, что ответ был дан еще одиннадцать с половиной лет назад, когда он огласил цели своего пребывания в Белом доме. Его цель — занять позицию несколько левее центра. Корреспондент попросил президента уточнить, как это согласуется с шестью назначениями явно правых в государственном департаменте. Рузвельт: «Я могу назвать *себя* стоящим немного левее цент-

ра. Я принял много людей в администрацию — о, я знаю, что некоторые из них крайне правые и крайне левые, да и разные есть — много людей в администрации, и я не могу поручиться за всех». Рузвельт твердо надеялся на то, что важнейший фактор — позиция президента. Это было так, пока он сам занимал этот пост.

★ ★ ★

В декабре 1943 года в Каире Рузвельт задал генералу Стилуэлу вопрос: как долго продержится Чан Кайши у власти? Стилуэл не мог дать президенту никаких доказательств политической крепости и жизнестойкости чанкайшистского режима. Еще большие сомнения принес 1944 год. Совсем недавно в Каире Рузвельт обещал генералиссимусу полную поддержку, веря, в отличие от скептически настроенного Черчилля, в возможность создания мощного централизованного китайского государства, модернизирующего свою систему жизни по западному пути. Президент требовал от своих дипломатов и военных, чтобы они обращались с Чан Кайши как с руководителем великой державы, одной из «четырех великих». Но американские генералы видели слабости Чунцина так же ясно, как и Черчилль. Однако Рузвельт не видел на китайском горизонте более надежной политической фигуры, готовой на тесный союз с американцами. Он приложил большие усилия для регулярных поставок националистическому Китаю оружия и снаряжения. По бирманской дороге доставлялись грузы, которые должны были укрепить мощь китайского союзника. И все же, по мере того как проходил этот решающий военный год, становилось очевидным, насколько слаб Чан Кайши, насколько недееспособна его армия. Именно тогда (июнь 1944 года) журналист и будущий историк Т. Уайт писал, что режим гоминдана «заключает в себе худшие черты Таммани-холла и испанской инквизиции».

Несмотря на поддержку Америки, китайцы в 1944 году едва сдерживали японцев. В критической ситуации 6 июля Рузвельт заставил Чан Кайши сделать еще один шаг в процессе предоставления американцам контроля над китайскими вооруженными силами. Обращение президента Рузвельта было передано по радио: «Чрезвычайно серьезная ситуация, которая явилась результатом японского наступления в Центральном Китае, угрожает не только вашему правительству, но и частям американской армии, развернутым в Китае. Это приводит меня к заключению, что для исправления положения должны быть предприняты чрезвычайные меры». И хотя Рузвельт хорошо знал о враждебных отношениях Чан Кайши и генерала Стилуэла, он предложил генералиссимусу передать американскому генералу военное руководство во всей полноте, т.е. практически абсолютную власть над всеми китайскими войсками. Чан Кайши получил через специально прибывшего офицера послание Рузвельта. По существу, это послание говорило (словами Б. Такмэн), что «Чан Кайши не способен управлять своей страной в ходе войны. Оно... объявляло его "земляным орехом"». 9 августа 1944 года Рузвельт объявил имена своих посланцев «ко двору» Чан Кайши: генерал С. Хэрли и промышленник Д. Нелсон.

Осенью наступление японцев достигло своего пика, и Рузвельт, чрезвычайно обеспокоенный, уже не просил, а требовал от Чан Кайши передачи военного командования генералу Стилуэлу. Именно Стилуэл вручил Чан Кайши послание с этим требованием. Согласно описанию генерала, «гарпун поразил его прямо в солнечное сплетение. Это был меткий удар. «Земляной орех» разве что стал зеленым и потерял дар речи, но не моргнул глазом. Он только сказал мне: "Я понял"». Сцена, далекая от пафоса Атлантической хартии, от «единения демократий», от клинически чистых схем морального руководства этим беспокойным миром. По крайней мере с одним «мировым полицейским» Рузвельт не церемонился уже в 1944 году.

Чувствуя вероятность потерь позиций в Китае, Рузвельт санкционирует беспрецедентную дипломатическую операцию: поиск контактов с коммунистическими силами севера Китая. Свои надежды в китайском вопросе Рузвельт возлагает на некое примирение Чан Кайши и Мао Цзэдуна. Любая форма компромисса между ними, казалось, позволяла рассчитывать в борьбе с японцами на полмиллиона гоминдановских войск, привязанных к районам, пограничным с зоной, контролируемой Коммунистической партией Китая (КПК). Рузвельт выказал готовность послать своих представителей в Северный Китай. Он отправил в Китай вице-президента Г. Уоллеса с целью нащупать возможности улучшения отношений между гоминдановским Китаем и СССР, между Мао Цзэдуном и Чан Кайши. По поручению президента Уоллес сказал Чан Кайши следующие страшные для него слова: «Если генералиссимус не сможет найти общий язык с коммунистами, то президент может оказаться не в состоянии сдержать русских в Маньчжурии». Чан Кайши выразил согласие на визит американских советников в коммунистические районы, на американское посредничество в переговорах с Мао Цзэдуном. В Янань, где расположился штаб Мао Цзэдуна, прибыли американские дипломаты и военные, чтобы попытаться получить влиятельные позиции и здесь, на севере. Американцам в Янани задавали весьма неожиданные вопросы: вернется ли Америка после войны к изоляционизму? Каковы планы США в отношении Азии и Китая? На какие силы будут США опираться в Китае?

9 сентября 1944 года американский посол Гаусс информировал Чан Кайши, что Рузвельт настаивает на прекращении фракционной борьбы среди китайцев, на поисках путей примирения и сотрудничества. Под угрозой оказалась опора на Китай как на один из стержневых элементов мировой стратегии президента Рузвельта: «Мы стоим перед угрозой потери критически важного Восточного Китая, что имело бы катастрофические последствия... Передвижение наших войск через Тихий океан происходит быстро. Но это наступление может прийти слишком поздно для Китая». Рузвельт увеличил поставку военных материалов националистическому режиму. Вполне очевидно, что он руководствовался не военными, а политическими соображениями. Ему нужны были не победы над японцами в Восточном Китае, а мощный послевоенный Китай как величайшая дружественная сила в Азии и как один из

четырех «мировых полицейских». Помимо прочего он боялся, что Чан Кайши окажется поверженным в гражданской войне и возникнет вероятность появления нового Китая, дружественного прежде всего по отношению к Советскому Союзу.

К концу 1944 года националистический Китай, несомненно, зависел от США, но не было создано взаимоприемлемых форм этой связи. Китайцы отступали, американцы теряли контроль над событиями. В стратегии Рузвельта, предполагавшей «благожелательную опеку» над могучим, контролирующим региональное развитие Китаем, образовалось слабое место. Правда, результаты этого сказались только в 1949 году, но уже к концу войны стала ясна шаткость азиатской опоры рузвельтовской стратегии. Поощряя Чан Кайши, обещая ему высокое место в мировой иерархии, Рузвельт не сумел настоять на основных буржуазных реформах. Чунцин еще не стал мировой столицей, но уже был столицей коррупции, центром с неэффективной администрацией и небоеспособной армией.

Возможно, Рузвельт терял позиции в Китае также потому, что предпочитал двигаться к Японии «южным путем», занимая один за другим острова в Тихом океане, не полагаясь на китайскую базу, не укрепляя китайский фронт, не наращивая американское присутствие на континенте. Лишь на короткое время в 1944 году он готов был сделать континентальный Китай и Тайвань главными базами своего наступления на Японию. Позже президент обратился к Филиппинам и другим опорным пунктам. Китай был предоставлен самому себе. Учитывая разделенность Китая, наличие крупной северной зоны, находящейся под контролем китайских коммунистов, Рузвельт объективно ослаблял один из столпов послевоенного устройства.

10 ноября 1944 года Рузвельт спросил Гарримана: «Если русские войдут в Китай, выйдут ли они оттуда?» Ответ Гарримана утвердил президента в стремлении держаться за прежнюю «лошадку» — Чан Кайши, равно как и убедил его в необходимости предпринять усилия по «западному» примирению Чан Кайши и Мао Цзэдуна. В ноябре 1944 года доверенное лицо президента С. Хэрли был послан в Янань для пробных шагов в направлении сближения с Мао Цзэдуном. На этих переговорах была выработана программа из пяти пунктов, нацеленная на примирение двух главных противоборствующих китайских сил. (После этой миссии Рузвельт назначил Хэрли послом США в Китае.) Стараясь спасти свою схему, в которой партнерство с Китаем было одним из оснований, президент Рузвельт поручил Хэрли укрепить отношения с Чан Кайши, «успокоить» его в отношении американской поддержки. «Сообщите ему доверительно,— писал президент,— что рабочее соглашение между генералиссимусом и войсками Северного Китая в огромной степени облегчит выполнение задачи изгнания из Китая японцев, а также русских. Я не могу ему сказать больше в настоящее время, но он может полагаться на мое слово. Вы можете подчеркнуть слово "русских"». Одновременно в Москве посол Гарриман по поручению Рузвельта спрашивал Сталина о его планах СССР в Азии.

Новому государственному секретарю Э. Стеттиниусу Рузвельт заявил: «Наша политика основана на вере в то, что, несмотря на временную слабость Китая, возможность революции и гражданской войны, 450 миллионов китайцев в будущем найдут возможности для объединения и модернизации, они будут самым важным фактором на всем Дальнем Востоке». Видному английскому политику Рузвельт сказал в эти дни: «Китайцы — энергичный и способный народ. Они могут ввести у себя западную организацию и западные методы так же быстро, как это сделали японцы». При этом Рузвельт все же не предвидел «молниеносного» возвышения Китая. Он полагал, что для утверждения статуса мировой державы Китаю понадобится от 25 до 50 лет. До достижения этой «зрелости» Китай будет пользоваться поддержкой Америки и выступать проводником ее политики в Азии.

Атомная проблема

Весной 1944 года Рузвельту надлежало сделать выбор между двумя курсами. Первый предполагал продолжение атомного сотрудничества с Британией и отрицание такого сотрудничества с СССР. Этот курс обещал реализацию плана превосходства двух «полицейских» Запада над двумя «полицейскими» Востока. Он имел достоинство уже наигранной схемы, которая, казалось, гарантировала американское доминирование на мировой арене на годы вперед. Но у этого курса были и свои недостатки, свои опасности. Столь очевидная демонстрация солидарности англосаксов, бесспорно, могла насторожить СССР. Можно было пойти по второму пути — привлекая к сотрудничеству Советский Союз. В этом случае сохранялась надежда, что атомная энергия станет энергией мирной. Человеком, который в обостренной форме поставил вопрос о выборе между двумя курсами, был датский физик Нильс Бор.

Бор предлагал совместную техническую инспекцию, создание общего атомного агентства, четкое разделение мирных и военных исследований. Время — вот что было наиболее важно. Следовало убедить русских, пока они дружественны. Если США и Британия не заключат на ранней стадии исследований соглашения с СССР, то после войны великие страны будут втянуты в самоубийственную гонку атомного вооружения.

И среди американцев появилась группа людей, самым серьезным образом обеспокоенных новой опасностью. Датский посол представил Бора судье Ф. Франкфуртеру, близкому другу Рузвельта, и тот постарался передать президенту основную идею: «Было бы катастрофой, если бы Россия узнала об "X" из собственных источников». Франкфуртер полагал, что у СССР не будет особых сложностей добыть информацию, необходимую для создания собственного атомного оружия. Он сказал президенту, что проблема атомной бомбы может быть важнее вопроса о создании международной организации. Бор предложил хотя бы уведомить совет-

ское правительство о существовании проекта «Манхэттен». Это позволит США смело идти вперед в научных изысканиях и в то же время создаст базу будущего взаимопонимания. Бор писал Рузвельту: «В ходе предварительных консультаций с русскими не будет, конечно же, обмена информацией относительно важных технических деталей; напротив, в этих консультациях должно последовать ясное объяснение того факта, что такая информация должна быть сокрыта до тех пор, пока общая безопасность в отношении неожиданных опасностей не будет гарантирована». Рузвельту не предлагалось передать в руки СССР военные секреты, предлагалось лишь подготовить почву для общей безопасности. Рузвельт не был готов к принятию такого решения. Весной 1944 года он много раз так или иначе касался атомной проблемы (способ доставки руды из Конго; освобождение компании «Дюной» от обвинений с целью сохранить ее специалистов, занятых в проекте; увеличение федеральных ассигнований на проект), но он ни разу не поднял вопроса о международном контроле над атомной энергией.

Подписание 13 июня 1944 года Рузвельтом и Черчиллем Соглашения и Декларации о доверии гарантировало, что США и Великобритания будут сотрудничать исключительно друг с другом в деле овладения контролем над запасами урана и тория во время и после войны, возможности «максимально полного контроля над всеми урановыми месторождениями мира». Рузвельт долго изучал карту Бельгийского Конго с обозначенными на ней урановыми месторождениями. Мысль о вероятной послевоенной гонке в атомной сфере не могла не посетить его. А если так, то он, несомненно, думал о занятии оптимально выгодных позиций в отношении основных источников урана.

Во время беседы Н. Бора и Рузвельта 26 августа 1944 года президент сказал, что об атомных перспективах, возможно, следует поговорить со Сталиным. Такая инициатива может дать хорошие результаты. Сталин понимает значимость данного открытия. Обаяние президента подействовало на собеседника как обычно, и Бор ушел из Белого дома воодушевленный. Он так и не узнал, что наиболее интенсивное обсуждение вопроса об атомном сотрудничестве состоялось 18 сентября 1944 года (уже после второй конференции в Квебеке) на встрече Рузвельта и Черчилля в Гайд-Парке. Рузвельт и Черчилль сошлись в том, что Бору доверять нельзя. Самое важное: они подтвердили свой вывод, что монополия на атомное оружие, которой обладают США и Великобритания, будет их значительным активом в геополитическом соперничестве, которое может возникнуть у них с Советским Союзом.

Главный вывод совместного меморандума звучал так: «Предложение об информировании мира относительно данного проекта... неприемлемо. Нужно продолжать рассматривать данный проект как дело исключительной секретности». Нильс Бор был охарактеризован как опасный заблуждающийся ученый, способный передать военные секреты русским. В указанной записке отражено представление Рузвельта о том, как должно быть использовано атомное оружие в текущей войне: «Ког-

да бомба будет окончательно создана, возникнет возможность после тщательной оценки ситуации использовать ее против японцев, которых нужно предупредить, что бомбардировки будут продолжаться до тех пор, пока они не сдадутся».

Через десять дней после подписания меморандума Рузвельт сказал К. Хэллу: «Нужно удержать Британию от полного банкротства в конце войны. Я не хотел бы, чтобы Британская империя попала в финансовый коллапс, а Германия в то же время восстановила бы свой военный арсенал». Атомное оружие должно было предотвратить такое развитие событий. Вооруженная им, Великобритания будет подлинным надзирателем над Европой, освобождая Америке простор для мировой инициативы.

Из двух альтернатив — сделать атомное оружие подотчетным международному контролю, основой системы международной безопасности или сохранить его в качестве «резервного аргумента» послевоенного мироустройства — президент Рузвельт выбрал второе. Цитируя М. Шервина, можно сказать, что Рузвельт «признал уникальную значимость создания бомбы для соотношения военной силы и увидел в ней мощное дипломатическое оружие». Система «четырех мировых полицейских» начала противоречить складывающемуся положению, при котором двое из них решили обзавестись атомным оружием.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что Стимсон, Буш и Конант были изолированы от выработки атомной дипломатии президента и узнали об официальном курсе лишь из констатации президентом того, что в послевоенном мире будет существовать англо-американская монополия на атомное оружие.

Активизировавшиеся Буш и Конант в течение следующей недели послали Стимсону два меморандума о значимости атомного оружия для будущих советско-американских отношений. Главная идея: они сомневались, что американо-английская монополия может удержаться более трех-четырех лет; нация с достаточными ресурсами, каковой является СССР, быстро догонит своих конкурентов; особенности развития науки могут позволить ей даже выйти вперед. Да к тому же атомные бомбы представляют собой лишь первый шаг на пути развития оружия этого рода. На горизонте уже видна возможность создания в тысячу раз более мощного оружия — водородной бомбы. Безопасность следует искать не в секретности и не в контроле над сырьевыми ресурсами.

На короткое время в конце декабря 1944 года возник вопрос о возможности подключения к западному атомному проекту Франции, но Рузвельт (как и его окружение) решительно воспротивился.

★ ★ ★

К этому времени опасения в отношении овладения немцами атомным оружием начали рассеиваться. Напомним, что Гитлер постоянно говорил о некоем секретном сверхоружии, что создавало у участников проекта «Манхэттен» недобрые предчув-

ствия. В 1944 году нацисты дали три новых вида оружия: Фау-1, реактивный истребитель фирмы «Мессершмитт» и подводную лодку класса «Шноркель». Американцы готовились к худшему. Осенью 1943 года они создали особое разведывательное подразделение «Алсос» (греческий перевод фамилии Гроувз). Сотрудники подразделения носили белый значок «Альфа». Перед ними стояла задача определить, до какой степени продвинулись немцы в атомных исследованиях. Главным научным советником «Алсоса» был голландец доктор С. Гудсмит, физик-экспериментатор, имевший прежде в качестве хобби практику участия в уголовных расследованиях.

23 ноября 1944 года танки генерала Паттона вошли в Страсбург, и «Алсос» немедленно завладел кабинетом ведущего немецкого физика Вайцзеккера. Гудсмит читал записки Вайцзеккера под названием «Ураниум ферайн» при свете свечи. Рядом американские солдаты играли в карты. Когда стало ясно, что рейху не хватило установок для производства плутония и урана-235, немедленно последовал звонок в Вашингтон. Там предположили, что атомные работы, возможно, ведутся в других частях Германии. На это Гудсмит ответил: «Расклейщик плакатов может возомнить себя военным гением, продавец шампанского может замаскироваться под дипломата. Но подобные люди никогда не овладеют достаточными знаниями, чтобы создать атомную бомбу».

В последний день 1944 года Рузвельт обсуждал со своим военным министром проблему взаимоотношений с СССР. Как записал Стимсон в дневнике, Рузвельт сказал: «Сталин использует прежнее английское желание иметь санитарный кордон вокруг СССР в качестве предлога для оправдания русских намерений владеть контролем над Чехословакией, Польшей и другими странами». Стимсон, воспользовавшись моментом, решил связать политику в отношении СССР с атомной политикой. Он полагал, что в СССР уже что-то знают о манхэттенском проекте и на каком-то этапе сохранять в тайне процесс создания бомбы окажется невозможным. Стимсон считал, что русских надо поставить в известность относительно атомного оружия, но сделать это надо, потребовав от них уступок в Восточной Европе. Рузвельт однозначно одобрил линию размышлений своего министра.

Глава шестнадцатая
ЯЛТА

В Ялте президент пожертвовал значительной долей своего здоровья. Но он не пожертвовал ничем другим.

У. Манчестер, 1973

Авраам Линкольн был печальным человеком потому, что он не мог получить всего сразу. И никто не может... Вы не можете, просто крича с крыши дома, все время получать все, что вы желаете.

Ф. Рузвельт, 1933

Пирл-Харбор был отправной точкой американской империи... Изоляционизм был жив только до этого момента; но как только оказалось, что он может обнажить нацию перед военным нападением, ему был нанесен удар, от которого он никогда более не оправился.

Пытались ли американцы навязать свое видение мира Советскому Союзу? Несомненно, именно так оно и выглядело из Москвы: и Рузвельт, и Трумэн делали упор на политическом самоопределении и экономической интеграции с энергией, способной вызвать подозрения Сталина.

Джон Льюис Геддис, 1997

У Рузвельта в столь важном, определяющем дальнейший ход мировой истории 1945 году было чувство, которое хорошо выразил известный американский журналист Т.Уайт: «Мир был флюидным и готовым к перестройке». Ощущение безграничных американских возможностей придавало Рузвельту силы тогда, когда его физические возможности обнаруживали свой предел. Охватившее его чувство было почти всеобщим достоянием. В Вашингтоне, как вспоминал Д. Ачесон, царило убеждение, что «должно быть создано нечто новое», и Соединенные Штаты взяли на себя задачу сформировать тот мир, который придет на смену старому.

Рузвельт полагал, что резко сокращается число подлинно великих держав, что в бывших французских, бельгийских, голландских и итальянских колониях создается вакуум силы и заполнить этот вакуум могут лишь сверхгиганты послевоенного мира — США, СССР, Великобритания. Но России, принявшей на себя глав-

ный удар германской военной машины, нужно будет время, чтобы восстановить из руин свои города. Великобритания, ослабленная военными испытаниями, направит энергию на сохранение своей империи — одна лишь проблема Индии требует всех ресурсов Лондона.

Разумеется, рискованно предсказывать будущее в XX столетии, но одно казалось несомненным Рузвельту: Соединенные Штаты, обладающие гигантским военным и промышленным потенциалом, возьмут на себя руководство ввергнутым в хаос и разруху миром. Веку прежних колониальных империй пришел конец — потрясения мировой войны способствовали нарастанию национально-освободительного движения, и это обещало изменить политическую карту мира. Свобода — это экономическая независимость, а такую роскошь в расстроенном мировом хозяйстве, полагали в Вашингтоне, могут позволить себе немногие. Половина мирового промышленного производства — основа влияния, куда более надежная, чем крошечные анклавы крепостей в море туземного населения. Вашингтон готовился принять на себя «мировую ответственность».

Современный американский историк Т.Паттерсон полагает, что сколь ни уклончив был Рузвельт в определении своих дипломатических целей, ряд их выявляется довольно определенно: «Восстановление мировой экономики согласно принципам многосторонности и открытых дверей; помощь жертвам войны; предотвращение прихода к власти левых сил; обеспечение безопасности Соединенных Штатов посредством создания системы глобальной обороны; комбинация дружественного подхода к Советскому Союзу и его сдерживания. От образования Организации Объединенных Наций до основания Мирового банка, от создания заморских американских баз до займов по восстановлению, от пересмотра границ до изменения состава чужих правительств мы можем видеть, как американцы хотели реализовать свои послевоенные планы посредством применения силы... Американские планировщики надеялись создать капиталистический, демократический мировой порядок, в котором Соединенные Штаты, занимая патерналистскую позицию, стали бы моделью и доминирующей нацией в системе разделения мощи и сфер влияния».

Заменив К. Хэлла на посту государственного секретаря Э. Стеттиниусом (бывшим главой совета директоров «Ю.С. стил», не имевшим дипломатического опыта), Рузвельт еще раз говорил всем заинтересованным, что намерен сам руководить внешней политикой Соединенных Штатов. Окружающие Рузвельта эксперты чутко ловили линию стратегических рассуждений президента. Как пишет американский историк М. Мейо, «планировщики послевоенного мира исходили из диктовок, речей президента, из дипломатических позиций президента на встречах на высшем уровне. Окружение друзей и советников было велико, и у президента прослеживается тенденция через них обойти государственный департамент». По мере того как война шла к концу, самым главным вопросом мировой политики становились будущие отношения США и СССР. Исторической заслугой Рузвельта является то, что

в 1944—1945 годах он приложил усилия, чтобы предотвратить отрицательное воздействие на советско-американские отношения внешних факторов.

Гарриман зафиксировал это в своем дневнике после встречи с президентом в конце октября 1944 года: «Президент последовательно выказывает очень незначительный интерес к восточноевропейским делам». Через несколько недель Гарриман укрепляется в своем впечатлении. Ему кажется, что Европа вообще не находится в фокусе внимания президента. Рузвельт «хотел владеть многими контрольными позициями в тихоокеанском регионе, европейские же вопросы были настолько сложны, что он считал желательным не касаться их настолько, насколько это возможно, за исключением проблемы Германии». Когда бывший американский посол в Польше А. Блисс стал требовать от президента давления на СССР в польском вопросе, Рузвельт воскликнул: «Вы хотите от меня объявления войны России?» Уже в 1943—1944 годах Рузвельт демонстрировал понимание того, что будущее польское правительство должно отличаться от межвоенного варшавского правительства большей дружественностью по отношению к Советскому Союзу.

Складывается впечатление, что все риторическое противодействие Рузвельта признанию нового варшавского («люблинского») правительства проистекало из его боязни «деморализовать» интернациональный, интервенционистский консенсус в США, с такой силой продемонстрированный во время ноябрьских выборов. Он боялся, что укрепление позиций СССР в Польше и Англии в Греции разбудит в американском обществе страхи в отношении того, что в 1945 году повторится 1919 год, повторится Версаль, т.е. послевоенное мироустройство определится не американцами. В январе 1945 года «Нью-Йорк таймс» писала: «Настроение американского народа таково, что действия его союзников могут вызвать у него нежелание тесного сотрудничества с союзниками в целях поддержания мира в Европе и породить волну разочарования, которое заставит побледнеть даже изоляционизм 20-х годов». Рузвельт, всегда внимательно следивший за «пульсом» своей страны, проводивший лучшие часы утра за чтением ведущих газет, не мог быть равнодушен к таким голосам.

Между тем в своем планировании государственный департамент требовал достижения контроля над Западной, Центральной и Восточной Европой. Особенно активным было воздействие на Рузвельта того положения, что концепция «четырех полицейских» не должна создавать зоны собственного влияния у всех четырех великих держав, США обязаны иметь право «входа» в любую из главных мировых зон. Один из ведущих сотрудников госдепартамента А. Берль писал, что США должны овладеть контролем над всей Европой, «расположенной к западу от русской границы... создать взаимозависимую континентальную систему, объединенную в основных своих параметрах». И чем ближе дело приближалось к развязке, тем настойчивее планировщики госдепартамента требовали распространения американского влияния вплоть до советских границ. По оценке госдепартамента, европейская стабильность

зависела «от поддержания здоровых экономических отношений и ощутимого уровня процветания во всех частях континента». Еще совсем недавно в Вашингтоне говорили о Восточной Европе как о менее всего интересующей Америку части света. Теперь начиналось движение в противоположном направлении.

Контрнаступление немцев в Арденнах, осуществленное в декабре 1944 года под личным руководством Гитлера, во многом спутало карты Рузвельта. Он надеялся быстрее пробиться в Рейнскую долину, овладеть «сердцем Германии». Декабрьские события показали, что рейх еще способен к сопротивлению. Потеряв в ходе войны 3 миллиона солдат и офицеров, Гитлер продолжал командовать 10-миллионной армией. Американо-английские бомбардировки Германии, достигшие пика интенсивности, не дали желаемых результатов. Германская военная машина продолжала работать на полных оборотах. Нет сомнения, что Рузвельтом в конце декабря владели мрачные чувства. Если Германия создаст мощный оборонительный вал на Западе, его общая стратегическая схема может рухнуть. Судьбу войны решат русские и решат так, как сочтут нужным. Уже Румыния и Болгария взаимодействовали с Советской Армией, и у советских войск были хорошие шансы не только овладеть Венгрией и Чехословакией, но и выйти на контрольные позиции в Австрии и, что важнее всего, в средоточии европейской мощи — в Германии, со всеми вытекающими последствиями.

Но Арденнское наступление немцев уже через несколько дней после своего начала захлебнулось, и военный министр Стимсон указал, что действует прежний план, рассчитанный на достаточно быстрое овладение жизненными центрами Германии.

Военно-промышленный комплекс

Американское военно-морское строительство к этому времени приобрело гигантские масштабы. Производство самолетов достигло рекордного уровня. Это означало, что внешние рычаги Штатов усилились за несколько лет многократно. Стимсон и военно-морской министр Дж. Форрестол разработали новую систему национальной воинской службы. И, что очень важно отметить, президент предлагал на 1946 год расходы лишь немногим меньше фантастического уровня 1945 года. Рузвельт постарался восстановить пошатнувшееся доверие к активной международной политике в своем обращении к конгрессу «О положении страны» (январь 1945 года): «Испытав разочарование после окончания предшествующей войны, мы потеряли надежду построить лучший мир из-за того, что нам не хватило мужества взять на себя ответственность в очевидно несовершенном мире. Мы не должны позволить, чтобы подобное повторилось, или мы снова пойдем по той же трагической дороге — по дороге к третьей мировой войне». Президент просил американцев не преувеличивать сложность греческой и польской проблем, встав-

ших перед союзниками, он призвал не дать «многим специфическим и текущим проблемам, связанным с освобождением Европы, послужить причиной отсрочки создания действующего на постоянной основе механизма поддержания мира».

В своем послании конгрессу «О положении страны» Рузвельт предупредил, что враг рассчитывает на раскол антигитлеровской коалиции. Кульминацией послания была аргументация в пользу создания новой мировой организации — Объединенных Наций, должной придать миру устойчивость и справедливое руководство. Послание кончалось словами: «Этот новый 1945 год может быть годом величайших достижений человеческой истории... 1945-й может увидеть финал нацистско-фашистского царства террора в Европе. 1945-й может увидеть приближение союзных войск к силовым центрам империалистической Японии... И самое важное из всего — 1945-й может и должен увидеть серьезное начало организации мира».

Американская авиация сделала все возможное, чтобы уже к началу 1945 года Берлин лежал в руинах. Возвратившийся из Вольфшанце, своего командного пункта, в Берлин Гитлер теперь видел надежду лишь в развале той «неестественной» коалиции, которая ему противостояла. Он рассчитывал, что США и Англию устрашит возможность увеличения влияния СССР на Балканах и Ближнем Востоке, что Вашингтон будет недоволен усилением Британии в Средиземноморье, а СССР проявит недоверие к своим капиталистическим союзникам. «Тот,— говорил Гитлер,— кто, как паук, будет сидеть в центре сети, сможет наблюдать развитие событий, сможет увидеть, как эти антагонизмы час от часу станут все сильнее».

В рядах союзников действительно существовали противоречия, особенно явные порождались отношением к лондонскому комитету поляков. Самыми важными были вопросы послевоенного устройства. Какие факторы будут решающими в этом процессе?

В предпоследний день 1944 года Рузвельту передали послание, полученное Маршаллом от руководителя работ по атомному проекту генерала Гроувза: «Сейчас становится определенно ясно, что наши оперативные планы должны быть основаны на создании бомбы в виде снаряда, мощность которого, по нашим оценкам, будет равна десяти тысячам тонн тринитротолуола. Первая бомба, если не производить предварительного полномасштабного испытания, которое не кажется нам необходимым, будет готова примерно 1 августа 1945 года. Вторая должна быть готова до конца года... 509-я смешанная группа проходит обучение и помогает, участвуя в главных испытаниях».

Далеко в Аламогордо создавалось сверхоружие, американская экономика добилась непревзойденных результатов, но судьба мировой войны в данном случае решалась в районе Берлина, и Советская Армия была к нему ближе, чем западные союзники.

В Германии Гудсмит с «Алсосом» продолжил свою охоту. После Вайцзеккера оставался Гейзенберг — лишь он, твердый приверженец идеи возможности созда-

ния атомного оружия, мог реализовать этот проект в Германии. Он действительно построил зимой 1943—1944 годов небольшой реактор, используя 3 тонны урана и тяжелой воды. Лаборатория Гейзенберга помещалась в бывшем пивном предприятии близ Штутгарта, на склоне швабских Альп. Но и здесь становилось опасно. Гейзенберг переместил лабораторию в огромную пещеру около Тюбингена. Через несколько недель лихорадочных работ в ходе опытов с ураном и тяжелой водой начались поиски критической массы. Ежедневно из Тюрингского леса прибывал уран. Расстояние до американского «Манхэттена» довольно быстро сокращалось. Именно на этой стадии американские войска захватили главный центр германских атомных исследований. Исчезли последние сомнения в отношении того, есть ли у немцев атомное оружие. Гудсмит, ликуя, сказал армейскому майору, прикомандированному к «Алсос»: «Прекрасно, что у немцев нет атомной бомбы. Теперь нам нет нужды использовать свою». На что майор, далекий от мира физики, ответил: «Вы же понимаете, Сэм, что если мы имеем такое оружие, мы используем его».

Но на противоположной стороне земного шара американцы пока стояли перед большими трудностями. Будущие жертвы атомной бомбардировки еще не покорились своей судьбе. Надежды Токио теперь питались лишь тем, что девять камикадзе потопили американский легкий авианосец, повредили три авианосца и унесли с собой жизни ста американцев.

В начале 1945 года американские войска высадились на Лусоне, самом большом острове Филиппин. Захват Иводзимы, острова вулканического происхождения на полпути между Гуамом и Японией, позволил начать массированные бомбардировки главных индустриальных центров Японских островов. В ноябре 1944 года самым большим налетом был рейд 100 бомбардировщиков Б-29, сбросивших 250 тонн бомб. Первая массированная бомбардировка Токио 9 марта 1945 года унесла жизни 80 тысяч человек. Систематические бомбардировки на протяжении двух недель пяти других городов стоили жизни еще 150 тысячам гражданских лиц. В целом на протяжении последних девяти месяцев войны погибло 897 тысяч японцев.

Согласно статистике американской группы по изучению эффекта стратегических бомбардировок, в Японии изменялось общественное мнение: в июне 1944 года, перед падением Сайпана, пессимизм выказывали лишь 2 процента японского населения; после первых крупных рейдов американских Б-29 в декабре 1944 года — 10 процентов; после перехода к стадии массированных бомбардировок в марте 1945 года — 19 процентов.

★ ★ ★

Многие запомнили слова своего президента, сказанные в день последней инаугурации: «Мы, американцы, сегодня вместе с нашими союзниками проходим период чрезвычайного испытания... Если мы пройдем это испытание успешно

и с честью — мы решим задачу исторического значения... Я помню, как мой учитель доктор Пибоди говорил — в дни, которые сейчас кажутся нам спокойными и безмятежными: "Дела в жизни не всегда идут гладко. Иногда мы возносимся до небес — а затем все меняется и мы устремляемся вниз. Главное, что следует запомнить, это то, что развитие самой цивилизации всегда идет вверх; что линия, проведенная через пики и падения столетий, всегда будет направлена вверх..." И сегодня в этом военном 1945 году мы, заплатив страшную цену, должны извлечь урок. Мы знаем теперь, что не можем жить отчужденно в мире; что наше собственное благосостояние зависит от благосостояния других наций, расположенных далеко от нас. Мы извлекли урок, что должны жить как люди, а не как страусы и не как собаки в укрытии. Мы научились быть гражданами мира, членами человеческого сообщества. Мы научились простой истине, выраженной Эмерсоном: "Единственный способ иметь друга — быть им". Мы не получим продолжительного мира, если будем относиться к другим с подозрением и недоверием или со страхом. Мы можем преуспеть только в том случае, если будем относиться к другим с пониманием, доверием и мужеством, которое питается убеждением».

В складывающейся ситуации президент Рузвельт решил, что необходима новая встреча с советским руководством. Место встречи было согласовано быстро — Крым. Премьер-министр Черчилль пришел в восторг от решения президента. Он считал, что давно пора определить главные параметры послевоенной силовой ситуации. Почти игриво Черчилль писал (рифмуя фразы) Рузвельту, что встретит его на полпути, на мальтийской набережной: «Станем тверже стен. От Мальты до Ялты. Никаких перемен». А в Токио император Хирохито в эти же дни показывал принцу Коноэ свои стихи: «Высшим является тот момент, когда мир погружается в тишину и безграничная глубина купается в лучах утреннего солнца».

Лишь Рузвельту, пожалуй, в январе 1945 года было не до стихов. Этот месяц всегда тяжел для американского президента: представление ежегодного послания стране, формирование годового бюджета, определение законодательной программы правительства, новые назначения. Но над всеми этими традиционными заботами висело теперь главное, определяющее ход мирового развития событие, пик дипломатической борьбы, — встреча со Сталиным и Черчиллем. Многое теперь зависело от самого президента. Крымская конференция, на которую он направлялся, получила название «Аргонавт». Черчилль придумал это название, полагая, что они с Рузвельтом отправляются на черноморские берега за золотым руном. Рузвельт ответил в Лондон согласием: «Вы и я — прямые наследники аргонавтов». Возможно, в эти дни Рузвельт достиг предела своих физических возможностей. Объективные наблюдатели (Ф. Перкинс и некоторые другие) отмечали, что костюмы стали велики президенту, его лицо заострилось, глаза запали. И те же наблюдатели говорят, что президент был в хорошей эмоциональной форме, он был весел и даже беззаботен.

В середине января 1945 года де Голля ожидало новое разочарование: французские представители не были приглашены на Ялтинскую конференцию. Раздраженный генерал недвусмысленно предупредил: «Временное правительство Французской Республики вполне очевидно не может считать себя связанным какими бы то ни было решениями, принятыми без него». На пресс-конференции 25 января де Голль снова усилил проанглийское направление своего курса в западном союзе. Он заявил, что ныне или когда-нибудь в будущем, но Франция и Британия должны определить природу своего союза, заключив двусторонний пакт. Эти слова как бы свидетельствовали о существовании негласной договоренности, нуждающейся лишь в протокольном оформлении.

В январе 1945 года произошла утечка атомной информации, которая потенциально могла увеличить значимость Франции в союзной дипломатии Рузвельта. Один из французских физиков Ханс фон Хальбан, участвовавший в канадской секции манхэттенского проекта, выехал (вопреки всем усилиям генерала Гроувза) во Францию, где виделся с Ф. Жолио-Кюри. Теперь Рузвельт не исключал того, что де Голль будет требовать от него права участия в проекте Франции. Тогда американцам было бы сложнее применять атомное оружие в дипломатических усилиях против СССР.

Англичане попытались использовать свое влияние на встрече американского и британского лидеров в преддверии Ялты — на двусторонней Мальтийской конференции. Здесь было решено, что Франция получит зону оккупации в Германии. (Подобным же образом Черчилль и Иден и в Ялте высказались за предоставление Франции прав решения германского вопроса.)

Беседуя с президентом накануне его отбытия в Крым, военный министр Г. Стимсон говорил о своем беспокойстве по поводу эффекта, который произведет на Советский Союз информация о создаваемой в США атомной бомбе. И все же оба решили не сообщать своему основному союзнику об этом оружии.

Стратегия Рузвельта была весьма непростой. Он был готов в деталях обсуждать условия вступления СССР в войну на Дальнем Востоке, хотел разрешить все трудности, связанные с созданием всемирной организации. Что же касается наболевшей польской проблемы, то Рузвельт, в отличие от многих окружавших его политиков и дипломатов, смотрел на дело с реализмом и хладнокровием. Польша находилась далеко от США, ситуация в ней не затрагивала прямо американских интересов. Ясно, что эта страна будет восстановлена и будет суверенна. Навязать свое решение Польше на все 100 процентов не казалось возможным. Приходилось считаться с местным соотношением сил, законной заботой СССР о своей безопасности, изменениями, происходящими во всей Восточной Европе и в Польше в частности. Накануне отбытия на Крымскую конференцию, принимая в январе 1945 года семерых сенаторов от обеих партий, Рузвельт настойчиво говорил о реалиях, ко-

торые никто не может изменить, даже мощь Америки. Он сказал, что СССР пользуется огромным влиянием в Восточной Европе. С его точки зрения, очевидной является невозможность «порвать с ними (русскими) и поэтому единственно практичный курс — использование имеющегося у нас влияния с целью улучшения общей обстановки».

Как и Вудро Вильсон в 1918—1919 годах, Франклин Рузвельт в 1945 году многое хотел решить позже, опираясь на аппарат и процедуры создаваемой всемирной организации. Он спешил найти конструктивный подход к обозначившимся в Думбартон-Оксе проблемам и открыть путь к формированию мощного международного органа — Организации Объединенных Наций, в рамках которой он намеревался преодолеть сложности возникающего мирового расклада сил. Он не хотел, чтобы дежурные проблемы заблокировали реализацию центрального замысла — создание действенной ООН. Если текущие споры затормозят формирование ООН, то ничто не сможет воспрепятствовать разделу мира на зоны влияния — худшее, что могло произойти после второго мирового конфликта. Таково было кредо президента. В Америке главной опасностью Рузвельт считал реанимацию изоляционизма.

Ситуация на фронтах говорила о скором завершении европейской битвы. Но положение Западного фронта не давало Рузвельту перед Ялтой тех рычагов, на которые он, возможно, надеялся. Арденнское контрнаступление немцев привело к тому, что этот фронт в январе—феврале 1945 года находился примерно в том же положении, в каком он был едва ли полгода назад, в октябре 1944 года. Войска западных союзников стояли на границе Германии во Франции, Бельгии и Люксембурге. Союзники восстанавливали силы после Арденнского контрнаступления немцев, готовясь к выходу в долину Рейна. Но в это же время, к концу января, главные изменения в союзном расположении сил произошли на востоке. Советская Армия пересекла Одер, вошла в Будапешт, вышла к Щецину и Гданьску. Советские войска, форсировав Одер, находились менее чем в ста километрах от столицы рейха. Такова была конфигурация сил, когда Рузвельт решил совершить бросок «по следам» аргонавтов в черноморский город.

Через два дня после инаугурации Рузвельт без особого шума покинул Белый дом. На последней пресс-конференции он пошутил: какой из полюсов — Южный или Северный — избрать в качестве места встречи со Сталиным и Черчиллем. На заседании кабинета министров мысли Рузвельта все время вращались вокруг рокового визита в Европу Вудро Вильсона в 1919 году. Многое радикально изменилось с тех пор. На этот раз страна очевидным образом стояла за президента. В своей попытке создать некий гибрид «нового национализма» Теодора Рузвельта и «коллективной безопасности» Вудро Вильсона он мог опираться на поддержку обеих партий. Он знал, что сугубо наднациональные схемы, ограничивающие американский суверенитет, не будут одобрены сенатом в 1945 году так же, как они не были при-

няты в 1919 году. Но проект международной организации, спланированной в Думбартон-Оксе, соответствовал американским интересам. Он нашел поддержку (согласно опросу Гэллапа) у 81 процента американцев. Если и теперь проигнорировать международную организацию, то, повторяя пророчество Вильсона, следует сказать, что через двадцать лет американцы снова окажутся ввергнуты в мировой конфликт.

В команду президента вошли Гопкинс, Гарриман, Леги, госсекретарь Стеттиниус и Хисс как специалист госдепартамента по международным организациям (позднее обвиненный в шпионаже). В качестве переводчика (и все более влиятельного советника) был взят Чарльз Болен. Довольно неожиданным было приглашение в состав американской делегации сенатора Джеймса Бирнса, но это была плата за его игнорирование при выборе кандидатур на посты вице-президента и госсекретаря. Узнав, что Черчилль берет с собой в Ялту дочь, Рузвельт пригласил Анну — он нуждался в ком-то, кто бы безоглядно разделял его чувства.

Путешествие на крейсере «Куинси» было одним из самых теплых эпизодов за годы войны. По отбытии из Ньюпорт-Ньюс президент занял каюту капитана, а Анна — адмиральскую каюту (по плану она принадлежала пятизвездному адмиралу Леги, но Рузвельт объяснил, что не позволит дочери жить на нижней палубе, где мужчины разгуливают в чем попало). Президент, так любивший море, со знанием дела рассказывал о прибрежных птицах. В течение всей недели перехода через Атлантику стояла восхитительная погода. Мягкие волны не тревожили сон президента, спавшего утром до одиннадцати. После 12-часового ланча с Анной он подолгу сидел на палубе, сортируя марки и читая беллетристику. В пять был традиционный коктейль, переходивший в обед, а затем обязательное кино.

Главным его собеседником стал адмирал Леги, который должен был присутствовать на всех предстоящих политических встречах. Рузвельт с интересом наблюдал, как в торпеде отправляли почту идущему параллельным курсом сторожевику (торпеда при этом могла быть унесенной бурной волной). Он грелся на солнце, которое с каждым днем становилось все теплее. Вечером 30 января делегация и экипаж отметили шестьдесят третий день рождения своего главнокомандующего. Рузвельт утверждал, что напрочь забыл об этой дате, но ему напомнили о ней принесенные на подносе для завтрака подарки. Дочь подарила отцу красивую карту, на которой был обозначен путь до Ялты, а также пепельницу, сделанную из гильзы первого снаряда, выпущенного с «Куинси» по немецким прибрежным целям в день начала высадки в Европе. Вечером по знаку Анны к столу были поданы три малых торта, символизировавших три первых президентских срока, и четвертый — большой. Затем появился пятый — маленький и со знаком вопроса. Праздничный ужин закончился тем, что Рузвельт выиграл весь кон в покер. Он был весел и охотно шутил.

В конце пути Рузвельт, по воспоминаниям Стеттиниуса, «был отдохнувшим и спокойным. Он спал по десять часов в день и не мог понять, почему он еще не выспался». По словам Анны, президент компенсировал физическую слабость

«ярким шармом и смелым всепобеждающим сердцем». На пути в Крым президент читал затребованные в госдепартаменте книги и досье о России.

2 февраля «Куинси» стал на рейде мальтийской столицы Ла-Валетты. На борт поднялся Уинстон Черчилль. Премьера радовало все: вздернутый мундштук президента, парусиновая кепка, его боевой дух. Вечером он напишет жене Клемми: «Мой друг прибыл в наилучшей физической и душевной форме». Черчилля подкупали такие детали, как, например, специально поставленная президентом свеча для прикуривания послеобеденной сигары. Вслед за совещанием на борту «Куинси» президента и Стеттиниуса с Черчиллем и его министром иностранных дел Иденом последовало заседание Объединенного комитета начальников штабов. Западные союзники снова пренебрегли всегдашним недоверием Сталина и (по предварительной договоренности) собрались для внутренних согласований. Иден вспоминает: «Оркестры играли военную музыку, и среди многочисленных признаков войны там, на верхней палубе, легко различимая невооруженным глазом, появилась фигура в штатском... Все головы повернулись туда, и наступила неожиданная тишина». Рузвельт встретил генералов в твидовой кепке, сидя на солнышке. Ни на ленче, ни на торжественном ужине он не сказал ни слова о том, о чем все думали — о русских.

Рузвельт был хорошо знаком с боевым настроем Черчилля, с его каблограммами, требовавшими полной согласованности действий западных союзников. Рузвельт был очень дружествен с Черчиллем. Но уже действовало правило: никаких обязывающих соглашений. Впечатление Идена: президент «очень приятен, но отказывается говорить о деле. Обед им устроен именно с этой целью... Невозможно даже подступиться к крупным проблемам... А ведь нам придется договариваться с медведем, который точно знает, чего он хочет». Непосвященному могло показаться, что просто прошло первое восхищение друг другом. На самом деле начало сказываться различие интересов

Рузвельта поразил внушительный вид 20 транспортных самолетов, приготовленных к дальнему полету двух делегаций — более 700 человек. В далекий Крым Франклин Рузвельт полетел в условиях еще невиданного для авиации комфорта. Четырехмоторный транспортный С-54 специально переделали для представительских нужд, в нем был лифт и большая спальная комната. Это был первый из серии президентских специализированный самолет.

Ливадийский дворец

Спустя две недели после вступления в должность президента на четвертый срок Франклин Рузвельт прибыл в аэропорт Саки в северной части Крыма. «Священная корова» приземлилась на замерзшее поле аэропорта во второй половине дня 3 февраля 1945 года. На борт взошли министр иностранных дел СССР В.М.Мо-

лотов и государственный секретарь США Э.Стеттиниус. Рузвельт предпочел задержаться еще на двадцать минут, чтобы увидеть посадку самолета с премьер-министром Черчиллем. Своего рода знак солидарности западных союзников — они одновременно вышли из самолетов под звуки оркестра Советской Армии. Рузвельт принял приветствие почетного караула, сидя в военном джипе. Черчилль шел рядом («как индийский подданный,— пишет лорд Моран,— сопровождающий фаэтон королевы Виктории»).

Длительный перелет (девять часов от Мальты) не мог не утомить президента. Но он весьма живо реагировал на все окружающее во время совместной с Черчиллем пятичасовой поездки в Ялту. Дорогу только что заасфальтировали, но изменить ландшафт, обезображенный боями 1942—1944 годов, не смог бы никто. Следы страшных разрушений, сгоревшие дома и подбитые танки оставались по обеим сторонам дороги. Гарриман сообщил, что на полпути союзников ожидает краткий отдых с водкой, икрой и прочим. Рузвельт решил поберечь силы (Черчилль поступил иначе).

Кортеж пересек гряду Крымских гор и выехал к морю. Черчилль описал, каким разительным был контраст зимнего пейзажа до Крымских гор и залитой солнцем Ялты. Советская сторона предоставила в распоряжение Рузвельта лучшее, что имела,— Ливадийский дворец, бывшую летнюю царскую резиденцию. Пятидесятикомнатный дворец состоял из двух крыльев, каждое из которых было построено вокруг отдельного двора, и башни с мавританскими арками. Немцы вывезли из Ливадии все, включая водопроводную систему, и Москве в трехнедельный срок пришлось оголить три своих гостиницы, чтобы американская делегация чувствовала себя комфортно. Рузвельт занял царские апартаменты — комнаты первого этажа, единственные с примыкающим душем. Генерал Маршалл и адмирал Кинг расположились на втором этаже — в прежних покоях императрицы. Зал заседаний был рядом, равно как и банкетный зал, поэтому президент всегда мог быстро перекусить или поспать перед обедом.

Советская делегация прибыла в Ялту на следующий день. Все три руководителя попали «из зимы в лето», в погоду, которую назвали «погодой Рузвельта» — именно он проделал самый большой путь и, видимо, привез с собой средиземноморский климат. Не только погода, все было отчасти призрачно, необычно во время этой встречи. У лидеров трех стран, судя по всему, не сформировалась четкая временная перспектива, они полагали, что война продлится еще не меньше года. Это обстоятельство имело серьезное значение. Рузвельт, как и его партнеры, думал, что у него достаточно времени для подготовки к переходу в послевоенный мир. Весеннего ускорения в войне не предвидел никто.

Все три стороны были представлены самым внушительным образом. Американского президента, как уже говорилось, окружали Г.Гопкинс, адмирал У.Леги, генерал Дж.Маршалл, госсекретарь Э.Стеттиниус, сенатор Дж.Бирнс, специалист

госдепартамента по международным организациям А.Хисс, генерал Д.Сомервел и нью-йоркский политик Э.Флинн. Столь же представительно выглядели британская и советская делегации. Упоминание о таком характере делегаций необходимо для того, чтобы показать: даже несмотря на усталость или слабость того или иного государственного деятеля, основные решения принимались в условиях тщательной подготовки и строгой перепроверки. Все американцы говорят в один голос, что благодаря стараниям Гарримана и Болена Рузвельт более чем когда-либо был осведомлен в европейских и особенно русских делах.

Анна писала: «Жизнь быстро принимает определенный порядок. За завтраком президент просматривает почту и диктует ответы на письма». В это время Анна обходила комнаты Гопкинса, Эрли и других, чтобы собрать необходимую информацию. Затем шла к отцу и сопоставляла сложившуюся у нее картину с его впечатлениями. Во время пятинедельной поездки в Ялту Рузвельт очень сблизился с дочерью. Она (в отличие от своего брата Джеймса) никогда официально не получала зарплату в качестве помощника президента, но стала абсолютно необходимой ему, занимая место, которое раньше принадлежало Луису Хоуву, Мисси Лихенд и Гарри Гопкинсу. Джим Ферли именно в это время заметил, что Анна — самая умная среди детей президента. После утренних сессий (по четыре—пять часов) Рузвельт принимал посетителей, пытаясь сдержать их поток, затем делал массаж и переодевался к ужину.

Большая дипломатия началась с встречи Рузвельта со Сталиным. Они обменялись рукопожатиями и улыбками, подобно старым друзьям. Первыми же словами Рузвельт задал тон: кто добьется своей цели первым, американцы, войдя в Манилу, или русские, войдя в Берлин? Сталин ответил, что, без сомнения, первой падет Манила: немцы за Одером сражаются отчаянно. Сразу после интенсивного обмена мнениями Рузвельт, Сталин и Молотов проследовали на первое пленарное заседание.

Конференция началась в пять часов вечера 4 февраля 1945 года. Первое пленарное заседание, посвященное обзору военной обстановки, состоялось в большом бальном зале дворца — прямоугольной комнате с арочными окнами и огромным камином. (Присутствовал ли дух создателя дворца — царя Александра Третьего — на этом, без сомнения, странном для него собрании?) Сталин предложил президенту Рузвельту кресло председателя конференции, стоящее рядом с камином, в то время как сам он и премьер Черчилль разместились по разным сторонам большого круглого стола. Рядом с Черчиллем сидели министр иностранных дел Иден, его заместитель Кадоган, посол Керр. Рядом со Сталиным — народный комиссар иностранных дел Молотов, его заместитель Вышинский, посол в США Громыко.

Сессия началась с замечания Рузвельта, что предстоит решить многое, пересмотреть едва ли не всю карту Европы. Армии союзников приближаются друг к дру-

гу в Германии и следует добиться большей координации планов. Сталин отметил, что необходимо готовиться к летнему наступлению, в скорую развязку он не верил.

Согласно предложению Рузвельта, в Ялте надлежало сосредоточиться на трех основных задачах: решении польского вопроса, участии СССР в войне на Тихом океане и создании Организации Объединенных Наций. Последнее было для Рузвельта важнейшим: послевоенным миром будет руководить международная организация; США являются одним из четырех ее гарантов; внутри этой четверки США займут место естественного лидера.

Подготовку и обсуждение вопроса об ООН Рузвельт начал задолго до Ялты. Еще в начале декабря 1944 года он обсуждал в переписке со Сталиным проблему взаимодействия четырех главных членов ООН. В вопросе о прерогативах четверки он склонялся к мысли, что внутри этого высшего круга достаточно будет большинства (так Рузвельт страховался от превращения ООН в «негодный инструмент»). Рузвельт имел все основания полагать, что Британия Черчилля и Китай Чан Кайши пойдут именно за ним. Сталин занимал очень жесткую позицию, выступая за принцип единодушия главной четверки. Так он страховался от изоляции в международной организации.

Рузвельт читал соображения посла Гарримана, разъясняющие советскую позицию в отношении права вето: у них есть резонные опасения в отношении других стран. Президент поставил задачу уменьшить эти опасения. На первой же встрече 4 февраля 1945 года, сидя в обитом темным деревом царском кабинете, Рузвельт постарался завоевать доверие Сталина и Молотова, говоря о своем потрясении от виденных в Крыму разрушений. Он теперь чувствовал большее ожесточение в отношении немцев, и если Сталин выскажется за казнь 50 тысяч немецких офицеров, он его поддержит. Рузвельт пытался найти общий язык со Сталиным также в вопросе о будущем Франции. Примечательно, что во время этой встречи со Сталиным Рузвельт пожаловался на англичан, которые уже два года упорно стремятся к воссозданию на западной границе Германии мощной Франции. По мнению Рузвельта, это обречено на провал. Франция не способна сколько-нибудь эффективно противостоять восточному соседу. «Англичане особый народ, они хотят и съесть торт и иметь его»,— так оценил английскую политику президент. Они поддерживают слабую Францию для того, чтобы сохранить контроль над Западной Европой.

Со своей стороны, советская делегация явно вела себя по-разному во встречах с англичанами и американцами. С последними Сталин, вполне очевидно, хотел найти компромисс. Он согласился с критическими замечаниями в адрес де Голля (с которым месяц назад подписал договор) и никогда на этой встрече не подчеркивал выигрышности советских военных позиций в Центральной Европе. Такие американские историки, как Д. Клеменс, считают, что он боялся напугать Рузвельта, не хотел создавать впечатление о всемогуществе СССР на данном этапе войны и даже искусственно затянул наступление на Берлин, не позволив мар-

шалу Жукову закончить войну в феврале 1945 года прямым броском на «Берлин, до которого на отдельных участках оставалось всего 60 километров».

Как казалось президенту, его попытки найти личный контакт со Сталиным начали приносить плоды. Вечером того же дня во время организованного американцами ужина в узком кругу он говорил об ответственности великих держав. Царило редкое единодушие (нарушенное на некоторое время лишь неудачной попыткой Рузвельта обратиться к Сталину, назвав его «дядей Джо»). Впрочем, Черчилль также использовал свое право на бестактность, когда провозгласил тост за мировой пролетариат.

Казалось, что устанавливается стабильное советско-американское понимание. Действуя в духе конфиденциальной критики англичан (уже высказанной им и Рузвельтом), Сталин на конференции несколько шокировал Черчилля, сказав, что суверенный Египет может потребовать на ассамблее Объединенных Наций права на Суэцкий канал. Рузвельт стремился найти компромисс, он неоднократно повторял, что единство трех представленных на конференции держав — ключ к созданию подлинно стабильной международной системы в послевоенном мире. Рузвельт поддержал Сталина в вопросе о репарациях: «Уровень жизни в Германии не должен превышать уровня России».

Двустороннему сближению содействовало ощутимое изменение советской позиции, снятие просьбы о предоставлении отдельных мест в на ассамблее всем шестнадцати советским республикам. Советская делегация попросила предоставления отдельных мест лишь особо пострадавшим в войне республикам Украине и Белоруссии. Рузвельт, выслушав Молотова, тотчас же выразил свое несогласие. Он предложил оставить вопрос о членстве в ООН до созыва учредительной конференции. Министрам иностранных дел он рекомендовал уже в Ялте решить вопрос о месте созыва этой конференции и ее участниках. Англичане поддержали советское предложение, и Рузвельт, оказавшись в одиночестве, предпочел не обострять ситуацию в момент, когда дорога к созданию ООН обозначилась и даже была названа дата ее созыва — 25 апреля 1945 года.

Но просто уступить Рузвельт считал неправильным, он выдвинул контрпредложение: США тоже получат два дополнительных голоса. Президент аргументировал это тем, что американский конгресс и народ «не поймут», почему великие державы «не равны» по своему представительству на ассамблее Организации Объединенных Наций. И советская, и английская делегации признали правомочность американских аргументов. Ближайшие сотрудники, Гопкинс и Стеттиниус, склонялись к принятию этого предложения: ведь речь шла о создании грандиозной организации и опасения СССР относительно изоляции в ней были достаточно понятны. Всего лишь несколько лет назад Лига Наций исключила СССР из числа своих членов. Согласие обещало проведение международной конференции по созданию ООН уже в апреле и, что важно отметить, в Соединенных Штатах. Рузвельт пре-

одолел свои сомнения (которые разделяли Леги и Бирнс). Противодействие советской просьбе на этом этапе отражало скорее не желание оставить СССР в одиночестве, а воспоминания: в 1919—1920 годах противники Лиги Наций использовали аргумент о том, что Британия, имея на руках голоса пяти своих доминионов, всегда сумеет возобладать над «одинокими» Соединенными Штатами.

Наступило максимальное за период войны сближение трех стран. Сталин провозгласил тост за Черчилля как самого смелого государственного деятеля мира, как вождя страны, в одиночестве стоявшей против Гитлера. Черчилль тут же мобилизовал свое красноречие и приветствовал Сталина как вождя страны, сокрушившей хребет германской военной машины. Сталин поднял бокал за Рузвельта как за государственного деятеля с наилучшим пониманием своих национальных интересов. Рузвельту оставалось сказать, что их встреча напоминает семейный обед. Сталину, видимо, это показалось занижением тона, и он предложил тост за «наш союз» и пояснил: «В союзе союзники не должны обманывать друг друга. Возможно, это наивно? Опытные дипломаты могут сказать: «Почему я не должен обманывать своего союзника?» Но я, как наивный человек, думаю, что лучшим для меня является не обманывать своего союзника, даже если он глуп. Возможно, наш союз силен именно потому, что мы не обманываем друг друга, или потому, что не так просто обмануть друг друга».

На второй день Ялтинской конференции Рузвельт сделал важное заявление: конгресс и американский народ поддержат «разумные меры по обеспечению мира в будущем», но, как он полагает, речь идет о содержании значительного контингента американских войск в Европе на период не более чем два года. Чтобы обеспечить в дальнейшем мир в Европе, президент склонен был поддержать идею относительно вооружения дополнительных восьми французских дивизий.

Мы видим, сколь велико было сомнение Рузвельта в необратимости ухода изоляционизма с американской сцены. Основываясь на опыте 1918—1920 годов, он полагал, что при первом же внешнеполитическом осложнении, требующем от США людских и других ресурсов, внутри страны активизируется та сила, которая свалила Вильсона в 1919 году.

Для Рузвельта важнейшее значение имело пленарное заседание конференции 6 февраля 1945 года, на котором речь шла о создании мировой организации с контрольными функциями. Чтобы не было ни тени сомнений, Рузвельт прямо заявил, что для него это главный вопрос. Без создания такой организации он отказывается конструктивно обсуждать все вопросы мирного устройства. (Опять напрашивается аналогия с Вудро Вильсоном, который в отчаянной дипломатической борьбе на Парижской конференции в 1919 году поставил создание Лиги Наций на первое место, обусловив этим вопросом все прочие.) Президент как бы размышлял вслух. Он не верит в вечный мир. Но он верит в то, что большой войны удастся избежать еще хотя бы 50 лет.

От имени американской делегации госсекретарь Стеттиниус изложил присутствующим американский вариант действий главного органа будущей мировой организации — Совета Безопасности. Семи голосов из одиннадцати членов Совета Безопасности будет достаточно для вынесения любого спорного вопроса на рассмотрение Советом. Каждый из пяти постоянных членов Совета Безопасности получает право вето в вопросе о применении ООН экономических и военных санкций. Страна — член Совета Безопасности не имеет права голоса в случае, если ставится вопрос о именно ее действиях на международной арене. Стеттиниус объяснил присутствующим, что американскую сторону интересуют два момента: сохранить единство великих держав и в то же время позволить малым странам изложить свои претензии в Совете Безопасности.

Рузвельта, несомненно, волновал вопрос о подмандатных территориях. 9 февраля Стеттиниус предложил включить в повестку дня работы учредительной конференции вопрос об опеке. Более того, с американской точки зрения, Хартия ООН должна была содержать положения об опекунских правах отдельных стран. Характерна реакция У. Черчилля. По поводу предложения об опеке он воскликнул: «Ни при каких обстоятельствах я не соглашусь на то, чтобы шарящие пальцы сорока или пятидесяти наций касались вопросов, представляющих жизненную важность для Британской империи. До тех пор, пока я являюсь премьер-министром, я никогда не отдам под опеку ни пяди нашего наследства». Сталин поднялся со своего кресла и зааплодировал. (Черчилль тотчас же обратился к Сталину: «Как он отнесется к превращению Крыма в международную зону отдыха?» Сталин ответил, что был бы рад передать Крым для встреч большой тройки.) Стеттиниусу пришлось успокаивать Черчилля. Американцы не посягают на Британскую империю. Речь идет лишь о подмандатных территориях Лиги Наций, территориях, принадлежащих поверженным противникам, и о тех территориях, которые готовы встать под контроль ООН добровольно. Было решено, что еще до созыва учредительной конференции постоянные члены Совета Безопасности проведут консультации по поводу системы опеки.

Сейчас видно, что в эти февральские дни Рузвельт, нуждаясь в помощи Черчилля, модифицировал свою политику в отношении подмандатных территорий и системы опеки в целом. Раньше он имел в виду территории французских и других западноевропейских колониальных империй, и планы его системы опеки над прежними европейскими колониями были буквально безграничны. Теперь он, не сумев остановить де Голля, должен был учитывать фактор определенного «возврата» Франции в ранг великих стран, фактор солидарности старых метрополий и прежде всего союз Лондон — Париж. Г. Гопкинс отметил, что нужно «делать отчетливое различие между подмандатными островами Японии, принадлежащими Японии территориями вроде Кореи и островами, принадлежащими такой явно дружественной стране, как Франция». Рузвельт был вынужден согласиться с Гопкинсом,

когда тот сказал: «Было бы трудно применить принцип опеки к территориям, где суверенитетом владеет дружественная союзная страна».

Президент изменил свою точку зрения на вопрос принадлежности таких колоний европейцев, как Индокитай. Еще в ноябре 1944 года Рузвельт говорил своим представителям на Дальнем Востоке: «Мы не приняли окончательного решения по поводу будущего Индокитая». В Ялте позиция президента претерпела изменения. Он еще не был готов выполнить французскую просьбу о предоставлении кораблей для десанта в Индокитае, но уже не противился стремлению французов, голландцев и прочих возвратить контроль над своими прежними колониями. После ялтинской конференции Рузвельт сказал журналистам, что противоречить западноевропейским колониальным притязаниям «означало бы только приводить в бешенство англичан. Сейчас же их лучше успокоить».

(Де Голль в этой ситуации использовал все возможные аргументы. Одним из самых сильнодействующих «запрещенных» приемов было запугивание американцев «русским доминированием на европейском континенте». 16 марта 1945 года американский посол в Париже Дж. Кэффери сообщил президенту, что де Голль совмещает просьбы о помощи американцев в деле восстановления позиций Франции в Азии с предупреждениями, что неудача в возрождении французского могущества заставит Францию стать «одним из федеративных государств под эгидой русских... Когда Германия будет сокрушена, они (русские) обернутся к нам... Мы не желаем стать коммунистами; мы не желаем попасть в русскую орбиту, и мы надеемся, что вы не подтолкнете нас в нее». Фактом является, что через два дня Рузвельт приказал американским военно-воздушным силам помочь французам в Индокитае.)

Но отступление Рузвельта имело свои пределы. Да, перехватить западноевропейские колонии оказалось достаточно сложно. Однако что касается всех подмандатных территорий Лиги Наций и территорий, захваченных у противника, то им не избежать американского контроля. По возвращении из Ялты Рузвельт сказал, что от имени ООН будет осуществлять «полную опеку с целью обеспечении мировой безопасности».

★ ★ ★

На третьем пленарном заседании Рузвельт объявил, что хотел бы обсудить польский вопрос. «Я проделал самый длинный путь и, находясь на самом большом удалении, имею преимущества взгляда издалека.» Три фактора воздействовали на Рузвельта в польском вопросе: достижения Тегеранской конференции; реалистическая оценка потребности Советской Армии в дружественном, а не враждебном тыле; необходимость учитывать, что главные военные союзники должны входить в общую международную организацию, соблюдая интересы собственной безопасности. Последнее касалось СССР в не меньшей степени, чем США. Президент очертил свое понимание вопроса. Польша должна ограничить себя на востоке

«линией Керзона», на западе присоединить к национальной территории Восточную Пруссию и часть Германии. Рузвельт настаивал на том, что правительство в Варшаве должно базироваться на расширенном политическом фундаменте, включить представителей пяти главных партий (президент перечислил их). Черчилль поддержал президента, напомнив о том, что Британия вступила в войну вследствие нападения на Польшу, и восстановление польского суверенитета является для англичан делом чести.

Складывается впечатление, что в «польском вопросе» Рузвельт был гораздо менее связан идеей американского самоутверждения, чем многие его дипломатические помощники. Как пишет американский историк Р. Даллек, у Рузвельта не было особых иллюзий относительно американского влияния в этой стране, но «он надеялся, что Сталин примет предложения, которые сделают Польшу меньшим по значимости предметом обсуждений внутри США и за границей... Он утверждал, что удаленность Америки от Польши делает его объективным в отношении этой проблемы. Но в США проживает 6—7 миллионов поляков, и ему было бы легче иметь с ними дело, если бы советское правительство изменило «линию Керзона», в частности отдав Польше Львов и нефтяные месторождения в прилегающей области. Но он лишь делает предложения, добавил быстро президент, и вовсе не настаивает на них». Сталин после испрошенного им десятиминутного перерыва сказал: «Если для Великобритании вопрос о Польше является вопросом чести, то для России это не только вопрос чести, но и вопрос безопасности... В течение последних 30 лет Германия дважды пересекала этот коридор вследствие того, что Польша была слаба. В русских интересах, как и в польских интересах, иметь сильную Польшу, мощную и имеющую возможность собственными силами закрыть этот коридор. Этот коридор не может быть механически закрыт извне Россией. Он может быть закрыт лишь изнутри самой Польшей. Необходимо, чтобы Польша была свободной, независимой и мощной... Я должен напомнить вам, что "линия Керзона" была изобретена не Россией, а иностранцами Керзоном, Клемансо и американцами в 1918—1919 годах. Россия не изобретала ее и не участвовала в этом... Некоторые люди хотят, чтобы мы были меньше русскими, чем Керзон и Клемансо».

Рузвельт предложил отложить обсуждение польского вопроса. В течение последующих трех дней он и Стеттиниус стремились продвинуться, используя «тихую дипломатию». Все же Рузвельт посчитал нужным уведомить Сталина, что он не признает люблинское правительство в его нынешнем составе. Тут же он добавил, что, не решив этого вопроса, три лидера «потеряют доверие мира». По мнению Черчилля, люблинское правительство не отражает воли даже трети польского населения. Западные союзники рискуют потерять доверие 150 тысяч поляков, сражающихся на западном фронте и в Италии. Обратившись к Сталину, Рузвельт сказал, что «большинство поляков похожи на китайцев, им главное — спасти лицо». Советская делегация дала обещание реорганизовать люблинское правительство на широкой де-

мократической основе, включив демократических политиков, находящихся внутри и за пределами Польши. Это правительство проведет свободные выборы. Послы США и Британии Гарриман и Керр смогут осуществлять контакты с представителями люблинского правительства в Москве и с другими польскими деятелями. Рузвельт подчеркнул, что он за то, чтобы в Варшаве было правительство, дружественное по отношению к Советскому Союзу. Он предложил призвать на текущие совещания двух членов люблинского правительства и двух-трех других польских политиков, чтобы здесь же, не откладывая дела в долгий ящик, решить вопрос о временном правительстве Польши. Сталин выдвинул контрпредложение: пусть часть деятелей польской эмиграции войдет в люблинское правительство.

Премьер-министр Черчилль, имея в виду получение Польшей больших территорий на западе с шестимиллионным немецким населением, предупредил, что «польский гусь» не должен «съесть слишком много немецкой пищи, чтобы не возникла угроза несварения». Рузвельт выразил 8 февраля сомнение в целесообразности переноса границы на реку Нейссе. Но он и Черчилль в принципе согласились с идеей переноса польской границы достаточно далеко на запад. Именно 8 февраля обсуждение польского вопроса достигло критической точки. Рузвельт сказал, что союзникам осталось решить одну проблему — как будет управляться Польша до всеобщих выборов. Отвечая, Сталин начал проводить аналогию между польским и французским правительствами. По его мнению, ни правительство де Голля, ни временное правительство Польши не имели ясно выраженного мандата избирателей, но Советский Союз признал режим де Голля, и союзники должны сделать то же самое по отношению к люблинскому правительству. Сталин также сказал, что он не предъявляет счета Черчиллю по поводу формирования греческого правительства. Именно на этой фазе Рузвельт и Черчилль решили передать доработку польского вопроса в руки министров иностранных дел.

Повторяем, все свидетельства говорят о нежелании Рузвельта превращать польский вопрос в главную межсоюзническую проблему. Компромисс был ему нужен для решения гораздо более масштабных дел послевоенного мира. И если прежде он настаивал на том, чтобы люблинское правительство составляло лишь одну треть будущего правительства Польши, то теперь он удовлетворился обещанием общего расширения основы польского правительства за счет демократических сил, находящихся за пределами Польши. Рузвельт предложил, чтобы послы трех великих держав в Варшаве наблюдали за выполнением польским правительством взятых обязательств по расширению политического спектра кабинета министров и проведению всеобщих выборов. Более того, Рузвельт здесь же, в Ялте, модифицировал свою позицию — послы получили мандат не «наблюдать» за польским правительством, а «информировать свои правительства о ситуации в Польше». Все действия и конечные мнения Рузвельта базировались на том, что у США и Британии нет эффективных рычагов определения политической ситуации в Польше.

Представляет интерес мнение А. Гарримана о восприятии советским руководством американской позиции. «Сталин и Молотов пришли к заключению в Ялте, что ввиду нашего согласия принять общие словесные формулировки в декларации по Польше и освобожденной Европе признания нужды Красной Армии в безопасных тыловых зонах и преобладающих интересов России в Польше как в дружественном соседе и как в коридоре, ведущем к Германии, мы проявили понимание и согласились на принятие уже известной нам советской политики.» Окончательное соглашение в Ялте по польскому вопросу предполагало «реорганизацию польского правительства на широкой демократической основе».

Во исполнение этого решения трое представителей лондонского правительства вошли в варшавское правительство, которое возглавил премьер лондонского правительства Миколайчик. Беседуя с адмиралом Леги, Рузвельт сказал, что добился максимума возможного в польском вопросе. Он не мог бесконечно оказывать воздействие на союзника, от которого зависело число американских жертв в Европе и на Дальнем Востоке, союзника, обеспокоенного враждебностью Запада и заботившегося о своей безопасности в конце самой кровопролитной в истории войны. Если бы Рузвельт занял позицию бескомпромиссного восстановления прозападного правительства Польши, сбылась бы мечта Гитлера — великая коалиция разрушилась бы на решающем этапе. Создание всемирной организации, в которой Рузвельт надеялся занять доминирующее положение, стало бы обреченным делом.

Не желая создавать впечатления, что США готовы допустить наличие сфер влияния, Рузвельт призвал коллег подписать «Декларацию об освобожденной Европе». Сталину особенно понравилась та ее часть, где говорилось о необходимости уничтожения «последних следов нацизма и фашизма». Довольно любопытной выглядит оппозиция этой декларации со стороны Черчилля. Он заявил, что принимает предложенную Рузвельтом декларацию при условии, что сделанные в ней ссылки на Атлантическую хартию не относятся к Британской империи. Он уже объявил в палате общин, сказал Черчилль, что принципы хартии осуществлены в странах Британской империи. Черчилль добавил, что в свое время отдал сопернику Рузвельта от республиканской партии У. Уилки (скончавшемуся в 1944 году) копию своего заявления в палате общин. «Не это ли убило его?» — неожиданно спросил президент.

Рузвельт связал декларацию с польским вопросом: «Я хочу, чтобы выборы в Польше были первым испытанием декларации. Они должны быть, как жена Цезаря, вне подозрений. Я не знал ее, но говорят, что она была целомудренна». На это Сталин ответил: «Такое о ней действительно говорят, на самом же деле у нее были свои слабости».

Третья важнейшая проблема, стоявшая перед Рузвельтом в Ялте,— возможность вступления СССР в войну против Японии. Президент предпринял активные двусторонние переговоры с советским руководством. Они начались на пятый день конференции. На первой встрече кроме лидеров присутствовали В.М.Молотов, А. Гар-

риман и переводчики. Рузвельт знал о пожеланиях советского руководства и начал встречу, прямо обратившись к сути: он не видит трудностей в возвращении в будущем Советскому Союзу южной части Сахалина и Курильских островов. Что касается незамерзающего порта, то этот вопрос они вдвоем со Сталиным уже обсуждали в Тегеране, и он остается при прежнем мнении: Россия должна получить южный порт в окончании Южно-Маньчжурской железной дороги. Это можно будет сделать либо путем прямой аренды порта у китайского правительства, либо за счет превращения Дайрена (Дальнего) в международный открытый порт. Сам Рузвельт склонялся ко второму варианту, но не исключал и первый.

Почему Рузвельт так тяготел к сотрудничеству? Ответ найти нетрудно. Именно в это время американские военные в очередной раз просчитывали возможные потери в ходе завершения войны с Японией. Всеобщим было мнение, что операции будут исключительно кровопролитными и союзническая помощь СССР явилась бы крайне полезной. Военные планировщики полагали, что даже с участием СССР война на Тихом океане будет длиться не менее 18 месяцев. Без помощи же СССР война «может длиться бесконечно с неприемлемыми потерями». (Последней крупной битвой на островах была высадка 1 апреля 1945 года на Окинаве 183 тысяч американцев, которым противостояли 110 тысяч японцев. На флот вторжения обрушились 930 камикадзе, они уничтожили десять миноносцев и один легкий авианосец и повредили более 200 других судов. На пути к Окинаве американцы потопили флагман японского флота — суперлинкор «Ямато» (водоизмещением 64 тысячи тонн), чьи 18-дюймовые пушки — крупнейшие в мире, так никогда и не нанесли удар по достойной цели. Битва за Окинаву продолжалась почти три месяца. Захват Окинавы ставил на повестку дня вопрос о высадке на собственно Японские острова. Потери в этих сражениях, судя по Окинаве, могли быть колоссальными.) Американские военачальники подчеркивали необходимость того, чтобы Советская Армия начала боевые действия против Японии по меньшей мере за три месяца до начала высадки американцев на Кюсю, первом из четырех главных Японских островов.

К этому времени Рузвельт уже предполагал, что атомная бомба будет применена против японцев примерно в августе текущего года. Но тем не менее он не ослаблял усилий в деле привлечения к войне на Дальнем Востоке Советского Союза. С одной стороны, никто в руководстве США не знал подлинной эффективности атомного оружия, с другой — ему обещали создание не более двух бомб в 1945 году. В кармане Рузвельта лежала рекомендация Объединенного комитета начальников штабов: «Участие России в максимально приближенные сроки, которые позволяют ей ее наступательные возможности, крайне желательно». Высшее военное командование США довело до сведения Рузвельта в январе 1945 года, что «необходимо обеспечить всю возможную помощь нашим операциям на Тихом океане». Оно видело следующие выгоды от вступления СССР в войну: разгром

Квантунской армии, уничтожение континентального плацдарма Японии, уничтожение всех видов сообщения между азиатским материком и японским архипелагом, бомбардировки Японии с советских аэродромов на Дальнем Востоке. Главное: устрашающие калькуляции о миллионных потерях американских войск уйдут в область предания. Возможно, что Рузвельт в эти дни и часы помнил и совет У. Буллита, данный в 1943 году: завязанность Советского Союза на Дальнем Востоке обеспечит реализацию американских планов на противоположном конце земного шара — в Европе.

Немало внимания уделялось маньчжурским железным дорогам. Рузвельт хотел, чтобы передача Китайской восточной железной дороги в аренду Советскому Союзу осуществлялась правительством Чан Кайши. Вероятно, были бы найдены пути совместного советско-китайского управления этой дорогой. Но Рузвельт сам признал, что начать переговоры с Чан Кайши означало бы оповестить через двадцать четыре часа весь мир о намерениях СССР вступить в войну. Сталин согласился провести переговоры с китайцами после того, как на Дальнем Востоке будет сосредоточено не менее 25 дивизий. Он хотел, чтобы советские условия вступления в войну были письменно поддержаны Рузвельтом и Черчиллем. Рузвельт ответил согласием.

Ясно, что в эти дни президент исходил из концепции долгосрочного сотрудничества с СССР. Вместо резервации для Китая позиции, уравновешивающей СССР в Евразии, Рузвельт в Ялте дал четкий ответ на вопрос, кто является его главным союзником в войне и в последующем мире. Это были дни больших ожиданий с точки зрения советско-американских отношений.

Думая о соотношении СССР и Китая в плане пользы для США, Рузвельт тогда был полон надежд на то, что именно советское руководство поможет найти путь к компромиссу между Чан Кайши и Мао Цзэдуном, поможет превратить Китай в действительно мощный фактор мировой политики. Как бы подтверждая реальность планов президента, Сталин сказал, что в Китае уже существовал некоторое время единый антияпонский фронт и он не видит особых препятствий для воссоздания этого фронта в будущем. Вероятно, у Сталина были опасения, что продолжение войны может быть губительным для Мао Цзэдуна, и он, со своей стороны, хотел путем компромисса обезопасить северные коммунистические районы. По крайней мере, он не выразил никакого желания расколоть Китай, обострить гражданскую войну. В зафиксированном письменном перечислении советских условий вступления в войну с Японией есть согласие заключить «пакт дружбы и союза» с гоминдановским правительством для освобождения Китая от японской оккупации.

10 февраля Рузвельт и Сталин окончательно условились, что СССР выступит против Японии через два-три месяца после завершения боевых действий в Европе. Три великие державы антигитлеровской коалиции признавали независимость Монголии, необходимость возврата Советскому Союзу Южного Сахалина,

интернационализацию Дайрена с признанием советских интересов в нем, передачу Советскому Союзу в аренду военно-морской базы в Порт-Артуре, создание совместной советско-китайской компании по эксплуатации восточнокитайских и южноманьчжурских железных дорог. Был специально оговорен суверенитет Китая в Маньчжурии, особо указано на правомочность передачи Курильских островов СССР.

Этот документ отражает определенное противоречие в отношении Рузвельта к правительству Чан Кайши. С одной стороны, он не согласился с послом Гарриманом, требовавшим снять недвусмысленную фразу из документа: «Главы трех великих держав пришли к согласию, что эти требования Советского Союза должны быть безусловно выполнены после поражения Японии». Рузвельт явно считал, что отсутствие этой фразы сделает неизбежными американские консультации с Чан Кайши, вызовет необходимость давления на Китай, согласование с ним указанных условий и т.п. Видно, что Рузвельт фактически не воспринимал правительство Чан Кайши в какой-либо мере равным «великой тройке». С другой стороны, президент добавил к процитированной фразе текста следующее: «Соглашение относительно Внутренней Монголии, портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши». Это означало, что националистическому правительству Китая давалась в будущем зацепка дипломатически «торговаться» с Советским Союзом, особенно если этого потребуют обстоятельства гражданской войны. В своих мемуарах Черчилль называет все эти переговоры и «китайские тонкости делом американцев... Для нас эта проблема была отдаленной и вторичной по значению».

Современные американские историки объясняют противоречивость позиции Рузвельта тем, что он (полагает лучший знаток внешней политики Рузвельта Р. Даллек.— *А.У.*) «безусловно верил, что, несмотря на все приносимые им жертвы, Чан Кайши будет приветствовать соглашение, которое обещало продлить жизнь его режима... Рузвельт был уверен, что американское общественное мнение посчитает территориальные уступки России адекватной платой за сокращение сроков войны и спасение американских жизней, посчитает их относительно малой компенсацией за послевоенный мир и стабильность в Китае. Рузвельт, судя по всему, видел в соглашении один из последних шансов сохранить слабый, но стабильный Китай в качестве готового к сотрудничеству союзника на мировой арене».

Биограф Рузвельта Дж. М. Бернс пишет, что «русские не запрашивали в Ялте того, чего их собственная мощь в Азии не позволяла бы им получить собственными усилиями». И Рузвельт тоже полагал, что требования СССР умеренны. Казалось, все шло к намеченной президентом черте: СССР поможет Америке утвердиться в Японии, а Китай после поражения Японии вырастет как самая мощная региональная сила в Азии. В расчеты президента не вошла колоссальная социальная трансформация, которая ожидала Китай. Это был просчет, значение которого оценил лишь преемник Рузвельта в Белом доме.

Зенитом дружественности на Ялтинской конференции был, возможно, прием в резиденции советской делегации — в Юсуповском дворце 8 февраля 1945 года. Сорок пять тостов стоя. В своем тосте Сталин назвал Рузвельта «человеком с самым широким видением национальных интересов; хотя его страна не была в непосредственной опасности, он создал условия, которые привели к мобилизации всего мира против Гитлера».

На ужине 10 февраля 1945 года Рузвельт рассказал Сталину и Черчиллю об уже описанной выше поездке Элеоноры Рузвельт в одну из школ в 1933 году, где она увидела странную политическую карту мира — одна шестая суши была сплошным белым пятном. Учитель объяснил жене президента, что ему запрещено говорить о Советском Союзе. Это был последний толчок для начала переговоров о дипломатическом признании СССР. На такой дружественной ноте руководители трех стран завершили важнейшую свою встречу периода войны.

★ ★ ★

В Америке многое было сказано о физическом самочувствии Рузвельта в Ялте. Нет сомнения, не могло не сказаться напряжение войны и четвертого президентского срока. И все же мнения о здоровье Рузвельта, принявшего на себя в Ялте колоссальную нагрузку, противоречивы. Физическую слабость президента отмечали врач Черчилля лорд Моран, сам Черчилль, Гопкинс, Ф. Перкинс. Крайнюю точку зрения занимал лорд Моран, он буквально вычеркнул президента из списка живущих. Большие сомнения в стабильности его здоровья выражал А. Иден. С этой точкой зрения едва ли можно (и нужно ли?) спорить. Да, Рузвельт был болен. Оспаривать это весьма сложно. Но весь вопрос в том, в какой степени болезнь влияла и влияла ли вообще на его мыслительный процесс, на ясность суждений. Иден согласен с тем, что «нездоровье Рузвельта не сказалось на силе его суждений». Он не позволил Черчиллю обойти себя и одновременно вел сепаратные переговоры со Сталиным о Дальнем Востоке. Абсолютное большинство американцев (а некоторых из них трудно назвать поклонниками президента) говорят об исключительной ясности мышления и твердой воле Рузвельта. Так полагают те, кто ближе всего видел его в Ялте — Стеттиниус, Леги, Гарриман, Бирнс — недомогание не отразилось на мыслительном процессе президента. Они единодушны в утверждении, что Рузвельт был в хорошей форме. «Я убежден,— пишет адмирал Леги,— что Рузвельт провел Крымскую конференцию с большим искусством, его личность доминировала в дискуссиях».

Да, он похудел, его глаза запали. Он очевидным образом берег силы. Но в нужных случаях его острый ум, его фантазия находились на прежней высоте. Соратники президента считали не очень подходящим для Рузвельта то обстоятельство, что основные совещания приходились на послеобеденное время, не лучшее для президента. Но Рузвельт брал себя в руки и демонстрировал энергию и волю, знание

всех проблем и конструктивный подход. Его реакция на предложения партнеров была быстрой. Он проявил свои лучшие качества, его работоспособность была обычной (феноменальной по стандартам других людей). Леги пишет, что президент председательствовал на конференции с большим искусством, он фактически верховенствовал в этих дискуссиях. «Президент выглядел уставшим, но уставшими были все.» Не отходивший от Рузвельта Болен приходит к заключению, что, «хотя его физическое состояние и отставало от нормы, его умственное и психическое состояние не было затронуто внешними обстоятельствами. У него бывали летаргические состояния, но стоило поднять важный вопрос, как острота его восприятия поднималась на прежнюю высоту. Наш лидер был болен в Ялте, но он был эффективен. Я видел это тогда, и уверен в этом сейчас».

Представлявший военно-воздушные силы генерал Л. Катер полагает, что Рузвельт не самым удачным образом начал конференцию, но в дальнейшем его участие было «наиболее впечатляющим». Об этом же говорят и объективные медицинские свидетельства его личного врача Брюэнна о давлении, частоте пульса, чистоте легких. Так что утверждения о «больном человеке Ялты» не соответствуют реальному положению дел. На одной из небольших вечеринок Катер видел близко Рузвельта и его дочь в сугубо американской компании. Сделав себе мартини в пропорции четыре к одному, президент рассказывал, как на одном из заседаний Черчилль заснул и, будучи разбуженным, «немедленно начал произносить речь о доктрине Монро. Президент похвалил его красноречие, но напомнил премьеру, что сегодня они обсуждают другой вопрос».

Рузвельту суждено было прожить уже немного времени, но он оставался стойким бойцом до конца. Важно отметить, что люди, общавшиеся с ним в Ливадийском дворце, удивлялись его выносливости, а вовсе не ослаблению здоровья президента. Тот же Стеттиниус выразил тогда такое мнение: «Я всегда находил его умственно в алертном состоянии и полностью способным совладать с любой возникающей ситуацией».

Что говорят американские историки спустя десятилетия? Вот мнение Р.Даллека, автора обобщающей работы по дипломатии Ф.Рузвельта: «По всем центральным вопросам — Объединенные Нации, Германия, Польша, Восточная Европа и Дальний Восток — Рузвельт преимущественно следовал планам, разработанным заранее, и получил большую часть того, что хотел: мировая организация, раздел Германии, определение позиции по Польше, Декларация об освобожденной Европе — все это обещало содействовать американскому вмешательству в заграничные дела и возможному долгосрочному сотрудничеству с СССР; равным образом соглашение по Дальнему Востоку обещало спасение американских жизней и объединение Китая как части общей системы, позволявшей Соединенным Штатам контролировать послевоенный мир». Очевидцы в один голос говорят о превосходном настроении американской делегации после завершения переговоров. Гопкинс сказал о чувстве «на-

ступающего нового дня, о котором мы все молимся. Русские доказали, что они могут быть рассудительными и способными смотреть далеко; в сознании президента и всех нас не было никаких сомнений относительно того, что мы можем жить с ними и сосуществовать мирно настолько далеко в будущем, насколько мы можем это будущее предвидеть». Текст совместной декларации, подписанной по окончании конференции, полностью отражает эти чувства. О создании всемирной организации в ней говорилось как о «величайшем шансе в истории».

Несомненно, в Ялте мысли о ядерной проблеме не оставляли Рузвельта. Черчилль вспоминает, что «был шокирован, когда президент внезапно в будничной манере начал говорить о возможности открытия атомных секретов Сталину на том основании, что де Голль, если он узнал о них, непременно заключит сделку с Россией». Черчилль постарался успокоить партнера по атомному проекту: «В одном я уверен: де Голль, получи он атомное оружие, не хотел бы ничего большего, чем наказать Британию, и ничего меньшего, чем вооружить коммунистическую Россию этим оружием... Я буду продолжать оказывать давление, чтобы не позволить ни малейшего раскрытия секретов Франции или России... Даже шестимесячный период представляет значимость, если дело дойдет до выяснения отношений с Россией или с де Голлем». Рузвельт согласился, и в Ялте по поводу атомного оружия царило молчание. Стало ясно, что президент и Черчилль не намерены делиться этим секретом с СССР в ходе войны. И когда они заявляли о приверженности союзу трех великих держав, в военное время и после, они сохраняли для себя существенную оговорку. Сейчас мы определенно знаем, что все изъявления союзнической дружбы следует соотносить с молчанием по этому вопросу.

В последний день конференции Гопкинс послал президенту записку: «Русские сделали так много уступок на данной конференции, что мы должны пойти им навстречу в вопросе о репарациях». Рузвельт полагал, что главными козырями Вашингтона в игре с Москвой будут обещанный Советскому Союзу заем на восстановление народного хозяйства и разрешение на десятимиллиардные репарации в Германии. Он был уверен, что при таком раскладе Америка получит максимум возможного. В конкретную плоскость вопрос об американском займе перешел в январе 1945 года. Советская сторона пожелала получить заем в 6 миллиардов долларов. Сейчас ясно, что Рузвельт оттягивал время ответа. Он, по-видимому, хотел, чтобы данная проблема находилась в «подвешенном» состоянии в период принятия главных решений о послевоенном устройстве мира. Рузвельт молча согласился с мнением государственного департамента, что в Ялте самим поднимать вопрос о займе не следует, а если разговор заведет советская сторона, нужно постараться затянуть обсуждение. Как пишет американский историк Т. Паттерсон, американская позиция заключалась в том, чтобы «держать Советы в состоянии вожделения и догадок с тем, чтобы они вели себя более примирительно в восточноевропейских вопросах». Собственно, и сам Рузвельт не скрывал своих планов. Вот

что он говорил министру финансов Г. Моргентау: «Я думаю, очень важно, чтобы мы держались и не давали им никаких финансовых обещаний до тех пор, пока мы не получим всего, что нам нужно».

По окончании конференции Рузвельт пишет Элеоноре: «Мы закончили конференцию — успешно, по моему мнению. Я немного устал, но в целом — в порядке».

★ ★ ★

Как свидетельствует ближайшее президенту лицо — Гарри Гопкинс, Рузвельт возвращался из Ялты с чувством удовлетворения, положительно воспринимая итоги конференции и оптимистически глядя в будущее. И следующая неделя встреч с тремя королями была названа президентом в письме «фантастической». На пути домой после Ялтинской конференции Рузвельт вел себя как император античности, возвращающийся в Рим. В Северной Африке аудиенции у него просили три монарха — египетский король Фарук, король Ибн Сауд из Саудовской Аравии и император Хайле Селассие из Эфиопии. Они были приняты на корабельной палубе. Рузвельт сделал им королевские подарки. Фарук получил двухмоторный транспортный самолет, а Селассие — пять военных автомобилей. Беседы тоже носили соответствующий характер. Фаруку Рузвельт посоветовал выращивать длинноволокнистый хлопок, с Селассие обсуждал судьбу бывших итальянских владений в Африке. Самой пышной была свита Ибн Сауда. «Король — кит в человеческом образе,— писал Рузвельт,— сидел на троне Людовика XV, выставленном на застланной турецкими коврами верхней палубе». Позади под большим тентом располагалась свита короля из сорока человек. Вокруг бродили 80 баранов — пропитание короля. Панику вызвало приготовление жареной баранины рядом с судовым арсеналом. Лидер современной демократии говорил с абсолютным монархом прежде всего о нефти. Поднимался вопрос и о судьбе Палестины. Рузвельт просил его королевское величество позволить расселение евреев в Палестине, много говорил об ирригации Аравийской пустыни. Король презентовал богатые восточные одежды, восточные духи и меч, украшенный бриллиантами.

В Александрии на борт президентского эсминца «Куинси» взошел Черчилль вместе с дочерью и сыном. Черчилль хотел закрепить сотрудничество в ядерной сфере на послевоенный период. Премьер еще раз отметил глубокое утомление президента. Пройдет время, и Черчилль подсчитает, что в период между маем 1940 года и смертью Рузвельта в апреле 1945 года он писал президенту каждые 36 часов. Премьер-министр заметил уже после войны: «Ни один влюбленный не изучал капризы своей возлюбленной так, как я это делал по отношению к президенту Рузвельту». На этот раз свидание было последним. «Мы расстались очень трогательно. Я чувствовал, что его связь с жизнью стала тоньше». Через несколько дней Рузвельт

скажет о Черчилле: «Он смотрит на все из викторианского времени. Дорогой Уинстон никак не может войти в современную эпоху».

Только в западном Средиземноморье настроение Рузвельта начало меняться. Частично виной тому был де Голль. Хотя Франция и не присутствовала в Ялте, ее интересы там не были забыты. Она получила зону оккупации в Германии (пока без обозначения границ этой зоны) и место в Союзном контрольном совете по Германии. Леги записал в дневнике 10 февраля 1945 года: «Рузвельт изменил свое мнение и поддержал Черчилля в вопросе предоставления Франции места в Союзной контрольной комиссии в Берлине. Он полагал, что это поможет уговорить де Голля согласиться с ялтинскими решениями, затрагивающими Францию». Кроме того, Франция приглашалась на Сан-Францисскую конференцию, созываемую для принятия устава Организации Объединенных Наций, как одна из стран-основательниц. Но де Голль отказался от встречи: «Ехать на встречу с президентом после закрытая конференции, моему присутствию на которой он воспротивился, мне не хотелось. Тем более что мой визит не предполагал никаких реальных результатов, так как решения уже были приняты в Ялте, напротив, мой визит давал бы основания думать, что я поддерживаю все, что было решено... Кроме того, я предполагал, что по ряду вопросов, в которых наши интересы затронуты непосредственно: Сирия, Ливан, Индокитай, «тройка» заключила ряд соглашений, несовместимых с нашими интересами. Если Рузвельтом руководили лучшие мотивы, то почему он не пригласил де Голля в Крым?» Де Голля возмущало то, что ему назначили свидание на французской территории, и то, что на том же корабле примерно в такой же обстановке президент только что принимал глав арабских государств, и кого — президентов Ливанской и Сирийской республик, находящихся под мандатом Франции.

Средством давления американцев были военные поставки. Еще в новогодней речи де Голль обратился к Америке с просьбой вооружить 50 французских дивизий. 24 марта президент ответил ему: «Из-за недостатка в оборудовании вооружение французской армии будет ограничено шестнадцатью дивизиями и вспомогательными войсками». Это последнее высказывание Рузвельта во французской политике, и оно знаменательно. Рузвельт стал приходить к выводу, что, возможно, он недоучитывает потенциал Западной Европы и прежде всего «списанной» им «со счетов» Франции. Послевоенное устройство Европы грозило превратиться в долговременную проблему.

★ ★ ★

На «Куинси», пересекающем океан, Рузвельт не торопился заняться документами и отчетом конгрессу. В каюте он читал, а на палубе подолгу смотрел на воду, на линию горизонта. Лишь к самому концу перехода президент вместе с Розенманом начали работать над текстом. Трем оказавшимся на корабле журналистам он сказал, что главным достижением Ялты является решение о создании Органи-

зации Объединенных Наций. Будет ли она долговечной и эффективной? «Думаю, что да. Мы попытались взглянуть вперед настолько, насколько это доступно человеческим существам. Объединенные Нации возникнут оснащенные наилучшим методом, когда-либо созданным человеком». Германию он видел демилитаризованной. «Если она сумела так вооружиться за 50 лет, почему же невозможно обратное движение?»

27 февраля корабль подошел к Ньюпорт-Ньюсу, и Рузвельт пересел на поезд, идущий в Вашингтон. Рузвельт понимал важность поддержки итогов Ялты дома. Перед ним никогда не исчезал образ президента Вильсона, добившегося сложного компромисса в Париже и потерявшего все в Вашингтоне. Все прежние годы он обращался через конгресс к американскому народу, теперь он хотел лично убедить сенаторов, он хотел выступить на объединенном заседании сената и палаты представителей. И сделал это 1 марта 1945 года, всего лишь 36 часов спустя после прибытия на американскую землю.

Конгресс стоя аплодировал президенту, которого вкатили на инвалидной коляске и усадили в красное плюшевое кресло, стоящее перед небольшим столом. Над ним сидели председательствующий вице-президент Трумэн и лидер большинства — конгрессмен Маккормик, впереди — члены кабинета, за ними — полный состав сената, треть которого могла, если бы проголосовала против, обесценить заключенные в Ялте соглашения. Рузвельт обратился к аудитории со словами извинений за необычность произнесения речи сидя, ведь он носит «десять фунтов стали на ногах и только что проделал путь в четырнадцать тысяч миль... Это было далекое путешествие, и, надеюсь, вы согласитесь, что оно было плодотворным».

Это был первый случай, когда Франклин Рузвельт на публике прямо сказал о своей инвалидности. И он это сделал самым деликатным образом. Двенадцать лет Рузвельт осуществлял то, что писатель Х. Галлахер назвал «блестящим обманом». Многие считали, что президент просто не может долго стоять. Двенадцать лет фотокорреспонденты держали слово, и в стране не было ни одной фотографии, выдающей истинное положение дела. И только сейчас желание скрыть страшный удар судьбы покинуло Рузвельта. Гудвин говорит об «электрическом эффекте», который произвело заявление Рузвельта на американскую публику, слушавшую речь по радио, и на зрителей в зале. «На короткий момент всем парламентариям было позволено увидеть то, что коллеги Рузвельта видели ежедневно. Но вместо того чтобы уменьшить уважение к нему, чего Рузвельт всегда опасался, этот секундный показ уязвимости Рузвельта лишь многократно увеличил мощь и очарование его личности».

С точки зрения президента, «конференция в Крыму была поворотным пунктом — я надеюсь, и в нашей истории, и в мировой истории. Сенату Соединенных Штатов и американскому народу вскоре будут представлены решения, которые определят судьбу Соединенных Штатов, мира и грядущих поколений... Крымская конференция должна положить конец системе односторонних действий, особых сою-

зов, сфер влияния, баланса мощи и всех прочих средств, которые опробовались в течение столетий — и всегда приводили к краху. Мы предлагаем замену всему этому в виде всеобщей организации, в которую все миролюбивые нации, в конечном счете, будут иметь возможность войти».

Проделано полезное путешествие, но «определить, в какой степени оно было полезным, зависит в огромной степени от вас. Ибо если здесь, в этом зале американского конгресса, вы — с помощью американского народа — не согласитесь с общими выводами, достигнутыми в Ялте, и не окажете им активной поддержки, тогда получится, что эта встреча в верхах не дала долгосрочных результатов». Именно конгрессу, говорил президент, предстоит решить судьбу американского народа на многие поколения вперед. «Мы должны либо взять ответственность за мировое сотрудничество, либо нести ответственность за следующий мировой конфликт». Рузвельт не жалел слов, чтобы показать, к каким важным достижением привела Ялтинская конференция.

Были ли у Рузвельта сомнения, которые он решительно отметал перед широкой публикой? Очевидно, были. Одному из ведущих чиновников госдепартамента А. Берлю он сказал, подняв вверх руки: «Адольф, я утверждаю, что это было лучшее, чего я мог добиться». Договоренность между тремя великими державами пока лишь «только соглашение». Объединенный комитет начальников штабов настаивает на передислокации американских вооруженных сил из Европы в Азию, и поэтому Соединенные Штаты не могут ввести войска в русскую сферу контроля. «Мы должны полагаться на слово русских.» Нигде и ни в каком виде не найдено доказательств того, что Рузвельт вообще когда-либо планировал вторжение в «сферу контроля русских». Это была защитная фраза, обращенная против крайне антирусски настроенных сил, которых в госдепартаменте олицетворял А. Берль. Но мы должны отметить восприимчивость президента к мнению указанных сил. Главная его линия заключалась в том, чтобы объединить американский народ, основываясь на вере в возможность новой эры, связанной с Организацией Объединенных Наций.

В общем и целом Рузвельт считал Ялту прочным основанием послевоенного мира. Была оформлена будущая мировая организация. Как и Вильсон, Рузвельт полагался на нее в высшей степени. Он верил, что возврата к изоляционизму не будет, что американский народ уже приобщился ко всем основным мировым процессам.

Статистика подтверждала внутреннее чувство президента. После Ялтинской конференции число американцев, удовлетворенных сотрудничеством трех союзников, увеличилось, согласно опросам, с 46 до 64%. Более 80% считали необходимым для США вступить в мировую организацию. Эта картина значительно отличалась от той, которую встретил президент Вильсон, прибыв из Версаля в 1919 году. Рузвельт очень беспокоился, как воспримут в Америке сообщение о том, что еще две советские республики получили представительство в ООН. Лишь 23 марта 1945 го-

да он сказал американской делегации, готовящейся к Сан-Франциско, об этом «ялтинском секрете». Президент попросил Стеттиниуса объяснить, сколь велики военные потери двух советских республик, рекомендованных в ООН, и заявить общественности, что больше в Ялте не было никаких секретных соглашений по поводу рождающейся мировой организации. Рузвельту пришлось также сказать представителям прессы, что Генеральная ассамблея будет иметь «лишь функции расследования международных проблем».

Общая реакция на Ялтинскую конференцию в США была благоприятной. В этот период даже решение польского вопроса представлялось положительным. По опросам общественного мнения значилось, что наиболее информированные круги американского общества были удовлетворены в наибольшей степени. Томас Дьюи определил итоги Ялты как «подлинный вклад в дело мира». Сенатор-республиканец У. Остин назвал результаты конференции «конструктивным шагом в направлении мира» и призвал к двухпартийной их поддержке. В Москве Молотов и послы Гарриман и Керр вели переговоры по конкретным вопросам формирования польского правительства, и все еще казалось в пределах досягаемого. По крайней мере, А. Гарриман не давал президенту оснований усомниться в возможности решения этого вопроса.

Иной была реакция в Азии. В Чунцине ходили слухи, что в Ялте американский президент предал своих китайских союзников, причем настолько убедительные, что личный представитель президента Хэрли решил узнать правду из первоисточника. В середине февраля 1945 года он вылетел в Вашингтон вместе с генералом А. Ведемейером, который заменил Стилуэла на посту начальника штаба армии Чан Кайши. Хэрли оказался в тупике не только из-за отсутствия Чан Кайши на встрече на высшем уровне. Провалилась его стратегия объединения всех антияпонских сил в Китае.

В конце 1944 года руководство Коммунистической партии Китая решило заключить соглашение с режимом Чан Кайши «ради объединения всех военных сил в Китае для нанесения немедленного поражения Японии». Из Янаня в Чунцин прибыл представитель Мао Цзэдуна Чжоу Эньлай для ведения переговоров. Отпор Чан Кайши идее совместных усилий был тотальным. Он заявил, что согласие на коалиционное правительство равносильно признанию полного поражения. Он был готов признать войска коммунистов лишь в обмен на полный контроль за ними. Чжоу Эньлай заявил, что речь идет не о признании ими поражения и полной сдаче Чунцину, а о войне против Японии. В Вашингтоне компромиссный подход Хэрли уже не преобладал. Государственный секретарь Стеттиниус сообщил свое мнение Рузвельту: «Коалиция будет означать конец доминирования консервативного гоминдана и открытие пути к власти более гибким и популярным коммунистам для расширения их влияния до точки, возможно, контроля над правительством». Такой оборот событий пугал Рузвельта. Он хотел видеть четвертой великой державой мира покорный чанкайшистский Китай, целиком зависимый от США, а не не-

ведомый ему коммунистический Китай с его предположительной ориентацией на континентального соседа. За традиционного китайского партнера он, по крайней мере в одном отношении, пока не беспокоился. Ненависть Чан Кайши к Мао Цзэдуну была сильнее любого другого его импульса, а это означало, что между Москвой и Чунцином встала непреодолимая преграда.

В той грандиозной схеме, к реализации которой Рузвельт приступил на финальной стадии войны, СССР признавался первостепенным партнером, но ограничивался с двух сторон: со стороны Западной Европы и со стороны Восточной Азии. Одним из краеугольных камней этой схемы было противопоставление (по возможности, «дружественное») Советскому Союзу националистического Китая. Рузвельт говорил англичанам: «В любом серьезном конфликте с Россией Китай, несомненно, будет стоять на нашей стороне». При этом он надеялся в ответ на уступки Советскому Союзу в Восточной Европе получить от него уступки в китайском вопросе. Президент просил советское правительство признать гоминдановское руководство единственным политическим представителем страны, т.е. «свернуть» свои особые связи с Коммунистической партией Китая, контролировавшей значительную часть Северного Китая. Можно усомниться в том, были ли реалистичны пожелания Рузвельта добиться того, чтобы СССР отказался от своих союзников в соседней стране и положился на связи с правительством, которое было откровенным клиентом Соединенных Штатов. По существу, Рузвельт хотел, чтобы Москва помогла подчинить КПК гоминдану и при этом признала суверенность марионеточного правительства Чан Кайши.

★ ★ ★

Чувство, что победа недалека, не могло не охватить Рузвельта. Утром 23 марта генерал Паттон позвонил генералу Бредли: «Я пересек Рейн. Прошлой ночью целая дивизия перешла на левый берег». Близ Японии наконец-то был взят остров Ивадзима — база, откуда тяжелые Б-29 могли устремляться к Японским островам. Но большие потери в битве за Ивадзиму заставили Рузвельта еще раз запереться с военным министром Стимсоном. Стимсон заверил, что практически каждый имеющий значимость физик, включая четверых нобелевских лауреатов, задействован. «Бомба будет готова для испытаний к середине лета.»

Март 45-го был большим рабочим месяцем для Рузвельта. Вопреки предупреждениям доктора Брюэнна он встретился с множеством людей и ознакомился с океаном информации. Расслаблялся он размышлениями о будущем, стараясь уйти от непосредственных нужд сегодняшнего дня. Думал о летнем отпуске в Гайд-Парке, о том, что когда-нибудь оковы президентства падут. Летом он навестит Черчилля в Лондоне. Он хотел остановиться в Букингемском дворце, побеседовать с Уинстоном в Чекерсе, обратиться к палате общин, навестить места сражений в Европе. Британский премьер с энтузиазмом одобрил идею визита. Рузвельту английский

народ окажет «самый теплый прием, какой он только может оказать человеческому существу со времен триумфального въезда в Лондон лорда Нельсона... Чувства, переполняющие сердца английского народа, подлинны и спонтанны; все англичане любят его за то, что он спас их от гуннов; они любят его за то, что он сделал ради спасения их от страха, от ужасов, которые нависали над ними в течение пяти лет».

Мечта посетить Европу так сильно владела Рузвельтом, что он не мог скрывать ее от посетителей. «Я уже попросил Элеонору подобрать необходимую одежду.» Когда Перкинс напомнила, что в Европе еще идет война, Рузвельт прижал палец к губам и сказал как бы по секрету: «Война в Европе окончится к концу мая».

Когда он покинет Белый дом, рассуждал президент, он будет издавать общенациональную газету на четырех полосах — только новости, никакой рекламы. Современные средства связи позволят быстро распространять ее по всей стране. Стоимость одного номера — один цент. Элеонора призвала его прожить несколько лет без этой ужасной ответственности. «Нет. Я хочу быть там, где что-то происходит.» Что характерно, Рузвельт никогда не обсуждал прошлого. Его гораздо больше интересовало будущее. И он не любил, скажем, Большой каньон в Колорадо: «Он выглядит мертвым. Я люблю мои зеленые деревья в Гайд-Парке. Они живут и растут».

Жан-Поль Сартр, представлявший парижскую «Фигаро», посетил Рузвельта с группой французских журналистов: «Наиболее поразительным является в нем глубокое человеческое обаяние, одновременная чувствительность и сила... Он улыбался нам, говоря глубоким низким голосом». Одно лишь посещение Рузвельта,— пишет Сартр,— сделало поездку в США исполненной смысла.

В эти последние свои недели в Белом доме Рузвельт размышлял о мировой структуре, тогда как Черчилль пытался привлечь его внимание к действиям СССР в Румынии и Польше. Рузвельт же считал, что Восточная Европа является зоной особых интересов Советского Союза и не следует ему здесь указывать, «как себя вести». Когда Черчилль оказывал давление на Рузвельта с целью держаться жестче с советским руководством, президент предупреждал, что это «сделает очевидными различия между английским и американским правительствами». Рузвельт в высшей степени ценил ялтинские соглашения и отказывался сделать что-то такое, что поставило бы их под угрозу.

В субботу 24 марта 1945 года после обеда с кронпринцем Олафом и принцессой Мартой Рузвельт и Элеонора отправились ночным поездом в Гайд-Парк. Все надеялись, что свежий воздух и солнце помогут президенту. Элеонора пишет с восторгом: «Все начинает расти». Набухшие почки и свежие цветы взывали к радости. Рузвельт заговорил о поездке в Сан-Франциско на открытие Организации Объединенных Наций. Элеонора с восторгом смотрела на мужа: именно таким она его лю-

била. И увлеченно обсуждала детали будущих поездок, хотя реальность была менее радужной. Впервые Рузвельт отказался вести машину. Он поручил жене готовить коктейли, чего не бывало ранее. Без прежней страсти слушал он рассуждения Элеоноры о будущем международном строительстве. Что-то ослабло в нем.

В конце марта 1945 года Черчилль усилил нажим: если Рузвельт не проявит твердость в польском вопросе, премьер-министр открыто доложит об англо-советских противоречиях в палате общин.

Нет сомнений в том, что Рузвельт придавал кардинальное значение своей договоренности с советским руководством. От этого зависело осуществление его глобальных замыслов. И он не хотел, чтобы расхождения по польскому вопросу поставили под удар его генеральный план. Поэтому Рузвельт в течение всего марта 1945 года не принимал во внимание предупреждения Черчилля о том, что Сталин идет в Польше и в Румынии своим собственным курсом. Помимо прочего, СССР мог всегда утверждать, что его действия диктуются военной необходимостью, что и соответствовало истине. Рузвельт полагал, что выступить вместе с Черчиллем против люблинского правительства в Польше означало бы явно нарушить ялтинские соглашения, а «мы должны твердо стоять за верную интерпретацию крымских решений». Он также полагал, что в Ялте люблинскому правительству было открыто отдано предпочтение перед остальными политическими силами в Польше: «Мы ведь договорились сделать несколько больший упор на люблинских поляках, чем на двух других группах». Румыния же, писал Рузвельт Черчиллю, является не лучшим местом для суждения о советских намерениях.

Трудно сказать, действовали ли на Рузвельта аргументы советской стороны. Ведь Советская Армия действительно освободила Польшу ценой огромных жертв. Здесь погибло 600 тысяч советских воинов. И понятно было желание Москвы не дать власть в Варшаве силам, которые ставят под удар тыл Советской Армии сейчас и будут угрожать советским границам в будущем. 29 марта 1945 года Рузвельт написал Сталину: «Сумев так хорошо найти понимание в Ялте, я убежден, что все трое мы осуществим расчистку препятствий, появившихся с тех пор». Несколько неловко было бы обсуждать советскую политику на ближайших к СССР подступах именно в то время, когда американцы формировали свою национальную безопасность исходя из принципа закрепления на берегах двух океанов, находящихся вдали от их континента.

Напомним, что с самого начала процесса стратегического планирования на послевоенный период президент Рузвельт дал понять, что безопасность США в будущем должна быть обеспечена за счет создания кольца баз на весьма удаленном от берегов Америки расстоянии. На Тихом океане такие базы должны были быть созданы на Алеутских островах, на Филиппинах, на Окинаве, на островах, прежде принадлежавших Японии. В атлантическом бассейне проектировались базы на

Азорских островах, Канарских островах, на выступающем в Атлантический океан мысе Африки (Дакар).

Существовало два списка баз: один — составленный Объединенным комитетом начальников штабов, второй — государственным департаментом. Оба ведомства интересовались прежде всего аэродромами. В обоих списках был мировой охват желаемых опорных пунктов, куда входили как обязательные базы в Алжире, Индии, Индокитае, Гватемале, Новой Зеландии, Исландии, Марокко, Сенегале, Либерии. Представьте себе, что подобного же для своей безопасности пожелал бы Советский Союз. Реакцию США нетрудно угадать. Но собственная экспансия воспринималась американцами как легитимная забота о своей безопасности.

Рузвельт стоял во главе этого процесса. Во время встречи с генералом де Голлем в 1944 году он открыто высказал желание расширить мировую зону влияния. Так, он говорил о том, что намеревается утвердиться в Западной Африке, голландской Ист-Индии, Сингапуре и Индии. Могли ли согласиться с этим владеющие упомянутыми землями англичане, французы, голландцы? Только под давлением.

Современные американские историки признают, что стремление Рузвельта к деколонизации и созданию системы опеки над прежними колониями было во многом продиктовано стратегическими соображениями. Прежде всего, следовало закрепиться в собственной традиционной зоне влияния — Латинской Америке. Усилия Рузвельта здесь завершились подписанием в марте 1945 года нового союзного акта, предполагавшего «совместную оборону»,— акта Чапультепек. Этот акт был подготовлен поставками по ленд-лизу, созданием новых военно-морских баз США в «своем» полушарии, укреплением за годы войны торговой взаимозависимости, довольно резким увеличением объема американских инвестиций в регионе, программой подготовки в США элиты военного корпуса латиноамериканских армий, обхаживанием крупнейших политических деятелей латиноамериканских стран. Все эти усилия предпринимались отнюдь не в вакууме, а в условиях противоборства с влиянием двух крупнейших европейских держав — Германии и Англии. Рузвельт настойчиво вытеснял их из западного полушария.

В своем стратегическом планировании Рузвельт все больший акцент делал на авиации. В соответствии с президентской концепцией Объединенный комитет начальников штабов подготовил весной 1945 года рекомендации относительно оптимального расположения американских военно-воздушных баз.

Но не степень американского вовлечения создавала мировое напряжение — оно возникало там, где США противостояли другим великим державам. Близкий к президенту Н. Дэвис после дискуссии с ним сделал такой вывод: «Вопрос заключался в соотношении сил между победителями. Каким образом они используют свою мощь?» Эти беседы проливают некоторый свет на видение Рузвельтом послевоенной системы международных отношений. Мы начинаем понимать, что у Рузвельта

были серьезные сомнения в отношении достаточности американской мощи. Он брался за беспрецедентное дело, и его сомнения естественны. Безусловным кошмаром для Рузвельта была возможность «сговора» между собой партнеров по привилегированной четверке. Его крайне настораживало, когда Черчилль пытался в Москве найти модус вивенди для Балкан и Средиземноморья, когда Чан Кайши делал реверансы в сторону СССР. Рузвельт не исключал возможности таких группирований в принципе, но в конкретной обстановке 1945 года союз со Сталиным Черчилля и Чан Кайши он справедливо отвергал как нереальный поворот мировой политики.

Он исходил из того, что СССР не может помочь Черчиллю в решении его главной задачи — сохранить империю или хотя бы обезопасить главный путь к имперским центрам через Средиземноморье и Ближний Восток. Слишком многое, помимо идеологии, разделяло главных антагонистов XX века. Укрепление СССР на Балканах и Ближнем Востоке сразу же бросало «львов» британского империализма в объятия любого противника Советского Союза. Лондон немногое находил в союзе с СССР, но многое терял, позволяя ему усилиться.

Рузвельт и его сотрудники исходили из того, что все несчастья мира проистекают из-за «искусственных» перегородок между государствами. Если бы победители в первой мировой войне, творцы Версальского мира, сумели обеспечить свободный поток товаров, взаимозависимость предотвратила бы отчуждение 30-х годов, раскол, создание противоборствующих лагерей. Но нет, Британия замкнулась в рамках своей империи, Франция обратилась к своим колониям, изоляционисты в США возвели огромный внешний тарифный барьер, а Германия начала расширять свой «лебенсраум» в Европе. Избежать подобного развития в будущем, по мнению Рузвельта, можно лишь на основе фритрейда, сознательного предотвращения таможенной фрагментаризации послевоенного мира. Он полагал, что политика «повсюду открытых дверей» будет лучше всего служить интересам США.

Сохранить открытыми национальные рынки для американских компаний означало укрепить экономическую гегемонию США в мире. Приманка экономической помощи, займы, льготные поставки — все должно было послужить достижению этой цели. Президент Рузвельт был весьма последователен в проведении указанной политики. Мы помним, что его дипломатическое наступление увенчалось соглашениями 1944 года в Бреттон-Вудсе, где было принято решение о создании Международного валютного фонда и Банка реконструкции и развития — инструментов воздействия Соединенных Штатов на ослабленный военными испытаниями мир. За экономическим могуществом, по мнению Рузвельта, должно было последовать резкое расширение зоны политического влияния США.

И все же, несмотря на словесную недвусмысленность в приверженности «открытой» мировой системе, он колебался в выборе курса между разделом мира на сферы влияния и вильсоновским универсализмом. Лишь к концу войны, видя не-

обычайные возможности для США, Рузвельт однозначно исключил для себя схему разделения мира на зоны влияния. В середине 1944 года в личном послании Черчиллю Рузвельт попросил премьер-министра запомнить, «что мы не устанавливаем каких-либо зон влияния».

Тем не менее объективно, своими действиями Рузвельт способствовал определенному разделу мира на зоны влияния великих держав. Как писал американский историк М. Ховард, «необязательно иметь намерение овладеть "сферой влияния" для того, чтобы получить таковую. "Влияние", "мощь" или "империя" автоматически приходят к тем государствам, которые достаточно богаты, достаточно сильны и достаточно уверены в себе». И когда Рузвельт призывал Британию, Китай и СССР вместе с США взять на себя «ответственность» за мир, он уже имел в виду зоны этой ответственности. В данном случае Рузвельт хотел увлечь современников надеждой на «благожелательное» главенство США в этой четверке, что обеспечивало бы искомый универсализм. Но это требовало от трех великих держав безоговорочного подчинения Соединенным Штатам. По своей воле такое согласие не выражают. А рычагов самостоятельного воплощения этой схемы у Америки не оказалось при всем ее богатстве и наличии атомной бомбы. Да, собственно, и сам Рузвельт «сбивался» с универсалистского курса, требуя, например, от англичан «научить дисциплине своих детей в Европе» (имелись в виду прежде всего французы). И Рузвельт, безусловно, предвидел, что Советский Союз будет учитывать свои оборонные интересы в Восточной Европе. По крайней мере, своему государственному секретарю он говорил без обиняков: «Мы должны помнить, что русские на занятых ими территориях будут следовать собственному курсу, исходя из собственных желаний».

В непосредственном окружении Рузвельта были сторонники раздела мира на зоны влияния как объективно неизбежного и в целом благоприятного для США. Так, военный министр Г. Стимсон считал прискорбным тот факт, что «некоторые американцы придают исключительное значение доктрине Монро и в то же самое время ставят под вопрос все то, что происходит в Центральной Европе». Он полагал, что мирное урегулирование отношений с СССР более чем возможно, поскольку «орбиты наших двух стран не совпадают друг с другом». Стимсон утверждал: «Мы не просим слишком многого, получая в свое распоряжение наш небольшой регион... Россия не должна беспокоиться, потому что она сама собирается предпринять такие же шаги по созданию дружественных протекторатов вокруг своих границ». Помощник Стимсона Дж. Макклой (которому предстояло сыграть большую роль в жизни оккупированной Германии) провозглашал: «Мы должны иметь свой пирог и есть его тоже; мы должны обладать свободой действия в рамках региональных соглашений в Южной Америке и в то же время вторгаться в европейские дела».

По существу, неизбежным выделение зон влияния считал и министр торговли Г. Уоллес. По его мнению, интересам США более соответствовал бы не планетарный, всеобщий, а «региональный интернационализм». Откровенных сторонни-

ков раздела мира на зоны влияния было немало в государственном департаменте. Так, Дж. Кеннан, будущий посол США в СССР, писал другому будущему американскому послу в Москве Ч. Болену 26 января 1945 года, что Европа должна быть поделена на сферы влияния, что США должны создать зону своего влияния в Западной Европе и при этом американцы «не должны вмешиваться в события, происходящие в русской сфере влияния, и в то же время не позволять русским вторгаться в свою сферу». В пользу раздела мира на сферы влияния склонялся ведущий американский журналист У. Липпман. С его точки зрения, оптимальная система будущих международных отношений — «региональные созвездия государств». При этом США были бы самой влиятельной нацией в «Атлантическом сообществе», СССР главенствовал бы «на русской орбите», Китай — на китайской. Безопасность внутри орбит обеспечивалась бы абсолютным преобладанием главенствующей в регионе державы, а общий мир — воздержанием от вмешательства одной великой державы в зону влияния другой.

Заметим, что вслед за Латинской Америкой и Европой взоры американских стратегов эпохи Рузвельта обращались к Ближнему Востоку — признанной главной кладовой нефти. Стратегическое значение нефти уже тогда было неоспоримо, и Белый дом соответствующим образом ориентировал государственный департамент. Американские дипломаты чрезвычайно активно помогали нефтяным компаниям страны овладеть контролем над мировыми энергетическими ресурсами. К концу войны американские компании контролировали уже половину нефтяных запасов Ближнего Востока. Выражая на словах несогласие с идеей о зонах влияния, президент Рузвельт по существу положил начало созданию этих зон своей политикой в оккупированной Италии, где именно американские и английские офицеры возглавили Союзную контрольную комиссию, оттеснив представителей СССР на положение наблюдателей. Советское руководство последовало этому примеру в восточноевропейских странах. (Подобная практика была закреплена на Потсдамской конференции, когда американская делегация стала настаивать на том, что оккупирующие стороны будут взимать репарации с тех зон Германии, где они находятся. Будет ли это означать, спросил В.М.Молотов, что каждая сторона получит свободу действий в своей зоне и будет действовать в ней независимо от других? Госсекретарь США Дж. Бирнс ответил, что поддерживает именно такое толкование.)

Еще одним противоречием рузвельтовского универсализма в общем подходе было решение вопроса о подмандатных территориях. Рузвельт в конце концов согласился с идеей передачи подмандатных территорий стран «оси» главным победителям в текущем мировом конфликте, а не безликой всемирной организации.

Не удалось Рузвельту заблокировать и создание региональных оборонительных союзов. К ним открыли путь статьи 51 и 52 Хартии ООН. Потеряла под собой почву идея о том, что в рамках ООН великие державы смогут, по словам Рузвельта, «вырывать клыки у хищных вероломных животных». Для этого

«полицейские» должны быть едины и не разменивать солидарность на зоны влияния, даже глобальные.

Видя тенденцию резервировать за основными мировыми центрами зоны «особой ответственности», англичане еще весной 1944 года «осмелели» до такой степени, что официально стали просить американское руководство закрепить за ними особые позиции в Греции. Английский посол в Вашингтоне лорд Галифакс не видел причин, по которым США могли бы отвергнуть просьбу: ведь «мы следуем линии поведения Соединенных Штатов в Южной Америке в максимально возможной степени». И нужно отметить, что Рузвельт не выразил непримиримого протеста по поводу желаний Лондона поделить Балканы на зоны влияния.

Вероятно, Рузвельт полагал, что все еще можно исправить после создания эффективной международной организации (в этом он был близок Вудро Вильсону). На 25 апреля 1945 года в Сан-Франциско был намечен созыв международной конференции по выработке Хартии Организации Объединенных Наций. В феврале и марте 1945 года Рузвельт, несомненно, вспоминал о политическом поражении своего предшественника в подобном начинании — президента Вудро Вильсона. На сей раз история не должна была повториться. Рузвельт постарался обезопасить себя и свой проект на внутренней политической арене. Избранная на международную конференцию американская делегация была двухпартийной. В нее вошли такие лидеры республиканцев, как сенатор Ванденберг и Гарольд Стассен. Рузвельт планировал, что сам откроет конференцию и позаботится об ее эффективности. Его стало тревожить в конце марта сообщение о том, что советскую делегацию на учредительной конференции в Сан-Франциско возглавит посол СССР в США А.А.Громыко. Рузвельт хотел более внушительного представительства. Отсутствие кого-либо из высокопоставленных советских руководителей означало бы, что в Москве не придают столь существенного (как в Вашингтоне) значения сан-францисскому форуму, а значит, и идее коллективного руководства миром. Представляется, что это обстоятельство очень беспокоило Рузвельта, так как наносило удар по основам его дипломатической стратегии. Он просил Сталина послать на первую учредительную сессию мировой организации министра иностранных дел В.М.Молотова.

И еще одно обстоятельство поставило под угрозу единство великих союзников. В начале марта командующий войсками СС в Италии генерал Вольф тайно встретился в Цюрихе с руководителем американской разведки в Швейцарии Алленом Даллесом. Объединенный комитет начальников штабов не желал участия советских представителей в этих переговорах. Капитуляция немецких войск в Италии сразу же выводила мощные американо-английские силы с юга в центр Европы, перед ними лежала Вена и выход на Балканы. Наметилось изменение стратегической обстановки. Союзники могли зайти далеко в контактах с руководством СС, чьи части составляли основу сражающихся восточнее Берлина германских сил. Нужно сказать, что в этой ситуации в Лондоне сразу же ощутили опасность, что

в Москве узнают о сепаратных действиях западных союзников. У Черчилля, как напишет он позднее, созрело решение оповестить советское правительство. Но в Москве уже знали о ведущихся переговорах. И непонятна была роль президента Рузвельта, выступавшего за секретность, которая в данном случае могла стоить союзнической солидарности.

Сталин сказал, что переговоры с противником возможны лишь в том случае, если это не дает немцам возможности использовать их для переброски своих войск на другой, в данном случае советский, фронт. А немцы уже передислоцировали сюда три дивизии из Италии. Рузвельт ответил коротко, что немцы стараются раздуть противоречия между союзниками.

Подобные тайные переговоры были ошибкой американской дипломатии, они вызвали опасения у советского руководства (ясно выраженные в резком письме Сталина Рузвельту). Немцы сдавали города без боя на западе и отчаянно дрались за каждую деревню на востоке. Так были посеяны семена недоверия, поставившего под угрозу тесную взаимосвязь союзников — основу послевоенных планов Рузвельта. Упорное нежелание американцев допустить советских представителей на переговоры с генералом Вольфом воспринималось в Москве крайне негативно. В позднем объяснении Рузвельт писал Сталину, что стремился помочь своим войскам, увидев возможность сдачи противника и избежания кровопролития. Но на союзные отношения пала тень. В одном из последних писем Рузвельта Сталину чувствуется понимание президентом этой опасности: «Я не могу избежать чувства горького возмущения в отношении ваших информаторов, кто бы они ни были, за такое злостное искажение моих действий и действий моих доверенных подчиненных. Будет подлинной трагедией истории, если после неимоверных лишений в одном шаге от победы произойдет крушение солидарности союзников. Потеря доверия поставит под вопрос все огромное совместное предприятие».

Именно это и происходило. Накануне победы недоверие к односторонним действиям американцев, споры из-за Польши, неясность в отношении функций ООН начали ослаблять совместную платформу взаимопонимания, хотя, конечно, солидарность военных лет была еще крепка, особенно в общественном сознании. Весной 1945 года газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Не существует ощутимой разницы в интересах, политике, целях и в отношениях между Россией, Британией и Соединенными Штатами, что могло бы пойти в сравнение с огромными жертвами и страданиями, через которые эти народы прошли, пробив свой путь к порогу лучшего мира». Ведущий американский ветеран-журналист У. Ширер записал в своем дневнике: «Собираемся ли мы использовать влияние двух самых мощных демократий (имелись в виду США и Англия. — *А.У.*) против сил прогресса или мы остановим реакцию? Собираемся ли мы вернуться в 1939 год или проявим талант и воображение в стремлении построить нечто лучшее в 1946 или в 1950, или в 1960 году? Эти вопросы наводят на размышления при воспомина-

ниях о курсе англо-американской политики с того момента, когда ход войны изменился в нашу пользу, вспоминаешь нашу поддержку Дарлана, стойкую защиту Черчиллем Франко, настойчивость в попытках спасти савойскую династию в Италии, высокомерное обращение англичан с силами сопротивления в Бельгии и Греции и наше собственное глупое упорство в желании пригласить фашистскую Аргентину на конференцию в Сан-Франциско».

С чувством глубокой озабоченности рассуждал один из самых осведомленных американских специалистов в международных делах (У.Ширер) о грядущих опасностях: «Нас принудили — частично англичане, частично наша неспособность оценить обстановку — взять на себя роль, которая когда-нибудь окажется столь же опасной, сколь и бессмысленной. Это роль великого антагониста России... Верно, что отныне мы будем двумя наиболее мощными нациями. Но также верно и то, что Соединенные Штаты и Россия не имеют исторически конфликтных интересов. И не имели никогда. И еще справедливо следующее. Если Россия и мы не придем к согласию, мир не продержится долго». Подобные опасения имели под собой большие основания. Президент Рузвельт (и в этом его заслуга перед историей) сумел создать жизнеспособный союз. Коалиция пережила третий рейх, однако, к сожалению, не надолго. Вина за это ложится на тех, кто предпочел не коллективное вершение дел в мире, а реализацию уникальной, «дарованной судьбой» возможности сепаратного, самостоятельного ведения дел.

Нет сомнения, что в стратегическом видении Рузвельтом будущего СССР рассматривался в качестве партнера Соединенных Штатов по контролю над новой мировой системой. Рузвельт предполагал выполнение Советским Союзом миротворческих функций, учитывал его особое положение в Восточной Европе. Это линия всей дипломатии Рузвельта военных лет. Но все же на определенные препятствия следует указать. Речь идет о трениях, возникших из-за поставок по ленд-лизу, из-за двухлетней задержки в открытии второго фронта. Но президент считал все это преодолимым. Более того, он был уверен в своей способности найти компромисс, пожертвовать второстепенным ради главного. Без СССР не могла осуществиться его основная дипломатическая инициатива — новый международный порядок на базе глобальной международной организации и особой ответственности главных действующих лиц на мировой арене. При этом Рузвельт сопротивлялся попыткам представить СССР в качестве силы, способной в будущем угрожать Америке.

Еще в начале 1944 года, когда президента попросили высказаться о слухах, будто русские намерены овладеть контролем над всей Европой, он ответил: «Я лично не думаю, что это мнение имеет под собой основание. У них достаточно дел в самой России, чтобы многие годы заниматься внутренними проблемами, не беря на себя дополнительную головную боль». Стратегия Рузвельта была построена на том, что союз военных лет останется крепкой основой взаимодействия и в мирных ус-

ловиях, но для этого необходимо признание справедливости обеспокоенности Советского Союза проблемами своей безопасности. Никогда Рузвельт не обсуждал возможности противостояния Советскому Союзу силовыми методами. Он надеялся совместить интересы СССР с программой действий мировой организации, с международным сотрудничеством в ее рамках.

Правда, уверенность Рузвельта иногда сменялась сомнениями. Так, он говорил, что если советское руководство не признает Чан Кайши, а тот не договорится с Мао Цзэдуном, то США не смогут «сдержать русских» на этом направлении. Но затем он вновь возвращался к мысли, что Китай одновременно будет и ведущей силой в Азии (противостоящей Советскому Союзу) и останется в определенной степени зависимым от Соединенных Штатов. Рузвельт (от такого вывода трудно уйти), безусловно, верил в отчуждение между СССР и Китаем и считал определенную степень холодности их отношений отвечающей американским интересам в Азии.

Рузвельт соглашался на мировой статус СССР, но прилагал значительные усилия для обеспечения рычагов воздействия на страну, выходившую из войны второй мировой державой. Речь идет прежде всего об огромном экономическом потенциале США, об обладании атомным оружием, о наличии могущественных союзников, способных «ограничить» СССР с запада (Британия) и с востока (Китай). Одним из таких рычагов виделись президенту торговля и займы. Впервые о предоставлении Советскому Союзу займов и о расширении торговли с ним американцы заговорили в 1943 году. Рузвельт не мог не отметить, что в Москве это вызвало живейший интерес. Отныне американская сторона периодически поднимала данный вопрос либо когда отсутствие второго фронта ощущалось слишком остро, либо когда она нуждалась в солидарности с СССР. Наилучшую характеристику данному инструменту американской дипломатии дал посол США в Москве А.Гарриман в марте 1944 года: экономическая помощь Советскому Союзу — это «одно из наиболее эффективных из имеющихся в нашем распоряжении средств для воздействия на политические события в Европе в желательном для нас направлении, средство предотвращения создания сферы влияния Советского Союза в Восточной Европе и на Балканах».

Лишь одно могло подорвать схему Рузвельта — политика, направленная на изоляцию СССР. Опасности, порождаемые ею, полагал Рузвельт, были бы колоссальны, президент прямо говорил об этом: если Соединенные Штаты еще раз попытаются изолировать Советский Союз, им следует «приготовиться к неизбежной войне континентов». Рузвельт сделал немало шагов для разрешения существующих и потенциальных противоречий с Советским Союзом. Так, на Тегеранской конференции он фактически признал вхождение прибалтийских республик в Советский Союз, предложив лишь скрепить это плебисцитом населения данных республик. На Ялтинской конференции Рузвельт признал новую советско-польскую грани-

цу. На обеих конференциях Рузвельт считался с особым положением СССР в Восточной Европе.

По существу, президент в своей политике в отношении СССР руководствовался здравой идеей, что эту страну после жесточайших испытаний в двух мировых войнах преследует страх внешних угроз. Рузвельт, по-видимому, сумел понять озабоченность Советского Союза своей безопасностью. И в данном случае следует, пожалуй, отметить, что почти полное неумение и нежелание руководителей советской дипломатии считаться с Западом и его проблемами не способствовали укреплению модели «озабоченности СССР своей безопасностью», имевшей значительные шансы возобладать в американском понимании Советского Союза. Некоторые «спазматические» советские инициативы, не обеспеченные адекватной мотивацией, приводили к поражению тех сил в американском руководстве, которые склонны были найти общий язык с ведущим военным союзником. Вскоре заколебались и положительно настроенные. «Безопасность, возможно, является их главным мотивом, но они столь обеспокоены и подозрительны по ее поводу, что объективные результаты являются такими же, как если бы их мотивацией была агрессия, беспредельная агрессия»,— писал сотрудник американского посольства в Москве Джордж Кеннан. В январе А. Гарриман сообщил в Вашингтон: «Главенствующим соображением советской внешней политики является озабоченность "безопасностью" так, как ее понимают в Москве». И проблема действительно заключалась в том, что американцы понимали безопасность иначе.

Американские военные стратеги предусматривали для США в послевоенное время роль своего рода посредника между Британией и СССР. Но большинство в правящей элите не поддержало эту идею. Тесный союз и с той и с другой стороной казался им связывающим Америке руки и не отвечающим ее интересам. Примерно с весны 1944 года, когда ход событий на советско-германском фронте показал превосходство Советской Армии, эксперты стали приходить к выводу, что в послевоенной Европе СССР будет пользоваться большим влиянием, чем Англия. В дальнейшем этот тезис получил детальную разработку. Объединенный комитет начальников штабов в августе 1944 года указал в своей прогностической оценке, что изменение соотношения сил в Европе будет чрезвычайно резким, сравнимым скорее «с падением Рима, чем с любой другой переменой, произошедшей здесь за последовавшие после этого падения пятнадцать столетий».

Нам важно, однако, отметить, что на данном этапе высшее военное американское руководство не сделало вывода, что США должны бросить силы на «выправление баланса». Военная разведка хотя и предполагала возможность укрепления позиций СССР в Европе, но, подчеркиваем, не заключала из этого, что Советский Союз займет враждебную по отношению к Америке позицию. Более того, американская попытка укрепиться в Европе имела бы эффект «самооправдывающегося предсказания», так как провоцировала бы СССР на определенные действия. Та-

ким образом, военные планировщики рекомендовали не ожесточать СССР и готовиться к выводу американских войск из Европы после войны: у СССР нет потенциала непосредственно угрожать США.

Были ли американцы обеспокоены возможностью распространения советского влияния на Западную Европу? Если сторонники этой точки зрения и излагали свои взгляды, то они все же не были большинством. Скажем, очень обстоятельный доклад государственного департамента отвергал подобное: «русские не очень интересуются происходящими в Западной Европе процессами». Способен ли был Советский Союз к конфликту с Западом? Доклад американской разведки подводил к мысли, что Советскому Союзу прежде всего необходимо «время, чтобы прийти в себя», он имеет слишком много ран, «чтобы идти на риск вооруженного конфликта». Каковы были эти раны и каков был срок их исцеления? Доклад разведки давал такие цифры (указывалось время «реабилитации» СССР):

Военные потери в людской силе и в промышленном потенциале — 15 лет.

Недостаток технического персонала — 5—10 лет.

Нехватка стратегических военно-воздушных сил — 5—10 лет.

Отсутствие современного военно-морского флота — 15—20 лет.

Низкое качество транспортной системы — 10 лет.

Отсутствие атомной бомбы — 5—10 лет (может быть меньше).

Сопротивление на оккупированных территориях — 5 лет.

Слабые позиции на Дальнем Востоке — 15— 20 лет.

Вывод доклада был следующий: СССР физически не сможет предпринять крупномасштабную войну, если бы даже он и стремился к ней, ранее чем через 15 лет. Это отрезвляло тех, кто готов был проецировать внешнеполитические планы СССР в 1945 году вплоть до вторжения в Западную Европу и Азию, до стремления получить решающее геостратегическое превосходство в Евразии. (Напомним, во время войны Рузвельт сам уверял Сталина в том, что желание России иметь свободный выход в Средиземное море «оправданно», особенно в свете сотрудничества Турции с Гитлером.)

Секретный анализ говорил президенту, что советский военно-морской флот — это не более чем дополнительное средство охраны побережья, а отнюдь не фактор расширения внешнеполитических возможностей. Советские военно-воздушные силы не имели бомбардировочной авиации дальнего радиуса действия и не могли угрожать Америке. Что же касалось главного «прорыва» в военной технологии, то даже генерал Гроувз, всегда настороженно смотревший на СССР и склонный к ориентации на худший вариант, полагал в 1944 году, что Советскому Союзу для создания атомного оружия понадобится не менее 20 лет. Не давал оснований для беспокойства анализ, старательно проведенный в 1944 году военно-воздушными силами. В нем говорилось, что «сегодняшние союзники могут стать противника-

ми завтра», но понадобится от 20 до 100 лет для того, чтобы «евразийская нация выросла в агрессивно мыслящую державу». Общее заключение: военные авторитеты в данном случае не били тревогу, не рисовали картину советской экспансии. Они в основном солидаризировались с президентом, что требуется терпеливая и хладнокровная политика.

★ ★ ★

К окончанию второй мировой войны флот Соединенных Штатов (как хвалился, выступая по национальному радио, адмирал Леги) был более могущественным, чем два любых других военно-морских флота, вместе взятых. Америка владела «наилучшим в мире образом экипированными наземными силами», в ее руках находился «секрет самого устрашающего в мире оружия». В дипломатической игре Америка владела всеми лучшими картами. Она обеспечивала свою безопасность огромными трансокеанскими плацдармами, базами, созданными по противоположным побережьям двух океанов — Атлантического и Тихого. И при этом «скорбела» о советском понимании безопасности, требовавшем внимания к тому, что происходит по ту сторону Буга.

В начале 1945 года Черчилль уговаривал Эйзенхауэра «пожать руки русским как можно восточнее реки Эльбы». Тот в свой полевой бинокль видел, к чему может привести подобная политика. И он не послал, как предлагалось, танки генерала Паттона в Прагу и не рвался на восточный берег Эльбы. По возвращении из Москвы Эйзенхауэр сказал: «Ничто не направляет русскую политику сильнее, чем желание сохранить дружбу с Соединенными Штатами».

Но и сам президент, и его окружение весной 1945 года начинают бояться, что оставили в тени ту державу, которую планировали иметь своим главным союзником в Азии — националистический Китай. В феврале—марте 1945 года китайский вопрос опять стал причиной головной боли президента. Политические советники посольства в Чунцине в один голос заявили, что Чан Кайши полностью уверен в своей незаменимости, американскую помощь он воспринимает как само собой разумеющуюся и становится все менее управляемым. Посол Хэрли и генерал Ведемейер требовали от президента информировать Чан Кайши, что «военная необходимость требует от нас сотрудничества с коммунистами и другими группами, которые могли бы оказать помощь в войне против Японии». Советники на местах полагали, что нужно решить две задачи: разубедить Чан Кайши в его незаменимости и добиться сотрудничества с коммунистами, чтобы «не бросить их в объятия русских», когда Советский Союз присоединится к боевым действиям в Азии.

Рузвельт размышлял над тем, каким союзником может быть Китай в послевоенном мире. Он не верил в то, что помощь коммунистам усилит американские позиции: коммунистические регионы Китая консолидируются, и это лишь закрепит внутренний раскол в стране. Китай будет подвержен влиянию СССР (после того как

Германия капитулирует) и западноевропейских держав (когда они начнут восстанавливать свой контроль в колониях). Разделенный и ослабленный Китай не сможет соответствовать той роли, которую ему приготовил Рузвельт, роли одного из четырех (а теперь, с «допущением» Франции, пяти) столпов новой системы безопасности. Теперь Рузвельт склонялся скорее к выработанным в Ливадийском дворце решениям: полагаться в разгроме японцев прежде всего на СССР, побудить его заключить соглашение с Чунцином, получить помощь Советского Союза в консолидации собственно китайских сил, показать Чан Кайши, что контрольными позициями владеют американцы и они хотят от гоминдана большей политической гибкости.

Именно в таком плане инструктировал Рузвельт посла Хэрли 24 марта 1945 года. Он просил посла вернуться в Чунции «дальней дорогой» — через Лондон и Москву, чтобы еще раз заручиться поддержкой главных союзников относительно принципиально обговоренного в Ялте варианта решения китайской проблемы. Посол Хэрли должен был прибыть к Чан Кайши во всеоружии, облеченный доверием всей антигитлеровской коалиции.

Мы уже говорили, что излюбленным методом президента было стимулирование соперничества своих подчиненных. В китайской политике Рузвельт обращался и к Хэрли, и к начальнику штаба Чан Кайши генералу Ведемейеру. Приехавшему в марте 1945 года в Вашингтон Ведемейеру Рузвельт приказал не оказывать помощь французам, пытающимся восстановить свою власть над Индокитаем. В Ялте Рузвельт говорил Сталину, что хотел бы получить опеку над Индокитаем, что лишь англичане, чувствуя общность исторических судеб, помогают колониальному партнеру, поскольку сами боятся потерять контроль над соседней Бирмой. Во время встречи с Чан Кайши в Каире Рузвельт договорился с китайцами, что французы Индокитай не получат. Этот курс был анафемой для Черчилля. Разве мог он забыть, как в Ялте Стеттиниус развивал идеи новой системы опеки в рамках ООН (на что разгневанный премьер-министр ответил, что пока он занимает пост, этого не случится, он не намерен делить наследие своей страны). Встречаясь с Хэрли в марте 1945 года, Рузвельт говорил, что идею опеки нужно обсудить во время сан-францисской конференции, где будут выработаны статус и устав ООН.

Нужно еще раз отметить, что подобное высказывалось в условиях, когда сразу несколько процессов начали подрывать общую схему Рузвельта. СССР усилился больше, чем предполагалось. Китай оказался слабее, чем надеялись, Западная Европа не превратилась в «зону отчаяния», а стала заново собирать свои силы. Все это начало вносить коррективы в уже выработанную дипломатическую стратегию Рузвельта. Возникла (пока еще неясная) альтернатива: а не изменить ли стратегический замысел? Прекратить антиколониальную линию, консолидировать Запад, оказать силовое воздействие на СССР, помочь Чан Кайши объединить Китай.

Но боевые действия весной 1945 года (бои за Окинаву) показали степень ожесточения, с которой японцы готовы были драться на своих островах. Снова в Бе-

лом доме размышляли: если уровень потерь будет таким, как на Окинаве, американская армия окажется обескровленной. Бесстрастная калькуляция говорила, что лишь мощный удар Советской Армии по континентальным силам японцев сделает их положение безнадежным.

Главным представителем администрации, обеспокоенным проблемой атомного оружия как нового фактора мировой дипломатии, был военный министр Стимсон. С начала марта 1945 года прийдя к заключению, что изобретение атомного оружия означает подлинную революцию в дипломатических отношениях, и вплоть до своей отставки в сентябре 1945 года он постоянно ставил данный вопрос перед высшим руководством. Стимсон считал своим долгом предупредить международный хаос, который, полагал он, наступит после применения атомного оружия.

15 марта Стимсон видел Рузвельта последний раз. Их разговор касался оценки влияния нового оружия на международные отношения и возможностей контроля над этим оружием. Стимсон обозначил два подхода к контролю в послевоенное время. Первый предполагал продолжение политики секретности, одностороннее американское вооружение, сохранение американо-английской монополии. Второй подход проистекал из осознания опасности вышеозначенного курса и был рассчитан на создание системы международного контроля, инспекции атомных исследований. Стимсон считал, что выбор между двумя этими подходами уже нельзя откладывать.

И Рузвельт, и Стимсон исходили из того, что атомное оружие будет применено в текущей войне. Но какова его дальнейшая значимость в международных отношениях? Стимсон заключил, что Рузвельт разделяет его обеспокоенность, он записал в дневнике, что «в целом разговор был успешным». Был ли Стимсон излишне оптимистичен? Возможно, он принял неизменную вежливость президента за понимание важности проблемы и решимость совладать с нею. Скорее Рузвельт в атомном оружии видел мощную гарантию эффективности своей дипломатии.

★ ★ ★

14 марта 1945 года Франклин и Элеонора Рузвельт, собрав узкий круг друзей, отметили сорокалетие своей свадьбы. Рузвельт говорил о планах на будущее, и Элеонора шутя предложила ему «побыть несколько лет без груза ответственности». Президент ответил, что не может жить там, где ничего не происходит, «где нет роста». Элеонора: «Он никогда не любил рассуждать о прошлом, он всегда был устремлен в будущее». Встреча закончилась заполночь детективной киноисторией «Подозреваемый».

2 апреля 1945 года состоялась важная беседа Стеттиниуса, Стимсона, Форрестола и Маршалла о советско-американских отношениях. Американская сторона выражала недовольство отказом Советского Союза принимать самолеты и специальные команды с целью быстрого вывоза из-за советской линии фронта освобожденных американских военнопленных, отказом СССР принимать у себя бом-

бардировщики, стартующие во Франции. Советская сторона была возмущена тайными сепаратными переговорами американцев с немцами в Берне. Именно во время этой беседы Стимсон сказал Стеттиниусу: «Мы просто не можем позволить, чтобы расхождения между двумя нациями стали угрожать всеобщему миру». Генерал Маршалл отметил, что он предвидел нынешние трудности, но он полагает, что следует проявлять терпимость. В конце концов, СССР показал готовность к подлинному сотрудничеству «в самых больших вопросах. Россия держала свое слово и выполняла свои обязательства. Мы должны помнить, что она не освоила еще тонкостей дипломатических отношений и от нее можно ожидать грубые слова».

Размышляя о позиции, занятой государственным секретарем Стеттиниусом и военно-морским министром Форрестолом, Стимсон записал на следующий день в дневнике: «Для меня наступает время, когда необходимо использовать все то сдерживающее влияние, которое я имею на этих людей». Для того чтобы Америка добилась своих целей, необходима «совершенно хладнокровная твердость». Старейший член рузвельтовского кабинета отчетливо видел, как среди его коллег набирают силу нетерпимость, жестокость, экстремизм. В дни, когда уже очевидно близилось окончание войны в Европе, главным, с точки зрения Стимсона, вопросом межсоюзнических отношений становился вопрос об атомной бомбе. За день до смерти Рузвельта он говорил о настоятельной необходимости для американского руководства иметь определенность в столь критическом дипломатическом вопросе, меняющем сами правила дипломатии.

В начале апреля 1945 года возникла уверенность в том, что до создания боевого оружия, действующего на новом физическом принципе, осталось лишь несколько месяцев. В. Буш и ученые-исследователи начали оказывать давление на военного министра Г. Стимсона с целью выдвижения идей создания международного пула, контролирующего атомную энергию. У Стимсона одно время существовал проект предоставления атомной информации советской стороне — но только на определенных условиях и за политическую плату. Рузвельт проявил некоторые колебания, но не зашел так далеко. Он не хотел делиться атомными секретами, по крайней мере пока не пройдут первые испытания.

Снова, как и шесть лет назад, Эйнштейн направил Рузвельту письмо, в котором говорил о роли, которую может сыграть атомное оружие в будущем, о необходимости обезопасить это будущее. На этот раз Рузвельт не ответил. Нильс Бор уговорил судью Франкфуртера и английского посла Галифакса встретиться с президентом и обсудить проблему, значимость которой увеличивалась с каждым днем. Встреча была назначена на 12 апреля.

Тем временем президент планировал прибыть в Сан-Франциско на открытие важнейшей для него конференции, посвященной созданию ООН.

Под давлением англичан Рузвельт написал 31 марта 1945 года свое известное письмо Сталину. Если в Польше не будет создано что-либо большее, чем

«лишь слегка замаскированное нынешнее варшавское правительство», американский народ «будет считать ялтинское решение невыполненным». В ответе Москвы от 7 апреля говорилось, что причиной тупика в «польском вопросе» являются усилия американского и польского послов в Москве изменить ялтинские соглашения. Если названные послы будут строго следовать линии, выработанной в Ялте, спорные вопросы разрешатся в ближайшее время. Сразу по получении письма Рузвельт сообщил в Лондон: «Мы должны самым внимательным образом оценить последствия курса Сталина». Рузвельт просил Черчилля не придавать делу эмоциональную окраску. Однако в эти апрельские дни американские дипломаты и сам Рузвельт не всегда соблюдали столь необходимое хладнокровие.

Панические оттенки слышны в послании А. Гарримана Рузвельту от 5 апреля 1945 года: «Если мы не собираемся жить в мире, где будут доминировать Советы, мы должны использовать нашу экономическую мощь для помощи странам, дружественно настроенным в отношении нас». В этом утверждении два пункта по меньшей мере сомнительны. Во-первых, как можно было представить себе мир, «в котором доминируют Советы?» Ни стратегическая разведка, ни наиболее «смелые» среди планировщиков не могли представить гегемонии в мире страны, стоявшей на грани экономического истощения, да и, очевидно, не имевшей глобальных планов. Во-вторых, неубедительна уверенность Гарримана в действенности экономических рычагов в отношении СССР. Еще в сентябре 1944 года американская разведка представила президенту доклад, из которого значило, что нет оснований верить в могущество финансового давления на СССР. В докладе говорилось, что страна, вынесшая неслыханные жертвы, «способна осуществить экономическое восстановление, полагаясь на внутренние ресурсы, не прибегая к зарубежным займам или репарациям».

На этот раз реакция Рузвельта на сообщение своего посла в Москве была достаточно жесткой. На следующий день он писал Черчиллю: «Скоро наши армии займут позицию, которая позволит нам быть более твердыми, чем прежде было необходимо для ведения войны».

О внешней политике США периода, на пороге которого стоял Рузвельт, можно сказать то же, что по иному поводу сказал Генри Киссинджер: «Как только держава достигнет всех своих целей, она будет стремиться к достижению абсолютной безопасности, к мировому порядку, свободному от сознания внешней опасности, где все проблемы решались бы как внутренние проблемы». По этому пути и устремились Соединенные Штаты после окончания второй мировой войны. Но, как отмечает далее Г. Киссинджер, «абсолютная безопасность для одной державы означает абсолютное отсутствие безопасности для всех других». Возникшее в США чувство всесилия хорошо иллюстрируют сказанные в 1944 году слова адмирала Э. Кинга: Соединенные Штаты «стали такими большими в мире, который стал таким маленьким».

В самом общем виде противоречие дипломатии Рузвельта заключено в противопоставлении утверждения всеобщей международной суверенности и четко выраженной стратегии достижения в грядущем мире американского превосходства. С точки зрения американского историка Д. Йергина, Рузвельт формально демонстрировал приверженность принципам «универсального блага», а фактически осуществлял силовую дипломатию. Это противоречие между правами суверенных народов и желанием Вашингтона найти американское решение основных мировых проблем привело к главным негативным моментам американской дипломатии — к холодной войне и отчуждению колониальных народов.

★ ★ ★

Президент уже предсказал окончание войны в Европе к концу мая 1945 года. Он пристально следил за войсками на европейском западе, где происходила оккупация Рура, готовилась сдача Ганновера и Бремена, открывалась дорога к жизненным центрам Германии. Сталину он написал, что «швейцарский эпизод» остался в прошлом, не должно быть взаимного недоверия. Он просил Черчилля не драматизировать разногласия с СССР.

На своей последней 998-й встрече с прессой Рузвельт детально говорил о необходимости предоставления независимости Филиппинам. Жалким было бы стремление США укрепиться на небольшой гряде островов, когда открывались перспективы мирового лидерства. Кроме того, подобный шаг должен был послужить примером для Британии и других колониальных держав.

Напряжение жизни стало сказываться, и 29 марта Рузвельт отбыл в Уорм-Спрингс, место, где природа обходилась с ним особенно милостиво. Накануне он старательно уложил свою коллекцию марок. Болезнь сына Анны не позволила ей уехать с отцом. Поезд прибыл на маленькую станцию в два часа дня. Телохранители отметили слабость в обычно сильных руках Рузвельта. Но начальник охраны Рейли знал, что однажды Уорм-Спрингс спас президента, и надеялся на повторение чуда. Во второй половине дня 30 марта президентский лимузин остановился у гостеприимного дома в Уорм-Спрингсе, в «малом Белом доме». Весна была в разгаре, южное солнце палило по-летнему. Каждый день президент посещал любимые места. Он загорел и окреп, лучше спал, несколько набрал в весе. Через неделю он повстречался с президентом Филиппин Осменой, а затем в обычной живой форме принял журналистов. Врач сделал заключение: «Его память о недавних и прошлых событиях безупречна. Его поведение в отношении друзей и близких неизменно, и нет перемен в характере его речи». Нам важна эта констатация состояния человека, который все начальные месяцы 1945 года ежедневно «перелопачивал» гигантскую дипломатическую переписку и принимал важнейшие решения.

Кровяное давление еще писало синусоиды, но аппетит возвратился, что стало заметно. Вернулось и лучезарное настроение, активность, оптимизм. 9 апреля

он, привычно бодрясь, пишет сенатору Пепперу, что «взял десятидневный отпуск скорее для того, чтобы справиться с завалами почты, чем для отдыха».

11 апреля было хорошим днем для Рузвельта. В Европе дело явно шло к завершению. Весна несла надежды. Рузвельт продиктовал наброски речи к очередному юбилею Джефферсона. «Сегодня перед нами стоит во всем своем грандиозном объеме следующий факт: чтобы цивилизация выжила, мы должны развивать науку человеческих отношений — способность всех людей любого происхождения жить вместе и работать вместе, жить в мире на одной земле». Президент говорил о том, что должен быть положен конец всем войнам, «этому непрактичному, нереалистическому способу разрешения всех противоречий между правительствами посредством массового убийства людей. Единственным препятствием для реализации наших планов на завтра являются наши сегодняшние сомнения». Уже по напечатанному тексту он добавил: «Давайте двинемся вперед, вооруженные сильной и активной верой».

Во второй половине дня Рузвельт посетил одно из любимых окрестных мест в горах — Дауделс Ноб. Сидя на поваленном дереве, он размышлял о лучшем мировом порядке. В половине восьмого на ужин пришел Моргентау. После двух коктейлей и русской икры президент обрел обычную форму, хотя перемещение из кресла на колесах в обычное кресло прошло необычно трудно. Моргентау развивал свои идеи о слабой послевоенной Германии. «Генри, я согласен с тобой на все сто процентов.» Уходя, Моргентау видел смеющегося президента, занятого разговором с четырьмя приглашенными женщинами, среди которых выделялась художница Елизавета Шуматова. Речь шла о портрете президента. Поздно вечером Рузвельт позвонил дочери Анне, чтобы осведомиться о здоровье внука Джона. По воспоминаниям дочери, Рузвельт, как обычно, не упомянул о собственном самочувствии.

Утро следующего дня Рузвельт начал с шутки относительно своей темнокожей служанки, весившей сто килограммов, предрекая ей в будущей жизни судьбу канарейки. Доктору Брюэнну он пожаловался на слабую головную боль, но все присутствовавшие на завтраке отметили его хороший вид. Последние известия, прочитанные Рузвельтом в Уорм-Спрингсе 12 апреля, сообщали о том, что между американской и советской армиями осталось всего 150 километров. В соседнем доме готовили обед, чтобы угостить президента. Стол хотели поставить на возвышении, под старым дубом, откуда открывался изумительный вид на долину.

В Вашингтоне среди обширной почты президента лежало второе письмо Эйнштейна, дополненное меморандумом Сциларда. Оба знаменитых ученых просили Рузвельта немедленно остановить все работы над атомным проектом. Мировая ситуация изменилась, многие предпосылки создания атомного оружия исчезли. Недолговечное военное преимущество, обретаемое Соединенными Штатами, будет перевешено негативными политическими и психологическими потерями. Соединенные Штаты могут вызвать гонку атомных вооружений.

Двухнедельный отдых, казалось, давал плоды. Президент в темно-синем костюме с красным гарвардским галстуком сидел у камина в своем любимом кожаном кресле, просматривая деловые бумаги, разложенные на карточном столе. Художница Шуматова завершала акварельный портрет. Маргарет Сакли вспоминает его склоненную голову и секретаршу Тулли с отточенным карандашом в руке. В начале второго пополудни Рузвельт довольно неожиданно сказал: «У меня ужасно болит голова»,— и потер виски. Внезапно голова его опустилась, и он начал медленно сползать со своего кресла. Шуматова быстро покинула Уорм-Спрингс. Доктор Брюэн, наблюдавший Рузвельта со времени его пребывания в госпитале Бетесда в марте 1944 года, оценил ситуацию как безнадежную. Спустя два часа, в возрасте шестидесяти трех лет, Рузвельт умер.

★ ★ ★

В семь вечера члены кабинета министров и председатель Верховного суда Стоун собрались в Белом доме. Самый пожилой и уважаемый член кабинета Стимсон вспоминает: «Это была группа очень мрачных людей. Ведь при всех своих идиосинкразиях наш шеф был очень добрым и дружественно настроенным человеком, его юмор и любезность всегда вливали жизнь в заседания кабинета. Я думаю, что каждый из нас остро чувствовал потерю подлинно личного друга. Я никогда не скрывал своего мнения, что его правлению не хватало порядка, но во внешней политике он всегда основывался на огромном предвидении и ясности видения происходящего; в этот период великого смятения в нашей стране потеря его как лидера была огромной утратой». Лучше других знавший его Гопкинс сказал в эти дни: «В больших делах он видел все в ясном свете, и события приобретали свою подлинную значимость. И он никогда не позволял себе унизить человека». Черчилль вспоминал о «сияющей личности» Рузвельта, он был потрясен: «Однажды мир поймет, чем он обязан президенту... Мои отношения с этой блистательной личностью значили так много в эти долгие ужасные годы. Я раздавлен чувством глубокой и непоправимой утраты». Сталин едва ли не минуту держал руку посла Гарримана, прежде, чем предложил провести вскрытие с целью проверки, не был ли президент отравлен. Секретная служба проверила остатки завтрака президента. В траур погрузилась не только Америка.

Элеонора Рузвельт сказала, что ее муж «умер как солдат». Четверым из своих сражающихся детей она написала: «Он довел свою работу до конца, и он хотел, чтобы вы выполнили до конца свою». Одетая в черное, она видела, как Гарри Трумэн принимает присягу. «Что я могу сделать для вас? — обратился к ней новый президент.— «Что я могу сделать для вас?»,— ответила Элеонора Рузвельт. Журналисты читали собственные репортажи под шапками «Рузвельт мертв» — и не могли поверить в написанное. Один из них, Стоун, делился своими ощущениями в газете: «Смерть президента казалась немыслимой, нечто вроде кошмара, и где-то внутри, под неожиданно пришедшим страхом, теплилась надежда, что этот

кошмар может развеяться». «Нью-Йорк таймс»: «Это было его — и никого более руководство, сумевшее создать великую коалицию Объединенных Наций... Это было руководство, которое вдохновляло свободных людей во всех частях мира бороться, руководствуясь огромной надеждой и мужеством. Ушел великий талант, утеряно великое умение... Ушел свежий и спонтанный интерес, с которым этот человек так же естественно, как дышал, относился к бедам, трудностям, разочарованиям и надеждам маленького человека, скромных людей».

Как пишет историк Ричард Нойштадт, «у него не было концепции того, каким должен быть пост, который он занимал, эталона, к которому он бы стремился. Он сам был воплощением этого поста. Его представление о посте президента было самим этим постом». Он никогда не говорил о бремени президентства. Он этого бремени просто не чувствовал. Он наслаждался властью, не злоупотребляя ею. Историк У. Лейхтенберг заметил: «При Рузвельте Белый дом встал в центр, в фокус всей системы управления — как источник идей, инициатор всех действий, представитель национальных интересов. Он принял пост, который при предшественниках за двенадцать предшествующих лет потерял значительную долю своего престижа и власти. Он придал этому посту значение, которое превосходит даже то, которое сообщили президентству Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон. Он воссоздал современное президентство».

★ ★ ★

В публикуемом газетами списке погибших на фронтах появилось всем известное имя. Получив известие заполночь, генерал Эйзенхауэр сказал: «Как лидер страны, ведущей войну, он сделал все, что от него ожидали». В Лондоне и Москве люди ощущали утрату, и даже в Токио государственное радио отметило «смерть великого человека». Лишь в Берлине царило оживление. Возбужденный Геббельс говорил Гитлеру, что Германия и на этот раз будет спасена так, как она была спасена при Фридрихе Втором после смерти русской царицы Елизаветы.

Всю ночь Элеонора Рузвельт сидела у гроба, вглядываясь в мелькающие полустанки, к которым вышла скорбящая Америка. «Я сижу в купе спального вагона всю ночь с открытым окном, глядя на поля, которые он любил, и всматриваясь в лица людей, вышедших на станциях и даже полустанках, которые пришли отдать последнюю дань и которые стояли всю ночь.» В яркое субботнее утро Рузвельт в последний раз проследовал по Пенсильвания-авеню мимо множества погруженных в молчание людей. И на лужайке у Белого дома по просьбе вдовы президента были повторены слова, что не следует ничего бояться. Она хотела высечь эти слова на его надгробном памятнике, но, согласно вскрытому завещанию, просьбой Рузвельта было высечь только его имя.

За девять месяцев до своей смерти Рузвельт писал: «Все внутри меня кричит — возвращайся домой, на реку Гудзон». Рузвельт завещал похоронить его на

зеленой лужайке близ дома в Гайд-Парке. Он просил положить простую белую плиту без малейших украшений, обозначив на ней только даты рождения и смерти. Он хотел, чтобы плита лежала с востока на запад. Он надеялся, что «его дорогая жена захочет быть похороненной в том же месте».

После церемоний в Вашингтоне траурный поезд направился на север, в Гайд-Парк. Там гроб вынесли из вагона и поместили на пушечный лафет, в который была впряжена шестерка гнедых лошадей. За ними одиноко шла седьмая с притороченным слева мечом — символ погибшего воина. Процессия вышла к стоящему на пригорке дому. День был солнечный и прохладный. Гроб опустили в землю среди розовых кустов, как раз в том месте, где Рузвельт играл в детстве, откуда открывается прекрасный вид на Гудзон. После прощального салюта из 21 пушки толпа разошлась, и Элеонора Рузвельт осталась одна. Когда землю разровняли, она с высоко поднятой головой покинула свежую могилу.

★ ★ ★

После смерти президента редакторы газет ощутили не только тяжесть утраты, но и трудность задачи оценить этого великого человека во всей его сложности, противоречивости и спонтанности. Эта трудность оценить Франклина Рузвельта и его политику остается с нами по сию пору. О президенте было сказано многое. Близким знакомым Рузвельта пришлось по душе следующее: «Вспоминаешь его как некоего улыбающегося водителя автобуса с торчащим кверху сигаретным мундштуком, прислушивающимся к разноголосому шуму за своей спиной, раздающемуся в те минуты, когда он делает резкие повороты. Пассажиры уже привыкли говорить ему, что он не наладил свой мотор так, чтобы он работал вечно. Но он знает, что мотор достаточно хорош, чтобы обогнуть следующий угол, и он знает, когда раздающиеся позади крики несправедливы, а когда они подлинны и правдивы, и он любит пассажиров. Он мертв сейчас, и автобус остановился далеко от небесных ворот, а пассажиры молчат в ступоре, не зная, как сделать следующий поворот».

Он жил в переломное время, он раньше большинства увидел новые мировые перспективы. Он верил в возможность построения более безопасного мира, в котором Америка тесно дружила бы с Англией, Советским Союзом и Китаем; он верил, что Америка волею объективных обстоятельств возглавит эту четверку. Особенность Рузвельта состояла в том, что он не был доктринером и смело воспринимал противоречивый опыт своего бурного времени. Вера в собственную правоту не ограничивала его, она ему помогала. Он умел ценить тактику, устремляясь к большим стратегическим целям. Над гробом Рузвельта в Белом доме прозвучали слова, сказанные им тринадцать лет назад: «Мы не должны бояться ничего, кроме страха».

Глава семнадцатая
ХАРАКТЕР — ЭТО СУДЬБА

Характер человека — это его судьба.
Гераклит, 470 до Р.Х.

У Франклина Рузвельта была благословенная, Богом данная черта — неистребимая оптимистическая вера в лучшее. «Вечером, когда я кладу голову на подушку — это бывает довольно поздно — и думаю о всем том, что прошло предо мной на протяжении дня, о решениях, которые я принял, я говорю себе: ну что ж, я сделал максимальное, на что способен. Тогда я поворачиваюсь и засыпаю.» Во время, когда более всего требовалась возвратить стране потерянную уверенность, эта черта характера Рузвельта оказалась самой нужной для его страны, проходящей через величайшую в своей истории экономическую депрессию и через самую кровавую мировую войну.

Мог ли Рузвельт сказать, что его оптимизм покоился на твердом расчете? Едва ли. Ближайший из знавших его Гарри Гопкинс рассуждает о том, что «едва ли можно назвать глубоко продуманным то, во что он начинает твердо верить, в некие сознательно созданные обстоятельства, которые дают ему основания думать, что он полностью прав и что все идет как нельзя лучше». Именно этот источник внутренней безмятежности историк А.Шлесинджер называет основой бесконечной душевной свежести Франклина Рузвельта, основой его признанного лидерства в эпоху глубоких и драматических перемен.

Большинство биографов объясняют эту благословенную черту характера обстоятельствами детства, счастливым душевным состоянием, порожденным двумя могучими факторами — любовью окружающих и удивительной красотой зеленого мира. Много раз в своей жизни Рузвельт в задумчивости обращался памятью вспять: «Все, что составляет мою суть, уходит корнями далеко к Гудзону». Огромная мирная река за окнами доброго дома — счастливый мир, который в памяти Рузвельта не могли отнять никакие обстоятельства. Единственный сын молодой матери и умудренного жизнью, доброго отца вошел в мир с неколебимой верой в естественность добра и неизбежность конечной гармонии. Наиболее часто упоминаемым качеством Рузвельта была отзывчивость.

Вызревавшее у любимца семьи доминирующее чувство Зигмунд Фрейд называл «чувством победителя, уверенностью в успехе, которая сама порождает реальный успех». Мир был для Рузвельта — баловня семьи — местом, где он принципиально не мог потерпеть поражения. И дальнейшее лишь подтвердило эту

уверенность в подвластности обстоятельств и в своих силах. Пятилетний посетитель Овального кабинета, 27-летний законодатель, 30-летний заместитель военно-морского министра и 37-летний официальный кандидат в вице-президенты от демократической партии не мог не поверить в свою судьбу.

Обрушившийся в 39 лет жестокий удар судьбы стал решающим испытанием (словами Элеоноры, «испытанием огнем») для Франклина Рузвельта как личности. Его жена вспоминает: «Более всего ему понадобилось мужество, когда его парализовал полиомиелит. Но я никогда не слышала, чтобы он жаловался. Он воспринял это несчастье как испытание своей жизни». Всякий, кто помнил Франклина Рузвельта цветущим, сильным мужчиной, спортсменом, рыбаком и шкипером, при всей фантазии не мог представить себе, что в реальности означала для него неожиданная страшная неподвижность.

Не выдержавший испытания деградирует, сумевший преодолеть себя обретает новый мир. Став жертвой своей болезни, Рузвельт как бы прошел сквозь огонь очищения. Он стал менее высокомерным, менее самоуверенным, но более сосредоточенным, более глубоким, более сочувствующим и более интересным. Достаточно хорошо знавшая его Фрэнсис Перкинс считает, что «прошедший сквозь горнило испытаний мужчина обладал более чувствительным сердцем, отсутствием самомнения духа, более философским взглядом на мир».

Изменилось его отношение к людям. Прежде они были частью его жизни, теперь — нитью, связывающей его с ней. Теперь в нем исчезла легкая насмешливость и спонтанная самоуверенность, а пробудился глубокий интерес к окружающим. Теперь он хотел знать их, быть в их шкуре, чувствовать их страдания. Теперь, по словам Розенмана, сотни людей, приходившие в Белый дом в годы национального несчастья — депрессии и войны, «начинали чувствовать причастность, сопереживать и эмоционально возвращать десятикратно возросшее доверие». В Рузвельте появилась драгоценная черта — способность генерировать силу, передавать ее другим. Перкинс утверждает: «Никто не может усомниться в его способности воодушевлять, вдохновлять всех окружающих на тяжелую, почти невозможную работу. Всякий, кто приходил на встречу с президентом, чувствовал себя лучше не потому, что президент решил его проблемы, а потому, что он каким-то неизъяснимым способом делал их более жизнерадостными, более решительными, более сильными, чем до прихода в его кабинет». Элеонора Рузвельт: «Я не знаю никого, кто мог бы внушить людям большее чувство уверенности. Я никогда не слышала от него, что существуют проблемы, решить которые человеческие существа не способны».

Особенно это было необходимо в горькие дни 1933 года, когда отчаяние переполнило страну. Свое первое инаугурационное послание Рузвельт посвятил не тому, как виноваты предшественники, не тому, какая ему досталась ноша, не тому, как сложен и опасен мир, не стоявшим на его пути трудностям, а эмоционально убедительному описанию того, что впереди период исправления ошибок, общее вставание с ко-

лен, совместное разрешение проблем; оно будет трудным, но нет оснований сомневаться в конечном результате. «Эта речь была больше, чем речь,— пишет историк Дж. Макгрегор Бернс,— это было действие, вызвавшее огромную приливную волну».

По словам Розенмана, одной лишь этой речью Рузвельт сумел создать то, что было наиболее ценным для предводителя людей — «восстановил мужество, надежду и веру народа». Историк У.Лейхтенберг фиксирует феномен: в течение нескольких дней «дух страны изменился разительным образом, чувство надежды оказалось восстановленным». В том же ключе историк Г.Уилс отмечает, что «Рузвельт укрепил мужество американского народа, необходимое для преодоления трудностей. И даже когда стало ясно, что эти трудности быстро не преодолеть, люди стали черпать мужество уже в самом гордом подходе к жизненным сложностям, «черпать» в позе высоко поднятой головы, в устремленном кверху мундштуке, во вселюбезной улыбке, ставшей семафором надежды».

И второй — военный — кризис был легче встречен Америкой, вооруженной всепобедимым рузвельтовским духом. Вторая мировая война была большим испытанием для Соединенных Штатов, владевших в ее начале всего лишь восемнадцатой по численности армией в мире (результат Великой депрессии и торжества изоляционизма). В июне 1940 года вся Евразия стала враждебным для Америки континентом и «фактическому острову» Америке было от чего потерять голову. Ближайший советник Рузвельта Сэм Розенман вспоминает сосредоточенные, почти хмурые лица Маршалла, Кинга и Арнольда, возглавлявших соответственно армию, флот и авиацию США. Видя их выходящими из Овального кабинета, «я всегда ощущал чувство спокойной уверенности и твердой решимости, отражавшие дух человека, которого они только что покинули». Колоссальный по масштабам процесс вооружения Америки был возможен только при наличии этой твердой воли. Мобилизация произошла в феноменально короткие сроки. Восемнадцатая военная держава мира 1940 года уже в 1942 году произвела больше военной продукции, чем весь остальной мир, а показатели 1944 года просто завораживают. Между 1940 и 1945 годами Америка произвела 300 тысяч самолетов, более 100 тысяч танков, 100 тысяч кораблей, 20 миллионов автоматов и винтовок, 44 миллиона единиц аммуниции. Чтобы совершить чудеса этой мобилизации, Рузвельт должен был вдохновить, организовать и помирить всех тех, кто создавал военную промышленность и оснащал вооруженные силы страны,— гигантский процесс, требовавший неохватной организационной энергии и невероятной личной эмоциональной уравновешенности.

Откуда он сам черпал эту неутомимую силу? Почти все окружавшие президента говорят о его фактически необъяснимой, почти немотивированной уверенности в том, что организованая сила, стоящая за правое дело, победит в любых испытаниях. Элеонора Рузвельт пишет, что, если ее муж принимал решение, то прилагал все силы. А если дело не получалось, он попросту забывал о неудачном опыте и начинал все сначала. «Он сознавал объем трудностей и часто говорил, что, хотя пока он не зна-

ет ответа, он абсолютно уверен, что ответ есть и что надо предпринимать усилия до тех пор, пока ты не найдешь ответ сам либо заимствуешь его у других.»

Сам же президент по этому поводу говорил: «У меня нет надежды на то, что я добьюсь успеха всякий раз, когда берусь за дело. Моя задача — достичь результата выше среднего». При такой гибкости ума Рузвельт мог смело смотреть в будущее. Парализующее волю немотивированное ожидание чуда было ему чуждо. Писатель Дж.Гюнтер охарактеризовал это качество следующим образом: «Он был одним из тех людей, у которых везение в жизни росло постепенно, он не мог не верить в это везение, он ждал его шаг за шагом». Что действительно поражало современников — и здесь мы приближаемся к оценке лучшего в герое нашего повествования — это сохранившаяся до последнего дня юношеская готовность воспринять все новое, очевидная любовь к эксперименту, к неожиданному повороту, свежей мысли. Его жена, наверное, что-то имела в виду, когда утверждала: «...Лучшие люди в мире — это те, у которых в характере сохранилось нечто детское». Поразительное отсутствие цинизма в условиях общения с циничным миром составляло основу характера человека, чьей исторической задачей стало вывести из состояния цинизма своих соотечественников.

Гэри Уилс приходит к выводу, представляющемуся нам верным: более других Рузвельт понимал значение психологии, массового настроения, патетики в реальной жизни индивидуума и нации. Опаснее всего опускать руки. «Люди должны иметь мужество искать средство собственного спасения. Не важно, чем может являться это средство. Те, кто прежде всего желал видеть идеологическую последовательность, жесткую связность политического курса, были разочарованы Рузвельтом и его политической философией. Он менял экономические планы с такой же скоростью, как лекарства от полиомиелита.» Он пробовал все меры: прямое государственное финансирование, систему общественных работ, регулирование в промышленности и т.д. и т.п. Одного он никогда не пробовал: пессимистического ничегонеделания и восторга от статус-кво. Его терпеливое экспериментирование не имело ничего общего с жестким (часто весьма жестокосердым в России) желанием изменить все и вся немедленно, сейчас и сразу. Рузвельт хотел видеть результаты, он тут же менял курс, если понимал, что очередной подход приносит горькие плоды. Ему полностью претили ложная гордость, пуризм прозелитизма, обольщение драмой. Рузвельт был настроен на результат, и ни один курс не был для него священным, если он не давал позитивного эффекта. Никакого пиетизма по отношению к записным авторитетам, к некой всезнающей заграница, к светочам знаний из чужих земель. Здравый смысл и воля — вот кратчайшая формула успеха Рузвельта.

★ ★ ★

Самым неправильным было бы считать Франклина Рузвельта простодушным, вечно улыбающимся ангелом. В раннем детстве наряду с заботой и опекой родителей он в полной мере ощутил надвигающуюся на их дом тень болезни отца, создав-

шей своеобразный «комплекс всевладения» у матери. У молодого Рузвельта родились, развились и прошли по жизни такие черты, как пристрастие к секретности, двойственность мнений, постоянно корректируемый баланс отношений к окружающим, обаяние как оружие доминирования, своеобразный комплекс превосходства, желание «обмануть судьбу» — избежать той ответственности, которая порабощает разум и сердце, стремление держать происходящее под собственным, единоличным контролем. Тогда его мало кто знал. Если бы кто-нибудь сказал в свое время Теодору Рузвельту, что его пятиюродный брат четырежды станет президентом США, тот отнесся бы к этому в высшей мере скептически. Это не означает, что он не ценил интеллект Франклина. Но гений последнего проявился значительно позднее. Напомним, что Теодор Рузвельт также преодолел физический недуг — астма душила его много лет. Оба они стояли за сохранение девственной природы, оба любили открытый мир полей, лесов и морских просторов и не чурались отвлеченных наук. Теодор Рузвельт написал историю морских сражений 1812 года, а Франклин построил бесчисленное множество моделей яхт и кораблей. Оба были прирожденными борцами, прирожденными «преодолевателями препятствий». Схожесть характеров трудно отрицать.

Второй человек, оказавший глубокое воздействие на Рузвельта, — президент Вильсон. В нем Рузвельта удивляло безразличие к внешнему. ФДР искренне восхищался тем, что, играя в гольф, Вудро Вильсон никогда не знал счета. Сам-то Рузвельт всегда точно знал счет. Он в высшей степени ценил принадлежность к престижным студенческим клубам. Вудро Вильсон, будучи ректором Принстонского университета, отменил все клубы. Франклин Рузвельт безмерно восхищался определением, данным Вудро Вильсоном искусству государственного управления: «Решительное и энергичное продвижение в направлении реализации высоких, определенных, связанных между собой целей, которое проистекает из неограниченной приверженности сильного интеллекта служению государству». Но Рузвельт не разделял вильсоновской нелюбви к бюрократии, к новым государственным органам как «узаконивающим процесс одеревенения и узости». Его поразила инструкция, данная Вильсоном своему посланнику, отбывающему в одну из стран Европы: «Не обращайте внимания на нашего посла. Если вы слишком хорошо поладите с ним, мы будем знать, что вы бездельничаете; но если вы рассоритесь с ним, мы вас отзовем домой».

★ ★ ★

Огромное «эго» Франклина Рузвельта более всего сказывается в его собственной семье, в отношениях с Элеонорой, с женщинами, которых он так привлекал. Неистребимая страсть к манипуляциям и лавированию — тоже часть его натуры, чувствовавшей себя в своей стихии только в волнах политики.

Человек меньшего порыва, меньшего сердца был бы убит этими негативными качествами характера. Рузвельта спасало интуитивное величие, финальное «понимание» суетности любого межчеловеческого маневрирования, способность в душевном

порыве подняться выше обстоятельств, предоставленных судьбой и людьми. Светлая сторона его натуры не позволила теневым чертам абсолютизировать болезнь, упиваться властью, окунуться в мизантропию. Его интуитивная жажда контроля над обстоятельствами и людьми не перерастала в маниакальный комплекс подозрительности; контроль ему был нужен для своеобразного аффекта, для пробуждения лучшего в людях, для их подъема к светлым высотам бескорыстия и самопожертвования.

«Рузвельт,— пишет Дж. Гюнтер,— действительно умел манипулировать властью, он мог наносить ею удары под любым углом, добиваться ответного движения, порождать идеи и по-разному воздействовать на людей, обращаться прежде всего к главным вопросам. Он был магнитным инструментом, неустанно измеряющим интенсивность своего воздействия на общество, стрелка его компаса могла колебаться в очень широких пределах, но она редко уходила от магистральной направленности на север». Однако такой анализ был бы механистическим, ибо сутью Рузвельта было не механическое движение, а активный гуманизм. Главным героем американской истории для него был «обычный человек». Гюнтер спрашивает: чем был «Новый курс» как не критическим приложением принципа «благородство обезоруживает»? Рузвельт поднял людей над их собственной повседневностью, он поставил цели, он вооружил огромное число людей. Он как бы указал миллионам, что жизнь — это волнующее приключение, что не стоит замыкаться в собственных бедах, что можно легко прибавить в беге, что впереди много хорошего, что будущее стоит любить.

Главными чертами Рузвельта как политика были мужество, терпение, удивительное чувство времени, способность увидеть суть, практический идеализм, интуитивная способность отзываться на нужды людей. Рузвельт всегда смотрел на дело с точки зрения действия и результатов, а не неких абстрактностей. Строго говоря, он не любил абстрактности. Его величие заключается в том, что он активно и эффективно откликался на нужды своего времени. Многое из того, что он делал, никогда не исчезнет из американской и мировой истории. Действуя едва ли не в одиночестве, он спас демократию в Америке и привел страну к мировому лидерству.

Рузвельт знал обо всем понемногу, но в трех областях ему не было равных — в политике, американской истории и географии. Не было случая, чтобы кто-нибудь посрамил Рузвельта в знании национальной истории. Во всем была «виновата» память, феноменальная по любым меркам. Это был главный источник его силы как личности. Память, помноженная на несгибаемую волю, позволяла Рузвельту быть во всеоружии всегда. Но память была бы бесплодной без страстного интереса ко всему окружающему, к прошлому, к внутреннему миру других. Рузвельт утверждал, что помнит факельное шествие в честь избрания президентом Кливленда в 1884 году (т.е. в двухлетнем возрасте). Впервые встретившись с Рузвельтом в Касабланке, генерал Эйзенхауэр был поражен объемом знаний своего верховного глав-

нокомандующего. Президент знал характер местности в Тунисе лучше генералов, которым предстояло там воевать. Он рассказывал об итальянских городах, в которых побывал сорок лет назад.

У Рузвельта было острое историческое чутье, и его очень интересовало собственное место в истории. Он собирал архив, много километров кинопленки, записи государственных актов. Он первым среди американских президентов создал целое учреждение в Гайд-Парке, занятое обработкой документальных свидетельств его президентства. Он немедленно допускал к себе всякого, собирающегося о нем писать, но отвергал идею написания официальной истории своей жизни, неизменно отвечая: давайте подождем еще сотню лет.

За несколько дней до смерти ФДР журналист Дж. Гюнтер задал его семье вопрос, чем президент гордился более всего? Один из ответов: за все время губернаторства и президентства он ни разу не призвал вооруженные силы, чтобы тем или иным способом воздействовать на собственный народ. Другой ответ: Соединенные Штаты заняли положение, которого не смог обеспечить даже президент Вильсон. По мнению самых близких, Рузвельт очень гордился своей образовательной миссией, своим участием в создании общенационального общественного мнения, обращенного не только на внутреннюю арену, но и к мировым делам.

Его величайшей амбицией было создать такую мировую организацию, в которой американские интересы и ценности нашли бы достойное выражение. Чем он собирался заняться после окончания четвертого срока? Вариантов было немало, но главное сводилось к тому, чтобы возглавить ООН, издавать общенациональную газету, выращивать деревья в Гайд-Парке и построить навес над тем местом во Флориде, где они с Гопкинсом ловили рыбу.

★ ★ ★

По мнению Самнера Уэллеса, мыслительный процесс Рузвельта был наиболее эффективным между девятью часами вечера и полночью. День проходил в неизбежной рутине, и только после обязательных «обрядных» усилий его интеллект получал свободу для творчества. Можно сказать, что общепризнанной особенностью мыслительного процесса Рузвельта была скорее практическая рассудительность, чем творческая созидательность. Как сказал однажды Гарольд Ласки, Рузвельт был «скорее брокером идей, чем архитектором систем». Рузвельта вдохновляла беседа, а не абстрактное размышление. Его мозг был одним из наиболее мощных инструментов своего времени, но он был нетерпелив, стремился к главному и не любил оттачивать детали. Вторая особенность мыслительного процесса Рузвельта заключалась в нелюбви к дебатам. Знавшие его в один голос утверждают, что он очень не любил спорить. Словесная схватка казалась ему бессмысленным времяпрепровождением. Третьим несомненным качеством было желание закончить любой спор (или противоречие) компромиссом. Четвертое — Рузвельт любил цифры и расчеты.

Особенностью Рузвельта было умение находить таланты, а также безграничная любознательность. Он мог обдумывать несколько проблем сразу. Чрезвычайно характерна для него изобретательность: летом 1941 года он приказал скупать шерсть в нейтральных странах. Вряд ли кто мог проследить тогда за ходом его мысли — если немцы завязнут в России, их ждет суровая зима и необходимость в теплой одежде. Окружающим это не приходило в голову. Рузвельт не боялся нового. Однажды он сказал: «Есть нечто позитивное даже в лунатическом бреде. То, что мы видим в социальной и экономической жизни сегодня, в дни моего детства считалось бы бредом лунатика — а сейчас это обыденная часть действительности». Его ум был особенно хорош в деталях. Рузвельт любил работать быстро, срезать углы, отметать формализм. Он очень любил телефон. Около сотни человек имели право звонить ему без посредничества секретаря. И, напомним, до Теодора Рузвельта ни один американский президент вообще не впускал журналистов в Белый дом. Франклин же сделал свое жилище едва ли не пресс-клубом.

★ ★ ★

Делал ли ФДР ошибки? Вне всяких сомнений, и много. Обещания давались и забывались, вчерашняя правда превращалась в свою противоположность, очередная инициатива приводила в тупик, компромисс часто означал сделку, ответственность как-то механически лимитировалась, об ошибках слишком быстро и легко забывалось, они попросту выветривались из памяти. Что безусловно подкупало всех: безмятежная и почти отрешенная реакция в очевидных случаях провала. Счастливое, благословенное качество. Движение вперед как бы снимало все вопросы. Зацикливаться на прошлом значило терять шанс в будущем. Что из того, что на пути к Белому дому Рузвельт обещал сбалансировать бюджет, а добившись президенства, стал самозабвенно увеличивать его расходную часть? Ведь выгоду получили миллионы американских граждан, пострадавших от экономических неурядиц, и новый энтузиазм стоил головной боли бюджетных пуристов. «Если голодная смерть и жестокая нужда части наших граждан делают необходимыми дополнительные расходы, которые разбалансируют наш бюджет, я не поколеблюсь сказать американскому народу всю правду и попросить его выделить дополнительные средства.»

Франклину Рузвельту не удалось бы сохранить свою знаменитую безмятежность (фирменным знаком которой была всем известная усмешка с мундштуком в зубах), если бы не огромное чувство юмора — одна из главных черт его характера. Смех был лучшим способом защиты этого человека. Когда ему напомнили в 1936 (предвыборном) году о данном в Питсбурге четырьмя годами ранее обещании сбалансировать бюджет, он громогласно заявил, что никогда в жизни не был в Питсбурге. Когда стало очевидно, что такой ответ удовлетворяет не всех, Рузвельт заявил (октавой ниже) на конвенте демократической партии, что «правительства имеют право ошибаться, президенты могут делать ошибки, но бессмертный Данте гово-

рит нам, что бессмертная Божья справедливость взвешивает грехи хладнокровных и грехи людей с горячей кровью на разных весах. Лучше допускаемые время от времени ошибки правительства, которое живет в духе милосердия, чем постоянная индифферентность правительства, замерзшего во льду собственного безразличия».

Одним из прекрасных качеств Франклина Рузвельта была его склонность к дружбе. У него было множество друзей, и многие из них доказали, что верны в дружбе. Дружба порождалась общим светлым отношением Рузвельта к жизни, его несомненным идеализмом, душевной щедростью и тактом. Ближайшими его друзьями были вовсе не те, чьи имена произносила публика. Это были Лэтроп Браун, с которым он жил в одной комнате в Гротоне и Гарварде, и его свидетель на бракосочетании — нью-йоркский адвокат Генри Хукер.

Как бы особняком стоят двое других друзей Рузвельта — Луис Хоув и Гарри Гопкинс. Оба — уязвимые и слабые физически, оба — с чрезвычайно острым умом. Обоим присущи лояльность и честность. Оба ревнивы по отношению к прочим друзьям Рузвельта. Оба, собственно, отдали жизнь общему с Рузвельтом делу. Оба не претендовали на место в политической иерархии. Между ними были и поразительные различия. Хоув видел свое призвание в возвышении друга, собственные проблемы его почти не интересовали. Гопкинс отдавался проблемам, живая деятельность была его средой. Хоув был на одиннадцать лет старше Рузвельта, Гопкинс — на восемь лет моложе. Хоув нередко говорил с Рузвельтом как старший, поучал его, чего Гопкинс себе не позволял. Хоув был жесткой натурой, не стремящейся подсластить представление о себе. Гопкинс же был само обаяние и легко завоевывал расположение. Хоув был целеустремлен, Гопкинс старался знать понемногу обо всем. Впрочем, он тоже яростно стремился к цели: «К черту цену, давайте продвигаться вперед». Когда Черчилль спросил Гопкинса о погоде и природе, тот прямолинейно ответил: «Я прибыл сюда, чтобы побить этого подлеца Гитлера»,— и Черчилль сразу же повел его в «комнату карт». За эту прямоту и целеустремленность Рузвельт его и ценил. Гопкинс откровенно делил людей на говорунов и деятелей; он и Рузвельта ценил прежде всего за деятельность натуры. Хоув не увеличил число друзей президента, Гопкинс же привел с собой целую плеяду — Эдварда Стеттиниуса, Ванневара Буша, Роберта Шервуда. Именно он способствовал формированию и сохранению дружбы Рузвельта с Черчиллем. Для Рузвельта работала тайная группа талантливых писателей: Чарльз Микельсон, Эрнст Линдли, Самнер Уэллес, Реймонд Моли, Рексвел Тагвел, Стенли Хью, Арчибальд Маклиш, Том Коркоран, Бэзил О'Коннор, Роберт Джексон. И прежде всего Сэм Розенман и Роберт Шервуд.

★ ★ ★

Жизненные невзгоды Рузвельт переносил мужественно. Его слуга Макдаффи сказал после смерти Рузвельта: «Он жаловался реже, чем кто-либо из тех, кого я знал. Когда он был болен, от него нельзя было добиться ни единого слова жалобы... Он

не был человеком, который слишком серьезно смотрел на негативные явления, проплывающие вместе с течением жизни под мостом... Я знаю, что главным триумфом его жизни была способность сбросить с плеч любую тяжесть». А вот слова Претти-мена, заменившего Макдаффи: «Он был самым веселым человеком среди всех, кого я знал, кого видел в жизни. По моему мнению, он считал, что нет смысла в том, чтобы портить кому-либо настроение лишь потому, что чувствуешь головную боль».

В век идеологии Рузвельт был белой вороной — он не любил поклонения отдельно выделенному учению, он был достаточно прозорлив, чтобы видеть не только плюсы (организация), но и минусы (элиминирование индивидуальности и его энергии) идеологического теизма. Рузвельт верил в здравый смысл и не видел смысла в поклонении догме. Его сознание буквально отторгало абстрактные концепции. Социальных перемен, изменивших лицо Америки в 30—40-е годы, он добился благодаря конкретному законодательству, а не торжеству очередного учения. Понимая, что для битвы с Берлином и Токио ему жизненно нужен опыт большого бизнеса, он тем не менее заявил «акулам капитализма» в 1940 году, что не стоит ожидать изменения или отказа от «тех великих социальных завоеваний, которых мы добились» (в обмен на солидарную национальную борьбу бизнес требовал отказа от ограничений в производственной практике — отмены законодательства по профсоюзам, минимальной заработной плате, рабочей неделе и т.п.). В этот очень рискованный час Рузвельт дал однозначно негативный ответ всем предложениям положить социальные завоевания на алтарь экономической эффективности. Ничто не может оправдать курса на сознательное ухудшение материального и духовного положения народа. Ничто не может оправдать печаль беззащитных пенсионеров, горечь тех, кто обделен судьбой по рождению или из-за неподвластных им обстоятельств.

Что будет значить военное могущество страны при обиженном тыле? «Хотя наш военно-морской флот, авиация и пушки могут быть первой линией нашей обороны, абсолютно ясно, что там, в глубине, укрепляя все это вместе взятое, давая всем силу, поддержку и мощь, живут дух и мораль свободного народа.»

★ ★ ★

Рузвельт никогда не вынес бы павшего на него бремени, если бы не умел найти верный способ релаксации. Среди всей череды американских президентов нет второго, подобного ему, способного в считанные секунды сбросить груз деловой серьезности и окунуться в дружелюбную обстановку ближнего окружения. Без подзарядки его нервная система не справилась бы с тяготами того креста, который ему пришлось нести.

Рузвельту помогал строго соблюдаемый ритуал. Ежевечерне он поднимался на второй этаж в свой кабинет, забитый книгами и моделями кораблей, для священного часа коктейля. В этот час он приглашал к себе друзей, помощников и всех, кого он просто хотел видеть. ФДР ввел этот обычай в бытность губернатором Нью-

Йорка, и вся его семья помогала теплотой и сердечностью. Обыгрывались шутки прошедшего дня, серьезность исключалась, никто не касался животрепещущих тем — это было время легкого общения, смешных историй, забавных воспоминаний. Хохот президента был слышен во всех углах Белого дома. Множество людей отмечало его удивительную смешливость, тонкое чувство юмора, очевидное удовольствие от общения с самыми различными людьми. А ведь одна лишь краткая подпись этого смеющегося человека там, внизу, в Овальном кабинете, означала мир или войну, работу или застой, движение вперед или отход.

Были и другие светлые моменты. Рузвельт поощрял окружающих с долей скепсиса относиться к жизни. Он никогда и никого не осуждал за неожиданный переход на веселый тон, удачную шутку или не терпящий промедления анекдот. «К концу своей жизни,— вспоминает Дж. Стейнбек,— когда он периодически ощущал печаль и груз работы, он обычно просил меня зайти. Мы беседовали больше часа, и я отчетливо помню, как он смеясь качался в кресле за своим забитым бумагами столом, и я до сих пор слышу раскаты его хохота». Чтобы спастись от пресса жизни, которую он сам избрал, Рузвельт не терял ни единой возможности пошутить, хотя это временами звучало тяжеловесно. Так, он однажды «отклонил» приглашение на собственную инаугурацию. Как-то его спросили, на каком языке он написал письмо Сталину. «На ирландском»,— последовал ответ. Ничто не было для него слишком серьезно, чтобы не посмеяться при случае. Наверное, это нужно было, чтобы выпустить из котла пар. Сын Эллиот вспоминает, как однажды в Касабланке президент снял с книжной полки первую попавшуюся книгу и поставил свой цветистый автограф, спросив при этом присутствующих, какой будет цена этой книги в антиквариате. Генерал Кнудсен представил ему список крупных бизнесменов, которым следовало предоставить место в Отделе управления промышленностью. Президент возвратил список как явно ошибочный, поскольку один из представленных был членом демократической партии.

Рузвельт любил путешествия, процесс созидания чего-либо, природу, архивы, политику, старинную голландскую архитектуру, новые изобретения, вызов, острова, одеяла, слово «трубопровод», будущее. Любил синий цвет, свою библиотеку в 16 тысяч томов. Он более всего не любил кондиционеры, перчатки, длинные слова, спешку, слово «бюрократ», врагов прогресса. Не любил перестановки в комнатах. В целом был безразличен к одежде.

Самой большой отрадой для Рузвельта были книги, почтовые марки, игра в карты (прежде всего в покер) и кино. Страсть к собиранию марок была у Рузвельта наследственной — филателистами были его отец и мать. Собственную коллекцию Франклин Рузвельт начал собирать в десять лет, после того как мать подарила ему китайскую и гонконгскую коллекции. Филателия была страстью всей жизни. Он мог часами с лупой в руках рассматривать свои кляссеры. Уинстон Черчилль видел, как «перебирая марки, он забывал дела государства». Его коллекция к концу жизни составила миллион с четвертью марок. Видимо, не было в его жизни ни

дня, в котором он не уделил бы несколько минут маркам. Он любил приключенческое кино и фильмы ужасов.

Рузвельт читал на трех языках — немецком, французском и испанском. Книги, которые он читал, обычно делят на три категории: американская история, история мореходства и книги для развлечений. Кроме того, пресса: шесть или восемь газет ежедневно и непременно, целиком, а не отдельные статьи. Радио его не интересовало, как и нарождающееся телевидение. В поэзии его фаворитами были Киплинг и Руперт Брук. Он любил длинные повествовательные поэмы.

Более всего его возвращала к жизни рыбная ловля (напомним, что именно во время многодневной рыбалки в Карибском море он пришел к идее ленд-лиза). И все же лучшим видом отдыха от государственных дел было возвращение домой. В течение 12 лет своего президентства Рузвельт навестил Гайд-Парк двести раз. В собственной кровати дома он мог спать, к удивлению помощников, до четырнадцати часов кряду. Редчайший среди политиков случай полной релаксации. «Батареи» заряжались полностью, он был бодр, весел и готов к продолжению истории. Именно поэтому ни на одном этапе этого самого долгого президентства в США глава исполнительной власти никогда не был на грани нервного истощения. Если мы сравним его фото с фотографиями других временных владельцев Белого дома, то отчетливо увидим, как те, другие, старели год от года, надламываясь под (не избежать этого слова) бременем власти. А Рузвельт, пройдя втрое более длинную дистанцию, сохранил вид и самочувствие наслаждающегося своей работой человека. (Лишь в последний год, когда напряжение бурной жизни коснулось сердца, его внешний вид претерпел заметные изменения.)

Энн Маккормик имела все основания написать: «Ни один из его предшественников на этом посту не оставил на себе так мало отметок от пребывания на нем, как мистер Рузвельт». Естественно, у него прибавилось седины, и он поправился в ходе третьего срока, но не было никаких радикальных перемен. «Он чувствует себя легко в любых обстоятельствах, он более хозяин своего положения, чем любой из лидеров его времени. Его нервы крепче, его темперамент выдержаннее и спокойнее. Если он и испытывает беспокойство, по внешнему виду это утверждать нельзя.»

★ ★ ★

Элеонора однажды сказала, что секрет ее мужа в исключительной чувствительности к нуждам других — как отдельных индивидуумов, так и нации в целом. Он сумел создать впечатление (правильное, или, может быть, не совсем правильное), что его политическая страсть связана с исключительным интересом к жизни других людей. Президент Рузвельт всегда стимулировал своего собеседника, кем бы он ни был, к рассказу о себе, своих заботах, интересах, печалях, надеждах. И всегда слушал очень внимательно.

Важнейший элемент имиджа политика: от первых ста дней 1933 года до апрельского предвестия победы 1945 года огромное число американцев было убеждено, что восставший против судьбы трудоголик в Белом доме несет свой крест за них. Он понимает их заботы, он ищет выход, его никогда не удовлетворит отсутствие сострадания. Он сберег их дом во времена экономических потрясений, сохранил его после Пирл-Харбора, он построит еще лучший дом в будущем. С таким массовым умонастроением Франклин Рузвельт мог рассчитывать на победу не только в боевом 1944, но и в 1948 году.

Не счесть писем, полученных Рузвельтом от частных граждан, с выражением благодарности за помощь, которую они начали ощущать со стороны института президентства. Люди, причем не только отчаявшиеся, но и разумные, образованные американцы писали о своих заботах президенту, как писали бы ближайшему родственнику. У.Лейхтенберг видел в Денвере надпись на стене мелом: «Рузвельт — мой друг». Чтобы заставить далекого от сентиментальности американца написать подобное, требовалось нечто очень редкостное, и этим редкостным качеством Рузвельт обладал.

Как развил в себе Рузвельт это качество? Мать — Сара Делано — рассказывает, что замечала в сыне в бытность его еще ребенком весьма необычную интуицию, понимание обеспокоенности других, предугадывание сердечного (или физического) движения других, способность мгновенно оценить психологическую ситуацию. Ребенку было всего лишь восемь лет, когда Джеймс Рузвельт, его отец, перенес инфаркт с тяжелыми последствиями. С этого времени стремление смягчить боль другого, сгладить душевный и физический дискомфорт других стало частью его психической органики. Параллельно росло и закреплялось чувство, что причиненные родителям неприятности доставят им незаслуженную боль. Мать всегда гордилась тем, что ей никогда не приходилось напускать на себя строгость — сын понимал ее с полуслова. Этот обнаженный инстинкт, видимо, жил в Франклине Рузвельте до самого последнего дня.

Что и говорить, удар полиомиелита разбил жизнь Рузвельта на две части. Но в главной — второй части — его инстинкты не омертвели, а наоборот обострились. Чего в нем напрочь не было, так это чувства озлобленности, обиды на судьбу, чувства, что он жертва этой жизни. Рузвельт ненавидел все проявления жалости к нему как инвалиду. Он не мог вынести ни секунды снисхождения. В то же время как шелуха отпал поверхностный лоск и обнажились глубины его изначально сострадательного сердца, обострился (как мы уже говорили) его интерес к другим.

Отсюда же и интуитивное молниеносное понимание того, как представить себя, человека с физическим недостатком, новым знакомым. При этом большинство американцев не имели ни малейшего понятия о том, что Рузвельт — инвалид. Никто не мог помыслить себе, что первые мгновения нового утра у Рузвельта были сопряжены с просьбой к слуге. Что бы ни говорили об американской прессе, но ни одна газета никогда не поместила фото президента, раскрывающее его грустную тай-

ну. Абсолютное большинство американского народа никогда не видели его изображения в кресле на колесах или на костылях.

Актер Грегори Пек мальчиком ожидал прибытия Рузвельта, чтобы «живьем» увидеть президента. В порту невозможно было скрыть истинное состояние дел — Рузвельта снесли с борта корабля, и пораженный Пек заплакал. Далее случилось нечто трудновообразимое. Рузвельт устроился в кресле, поместил сигарету в мундштук, движением скулы вздернул мундштук, посмотрел на толпу со своей знаменитой безмятежной улыбкой и помахал шляпой. Пек вспоминает, что слезы высохли и он начал аплодировать президенту, который каждым своим жестом говорил, что с ним все в порядке, и если он не видит трагедии в своем существовании, почему ее должны видеть другие? Мужество всегда получает награду. В маленьком порту небольшая толпа в полной мере оценила самообладание этого человека. И жалость превратилась в восхищение.

Но никакое мужество не помогло бы Рузвельту в его физическом ограничении, если бы не семья, которая сомкнула ряды, поддерживая его решимость. Элеонора стала ушами и глазами президента, а плечо сына Джеймса всегда было рядом. Элеонора Рузвельт покрывала десятки тысяч километров, посещая каждый год все основные регионы страны. Она была олицетворением сострадания и часто выражала интересы самой обделенной части общества — безработных, чернокожих, лишенных шанса в жизни. Она ходила по домам с самой худой крышей, она стремилась ощутить боль людей. Дочь алкоголика и углубившейся в себя матери, Элеонора Рузвельт сумела мобилизовать лучшее в себе и стала той опорой, без которой Франклин Рузвельт, видимо, не состоялся бы. По крайней мере, как политик.

На их долгом пути Элеонора открыла в себе невероятные способности. Главной среди них была бездонная способность любить и сострадать. Это относилось к мужу в первую очередь, но это же относилось и ко всем униженным и оскорбленным. Без Элеоноры Франклин никогда не бросился бы в политический бой за губернаторское кресло в Нью-Йорке, не говоря уже о президентстве. Трудно представить себе, но это факт: супруга президента путешествовала по стране бóльшую часть времени, проведенного ее мужем в Белом доме. Она инспектировала лагеря Корпуса гражданской консервации, проекты Национальной администрации молодежи, и ее поразительная честность позволяла Франклину пробиться сквозь розовый фильтр официальных отчетов.

Эта супружеская пара представляла собой несокрушимую силу. Франклин был стратегом, его память цепко держала все основные обстоятельства, он был «более гибок» в моральных вопросах, более чувствителен к возникающим массовым веяниям. Она — более прямолинейная, более принципиальная, «лишенная кожи» в восприятии страданий других, не страшащаяся ничего ради благородной цели. В доме ее дяди, президента Теодора Рузвельта, была популярной такая игра: требовалось по прямой линии добраться из одного пункта в другой — именно по прямой,

не обходя препятствия, взбираясь на скалы, переходя через болота, переплывая реки, проходя чужие жилые комнаты. Один из внуков Теодора Рузвельта говорил, что «это была очень тяжелая игра, и многие дети не могли в ней преуспеть — слишком много она требовала решимости и упорства». Элеонора Рузвельт оставалась верной этой игре всю свою жизнь. И если Франклин Рузвельт всегда пытался обойти возникшие препятствия, то Элеонора помнила детские правила. Нередко она попадала в сложное положение, ее критикам было легко обосновать свою позицию, но эта женщина, считавшая себя слабой и неуверенной, шла по жизни кратчайшим, диктуемым сердцем путем. Ее муж говорил о «костях хребта, которые не гнутся». Но когда Рузвельт, увлекаясь тактикой, начинал терять стратегию, жена была для него лучшим моральным маяком.

Элеонора Рузвельт хотела сделать вторую мировую войну вторым изданием «Нового курса», и ее печалил новый союз мужа с бизнесом, заключенный ради военной эффективности. Противоречия стоили много крови обоим, но президент в конце концов соглашался, что прямая дорога надежнее. В вопросах о гражданских правах Элеонора Рузвельт была настоящим эмиссаром своего мужа, и если чернокожие американцы с началом войны получили основные права в армии и промышленности, в этом заслуга и супруги президента. Таланты черных американцев и женщин стали общим потенциалом Америки. Элеонора Рузвельт лично отвечала за обеспечение федеральными средствами центров воспитания детей, она создала программы внешкольного воспитания молодого поколения американцев.

Нет сомнения, что благородная прямолинейность Элеоноры Рузвельт создала ей уйму противников, и можно себе представить, сколько раз президента просили утихомирить супругу. Но их союз действовал на благо всех. Элементарное самоуважение не позволило Рузвельту быть домашним цензором. Он был человеком такой души, которая противилась подчинению даже семейного мнения правилам политической целесообразности. И в нем (это главное) тоже жило то, что двигало Элеонорой — сочувствие обездоленным в богатой стране. Рузвельт хотел быть президентом всех американцев.

★ ★ ★

Условием успешного руководства президента Рузвельта было движение вместе (не за, не далеко впереди) с американским народом. Здесь мы подходим к главной черте тактического гения Рузвельта — он умел не только понимать, но и успешно убеждать. Он знал жизнь, знал общее настроение, знал аргументы, столь необходимые в любой демократии. Рузвельт не формировал общественного мнения страны, но он делал так, что без него это мнение не было бы сформировано. Определить верный курс — это еще полдела; вторая половина —убедить миллионы столь разных американцев следовать ему. В XX веке Америка не имела луч-

шего оформителя морального, душевного и политического состояния нации, чем Франклин Рузвельт.

Рузвельт был гением общения с прессой. Дважды в неделю, год за годом он встречал журналистов, репортеров, издателей. Читая стенограммы встреч, трудно отделаться от мысли, что все это множество больших и малых битв ума Франклин Рузвельт провел на поле, которое он сам избрал, на условиях, которые сам определил, в рамках, которые сам обозначил, и при этом без всяких видимых усилий и уж, конечно, без неделикатного насилия. Рузвельт в отличие от многих политиков любил прессу. Он знал опасности ее непостоянства, но знал и то, что у него нет другого такого ресурса общения с нацией, такого рупора обращения к 150 миллионам американцев.

Рузвельт с самого начала определил границы: прямое цитирование возможно лишь с его непосредственного разрешения. Чаще всего он сам выбирал место — Овальный кабинет, со знаменами за президентской спиной, с президентской печатью. Своего рода камертоном послужила первая пресс-конференция, состоявшаяся в тяжелое для Америки время — 8 марта 1933 года, когда банки были закрыты, когда треть рабочей силы стала жертвой безработицы, когда уверенность нации в себе стремительно приближалась к нулю. В течение 35 минут (это время стало стандартом) молодой президент сумел превратить отчаяние и обреченность в нечто вроде спасительной насмешки над самим собой. Пресс-конференция закончилась смехом, но это был не «юмор висельников», а здоровое подтрунивание человека над собой в начале большого пути, успешно преодолеть который он намеревался. Бесстрашие, надежду, веру в себя — именно это хотел выразить президент и сделал это с блеском. У.Лейхтенберг: «Он был далеким от формальности, легким в общении, веселым. Когда он хотел избежать ответа на вопрос, то делал это откровенно. Он чувствовал себя непринужденно. И испытывал явное удовольствие от ситуации взаимообмена». Журналисты не скрывали своего впечатления от душевной теплоты и откровенности нового хозяина Белого дома, не требовавшего (в отличие от предшественников) предварительного списка вопросов. Совершенно неожиданно пресс-конференция, проведенная в худший час общенационального раздора, завершилась аплодисментами.

Вторым важнейшим каналом общения с нацией стали так называемые «беседы у камина». Рузвельт первым среди больших политиков Америки оценил огромную силу нового средства массовой информации. Радиоприемники появились в миллионах семей. Теперь его голос мог звучать в гостиных американцев от атлантического до тихоокеанского побережья. Важно было не девальвировать это могучее орудие идейного воздействия. За 12 лет президент Рузвельт выступил у «камина» примерно 30 раз, но каждое его выступление было событием в жизни страны. Примерно неделя требовалась для подготовки к такому выступлению — очень тщательной подготовки, при которой один вариант быстро сменялся другим. Затем репетиция перед помощниками — эмоционально и интеллектуально слабые части изымались. И са-

мо выступление: тембр, акценты, паузы, смысловая интонация. Главное — тон доверительной беседы, стремление поделиться сомнениями и надеждами со всей страной, прямые деловые предложения, никакого заигрывания и, тем более, ничего свысока. Опросы показывали, что Рузвельта слушало вдвое больше людей, чем самых популярных исполнителей, просветителей и проповедников его поколения.

Любимым приемом Рузвельта стала аналогия. В Америке помнят его иллюстрацию к закону о ленд-лизе как о «взятии взаймы пожарного шланга». Историки особенно ценят в «беседах у камина» историческое чутье президента, с готовностью обращающегося к национальной истории, к дням революции, создания государства, деятельности отцов-основателей, к таким общенациональным кризисам, как гражданская война. Историк А.Маклейш: «Чувство истории в политическом лидере — это чувство прошлого, используемое для формирования будущего; чувство истории и американской традиции было у Рузвельта подлинно глубоким».

Считается, что наибольшего эффекта Франклин Рузвельт достиг в так называемой «Речи о географической карте», произнесенной в феврале 1942 года, в те дни, когда страны «оси» были на гребне своих военных успехов. Президент заранее попросил слушателей запастись картами, и картографические отделы книжных магазинов были опустошены. Президент и страна вместе посидели и поразмышляли над крупномасштабными картами. 80 процентов американцев водили пальцами по неведомым доселе районам, о которых спокойно говорил их президент.

Рузвельт хотел создать у слушателей (и преуспел в этом) общую картину того, что происходит, ничуть не приукрашивая сложившуюся вокруг Москвы, Ростова-на-Дону, Каира, Батаана, Гонконга ситуацию. Великая коалиция практически повсюду отступала и вела жестокие бои на своей территории. Президент не утруждал себя детскими приемами утешений. Он говорил своим слушателям, что дальше может сложиться еще более суровая ситуация. Нужно ожидать больших потерь, возможного отступления, неизбежного в связи с этим унижения. Никто не мог сказать, что хозяин Овального кабинета злоупотребляет розовым цветом. Но ни на секунду у десятков миллионов слушателей не возникло сомнения в конечном исходе того, что происходит. Более того, спокойная уверенность, исходящая от знакомого голоса, формировала тот безусловно необходимый настрой, который завтра так понадобится первой смене, вышедшей к доменным печам, морским пехотинцам, вцепившимся зубами в песчаный атолл Тихого океана, летчикам, ведущим свои самолеты к нацистской «крепости Европа». Так уже было в истории: Джордж Вашингтон долго отступал перед англичанами, но ни на йоту не сомневался в победе — и она его нашла.

Еще не окончилась трансляция, темная ночь окутала огромную страну, а в Белый дом уже начали поступать сотни телеграмм, смысл которых сводился к просьбе выступать каждый день. (Когда Горбачев и Ельцин будут анализировать причины своих неудач, они должны вспомнить об этой ночи в американской истории. Великие народы, такие как американский и русский, по природе преисполнены сто-

ционизма. Они готовы претерпеть. Но они, безусловно, хотят знать смысл своих жертв, хотят знать, за что они должны платить кровью и потом.)

Рузвельт интуитивно чувствовал опасность. Он боялся девальвации своих слов, он не согласен был выступать ежедневно. Он знал (в отличие от наших менее удачливых политиков) волшебную и страшную силу слова — и не хотел злоупотреблял этой силой.

Франклину Рузвельту было присуще еще одно великое для политика качество: он видел пик силы противоположной стороны и имел терпение выжидать. Лишь когда силы противника переваливали за этот пик, он наносил ответный удар. Чувство времени, чувство готовности и неготовности было в нем абсолютным. То, как ФДР вывел в 1940 году свою страну из гавани изоляционизма — блестящий тому пример. Он молниеносно использовал наступление нацистской Германии на западном фронте для начала процесса мобилизации страны. Летом того же года он «отпустил вожжи», дав накопиться общественному возмущению, и затем заключил соглашение об обмене британских баз на эсминцы. Осенью у него рождается идея ленд-лиза. Следующим шагом могло уже быть вступление в войну. Ошибка во времени на каждом из этапов этого пути могла бы вызвать возвращение изоляционизма.

Невозможно не отметить еще одно поразительное качество Рузвельта: его понимание людей, нюх на подлинные таланты. Как главнокомандующий он вывел в руководство американскими вооруженными силами генералов Маршалла, Арнольда, Эйзенхауэра, адмиралов Кинга и Леги — людей самостоятельного характера, независимых суждений и недремлющей инициативы. Рузвельт никогда не занимался мелочной опекой своих военных помощников. И в то же время не был их заложником: весной 1940 года вопреки доминирующему мнению оказал помощь Британии; не забудем, что он оказал помощь России вопреки мнению большинства военных специалистов, не веривших в ее способность выстоять в войне.

★ ★ ★

Среди слабостей Франклина Рузвельта все указывают прежде всего то, что нежелание огорчить, обидеть кого-либо заставляло президента делать вид, что он согласен с ходом мысли и мнением данного лица, хотя на самом деле этого согласия не было и в помине. Он дезориентировал многих (с этим согласна и Элеонора), кивая и подавая всяческие знаки одобрения, хотя на самом деле это была вежливость, вовсе не означавшая согласия. Один из помощников прямо говорит, что «в конечном счете меньше друзей было бы потеряно в случае жесткой откровенности, чем в результате взаимонепонимания, явившегося следствием гарцующей, симпатизирующей двусмысленности». Рузвельт не любил причинять людям боль даже в экстренных случаях: не выгнал пьяного слугу, не сумевшего отнести его в ванную; не избавился от самонадеянного повара, который готовил то, что нравилось ему, а не его боссу. Он очень долго не увольнял военного министра Вудринга, хотя тот открыто встал в оп-

позицию по отношению к европейской политике президента в 1940 году. Элеонора Рузвельт считала, что «ему было трудно выглядеть в чужих глазах несимпатичным, ему было трудно сделать первый шаг на пути к жестокости». Для лидера великой страны в критическое время ее развития это была серьезная слабость.

Более серьезные критики идут еще дальше. «Он любил манипулировать»,— говорит Гюнтер, у него была «детская любовь к секретам». Возможно, это восходило к далеким временам, когда всепоглощающая любовь матери оставляла ему слишком мало места для свободного самовыражения и ему приходилось идти на грани двуличия. В этой битве за самоутверждение он развил в себе способность и привычку маневрировать, привычку говорить только то, что нравилось окружающим, прятать собственные суждения за обтекаемой вежливостью, переходящей в ложь. Историк Джеффри Уорд считает: «Усилия остаться самим собой, не принося при этом боли матери, породили в нем способность легко очаровывать людей, любовь к секретности и умение ловко маневрировать. Все это он принес с собой в Белый дом». Никто не знал истинного мнения президента, и многие проиграли, пытаясь навязать ему свое мнение. Внешне открытый всем мнениям, ФДР внутренне держался собственного курса, и это заводило окружающих в тупик. Некоторые в огорчении писали (как в данном случае Гюнтер): «Ему нравится манипулирование людьми». Многие понимали это достаточно быстро.

И, как справедливо полагает Дорис Гудвин, «эго Рузвельта — источник его величайшей силы — был также причиной его слабости, что и помешало ему в 1940 и в 1944 годах найти достойного преемника». Ближайшее окружение ожидало, что он наконец выберет продолжателя своего курса. Он не остановился ни на ком. Он не мог преодолеть себя. «Ему очевидным образом нравится быть президентом. Это настоящая масштабная работа, требующая всей его энергии, всех его талантов — и каждый был бы счастлив чувствовать себя более задействованным.» И противники, и друзья сходились в одном: ФДР живет пребыванием в центре событий. Журналист У.Киплингер: «Он достигает своей лучшей формы, когда попадает в свет рампы, когда слышит одобрение публики. Это греет его, и он показывает лучшее, на что способен». К чему это приводит? Не без печали пишет Моли, что Рузвельту все более убедительно представлялась своя незаменимость: кто иной может повести за собой страну? «Мне кажется, он все больше и больше думал так, по мере пребывания в Белом доме.» Невольный избранник Гарри Трумэн скажет позже о «растущем эго президента, которое было уже немалым, когда он только начинал свой политический путь».

И все же слабости великого человека никак не могли перевесить его достоинств, признанных его собственной страной, миром и историей. При всей внутренней противоречивости своих действий он спрессовал солидарность и единство своего народа в двух его крупнейших испытаниях XX века. Он сумел сделать единой страну разительных социальных, культурных и расовых контрастов, он нашел то общее, что объединило великую нацию эмигрантов. Он остановил деградацию и придал

энергию сползающей в апатию стране. Тысячи помыслов, миллионы надежд он сплавил в оптимистическое движение вперед, спасая экономически — строй, социально — общество, психологически — народ. Ища баланс «за» и «против», Ф.Перкинс приходит к выводу: «У него были почти прорывы ясновидения, понимания трагического разнообразия интересов, не имеющих, казалось, отношения друг к другу». Он оказался единственным политиком, единственным человеком, сумевшим обозреть всю свою страну и найти единое целое, нащупать единый курс.

Историк Эрик Лараби ставит во главу угла тот факт, что «понимание взаимосвязанности вещей, людей и процессов было для него не условием, а главенствующим принципом — и это позволило ему не только охватить проблемы войны во всем их многообразии, но и передать это чувство всему населению страны... Осуществляя военное руководство, он заслужил благодарность своих соотечественников и тех, кто был освобожден от ига оккупации. Его поведение на посту верховного главнокомандующего несет на себе печать величия». А Гарри Гопкинс, отмечая колебания своего шефа в малых проблемах, настаивает, что «в больших вопросах — в вопросах большой, реальной, постоянной значимости — он никогда не изменял себе, никогда не спускался со своей высоты». И Элеонора Рузвельт, не лишенная критического чутья, утверждает, что на протяжении всего своего жизненного пути ФДР никогда не уклонялся от главной цели — сделать жизнь своих соотечественников лучше. «Тысяча и одно средство были использованы, изменения курса были налицо, но эта цель всегда и везде оставалась главенствующей.»

Подводя итоги, историк Артур Шлесинджер пишет, что этот президент всегда был на стороне жизни, действия, движения вперед, будущего. Его феноменальная жизненная сила мобилизовала жизненную силу его страны, и это обеспечило его историческое бессмертие.

★ ★ ★

Если Джордж Вашингтон назвал само существование североамериканской республики «великим экспериментом», то Франклин Рузвельт был, возможно, величайшим национальным экспериментатором. Со всем уважением относясь к основополагающим принципам, ФДР видел две цели — процветание страны и занятие ею достойного места в мировом сообществе. Ради реализации этих целей он готов был отказаться от всего устаревшего. Его самолет носил название «Священная корова», но именно «священные коровы увядшего порядка» более всего ощутили его тяжелую руку. Возможно, историк будущего скажет, что величайшим достижением Франклина Рузвельта стало создание преобладающего среднего класса — людей, которым есть что терять при существующем порядке и в данной стране. Это и обеспечило американскому кораблю устойчивость вопреки вавилонскому скоплению языков, рас и наций, позволило без потрясений выйти на уровень быстрого технологического обновления, вос-

принять уникальные исторические возможности, возглавить Запад, а в определенном смысле и весь мир.

Влияние Рузвельта на американскую историю огромно. Спустя более чем двадцать лет после его смерти журналист Хью Сайди писал: «В этот февральский полдень 1967 года вы можете посмотреть на лица людей, собравшихся в Восточной комнате Белого дома, и внезапно понять, что Франклин Рузвельт еще владеет Вашингтоном. Его идеи преобладают. Его люди выдержали испытание временем. Функционирующее ныне правительство является его созданием». Это влияние сказывается самыми разнообразными способами. «Три президента,— пишет Уильям Лейхтенберг,— Трумэн, Эйзенхауэр и Джонсон были теми, чьи карьеры обеспечил он, а карьера четвертого, Кеннеди, началась с выдвижения Рузвельтом его отца на высокий пост. Никто до Рузвельта не доминировал так в политической культуре своего дня». И по мнению историка Теодора Уайта, «все современные политики исходят от Франклина Рузвельта». Первый за 80 лет демократ, пришедший в Белый дом на волне общественного большинства, Рузвельт осуществил фундаментальные перемены в американской политике. Прежде всего, он создал знаменитую «рузвельтовскую коалицию» демократической партии, которая выстояла в течение многих десятилетий. Историки считают Рузвельта равным по значению Вашингтону и Линкольну.

Нет никаких сомнений в том, что Трумэн победил на выборах в Сенат от Миссури в 1934 году по одной причине: на каждом перекрестке он говорил о том, что «сердцем и душою за Рузвельта». В Вашингтоне он всегда голосовал за «Новый курс», иначе он бы не стал вице-президентом в 1944 году. В первые месяцы пребывания на посту президента он попросту показывал на портрет ФДР и убеждал: «Я стараюсь сделать лишь то, что он постарался бы сделать». Весь первый срок Трумэна эта тема развивалась в различных вариациях. В публичных речах Гарри Трумэн говорил о Франклине Рузвельте как о «величайшем президенте, которого когда-либо имела страна». 6 сентября 1945 года Трумэн удивил конгресс тем, что построил программу из 21 пункта, которая основывалась на наброске, сделанном Рузвельтом для продолжения «Нового курса» (укрепление социального страхования и проекты в духе государственного строительства в долине Теннесси). Трумэн начал свою программную речь так: «Цели нашей внутренней политики определены в долгосрочной перспективе президентом Франклином Д.Рузвельтом полтора года назад в виде экономического билля о правах. Давайте сделаем достижение этих целей основой послевоенной американкой экономической жизни».

Трумэн начал свое президентство с частых звонков и писем Элеоноре Рузвельт. Через три дня после того как он поселился в Белом доме, Трумэн написал вдове президента (которую постоянно звал Первой леди) письмо на восьми страницах. Элеонора Рузвельт дала ему несколько практических советов. Например, как вести себя с Черчиллем: «Если вы начнете говорить с ним о книгах и позволите ему

извлечь из его удивительной памяти все что угодно на свете, начиная с Барбары Фриги и кончая греческой трагедией, вы убедитесь в том, насколько вам станет легче обсуждать политические проблемы». Русских же следовало сначала рассмешить («Обычно Франклин преуспевал в этом»).

Президент Трумэн считал, что гений Рузвельта заключался не в административном таланте, а в «широком видении и оригинальных идеях». И американская элита очень быстро ощутила разницу в подборе кадров: «В группировке Трумэна не было людей с политической мудростью Тома Коркорана, блестящим умом законоведа Бена Коэна, литературным талантом Адольфа Берля, мудростью в отношениях с публикой Стива Эрли, проницательным и экономическим умом Исидора Любина и шармом Гарри Гопкинса» (У.Лейхтенберг). Генерал Воэн объяснил различие между избранниками Рузвельта и Трумэна таким образом: «После черной икры вы переходите на ветчину и яйца». Теперь важнее стало служить в 129-м артполку (где служил Трумэн в первую мировую войну), чем дружить с такими корифеями юриспруденции, как судья Феликс Франкфуртер.

В Белый дом (пишет Ч. Стоун) пришли «люди с большими животами, природным добродушием, знанием множества грязных шуток, которые видели в Вашингтоне шанс на установление полезных контактов и извлечения личной прибыли. Это были люди с гамбургерами».

Поворот к худшему в отношениях с СССР огорчил истинных рузвельтовцев. Англичанин Гарольд Ласки писал в «Нейшн» весной 1946 года в статье под названием «Если бы Рузвельт был жив»: «Будь он жив, я уверен, что недоверие в отношениях между англосаксонскими державами и Советской Россией никогда бы не приняло современных угрожающих пропорций».

Немало было критики и внутриполитического курса Трумэна. Один из членов «мозгового треста» Рузвельта писал по поводу пятнадцатилетия «Нового курса» о «возвращении демократической партии в первозданный хаос, из которого ФДР поднял ее... Трумэн попросту не обладает тем, что заставляло массы городских жителей с энтузиазмом, почти фанатически голосовать за демократов. Огромное большинство жителей больших северных городов голосовали фактически не за демократов, а за Рузвельта». В 1948 году «Нью рипаблик» объявил, что «Гарри Трумэн выиграл выборы только потому, что Франклин Рузвельт в свое время постарался так умело». А Липпман назвал победу демократов в 1948 году «одним из наиболее впечатляющих триумфов Рузвельта».

Гарри Трумэн, говоря о Линкольне и Рузвельте, обронил фразу: «Герои знают, когда умирать».

Когда Дуайт Эйзенхауэр зимой 1943 года вперыве близко увидел Франклина Рузвельта (признание своему шоферу военных лет Кей Саммерсби), он был потрясен одним только видом ФДР, «даже не говорящего ни слова. Его знаменитая улыбка магнетизировала всех присутствующих». Обычно выделявшийся Эйзенхауэр

«увял» (как и другие) в окружении великого человека. «Для всякого, стоящего на аэродроме, Франклин Рузвельт был единственным центром внимания.» Но и Рузвельт почувствовал талант Эйзенхауэра: «Я провел в Касабланке много часов с этим молодым генералом, потомком канзасских пионеров. Я знал, как умело он проделал свою тяжелую работу, как внимательно и умело он распоряжался войсками. Теперь я был уверен в его полководческих способностях». А вот слова Эйзенхауэра о главном качестве лидера: «Для того чтобы быть эффективным, любой президент должен уметь воодушевлять людей. Это самое главное в руководстве. Я часто думал о везении иметь среди лидеров лиц ранга Черчилля и Франклина Д.Рузвельта, которые полностью владели этим качеством и применяли его мастерски». О Рузвельте: «Я в огромной степени восхищался им как военным лидером. Этот человек отличался заразительным оптимизмом; совершенно очевидно, что мысль о возможности поражения никогда не приходила ему в голову несмотря на то, что он вел две войны одновременно в противоположных концах земного шара. Этого не было даже в дни самых горьких поражений в тихоокеанском бассейне. Каким-то особым способом он мог передавать свою несокрушимую уверенность американскому народу... В результате на протяжении военных лет, несмотря на политическую оппозицию по внутренним вопросам, ФДР держал нацию тесно сплоченной в процессе военнных усилий».

Эйзенхауэр всегда говорил о своих сомнениях в том, что кто-либо иной смог бы повести страну сквозь мировую войну так, как это сделал Рузвельт. Обращаясь к палате представителей, Эйзенхауэр сказал: «Его сила и несокрушимый дух позволяли черпать постоянную поддержку и уверенность в конечном решении всех проблем». Когда Эйзенхауэр стал президентом, то сравнение его с ФДР стало обычным — тот же заразительный шарм, способность говорить, умение делать простые обобщения. И Эйзенхауэр не присоединился к обличениям Рузвельта ялтинского периода. «Он не желает бросать камни в Рузвельта»,— сказал главный помощник Эйзенхауэра Шерман Адамс.

В апреле 1955 года 23 сенатора, придерживающихся самых различных убеждений, превозносили президента, десятилетие со дня смерти которого стало национальным событием. Даже его давние противники говорили, что он «изменил свое время потрясающим образом». Вспомнили, что он выдвинул генерала Маршалла, занимавшего 33-е место в списке претендентов, и распознал талант никому не известного генерала Эйзенхауэра. Возможно, всех превзошел сенатор Роберт Карр из Оклахомы: «2000 лет тому назад самая пламенная личность всех веков провозгласила: "Я пришел. чтобы вы получили жизнь и чтобы жизнь ваша была обильна..." Ни один человек из нашего поколения не сделал больше, чтобы превратить эти слова в реальность, чем Франклин Рузвельт».

Когда Эйзенхауэр победил на выборах, он получил совет от сенатора Генри Кэбота Лоджа: «Вы должны поддерживать атмосферу медового месяца как можно дольше. Рузвельт поддерживал эту атмосферу все время своего пребывания на

посту президента. Хотя небольшая группа людей ненавидела его, у него никогда не было долгого периода ожесточеннных отношений с массами населения, подобно тому, как это имело место с президентом Гувером». Сравнивая двух президентов, корреспондент «Нью-Йорк таймс» писал: «Эйзенхауэр любит людей так, как пятизвездный генерал любит свои войска — особым, отстраненным способом... Рузвельт же стремился узнать о бедах простых людей вплоть до сочувствия похмельной голове журналиста или покерной потере денег фотокорреспондента». Если на вилле Эйзенхауэра царила благочинность, то Рузвельт в Уорм-Спрингсе не упускал случая присоединить свой баритон к нестройному хору поющих.

Особая память у чернокожего населения США. Фредерик Морроу приходит к выводу: «Целое поколение черных американцев никогда не забудет того отчаянного положения, в котором они очутились во времена депрессии 30-х годов, и того факта, что благодаря Рузвельту они были накормлены и получили возможность получить работу по многим созданным Рузвельтом программам».

В мае 1958 года агентство опросов Гэллапа задало американцам вопрос: «Каких троих деятелей прошлого и настоящего вы хотели бы пригласить к себе домой?» Линкольн занял первое место, Франклин Рузвельт второе, Вашингтон — третье, Элеонора Рузвельт — шестое, Иисус Христос — одиннадцатое. Что касается суждения профессионалов, то американские историки в 1961 году причислили ФДР к разряду «великих президентов» (на фоне «средней» оценки Эйзенхауэра). Сам Эйзенхауэр в мемуарах подчеркивает «длинную тень» рузвельтовского президентства, в которую он попал.

Думая о Белом доме, Джон Кеннеди не мог избежать использования беспроигрышной карты — обращения к крупнейшему деятелю демократической партии в текущем веке. Он все больше упоминал «человека, чей прогрессивный образ стал лицом нашей партии — Франклина Д.Рузвельта». Кеннеди провел аналогию между своим призывом отказаться от самодовольства эйзенхауэровских лет и тем, как Рузвельт покончил с бездеятельностью эры Гувера. Несмотря на возрастающие свидетельства потери национальной цели и ослабление национальной воли, слова, сказанные ФДР в его первом инаугурационном послании, действенны по сию пору: «В каждую темную годину нашей национальной жизни честность и энергия руководства встречали понимание и поддержку народа, что является решающим обстоятельством в деле достижения победы». Повсеместно Кеннеди взывал к образу Рузвельта как человека твердого характера и непоколебимой решимости в час кризиса.

Решающий для Кеннеди отрезок пути в Белый дом пришелся на праймериз в Западной Вирджинии. Этот штат до 1933 года, когда ФДР стал президентом, целиком находился во власти шахтовладельцев. Рузвельт организовал коллективные договоры между работодателями и рабочими, и вскоре вся шахтерская масса ушла от республиканцев к демократам. Если в бревенчатой хижине была какая-то картинка, то это был портрет Франклина Делано Рузвельта. Именно здесь Кен-

неди отошел от своей позиции двигаться по середине дороги и его голос зазвучал по-рузвельтовски. Возможно, только это и обеспечило ему победу — «второе пришествие Рузвельта» проложило ему дорогу к лидерству в президентской гонке. Тот факт, что трое сыновей Рузвельта — Джеймс, Франклин и Эллиот — поддерживали Кеннеди, имел первостепенную значимость. Во время конвента демократов в Лос-Анджелесе «Ньюсуик» вышел под шапкой «Франклин Д.Рузвельт — мистическое присутствие в Лос-Анджелесе в 1960 году».

За день до своей номинации Дж. Кеннеди вызвал Джима Ферли в свой гостиничный номер и спросил, как бы тот вел предвыборную кампанию, если бы выдвигал в президенты ФДР. Ферли посоветовал напомнить, что у фермеров не было лучшего друга, чем ФДР. Кеннеди воспользовался советом. Во время предвыборной схватки с Никсоном Кеннеди посетил Гайд-Парк и пообещал завершить работу его (Гайд-Парка) хозяина. Он с удовольствием именовал себя ДжФК по аналогии с ФДР.

Заключительные дебаты с Никсоном Кеннеди начал с цитаты из Рузвельта. Он сказал, что «функцией президента является продолжить неоконченное Франклином Рузвельтом в тридцатые годы». А вот концовка последних — четвертых дебатов с Никсоном: «В течение 25 лет республиканская партия стояла на пути реализации программы президента Рузвельта в отношении минимальной зарплаты, строительства жилья, экономического развития, эксплуатации наших природных ресурсов, проекта долины реки Теннесси и всего прочего. И я верю, что, если мы сможем вывести вперед партию, которая верит в движение, в поход вперед, тогда мы восстановим наши позиции». Если Америка в 1936 году вышла на рандеву с судьбой, то и в 1961 году она пошла на то же свидание.

Когда спикер назвал имя Кеннеди на конвенте в Лос-Анджелесе, оркестр заиграл любимую мелодию ФДР — «Счастливые дни вернулись вновь». Спикер назвал Кеннеди величайшим демократом со времен ФДР. Журналисты сравнивали проблемы больной спины Кеннеди с полиомиелитом Рузвельта. Его изображали, подобно Рузвельту, патрицием. «Нью рипаблик»: «Каждый из них имел образование, даваемое детям высшего класса, каждый считал, что общественное служение важнее накопления денег, каждый считал достоинством достоинство. В глубине сердца оба они были патрициями и верили в достоинство личности».

Джеймс Макгрегор Бернс развил идею сходства двух политиков. «Подобно Рузвельту, Кеннеди сформировал свой либерализм из повседневной практики, а не из заученных догм; он тоже оказался зажатым между классами и традициями, блуждая между различными мирами; он также стал прагматиком, реалистом, серьезным политическим тактиком, склонным к компромиссу, иногда к разочарованию своих сторонников, чтобы реализовать движение вперед... Подобно Рузвельту, он может быть мужественным, остро интеллигентным, быстрым, отзывчивым. Кеннеди, как Рузвельт, умерен в своем поведении и в идеях. У него презрение джентль-

мена к отсутствию самодисциплины и самоорганизованности, он против выражения эмоций, личностных сцен и обид».

Историк Артур Шлесинджер-младший отмечает, что Джон Кеннеди с охотой признавал свое сходство с ФДР. «Он был бесконечно любопытен в отношении Рузвельта и часто просил найти ему цитату из Рузвельта для своих речей». В годы президентства Джона Кеннеди его брат Роберт писал: «Одним из величайших государственных деятелей нашего времени был Франклин Рузвельт. Он был творческой личностью именно потому, что предпочитал эксперименты идеологии. Он и стоявшие вокруг него люди настаивали на том, что ресурсы демократической системы больше, чем многие полагают, что можно создать систему экономической безопасности в рамках свободы».

Президент Кеннеди избавился от письменного стола Эйзенхауэра и использоал стол, за которым Рузвельт выступал с «речами у камина». Подобно Рузвельту, Кеннеди любил морские мотивы, включая модели кораблей и морские пейзажи. Упомянутый автор биографии Рузвельта А.М.Шлесинджер снабжал Кеннеди сведениями о привычках великого предшественника. Он даже учился имитировать голос ФДР. В конечном счете Джон Кеннеди за неполных три года в Белом доме упомянул ФДР сто семь раз только в официальных речах. Весной 1962 года ДжФК пошутил: «Республиканские лидеры не удовлетворяются атаками на меня, на мою жену, на моих братьев. Им недостаточно этого, и сейчас они напали на маленькую пони моей дочери по имени Макарони. Я не против атак на себя, но Макарони недовольна».

После похорон президента Кеннеди Адольф Берль, активный и при ФДР и при Кеннеди, записал в дневнике: «Рядом со мной Генри Уоллес, за ним Джим Фарли, наискосок сенатор Леман, великие и малые фигуры Нового курса...»

Для президента Линдона Джонсона Рузвельт «всегда был как отец; он говорил со мной всегда именно так. Он был единственным человеком среди всех, известных мне, который ничего не боялся. О чем бы ты ни говорил с ним, о чем бы ни спрашивал, какие бы проблемы своего округа ни обсуждал, у него был лишь один критерий обсуждения вопроса. Я знаю, что некоторые называют это демагогией; они могут давать этому явлению любое название, но ты был твердо уверен, что это был единственный критерий: будет ли это хорошо для народа?... Я не знаю, попал бы я в конгресс без него или нет, но я твердо знаю, что мое первое огромное желание получить общественную должность возникло у меня благодаря ему — как и у тысяч других молодых людей по всей стране».

Если для Трумэна ФДР никогда не служил моделью, то для Линдона Джонсона он всегда был таковой. Ни один из американских президентов не ассоциировал себя так близко с Рузвельтом, как Джонсон, который, по словам «Нью-Йорк таймс», был «настоящим искренним сторонником Нового курса». А вот мнение Джона Кеннета Гелбрейта: «Джонсон был подлинным человеком Рузвельта.

ФДР всегда был у него на уме как модель того, каким должен быть хороший президент».

Когда Линдон Джонсон стал в ноябре 1963 года президентом, он открыто провозгласил, что желает равняться на единственного президента — ФДР: «И в гордости и в покорном смирении я с готовностью признаю, что мой жизненный путь никем не был определен более, чем этим великим человеком». Линдон Джонсон избрал себе советников, которые двумя десятилетиями ранее служили Рузвельту: Эйб Фортас, Джим Роув, Анна Розенберг, Том Коркоран, Бен Коэн. Джонсон сознательно старался представить себя миру в качестве наследника Франклина Рузвельта. Весной 1964 года он говорил журналистам: «ФДР привел меня в этот дом и в этот кабинет, когда мне было всего 27 лет». Он хвалился тем, что во время войны часто проводил время ланча с Рузвельтом. Встречаясь с молодыми людьми, ЛБДжей всегда говорил о величии Рузвельта. В первый же день пребывания в Овальном кабинете он вернул назад старый письменный стол Рузвельта: «Что бы я ни чувствовал после трудного дня, я смотрю на этот стол. И я снова возвращаюсь к работе, потому что у меня возникает чувство, что я только лишь начал дело». Журналистам он сразу сказал, что поместит портрет Рузвельта «как самого талантливого человека, когда-либо жившего в нашем городе». И портрет был повешен непосредственно перед президентским креслом. Дети Рузвельта получили ответственные посты. Даже в одежде Джонсон стремился копировать своего учителя. Помощник Джонсона Билл Мойерс: «Для президента Рузвельт является настольной книгой, которую следует читать и перечитывать».

Свою программу Великого общества Джонсон считал продолжением «Нового курса». И ему нравилось, когда журналисты называли его законодательство вторым изданием «Нового курса», второй атакой на бедность в стране: «Слабые, скромные и бедные в этой жизни и на этой земле должны быть вместе с нами. Мы никогда не должны о них забывать. Президент Рузвельт никогда не забывал о них». В октябре 1964 года в Калифорнии: «Я помню первого президента, которого я видел собственными глазами, самого великого президента, которого я знал. Я видел его стоящим в стальных протезах, с болью в ногах, мукой в лице, но с надеждой в глазах... Был дождливый, холодный мартовский день 1933 года. Банки закрывались по всей стране. Люди жгли свое зерно, хлопок продавали по пять центов. Работу найти было невозможно, а очереди за помощью стояли до горизонта... Но этот человек, сойдя с инвалидной коляски, взял в руки микрофон, выдвинул нижнюю челюсть вперед и насытил электричеством нацию. Он спас республику... Единственное, чего должна бояться Америка, так это страха».

Выдвигая программу «Медикейра», президент Джонсон объявил, что стоит на основании, заложенном Рузвельтом. 12 апреля 1965 года Джонсон отметил грустную дату: «Двадцать лет назад истощенное войной, подорванное бедами и триумфами многих лет великое сердце Франклина Рузвельта остановилось. Большин-

ство из нас погрузилось во мрак того дня так, как мы прежде делили светлые дни. И где бы мы ни были, когда невероятная весть настигла нас, на момент показалось, солнце исчезло с горизонта. Но воля преодолевала, ибо он достаточно хорошо поработал, чтобы отставить в сторону жалкую тень смерти...»

★ ★ ★

Тень Рузвельта пала и на Ричарда Никсона. Его спичрайтер сказал однажды, что «призрак, который более всего определил его президентство, был призраком Франклина Делано Рузвельта». Сам президент выразился следующим образом: «Я никогда не выступал против Рузвельта. Мои друзья-республиканцы выступали, а я никогда. Потому что я восхищался им. Возможно, дело в моем происхождении, в том факте, что мой отец верил в битву Рузвельта с депрессией... И во внешней политике я чувствовал, что Рузвельт говорит за всю страну. В целом я могу сказать, что был в большей степени за Рузвельта, чем против».

В первом своем инаугурационном послании президент Никсон поставил Рузвельта в качестве образца, модели, а его достижения — в качестве точки отсчета для своей политики. Готовясь к этой речи, Никсон прочитал все предшествующие инаугурационные послания, и речи Рузвельта произвели на него наибольшее впечатление. Обоих — Рузвельта и Никсона — историк Теодор Уайт определил как «двух наиболее стойких американских политиков двадцатого века, участников пятидесятилетней американской революции».

Президент Джеральд Форд признался (в «Вашингтон пост»), что не может предложить стране «тот тип электризующего руководства, которое осуществлял ФДР». И все же есть нечто общее. Оба президента пришли в Белый дом в час, когда нужно было восстановить престиж президентства, и в этом плане их действия история признает параллельными. Будучи спрошенным о том, положительно или отрицательно он оценивает обращение Рузвельта к массовым расходам, Форд ответил: «В 33 и 34-м годах, в пик депрессии, это была абсолютно необходимая политика. Мы нуждались в стимулирующей роли федерального бюджета для оживления экономической жизни страны». Журналист констатировал, что, судя по всему, Форд восхищается Рузвельтом: « Я восхищаюсь, хотя у меня большие философские разногласия с ним. Он интригует меня как политик; я восхищен, как он умел убеждать, меня поражает сила занятой им позиции; в глубине души нельзя не прийти к выводу, что он был хорошим президентом для своей страны в свое время».

Джимми Картер начал свою предвыборную президентскую кампанию 1976 года в джорджийском Уорм-Спрингсе, где 31 год назад умер Франклин Рузвельт. Факел передавался от одного поколения другому. И Картер сделал все возможное, чтобы показать свою близость к ведущему демократу века. Он был представлен инвалидам (живущим в Уорм-Спрингсе) сыном президента — Джимми Рузвельтом. Со стены смотрел портрет Рузвельта, и по окончании церемонии оркестр за-

играл «Счастливые дни вернулись снова». Играл чернокожий ветеран военно-морских сил. Его фотография с аккордеоном в дни траура по умершему главнокомандующему облетела всю страну. «Франклин Рузвельт служил,— сказал Картер,— миллионам американских семей, голодным и оставленным без надежды в годы великой депрессии... Рузвельт знал, что наша страна может найти лучший путь; своими смелыми и энергичными действиями он восстановил доверие к нашей экономической системе, он вернул нацию к работе. Он объединил народ. И это изменило наши жизни».

Картер отчетливо понимал, что единственная дорога для него в Белый дом лежит через восстановление рузвельтовской коалиции. В октябре 1976 года, накануне решающих теледебатов с Фордом, Картер сказал, что единственным президентом, которым он восхищается, является Франклин Рузвельт: «Я всегда чувствовал, что он был нашим особым президентом». Картеру было только восемь лет, когда ФДР был впервые избран, «но он всегда был моим президентом. Я даже не задумывался, когда окружающие говорили "президент". Я знал о ком идет речь». Картер помогал строить дома по программе ВПА и, достигнув избирательного возраста, опустил свой первый бюллетень за Рузвельта. Когда он услышал в Аннаполисе горестное сообщение, его «сердце разрывалось от горя».

В своей речи согласия на номинацию перед демократическим конвентом Картер провозгласил: «Именно наша партия выдвинула человека, который вдохновил и восстановил нашу страну в ее самый мрачный час,— Франклина Д.Рузвельта». ФДР вызвал у него интерес к политике. В своей предвыборной книге «Почему не лучший?» он пишет о том, как программа укрепления фермерства, Администрация промышленного прогресса и прочие рузвельтовские начинания «вызвали у него огромный личный отклик». Особенно он ценил программу электрификации села. Когда Дж. Форд выдвинул себя претендентом, Картер сказал: «Эта кампания началась в 1932 году, когда его партия выдвинула Герберта Гувера, а наша — Франклина Рузвельта. Рузвельт двигался вперед в традициях демократической партии, он верил в нас, и он помогал нам. Он предложил минимальный уровень заработной платы в час — 25 центов. Демократический конгресс принял этот закон, 95 процентов республиканцев в конгрессе голосовали против него. Он дал электричество в фермерские дома, такие как мой. Он полагал, что люди должны иметь обеспеченную старость, он выдвинул идеи социального страхования. Это проводит разделительную черту между хорошим человеком Франклином Рузвельтом и традициями республиканцев». Журналисты писали о Картере как об «архитекторе, который стремится сделать пристройку к особняку Рузвельта». Аналитики находили общие черты: «Оба они были уверенными в себе, готовыми перевернуть все вверх дном, готовыми бросить вызов застоявшемуся порядку, недовольными самоуспокоенностью, рутинностью устоявшегося политического процесса». Картер брал города политиков за счет неожиданности и даже штурма, подобно Рузвельту. Журналисты напоминали, что Картер в 1976 году делал то

же, что и ФДР в 1932: «Он улыбается больше, чем любой другой человек в американской политической жизни».

Став президентом, Картер восстановил обычай «бесед у камина». И он всегда вспоминал, что был первым губернатором, ставшим президентом, со времен Франклина Рузвельта. Розалин Картер в своей общественной активности старалась походить на Элеонору Рузвельт. Картер создал спонсируемые правительством организации, привлекшие огромные массы молодежи. В Белый дом приходили письма граждан, которые утверждали, что снова слышат голос ФДР. Собравшиеся на празднование 75-летия первой инаугурационной речи ФДР ветераны утверждали, что «Рузвельт до сих пор сидит в Белом доме».

Приверженность демократической партии идеалам ФДР понятна. Менее объяснимо обращение к наследию Рузвельта республиканцев. Тем не менее на национальной арене — конвенте 1980 года — республиканцы обильно цитировали Франклина Рузвельта. Выходя в лидеры партии, Рональд Рейган параграф за параграфом цитировал рузвельтовские пассажи. Обескураженная «Нью-Йорк таймс» вышла с заголовком «Франклин Делано Рейган». Особенно нравилось Рейгану рузвельтовское выражение о том, что Америка вышла на рандеву со своей судьбой. Во время выдвижения кандидатуры Рейгана в президенты ФДР цитировался трижды, а открыл Рейган свою президентскую кампанию в Нью-Йорке словами: «Обеспокоенное человечество смотрит на нас, умоляя нас не уходить от встречи со своей судьбой». Пресса писала, что, «используя ФДР в качестве модели, мистер Рейган имеет в виду, что он недоволен, что он не желает быть заложником узкой идеологии. Напротив, он полагает, что должен произойти тектонический сдвиг, как в 1932 году, в менталитете американского избирателя, и он намеревается возглавить этот сдвиг». Именно для этого он «берет в заложники Франклина Рузвельта». Любимой цитатой Рейгана были слова Рузвельта, когда тот принял номинацию в июле 1932 года: «Мы должны консолидировать правительство и как честные граждане отказаться от роскоши, которая нам не по карману. Я предлагаю вам, мои друзья, сделать так, чтобы система управления всех уровней, большого и малого, стала финансово ответственной и чтобы пример показал президент Соединенных Штатов и его кабинет... Мы снова должны взять свою судьбу в свои руки».

В ходе празднеств по поводу столетия со дня рождения Рузвельта президент Рейган был неутомим, он не жалел времени. Интервьюировавший Рейгана Дэвид Маккалог отметил «очевидную любовь Рейгана к ФДР: он видит в нем родственную душу — уверенного, доброжелательного, веселого, склонного к театральным эффектам человека». Рейган голосовал за Рузвельта в 1932, 1936, 1940 и 1944 годах, он громко приветствовал Рузвельта во время парада в Демойне в 1936 году. По мнению Рейгана, вклад Рузвельта в американскую историю был большим уже благодаря только одной первой инаугурационной речи («Нам нечего бояться, кроме страха»). Рейган повторял эту фразу в самых разных обстоятельствах. Вспоминал он и речь

о карантине против агрессоров. Рейган о Рузвельте: «Он верил в свой народ. Он никогда не терял веру в нашу страну — ни на минуту... Он был великим лидером военного времени. Благодаря этому в войне было меньше ошибок, чем обычно».

По мнению Теодора Уайта, президентский стиль Рональда Рейгана был выработан под влиянием Франклина Рузвельта. Рейган выделил первые сто дней своего президентства, продолжил практику выступлений у камина. «Его стиль оставался открыто рузвельтовским всю его жизнь. Его горение было рузвельтовским горением, его метафоры прямо шли от ФДР.» Прямая цитата из Рейгана: «Как и ФДР, я стараюсь не сломать лучшего, гуманного в системе свободного правления. Я делаю все, чтобы спасти эту систему... Когда Рузвельт проезжал в открытом автомобиле, какая волна симпатии и энтузиазма царила над толпой!»

В 1980 году губернатор Арканзаса Билл Клинтон обратился к конгрессу демократической партии: «Каждый может цитировать Рузвельта, но изъятые из контекста слова значат мало. Взятые в отрыве от реальности, они очень слабо освещают суть его лидерства. Когда Франклин Рузвельт выдвигался для переизбрания в 1936 году... он возвращался на свой пост не потому, что с депрессией было покончено. Вовсе нет. Мы все еще были в зубах депрессии. Почему же тогда он возвратил себе президентский пост? Да потому что люди знали, каким является его видение Америки. Они знали, какие действия он предпримет, чтобы трансформировать страну. И они этого хотели, это самое главное — они хотели претерпеть трудности в настоящем, потому что верили, что являются частью процесса, который приведет их к лучшему будущему».

★ ★ ★

Возможно, Черчилль был более одарен, был более искусным мастером ведения переговоров, обладал большим красноречием, острее ощущал исторический процесс, безусловно, лучше писал, больше доверял советникам и помощникам, любил атмосферу противоречия. С Черчиллем окружающие (скажем, Стимсон или Элеонора Рузвельт) спорили охотнее, чем с внешне более любезным Рузвельтом. Судьба Ллойд Джорджа была схожа с судьбой Рузвельта: он, как и ФДР, реформировал структуру капитализма в своей стране и так же был ненавидим высшим классом. Подобно Рузвельту, он организовал великую коалицию и выиграл мировую войну. Но в глаза бросаются и очевидные отличия: противоположность темпераментов и степень душевного сочувствия. Аристократ Рузвельт ощущал солидарность с простыми людьми значительно острее, чем гениальный плебей Ллойд Джордж.

Прав философ Исайя Берлин, указавший на исключительную человеческую чувствительность этого человека, на его знание, сознательное и бессознательное, надежд, страха и устремлений того множества людей, которые составляют народ. Это вольное или невольное знание, считает Берлин, было главным источником его величия, его гения, его места в истории. Словно различные потоки разнообразно-

го общества отразили общую сейсмограмму в его нервной системе. Но знания было бы недостаточно. «Прежде всего,— пишет Берлин,— он был абсолютно бесстрашен. Он был одним из немногих государственных деятелей двадцатого века — да и любого века — который не имел страха перед будущим».

★ ★ ★

Признание бывает вынужденным, оно бывает спонтанным. Когда в апреле 1945 года, накануне великой победы, поезд повез тело главнокомандующего, президента и национального лидера из Уорм-Спрингса через южные штаты в Вашингтон, выражение народного отношения не смог бы организовать никто. Никто не звал тысячи американцев к железнодорожному пути, никто не просил снять шляпы и кепки, слезы лились непроизвольно. В сердце каждого народа есть нечто неподкупное, беззаветное и неистребимое. В данном случае это была благодарность мужественному человеку, сплотившему страну в ее величайших испытаниях.

Они пришли, читаем мы в пожелтевших газетах, «из маленьких городков, они вышли на перекрестки, они вышли огромной толпой в больших городах, их объединила печаль и великое уважение... Люди стояли, взявшись за руки, обняв жен и матерей. Мужчины и женщины не стыдились слез». Далекая от сентиментальности «Нью-Йорк таймс» посчитала возможным опубликовать такие слова: «И столетия спустя люди будут благодарить Бога за проведенные ФДР в Белом доме годы... Из мира ушел ярко выраженный, свежий и спонтанный интерес, выражаемый так же естественно, как дыхание, к бедам и трудностям, разочарованиям и надеждам маленького человека, скромных людей».

Когда на перевалах истории другие вожди, в других странах стараются реализовать нечто большее, чем сочувствие малому человеку и скромным людям, они демонстрируют полное незнание истории. Солидарность — вот ключевое слово. С нею мы смело можем не бояться ничего, кроме самого страха.

Именной указатель

Адамис Л. *293*
Аланбрук, лорд *340*
Андерсон Ш. *105*
Арнольд Б. *68, 175, 247, 384, 425, 510*
Арнольд, маршал *176, 198, 247*
Асквит Г. *57*
Бадольо *374, 377*
Батлер Н. *106*
Берль А. *94, 182, 187, 381, 455, 483*
Бирнс Дж. *214, 412, 464, 468*
Брайан У.Дж. *18, 48, 52, 75, 90, 143*
Бригс Л. *183*
Брук А.Ф. *393*
Буллит У. *157–159, 180, 184, 189, 193, 361*
Буш В. *276, 277, 305, 356, 451, 516*
Ванденберг А. *334, 492*
Вашингтон Дж. *9*
Ведемейер А. *484, 499*
Вильсон В. *38, 44–80, 106, 108, 282, 461, 512*
Вуд Л. *53*
Вудринг Г. *202, 526*
Галифакс, лорд *421*
Ганди Махатма *317, 326*
Гарриман А. *21, 234, 242, 261, 289, 316, 375, 379, 444, 484, 502, 505*
Геббельс Й. *324, 365, 506*
Гейзенберг Г. *329, 354, 457*
Гитлер А. *116, 129, 148, 163, 232, 278, 280, 325, 330, 362, 457, 497*
Голль Ш. де *335, 347–349, 389, 419, 470, 481*
Гопкинс Г. *115, 146, 219, 248, 270, 288, 362, 505, 527*
Громыко А.А. *381, 432, 465*
Гроувз Л. *329, 452, 497*
Грю Дж. *21, 150, 155, 273, 445*
Гувер Г. *58, 65, 66, 81, 91–93, 97, 102, 104, 107, 108*
Гудсмит С. *452, 457*
Даладье Э. *176, 184*
Даллек Р. *150, 162, 471, 476*
Даллес А. *492*
Дарлан Ж. *224, 335*
Джефферсон Т. *7, 8, 42, 49, 84, 86, 94, 136, 143, 504*
Додд У. *150, 163, 169*
Донован У. *259, 383*
Дэвис Дж. *159, 171, 244, 364, 369*
Дэвис Н. *133, 414, 488*
Жиро А. *347–349, 385*
Жолио-Кюри Ф. *460*
Иден А. *241, 292, 324, 360, 361, 363, 378, 430*
Икес Г. *131, 133, 141, 218, 227, 240, 253*
Исмей, лорд *312, 400, 401, 432*
Йергин Д. *503*
Кеннан Дж. *160, 274, 491*
Кеннеди Джозеф *59, 101, 114, 127*
Кеннеди Джон *531, 533*
Керр Р. *401, 472, 484*
Кидо, лорд *358, 425*
Кинг, адмирал *287, 309, 311, 314, 322, 345, 384, 412, 510, 525*
Киплинг Р. *519*
Киссинджер Г. *502*
Клемансо Ж. *60, 62, 152*
Колко Г. *427*
Конант Дж. *276, 329, 354, 451*
Коноэ, принц *226, 358*
Коркоран Т. *132, 517*
Кулидж К. *76, 77, 102*
Курусу Сабуро *264, 268*
Кэффери Дж. *470*
Леги У. *47, 384, 390, 393, 409, 424, 464, 477, 525*
Липпман У. *66, 93, 121, 133, 372, 431, 491*
Литвинов М.М. *291*
Лихенд М. *26, 68, 84, 87, 99, 111, 131, 168, 200, 237, 240*
Лейхтенберг У. *506, 510, 520, 523*
Ллойд Джордж Д. *62, 248*
Лотиан, лорд *226, 230*
Майский И. *336*
Макартур Д. *109, 153, 293, 421, 425, 439*
Макинтайр М. *68, 107, 111, 168, 247, 384, 404, 437*
Макинтайр Р. *121, 215, 285, 413*
Макклой Дж. *490*
Маклейш А. *376, 445, 525*
Макмиллан Г. *337*
Мао Цзэдун *358, 387, 447, 484, 495*
Маршалл Дж. *8, 131, 177, 209, 264, 313, 314, 318, 346, 360, 384, 457, 464, 500, 531*
Маунтбеттен, лорд *345, 388*
Миколайчик С. *415, 420, 421*
Молотов В. М. *303, 307–309, 395, 464, 492*
Моргентау Ганс *119*

Моргентау Генри *55, 87, 89, 94, 104, 118, 228, 480, 504*
Муссолини Б. *148, 176, 198, 206, 374, 416*
Мэрфи Р. *40, 314, 325, 334, 337*
Нагумо К. *277, 321*
Невинс А. *10, 11*
Нимиц Ч. *321, 343, 425*
Нойштадт Р. *506*
Нокс Ф. *225, 234, 265, 311, 358, 422*
Номура Н. *264, 268, 271*
Олаф, принц *486*
Осмена, президент *503*
Паттерсон Р. *329*
Паулюс Ф., фельдмаршал *351*
Перкинс Ф. *34, 41, 75, 88, 89, 205, 214, 231, 266, 391, 394, 459*
Петэн, маршал *8, 335*
Пибоди Э. *19*
Планкет Ч. *60*
Плевен А. *334*
Рейно П. *198, 202, 204, 208, 209*
Рид Т. *22*
Розенман С. *510, 517*
Рокфеллер Дж. *13*
Рокфеллер Н. *445*
Роммель Э. *312*
Рузвельт Анна *20, 33, 131, 239, 323, 402, 405, 436, 440, 462, 504*
Рузвельт Дж.-мл. *33, 75, 103, 154, 199, 249, 271, 536*
Рузвельт Дж.-ст. *13, 15, 17, 27, 33, 520*
Рузвельт С.Д. *28, 29, 36, 63, 73, 211, 237, 257*
Рузвельт Т. *13, 20, 21, 23–30, 34–40, 43–48, 56, 57, 61, 68, 75, 79, 88, 90, 106, 512, 515, 522*
Рузвельт Элеонора *16, 21, 28–31, 37, 40, 42, 50, 51, 54, 57, 60, 61, 63, 71–73, 86, 109, 123, 130, 215, 238, 257, 280, 282, 291, 322, 336, 366, 386, 402, 407, 477, 480, 505, 506, 509, 511, 521, 529*
Рузвельт Эллиот *131, 229, 350, 385, 391, 518*
Сакс А. *183*
Сартр Ж.-П. *486*
Смит А. *65, 76, 86, 87, 97, 114, 133*
Сталин И. В. *125, 245, 246, 260, 285, 293, 315, 333, 340, 352, 353, 363, 364, 368, 370, 377, 380, 391, 394, 441, 450, 463, 465, 473, 487, 493, 497, 501, 502*
Старк, адмирал *47, 236, 264, 270*
Стассен Г. *492*
Стейнбек Дж. *518*
Стеттиниус Э. *445, 449, 464, 471, 484, 499–501, 516*
Стилуэл Дж. *302, 360, 388, 446, 447*
Стимсон Г. *210, 212, 225, 237, 246, 265, 389, 415, 430, 434, 460, 485, 490, 500*
Сцилард Д. *183*
Тагвел Р. *11, 89, 94, 107, 119, 131*
Тафт У. *25, 210, 243*
Тодзио Хидеки *226, 259, 264, 266, 303, 426*
Трумэн Г. *124, 243, 423, 439, 540*
Уилки У. *234, 333, 423*
Уилс Г. *511*
Уилсон Ч. (лорд Моран) *288*
Уоллес Г. *104, 106, 107, 113, 131, 276, 426, 439, 490*
Уэллес С. *150, 195, 197, 228, 235, 270, 286, 336, 431*
Ферли Дж. *92, 98, 103, 106, 137, 214, 465*
Ферми Э. *183*
Филипс У. *51, 164, 198, 206*
Флинн Э. *92, 98, 118, 423, 465*
Форд Г. *44, 101, 151, 323*
Форрестол Дж. *456, 500, 501*
Франкфуртер Ф. *45, 449*
Фрейд З. *508*
Херст Р. *121*
Хирохито, император *269, 295, 337, 358, 371, 459*
Ховард М. *490*
Хоув Л. *92, 98, 103, 107, 241, 516*
Хэлл К. *106, 149, 153, 158, 174, 180, 190, 234, 264, 269, 283, 421, 434, 435, 454*
Хэрли С. *68, 498, 499*
Чан Кайши *288, 291, 303, 359, 376, 385, 484, 498*
Чемберлен Н. *170, 171, 176, 181, 201, 327*
Ченнолт К. *317*
Черчилль У. *55, 57, 59, 139, 191, 220, 240, 248, 285, 340, 344, 356, 368, 433, 463, 469, 485, 487*
Шихан У. *40, 41*
Шлесинджер А. *508, 527*
Шуматова *505*
Эйзенхауэр Д. *301, 305, 324, 336, 368, 374, 382, 385, 406, 442, 498, 506, 514, 525, 539*
Эйнштейн А. *504*
Эллиот Ч. *23*
Эндрю Э. *25*
Энсбери Дж. *66*
Ямамото Изороку *277, 337, 358*

Научное издание

Уткин Анатолий Иванович

РУЗВЕЛЬТ

Редакторы Е.В. Комарова, Н.Я. Липкина
Переплет М.Ю. Молчанова
Компьютерная верстка П.Ю. Аборина
Корректор Т.М. Толмачева

ЛР № 071045 от 09.06.99

Подписано в печать 07.02.2000. Гарнитура Академическая.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 34. Усл. печ. л. 44,07. Тираж 5000 экз. Заказ №250

Издательская корпорация «Логос»
105318, Москва, Измайловское ш., 4
Тел./факс: (095) 369-5668, 369-7727

По вопросам приобретения литературы
обращаться по адресу:
105318, Москва, Измайловское ш., 4
Тел./факс: (095) 369-5668, 369-7727
Электронная почта: universitas@mail.ru

Автор первой в литературе на русском языке научной биографии Ф.Рузвельта Анатолий Иванович Уткин, – известный американист, доктор исторических наук, профессор, директор Центра международных исследований Института США и Канады Российской академии наук. А.И.Уткину принадлежат более 200 научных работ по проблемам истории и международных отношений. Настоящая книга представляет собой итог многолетних исследований и кропотливой работы с подлинными документами. Она завершена автором в доме Рузвельта в Кенвуде, который можно видеть на публикуемой фотографии.

Начало 30-х годов. Соединенные Штаты Америки неумолимо погружаются в экономическую депрессию, разруху, безработицу, гражданский хаос. Потерпела крах финансовая система. Нация утратила доверие к государству. Оказалось под вопросом само будущее страны.

Никто не мог даже вообразить, что за 100 дней «Нового курса» Франклина Делано Рузвельта к американцам вернутся вера в собственные силы, энергия и динамизм. Самая притягательная фигура политической истории XX века, Рузвельт не только преодолел небывалый национальный кризис, но и сумел встать во главе победоносной коалиции антифашистских государств, превратить свою страну в общепризнанного мирового лидера. Сегодня же его жизнь и деятельность дают вдохновляющий пример российским политикам, вселяют надежду на лучшее будущее миллионам наших сограждан.

Необыкновенную судьбу необыкновенного американца полно, достоверно и захватывающе интересно освещает первый капитальный труд о выдающемся президенте США, изданный на русском языке.

ISBN 5-88439-014-9

РУЗВЕЛЬТ

А.И.Уткин